

Анатолий Громько
Андрей Кокочин

БРАТЯ
КВЕНЕДИ

Анатолий Громыко
Андрей Кокошин

Братья КЕННЕДИ

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1985

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении более двух десятков лет внимание многих людей в различных странах мира привлекает судьба братьев Джона, Роберта и Эдварда Кеннеди — крупных политических деятелей США. Их имена не сходят со страниц газет и журналов, о них написано множество книг и статей — злобных, дружественных, апологетических, ориентированных на создание очередной сенсации и призванных навсегда покончить с «легендой о Кеннеди». Во многом такой пристальный интерес к этим деятелям связан с трагической судьбой президента Джона Кеннеди и сенатора Роберта Кеннеди, павших от рук убийц в самом разгаре государственной и политической деятельности.

Гибель двух братьев, как представляется, была тесно связана с их предшествующей деятельностью, часто носившей неординарный характер, выходящей за рамки, в которых действует подавляющее большинство буржуазных политиков. Они далеко не всегда были последовательны в вопросах внутренней и особенно внешней политики, совершали немало зигзагов, осложнявших международную обстановку. Однако Джон и Роберт Кеннеди были причастны и к ряду конструктивных внешнеполитических шагов, в том числе в американо-советских отношениях, вызывавших бешеную злобу со стороны их противников на правом фланге американской политической элиты.

Видной фигурой является и последний из братьев Кеннеди — Эдвард, сенатор от штата Массачусетс и лидер либерального крыла демократической партии, принимающий самое активное участие в политической борьбе в США по центральным проблемам социальной, внешней и военной политики, занимающий по многим важным вопросам относительно конструктивную и реалистическую позицию.

С начала 80-х годов, в условиях резкого усиления милитаризма и антисоветизма во внешней политике США,

сенатор Эдвард Кеннеди находится в оппозиции к пребывающей у власти администрации Рейгана. Э. Кеннеди считается одной из наиболее вероятных кандидатур на пост президента США на конец 80-х — начало 90-х годов.

Рассмотрение деятельности братьев Кеннеди дает, на наш взгляд, возможность проникнуть в глубь ряда важных процессов в политической системе американского империализма начиная с конца 50-х годов и до наших дней, в «кухню» деятельности различных группировок монополистической буржуазии, в механизм работы государственного аппарата США, проанализировать с учетом субъективных, личностных факторов то, как принимаются в Соединенных Штатах важнейшие внешнеполитические решения.

Авторы данной книги сделали попытку выявить, какие параллелограммы сил складывались в 60—70-х годах при взаимодействии представителей различных группировок господствующего класса, в каких сочетаниях в тот или иной период присутствовали при принятии государственных решений те, кого В. И. Ленин называл «разумными капиталистами», «благоразумными представителями буржуазии», и представители «военной партии», «авантюристические элементы». Как подчеркивал В. И. Ленин, «нам не безразлично, имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму...» [I—12; с. 70].

СЕМЬЯ КЕННЕДИ

В 40-х годах XIX века Ирландия переживала тяжелые времена. Голод душил ирландских крестьян. А когда в стране в 1845 и 1846 годах случился неурожай картофеля, которым питался и стар и млад, многие из них оказались на краю гибели. Ирландцы массами эмигрировали за океан. Пароходы были забиты тысячами измученных людей. Среди них был и Патрик Кеннеди, покинувший Ирландию в 1850 году.

Кеннеди обосновались в Бостоне. Будущий отец героев этой книги — Джозеф родился в 1888 году. Он уже был американцем в третьем поколении. Отец Джозефа, Патрик Джозеф, опираясь на накопления основателя американской ветви Кеннеди, стал предпринимателем средней руки, занимаясь продажей спиртных напитков и скромными финансовыми операциями. Ему посчастливилось. Он создал «собственное дело» там, где потерпели неудачу сотни тысяч других иммигрантов и их детей, в основном пополнявших армию наемных рабочих, а то и безработных. Встав на ноги как бизнесмен, Патрик Джозеф начинает заниматься и политикой в масштабах одного из районов г. Бостона, где проживает со своей семьей. Он входит в доверие к боссам партийной машины демократов города и с их помощью без особого труда становится членом палаты представителей штата Массачусетс. Тем самым Патрик Джозеф создает своего рода трамплин для политической карьеры своих потомков.

Сын Патрика Джозефа — Джозеф рано усвоил, что в Америке деньги — это почти всегда главное. Сколотить крупный капитал стало его целью. Одновременно, следуя заветам отца, Джозеф прилагает активные усилия для повышения своего социального статуса. Молодой Джо поступает в престижный Гарвардский университет, где тогда почти не было католиков-ирландцев. Это одно из старейших и наиболее дорогостоящих высших учебных заведений Америки долгое время было практически за-

крыто для тех, кто не был англосаксом и протестантом. Но и в Гарварде Джозеф хотя и стал членом нескольких престижных студенческих клубов, однако в самые элитные клубы так и не попал.

Важным событием в жизни молодого Джо стала женитьба на дочери мэра Бостона Роуз Фитцджеральд.

Тесть Джозефа Кеннеди — Джон Ф. Фитцджеральд заслуживает того, чтобы уделить ему место в нашем повествовании. Это был профессиональный политик, добившийся поста мэра одного из важнейших американских городов после упорного восхождения по ступеням политической карьеры. Он был членом городского совета Бостона, потом членом законодательного собрания штата Массачусетс, а затем сумел стать членом палаты представителей конгресса США. На этом пути Фитцджеральд приложил немало усилий, чтобы не только войти в доверие к крупнейшим предпринимателям, но и проникнуть в привилегированные круги Бостона. Занимаясь политической деятельностью, дед будущего президента США прославился умелым обращением с рядовыми избирателями, нетрадиционными ораторскими приемами и неутомимостью в посещении самых разнообразных политических, общественных и культурных мероприятий, участие в которых могло принести ему хотя бы малейшие политические дивиденды [III—116; с. 7—8].

В результате бракосочетания Джозефа Кеннеди с Роуз Фитцджеральд возник весьма распространенный в Соединенных Штатах родственный союз между семьей предпринимателя и семьей политического деятеля, что, несомненно, во многом предопределило и жизненный путь сыновей Джозефа Кеннеди.

В 1917 году Джозеф поднялся в деловом мире еще на ступеньку выше. Он стал помощником главного управляющего судоверфи «Фоур ривер» одной из крупнейших сталелитейных и машиностроительных компаний — «Бет-лехем стил». В это время в Европе бушевала первая мировая война. Компания же, в которой работал Кеннеди, процветала на военном бизнесе. Не удивительно, что после окончания первой мировой войны Джозеф сколотил свой первый миллион долларов.

Энергичного бизнесмена заметили в ведущих финансовых кругах Бостона. Один из крупных финансистов, Стоун, берет Джозефа Кеннеди к себе на работу в качестве управляющего брокерской фирмы «Хейден, Стоун энд К°», занимающейся операциями с ценными бумагами на фондовой бирже. Джозеф быстро овладевает тай-

нами биржевых операций. Скоро он становится одним из партнеров-совладельцев фирмы и начинает играть на бирже, что приносит семье Кеннеди новые сотни тысяч долларов. Затем Джозеф расширяет круг своей деловой активности и приобретает контроль над разветвленной сетью кинотеатров Новой Англии. Именно кинопромышленность в этот период становится преимущественной сферой приложения капиталов Кеннеди. Свои главные финансовые операции он переносит в Нью-Йорк и Голливуд. В 20-х годах Джозеф уже контролирует несколько крупных кинокомпаний, которые реорганизует, а затем в благоприятный момент продает, получив в итоге солидную прибыль.

Основное состояние Джозеф Кеннеди все же сколотил не в Голливуде, а на бирже. Среди финансистов он становится «своим человеком». Джозеф был одним из тех, кого не задел крах биржи и кризис 1929 года. Утверждают, что в этот период с помощью различного рода хитроумных операций ему даже удалось нажить 15 млн. долларов.

Кеннеди оказался прозорливее многих из своих братьев по финансовым махинациям. Он заранее ощутил надвигающуюся на биржу угрозу и реалистически оценил ее масштабы. Это укрепило его авторитет в глазах ряда крупнейших представителей американской финансовой олигархии.

К 1930 году Джозеф обладает многомиллионным состоянием, основная часть которого вкладывается в недвижимость и приносит стабильный доход. У семьи Кеннеди уже с 30-х годов имеется большое число акций прибыльных нефтяных и газовых компаний.

В конце 50-х годов, накануне президентских выборов 1960 года, на которых сын Джозефа — демократ Джон Фитцджеральд побеждает республиканского кандидата Ричарда М. Никсона, общая сумма капиталов семьи Кеннеди оценивается от 200 до 400 млн. долларов, хотя сами Кеннеди утверждали, что это завышенная цифра [III—116; с. 12].

В 1929 году Джозеф создает специальный фонд для своих детей, который быстро достигает внушительных размеров. По оговоренным главой семьи условиям каждому из детей уже в 1949 году причиталось из этого фонда по 10 млн. долларов [III—167; с. 74].

Но и наличие такого состояния все же не выдвинуло Джозефа Кеннеди в число крупнейших американских монополистов. Его миллионы не могли сравниться с сотня-

ми миллионов и миллиардами Рокфеллеров, Морганов, Меллонов, Дюпонов, Карнеги. Не был он и владельцем банков и промышленных предприятий, составляющих основу экономической мощи страны.

Не совсем гладко проходило «вживание» семьи Кеннеди в высшие слои бостонского общества, и в 30-х годах состоявшего почти исключительно из семей англосаксонского происхождения протестантского или англиканского вероисповедания, считавших себя американцами в десяти и более поколениях.

В начале 30-х годов Джозеф решает заняться политикой, используя богатейший опыт и связи своего тестя. Он становится активным сторонником Франклина Д. Рузвельта, борющегося за победу на президентских выборах 1932 года. Выбор политической ориентации Джозефа никак не связан ни с программой Рузвельта, ни с идеологией ближайшего окружения последнего. Глава семьи Кеннеди просто делает на него ставку как на сильного лидера, который почти наверняка станет президентом. Эта политическая ставка делается после тщательного изучения хода предвыборной кампании Рузвельта.

Джозеф Кеннеди вносит в фонд избирательной кампании демократов из личных средств 75 тыс. долларов — весьма крупную по тем временам сумму для индивидуального политического «донора». Для этих же целей он собирает среди «друзей» еще 100 тыс. долларов; выделяются им десятки тысяч долларов и для различных местных организаций и кандидатов демократической партии. Окунувшись в политическую деятельность (пока преимущественно закулисную), Джозеф Кеннеди не забывал и о своих деловых интересах. Он не зря «вкладывал деньги» в Ф. Д. Рузвельта. Они ему затем были возвращены многократно и очень быстро с помощью тех связей, которые Кеннеди установил с семьей нового президента. Так, вскоре после отмены в Соединенных Штатах «сухого закона» Джозеф активно занялся легальным импортом крепких алкогольных напитков. (До этого он, по целому ряду сведений, вложил немалый капитал в нелегальную торговлю спиртным.) Чтобы расширить это дело и поставить его на прочную основу, Джозеф Кеннеди отправился в Европу в компании с сыном Ф. Д. Рузвельта Джимми, который свел его с крупнейшими европейскими предпринимателями в сфере торговли спиртным. В результате принадлежащая семье Кеннеди компания «Сомерсет импортерс» получила исключительные права на продажу в США таких горячительных напитков, как

джин «Гордонс», виски «Дьюарс» и «Хейг энд Хейг», ром «Рон Рико» [III—86; с. 19].

Тем временем росли не только капиталы, но и семья Кеннеди. В первые пять лет супружеской жизни у Джозефа и Роуз родилось четверо детей — Джо-младший, Джон, Розмари и Кэтлин; в последующие восемь лет к ним прибавилось еще трое — Юнис, Патриция и Роберт. Джин и Эдвард (Тэдди) родились значительно позже.

Дети были развитыми и энергичными, с большим запасом честолюбия и любознательности. С ранних лет им прививалась любовь к спорту — игре в американский футбол, теннис, к парусному спорту, плаванию, в которых они, не становясь «звездами», непременно должны были добиваться видимых успехов на любительском уровне. Самым слабым здоровьем обладал будущий президент США Джон, что резко контрастировало с атлетизмом его старшего брата Джозефа-младшего. Позднее Роберт Кеннеди писал о Джоне: «По крайней мере половину дней своей жизни на земле он испытывал острую физическую боль. У него была скарлатина, когда он был маленьким, и очень серьезные проблемы со спиной, когда он стал старше... В промежутке он переболел почти всеми возможными болезнями... Но я никогда не слышал от него жалоб. Он никогда не заикался о том, что бог обошелся с ним несправедливо» [III—94; с. VI].

Не отличаясь крепким здоровьем, Джон оказался, несмотря на все попытки родителей достичь противоположного, чуть ли не единственным ребенком в семье, читающим много и постоянно. Подростком он увлекается книгами о походе рыцарей, о приключениях первых поселенцев Америки, о военных баталиях; позднее его любимыми становятся более серьезные книги по истории и географии.

Любимцем главы семьи был первенец — Джо-младший, которого отец считал продолжением самого себя. Джозеф и Роуз воспитывали детей так, чтобы старшие были опорой и наставниками младших. Этот принцип, однако, не всегда срабатывал. Между детьми, особенно сыновьями, было развито соперничество. Джон, например, особенно остро реагировал на отношения между отцом и старшим братом и всячески старался доказать, что он не хуже последнего, вызывая его на соревнования то по борьбе, то в велогонке, в которых Джон, несмотря на общее физическое превосходство Джо, нередко одерживал победы.

К началу 30-х годов семья Кеннеди довольно прочно закрепилась на ниве американского бизнеса и политики. Остальное было, как говорится, «делом техники» — осмотрительности в финансовых делах и напористости в установлении тесных связей с удачливыми и перспективными политиками. Именно таким мощным политическим буксиром для Джозефа Кеннеди и стал впоследствии Ф. Д. Рузвельт.

Глава I

НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Когда семья еще жила в Массачусетсе, Джон Кеннеди вслед за своим братом Джо был отдан в небольшую, но очень дорогую частную школу Декстер, основанную в 1866 году при патронаже Гарвардского университета. После Декстера Джо и Джон учились в ривердейльской частной школе, а завершали свое среднее образование в школах Чоат и Кентербери в штате Коннектикут. Из этих школ только Кентербери была католической, в остальных господствовала самая элитная в Америке епископальная церковь. Поместив своих сыновей в школы, где обучались дети из высших слоев американского общества, Джозеф преследовал цель пробиться в эти слои, чтобы социальный статус его семьи сравнялся с ее имущественным положением.

После окончания школы Чоат Джон, опять же вслед за Джо-младшим, направляется отцом учиться в Лондонскую школу экономики, считавшуюся в то время самым солидным в капиталистическом мире учебным заведением по общественным наукам. Направить туда сыновей Джозефу Кеннеди посоветовал Феликс Франкфуртер, один из виднейших членов «мозгового треста» президента Ф. Д. Рузвельта, впоследствии ставший членом Верховного суда США. Франкфуртер дал рекомендательные письма к известному лейбористскому профессору Гарольду Ласки, которого хорошо знал лично и считал «лучшим преподавателем в мире». Джозеф согласился с рекомендациями Франкфуртера не без колебаний: в его глазах лейборист Ласки был социалистом, чуть ли не «красным», человеком, взгляды которого никак не укладывались в традиционную частнопредпринимательскую философию главы клана Кеннеди.

В то же время Джозеф Кеннеди был из числа тех американских дельцов, которые, видя в марксистской теории и идеологии реальную опасность для частнособственнических интересов, одновременно стремились разобраться в марксизме. И этой задаче лучше всего, по его мнению,

в качестве наставников отвечали профессора типа Г. Ласки, прославившиеся на Западе «умеренными марксистами». (На самом деле это были ревизионисты типа Бернштейна и Каутского.) Подобные соображения, видимо, и одержали верх при решении Джозефа отправить сыновей в Лондонскую школу экономики.

В Лондонской школе экономики Джон проучился совсем недолго. Одна из многих свалившихся на него болезней скоро заставила вернуться в Америку. В 1936 году он поступает в Гарвардский университет. Здесь уже учится старший брат, который блистает по всем показателям — в учебе, в спорте, в общественной жизни, став одним из ведущих деятелей гарвардского студенческого совета.

Учится Джон средне, а в спортивных и политических делах его преследуют многочисленные неудачи. В Гарварде спортом номер один, успехами в котором можно заработать авторитет в глазах студентов и преподавателей, является американский футбол. Элитные учебные заведения Соединенных Штатов заимствовали методы воспитания у английской аристократии, придававшей всегда большое значение физическому воспитанию своих отпрысков, особенно их занятию тяжелыми видами спорта — регби, боксом, академической греблей.

Когда Джон поступил в Гарвард, он был после всех перенесенных болезней настолько физически ослабленным, что у него практически не было шансов играть в какой-либо солидной команде. Он, однако, прилагает огромные усилия, чтобы окрепнуть и прибавить в весе. Одновременно он настойчиво совершенствует технику игры в американский футбол. Но успехов на этом поприще Джон так и не достигает: для игры в первых линиях он слишком легок, для «проходного» игрока задних линий недостаточно быстр. К тому же, играя против более тяжелых противников, он получил травму позвоночника. Ее последствия будут постоянно давать о себе знать в дальнейшем.

В Гарварде Джон Кеннеди изучает государственное право и механизм деятельности буржуазного государства. Он читает много книг по истории и международным отношениям, тематика которых выходит далеко за пределы необходимого перечня литературы. В числе прочитанных Джоном книг — «Диктатура в современном мире» Стэнтона Форда, «Германия вступает в третий рейх» Калвина Гувера, автобиография Муссолини, «Экономический базис политики» Чарльза Бирда и др. В Гар-

вардской библиотеке зарегистрировано, что он выписывал из хранилища «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса и «Государство и революцию» В. И. Ленина. Наставления отца не прошли даром. Читая оригинальные работы создателей теории классовой борьбы и социальной революции, Джон с юношеских лет учится понимать тех, кто выступает против капиталистической системы.

Летом 1937 года Джон отправляется со своим однокурсником в Европу. Его первоначальные рассуждения о Франции, зафиксированные в дневнике, наивны и поверхностны, почерпнуты преимущественно из ежедневных газет. После Франции он посещает Италию, где знакомится с итальянским фашизмом в действии. Одновременно Джон следит за событиями в Испании. Как и многие другие американцы его круга, он симпатизирует фалангистам и Франко, считая их чуть ли не героями, спасающими страну от «ужасов коммунизма». Однако некоторое время спустя, познакомившись с рядом республиканцев в лагерях беженцев на Юге Франции, Джон Кеннеди уже не столь однозначен в своих симпатиях и антипатиях.

В декабре 1937 года Джозеф получает назначение на один из наиболее престижных дипломатических постов — он становится послом США в Англии. Этого назначения глава клана Кеннеди добился в остром соперничестве с другими претендентами. Для многих из окружения Рузвельта оно было большой неожиданностью. Поговаривали, что направлением к сентджеймскому двору ирландца-католика можно лишь ухудшить американо-английские отношения. Трудно сказать, какими соображениями руководствовался президент. Имеется свидетельство министра финансов администрации Рузвельта Генри Моргентау, которому президент два или три раза говорил: «Кеннеди слишком опасен, чтобы иметь его рядом...» [III—116; с. 56].

Обосновавшись в Лондоне, Джозеф сближается с «кливденской кликой» — группировкой английских аристократов и предпринимателей крайне правого толка, откровенно симпатизировавших Гитлеру. Американский посол не стесняется в выражении своих взглядов на расстановку сил в английских правящих кругах, выходя при этом далеко за рамки того, что позволено послу иностранной державы. Подобные настроения Кеннеди быстро становятся достоянием американской прессы. Весьма неприятным для президента Рузвельта оказалось

и появление в пронацистском и антисемитском издании «Социальная справедливость» (издаваемом преподобным Коглином) на целый разворот Джозефа Кеннеди в качестве «человека недели».

Поддерживая проводившуюся правительством Чемберлена политику умиротворения нацистской Германии, Кеннеди думал в первую очередь о том, чтобы направить гитлеровскую агрессию против Советского Союза, закрывая глаза на те реальные опасности, которые угрожали Англии ввиду постоянно возрастающих аппетитов главарей «третьего рейха». Не удивительно, что Рузвельт и деятели из его ближайшего окружения, более реалистически оценивавшие ситуацию в Европе, начали проявлять недовольство поведением своего посла в Лондоне. На деловом обеде в Белом доме с участием членов кабинета министр внутренних дел Чарльз Икес пошутил, сказав, что, поскольку Чемберлен решил увеличить состав своего кабинета, он должен включить в него и Джо Кеннеди [III—62; с. 712].

Когда началась вторая мировая война, Джозеф так и остался на прогерманских позициях. Это не сулило ему ничего хорошего. На прощальном обеде для своих сыновей, возвращавшихся в Соединенные Штаты, он, отбросив в сторону всякий дипломатический такт, а может быть и не имея о нем ни малейшего понятия, заявил, что немцы «зададут жару» британцам. Это стало немедленно известно английским властям. Отношение англичан к американскому послу быстро ухудшалось.

После таких «проколов» Рузвельт имел все основания отозвать Джозефа Кеннеди из Лондона, но он медлил с этим в течение нескольких месяцев по внутривнутриполитическим причинам: не хотел испортить свои отношения с лидерами католиков-ирландцев, чьи позиции в демократической партии были весьма сильны. Многоопытный Рузвельт вскоре нашел выход из этой сложной ситуации, послав в качестве своего личного эмиссара в Англию Уильяма Донована, который быстро наладил тесные связи с членами английского военного кабинета.

Пребывание в Лондоне в качестве сына посла США дало Джону богатейшие возможности общения с правящей британской элитой. Ему приходится по душе образ жизни английского высшего света. Одним из его ближайших друзей становится аристократ Дэвид Ормсби-Гор, впоследствии, когда Кеннеди стал президентом, назначенный английским послом в США. Джон Кеннеди много читает, проглатывая одну за другой книги о бри-

танской буржуазии. Он проникается уважением к английской политической культуре, значительно более утонченной, чем американская.

Любимой книгой Джона в тот период стала книга лорда Дэвида Сесила «Мельбурн» — история деятельности Вильяма Лэмба Мельбурна, одного из премьер-министров королевы Виктории. В книге описывалась деятельность группы политических деятелей, чем-то напоминавших клан Кеннеди. Джон восхищается энергией Мельбурна, разнообразием его приемов борьбы со своими противниками, а также искусством даже в сложнейших политических ситуациях достигать компромиссов. Именно искусство компромисса, как он считал, позволило английскому правящему классу создать самую стабильную по тем временам политическую систему в капиталистических странах. Английская элита лучше, чем правящие круги многих других западноевропейских государств, научилась поддерживать такое равновесие между различными соперничающими группировками, которое, во-первых, обеспечивало ей более высокий уровень сплоченности перед лицом эксплуатируемых классов, а во-вторых, оставляло простор для дебатов внутри элиты, которые могли бы в нужный момент скорректировать курс правительства в направлении, отвечающем интересам не только той или иной группировки господствующего класса, а его широким интересам.

В этот период в характере Кеннеди начинает преобладать консервативная осторожность. Он восхищен книгой Джона Бьюкена «Путь пилигрима». И это вполне понятно. Бьюкен считал идеалом людей типа Бэрка и Бальфура, которые не стали бы уничтожать «все здание лишь потому, что кое-где растрескалась штукатурка». Джон нашел у Бьюкена высказывание лорда Фолкленда, которое он любил впоследствии цитировать: «Когда менять не надо — менять не следует».

Другим героем Кеннеди становится лорд Рандольф Черчилль, отец Уинстона Черчилля. Сэр Рандольф Черчилль был видным деятелем консервативной партии в 1880-е годы, отличавшимся от многих своих коллег по партии более глубоким пониманием социальных проблем, стоявших перед Англией в тот период. Он был в числе тех немногих лидеров консерваторов, которые, чтобы предотвратить упадок партии, начали активно заигрывать с верхушкой рабочего класса и мелкой буржуазией [II — 50; с. 20 — 32].

С самим Уинстоном Черчиллем Джон долгое время

так и не встречался. (Только перед тем, как стать президентом США, отдыхая на Юге Франции, Кеннеди был однажды приглашен отобедать на яхте богатейшего греческого судовладельца Онассиса. На встрече присутствовал и Черчилль. Это был уже дряхлый старик, и, как впоследствии вспоминал Кеннеди, беседы между ними не получилось.)

Однако У. Черчилль произвел на Джона впечатление тем, что энергично отстаивал интересы правящей элиты, проявлял настойчивость и находчивость в политической борьбе, в том числе с соперниками Британии на международной арене. Такая защита интересов буржуазии своей страны весьма импонировала молодому Кеннеди.

Во время пребывания Джозефа Кеннеди в Лондоне Джон совершил еще одно путешествие по Европе и Ближнему Востоку, посетив Францию, Польшу, Советский Союз, Венгрию, Австрию, Германию, Чехословакию, Турцию, Палестину и ряд других стран. Из каждой страны он посылал отцу наблюдения и размышления об увиденном. Особенно подробным был его отчет о поездке в Палестину, в котором Джон пытался разобраться в причинах и характере арабо-еврейского конфликта [III—116; с. 62—63].

Во время посещения Берлина Кеннеди с двумя друзьями отправился на автомашине осмотреть город. Когда они проезжали мимо одного из памятников и замедлили ход, чтобы получше его рассмотреть, им представилась следующая картина: штурмовики разложили на мостовой костер из книг, орали фашистский гимн. В огонь летели произведения Маркса, Гёте, Шиллера. Увидев американцев, штурмовики завопили еще громче, а затем стали швырять камнями в машину, где находился Кеннеди. Джон и его приятели поспешно ретировались. Джон находился в полном недоумении. «Почему на нас напали?» — спросил он. Американец Вайзер Уайт, живший в Берлине, объяснил: «На нашем автомобиле прикреплен английский номерной знак...»

Так Кеннеди воочию увидел бесчинства нацистов, убедился, насколько накалена обстановка в Европе, как близка война. Видимо, эта поездка повлияла на то, что взгляды Джона на развитие обстановки в Европе, на нацистскую Германию начинают отличаться от тех, которые проповедует его отец. Джон ощущает, что нацизм — это огромная опасность для всей Европы и потенциально для Америки. Он размышляет о том, почему Англия так пассивна в отношении агрессивной по-

литики Гитлера, и не находит ответа на этот вопрос.

В 1940 году Джон с отличием заканчивает Гарвардский университет. Отец поздравляет сына и «награждает» денежным чеком на солидную сумму. Свою дипломную работу Кеннеди посвящает английской внешней политике, озаглавив ее «Умиротворение в Мюнхене». В этом сочинении Джон Кеннеди, несмотря на свои впечатления от поездки по Европе, все еще явно находится под влиянием отца: он пытается оправдать действия Чемберлена, доказывая, что английское правительство якобы было «вынуждено» проводить политику «умиротворения» под давлением английских деловых кругов и пацифистов. Эта работа впоследствии была им с помощью Джозефа Кеннеди опубликована под названием «Почему спала Англия?». Предисловие к книге по просьбе отца Джона написал мультимиллионер, владелец газетного концерна Г. Люс, отредактировал ее обозреватель «Нью-Йорк таймс» Артур Крок, связавший свою судьбу с семьей Кеннеди на многие десятилетия.

Пытаясь разобраться в причинах пассивности руководителей английской буржуазии перед надвигающейся угрозой второй мировой войны, Джон приходит к выводу, что дело здесь не столько в личности того или иного английского буржуазного политика, сколько в «общей слабости демократии». Кеннеди не смог вскрыть действительные причины, обусловившие соглашательский, мюнхенский дух английской внешней политики перед лицом давления со стороны фашистской Германии. Он объяснял эту пассивность главным образом «миролюбием западных демократий», которые, по его мнению, не занимались серьезно перевооружением, а «уповали на мир». Он «не заметил» главного: буржуазия Европы надеялась отвести от себя гитлеровскую агрессию, направив ее на восток, против Советского Союза.

Книга «Почему спала Англия?» разошлась в США и Великобритании тиражом 80 тыс. экземпляров. Она принесла молодому Кеннеди первую известность и крупный по тому времени гонорар — 40 тыс. долларов. Успеху этой книги способствовало то, что она была написана не рядовым историком или журналистом, а сыном американского посла в Англии, видного политического деятеля США, к словам которого, пусть даже высказанным через сына, прислушивались по обе стороны Атлантического океана.

В США в это время разворачиваются острые дебаты по поводу целесообразности американского участия в на-

чавшейся войне. Кипят страсти и в Гарварде, разделившемся на два лагеря. Старший брат Джо становится активным противником вовлечения Соединенных Штатов в войну, одним из лидеров гарвардских изоляционистов. Отправляясь в качестве делегата от штата Массачусетс на национальный съезд демократической партии, Джо Кеннеди выступает там против Ф. Д. Рузвельта, призывавшего усилить обороноспособность страны перед лицом растущей германской и японской угрозы. Более того, Джозеф-младший выступает в поддержку соперника Рузвельта — Джо Фарми, критика «нового курса» и рузвельтовской внешней политики, добивавшегося выдвижения кандидатом в президенты вместо Рузвельта.

Джон Кеннеди занял несколько иную позицию, хотя, судя по его упомянутой дипломной работе и книге, его взгляды мало чем отличались от взглядов Джо и отца. Он, например, пытается изменить редакционную политику главного рупора гарвардских изоляционистов газеты «Кримсон», выступая в поддержку рузвельтовского сторонника — президента Гарвардского университета Джеймса Конанта.

После нападения Японии на Пирл-Харбор Джон подает заявление о приеме в ряды сухопутных сил США. Оно отклоняется из-за болезни позвоночника. Но ему удается поступить на службу в военно-морской флот. В конце 1942 года Джон Кеннеди получает назначение в одну из тихоокеанских эскадр ВМС США. В начале 1943 года молодого офицера направляют в южную часть Тихого океана, где он командует торпедным катером. О каких-либо заметных боевых успехах этого катера ничего не известно: в составе флотилии он преимущественно нес необходимую, но однообразную патрульную службу.

Ночью 2 августа 1943 года Кеннеди едва не погиб, когда в проливе Фергюсона у Соломоновых островов шедший на предельной скорости японский эсминец «Амагири» таранил его торпедный катер PT-109, расколов судно пополам. Сильный удар отбросил стоявшего у штурвала Джона на палубу, и он ударился о нее боковой спиной. Экипаж мгновенно затонувшего торпедного катера, в том числе и командир, оказался в опасности. Кеннеди и его люди (из 13 членов экипажа погибли двое) некоторое время держались на воде, уцепившись за обломки катера, а затем с трудом доплыли до ближайшего островка, с которого их после длительных мытарств снял американский спасательный отряд. В этом

эпизоде Кеннеди проявил незаурядное личное мужество, способность руководить людьми в сложных ситуациях. В госпитале он был награжден медалью ВМС и корпуса морской пехоты.

Война, однако, не была столь милостива к его старшему брату пилоту бомбардировщика Джо. Он погиб 12 августа 1944 года, выполняя специальное задание — уничтожить стартовые площадки немецких ракет Фау-2, которыми с побережья Франции обстреливалась Англия. Его самолет, начиненный почти десятью тоннами взрывчатки, был направлен на защищенные позиции ракет Фау-2, которые практически невозможно было поразить путем обычного бомбометания. На подлете к цели Джо-зеф Кеннеди и его штурман должны были покинуть самолет, а оставшуюся часть пути он проделал бы как управляемый по радио самолет-снаряд. Однако по неизвестной причине еще над территорией Англии бомбардировщик взорвался и был вместе со своим экипажем буквально развеян по ветру. В случае успеха этой безусловно смелой по замыслу операции Джо мог бы стать национальным американским героем [III — 116; с. 1 — 27]. Гибелью Джо военные потери семьи Кеннеди не ограничились. Муж одной из дочерей Джозефа, Кэтлин, офицер английской армии маркиз Харрингтон был месяцем позже Джо убит на полях Франции.

После окончания второй мировой войны Джон пробует свои силы на журналистском поприще. В июне 1945 года в качестве представителя херстовской прессы он направляется на Сан-Францисскую конференцию, на которой, как известно, было достигнуто соглашение об учреждении Организации Объединенных Наций. В то время он увлекался утопической идеей создания мирового правительства, высказывался в пользу отказа государств от своего суверенитета, считая, что это единственный надежный путь предотвратить новые войны. Это во многом определило скептическое отношение Джона к создаваемой организации и ее Уставу. По мнению Кеннеди, ООН во многом напоминала Лигу наций, которая не смогла предотвратить второй мировой войны. Его пессимизм в отношении этой организации усиливается и из-за разговоров среди западных дипломатов о том, что «русскими будут воевать через 10 — 15 лет». В своих записях Джон тогда зафиксировал, что человечество не может себе позволить еще одну войну [II — 58; с. 77].

Вскоре Кеннеди расстаётся с журналистикой. У него просыпается желание попытаться счастья на арене полити-

ческой борьбы. Эти планы находят самую энергичную поддержку у его отца, который после смерти старшего сына стал возлагать на Джона свои честолюбивые надежды.

Преимственность политической деятельности членов семейства Кеннеди неоднократно затем подчеркивалась Джоном. «Если я умру, — заявил он однажды, — то тогда мой брат Боб захочет стать сенатором, а если что-нибудь случится с ним, то мой брат Тэдди будет стремиться попасть туда вместо нас».

В 1946 году Джон возвращается в Бостон, для того чтобы с головой окунуться в политическую жизнь города.

Политическая карьера будущего президента началась в одиннадцатом избирательном округе города Бостона по выборам в конгресс США. По свидетельству очевидцев, Джон некоторое время не мог привыкнуть к темным закулисным сторонам политической жизни штата Массачусетс. Он часто говорил: «Пришлось надеть сапоги Джо. Если бы он был жив, то мне никогда не довелось бы заниматься этим».

Джону Кеннеди было 29 лет, когда в 1947 году он избирается членом палаты представителей конгресса США. Поначалу он чувствовал себя совершенно затерявшимся среди 435 членов палаты. Однако постепенно Кеннеди осознает, что если его намерение заняться политической карьерой является «постоянным бизнесом», то необходимо позаботиться и о своей популярности. Он совершает многочисленные агитационные поездки по штату Массачусетс.

Недовольство американских трудящихся политикой правительства США в социальной области — вот тот конек, которого на первых порах оседлал Кеннеди для завоевания престижа у избирателей, и прежде всего в американских профсоюзах. Он понимает, что конгрессмену-демократу необходима поддержка правых профсоюзных лидеров и их подручных на местах, чтобы добиться успеха в борьбе с республиканскими соперниками.

Джон становится членом комитета по вопросам образования и трудовых отношений палаты представителей, где он впервые сталкивается с молодым конгрессменом-республиканцем Ричардом Никсоном. Кеннеди и Никсон были едва ли не самые молодые члены конгресса США. Как и подавляющее большинство других конгрессменов, они занимают отчетливую антикоммунистическую позицию, принимают участие в различных расследованиях,

направленных против Коммунистической партии США. Правящие круги предпринимают особенно настойчивые усилия по удалению коммунистов из профсоюзов, что им в значительной мере и удается сделать.

В стране шаг за шагом раздувается антикоммунистическая и антисоветская истерия. Существенную лепту в нее внес Ричард Никсон, занявшийся «делом» Олджера Хисса, президента престижного Фонда Карнеги. Поначалу «дело», сфабрикованное под воздействием крайне правых, не получило хода. Президент Г. Трумэн и государственный секретарь Д. Ачесон, справедливо усмотревшие в нем не только антикоммунистическую направленность, но и прямой подкоп под их позиции со стороны противоборствующих политических группировок, публично осмеяли организаторов процесса. Однако Р. Никсон с помощью провокаторов изготовил «железные» доказательства вины Хисса, и его в 1950 году упрятали в тюрьму [II—41; с. 178].

Этот процесс имел огромный резонанс и помог Никсону в глазах правых показать себя как потенциального деятеля национального масштаба. Джону не нужно было демонстрировать свои антикоммунистические взгляды для завоевания политического веса и популярности подобного рода приемами. Никсон, в социальном и культурном отношении почти что антипод Кеннеди, пробивался на вершину политической власти из самых низов американского общества, постоянно доказывая, причем часто утрированно, свою особую преданность существующей системе. Джону Кеннеди с сотнями миллионов отца, известного к тому же правоконсервативными политическими взглядами, на тех этапах политической карьеры не нужно было убеждать власть имущих в своей лояльности системе «свободного предпринимательства» и американской буржуазной демократии.

На первом плане деятельности Кеннеди в палате представителей — жилищное законодательство. И надо сказать, что целенаправленные усилия Джона повлияли на настроения избирателей его округа. Он становится все более популярен среди них. Однако жилищный законопроект, поддержанный некоторыми конгрессменами, в том числе и Кеннеди, в 1948 году был провален в палате представителей республиканцами и южными демократами (диксикратами).

Кеннеди выступает также и в роли поборника «улучшения условий труда» в США. Он ратует за усиление роли профсоюзов. Их влияние, как известно, возросло в пе-

риод президентства Рузвельта. Однако после смерти этого выдающегося президента республиканцы и южные демократы в конгрессе США повели атаку на профсоюзы, стремясь ликвидировать завоеванные ими в 30-х годах права.

Разгорелись страсти вокруг реакционного законопроекта Тафта — Хартли. Здесь от Джона Кеннеди потребовались ясная позиция и твердые суждения. В Кеннеди заговорил капиталист. Он лавирует между двумя группировками конгресса, заявляя, что не одобряет как сторонников сенатора Тафта, утверждавших, что американские профсоюзы обладают «слишком большим влиянием», так и руководителей американских профсоюзов. Так Кеннеди делает попытку примирить два противоположных подхода к проблеме трудового законодательства, говоря, что и предприниматели и профсоюзы ведут себя своекорыстно. Он критикует огульное осуждение всех видов забастовок, в то же время упрекая бастующих рабочих за их «безответственное поведение».

Лавирование Кеннеди в вопросах трудового законодательства легко объяснимо. Он действует как буржуазный политик, не связанный слишком сильно по рукам и ногам той или иной группой лоббистов. Однако дело было не только в этом. Джон боялся обострения классовой борьбы в США. «Принятие законопроекта Тафта — Хартли, — с опаской заявлял он, — повлечет за собой жестокую и опасную войну с профсоюзами и сыграет на руку профсоюзным радикалам, проповедующим доктрину классовой борьбы» [III—131; с. 78].

Законопроект Тафта — Хартли был принят подавляющим большинством голосов конгресса. Кеннеди был одним из 79 членов палаты представителей, голосовавших против данного законопроекта. Но он сделал это не столько по убеждению, сколько руководствуясь будущим. Любопытно, что впоследствии, уже после принятия конгрессом закона Тафта — Хартли, Кеннеди не поддерживал требований профсоюзов об отмене этого закона.

Только после двух лет пребывания в конгрессе Джон начинает вплотную заниматься внешней политикой. Он поддерживает «доктрину Трумэна» и «план Маршалла», призванные остановить «наступление коммунизма» и привязать Западную Европу к США с помощью так называемой «экономической помощи».

Особенно активен Джон в отношении «коммунистической угрозы» в Италии. Он многократно призывает оказать всяческую поддержку христианским демократам во

главе с де Гаспери. Такой подход Кеннеди в значительной мере рассчитан на внутреннюю американскую аудиторию: в его штате Массачусетс проживает много консервативно настроенных итальянцев-католиков, которых он, как католик, надеется включить в число своих сторонников в последующей политической деятельности. Подобным же образом Джон Кеннеди поступает и в отношении польских эмигрантских организаций, выступая перед которыми он резко критикует Рузвельта за Тегеранские и Ялтинские соглашения, в соответствии с которыми тот-де «уступил Польшу Сталину» [III — 116; с. 209].

Одновременно он критикует администрацию Трумэна за провалы в Азии, особенно за «потерю Китая».

После образования Китайской Народной Республики встревоженный Кеннеди призывает американское правительство «не допустить, чтобы надвигающаяся волна коммунизма поглотила всю Азию». Не понимая всей социальной и исторической глубины развития событий в Азии, Джон пытается объяснить потерю американским империализмом своих позиций в Китае только ошибками дипломатии Трумэна. Не удивительно, что последний невзлюбил не в меру напористого конгрессмена и не скрывал этого и впоследствии, когда Кеннеди боролся за пост президента.

С правых позиций критикует Кеннеди и политику Трумэна — Ачесона в ходе корейской войны. Он протестует против снятия с поста американского главнокомандующего на Дальнем Востоке генерала Дугласа Макартура. Однако, узнав что Макартур хотел нанести массированные бомбовые удары по Маньчжурии, с территории которой корейским патриотам оказывали помощь Советский Союз и Китайская Народная Республика, Кеннеди тут же отказывается от своей позиции в отношении зарвавшегося генерала.

Политика «холодной войны», проводившаяся правительством США против Советского Союза и других социалистических стран, оказала свое влияние на взгляды Кеннеди. Он был в числе тех в конгрессе, кто следовал генеральному курсу «холодной войны». Кеннеди выступает в пользу гонки вооружений. Он требует резкого увеличения американских ВВС, ратует за увеличение военных ассигнований.

В 1951 году Джон предпринимает продолжительную поездку по основным странам только что созданной Организации Североатлантического договора: посещает

Англию, Францию, Италию, затем направляется в Испанию, Западную Германию, а также в Югославию. Молодого и в общем-то малоизвестного конгрессмена благодаря обретенным Джозефом Кеннеди элитным связям в Западной Европе принимают на высоком уровне. Он встречается с папой Пием XII, министрами западноевропейских стран, маршалом Иосипом Броз Тито. Поездка Джона довольно широко освещается американской прессой, что было подготовлено заранее его отцом через влиятельнейших друзей — владельцев органов массовой информации. По возвращении в США Кеннеди выступает на совместном заседании комиссий по иностранным делам обеих палат конгресса США. Он убеждает членов конгресса в стратегическом значении Западной Европы для американского империализма и требует посылки туда дополнительных контингентов американских войск. Наряду с этим он призывает правительство США добиваться от своих западноевропейских партнеров более активного участия в военных усилиях НАТО, обращая внимание на то, что лишь Англия готова нести такое же бремя военных расходов, как и Соединенные Штаты [III—78].

В перспективе эта проблема надолго станет причиной значительных разногласий между США и большинством их союзников по НАТО.

Поездка в Европу с точки зрения укрепления позиций Джона Кеннеди в конгрессе и его рекламы перед избирателями дала ему немало. Усилия его отца по мобилизации прессы принесли свои плоды. Молодой конгрессмен получил репутацию специалиста по внешнеполитическим и военно-политическим вопросам.

Вскоре Джон Кеннеди совершает новую поездку за рубеж, посетив страны Ближнего Востока, а вслед за ними Пакистан, Индию, Индокитай, Малайю и Южную Корею. Наблюдая рост национально-освободительной борьбы народов против колониализма западных держав, он испытывает опасения за позиции США в самых разных географических районах. По возвращении в Вашингтон Кеннеди уже заявляет, что США «слишком сосредоточили свое внимание на Западной Европе». Он требует увеличения американской «помощи» странам Азии, Среднего и Ближнего Востока.

Не забывает Джон и о внутренних политических и социальных проблемах. В таких вопросах, как, например, гражданские свободы, Кеннеди был очень непоследователен. Он с некоторой опаской относится к крайне правым

политическим деятелям. Сложные отношения у него были, в частности, с реакционером и демагогом сенатором Джозефом Маккарти, входившим в число друзей Джозефа Кеннеди. Когда на Маккарти за то, что он слишком сильно «раскачивает лодку», ополчилось большинство конгресса, Джон предпочел остаться в стороне.

Не выступая против маккартизма, Кеннеди в то же время не шел на явное сближение с ультрареакционерами в конгрессе. Он зачастую не соглашался с критикой политики администрации США представителями правого крыла. Эти люди требовали от нее более лобовой антикоммунистической и антисоветской политики. Они заявляли, что правительство демократов является «некомпетентным и расточительным», что продолжение курса Рузвельта в социальной политике, усиление влияния государства в различных областях жизни США означают предательство идеалов капиталистического общества. В отличие от многих республиканцев и южан-диксикратов Кеннеди видел в усилении американского государственного аппарата залог укрепления международных позиций американского монополистического капитала и силу, способную снизить остроту социальных проблем внутри страны.

После нескольких лет пребывания в палате представителей Джон при активном участии отца начинает подумывать о том, чтобы сделать следующий шаг по политической лестнице. У него постепенно созревает решение подготовить почву для своего выдвижения сенатором от штата Массачусетс, где его соперником был известный республиканский сенатор Генри Кэбот Лодж. На борьбу с Лоджем Джона Кеннеди вдохновлял и пример столь же молодого Р. Никсона, который двумя годами ранее стал сенатором от штата Калифорния.

В подготовке избирательной кампании Джона в штате Массачусетс принимал участие весь клан Кеннеди, даже его мать Роуз. Она проявила недюжинные ораторские способности и всегда тонко оценивала ситуацию.

Как заметил один из друзей Кеннеди, «бедный Лодж в общем-то не имел шансов на победу. Кеннеди напоминали танковую дивизию, продвигавшуюся по всему штату». Члены клана вложили в избирательную кампанию Джона в общей сложности 70 тыс. долларов. В избирательный фонд Кеннеди также поступило более 200 других вкладов по тысяче долларов.

Избирательная штаб-квартира Кеннеди в Бостоне действовала как хорошо отлаженный механизм. Джон

оказался одним из первых в стране политических деятелей, широко и откровенно использовавших для своих политико-пропагандистских нужд специалистов по рекламе, знатоков общественной психологии. Специалисты по рекламе разрабатывали программы телевизионных передач, агитировавших за избрание Кеннеди. По всему штату книжные фургоны развозили тысячи экземпляров журнала «Ридерс дайджест» со статьей «Спасение», в которой рассказывалось о мужестве, проявленном Джоном во время войны. Для агитаторов, работавших на Кеннеди, был подготовлен специальный справочник, в котором обыгрывались сведения о голосовании Кеннеди в конгрессе. В различных уголках Массачусетса членами семьи Кеннеди устраивались приемы.

Накануне дня выборов, когда Джон совершал последнюю избирательную поездку по штату, для поднятия престижа Лоджа в Бостон прилетел и выступил там сам кандидат в президенты от республиканской партии Дуайт Эйзенхауэр. Однако и это последнее усилие республиканской партии не помогло Лоджу. Кеннеди победил его со значительным преимуществом. Лодж не смог противостоять более активной тактике Джона, его политическая машина казалась одряхлевшей по сравнению с политической машиной семьи Кеннеди. Ко дню выборов Джон побывал уже в 351 городе и поселке штата, выступив в каждом из них. Сказалось, конечно, и широкое использование им массовых средств информации для популяризации в штате своей кандидатуры.

Глава II

СЕНАТОР ОТ НОВОЙ АНГЛИИ

Победа над Генри Кэботом Лоджем сразу же сделала Джона Кеннеди фигурой национального значения. Молодой сенатор привлек внимание прессы, коллег по палате, финансовых тузов. Среди седовласых законодателей по-юношески худощавый Джон выглядел очень непривычно.

Рассказывают, что, когда в начале января 1953 года Кеннеди приехал в Вашингтон и попытался сесть в вагон подземной железной дороги, связывающей конгресс США со зданием, где расположилась канцелярия сената, местный служащий велел ему отойти в сторону, «чтобы сенаторы могли первыми войти в вагон». Джон не обиделся.

Он становится членом комитета труда и общественного благосостояния. Первые два года своей деятельности Кеннеди уделяет главным образом делам штата Массачусетс. Ему сообщают, что Лодж не расстался с мыслью снова вернуться в сенат. Поэтому Кеннеди стремится закрепить свою популярность в деловых кругах штата. Он вносит в сенат ряд законопроектов, которые были призваны стимулировать развитие текстильной, судостроительной и часовой промышленности штата. Кеннеди также добивается принятия закона о модернизации Бостонского порта. Деловой мир штата был им доволен.

Ряд довольно откровенных высказываний Кеннеди об американской политической жизни в определенной мере объясняет его поведение в сенате. В своей записной книжке он, например, отметил: «Политика — это джунгли. Это необходимость выбирать между справедливыми действиями и сохранением себя в должности, между местными интересами и национальными интересами, между частными интересами политика и общими интересами» [II — 13; с. 33].

Джон небезосновательно считал, что бескомпромиссная позиция любого буржуазного политического деятеля в защите тех или иных принципов неизбежно приведет к тому, что он «сломает себе шею» и исчезнет с политической арены. Он все лучше понимает, что американский политический деятель, для того чтобы добиться успеха, должен уметь лавировать, идти на сделки и компромиссы, как можно дольше не связывать себя с какой-либо определенной позицией. Он ориентирован не просто на успех, а на максимально возможное в рамках существующей политической системы достижение: Кеннеди серьезно начинает думать о том, как попасть в Белый дом.

Представляют интерес взаимоотношения молодого сенатора и либеральных кругов конгресса. Отношение либералов к Джону Кеннеди в период его пребывания в сенате было настороженным. Либералы ему не вполне доверяли. И у них для этого было немало оснований: достаточно вспомнить поведение Джозефа Кеннеди по отношению к президенту Рузвельту, да и двусмысленность многих выступлений и голосований самого Джона.

Когда Кеннеди попал в сенат США, маккартизм еще не исчерпал себя. Сенатор от Висконсина, окруженный многочисленными помощниками и единомышленниками, запугивал всех и вся. Войдя в раж, Маккарти доказывал,

что само правительство Трумэна является чуть ли не «прокоммунистическим».

Учитывая протесты своих избирателей, Джон пытается найти общий язык и с людьми, обеспокоенными маккартизмом. В то же время нежелание Кеннеди прямо выступить против маккартизма было расценено наиболее критически настроенными по отношению к нему либералами как фактическая поддержка действий Маккарти. Кеннеди выжидал лучших времен, когда, как он сам признавал, «буря, бушующая вокруг сенатора Маккарти», несколько утихнет.

Надо сказать, что среди сенаторов все же были такие, которые более или менее энергично выступали против действий сенатора Маккарти, например Лимэн, Фулбрайт, Фландерс. В июле 1954 года Ральф Фландерс внес в сенат резолюцию, осуждавшую Маккарти. Она вызвала бурные дебаты. Кеннеди снова предпочел остаться в тени, сделав лишь небольшое заявление, в котором обошел существо дела.

2 декабря 1954 года, в день, когда состоялось решающее голосование по резолюции, осуждавшей Маккарти, Джон лежал в хирургической больнице с обострением болезни позвоночника, ожидая операции. Позднее Кеннеди не раз пытался объяснить свое пассивное поведение в отношении Маккарти. Он, например, ссылаясь на краткосрочную службу в 1953 году его брата Роберта в аппарате Маккарти, утверждая, что ввиду этого ему, Кеннеди, «было бы бестактно» выступать против Маккарти. Впрочем, Кеннеди однажды все же признал, что его поведение в отношении Маккарти было, возможно, неправильным.

12 сентября 1953 года Джон Кеннеди женился на Жаклин Бувье. Писатель Гор Видал, родственник Жаклин, известный своим саркастическим подходом к жизни американского высшего света, охарактеризовал этот брак как «акцию в духе XVIII века: чисто деловое предприятие» [III—116; с. 258]. Представляется, что в словах Видала была значительная доля правды, несмотря на то что биографы Кеннеди из числа «правоверных кеннедитов» на протяжении многих лет утверждают прямо противоположное. Со своей будущей женой Джон познакомился весной 1951 года в доме вашингтонского корреспондента газеты «Чаттануга таймс» Чарльза Бартлетта. По своему имущественному положению семья Бувье уступала семье Кеннеди, но социальный статус первой был несомненно выше, поскольку Бувье заняли место

в американском истеблишменте на пару поколений раньше, чем Кеннеди. Основатели клана Бувье, добившись еще в первой половине XIX века в Америке успехов на финансовом поприще, к началу XX века успели породниться с патрицианскими англосаксонскими протестантскими семьями Дрекелей, Паттерсонов и Диксонов, что в социальном плане компенсировало их принадлежность к католической церкви, которая, как уже отмечалось выше, не принадлежит в США к числу наиболее престижных церквей.

Таким образом, женитьбой на Жаклин Джон приобрел не только милостивую жену, обладавшую собственным капиталом, но и дополнительный социальный статус и в известной мере значительную часть социальных связей этой семьи. Отец Жаклин, Джон Бувье, развелся с ее матерью в 1935 году. Мать вскоре вышла замуж второй раз — за Хью Окинкласса, представлявшего еще более аристократическую, по американским понятиям, семью, в глазах которой Кеннеди были явными нуворишами.

Со стороны могло показаться, что Джон — преуспевающий молодой политический деятель, обладающий большим состоянием и не знающий особых забот. Мало кто в то время знал, как тяжело он был болен. Недомогание сенатора тщательно скрывалось, так как могло стать для него серьезнейшим препятствием для рывка на вершину пирамиды власти.

Боли в поврежденном позвоночнике становились все сильнее. Первая операция не дает положительных результатов. Врачи также предупреждают Кеннеди, что у него, возможно, развивается рак крови и, вполне вероятно, он проживет недолго. Только через три года выясняется, что рака крови у него нет, а налицо лишь сильное осложнение после малярии, которой он переболел во время участия в войне на Тихом океане.

В начале 1954 года боли в позвоночнике настолько усиливаются, что Кеннеди решается на повторную операцию. Врачам, которые высказывают сомнение в успешном ее исходе, он заявляет: «Мне это безразлично, больше я так жить не могу». Джону делают вторую операцию: в его позвоночнике закрепляют стальную пластинку. Однако больному становилось все хуже. Пластинку пришлось срочно удалить.

Неизвестно, как бы сложилась далее личная жизнь и политическая карьера Джона Кеннеди, если бы весной 1955 года он не услышал о нью-йоркском враче Жаннет

Травель. Примененные ею уколы новокаина дали Кеннеди временное облегчение, а через некоторое время доктор Травель обнаружила, что в результате ранения и операций, которым подвергнулся Джон, его левая нога стала короче правой, что и способствовало усилению боли в спине. Для него были срочно заказаны специальная обувь и корсет. После этого его здоровье значительно улучшилось. Сам Кеннеди считал, что именно доктор Травель вернула его к активной жизни [III—131; с. 96—97].

Прикованный болезнью к кровати, Джон пишет книгу «Черты мужества», которая увидела свет в начале 1956 года.

Книга «Черты мужества» имела в США шумный успех. Опять постарались рецензенты, находившиеся в руках друзей Джозефа Кеннеди. Этот успех, без сомнения, способствовал дальнейшему росту популярности Джона Кеннеди. Книга попала в число бестселлеров — наиболее популярных книг. Через год после опубликования книги Кеннеди получает за нее весьма престижную Пулитцеровскую премию по разделу биографий. Джозеф Кеннеди в соответствии с негласными, но общепринятыми в США «правилами игры», используя своих друзей, активно участвовал в обработке членов совета по присуждению этой премии, что в немалой мере содействовало успеху [III — 101; с. 103]. Джону вручают диплом и деньги, которые он тут же передает негритянскому колледжу. Последний шаг был рассчитан на привлечение негритянских избирателей.

Что же представляла собой книга «Черты мужества»?

Написана она была простым и ясным языком, без злоупотребления политическим жаргоном, что делало ее понятной для среднего читателя. По существу книга посвящена роли сената в государственном механизме США. Джон фокусирует внимание на сложных ситуациях, в которых оказываются законодатели, когда решение уже невозможно оттягивать и нужно занять четкую позицию по тому или иному вопросу. Очень часто, по словам Кеннеди, американским сенаторам приходится делать выбор между обеспечением локальных узкокорыстных интересов той политической группировки, которая помогла им быть избранными и от которой зависит их дальнейшая карьера, и служением высшим интересам государства. Каждый из случаев, описанных в книге, является примером принятия соответствующими сенаторами весьма непопулярных решений, которые зачастую

ставили под вопрос или даже рушили их дальнейшую политическую карьеру. По его мнению, все эти ситуации потребовали от этих сенаторов большого личного мужества и их решения были именно результатом следования общегосударственным интересам.

Мы не будем вдаваться в анализ рассмотренных Кеннеди ситуаций, подчас сомнительной ценности поступков и позиций, выбранных им политических «героев». Книга примечательна не этим. Она отражала активный поиск самим Кеннеди собственного стиля политической деятельности; правда, многие его противники, как консерваторы, так и либералы, отнеслись к его идеям о необходимости политического мужества откровенно иронически, считая, что поведение политика Кеннеди было примером, скорее, не мужества, а ловкого маневрирования.

Апелляция к самостоятельности политического мышления и поведения в рамках буржуазной идеологии, прозвучавшая в книге, обращала на себя внимание и потому, что мрачные годы маккартизма были совсем недалеким прошлым и примиренческая позиция Джона в отношении Джозефа Маккарти оставалась свежа в памяти многих. Говорили даже, что книга была лишь актом раскаяния за фактическую поддержку сенатора-мракобеса.

Торжество семьи Кеннеди по поводу столь широкой популярности книги было омрачено выступлениями нескольких журналистов, ставивших под сомнение авторство «Черт мужества». Началось все с либеральной нью-йоркской газеты «Вилэдж войс», на страницах которой было сказано, что у Джона «был соавтор». На это заявление среагировало нью-йоркское бюро ФБР, начавшее наблюдение за группой лиц, связанных с этой газетой и стремившихся добыть более весомые подтверждения своего обвинения. Стимулировали деятельность ФБР в этом направлении, как указывает ряд источников, влиятельные союзники Джозефа Кеннеди в финансовых и политических кругах Нью-Йорка. Вмешательство ФБР помогло, видимо, приостановить деятельность упомянутой группы, однако несколькими месяцами позже, выступая по телевидению, известный «разгребатель грязи» американский журналист Дрю Пирсон заявил, что «Черты мужества» написаны не самим Джоном. Опять включилась машина соратников и союзников Кеннеди. Самым энергичным образом здесь проявил себя нью-йоркский юрист Кларк Клиффорд, который обработал Пирсона таким образом, что тот публично взял свои слова обратно

(текст этого «отречения» Пирсона был написан Теодором Соренсенем [III — 136; с. 12]). Клан Кеннеди не забыл этой услуги Клиффорда. Впоследствии с помощью Кеннеди Клиффорд достиг высших государственных постов, в том числе некоторое время был министром обороны США.

И все же вокруг всего этого поднялась шумная газетная возня, которую сразу не смогло остановить влияние Джозефа Кеннеди. Но сам Джон позднее предъявил неопровержимые доказательства (собственноручные черновики рукописи книги) того, что книга написана им, и его недругам пришлось свернуть злостную кампанию. Однако ряд биографов Кеннеди, оценивающих его деятельность с враждебных, как правило с крайне правых, позиций, игнорируют это доказательство и пишут об утверждениях Пирсона как о непреложном факте, который-де в совокупности с другими аналогичными фактами развенчивает Кеннеди как самостоятельно мыслящего человека [III—170; с. 25].

В 1956 году, во время избирательной кампании по выборам президента США, Джон объявил о своей поддержке на пост президента кандидатуры видного деятеля демократической партии Эдлая Стивенсона. Кеннеди поручает своему брату Роберту под предлогом помощи Стивенсону принять непосредственное участие в предвыборных поездках последнего по стране.

Президентская избирательная кампания 1956 года наложила свой отпечаток на взаимоотношения Джона Кеннеди и Эдлая Стивенсона на все последующие годы. Именно в это время зародилась их взаимная политическая неприязнь друг к другу. Джон рассчитывал, что Стивенсон предложит ему быть кандидатом в вице-президенты. Но это были напрасные надежды. Наиболее видные демократы не поддержали кандидатуру Кеннеди. Влиятельный деятель демократической партии Фарли, например, заявил Стивенсону: «Америка не готова избрать католика». Гарри Трумэн без колебаний заметил, что он вообще против «всей этой затеи». А спикер палаты представителей Сэм Рейбэрн презрительно сказал: «Уж если нам понадобится католик, я надеюсь, мы не выдвинем этого незначительного... Кеннеди». Стивенсон заколебался, но так и не решился откровенно сказать Джону, что его кандидатура не вызывает одобрения у лидеров демократов. До самого последнего дня съезда демократической партии Стивенсон держал Кеннеди в неведении относительно своих планов.

Впрочем, Стивенсон предоставляет Кеннеди возможность выдвинуть на съезде его, Стивенсона, кандидатуру на пост президента, и Кеннеди делает это. Стивенсона избирают кандидатом в президенты от демократической партии в первом же туре голосования. Что касается выдвижения кандидата в вице-президенты, то Стивенсон в конце концов решает не отдавать предпочтения никому из демократов, включая и Джона. Этому последний не ожидал. С согласия Стивенсона на съезде проводится открытое голосование за право баллотироваться на пост вице-президента. После напряженной борьбы верх взял сенатор Кефвер.

Джону пришлось подняться на платформу зала и скрепя сердце призвать своих сторонников отдать голоса за Кефвера. По традиции победивший кандидат должен был в конце съезда избираться единогласно.

Кеннеди понял, что Стивенсон основательно его подвел.

Продолжая политическую борьбу, Джон в 1957—1958 годах выступает за расширение правительственных ассигнований на образование и повышение минимума заработной платы, за увеличение пособий по безработице и смягчение иммиграционных квот.

В 1958 году Кеннеди вновь подтвердил свое умение завоевывать голоса избирателей. На перевыборах в сенат от штата Массачусетс он получил 73% голосов. Этому, в частности, способствовал следующий факт. В 1956 году он сумел вырвать из рук члена палаты представителей Маккормика контроль над организацией демократической партии в этом штате. Окрепи связи Кеннеди с крупнейшими предпринимателями и с партийными заправилами и в других штатах Новой Англии. Улучшались контакты с политическими, журналистскими и деловыми кругами других районов страны. В 1958 году Джон все чаще выступает в сенате, отстаивая интересы уже не только делового мира Массачусетса, но и всего региона, что дает повод журналистам, работающим над оформлением его образа в глазах американского общественного мнения, называть Кеннеди «сенатором от Новой Англии».

В 1958—1959 годах, в преддверии схватки за пост президента, Кеннеди поддерживал все предложения либерального крыла демократов в конгрессе как по социальным мероприятиям, так и по вопросу о гражданских правах. Так, например, он поддержал законопроекты, направленные против линчевания и за отмену

избирательного налога. Он уделял большое внимание и вопросу повышения минимальной почасовой заработной платы. Либеральное крыло в этот период явно усиливается, и Джону становится ясно, что без завоевания его поддержки ему не стать лидером партии.

Желание Кеннеди бороться за пост президента окрепло после того, как в 1956 году Эдлай Стивенсон потерпел на выборах поражение от президента Эйзенхауэра. По-другому шли дела у Кеннеди. Легкая победа на сенаторских выборах в штате Массачусетс в 1958 году, эффективность его избирательной машины, рост влияния в политических кругах других штатов Новой Англии убедили Джона в том, что он уже может выступить и в национальном масштабе.

Джозеф, Джон и Роберт, их ближайшие политические советники Ларри О'Брайн, Кеннет О'Доннел, Теодор Соренсен и другие тщательно обдумывают вопрос о том, какие основные препятствия могут встать на пути Джона, если он объявит о намерении выставить свою кандидатуру на пост президента США. Все сошлись на том, что основные трудности заключались в следующем.

Во-первых, никогда еще президентом США не избирался католик; во-вторых, Америка никогда еще не избирала такого молодого по возрасту президента: Джону в ноябре 1960 года, месяце выборов, было бы только 43 года; наконец, только один раз на выборах президента США победил сенатор, а не губернатор какого-либо ведущего штата или просто лидер партии.

Это были, как все понимали, достаточно веские причины, чтобы на первых порах оттолкнуть от Кеннеди заправил демократической партии. Оставался лишь один путь, чтобы убедить их в том, что Джон Кеннеди вполне может рассчитывать на победу над республиканским кандидатом. Кеннеди должен был перенести тяжесть борьбы на предварительные выборы, так называемые праймериз. Таким образом ему сразу же пришлось бы выдвинуть более четкую внутри- и внешнеполитическую программу, чем другим претендентам, которые могли бы отделываться относительно расплывчатыми и общими лозунгами. Закулисное лавирование не сбрасывалось со счетов, но оно не было тем основным способом, с помощью которого Кеннеди мог бы сразу заставить поверить в себя руководство и основную массу активистов демократической партии.

Когда различные американские политические деятели начинают борьбу за власть, то, как правило, четкого раз-

межевания сил на политической арене США как будто не заметно. Иногда можно лишь догадываться, какая монополистическая группировка поддерживает или, наоборот, выступает против того или иного кандидата. Но именно в этот период, до того, как демократическая и республиканская партии изберут своих кандидатов на пост президента США, идет острейшая борьба между различными монополистическими группировками и политическими коалициями, формирующимися на базе этих группировок, стремящихся продвинуть своего человека. А так как от каждой партии официальный кандидат на пост президента может быть только один, то, естественно, не всем монополистическим группировкам и политическим коалициям удастся продвинуть своего человека. Отсюда и ожесточенность предвыборной борьбы.

В конце 50-х годов в США велась особенно острая внутриполитическая борьба как в демократической, так и в республиканской партиях. Это вызывалось тем, что с политической арены сходил престарелый президент Дуайт Эйзенхауэр, освобождался пост, в борьбе за который ранее с ним мало кто мог соперничать.

Популярность Эйзенхауэра среди американцев в значительной степени объяснялась, конечно, не только шумихой, которая была поднята вокруг его имени в 1952 году пропагандистским аппаратом республиканской партии. Американцы не забыли, что в свое время генерал Эйзенхауэр, будучи главнокомандующим союзническими силами США и Англии в борьбе против гитлеровской Германии, внес определенный вклад в победу над фашизмом. Не последнюю роль в том, что Эйзенхауэр был популярен среди американского народа, играло и то, что при нем США пошли на заключение перемирия в Корее [II—20].

Между тем республиканская партия теряла влияние среди избирателей. Это видно хотя бы из следующего факта. В 1950 году республиканцы на выборах в конгресс получили 49 % голосов избирателей, в 1954 году — 47 %, в 1958 году — 43 %. В 1958 году республиканцы контролировали всего 14 постов губернаторов штатов из 48 и имели большинство только в 7 законодательных собраниях штатов.

Таковы были некоторые черты внутриполитической обстановки в США накануне «первого звонка», который должен был возвестить о том, что время решающей схватки претендентов на президентский пост приближается.

ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ 1960 ГОДА

28 октября 1959 года в Хианисспорте в доме Роберта Кеннеди собралась группа людей.

На совещании, созванном Джоном, присутствовало 16 человек. Не все из них сыграли значительную роль в избирательной кампании 1960 года и в последующем правлении администрации Кеннеди. Немногим из них было уготовано войти в скрижали американской политической истории; некоторые, оставаясь видными политическими и общественными деятелями многие годы спустя после гибели и Джона, и Роберта, так и не достигли тех высот, на которые они рассчитывали в перспективе, начиная борьбу за место в Белом доме своего патрона [III—17; с. 51—52].

Кто же были эти люди?

Кроме Джона и его брата Роберта в комнате присутствовали два ирландца, давние помощники Кеннеди. Один из них — Кеннет О’Доннел, спортивного вида брюнет 35 лет, бывший капитан футбольной команды Гарвардского университета, давний приятель Роберта по университету. Другой — Лоуренс О’Брайн, 42 лет, ширококулый полный мужчина. Оба они сотрудничали с семьей Кеннеди уже восемь лет.

О’Доннел и О’Брайн имели каждый свое амплуа. О’Доннел был отличным тактиком избирательных кампаний, в то время как за О’Брайном закрепилась слава превосходного организатора. Эта пара хорошо сработалась и стала своеобразным тандемом, с помощью которого Джон, оставляя позади соперников, побеждал на выборах. Используя средства семьи Кеннеди, О’Доннел и О’Брайн сумели привлечь на сторону своего патрона большое число честолюбивых молодых людей, также добивавшихся для Джона успехов в политической жизни штата Массачусетс. Оба обладали превосходным чувством юмора и слыли бóльшими либералами, чем их босс, а тем более сам Джозеф Кеннеди. Когда речь заходила о содержательной стороне политики, они выступали за продолжение Джоном Кеннеди традиций рузвельтовского «нового курса» [III—131; с. 93—94].

Недалеко от ирландцев расположился в кресле еще более молодой человек по имени Теодор Соренсен, которому тогда был 31 год. Он никогда не говорил громко. Казалось, он больше слушал, чем убеждал других. Со-

ренсен сотрудничал с Кеннеди уже семь лет. Это был знающий, высококультурный человек — юрист, умевший четко, быстро и ясно излагать свои мысли в хорошем литературном стиле. Кеннеди называл его «мой интеллектуальный банк». Но самое главное состояло в том, что Джон и Соренсен, как правило, мыслили «на одной волне». Именно Соренсену Кеннеди чаще, чем другим, поручал подготовить проекты своих речей. Соренсен стал «альтер эго» — «вторым я» Кеннеди. Он принимал самое непосредственное участие в оформлении политической платформы Кеннеди, являясь для него ведущим поставщиком идей.

Еще один участник совещания — Стивен Смит, муж сестры Джона — Джейн, человек больших административных и организаторских способностей. Впоследствии, во время избирательной кампании, он отвечал за ее финансовую сторону. На Смита также была возложена задача мобилизовать тысячи «добровольцев», которые должны были претворять в жизнь указания избирательной штаб-квартиры Кеннеди.

В числе других следует назвать Луиса Харриса, видного специалиста по изучению американского общественного мнения. Еще совсем молодым человеком Харрис создал фирму по изучению торгового рынка США. Эта работа пошла у него настолько успешно, что Кеннеди заметил Харриса и пригласил его к себе на службу.

Немаловажную роль предстояло сыграть Пьеру Селинджеру, 34 лет. В этом брюнете с округлым лицом было что-то от француза. Он имел широчайшие связи с журналистами. Впоследствии Селинджер стал представителем Джона Кеннеди по вопросам печати. Органам же массовой информации Кеннеди уделял особое внимание, оценив одним из первых среди американских политических деятелей, в частности, гигантскую силу телевидения для обработки общественного мнения страны. При этом Кеннеди учитывал не только пропагандистскую, но и политическую роль ведущих американских органов массовой информации. Он понимал, что любая из корпораций типа «Тайм», «Нью-Йорк таймс», Си-би-эс или Эн-би-си по своему влиянию на политический процесс превосходит любую равную ей по капиталу компанию в сфере промышленного производства, агробизнеса или сферы услуг. Огромное количество не столь крупных газет, журналов и телестудий принадлежит непосредственно некоторым крупнейшим промышленным корпорациям — «Вестингауз электрик», «Дженерал электрик»,

«Рейдио корпорейшн оф Америка», «Интернэшнл телеграф энд телефон» и др. [III—115; с. 169]. Сотни небольших газет, теле- и радиостанций в отдельных штатах, городах и графствах принадлежат промышленникам и финансистам, чьи основные капиталы вложены в текстильные фабрики, пивные заводы, сети магазинов и т. п. Эти органы массовой информации, как правило, самостоятельного голоса в вопросах «большой политики» не имеют, принимая в основном участие в избирательной борьбе, когда она достигает апогея, лишь на местном и реже региональном уровне.

Роль главного координатора всей кампании и ее аппарата отводилась Роберту Кеннеди.

Итак, в группе будущих руководителей избирательной кампании были представлены: организатор личной политической машины президента; тактик избирательной кампании; специалист по опросам и анализу общественного мнения (поллстер); ответственный за тесную работу с прессой; казначей — распорядитель финансов избирательной кампании; составитель речей; координатор всего аппарата, человек, стыкующий организационные, стратегические, тактические, финансовые и пропагандистские мероприятия. Конечно, это разграничение обязанностей не означало, что, например, «главный тактик» не вмешивался в содержательную сторону подготовки речей Джона Кеннеди, а «главный организатор» не влиял на решение стратегических или финансовых вопросов кампании. Наоборот, отвечая каждый за свой участок, ближайшие помощники претендента на президентский пост теснейшим образом взаимодействовали друг с другом, часто работая вместе над одним и тем же вопросом. Все они были полны энтузиазма, политических амбиций и не были еще заматеревшими политиками, для которых содержательные вопросы политического процесса представляются лишь разменной монетой в проводимой ими игре; им была свойственна не только ненасытная жажда власти, но и стремление реализовать на практике имевшиеся у них идеи.

Состав и специализация ближайшего окружения Джона Кеннеди послужили прототипом для создания аппаратов для многих других претендентов на президентский пост, а также на ведущие губернаторские и сенаторские посты.

Собравшиеся в Хианисспорте были, как нетрудно заметить, сравнительно молодые люди. Никто из них, кроме Джона Бейли, не был политическим боссом штата

или большого города. А ведь именно эти боссы, как правило, играют весьма значительную роль в избирательных кампаниях. Таким образом, осенью 1959 года Джон Кеннеди не располагал людьми из национального аппарата демократической партии. И это было естественно, так как он в общенациональном масштабе являлся все же новичком в политических джунглях. В октябре 1959 года на американском небосклоне по общепринятым стандартам сияли «звезды» куда большей величины. В их сторону и смотрело подавляющее большинство политических заправил штатов и городов, и этим «звездам» прочили победу на выборах.

Кеннеди, однако, был полон желания вступить в решающую схватку. Он собрал группу способных людей, для того чтобы детально обсудить с ними планы выдвижения своей кандидатуры на пост президента США. Конечно, их способности мало что значили, если бы семейство Кеннеди не обладало большим личным богатством, которое оно (в большей мере, чем многие другие подобные американские семьи) решило использовать для осуществления планов Джона.

В спорах и столкновении мнений рождался стратегический план, с помощью которого Кеннеди решил бороться за власть. Но здесь необходимо сказать несколько слов о предварительных выборах.

В США праймериз позволяют политическим деятелям, обладающим прочной финансовой базой, продемонстрировать свое влияние на избирателей, минуя в определенной степени политические машины партийных боссов. Профессиональные политики как республиканской, так и демократической партий США не жалуют предварительные выборы, так как на них может неожиданно всплыть на поверхность и показать свою силу кандидат, которого боссы в силу тех или иных причин не поддерживают. По их мнению, предварительные выборы к тому же забирают значительное количество средств, которые было бы целесообразнее использовать не в борьбе между собой, а на всеобщих выборах против соперников из другой партии. Праймериз, считают боссы, раскрывают тактику и аргументы кандидатов, позволяя их соперникам лучше подготовиться к основным выборам.

Настороженное отношение политических заправил обеих партий к предварительным выборам объясняется также и тем, что они почти не в состоянии запретить тому или иному кандидату выставить свою кандидатуру. Они предпочли бы вообще обходиться без предвари-

тельных выборов, так как в этом случае штаты посылали бы на национальные съезды обеих партий только «смирных делегатов», ставленников политических боссов. Так оно, собственно говоря, в США и было в течение длительного периода времени.

В период с 1865 по 1900 год отбор кандидатов в президенты от республиканской и демократической партий находился исключительно в руках политических боссов, которые единолично заправляли съездами. Подобного рода практика в конце концов перестала устраивать значительную часть правящей элиты США. Такая политическая механика не обеспечивала выдвижение на руководящие государственные посты США наиболее способных буржуазных кандидатов. В начале XX века в США стали постепенно вводиться в практику президентские предварительные выборы.

Не во всех штатах эта тенденция, которой энергично сопротивлялись политические боссы, победила. Партийные заправилы, руководствуясь корыстными интересами, продолжали блокировать принятие законодательства, которое позволило бы проводить во всех штатах праймериз. В ряде штатов решения о проведении предварительных выборов то принимались, то отменялись. В результате к 1960 году только в 16 штатах США действовала система предварительных президентских выборов [III—168; с. 66].

Так как у Джона Кеннеди не было большого числа активных сторонников в профессиональном аппарате демократической партии, то для него единственным способом продемонстрировать свое влияние на избирателей было активное участие в праймериз.

На совещании в Хианисспорте было решено основной упор сделать на праймериз в штатах Нью-Гэмпшир, Висконсин, Мэриленд, Индиана, Орегон, Западная Вирджиния, Огайо, Калифорния. В этих штатах Кеннеди должен был доказать руководителям демократической партии, что он может быть ее достойным кандидатом.

Были распределены задания. Джону Бейли досталась Новая Англия и штат Нью-Йорк, а также северная часть штата Нью-Джерси. За западные штаты отвечал чикагский юрист Раскин. Он также должен был обеспечить успех Кеннеди в своем родном штате Айова. В помощь Раскину был придан младший брат Джона Эдвард (его «объектом» в основном были штаты района Скалистых гор).

Роберту достался один из самых сложных районов.

Ему поручили наладить прочные контакты с лидерами организаций демократической партии в южных штатах и выяснить, может ли Кеннеди рассчитывать на них. О'Брайн обеспечивал создание костяка организации в поддержку Кеннеди во всех штатах. В его обязанности также входило следить за политической ситуацией в штатах Мэриленд, Индиана и Висконсин.

Несколькими основными штатами, обладавшими большим числом голосов выборщиков, такими, как Огайо, Пенсильвания, Мичиган и Калифорния, Джон решил в дальнейшем заняться сам. Ведь от успеха в этих штатах в первую очередь зависел успех всей кампании. Поэтому необходимо было установить личный контакт с руководителями местных политических машин демократической партии.

Не остались без заданий Селинджер, О'Доннел и Харрис.

А через несколько дней личный самолет Кеннеди доставил всю «команду» в Вашингтон. Отсюда и из Нью-Йорка ее члены повели кропотливую работу, продолжавшуюся немногим более двух месяцев. Первые результаты вселяли надежду. Но об этом было известно лишь приближенным Джона. Оставалось открыто бросить вызов соперникам.

2 января 1960 года, к удивлению многих, сравнительно малоизвестный (как потенциальный претендент на президентский пост) сенатор Джон Фитцджеральд Кеннеди объявил о том, что выдвигает свою кандидатуру на пост президента Соединенных Штатов Америки. Кто были соперниками Кеннеди по демократической партии? Кто стоял на его пути к выдвижению кандидатом в президенты? Таких людей было несколько.

Поначалу основным конкурентом Кеннеди являлся сенатор Хуберт Горацио Хэмфри. В свое время он был мэром небольшого города. В 1952 году Хэмфри самым активным образом поддержал кандидатуру Эдлая Стивенсона на пост президента. При этом Хэмфри надеялся, что его «заслуги» будут оценены и ему предложат место кандидата в вице-президенты. Но эти мечты тогда не осуществились.

В 1956 году Хэмфри вновь лелеял ту же надежду. Рассказывают, что когда Стивенсон предоставил право выбора кандидата в вице-президенты съезду демократической партии и был выдвинут сенатор Кефвер, то Хэмфри заплакал от обиды. Но он не пал духом и продолжал упорно продвигаться к намеченной цели. В период

с 1956 по 1960 год сенатор развивает особую активность. Он совершает несколько поездок за рубеж, посещает Советский Союз. Известность Хэмфри среди американцев довольно быстро растет. К нему все более присматривается монополистическая печать. В 1958 году портрет Хэмфри публикуется на обложке влиятельного американского еженедельника «Тайм». Он вновь чувствует себя в силах стать лидером демократов, советуется с Эдлаем Стивенсоном и Линдоном Джонсоном. Эти два деятеля с президентскими амбициями, исходя из тактических соображений, дают ему понять, что не будут возражать против выдвижения его кандидатуры на пост президента США.

В этот период сенатор от штата Миннесота вновь полон радужных надежд. Однажды в порыве откровенности он заявил, что считает себя столь же компетентным, чтобы стать президентом США, как и любой другой кандидат, за исключением Стивенсона.

Вместе с тем Хэмфри признается, что более всего опасается Кеннеди. От внимания опытного сенатора не ускользнула массированная кампания по «продаже» американскому общественному мнению Джона Кеннеди, проводимая через многие органы массовой информации, которая явно превышала потребности его сенаторской деятельности. У Хэмфри вновь возникают серьезные опасения, что и на этот раз ему не удастся победить соперника. Он небезосновательно считал, что единственной организацией, контролируемой им, была организация штата Миннесота и что у него явно недостает денег и людей для массированной рекламной кампании. Некоторое время спустя Кеннеди победил его именно тем оружием, которого сенатор боялся, — силой денег и рекламы.

Громадное значение рекламы в американской политической жизни хорошо известно. Неамериканцу трудно себе даже представить, насколько важна реклама, для того чтобы тот или иной политический деятель имел хоть малейший шанс быть избранным в конгресс. Такая реклама стоит сотни тысяч долларов. Без них избирательная кампания — мотор без топлива, тем более когда идет борьба за высший государственный пост в стране. Здесь уже требуются миллионы и десятки миллионов.

Без денег на арене современной политической жизни Америки делать нечего. Без них политический деятель, каким бы выдающимся он ни был, просто не может рассчитывать на успех. Знаток закулисной стороны полити-

ческой жизни США Теодор Уайт откровенно признает: «Покупка признания или постановка представлений, которые способствуют приобретению известности, являются игрой богатых людей» [III—168; с. 36]. Конечно, это не значит, что человек, решивший ввязаться в политическую борьбу в США, должен обязательно обладать большим личным капиталом. Но если такого капитала у него нет, то тогда доллары должны быть брошены на алтарь предвыборной борьбы другим лицом или лицами.

С самого начала избирательной кампании Хэмфри было ясно, что он не сможет принять участия в стольких праймериз, как это намечал сделать Кеннеди. Однако Хэмфри, так же как и его соперник, верил в свою популярность. Поэтому он и надеялся выстоять в борьбе с избирательной машиной конкурента. Так же как и Кеннеди, он хотел доказать демократической партии, что является тем человеком, который пользуется авторитетом у избирателей и обеспечит на всеобщих выборах победу демократам. Разница между Кеннеди и Хэмфри состояла, однако, в том, что первый обильно финансировался, в то время как второй не имел достаточно денег для борьбы со своим соперником.

Другим претендентом на пост президента был сенатор Стюарт Саймингтон.

В американских деловых кругах Саймингтон не являлся новичком. Длительное время он занимал видные правительственные посты, был сенатором. В общем Саймингтон считал, что его послужной список достаточно хорош, чтобы американские монополии признали его подходящим кандидатом на пост президента.

Минусом Саймингтона, как и Кеннеди с Хэмфри, была сравнительно малая известность за пределами своего штата, однако в отличие от них Саймингтон хотел свести риск до минимума. Он считал, что его шансы сильно упадут, если он неудачно выступит на предварительных выборах. Его тактика состояла в том, чтобы добиться поддержки руководителей демократической партии без всяких праймериз. Саймингтон стал уповать на... тупик. Он надеялся, что на съезде демократической партии ни Кеннеди, ни Хэмфри не соберут достаточно для победы числа голосов. Саймингтону представлялось, что в случае такого тупика не будет более подходящей кандидатуры на пост кандидата в президенты, чем он сам.

Саймингтон решил «завладеть крепостью изнутри», т. е. получить поддержку заправил демократической партии в штатах. Эту тактику поддержал склонявшийся на

его сторону бывший президент Трумэн. Для Саймингтона это было особенно важно. Трумэн и Саймингтон считали, что в больших американских городах и наиболее важных штатах партийные боссы признают Саймингтона наиболее удобным и покладистым кандидатом в президенты.

Саймингтон чувствовал себя уверенно еще и потому, что он был одним из наиболее рьяных защитников милитаризации экономики США. Он без устали выступал за гонку вооружений, особенно настаивая на быстрых темпах развития авиационной военной промышленности США. Он всегда поддерживал требования Пентагона. В общем, на значительную часть американских деловых кругов он производил впечатление «человека солидного, который вполне знает, что и как ему делать», и, главное, понимает «заботы» военно-промышленного комплекса.

В марте 1960 года Саймингтон объявил о том, что выдвигает свою кандидатуру на пост президента США.

Третьим конкурентом Кеннеди был сенатор Линдон Джонсон. Он также давно лелеял мечту быть выдвинутым кандидатом на пост президента США от демократической партии. В конце 50-х годов, представляя в конгрессе Техас, Джонсон был одним из ведущих представителей южных штатов в целом. Южные штаты на протяжении многих десятилетий пользовались на съездах демократической партии значительным влиянием, обладая почти 25 % голосов выборщиков.

К 1960 году намного возросла роль южных штатов, в первую очередь Техаса, в экономике Соединенных Штатов: в этих районах наблюдаются более высокие темпы экономического роста, чем на доминирующем в экономике и политической жизни страны Северо-Востоке.

Одной из важных особенностей Техаса и ряда других южных и юго-западных штатов становится бурное развитие в них военной промышленности, в первую очередь по производству самой современной боевой техники — авиационной, ракетной, электроники, радиооборудования [III — 127; с. 19 — 33]. Наиболее видными и агрессивными представителями техасской монополистической группировки к этому времени стали финансисты-нефтепромышленники Каллены из Хьюстона, Х. Л. Хант и К. У. Мэрчисон из Далласа, группа С. Ричардсона (умер в 1959 году).

Особого внимания среди упомянутых сверхбогачей заслуживает, пожалуй, Х. Л. Хант, который даже в среде

грубых и нахрапистых техасских дельцов прославился крупнейшими незаконными спекуляциями, беспощадной войной с конкурентами, жесточайшей эксплуатацией рабочих и служащих. В годы перед второй мировой войной он занялся и международными операциями, причем его первыми партнерами стали представители германских монополий, поставивших у власти Гитлера, и японских концернов, поддерживавших агрессивную армию этой страны.

Х. Л. Хант и его сыновья в послевоенный период активно вмешиваются в политическую жизнь США, щедро финансируя различных деятелей крайне правого толка, включая сенатора Джозефа Маккарти и различных отставных генералов, открыто ратовавших за ядерное нападение на Советский Союз. Семейство Хантов тратит миллионы и на пропагандистско-идеологическую обработку населения в соответствии с их архиреакционными взглядами, финансируя созданные ими такие «религиозные» и «общеобразовательные» организации, как «Фэктс форум» и «Лайф пайп». Рост могущества социалистического содружества, развитие национально-освободительного движения, деятельность различных демократических и прогрессивных организаций внутри самих Соединенных Штатов породили у Х. Л. Ханта и его семьи параноидальное представление о политике: развитие международных отношений и борьба прогрессивных сил внутри страны представляются им как непрерывная цепь зловещих заговоров. Участниками этих заговоров в их глазах являются и либералы, стремящиеся противодействовать революционным процессам путем частных реформ и компромиссов. По мнению Ханта, многие либералы из северо-восточных штатов являются участниками различных заговоров и «продают Америку коммунистам». Среди них он выделял Нельсона Рокфеллера и его братьев, выдвигая персонально и в их адрес подобные абсурдные по своей сути обвинения [III — 61; с. 126, 184, 372].

В числе руководителей упомянутой группы Ричардсонов был, в частности, Джон Коннэлли, близкий друг Линдона Джонсона, занявший в начале 60-х годов пост губернатора Техаса. Техасские финансисты, являющиеся одновременно и нефтепромышленниками, не находились в то время под контролем рокфеллеровских или меллоновских нефтяных корпораций, господствовавших в международном нефтяном картеле. Интересы техасских нефтепромышленников-финансистов резко сталкивались

с интересами их могущественных конкурентов, базирующихся на Уолл-стрите. Особенностью тexasской группировки, по оценке профессора В. С. Зорина, стало то, что она оказалась наиболее сплоченной и монолитной среди всех объединений и группировок американского монополистического капитала [II — 18; с. 69—74].

Техасские предприниматели, развернувшие на пороге 50—60-х годов деловые операции в широком национальном масштабе, жаждали дальнейшего усиления экономических позиций и получения для своих ставленников более видных мест в американской политической иерархии. В Техасе и других южных и юго-западных штатах политическая борьба отличалась особой беспардонностью, изобиловала в большей мере различными «силовыми приемами», чем в старых промышленных центрах страны, где глубже политические традиции и относительно выше общая культура населения.

Сравнивая стиль политических деятелей Техаса и других южных и юго-западных штатов со стилем политиков северо-восточных районов страны, некоторые журналисты окрестили первых «ковбоями», в то время как за вторыми закрепилось уже давно устоявшееся прозвище жителей северо-восточных штатов англосаксонского происхождения «янки». Противоборство между «ковбоями» и «янки», отражавшее борьбу различных монополистических группировок, в последующие годы еще более обострилось.

Влияние Л. Джонсона объяснялось, конечно, не только возросшей мощью тexasских «молодых денег». Длительное время он был лидером демократов в сенате и знал механизм его работы до тонкостей. От Л. Джонсона во многом зависело прохождение в сенате важнейших законопроектов, выдвигаемых той или иной администрацией. Если к тому же учесть, что спикером палаты представителей был также южанин Сэм Рэйберн, то станет ясно, что именно представители южных штатов в значительной степени контролировали механизм конгресса.

Охотно поддерживали Джонсона политические деятели, стремившиеся попасть в конгресс США. Они учитывали, что если попадут в конгресс и станут членами палаты представителей или, может быть, даже сената, то их назначения в постоянные комитеты конгресса будут производиться с помощью партийной машины, руководимой Джонсоном и Рэйберном. Вот почему хотя большинство представителей демократической партии и не

поддерживали активно кандидатуру Джонсона, но они и не препятствовали его усилиям выдвинуться среди соперников на первое место.

В октябре 1959 года на пресс-конференции в Далласе Сэм Рэйберн объявил о создании комитета по избранию Линдона Джонсона президентом США.

Наиболее известным соперником Кеннеди перед съездом демократической партии в 1960 году все же был Эдлай Стивенсон. Однако известность известностью, но в 1952 и 1956 годах он проиграл президентские выборы, будучи кандидатом от демократической партии. Учитывая это, Стивенсон решил оставаться в тени в течение всей избирательной кампании 1960 года, вплоть до национального съезда демократов в Лос-Анджелесе.

Таковы были четыре основных конкурента Джона Кеннеди, представлявшие интересы различных кругов демократической партии и претендовавшие на выдвижение кандидатами в президенты США.

Кто же были основные соперники демократов, и в частности Кеннеди, в правящей республиканской партии? Ими оказались вице-президент США Ричард Никсон и губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер.

Еще в декабре 1958 года в штате Флорида состоялось узкое совещание, в котором принял участие и Никсон. Совещание проходило на вилле самого близкого друга Никсона, бизнесмена Ребозо, который, как поговаривали, уже с 1940 года регулярно поддерживал Никсона. У Ребозо собрались «друзья Никсона», а также «специалисты по выборам» из республиканской партии. Пальму первенства в этой области все отдавали Леонарду Холлу. В свое время Холл был председателем Национального комитета республиканской партии, членом конгресса США. Он хорошо знал все «ходы» и «выходы» избирательной кампании.

Группировка Никсона сошлась отнюдь не для приятного времяпрепровождения. Обсуждался вопрос о том, как обеспечить выдвижение Ричарда Никсона на пост кандидата в президенты от республиканской партии на предстоящем съезде. Никсон был в значительной мере продуктом калифорнийской политической культуры, обладал тесными связями со многими крупнейшими промышленниками и финансистами этого штата, которые, так же как и техасцы, энергично добивались усиления своих позиций в экономике и политической жизни Соединенных Штатов. Будучи в течение восьми лет вице-президентом в администрации Эйзенхауэра, Никсон не при-

нимал сколько-нибудь заметного участия в процессе принятия решений на высшем уровне, однако постарался установить связи с различными группировками предпринимателей и политических деятелей. В частности, ему удалось добиться того, что на него стали смотреть с интересом некоторые финансисты с Уолл-стрита и руководители партийных машин Северо-Востока страны.

Наиболее опасным соперником Никсона являлся Нельсон Рокфеллер. На фоне провалов кандидатов республиканской партии в депутаты конгресса и в губернаторы на выборах 1956 года Рокфеллер выглядел «светлым пятном». На выборах губернатора штата Нью-Йорк он, например, победил своего соперника-демократа большинством более чем в полмиллиона голосов. Это была впечатляющая победа. Всем было ясно, что на этом Рокфеллер не остановится, что он будет рваться к верховной власти.

Борьба между Никсоном и Рокфеллером стала одной из главных осей предвыборной кампании республиканцев 1960 года. Перевес в этой борьбе, как известно, оказался на стороне Никсона. Правда, Рокфеллеру позднее удалось добиться от Никсона принятия многих своих требований и доказать, что и его группировка имеет большой вес в республиканской партии.

То, что Никсон взял верх над Рокфеллером, на первый взгляд один из парадоксов американской политической жизни, но он имеет свое объяснение.

О богатстве семьи Рокфеллеров виднейший американский журналист Уолтер Липпман сказал, что она не просто очень богата, но она богаче, чем когда-либо были богаты другие люди и семьи в мире. Сравнивая финансовую мощь Кеннеди и Рокфеллеров, можно, например, отметить, что если в рамках семейного капитала первых на каждого сына Джозефа Кеннеди приходилось около 10 млн. долларов, то у каждого из пяти братьев Рокфеллеров этой цифрой выражалась лишь сумма годового дохода, да и то по самой минимальной оценке [III—23; с. 236].

На деньги Рокфеллеров можно было содержать самый квалифицированный аппарат сотрудников, большое число политических консультантов. Фонд Рокфеллера и Фонд братьев Рокфеллеров, обладая сотнями миллионов долларов, финансировали многочисленные исследовательские проекты, значительная часть которых использовалась для разработки платформы претендента на президентский пост Нельсона Рокфеллера. Под руковод-

ством последнего в течение нескольких лет работала специальная группа по широкомасштабному определению проблем и задач внутренней и внешней политики правительства Соединенных Штатов, в составе которой были такие известные деятели, как бывший главнокомандующий войсками США в Европе Люшиас Клей, президент Нотрдамского университета Теодор Хесбург, президент Фонда Карнеги Джон Гарднер, бывший руководитель программы по реализации «плана Маршалла» гарвардский профессор Милтон Катц, владелец и издатель журналов «Тайм», «Лайф» и «Форчун» Генри Люс, президент корпорации «Белл энд Хауэлл» (будущий председатель сенатского комитета по иностранным делам) Чарльз Перси, профессор-ядерщик Калифорнийского университета Эдвард Теллер, вице-президент «Дженерал дайнмикс» Гордон Дин. Исполнительным директором при этом проекте был тогда совсем еще молодой профессор Гарвардского университета Генри Киссинджер. В этой группе фигурирует и некто Джастин Дарт, президент «Рексолл драг энд кемикл компании», который через несколько лет полностью отойдет от рокфеллеровской группировки республиканской партии и станет одним из ближайших друзей будущего сорокового президента США Рональда Рейгана, представителя калифорнийского правого крыла республиканской партии.

Во внутреннем социально-экономическом разделе доклада, подготовленного данной группой, основной упор делался на стимулирование государством предпринимательской деятельности в стране, с тем чтобы переломить сложившуюся в 50-х годах тенденцию низких темпов экономического роста. Одно из ведущих мест в предлагавшейся программе стимулирования бизнеса отводилось значительному снижению федеральных налогов, которое по замыслу авторов доклада вызвало бы и рост инвестиций в промышленность, и расширение потребительского спроса.

Рост производства, как считалось, способствовал бы и сокращению безработицы, которая в этот период рассматривалась монополистами как один из важнейших факторов нарастания социально-экономической нестабильности в стране. Одновременно рекомендовалось расширение работ, финансируемых федеральным правительством [III—120; с. 272—319].

Ставилась цель обеспечения ежегодного 5-процентного роста валового национального продукта США в 60-х годах, что по замыслу авторов доклада обеспечило бы

и реализацию внутренних социальных программ, и наращивание военной мощи.

На высший государственный уровень поднималась проблема образования, чего ранее в Соединенных Штатах никогда не делалось. Причиной тому были впечатляющие успехи Советского Союза в этой области, которые выразились, в частности, в выдающихся достижениях советской науки и техники — в освоении ядерной энергии, в запуске первого искусственного спутника Земли, в тяжелом машиностроении, в электроэнергетике и других.

Много внимания в этом докладе было уделено внешнеполитическим и военно-политическим вопросам. Подчеркивалась роль системы союзов под американской эгидой, призванных обеспечить «безопасность свободного мира». Откровенно говорилось о том, что эти союзы в первую очередь обеспечивают для США базы, с которых могут наноситься удары по территории СССР с применением ракетного оружия промежуточной и ближней дальности действия. В то же время авторы доклада били тревогу по поводу развития центробежных тенденций в созданных Соединенными Штатами союзах, в том числе в рамках НАТО. «Настроения в пользу нейтрализма или по крайней мере в пользу более пассивного подхода к союзу усилились в некоторых странах НАТО», — отмечалось в данном документе [III — 120; с. 133].

Группе Рокфеллера приходилось признавать, что главным источником подобных настроений в западноевропейских странах служит страх перед последствиями ядерной войны (последняя рассматривалась натовскими стратегами как вполне возможная форма применения военной силы, причем в документах Североатлантического пакта предусматривалось и предусматривается применение ядерного оружия первыми). Страх же западноевропейцев перед последствиями ядерной войны объяснялся тем, что они чувствовали себя значительно более уязвимыми, чем американцы, в силу как географического положения, так и исторических причин, а также потому, что в условиях вынужденного развития Советским Союзом межконтинентальных баллистических ракет даже буржуазия в Западной Европе все менее верила в надежность американских «ядерных гарантий». Что касается миллионов и миллионов западноевропейских граждан, то они всегда с большими опасениями относились к стремлению Пентагона рассматривать Западную Европу в ка-

честве полигона и, возможно, основного центрального фронта в ядерной войне. Такие настроения в Западной Европе нарастали и в 60-х годах. Все это не прошло мимо внимания авторов доклада. В нем содержался настойчивый призыв к сплочению НАТО, к поиску новых форм и методов консолидации западноевропейских членов этого блока вокруг Соединенных Штатов.

При рассмотрении военно-политических проблем авторы доклада подвергли критике политику администрации Эйзенхауэра, которая, по их мнению, после корейской войны не добивалась роста ассигнований на военные нужды, устанавливая «слишком низкие» бюджетные потолки, поэтому они требовали значительного увеличения военных расходов как на стратегические ядерные силы, так и на силы общего назначения. Особо отмечалось требование о развитии мобильных сил по ведению «ограниченных войн». Критиковалась и сложившаяся процедура формирования бюджета министерства обороны, которая, по мнению авторов доклада, была слишком запутанной, бюрократизированной, отвечавшей скорее интересам отдельных видов вооруженных сил и командований, чем общим «национальным интересам» [III—120; с. 149—153].

Доклад рокфеллеровской группы был издан большим тиражом и широко пропагандировался газетами и телекомпаниями, близкими к Рокфеллерам. В то же время он вызвал критику среди значительной части руководства республиканской партии, увидевшей в нем отход от ряда традиционных установок республиканцев, в первую очередь в сфере социальной политики. С точки зрения борьбы за лидерство в рамках республиканской партии этот доклад во многом имел для Н. Рокфеллера эффект, противоположный тому, на который он рассчитывал. Особенно настойчиво обыгрывали в выгодном для себя плане положения социальной политики из этого доклада правоконсервативные политические деятели из южных и западных штатов, представлявшие интересы группировок, начавших активную борьбу за власть с Рокфеллерами и их союзниками с Северо-Востока страны.

Трудность для Н. Рокфеллера заключалась в том, что далеко не все монополисты и Северо-Востока относились с энтузиазмом к его кандидатуре. Руководители финансовых и промышленных империй Морганов, Меллонов, Дюпонов были противниками усиления калифорнийских или тexasских группировок, но они не хотели видеть во главе исполнительной власти и одного из Рокфеллеров.

Этот фактор учитывал Ричард Никсон, который, как уже отмечалось выше, смог добиться поддержки в борьбе за лидерство в партии со стороны ряда влиятельнейших монополистов и политических деятелей Северо-Востока.

Весной началась пора праймериз. Избирательная машина Кеннеди заработала в полную силу. Состоявшиеся 5 апреля праймериз в штате Висконсин доказали, каким грозным оружием в избирательной борьбе Кеннеди стала эффективная организация рекламы его кандидатуры. Джон постоянно имел в своем распоряжении многоместный реактивный самолет. По всему штату проходила лихорадочная вербовка голосов избирателей с помощью клана Кеннеди. В этой борьбе приняли участие почти все его ближние и дальние родственники. По штату Висконсин разъезжали, выступая, уговаривая, обещая, братья и сестры, шурины и кузены Джона. Кампания «Голосуйте за Кеннеди!» проводилась тысячами людей.

Результаты этих усилий не замедлили сказаться. В штате Висконсин, где у Хэмфри были солидные позиции, Кеннеди выиграл: он получил 55 % голосов избирателей. Однако все понимали, что такое преимущество не было достаточно впечатляющим, чтобы убедить руководство демократической партии в том, что именно Кеннеди — самый подходящий кандидат в президенты. Нужна была более убедительная победа.

Кроме того, хотя Кеннеди и победил в большинстве избирательных округов, тем не менее в четырех округах, где большинство населения были протестантами, он потерпел поражение. Голоса, которые он получил, падали на избирательные округа преимущественно с католическим населением. Именно поэтому Джон был недоволен результатами предварительных выборов в штате Висконсин. Хэмфри, напротив, радовался, считая, что успех в четырех из десяти избирательных округов штата для него почти победа. Немаловажную роль в исходе выборов в этом штате сыграли неточные оценки степени поддержки Кеннеди в отдельных округах, сделанные его организатором опросов общественного мнения Луисом Харрисом. Так, анализ опросов Харриса показывал, что у Джона Кеннеди имелись шансы на победу в девятом и десятом избирательных округах, но практически их не было в наиболее важном втором округе, в который входит и столица Висконсина Мэдисон. В оставшийся перед выборами день Джон отправился в десятый округ, от-

чаянными усилиями пытаюсь добиться в нем перевеса в свою пользу. Когда он вернулся оттуда и стали поступать результаты выборов, то оказалось, что Хэмфри победил с большим преимуществом и в десятом и в девятом округах, а вот во втором округе, который считался безнадежно потерянным для Кеннеди, последнему не хватило лишь около 1000 голосов для победы над Хэмфри. Джон потом неоднократно сокрушался по этому поводу, считая, что если бы он вместо десятого округа в последний день бросил все усилия на Мэдисон, то его победа во втором округе была бы несомненной и общий результат праймериз по штату Висконсин оказался бы таков, что заставил бы Хэмфри уже на этом этапе отказаться от дальнейшей борьбы [III—128; с. 57].

Мрачное настроение Джона усугублялось еще и тем, что следующие предварительные выборы должны были состояться в штате Западная Вирджиния, где 95% населения были протестантами и только 5% — католиками. Вот где должна была решиться его дальнейшая судьба!

Кеннеди питал надежды, что Хэмфри, испытывая острый недостаток в средствах, откажется от последующего участия в предварительных выборах. Хэмфри, однако, с новой энергией стал наскребать деньги на продолжение избирательной кампании. Ценой больших усилий это ему удалось. Финансовые средства от «друзей» поступили.

«Друзья» в основном были людьми Эдлая Стивенсона, который был заинтересован в том, чтобы Хэмфри на предварительных выборах активно выступил против Кеннеди и даже нанес ему поражение. Сторонники Стивенсона считали, что Хэмфри, составив серьезную конкуренцию Кеннеди, добьется поддержки значительного числа голосов выборщиков и на съезде демократической партии, блокирует дорогу Джону Кеннеди. Это, по их замыслу, решающим образом способствовало бы успеху Стивенсона.

Избирательная машина Кеннеди заработала с новой силой. Раздосадованный тем, что Хэмфри продолжает борьбу, Джон обрушился на своего соперника, без обиняков заявляя, что Хэмфри не имеет никаких шансов добиться победы на съезде демократов и, следовательно, выступает лишь как подставное лицо для других кандидатов.

В Западной Вирджинии людьми Кеннеди была проделана еще бóльшая, чем в Висконсине, работа по рекламированию его персоны. «Волонтеры» развернули широ-

кую избирательную кампанию. Они разносили по домам и квартирам, рассылали по почте хвалебные брошюры о Кеннеди. По всему штату давались многочисленные светские приемы, на которых гостей агитировали за Кеннеди.

По всей стране были мобилизованы известные деятели, поддерживавшие Кеннеди. Были также использованы одноклассники Джона по школе и сослуживцы по армии, сын бывшего губернатора штата, артисты, бывшие мэры ряда городов, партийный аппарат комитета демократической партии штата Массачусетс, юристы, весь штат канцелярии Кеннеди в сенате, работники радио и телевидения. Джон и его окружение представляли дело таким образом, будто все эти люди помогали ему только из чувства симпатии. Трудно сказать, так ли это было в действительности. Но факт остается фактом: под руководством О'Брайна количество добровольцев в штате, работавших в пользу Кеннеди, к концу местной избирательной кампании достигло 9 тыс. человек. Это заставило призадуматься многих.

Ведь значительная часть этих добровольцев работала не за деньги, а в надежде на успех Джона Кеннеди, который сулил им быстрое продвижение по партийно-политической иерархии или получение выгодных постов в государственном аппарате. Таким образом, само по себе увеличение числа добровольцев у данного претендента означало, что в него верит все большее число активистов демократической партии штата Западная Вирджиния, к чему внимательно присматривались и в других штатах.

Противниками Кеннеди начали распространяться слухи о том, что в ходе избирательной кампании в штате Западная Вирджиния наблюдался широкий подкуп избирателей. В местной печати появились сообщения о том, что, например, в местечке Логан «цена голоса колеблется от 2 долларов и стопки виски до 6 долларов и шести пинт виски». Это и подобные сообщения перепечатала газета «Нью-Йорк таймс» [II—13; с. 63].

Подозрения о наличии коррупции в избирательной кампании Кеннеди подогревались не кем иным, как вице-президентом Ричардом Никсоном. Он поручил генеральному атторнею (министру юстиции) Уильяму Роджерсу самым внимательным образом «изучить» избирательную кампанию Джона Кеннеди. Роджерс подключил к «изучению» ФБР. Однако никаких результатов, которые были бы на руку Никсону, обнаружить не удалось. Возможно, ФБР не проявило особой старательности и потому, что

его руководители не были уверены в победе Никсона и предпочитали не перебегать дорогу тому, кто уже тогда имел в их глазах значительные шансы стать президентом.

С самого начала избирательной кампании в штате Западная Вирджиния Джон считал, что основным препятствием к победе над Хэмфри будет конфликт между принадлежностью Кеннеди к католической церкви и протестантским вероисповеданием подавляющего большинства избирателей. Раздумывая над тактикой избирательной кампании, Роберт приходит к несколько неожиданному выводу, что в интересах Джона сделать вопрос о религии центром дебатов [III—130; с. 213].

Джон Кеннеди во всех своих выступлениях по телевидению выражает уверенность в том, что ему не могут отказать в праве быть президентом только потому, что он католик. В частности, в одном из первых своих выступлений в этом штате Кеннеди заявил: «Никто не спрашивал меня, католик ли я, когда я поступал на службу в военно-морские силы Соединенных Штатов» [III—113; с. 166—167]. Эта тема затем обыгрывалась не раз и не два, что помогло продемонстрировать патриотизм и преодолеть антикатолический синдром избирателей в Западной Вирджинии.

Этим Джон не ограничился. Он заверял избирателей, что, став президентом, будет осуществлять государственную политику независимо от своих религиозных убеждений. Такова была психологическая атака, предпринятая Кеннеди на протестантское население штата Западная Вирджиния.

Его пропагандистский аппарат активно использовал на выборах в штате Западная Вирджиния факт участия Кеннеди в войне против Японии. Местные газеты превозносили Кеннеди как героя войны на Тихом океане, явно преувеличивая его военные подвиги. В пользу Джона в штате выступил сын бывшего президента США Рузвельта. По телевидению демонстрировался документальный фильм о Кеннеди, начинавшийся изображением торпедного катера, несущегося темной ночью по волнам Тихого океана. «Если послушать все эти рассказы, то можно подумать, что Джон сам выиграл войну», — раздраженно отзывались об этом сторонники Хэмфри.

И наконец, характерной чертой избирательной кампании Кеннеди в штате Западная Вирджиния, одном из самых бедных штатов США, была откровенная критика положения, при котором многие американские семьи

влачили полуголодное существование. Кеннеди заявлял, что он потрясен увиденным в штате. Действительно, он, никогда не испытывавший нужды, воочию убедился в том, что в Западной Вирджинии многие дети бедняков не знали вкуса молока.

Усилия машины Кеннеди вскоре начали сказываться на ходе избирательной кампании. Если первые опросы общественного мнения показали, что в штате Западная Вирджиния 64 % избирателей были настроены в пользу Хэмфри и только 36 % в пользу Кеннеди, то накануне дня предварительных выборов данные опросов говорили о том, что шансы обоих кандидатов почти уравнились.

Здесь еще раз отчетливо проявилось то, что у Хэмфри было куда меньше денег на свою избирательную кампанию, чем у Кеннеди. В ходе праймериз в штате Западная Вирджиния Хэмфри израсходовал около 25 тыс. долларов. Это, конечно, небольшая сумма по американским масштабам. В то же время расходы Джона только на рекламу по телевидению составили 34 тыс. долларов.

И вот наступило 10 мая — день предварительных выборов, который принес Джону блистательную победу.

Он «нокаутировал» Хэмфри подавляющим большинством голосов. Мрачные опасения остались позади. Победа на съезде демократической партии стала казаться Кеннеди вполне реальной.

Победа Джона Кеннеди на предварительных выборах в штате Западная Вирджиния имела важные последствия. Позиции многих его соперников оказались серьезно поколебленными. Особенно сильно это сказалось на шансах Саймингтона. Последний ожидал, что «религиозный вопрос» наложит столь сильный отпечаток на предвыборную борьбу Кеннеди и Хэмфри, что партийные боссы демократической партии придут к одному-единственному выводу: наиболее перспективный кандидат в президенты — Саймингтон. Это предположение, однако, не оправдалось. В Западной Вирджинии Кеннеди одержал блистательную победу, и с этого момента Саймингтон по существу выбыл из числа серьезных претендентов.

Другие соперники Джона — Стивенсон и Джонсон — также не ожидали, что в штате с протестантским населением Кеннеди сможет добиться столь многого. Однако оба они все еще считали, что в борьбе с Кеннеди находятся на правильном пути.

Штаб-квартира Джонсона развернула интенсивную кампанию, направленную против Джона Кеннеди. В своих выступлениях Линдон Джонсон не уставал по-

вторять, что Кеннеди слишком молод и неопытен, для того чтобы быть президентом США. Стране, восклицал Джонсон, нужен «человек с сединой в волосах». Он критиковал Кеннеди за то, что последний осудил полет американского шпионского самолета У-2 над советской территорией. Особенно активно, взывая к шовинистическим чувствам американцев, Джонсон встретил в штыки предложение Кеннеди о том, что американская сторона должна извиниться перед Советским Союзом за это грубейшее нарушение норм международного права. По мнению Джонсона, США не должны были уступать русским «ни дюйма». Как отмечали американские обозреватели, кампания штаб-квартиры Джонсона против Кеннеди была куда более острой, чем критика его сторонниками республиканца Никсона. А однажды в доверительной беседе со Стивенсоном Джонсон заявил, что он «не может позволить, чтобы им помыкал сорокадвухлетний паренек», т. е. Джон Кеннеди.

Кеннеди относительно спокойно реагировал на выступления соперников, направленные против него. Основное внимание он продолжал уделять организационной стороне своей избирательной кампании. К лету 1960 года ему удалось доказать, что он самый перспективный кандидат от демократической партии на пост президента США: популярность сенатора была продемонстрирована во многих штатах с самым различным населением. В результате предварительных выборов Кеннеди удалось заручиться поддержкой большого числа голосов выборщиков.

При этом ему, разумеется, приходилось очень много ездить и надолго оставлять работу в сенате, не присутствовать на многих его заседаниях и голосованиях. Специальные подсчеты, проведенные службой «Конгрешнл куортерли», показали, что Джон Кеннеди в 1959—1960 годах почти в два раза меньше принимал участие в сенатских голосованиях, чем Линдон Джонсон, и примерно в полтора раза меньше, чем Х. Хэмфри и С. Саймингтон [III — 24; с. 105, 103]. На этом пытались спекулировать его противники, стараясь убедить избирателей в том, что Кеннеди пренебрегает своими сенаторскими обязанностями, а это делает его потенциально ненадежным президентом.

Особенно активно эту тему эксплуатировал Джонсон, который, выступая по телевидению, поведал о многих случаях, когда Кеннеди не являлся на важные сенатские голосования. В то же время Джонсон с гордостью гово-

рил телезрителям о своей стабильной работе в сенате, о постоянном присутствии на всех важных заседаниях и голосованиях. Кеннеди успешно парировал подобные выпады. Однажды он, например, заявил: «Сенатор Джонсон и на самом деле вел себя чудесно, присутствуя на каждом из заседаний. Я подтверждаю это. Я же действительно иногда не присутствовал, я ведь не лидер партии в сенате. Поэтому сегодня я полон восхищения сенатором Джонсоном, преисполнен любви к нему, всецело поддерживаю его как лидера демократов в сенате и убежден, что, став президентом, отлично с ним сработаюсь как с лидером демократов в сенате» [III — 116].

Сторонники Кеннеди умело играли на разногласиях в различных местных организациях демократической партии.

Особую тактику люди Кеннеди применяли в тех штатах, где они не могли изолировать традиционное партийное руководство. В таких случаях они предпочитали договариваться о своеобразном «нейтралитете» партийных лидеров. Такая тактика, например, позволила нейтрализовать политические группировки губернаторов штатов Огайо и Калифорния.

К концу июня картина успехов Кеннеди выглядела примерно следующим образом. Он мог твердо рассчитывать на 114 голосов штатов Новой Англии, 265 голосов делегатов ему должны были дать штаты Северо-Востока США — Мичиган, Нью-Йорк, Делавер, Индиана, Мэриленд и Огайо. Хуже обстояли дела в южных штатах и в штатах «фермерского пояса». Здесь он мог рассчитывать всего на 67 голосов делегатов. Положение несколько улучшалось тем, что в горных штатах за Кеннеди обещал подать голос 61 делегат. Плохо обстояли дела в штатах побережья Тихого океана. Здесь на его счету имелось всего 28 потенциальных голосов. Общий итог, однако, был чрезвычайно внушительным. Еще до открытия съезда демократической партии в Лос-Анджелесе Кеннеди мог рассчитывать примерно на 550 голосов делегатов съезда. Подобного «запаса прочности» не имел ни один из его соперников. Более того, никто из них не мог даже мечтать о такой цифре.

Наступило время решающей схватки в рамках демократической партии. В июле 1960 года в Лос-Анджелесе состоялся ее национальный съезд.

В США, пожалуй, нет другого крупного города столь хаотически застроенного, как Лос-Анджелес. Узкой поло-

сой протянулся город по побережью Южной Калифорнии. С севера на юг его пересекает несколько бульваров. Ярко выраженного городского центра в Лос-Анджелесе нет. Все в нем разбросано, в том числе и гостиницы. Оторванными друг от друга в различных гостиницах оказались и делегации штатов.

Однако был в Лос-Анджелесе отель, где расположились все основные соперники, в том числе и Кеннеди. Это «Билтмор-отель» — старомодное 11-этажное здание. В «Билтморе» сняли помещение Национальный комитет демократической партии, а также Кеннеди, Джонсон, Стивенсон и Саймингтон. Здесь же разместились представители ведущих американских радио- и телевизионных компаний.

К концу первой недели июля в Лос-Анджелес съезжались со всех концов США делегаты, представлявшие голоса выборщиков штатов. В город, как подсчитали местные власти, прибыло 45 тыс. человек, так или иначе связанных с работой съезда, в том числе 4750 корреспондентов. Эпицентром всех страстей стала, разумеется, гостиница «Билтмор». Сюда спешили сосредоточенные руководители делегаций. Перед входом в отель собирались большие толпы скучающих зевак. Днем и ночью здесь дежурили любопытные фоторепортеры. С полок книжных магазинов Лос-Анджелеса быстро распродавались книги о Кеннеди и Стивенсоне.

Страсти на съезде накалились до предела. Этому в немалой степени способствовало, в частности, поведение Джонсона и его сторонников. Увидев, что шансы Кеннеди возрастают, они решились на последнее средство. Джонсон сделал публичное заявление о том, что его главный соперник страдает адиссоновой болезнью и держится только за счет постоянного употребления кортизона, лекарства, поддерживающего, но неизлечивающего. Отсюда Джонсоном делался вывод о том, что Кеннеди не сможет должным образом выполнять президентские функции. Люди из аппарата последнего тут же выступили с опровержениями, убедив большинство делегатов, что выступление Джонсона необоснованно [III — 19; с. 177].

Со стороны могло показаться, что съезд демократической партии проходил стихийно. Но это было обманчивое впечатление. Невидимые нити протягивались из «Билтмора» к прибывавшим на съезд делегациям. Особенно многочисленные контакты осуществлялись из номера 8315, где находился оперативный центр Джона Кен-

неди. Здесь собрались его основные помощники, почти все, кто на совещании в Хианисспорте определял тактику и стратегию его избирательной кампании. Эти нити, контролировавшие голоса делегатов, держали в своих руках братья претендента Роберт и Эдвард, а также Кеннет О'Доннел, Лоуренс О'Брайн, Джон Бейли, Хай Раскин, Пьер Селинджер и другие помощники Кеннеди. Роберт непосредственно руководил работой 40 человек, которые обеспечивали постоянный контакт со всеми делегациями штатов.

Джон Кеннеди сделал все возможное для того, чтобы стать кандидатом в президенты США от демократической партии. Он ждал решающего часа, и этот час пришел. Наступил день голосования. Оно началось со штата Алабама. Алабама отдает 20 голосов Джонсону, 3,5 голоса Кеннеди, 3,5 голоса Саймингтону и полголоса Стивенсону*. Голосует штат Иллинойс — за Кеннеди подано уже 100 голосов... Штат Айова — число голосов «за» вырастает до 200... Штат Массачусетс — «за» подано 300 голосов... Штат Нью-Йорк — почти 500 голосов... Голосует штат Пенсильвания — Кеннеди получает более 650 голосов.

К тому времени, когда голосование дошло до штата Вайоминг, за Кеннеди уже было подано 748 голосов. Напряжение в зале достигает апогея.

Всматриваясь в телевизионный экран, Джон ожидает результатов очередного голосования. Телекамеры выхватывают из зала заседаний делегацию Вайоминга. Среди ее представителей ясно видна фигура младшего брата Джона — Эдварда, который горячо убеждает в чем-то делегатов штата. И вот голосование. Штат Вайоминг отдает свои 15 голосов за Кеннеди. Это была долгожданная победа. Кеннеди набрал 763 голоса — больше, чем требовалось для того, чтобы стать кандидатом в президенты от демократической партии.

Когда голосование закончилось, за Кеннеди было подано 806 голосов, за Джонсона — 409, за Саймингтона — 86, за Стивенсона — 79,5, за других кандидатов — 140,5.

Обращает на себя внимание незначительное число голосов, поданных за Эдлая Стивенсона. А ведь всего за день до голосования зал заседаний, где собрались деле-

* Ряд делегатов на съездах демократической партии имеют по $\frac{1}{2}$ голоса, т. е. один голос делится пополам между двумя делегатами. Они могут голосовать за разных кандидатов.

гаты, содрогался от громких возгласов: «Мы хотим Стивенсона!» Тысячи его сторонников заполнили зал. Они беспрерывно скандировали лозунги в поддержку своего кумира. Их энтузиазм, казалось, стал передаваться и делегациям штатов. Однако возгласы одобрения по адресу Стивенсона не могли заменить контроль над делегациями штатов, которым обладал Кеннеди. Стивенсон пришел на съезд без своей организации, и это свело на нет все усилия его сторонников.

Впереди была борьба с Никсоном.

Джон понимал: чтобы победить, ему понадобится поддержка не только партийных боссов восточных и северо-восточных штатов, но и организаций демократической партии южных штатов. Новому кандидату в президенты понадобилось немного времени, чтобы прийти к выводу: бывший до этого момента его основным соперником Линдон Джонсон является наиболее подходящим кандидатом на пост вице-президента США. Джонсон после некоторых колебаний и молниеносных консультаций, в том числе с рядом крупнейших предпринимателей Техаса, согласился на это предложение.

Через два дня после избрания кандидатом в президенты Джон Кеннеди выступил по телевидению США с речью, в которой призвал американцев отдать ему свой голос. Его смотрели и слушали 35 млн. американцев. Одним из них был вице-президент США Ричард Никсон.

В этот день Кеннеди был не в лучшей форме. На его лице проступала явная усталость. Все это не ускользнуло от внимания Никсона. Он с удовлетворением наблюдал, как утомленный Кеннеди скороговоркой заканчивал выступление. По мнению Никсона, ему достался довольно слабый, «выдохшийся» соперник на президентских выборах.

Борьба Джона Кеннеди за пост президента США вступила в решающую стадию. Положение вице-президента Ричарда Никсона по ряду параметров было предпочтительнее, чем у Кеннеди. Никсон был достаточно хорошо известен американским избирателям. Его активно поддерживал президент Эйзенхауэр. Вице-президента расхваливали на все лады в республиканской партии и в подавляющем большинстве газет монополистической прессы. Ему открыто симпатизировала американская реакция. Многие ведущие политические обозреватели уверенно заявляли, что Никсон достоин занять пост президента США. На начальном этапе президентской

избирательной кампании, согласно опросам общественного мнения, Никсон шел впереди Кеннеди.

Группировке Кеннеди было ясно одно: «неистового Дика» можно победить только в ожесточенной схватке. Но нужно было еще и немножечко везения. И надо сказать, что фортуна улыбнулась Джону. В ходе избирательной кампании Никсон совершил немало ошибок, облегчивших Кеннеди приход в Белый дом.

Следует отметить, что и после победы Кеннеди на съезде в Лос-Анджелесе положение в демократической партии оставалось напряженным. Либеральное крыло партии было недовольно решением Кеннеди избрать кандидатом в вице-президенты южанина Линдона Джонсона. Многие видные демократы рассматривали этот выбор Кеннеди как «предательство», «удар в спину» группе Стивенсона. Дело дошло до открытых обвинений. Руководители делегаций ряда штатов стали делать недвусмысленные заявления о том, что, голосовав за Кеннеди, их представители были уверены в том, что кандидатом на пост вице-президента он изберет Эдлая Стивенсона, но этого не случилось.

Разочарование многих демократов выбором Джонсона было настолько велико, что Джон и Роберт даже стали сомневаться: уж не совершили ли они ошибку, связав имя Кеннеди с именем Джонсона. Реакцией на свое выдвижение кандидатом в вице-президенты был недоволен и сам Джонсон. Рассказывают, что он даже стал упрекать своих советников в том, что они «уговорили его» принять предложение Кеннеди.

На этом фоне лишь один человек сохранял полную невозмутимость — отец Джона — Джозеф Кеннеди. При встрече с сыном он сказал ему: «Не беспокойся, Джон. Через две недели все будут говорить, что ты сделал самый умный выбор». После того как осела пыль, поднятая суетой съезда в Лос-Анджелесе, так оно и случилось.

Важной проблемой Кеннеди было и завоевание на свою сторону представителей старшего поколения лидеров демократической партии — Гарри Трумэна, г-жи Рузвельт и Эдлая Стивенсона.

Чтобы привлечь их на свою сторону, Джону пришлось немало потрудиться. Ведь до съезда в Лос-Анджелесе Трумэн, г-жа Рузвельт и, конечно, Стивенсон активно выступали против выдвижения Кеннеди кандидатом на президентский пост. Кеннеди встречается с ними. Он беседует со Стивенсоном, посещает Элеонору Рузвельт в ее имении в Гайд-парке, встречается с Гарри Трумэном.

Джон просит у них поддержки. Эта поддержка была ему обещана. Ведь дело шло о победе над республиканцами и о том, чтобы с уходом Эйзенхауэра обеспечить возможность не только для Кеннеди, но и для тысяч сторонников демократов занять государственные посты.

Джон проводит несколько совещаний, где разрабатывается стратегия и тактика борьбы с Никсоном. Как и прежде, упор снова делается на четкую организацию избирательной кампании. Но теперь уже Кеннеди располагает всем аппаратом демократической партии.

Ядром организации оставался круг людей, которые и до победы в Лос-Анджелесе поддерживали группировку Кеннеди. К ним, однако, были добавлены тысячи новых активистов. Приняв принципиальное решение о слиянии своей организации с организацией Национального комитета демократической партии, Кеннеди решает, что сам он больше не будет заниматься организационными вопросами. Во главе всей избирательной машины демократов Джон ставит своего брата Роберта. Основными его помощниками остаются все те же люди — О'Брайн, О'Доннел, Джон Бейли, Стивен Смит и Пьер Селинджер. Понимая, что подавляющему большинству американцев он все еще недостаточно известен, Кеннеди решает всю свою энергию направить на произнесение публичных речей и выступления по телевидению.

По всей стране создаются организации «Граждане за Кеннеди». Основное внимание уделяется избирательной кампании в западных штатах, где позиции Кеннеди были слабы. За этот район отвечал второй брат кандидата в президенты — Эдвард. Сарджент Шривер и Харрис Вуффорд должны были обеспечить Кеннеди поддержку негритянских избирателей. Гарри Трумэн взялся агитировать за Кеннеди среди баптистов, которых было особенно много на юге страны. Эдлай Стивенсон обещал помощь в Калифорнии. Сенатор Хэмфри предложил свои услуги в штате Миннесота. Джозеф Кеннеди оказался прав. Все распри среди демократов были на время отложены в сторону. Они думали об одном — как победить Никсона.

Но обстановка в целом складывалась достаточно сложная.

Для ведения президентской избирательной кампании личного богатства семейства Кеннеди было уже недостаточно, особенно если учесть, что многие влиятельные предприниматели, ожидая победы Никсона, направляли большую часть средств в адрес республиканской партии.

Взносов в фонд избирательной кампании Никсона размером в 10 тыс. долларов и более было больше, чем в избирательный фонд демократической партии.

Финансовые средства в адрес Никсона текли рекой. Они даже превысили поступления в избирательный фонд Эйзенхауэра перед выборами в 1952 и 1956 годах. Монополии, конечно, не забывали и о кандидате в президенты от демократической партии. Многие из них предпочитали вносить деньги в избирательные фонды как Никсона, так и Кеннеди. Немало капиталистов были не прочь потрясти свои карманы, лишь бы фигурировать в списках людей, помогавших кандидату стать президентом. Наиболее активных на этом поприще, как показывает практика, кандидаты в президенты в случае победы затем «вспоминали». И это считалось вполне обычным делом. Не оказался исключением и Кеннеди.

Добиваясь симпатий избирателей и руководствуясь своими представлениями о стоящих перед Соединенными Штатами проблемах, Кеннеди как потенциальный президент предлагает повысить темпы экономического роста, увеличить федеральные расходы на развитие отсталых районов страны, еще больше нарастить военный потенциал США, значительно расширить «помощь» странам Азии и Африки, а также Латинской Америки.

Он призывал американцев «не стоять на месте» и обещал «повести Америку вперед». Лейтмотив его выступлений — неудовлетворенность внешней и внутренней политикой США — был встречен американцами одобрительно. И хотя кандидат в президенты от демократов облекал свою критику действий правительства Эйзенхауэра в довольно общую форму, тем не менее он завоевывал симпатии среди тех, кто раньше его совсем не знал.

Другое дело — Никсон. Тот все время восхвалял деятельность правительства Эйзенхауэра, самого себя, и это у многих вызывало раздражение. Рекламируя свой «государственный опыт», Никсон, например, заявлял: «Я был там (т. е. в Белом доме. — *Авт.*). Я был там, когда решался вопрос о Триесте. Я был там, когда... принимались другие решения, сохранившие мир... Я убежден, что в наше время Америка не может позволить себе использовать Белый дом в качестве тренировочной площадки для того, чтобы кому-то набраться опыта за счет Соединенных Штатов Америки» [III—93].

Не оставался в долгу и Кеннеди, парируя выпады Никсона. «Г-н Никсон не понимает, что президент Со-

единенных Штатов, г-н Эйзенхауэр, не является кандидатом. Вы видели слонов в цирке... вы знаете, как они передвигаются по арене, ухватившись хоботом за хвост впереди идущего слона. Это могло сойти в 1952 и 1956 годах. Тогда г-н Никсон ухватился очень крепко. Но в настоящее время г-н Никсон предстал перед народом. Выбирают не Эйзенхауэра. Вопрос состоит в том, хочет ли народ этой страны видеть своим лидером г-на Никсона и республиканскую партию — партию, которая никогда не стояла за прогресс» [III—168; с. 216].

В глазах некоторых обозревателей Кеннеди выступал, с одной стороны, как продолжатель рузвельтовского «нового курса», а с другой — как сторонник «нового американского империализма»; о его потенциальной администрации говорили, что это будет «большое сильное правительство» [III—159].

К концу избирательной кампании республиканцы стали прибегать в борьбе к приемам вроде следующего. На стенах домов крупных промышленных центров, особенно тех, где производилось оружие, появились плакаты с надписью: «Джон Кеннеди охотится за вашей работой». Так пропагандистский аппарат республиканцев попытался обыграть некоторые высказывания Кеннеди в пользу разоружения. Последний отпарировал: «Я охочусь за работой г-на Эйзенхауэра».

Во многом Никсона подвела собственная самоуверенность. Считая себя хорошим оратором, он обрадовался, когда ему предложили выступить совместно с Кеннеди в серии телевизионных передач. Эти передачи должны были стать своего рода соревнованием между двумя кандидатами. Преимущества, которые Джон мог получить от этих дебатов, были вполне очевидны. Участвуя в дискуссии с вице-президентом, Кеннеди, несомненно, повышал свой личный престиж, а в случае удачного исхода дебатов мог опровергнуть мнение о себе как о молодом и неопытном кандидате в президенты. Это было ясно всем, кроме Никсона. Последний настолько уверовал в свое умение вести дебаты, что настроился на легкую победу над Кеннеди.

Все ведущие республиканцы, в том числе и президент Эйзенхауэр, советовали Никсону не ввязываться в телевизионную дискуссию с Кеннеди. Никсон отверг эти советы.

Переговоры обеих сторон об организации телеинтервью начались летом 1960 года. Вскоре было достигнуто соглашение об организации четырех интервью,

каждое из которых должно было продолжаться один час.

Первая телевизионная стычка между претендентами на пост президента состоялась 26 сентября в Чикаго. Эта передача транслировалась по всей стране. Обсуждалась внутренняя политика американского правительства. Перед началом дебатов соперники нервно улыбнулись друг другу и обменялись ничего не значащими банальностями. В 8.30 вечера телепередача началась.

Уже в первом своем выступлении Кеннеди обрушился на правительство Эйзенхауэра с резкой критикой. Он заявил, что не удовлетворен экономическим положением США и темпами развития страны. В то время как в Советском Союзе, отметил Кеннеди, выпускается в два раза больше ученых и инженеров, чем в США, в его стране стали обычным явлением переполненные школы и плохо оплачиваемые учителя. Расовая дискриминация не дает возможности рационально использовать таланты и способности многих американцев. Америка должна снова двинуться вперед, заключил Кеннеди.

Никсон не ожидал столь резкой критики республиканского правительства. Растерявшись, он стал не столько защищать деятельность правительства, сколько соглашаться с критикой Кеннеди. Это было настолько необычно, что политические сторонники Никсона, следившие за передачей, схватились за головы.

Более удачно, чем Никсон, Кеннеди ответил и на вопросы представителей прессы. Уже после показа первого интервью американская печать писала о том, что «Никсон их проиграл».

Следующие телевизионные дебаты происходили 7, 13 и 21 октября. Заключительная передача состоялась в Нью-Йорке. Во время обсуждения американской внешней политики Кеннеди отметил повсеместное падение престижа США. Никсон, наоборот, вопреки фактам утверждал, что этот престиж, как никогда, высок. Кеннеди со знанием дела заметил, что правительственная служба пропаганды США (ЮСИА) провела за пределами США обследование, результаты которого противоречат высказыванию вице-президента. Он предложил Никсону опубликовать результаты этих секретных обследований. (Между прочим, обследования ЮСИА до президентских выборов так и не были обнародованы. Они подтвердили бы правоту Кеннеди.)

В своих выступлениях Кеннеди также критиковал действия клики Чан Кайши, отмечая ее агрессивность и воз-

возможность втягивания США в войну с Китаем. Никсон не нашел ничего лучшего, как обвинить Кеннеди в «умиротворении» коммунистов. Затем Никсон в свою очередь перешел в атаку. За последние полвека, заявлял он, три президента демократической партии втянули нас в войну. «Я, однако, не подразумеваю, что эта партия является партией войны», — тут же поправился он. Так Никсон попытался сыграть на миролюбивых чувствах простых американцев. Характерно, что он поставил на одну доску борьбу народа США против фашистской Германии и агрессию правительства Трумэна в Корее.

Влияние телевизионных дискуссий между Никсоном и Кеннеди на американских избирателей трудно переоценить. Это были первые теледебаты кандидатов в президенты в истории Соединенных Штатов. Каждую из этих передач смотрело от 50 до 75 млн. человек. По некоторым подсчетам, более 3 млн. из них приняли решение о том, за кого они будут голосовать после просмотра этих телепередач. Все видные политические обозреватели сошлись на том, что значительное большинство колебавшихся американцев приняло решение голосовать за Кеннеди.

8 ноября 1960 года в США состоялись президентские выборы. За Джона Кеннеди было подано 49,7% общего числа голосов избирателей, за Ричарда Никсона — 49,6%. Это был беспрецедентно маленький разрыв между головами, поданными за двух основных кандидатов. В выборах приняло участие 64,5% от 107 миллионов американцев, обладавших правом голоса. По европейским стандартам это было немного, по американским же оказалось одним из высших показателей за всю историю Соединенных Штатов. Если по количеству голосов избирателей Кеннеди совсем ненамного опередил Никсона, то по числу поданных за него голосов выборщиков он значительно превзошел республиканского претендента: здесь соотношение в пользу Кеннеди было 303:219. По результатам голосования избирателей кандидату от демократов отдали свои голоса выборщики от 22 штатов, а Никсону — от 26. Это несоответствие объяснялось тем, что Кеннеди одержал больше побед в крупнейших штатах, дававших основные голоса выборщиков.

Кеннеди победил Никсона в штатах Новой Англии и в восточных штатах. Он также взял верх и в южных штатах, где, без сомнения, сказалось влияние кандидатуры Линдона Джонсона. На Среднем Западе голоса между Кеннеди и Никсоном разделились почти поровну.

Традиционное влияние республиканцев в западных штатах помогло Никсону одержать в них победу. Кеннеди был впереди в таких влиятельных штатах, как Нью-Йорк, Нью-Джерси, Массачусетс, Пенсильвания, Мичиган, Иллинойс и Техас. Никсон победил только в двух ключевых штатах — Огайо и Калифорния. Дорога Джона Кеннеди в Белый дом заканчивалась. Ему оставалось ждать инаугурации — официального возведения в должность президента США.

Немаловажное значение для новой администрации, которой предстояло начать действовать после 21 января 1961 года, имели итоги выборов в сенат и палату представителей конгресса США. Вся программа Джона Кеннеди, которую он намеревался реализовать, став президентом, в ее экономическом, социальном, военном и внешнеполитическом компонентах требовала значительного роста государственных расходов. А именно в вопросах ассигнований конгресс США, особенно палата представителей, обладает большими конституционными полномочиями и реальными возможностями по корректировке заявок и планов главы исполнительной власти. Определенными правами конгресс обладает и во многих вопросах государственной политики. Высший законодательный орган США может изменять бюджет, предложенный президентом, отказать в одобрении президентских назначений на высшие посты в органы исполнительной власти, вправе отклонять заключенные президентом международные договоры (последние два полномочия принадлежат только сенату). Через постоянные комитеты обеих палат конгресс может осуществлять контроль над деятельностью всех органов федеральной администрации, отклонять или изменять выдвигаемые президентом планы значительной реорганизации государственного аппарата. Кроме того, конгресс имеет право привлекать по суду импичмента президента и других федеральных должностных лиц, в случае раскола в коллегии выборщиков избирает президента и вице-президента. Разумеется, на практике реализация полномочий конгресса в американской истории очень часто отличалась от конституционных положений, но каждый президент в той или иной мере должен был действовать с оглядкой на них [II — 30; с. 81 — 82].

В составе сената конгресса США 87-го созыва, после выборов в ноябре 1960 года, представительство демократов сократилось: вместо 66 их стало 64; соответственно число сенаторов-республиканцев возросло с 34 до 36.

Подобные же результаты имели место и в палате представителей: число демократов сократилось с 280 до 259, а представительство республиканцев увеличилось со 151 до 178. Более того, в новом конгрессе укрепился неофициальный реакционный блок, состоявший из правого крыла демократов (южан-диксикратов) и консерваторов-республиканцев из северных и среднезападных штатов. Засилье диксикратов во многих комитетах конгресса — главных «центрах силы» обеих палат — сохранилось. Диксикраты возглавили 9 из 16 постоянных комитетов сената и 12 из 20 комитетов палаты представителей. Сохранение в течение многих лет руководства комитетами в палате представителей и сенате за южанами, составлявшими меньшинство в демократической партии, объясняется положением, согласно которому комитеты возглавляются наиболее старыми по стажу пребывания в конгрессе членами, представляющими партию большинства. Южане, как правило, оказываются наиболее старыми и по стажу и по возрасту деятелями, поскольку на Юге одним и тем же лицам удавалось сохранять свои места в сенате и палате представителей дольше, чем в других районах страны [II—26; с. 547—548].

Многие американские журналисты, комментируя предвыборные выступления Джона Кеннеди и платформу демократической партии, выдвигали предположение, что первые сто дней нового президента будут подобны первым ста дням деятельности в Белом доме Ф. Д. Рузвельта, решительно проводившего в политической и экономической жизни США мероприятия, заложившие основу «нового курса». При этом, однако, не учитывались особенности результатов выборов. Кеннеди не могли слишком обнадеживать результаты выборов в конгресс, потенциальная расстановка сил в сенате и палате представителей была явно не в пользу многих из намеченных им мероприятий. У Рузвельта после выборов 1932 года было надежное большинство в обеих палатах, и он победил тогда в 42 штатах, а Кеннеди — лишь в 22. Рузвельт оказался в Белом доме, когда страну потряс жесточайший за всю историю Соединенных Штатов экономический кризис. Напуганные и дезориентированные капиталисты фактически предоставили ему чрезвычайные полномочия. И хотя экономическое, внутреннее социально-политическое и международное положение США в период выборов 1960 года было весьма сложным, оно не рисовалось для американских монополистов таким, чтобы давать Дж. Кеннеди какие-нибудь особые права.

Глава IV

США К НАЧАЛУ 60-Х ГОДОВ: НАСТРОЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ

Чтобы лучше понять поведение Джона Кеннеди на посту президента Соединенных Штатов Америки, необходимо дать общую картину внутривластического и международного положения США того периода.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции с безраздельным господством буржуазии в международных делах было покончено. На мировой арене появилась и быстро завоевала поддержку народов качественно новая, социалистическая политика, питаемая идеями марксизма-ленинизма. Это была великая перемена в международных отношениях. С течением времени внешняя политика империалистов, опиравшаяся на традиционные методы военной силы, давления и угроз, заходила во все более глубокий тупик, хотя в то же время нельзя не видеть и того, что возвращение к методам «холодной войны» в США регулярно имеет место. Особенно ярко это проявилось в начале 80-х годов, когда зигзагообразность американской внешней политики по существу трансформировалась во фронтальную атаку против разрядки, всего того, что сделано в прошлом для развития советско-американских отношений.

Оценивая исторический перелом в международной политике, вызванный социализмом, сенатор Фулбрайт в свое время писал: «В течение четырех столетий до начала первой мировой войны мировая история была в значительной мере историей западной цивилизации, ее динамизма и творческих сил, ее внутренних связей и разногласий, историей ее воздействия на остальной мир. В результате крупных конфликтов XX века Запад утратил свое превосходство в силе, благодаря которому его идеи, интересы и институты до 1914 года превалировали во всем мире. Ныне же впервые в современной истории мощи и интересам западных государств брошен серьезный вызов извне: теперь Запад уже не может (если у него раньше и была такая возможность) рассматривать свои идеи и ценности как имеющие всеобщее применение. Эта великая историческая перемена является главным фактором, определяющим перспективы Запада во второй половине XX столетия» [III — 49; с. 34].

На всем протяжении второй половины 50-х годов в США усиливалось критическое отношение к политике «холодной войны». Американцы все яростнее чувствовали, что вопросы внешней политики, когда-то не имевшие для многих из них особого значения, начинают все чаще вторгаться в жизнь каждого. Гонка вооружений вызвала рост налогов. Война в Корее лишила жизни многих молодых американцев. Атомная, а затем и водородная бомбы не стали монополией США, как на это надеялись в Вашингтоне. В Азии, Африке и Латинской Америке продолжало развиваться и одерживать победы национально-освободительное движение. А главное, все более крепла мировая социалистическая система. В этих условиях старая основа внешней политики США вступила в острое противоречие с новыми факторами международных отношений.

В конце 50-х годов все больше американцев начинают уставать от «холодной войны». Видя поражения и провалы ее вдохновителей, они ждут изменений во внешнеполитическом курсе правительства США в пользу мира.

Значительное влияние на падение престижа республиканского правительства оказала провокационная авантюра с засылкой в пределы Советского Союза шпионского самолета У-2 (1960 год). Это была, конечно, далеко не первая и не последняя провокация американских властей в отношении Советской страны. Но она, пожалуй, была одной из самых неуклюжих.

Непосредственно ответственным за нее объявил себя президент Эйзенхауэр. В попытке оправдаться сначала изолгался, а затем занял провокационную позицию госдепартамент. В результате даже те избиратели, которые до инцидента с У-2 слепо верили в «миролюбие» президента Эйзенхауэра, могли убедиться, что внешняя политика США сознательно подталкивается официальным Вашингтоном в направлении опасной для дела мира грани. Вместо «политики мира» американскому народу преподнесли очередную провокацию, возведенную к тому же в ранг государственной политики. Инцидент с У-2 ударил по правительству Эйзенхауэра, уменьшив число голосов в пользу его протезе — кандидата в президенты Р. Никсона.

Надо сказать, что ультраправые круги США были в определенной степени обеспокоены возможностью прихода Джона Кеннеди к власти. Ультраправые не хотели, чтобы внешняя политика США в малейшей степени эво-

люционировала в сторону реализма и отказа от «холодной войны».

Реакционные американские обозреватели считали, что высказывания кандидата в президенты означают, что Кеннеди, если только он не бросает слов на ветер, может попытаться изменить политику США во многих ее важных аспектах. Такая перспектива американскую реакцию не устраивала. Более того, она требовала усиления агрессивности и экспансионизма американской внешней политики. Ими были встречены в штыки многие положения во внешнеполитических выступлениях Кеннеди — так же, как ранее их бешеным нападкам подверглись даже незначительные проявления реализма в политике администрации Эйзенхауэра на международной арене.

Это не могло не повлиять впоследствии на политику Дж. Кеннеди, ставшего президентом.

Кое-кто опасался, что Кеннеди может стать новым Рузвельтом. Надо сказать, что «призрак Рузвельта» всегда пугал правых. Они не забыли, что именно Рузвельт взял курс на нормализацию советско-американских отношений, которые впоследствии переросли в союз, сыгравший существенную роль в разгроме фашистской Германии.

Реакция в США никогда не одобряла конструктивных шагов этого действительно выдающегося государственного деятеля. В своем арсенале средств борьбы с Советским Союзом она полагалась сначала на вооруженную интервенцию, «непризнание», а затем и на «холодную войну». Ее устраивал курс правительства Эйзенхауэра, которое лишь заигрывало с «духом» Женевы и Кемп-Дэвида. Поэтому значительная часть американской пропагандистской машины атаковала кандидата в президенты демократической партии справа, защищая тезис о том, что внешняя политика США не нуждается в каких-то новых, «опасных» поворотах и должна следовать старой, проверенной дорогой.

Когда Джон Кеннеди в своих выступлениях высказывался, например, в пользу переговоров с Советским Союзом за запрещение испытаний ядерного оружия, то это встречалось ультраправыми яростными всплесками критики. Их раздражал сам тон тех речей Кеннеди, где выдвигались требования перемен. И хотя, как было ясно всякому внимательному наблюдателю, многие высказывания Кеннеди о «новой» политике делались в тактических целях, реакция все же не хотела рисковать появлением в Белом доме не во всем послушного ей человека.

Призывы Кеннеди о необходимости серьезных переговоров с Советским Союзом в чем-то перекликались с заявлениями, которые делал Рузвельт. Незадолго до смерти Рузвельт, например, заявлял: «Американский народ рад и гордится тем, что находится в союзе с храбрым народом России не только в борьбе за военную победу, но и в закладке фундамента для всеобщего мира, который, как я надеюсь, последует за войной, и в деле сохранения этого мира» [II—13; с. 83].

Правящая элита США — монополисты и их подручные — избрала после 1945 года в отношении СССР совершенно другой курс, суть которого свелась к отказу от сотрудничества с Советским Союзом и попыткам свержения социалистических правительств. Любое, даже мимолетное высказывание молодого Кеннеди о необходимости пересмотра даллесовской политики встречалось открытыми сторонниками «холодной войны» крайне отрицательно. Отсюда и настороженность в отношении кандидатуры Кеннеди. Отсюда тактика махрового антикоммунизма и антисоветизма, избранная Никсоном. С помощью именно этих средств поддерживавшие Никсона люди надеялись поставить у власти протеже Эйзенхауэра.

Кеннеди, очевидно, чувствовал, что провалы американской внешней политики 50-х годов, банкротство различных агрессивных доктрин вроде «сдерживания» и «отбрасывания» требовали от кандидата в президенты изменения хотя бы тона в подходе к коренным проблемам международных отношений. Сравнительная уравновешенность его многих речей довольно резко контрастировала с озлобленностью и агрессивностью Никсона, когда дело касалось проблем мира и войны, советско-американских отношений. И американский избиратель, впрочем весьма неуверенно, проголосовал за уравновешенность Кеннеди, отвергнув агрессивность Никсона.

Нельзя, однако, закрывать глаза на то, что на протяжении 50-х годов, а затем в 60-х и особенно в 70-х годах в США не только усиливались реалистические тенденции, но и шел интенсивный рост числа и влияния экстремистски настроенных, щедро финансируемых ультраправых организаций. За спиной американских ультраправых всегда стояли наиболее алчные и авантюристические круги монополистического капитала. Они отвергали всякую возможность мирного сосуществования с социалистическими странами. Представители военно-промышленного

комплекса хотели не прекращения «холодной войны», а ее активизации. Они выступали против «новых гибких» методов проведения внешней политики США, опасаясь, что в погоне за «более искусными» внешнеполитическими шагами официальный Вашингтон полностью отойдет от постулатов «холодной войны». Ультраправые выступали против любых, даже символических изменений, которые могли бы привести американскую внешнюю политику в соответствие с реальностью.

Основными целями реакционных политиков и ультраправых США в области внешней политики являлись и являются: отказ от мирного сосуществования с социалистическими странами, подавление национально-освободительного движения с помощью военной силы, нагнетание международной напряженности путем гонки вооружений, сохранение во всем мире военно-политических блоков империалистов, отказ от малейших позитивных шагов в советско-американских отношениях, поддержка на международной арене реакционных, прогнивших режимов. Для прикрытия своих целей реакционные круги в США постоянно используют самую оголтелую пропаганду антикоммунизма. Все это в начале восьмидесятых годов проявилось с особой силой. Правые оказались очень уж напуганными успехами разрядки, упрочением мира на земле. Их философия «крестоносцев» в борьбе с социализмом, какой бы старомодной и обветшалой она ни выглядела, была и остается далека от духа честного соперничества двух социально-экономических систем в условиях мира и добрососедства.

Между умеренными деятелями и ультраправыми в США расположена разношерстная по своим настроениям большая группа довольно аморфного «центра». Его представители обычно послушно следуют за официальной пропагандой. В своем подавляющем большинстве группа «центра» находится под влиянием различного рода агрессивных доктрин американского империализма и мифов, распространяемых пропагандистским аппаратом правительства и монополий. Наряду с этим и у представителей этой группы под влиянием революционных изменений в мире растет интерес к происходящим в международной жизни событиям. Многие американцы уже на пороге 50—60-х годов лихорадочно искали ответы на проблемы, которые ранее их не интересовали. И главная из них — это проблема войны и мира. Как не допустить войны и укрепить мир?

Заметное воздействие на настроения правящих кругов

США накануне прихода Кеннеди к власти оказывало состояние экономики.

В конце XIX века США вышли на первое место в мире по своей экономической мощи. К началу XX века в промышленном отношении США стали самой сильной страной капиталистического мира. Как первая, так и вторая мировые войны способствовали еще большему упрочению экономического и политического положения США среди капиталистических стран. В конце 20-х годов XX столетия США производили более 44 % промышленной продукции капиталистического мира. Затем, как известно, США дважды поразил острый кризис, от последствий которого они не оправились вплоть до второй мировой войны.

После второй мировой войны империалистические соперники США в Западной Европе и Япония были в военном и экономическом отношении сильно ослаблены. Через три года после окончания второй мировой войны США производили 54 % промышленной продукции капиталистического мира. Но затем наблюдается относительное уменьшение их экономической мощи. В 1953 году доля промышленной продукции США составляла 52 % продукции капиталистического мира, а в 1960 году — 45 %.

Знаменательна и такая цифра. Если доля США в мировом экспорте в 1947 году составляла 32 %, то в период, когда Кеннеди стал президентом, она равнялась всего 20 %, а в 1962 году — 17 %.

Падение доли промышленной продукции и экспорта США в капиталистическом мире — это только одна сторона медали. Другой ее стороной является все увеличивающаяся зависимость американской промышленности от импорта сырья. Достаточно сказать, что по таким металлам, как свинец, цинк, вольфрам, ртуть, потребность США в импорте превышает 50 % а по таким, как марганец, олово, никель, хром, сурьма, кобальт, — 90 % [II — 13; с. 86].

Конечно, к началу 60-х годов американский империализм далеко не по всем показателям начал сдавать свои позиции империалистическим соперникам. Соединенные Штаты оставались все еще неизмеримо мощнее любого из них. Если до первой мировой войны США были страной-должником, то уже после нее они стали крупнейшим экспортером капитала. Широкая экспансия доллара — одна из характернейших черт международных экономических отношений 50-х годов. Достаточно сказать, что если

в 1914 году на долю США приходилось 6,3 % всех иностранных капиталовложений основных империалистических держав, в 1930 году — 35,3, то к 1960 году американские капиталовложения уже составляли 59,1 % всех иностранных капиталовложений [III—92; с. 50]. По этому показателю США явно опередили всех своих капиталистических соперников.

И все же 1960 год, когда Кеннеди пришел к власти, был годом, не вселявшим в сердца представителей деловых кругов радужных надежд. Во второй половине 1960 года сильнее стала проявляться тенденция снижения темпов развития промышленного производства. Увеличивалась недогрузка производственных мощностей предприятий. Росла массовая хроническая безработица. Промышленное производство США в 1960 году увеличилось по сравнению с 1959 годом всего на 2,8 %, причем главным образом за счет некоторого увеличения производства в первой половине года. Все больше экономических показателей говорило о том, что США вступают в полосу кризисного падения производства.

Кеннеди и его экономические советники были глубоко встревожены сложившимся положением. По указанию Кеннеди создается специальная экономическая группа под руководством профессора Сэмюэлсона. В начале 1961 года, после лихорадочно быстрого изучения состояния экономики, группа делает вывод о том, что «экономика страны переживает спад». Это было, конечно, мягко сказано. Достаточно отметить, что производство стали, например, снизилось с 10,9 млн. т в январе 1960 года до 5,4 млн. т в декабре. Соответственно упала с 96 до 49 % и загрузка сталелитейных предприятий.

В 1960 году по сравнению с 1959 годом в США также резко упали производство легковых автомобилей и добыча угля, снизился выпуск продукции таких отраслей промышленности, как машиностроение, металлургическая, текстильная и др. В последнем квартале 1960 года произошло снижение объема капиталовложений. Уменьшился также объем жилищного строительства.

Конечно, не во всех отраслях промышленности имели место подобные явления. Значительная часть из них топталась на месте. В таких, например, как производство электроэнергии, радиоэлектроника и полупроводниковое оборудование, производство даже несколько увеличилось. Но в общем можно сказать, что перспективы американской экономики на 1961 год были тревожными.

В этих условиях от правительства требовали эффективного использования государственно-монополистического механизма. Как и ранее, в подобного рода ситуациях в качестве антикризисного мероприятия многие предприниматели, политические деятели и экономисты большие надежды возлагали на гонку вооружений и очередное увеличение военных расходов.

Во второй половине 1960 года министерство обороны правительства Эйзенхауэра развило особенно бурную деятельность по размещению новых военных заказов. Их объем в первом квартале 1960/61 финансового года по сравнению с первым кварталом предыдущего финансового года увеличился почти на 50%. Эта эстафета гонки вооружений и была передана в конце 1960 года правительству Кеннеди. Как мы увидим далее, новый президент, не нарушив традиций, продолжал форсировать гонку вооружений, видя в ней, в частности, средство стимулирования американской экономики.

Серьезно ослабляла экономику США и другая хроническая болезнь капитализма — массовая безработица, постоянно колебавшаяся в пределах нескольких миллионов человек; цифра полностью безработных упорно не опускалась ниже 3 млн.

Но, пожалуй, ничто так не волновало американских капиталистов в конце 50-х годов, как быстрое падение уровня золотого запаса США.

Вторая мировая война, разрушив и обескровив значительную часть Европы, вместе с тем способствовала резкому увеличению золотого запаса США. В 1950 году он составил 22 820 млн. долларов. На этом уровне золотой запас США держался вплоть до 1957 года, а затем стал быстро сокращаться. В 1958 году он составил 20 582 млн. долларов, а в 1960 году упал до уровня 17 766 млн. долларов.

Усилились темпы отлива золота из США, особенно в страны Западной Европы. В 1958—1960 годах общий дефицит платежного баланса США составил 11 млрд. долларов (за 1960 год — примерно 4 млрд. долларов) [II—13; с. 86—88].

В значительной мере дефицит платежного баланса был связан с громадными военными расходами США за границей. Только в 1960 году расходы на содержание американских вооруженных сил за границей достигли 3 млрд. долларов. Осуществляя свою экспансию в Западной Европе и развивающихся странах, США в 1958—1960 годах истратили на «помощь» иностранным государ-

ствам около 14 млрд. долларов, из них 7 млрд. — на прямую военную «помощь».

Все говорило о том, что дальнейшее падение золотого запаса будет нелегко остановить. Но именно этого ожидали финансовые круги от президента Кеннеди, требуя, чтобы он восстановил пошатнувшееся в Западной Европе доверие к доллару.

Дело было, однако, не только в устранении тех или иных конкретных финансовых или валютных трудностей. Новый президент вступал в должность в обстановке заметного ухудшения положения США в системе международных отношений.

Враждебность к СССР, к странам социалистического содружества стала постоянным спутником американской внешней политики. США все более недоверчиво относились к своим союзникам, боялись любого прогрессивного социального движения, возникающего в той или иной стране. Именно в такой атмосфере и начинал свою президентскую деятельность Джон Кеннеди, и это, безусловно, наложило на нее отпечаток.

Немало представителей правящих кругов США, чувствуя, как «почва уходит у них из-под ног» сразу в нескольких местах, не верили более в величие американского капитализма. А что касается престижа США, то он из-за агрессивной внешней политики Вашингтона падал все ниже и ниже.

В США в тот период было сделано немало пессимистических высказываний. Заслуживает внимания, в частности, сказанное Генри Киссинджером в книге «Необходимость выбора» (в 1961 году): «Соединенные Штаты не могут более позволить себе упадка, которым охарактеризовались последние пятнадцать лет. Еще пятнадцать лет такого ухудшения нашего положения на международной арене, и мы превратимся в изолированную Америку в мире, которому в значительной мере стали чужды» [III—82, с. 77].

Примерно такие же настроения господствовали и в окружении Кеннеди. Сам он был обеспокоен положением, в котором очутились США к 1960 году; его тревожили повсеместные провалы американской внешней политики на мировой арене.

В 1960 году вышел сборник речей Кеннеди «Стратегия мира». В предисловии к нему он писал: «Главная мысль этих речей заключается в том, что мы не выходим из состояния кризиса в силу двух причин: во-первых, потому, что нами еще не выработана стратегия мира, кото-

рая бы соответствовала новому миру, в котором мы живем, а во-вторых, потому, что не платим цены, которой требует такая политика» [III—79; с. VI].

По мнению Кеннеди, американская внешняя политика до 1960 года основывалась на монополии, которой США обладали после второй мировой войны, в двух областях: «монополии возможности экспортировать капитал и оказывать техническую помощь Европе и слаборазвитым странам» и «монополии обладания атомным оружием и способности доставить его к цели».

Кеннеди, однако, отдавал себе отчет, что этой монополии давно пришел конец. Еще в 1949 году СССР ликвидировал атомную монополию США. Работая в условиях взвинченной Западом гонки вооружений, советские ученые создали отличную военную технику, в том числе современные средства доставки ядерного оружия. «Потрясающий прогресс в технике ракетостроения привел Советский Союз к превосходству над Соединенными Штатами в способности доставить ядерные боеголовки к цели», — писал Кеннеди. Утверждение о «превосходстве» СССР над США в этой области следует оставить на совести Джона Кеннеди, а вот то, что США перестали быть неуязвимыми в своей заокеанской траншее, было сущей правдой.

Кеннеди придавал большое значение тому, что в 50-х годах Советский Союз стал оказывать значительную техническую помощь уже не только социалистическим, но и развивающимся странам. Кеннеди считал успехи Советского Союза в этой области «исключительными», высказывая мнение, что они будут иметь «большее значение, чем их триумф в военной технике».

Какие же выводы делал Кеннеди из этих рассуждений и оценок? На первый взгляд довольно трезвые. Прежде всего, он объявил пресловутую политику «освобождения», проводившуюся президентами Трумэном и Эйзенхауэром, «обманом и иллюзией». Более того, он высказал одну из самых реалистичных мыслей, когда призывал американские правящие круги «показать свою мудрость и зрелость, вступив в конструктивный обмен мнениями, в переговоры с Советским Союзом». В этом высказывании президента, безусловно, наибольший интерес вызывает слово «конструктивный». Он тогда еще не раскрывал его содержания. Но уже сама постановка вопроса в позитивном плане представляла определенный шаг вперед на фоне ожесточенной антикоммунистической и антисоветской кампании, захлестывавшей США.

В то же время в этой работе Кеннеди, как и во многих предвыборных выступлениях, призывал к наращиванию «американской мощи» в качестве средства для ответа на «советский вызов». Он писал: «Наша задача состоит в том, чтобы восстановить нашу мощь и мощь свободного мира (капиталистического сообщества. — *Авт.*), чтобы убедить Советы, что время и ход истории не на их стороне, что мировой баланс сил не изменяется в их пользу... Наша задача состоит в том, чтобы разработать национальную стратегию... всеобъемлющий набор тщательно подготовленных программ с долгосрочной ориентацией, которые увеличивали бы силу некоммунистического мира» [III — 79; с. IX].

Следует при этом заметить, что в отличие от многих других, более милитаристски настроенных американских политических деятелей и военных он подчеркивал, что ядерные силы США никогда не должны быть использованы как оружие «первого удара», а лишь как средство «сдерживания». Одновременно Кеннеди выступал за развитие обычных вооруженных сил, которые могли бы вести «ограниченные войны» в различных районах мира; для этого предлагалось в первую очередь повысить мобильность и гибкость сухопутных сил и корпуса морской пехоты. Как и в докладе группы Рокфеллера, в данной работе Кеннеди обращалось внимание на необходимость «перестройки НАТО в жизнеспособную и консолидированную военную силу, способную сдерживать любой вид атаки, унифицированную в своем вооружении и в своей ответственности» [III — 79; с. IX — X].

Капиталистическая система в США господствует уже более 200 лет. За это время она создала значительный экономический и военный потенциал. Господствующий класс накопил огромный опыт политической деятельности и социального маневрирования, но вместе с тем и основательно подгнил. В этом стареющем обществе постепенно сложился реакционный комплекс сил, диктующих внутреннюю и внешнюю политику. Он обслуживает интересы монополистического капитала. Именно его ставленники находятся у кормила государственной власти.

Естественно, что в силу своих классовых позиций монополистические группировки объединены чувством враждебности к социализму и коммунизму, как противостоящей им революционной идеологии и практике. Вместе с тем на внешнюю политику США влияет и ряд весьма разноречивых факторов, которые порождаются

специфическими интересами той или иной монополистической группировки. На общем фоне антикоммунизма и антисоветизма то в меньшей, то в большей степени были заметны некоторые различия в подходе представителей монополистических группировок к формам и методам осуществления внешней политики США. Эти различия объясняются в значительной мере непосредственными интересами тех или иных капиталистов. Так, например, на рубеже 50—60-х годов одни монополисты были заинтересованы в проникновении в экономику зарубежных стран, другие — видели для себя большую выгоду в расширении рынка сбыта для своей продукции в самих США. Они концентрировали внимание на внутренних проблемах США, а не на внешних, хотя последние, конечно, не выпадали из их поля зрения.

Наблюдалась также жестокая конкуренция между различными монополистическими группировками, компаниями и фирмами. По своей природе монополисты не могут не конкурировать между собой. «Нигде в мире монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом в ряде отраслей не существовал и не будет существовать. Написать такую систему — это значит написать систему, оторванную от жизни и неверную» [I — 8; с. 154], — отмечал В. И. Ленин.

В этих условиях одна группа монополистов вполне может быть довольна ослаблением позиций своего экономического конкурента не только на внутренних, но и на зарубежных рынках. Точно так же в США есть промышленные компании, которые в общем устраивало бы, чтобы средства, отпускаемые государством на вооружения, были использованы в другой области, не имеющей к военному производству прямого отношения. Они хотели бы этого по простой причине: их сфера приложения капитала, а следовательно, и получение прибыли находятся в гражданской промышленности.

Итак, основная движущая сила внешней политики США — монополистический капитал. Какова его «география»? В какой степени переплетаются и сталкиваются интересы различных монополистических группировок? Как все это влияет на внешнюю политику? Эти вопросы уже затрагивались выше, когда речь шла о политической базе соперников Кеннеди в предвыборной борьбе 1960 года — Джонсона, Никсона, Рокфеллера. Однако они, на наш взгляд, нуждаются в более подробном освещении с точки зрения понимания той политической среды, движущих сил американской внешней и внутрен-

ней политики, в которой действовал Джон Кеннеди, а затем его братья Роберт и Эдвард.

Наиболее мощной монополистической группировкой США к началу 60-х годов продолжало оставаться северовосточное объединение монополистов. Эту группировку часто именуют Уолл-стритом, по названию улицы банков в Нью-Йорке. Достаточно только упомянуть имена некоторых входящих в нее семейств монополистов и суммы, которые они контролируют, чтобы оценить вес и влияние группировки: Морганы (активы — 92 млрд. долларов), Рокфеллеры (82 млрд. долларов), Дюпони (20 млрд. долларов), Меллоны (15 млрд. долларов).

Сила этой группировки прежде всего в том, что она контролирует крупнейшие банки и страховые компании страны. По существу это означает выпуск подавляющего числа ценных бумаг (70 % операций) и почти полный контроль над операциями страховых компаний (90 % операций).

Морганы не стремились чаще, чем это требуется, щеголять своей экономической властью и финансовым могуществом. После второй мировой войны они преимущественно избегали входить непосредственно в состав правительства, больше действуя через подставных лиц и лоббистов. Такая тактика, маскирующая их действительное влияние на внешнюю и внутреннюю политику, представлялась Морганам более выгодной, чем тактика «открытого забрала».

Осторожная тактика группировки Морганов отличается от ее действий в прошлом, когда она экономически заметно доминировала над остальными американскими монополистическими группировками. В то время Морганы более откровенно проталкивали своих людей на посты в правительстве, в том числе и президентов. С ними были, в частности, очень тесно связаны президенты Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон.

К началу 60-х годов группа Морганов осуществляла контроль над пятью крупными банками США, 32 промышленными корпорациями (включая такие гиганты, как «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» и «Дженерал электрик»), 13 крупными железными дорогами, тремя гигантскими страховыми компаниями, 14 коммунальными предприятиями. Центром «империи Морганов» был банк «Морган гаранти траст компани», образованный в 1958 году в результате слияния «Морган Дж. П. энд компани» с «Гаранти траст компани» [II—18; с. 15—16].

Морганы в основном ориентировались на республиканскую партию, но «не забывали» и демократов. Их «империя» по сути дела заставляла работать на себя как первых, так и вторых. Происходило это в условиях ожесточенной конкурентной борьбы с другими монополистами, когда их интересы сталкивались.

Хорошо известен и экспансионизм Морганов, обладающих громадными капиталовложениями за границей, особенно в Западной Европе.

Под стать Морганам по своему экономическому и финансовому могуществу группировка Рокфеллеров. Ее представители контролировали капитал, почти не уступающий капиталу Морганов. При этом важно иметь в виду, что богатство семейства Рокфеллеров после второй мировой войны вкладывалось в одну из ключевых отраслей экономики — нефтедобывающую промышленность, которая развивалась гораздо более быстрыми темпами, чем сталелитейная или тем более угольная промышленность. Рокфеллеры сумели сколотить на эксплуатации нефтяных богатств других стран громадную часть своего состояния. Заграничные капиталовложения Рокфеллеров в нефть сосредоточены в основном в Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в Азии. Все это сильно отражается на внешней политике США. Как иногда говорят, от нее «пахнет нефтью».

Рокфеллеры придерживались отличной от Морганов тактики. Они открыто, а не завуалированно участвовали в американской внутривластной жизни, а один из них — Нельсон Рокфеллер пытался стать президентом США, впрочем безуспешно. Монополисты-соперники, как показала избирательная борьба Рокфеллера с Никсоном за то, чтобы стать кандидатом в президенты от республиканской партии, начеку. Рокфеллеров в Белый дом многие из них пускать не хотят. Это было бы невыгодно как Морганам, так и представителям других монополистических группировок, не входящих в северо-восточное объединение монополистов.

Третьим столпом северо-восточной группировки является семейство Дюпонов.

Дюпоны были особенно близко связаны с военной промышленностью. Начав с производства пороха, они затем стали крупнейшими в мире монополистами в химической промышленности. К началу 60-х годов Дюпоны также производили для Пентагона реактивные истребители, бомбардировщики и ракеты. Вместе с Морганом они контролировали значительную часть атомной

промышленности США, а также компанию «Дженерал моторс» [III—96; с. 603—609].

При характеристике группы Уолл-стрита нельзя не упомянуть семейство Меллонов. Их капиталы были вложены в основном в алюминиевую и нефтяную промышленность, а также в машиностроение и металлургию. Многие предприятия этого семейства расположены в одном из крупнейших американских промышленных центров, городе Питтсбурге. В силу этого практически вся финансовая и политическая жизнь этого города контролировалась и контролируется Меллонами и их ставленниками.

К уолл-стритовской группировке в определенной мере примыкает и семейство Фордов. Их интересы сосредоточены в автомобилестроительной промышленности, производстве авиационных двигателей и сельскохозяйственных машин. За послевоенные годы заводы Форда во все более широких масштабах включаются в производство вооружений, в том числе танков. Форды к началу 60-х годов обладали большим числом заводов за пределами США — в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке.

Среди других монополистов, примыкающих к северо-восточной группировке, следует также назвать Лимэнов, контролирующую фирму «Лимэн бразерс». Эта группа владела значительной частью торговой сети США. В конце 50-х годов она также захватила контроль над военно-промышленным концерном «Дженерал дайнемикс». С тех пор фирма Лимэнов стала одним из основных поставщиков оружия для американской армии, участвуя в производстве ракет и подводных лодок.

Таковы основные члены группировки Уолл-стрита.

К началу 60-х годов уолл-стритовская группировка по существу поглотила независимую ранее бостонскую группировку. Некоторая автономия бостонской группировки, правда, в ряде вопросов продолжала иметь место, однако ее мощь уже не шла ни в какое сравнение с мощью Уолл-стрита. Кроме того, бостонская группировка также страдала от натиска конкурентов с Юга и Запада США, что вынуждало ее идти на многочисленные коалиции с нью-йоркскими монополистами, в которых бостонцы, как правило, играли роль младших партнеров.

Семейство Кеннеди преимущественно принадлежало к бостонской группировке, но Джозеф, как уже отмечалось ранее, сумел установить довольно тесные коммерче-

ские и политические отношения с рядом крупных деятелей Уолл-стрита.

Второй мощной монополистической группировкой США в начале 60-х годов было среднезападное региональное объединение американских капиталистов, в которое входили чикагская и кливлендская группы. Чикагские монополисты контролировали около 40 млрд. долларов, кливлендские — 15 млрд.

Группа Среднего Запада по ряду параметров долгое время была серьезным конкурентом монополистической группировки Уолл-стрита. Интересы среднезападного объединения ограничивались преимущественно экономикой самих США, оно в меньшей степени зависело от иностранных капиталовложений и внешней торговли. В меньшей степени, чем монополисты Уолл-стрита, чикагская и кливлендская группы капиталистов были заинтересованы в гонке вооружений. Они заняты в основном банковским делом, сельскохозяйственным машиностроением, мясной промышленностью, автомобилестроением, металлургической промышленностью.

При характеристике кливлендской группы нельзя не назвать имени Сайруса Итона. Это была яркая для того времени личность, реалистически мыслящий представитель американских капиталистов. Под его контролем был капитал, превышавший 5 млрд. долларов. Оставаясь верным капитализму, Итон вместе с тем не одобрял политику «холодной войны» и выступал в пользу улучшения советско-американских отношений и мирного сосуществования. Он отдавал себе отчет в том, какую опасность для самих США представляет их политика агрессии и авантюры.

Такие представители влиятельного делового мира, как Итон, в США были чрезвычайно редки. Но о них уже нельзя было говорить и как об одиночках. Капиталисты, подобные Итону, в конце 50-х годов появились в районе горных штатов. Для примера можно назвать имя промышленника и банкира М. Экклеса, неоднократно критиковавшего внешнеполитический курс США, призывавшего покончить с «холодной войной» и добиваться всеобщего разоружения. Экклес прямо указал на то, что американская экономика во все большей степени попадает в зависимость от гонки вооружений. Это, резонно отмечал он, чревато инфляцией.

Такие представители американского монополистического капитала, как С. Итон и М. Экклес, не делали, конечно, политической погоды в Вашингтоне: их влияние

было недостаточно велико, а убеждения противоречили политическим взглядам наиболее крупных промышленников и финансовых воротил Уолл-стрита. В то же время Итон и Экклес олицетворяли собой определенное расхождение в среде американских монополистов.

Помимо монополистических группировок Уолл-стрита и среднезападной в США, как уже отмечалось выше, действовало несколько других мощных группировок, способных оказывать известное влияние на внешнюю политику США и соперничать с Уолл-стритом и Чикаго.

Среди них выделялась юго-западная монополистическая группировка, особенно сильно связанная с военным производством. Огромно влияние военно-промышленного комплекса в Калифорнии. На заводах, усеявших этот штат, производилось более четверти военной продукции США. Каждый третий рабочий на заводах Калифорнии занимался производством вооружений.

В юго-западной группировке были монополии и фирмы, тесно связанные с Уолл-стритом. Вместе с тем там выделилась более или менее самостоятельная финансовая группа Джаннини, контролировавшая 500 банков, в том числе крупнейший в США «Бэнк оф Америка». Группа Джаннини осуществляла широкую экспансию в Японию, на Филиппины, в Таиланд.

Следует также еще раз назвать тexasское региональное объединение монополистов, главным богатством которых была в начале 60-х годов нефть. Эта группировка, как уже отмечалось выше, активно соперничала с семейством Рокфеллеров.

Каллены, Ханты, Мэрчисоны и другие тexasские мультимиллионеры уже давно считали себя «обиженными» нью-йоркской финансовой группировкой при дележе пирога государственной власти. Они хотели большего влияния на внутри- и внешнеполитические дела США и кое-чего добились.

Таким образом, американский монополистический капитал, являясь реакционной силой, отравляющей международные отношения, вместе с тем в рассматриваемый период был неоднороден и сам испытывал на себе влияние объективных процессов, происходящих как на международной арене, так и внутри США.

В американских монополистических кругах в конце 50-х — начале 60-х годов заметны три направления, которые определяются как различием тактических соображений, так и порой разными экономическими интересами.

Первое направление пыталось не идти на поводу у сторонников «холодной войны» и как-то приспособиться к новой расстановке сил в мире. Его представители, кто хуже, кто лучше, начали сознавать, что старая основа внешней политики США — слепой антикоммунизм — потерпела поражение не только в развивающихся странах, но и в Западной Европе. Эти представители делового мира опасались ядерного конфликта, так как они осознали, что в его огне сгорели бы все их прибыли и богатства. В подавляющем большинстве случаев те, кто относился к этой группе, не осуществляли больших экспансионистских планов за пределами США.

Представители второго направления хотя и опасаются мирового термоядерного конфликта, но считают, что для сохранения влияния американского капитализма на международной арене необходимо широко прибегать в борьбе против национально-освободительных движений к так называемым «малым войнам». Они наиболее активные сторонники широкого использования политических, экономических и идеологических рычагов для защиты своей политики погони за прибылями. Эти монополисты обладали за рубежом большими экономическими интересами, извлекая громадные барыши за пределами США.

В начале 60-х годов второе направление, к которому относился и Джон Кеннеди, господствует и имеет подавляющее влияние в правительстве США. Среди монополистов второго направления имелось немало и таких, кто тяготел к военным средствам решения международных проблем, в том числе, при определенных условиях, и термоядерным.

И наконец, следует иметь в виду, что в США среди монополистов оформлялось и третье направление — самое опасное. Представители этого направления не хотели примириться с изменениями, происшедшими на мировой арене в соотношении сил социализма и империализма. Они были не прочь подготовить «превентивную ядерную войну» против стран социализма, и в первую очередь против Советского Союза. В международных отношениях представители третьего направления призывали полагаться на голую военную силу и ультиматумы. Они выступали против каких бы то ни было соглашений с Советским Союзом. Ядром этого третьего направления стал военно-промышленный комплекс, в состав которого входят крупные промышленные корпорации, производящие вооружения, политические центры, тесно связанные

с военным бизнесом, и гигантский аппарат военного ведомства. О военно-промышленном комплексе в момент ухода с поста президента с опаской говорил Дуайт Эйзенхауэр. Слова, высказанные этим президентом относительно нового образования государственно-монополистического капитализма, стали еще более актуальными для Соединенных Штатов в 80-х годах.

Эйзенхауэр в порыве откровенности отметил, что США после второй мировой войны создали непрерывно действующую индустрию вооружений огромных размеров, что, кроме того, в американских вооруженных силах к концу 50-х годов оказалось занято три с половиной миллиона мужчин и женщин. Ежегодно Соединенные Штаты стали расходовать на одну «военную безопасность» сумму, превышающую чистый доход всех американских корпораций. «Теперь это объединение колоссального военного аппарата и крупной военной промышленности — нечто новое в истории Америки. Его всеобъемлющее влияние — экономическое, политическое и даже духовное — ощущается в каждом городе, в органах управления каждого штата, в каждом учреждении федерального правительства. Мы признаем настоятельную необходимость в этом. Тем не менее нам нельзя не понимать вытекающих отсюда серьезных последствий... Мы должны в наших государственных делах остерегаться установления военно-промышленным комплексом ничем не оправданного влияния независимо от того, является оно преднамеренным или непреднамеренным. Потенциальная возможность пагубного усиления этой неправомерной власти существует и будет существовать» [II — 42; с. 48].

За время своего президентства Эйзенхауэр имел немало возможностей убедиться в растущем влиянии военно-промышленного комплекса, в его огромных аппетитах. Резкого роста военных расходов в 50-х годах по самым различным направлениям требовал, в частности, доклад так называемого «комитета Гейтера», в который входили представители верхушки деловых кругов, академической и политической элиты от республиканской и демократической партий. В докладе призывалось увеличить за два года военные расходы США более чем на 25 % и форсировать развитие стратегических ядерных вооружений, в первую очередь ракетного оружия. Однако, основываясь на собственных представлениях о потребностях США в вооруженных силах, возможностях американской экономики и финансах государства, Эйзенхауэр не стал проводить в жизнь рекомендации «комитета Гейтера»,

а ограничился значительно меньшими изменениями в военной политике [III — 40; с. 131 — 136].

После второй мировой войны в США наблюдается процесс милитаризации экономики, постоянно растет военный бюджет. Пентагон к началу 60-х годов владел собственностью, которая оценивалась в 200 млрд. долларов, получал ежегодно от конгресса 60 — 70 млрд. долларов военных ассигнований. Всего в вооруженных силах и военной промышленности США насчитывалось около 8 млн. человек. Военно-промышленный комплекс управлял целой экономической империей. Такие отрасли промышленности, как авиационная, судостроительная и радиоэлектронная, обильно снабжались военными заказами. Их удельный вес в общем выпуске авиационной промышленности составил более 90 %.

Милитаризация экономики страны привела к громадному росту влияния военщины на политическую жизнь США. Амбиции Пентагона и ЦРУ стали распространяться на решение политических вопросов первостепенной важности. Американские генералы к моменту прихода к власти Джона Кеннеди стали влиятельной силой в правительстве.

Не осталась в стороне от процесса милитаризации и американская буржуазная наука. Из 12 млрд. долларов, расходуемых на нее из федерального бюджета США, более 85 % шло на военные исследования по заказам Пентагона. Многие ученые, в том числе и в университетах, тем или иным образом работали на военные отрасли.

Руководящий партийный аппарат в США формируется из профессиональных буржуазных политиков, хорошо известных монополиям. Довольно часто аппаратом обеих ведущих партий в штатах руководят сами миллионеры, сделавшие политику своим вторым бизнесом. Можно сказать, что в США сложилась своеобразная каста партийных боссов как в демократической, так и в республиканской партиях. Они не только борются между собой, но и не допускают возникновения третьей массовой партии.

Для правильного понимания периода президентства Кеннеди необходимо иметь в виду и следующее: какая-либо принципиальная разница между демократами и республиканцами в США быстро исчезает. Это особенно относится к тому, как те и другие ведут свои внешнеполитические дела.

«Двухпартийная основа» американской внешней политики имеет свою историю. Еще во время второй миро-

вой войны президент Рузвельт стал широко привлекать республиканцев к участию в работе правительства. Для примера можно назвать имена Стимсона — военного министра и Нокса — министра морского флота. В какой-то мере эти назначения можно было объяснить условиями военного времени и необходимостью национального единства.

Сотрудничество с республиканцами после второй мировой войны по выработке основ американской внешней политики продолжил президент Трумэн. Его правительство особенно тесно сотрудничало с республиканцами в конгрессе, где роль проводника политики администрации Трумэна выполнял республиканский сенатор Ванденберг. Большое влияние на внешнюю политику демократов стал оказывать республиканец Д. Ф. Даллес. Внимательно прислушивались демократы к «советам» большого бизнеса, привлекая его представителей, например Бернарда Баруха, к разработке основ американской внешней политики. Основа, как известно, получалась экспансионистская и агрессивная. Американские монополисты намеревались заставить весь земной шар подчиниться им экономически, а затем и политически.

При Эйзенхауэре «двухпартийная основа» внешней политики США еще более укрепилась. Она стала характерной чертой деятельности республиканской администрации. Дело доходило до того, что порой в конгрессе США демократы оказывали Эйзенхауэру более активную поддержку, чем сами республиканцы.

Президент Кеннеди, как до него Рузвельт, Трумэн и Эйзенхауэр, рассматривал двухпартийность американской внешней политики как надежную опору деятельности своего правительства. Он никогда не забывал об этом принципе, который целиком соответствовал его взглядам.

Выступая еще в 1957 году в журнале «Форин афферс», Дж. Кеннеди подчеркнул, что «основное направление национальной цели не может выходить за пределы ее главного устремления ради преходящих узкопартийных выгод».

«Двухпартийная основа» внешней политики США, конечно, не означает, что как у республиканцев, так и у демократов нет своих различий в подходе к ведению внешнеполитических дел. Однако не в них главное. Разделение ролей между представителями правящей партии в правительстве и конгрессе и ее «оппозицией» диктуется несколькими факторами.

Во-первых, необходимо демонстрировать «демократизм» американской политической системы. Во-вторых, учитывать объективные обстоятельства, препятствующие осуществлению целей американского империализма. В зависимости от этих обстоятельств «оппозиционная» партия «атакует» правительство, как бы поправляя и корректируя курс внешней политики США.

Конечно, в конгрессе США всегда можно найти несколько деятелей, которые порой довольно остро выступали против наиболее авантюристических шагов американского правительства на международной арене. Однако не они делали политическую погоду в Вашингтоне.

Отметим, что демократическая и республиканская партии, представляющие интересы монополистического капитала США, предприняли энергичные усилия для того, чтобы устранить с внутривнутриполитической арены другие партии, как буржуазные, так и действительно прогрессивные, в первую очередь Коммунистическую партию США, выразителя интересов трудящихся. Демократы и республиканцы, являясь двуединой партией американских капиталистов, по существу монополизировали дело выборов в США. Эта «система 2-х партий», отмечал В. И. Ленин, «была одним из самых могучих средств помешать возникновению самостоятельной рабочей, т. е. действительно социалистической партии» [1—7; с. 193].

Но даже в цитадели империализма капиталистам не удалось достигнуть своей заветной цели — полностью устранить коммунистов с арены борьбы. Американские коммунисты на деле доказали преданность интересам своего народа. Они последовательно боролись и борются за политические и экономические интересы рабочих, фермеров, творческой интеллигенции, расово-этнических меньшинств. Американские коммунисты являются наиболее последовательными борцами с ультраправыми группировками в США.

Уже то, что с помощью широко разветвленного аппарата пропаганды и насилия монополистический капитал стремится не дать коммунистам, как говорится, на равных бороться на местных и президентских выборах с демократами и республиканцами, свидетельствует о многом. И прежде всего о том, что методы, с помощью которых капиталисты США удерживают все нити власти в своих руках, не имеют ничего общего с демократией, о которой в Вашингтоне так любят поговорить.

Несколько слов о профсоюзной верхушке США. Правые профлидеры всегда были верной опорой амери-

канского капитализма. Взаимодействие же администрации Кеннеди и профсоюзов было особенно тесным, так как по традиции профсоюзы в США поддерживают демократическую партию [II—35; с. 112—145].

Для более точного понимания периода президентства Кеннеди следует иметь в виду не только то, что возглавляемое им правительство подчинялось общим интересам американских монополий, но и то, что оно было активным помощником господствующего класса в осуществлении его целей как внутри, так и вне страны.

Было бы большим упрощением считать, что президент и члены его правительства слепо подчинялись приказам той или иной группы монополистов. В целом ряде вопросов Кеннеди действовал самостоятельно, руководствуясь буржуазной идеологией, своим мировоззрением и своей оценкой обстановки. Он преимущественно защищал интересы большинства американских капиталистов, а не какой-либо их части.

Интересы различных групп монополистов в историческом плане полностью совпадают, хотя их представители могут, конечно, порой придерживаться различных взглядов на многие конкретные проблемы экономики, внешней и внутренней политики. В результате этого во внешней политике США в разные периоды преобладают те или иные тенденции, которые, как показывает практика, не существуют сами по себе, не подменяют одна другую, а скорее переплетаются в довольно пестрый клубок, из нитей которого и соткана американская внешняя политика.

В 50-х и 60-х годах постепенно модифицировались политические и военно-стратегические концепции правящих кругов США. В них они искали теоретическое «обоснование» своего агрессивного курса и выход из растущих затруднений. С новой силой развернулась гонка вооружений. Усилилась экспансия частного капитала за границу. Что касается позитивных моментов в настроениях американских политиков, то они еще долго, вплоть до 1963 года, не давали всходов.

Политическая верхушка США после второй мировой войны придавала большое значение подведению теоретической базы под свою внешнюю политику. Число политических доктрин в истории американской внешней политики, вероятно, исчисляется сотнями. Они всегда преследовали вполне определенные цели и в своем подавляющем большинстве были направлены на утверждение, закрепление и усиление влияния США на международной

арене или в отдельных районах земного шара. Со временем внешнеполитические доктрины все чаще стали выражать отношение Вашингтона к группе стран или даже к одной стране.

Следует сказать, что накануне прихода Кеннеди к власти многие старые внешнеполитические доктрины США показали свою нежизнеспособность, вступив в противоречие с изменившимися на протяжении 50-х годов условиями международной обстановки. Эти доктрины и ранее были нереалистичны в том смысле, что не учитывали общих закономерностей общественного развития и постоянно вступали в острый конфликт с требованиями жизни. Собственно говоря, именно на них ложилась неблагодарная задача подвести теоретическую базу под «холодную войну». На протяжении 15 лет после второй мировой войны с помощью, например, таких агрессивных доктрин, как «отбрасывание коммунизма», «сдерживание коммунизма», доктрин Трумэна, Эйзенхауэра и Даллеса, американский империализм пытался всемерно ослабить социалистические государства и наносить удары по всему прогрессивному в Западной Европе и в молодых развивающихся странах.

В 50-х годах, особенно при Даллесе, внешняя политика США носит характер «крестового похода» против коммунизма, и в первую очередь против СССР.

Этот поход, как известно, потерпел крах. СССР и другие социалистические страны доказали, что все попытки Вашингтона достичь «тотальной победы» над коммунизмом обречены на провал. Какое-то время после смерти Даллеса доктрины и концепции «холодной войны» еще продолжали действовать в их первоначальном виде. Однако в условиях, когда наиболее трезвомыслящие представители правящих кругов США начинали понимать невозможность для них утвердить на всей земле «американский образ жизни», некоторые старые доктрины и концепции внешней политики США претерпели определенную трансформацию, изменения, корректировку в связи с новым соотношением сил на мировой арене. Это, разумеется, не означает, что, как показывают события начала 80-х годов, попыток возврата к временам «холодной войны» со стороны Вашингтона быть не может. Может! Суть дела, однако, состоит в том, что такие повороты американской внешней политики вспять, отбрасывая в сторону уроки прошлого, в конце концов наносят вред самим же США. Такие вехи в истории Соединенных Штатов возможны лишь при наличии

в Белом доме людей, глубоко невежественных в политике, людей крайне реакционных.

Многие американские буржуазные политики и идеологи все более отдают себе отчет, что существование социализма на Земле, а следовательно, и влияние коммунистических идей на международной арене стали постоянным фактором, с которым американскому монополистическому капиталу, хочет он того или не хочет, считаться придется. В результате в США складывалась концепция политики «гибкого курса» на международной арене. Такие теоретики американской внешней политики, как Дж. Кеннан и сенатор М. Мэнсфилд, заняли более осторожную позицию в отношении Советского Союза.

Большая группа политиков и идеологов оставалась, однако, в основном на старых позициях, выступая против какой-либо нормализации отношений между СССР и США. Сильное давление на них в этом направлении оказывали военщина и правые круги. Эта группа призвала любое будущее правительство США следовать преимущественно старому курсу, основанному на «максимальной твердости».

Как сторонники «гибкого курса», так и те, кто выступал за «максимальную твердость», не требовали коренного изменения внешней политики. Вопрос об этом на исходе 50-х годов в правящих кругах США не стоял. Речь шла о том, чтобы внешняя политика Вашингтона в отношении СССР и других социалистических стран, а также в отношении развивающихся стран была отчасти изменена, скорректирована с учетом нового соотношения сил.

Изменения в соотношении сил между СССР и США, между социализмом и капитализмом вообще, а также подъем национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке повлияли на военно-стратегические концепции американского правительства и военщины. Однако в этой области, непосредственно отражающейся на направлениях и объеме гонки вооружений, в правящих кругах США в 1960 году не было единства взглядов. Старая военно-стратегическая концепция «превентивного удара» и стратегия «контрсиль», основывающиеся на доведении гонки ядерных вооружений до возможно максимальных размеров, стали приобретать все больше противников.

Американская военщина разделилась на несколько группировок, каждая из которых выдвигала свою военно-стратегическую концепцию.

Среди этих группировок значительный вес приобрели те военные, которые особенно настаивали на гонке военно-морских ядерных сил — атомных подводных лодок «Поларис». Активным проводником этой линии в правительстве США стал адмирал Бэрк. Он провозгласил «Поларисы» «единственной в мире неуязвимой сдерживающей силой». Считая «Поларисы» неуязвимыми, представители военно-морских сил видели в них основную силу, которую необходимо поставить на службу внешней политике и военной стратегии США. В какой-то степени взгляды этой группировки противоречили гораздо более широким требованиям явных сторонников концепции «противосилы», выступавших за развертывание гонки не только военно-морских ядерных сил, но и всех других видов стратегического ядерного оружия, особенно ракет и военной авиации, способной нести атомные и водородные бомбы. Во главе последней группировки стояли представители ВВС США, в том числе генерал Лимэй, которые отстаивали интересы ракетостроительных и самолетостроительных компаний.

Как явные сторонники концепции «противосилы», так и адвокаты атомных подводных лодок «Поларис» по существу стояли на опаснейших для мира позициях «превентивного удара», т. е. возможности начать по собственному усмотрению атомную войну якобы для «предупреждения нападения» на США.

Нетрудно заметить, что обе военные группировки подходили к дальнейшей гонке ядерных вооружений в США с позиций общей концепции «массированного ответного удара», в которой слово «ответный» появилось исключительно в пропагандистских целях. На деле же они делали ставку на «большую» ядерную войну с социалистическими странами.

К 1960 году, однако, появляется все больше теоретиков и политиков, которые считают, что концепция «массированного возмездия» уже не полностью удовлетворяет целям внешней политики США. На передний план начинает все активнее выдвигаться теория так называемых «локальных войн» для сохранения позиций империализма перед лицом бурного натиска национально-освободительных движений.

Для достижения этой цели определенная часть военных, в том числе начальник штаба армии, а затем, при Кеннеди, председатель объединенной группы начальников штабов генерал Макссуэлл Тэйлор, предложила дополнить уже имеющиеся обычные вооружения новыми

высокомобильными вооруженными частями, которые были бы в состоянии вести «локальные войны» против национально-освободительных сил. Сторонники этого подхода особенно настойчиво требовали сохранения сотен иностранных военных баз США, рассматривая их как трамплины агрессии не только против СССР, но и против развивающихся стран. Эта группа военных требовала увеличения ассигнований на наземную армию США, ее подготовку для борьбы с народами освобождающихся стран.

У всех трех группировок американской военщины общим было одно: они выступали за дальнейшее развертывание гонки вооружений. Ко всем этим требованиям в правительственных кругах США сосредоточенно прислушивались.

С вниманием относился к требованиям военщины и Кеннеди. Он не случайно сделал одним из лейтмотивов своих предвыборных выступлений тезис о том, что у правительства США много «пробелов» в области обороны. Уже в период избирательной кампании Кеннеди, противореча своим недавним призывам к разоружению, выступил за дальнейшую гонку вооружений и за увеличение военных ассигнований на 3 млрд. долларов.

Вместе с тем заметное воздействие на военно-теоретическую мысль США начинает оказывать то, что они в 50-х годах утратили свою «неуязвимость» в военном отношении. Это заставило наиболее дальновидных представителей американских правящих кругов серьезно задуматься над разрушительными последствиями ядерной войны для самих США, если бы она была навязана миру любителями авантюры в официальном Вашингтоне.

Фактором, вызывавшим глубокое беспокойство у американских капиталистов, было более быстрое развитие промышленного производства в СССР, чем в США. На протяжении 50-х годов темпы роста советской промышленности постоянно оставались более высокими, чем в США. Поэтому многие представители делового мира Америки настойчиво требовали от правительства США предпринять все необходимые меры для повышения темпов роста экономики. Они считали, что правительство США с помощью мер государственного регулирования должно всеми возможными способами стимулировать экономику страны. Американский государственно-монополистический капитализм напрягал все силы, чтобы поправить свои дела в экономическом соревновании с социализмом.

Среди тех, кто добивался от правительства США более активного использования стимулирующего влияния государственных рычагов на экономику, громче всех раздавался голос военно-промышленного комплекса. Входившие в него монополисты из числа самых разных группировок американского капитала вели дело к дальнейшей милитаризации экономики США. Для них военные заказы были верной гарантией стимулирования находящегося под их контролем промышленного производства. Они настойчиво проводили через лоббистов в конгрессе, а также с помощью своих прямых ставленников в сенате, палате представителей и правительстве линию на усиление гонки вооружений.

Быстрыми темпами рос военный бюджет США: с 1950 по 1960 год военные расходы возросли с 13,5 млрд. долларов до 45,6 млрд., т. е. увеличились более чем в 3 раза.

Конечно, в 1960 году не все американские монополии в одинаковой мере были заинтересованы в гонке вооружений. Более того, для некоторых из них она не имела значения с точки зрения роста производства и прибылей. Следует, однако, иметь в виду, что гонка вооружений в США связана не только с факторами внутренней экономической жизни, но и в не меньшей степени с агрессивной основой внешней политики Соединенных Штатов Америки, «защитой интересов» американского капитализма в целом на международной арене. Поэтому если даже какая-либо компания непосредственно и не получает прибыли от гонки вооружений и занимается, скажем, в основном производством кондитерских изделий, то это отнюдь не приводит к обязательному миролюбию ее владельцев. В данном случае в силу вступают факторы идеологического порядка, прежде всего ненависть капиталистов к коммунизму и социальному прогрессу.

Вместе с тем в ряде случаев монополисты, непосредственно не связанные с военным производством, могли считать для себя более выгодным воздействие государства на какую-либо мирную отрасль промышленности, например производство мебели или строительство жилых домов. Они полагали, что безудержная гонка вооружений в конечном счете тормозит рост емкости внутреннего рынка и не способствует устойчивости государственных финансов. Таким образом, в подходе этой группы капиталистов к вопросам милитаризации бюджета и экономики США наблюдалась известная осторожность.

Военно-промышленный комплекс Соединенных Штатов постоянно вел активную пропагандистскую кампанию против самой идеи международной разрядки и разоружения. Долгое время американская пропаганда твердила, что если не в следующем, то уж обязательно «через два года» разразится третья мировая война. Не проходило и нескольких месяцев, чтобы тот или иной журнал Америки не выступал с очередным предсказанием на тему: «Когда же все-таки это случится?» Затем, со второй половины 50-х годов, милитаристская пропаганда в США несколько изменила тон. На первый план выдвигается тезис, что новая мировая война «весьма вероятна». А раз так, то «какой же может быть разговор о разоружении?»

В дополнение к массивованному психологическому давлению в ход пускались и аргументы экономического характера.

Большинство американских экономистов мрачно предсказывали, что «переход от пушек к маслу» будет сопровождаться увеличением безработицы. Делался прогноз, что в случае осуществления разоружения 10 млн. рабочих останутся без работы. Число безработных определялось степенью разоружения. Американцев, таким образом, отпугивали от идеи разоружения призраком голодных лет «великой депрессии» 30-х годов.

Влияние такого рода целенаправленной пропаганды на умы многих американцев было весьма значительным. Связав судьбы миллионов людей с военным производством, милитаристы старались в максимальной степени использовать и этот фактор. Накануне прихода Кеннеди к власти пропагандистские органы военно-промышленного комплекса вопрос о разоружении сознательно привязывали к вопросу: «А что произойдет с моей работой?» А так как последняя зависит от тех, кто, раздувая гонку вооружений, является ее вдохновителем, то нетрудно увидеть существование в США своеобразного замкнутого круга, созданного милитаристами, в который, как в стальную клетку, была заключена идея разоружения.

И все же часть предпринимателей выступила против такого подхода к взаимоотношениям между занятостью и проблемой разоружения. Их взгляды нашли, например, отражение в решениях Национальной ассоциации планирования (НАП). Последняя в начале 1960 года опубликовала заявление, в котором призывала правительство США разработать планы предотвращения «потрясений» экономики в случае достижения соглашения о разоруже-

нии. В заявлении НАП, куда входило немало видных предпринимателей и экономистов, отмечалось, что сокращение расходов в результате разоружения можно компенсировать расходами на ликвидацию трущоб, образование, здравоохранение. Признавалось, что разоружение даст возможность снизить налоги. Правда, Ассоциация высказалась за то, чтобы уровень военных расходов США не опускался ниже 25 млрд. долларов в год, поскольку-де это необходимо для «обеспечения безопасности».

НАП считала, что в результате разоружения в США могут возникнуть серьезные экономические проблемы. Однако характерно, что она увидела их не в «угрозе безработицы», а совсем в другом. В первую очередь в том, что в результате разоружения произойдет перемещение производства из одних отраслей промышленности в другие, а также из одного района в другой со всеми последующими проблемами его реорганизации. Ясно, что здесь уже идет разговор о перераспределении заказов, доходов и прибыли между различными промышленными компаниями и даже монополистическими группировками. Вот почему Ассоциация дальше откровенно признала, что переход от гонки вооружений к разоружению был бы «нелегким делом».

Группа крупных корпораций все больше прибирала к рукам военные заказы. В свою очередь эта концентрация порождала чрезвычайно высокие монопольные цены на вооружение и извлекаемые из него прибыли. По существу высокоприбыльные военные заказы производились не только за счет трудящихся, но и за счет налогов с остальных отраслей капиталистической экономики, так как выплаты налогов военными корпорациями во много раз меньше суммы государственных заказов, которые они получают. Это также не могло не способствовать возникновению в США определенных противоречий между военно-промышленным комплексом и монополиями, не связанными прямо с военным бизнесом.

Характерно, что как правительство Эйзенхауэра, так и правительство Кеннеди искали выхода из всех экономических трудностей в первую очередь не на путях уменьшения международной напряженности, что повлекло бы за собой сокращение военных расходов за границей и гонки вооружений, а на другой дороге. Вашингтон стал все более активно требовать от западноевропейских союзников, чтобы они переложили на свои плечи тяжесть хотя бы части расходов по военным блокам.

Большие надежды монополистические круги США возлагали на увеличение экспорта американского капитала за границу. Создание благоприятных условий для этого стало одним из основных требований к правительству США.

Особенно сильно в экспансии доллара были заинтересованы монополисты Уолл-стрита, издавна имевшие значительные финансовые интересы за границей, в первую очередь в Западной Европе. Без преувеличения можно сказать, что внешнеэкономическая политика правительства США в конце 50-х годов была преимущественно направлена на удовлетворение интересов финансово-промышленных кругов северо-восточной группировки монополистического капитала.

Любое американское правительство, в том числе и правительство Кеннеди, должно было уделять внешнеэкономической экспансии США всевозрастающее внимание. Это означало не что иное, как создание для американских вкладчиков капитала за рубежом еще более благоприятных условий, защиту их от «угрозы» со стороны национально-освободительных революций, использование неоколониалистских методов для того, чтобы в максимальной степени мешать развитию молодых государств стран Азии и Африки по некапиталистическому пути.

Первостепенное внимание правительство США уделяло традиционным районам экспансии — Латинской Америке, Западной Европе и Канаде.

Наибольшие опасения в этот период американские монополисты испытывали в отношении Латинской Америки. Победа кубинской революции произвела в правящих кругах США впечатление стихийного бедствия, которое могло охватить и другие страны Латинской Америки.

Американский монополистический капитал требовал ликвидации революционной власти на Кубе. Пример Кубы ставил под угрозу баснословные прибыли американских капиталистов во всей Латинской Америке. А тут еще наметилось «полевение» в Бразилии. Вашингтон залихорадило. В Пентагоне и ЦРУ стали разрабатываться планы вторжения на Кубу. Наряду с этим, как считали многие американские политики, в том числе и Кеннеди, в отношении Латинской Америки требовался какой-то «новый подход», за разработку которого и принялись в госдепартаменте.

Большую озабоченность у правящих кругов США вы-

зывало и положение в Европе. Здесь все сильнее давали себя знать процессы постепенного высвобождения ряда западноевропейских стран от американского засилья.

В 1960 году комитет палаты представителей по иностранным делам опубликовал доклад о политике США в Европе. Оценивая внешнюю политику Вашингтона в этом районе мира, конгрессмены пришли к удручающим для себя выводам. Во-первых, комиссия была вынуждена отметить явное ослабление международной напряженности в Европе, расширение взаимовыгодной торговли между социалистическими странами, с одной стороны, и все большим числом стран Западной Европы — с другой. Во-вторых, в докладе отмечалось «отсутствие единства в НАТО». Особенное неудовольствие высказывалось в адрес независимой политики правительства Франции.

В Западной Европе не только формально, но и по существу складывалось мощное объединение западноевропейских монополистов — конкурентов американского капитала. Замкнутый характер этого объединения не устраивал американские монополии. Им хотелось продолжать играть в западноевропейском регионе первую скрипку. А для этого надо было любыми способами «размягчить» союз стран «шестерки», ввести в него, как считали в Вашингтоне, верного союзника США — Англию, добиться принятия странами «Общего рынка» требований Уолл-стрита о постепенной экономической интеграции США и стран Западной Европы в таких формах, которые были бы выгодны американцам. Экономическая интеграция Западной Европы с США должна была, как надеялись в Вашингтоне, привести и к политической интеграции, т. е. продолжению засилья США во внешней политике стран этого региона.

И наконец, большую тревогу в правящих кругах США вызывало положение в Азии и Африке. В этих районах мира влияние США в конце 50-х годов начало заметно ослабевать. В ряде стран были свергнуты проамериканские и проанглийские режимы.

В Азии к 1960 году произошло резкое падение престижа США. Дело дошло до такого беспрецедентного провала, как отмена в 1960 году официального визита президента Эйзенхауэра в Японию. Реакционный кабинет Киси пал. В Южной Корее была свергнута американская марионетка диктатор Ли Сын Ман. В Южном Вьетнаме клика Нго Динь Зьема была окружена всеобщей ненавистью. В Азии и Африке потерпел сокрушительный

провал политический принцип Даллеса «нейтрализм аморален». Даже президент Эйзенхауэр, выступая перед африканскими послами, вынужден был заявить: «Мы не настаиваем, мы даже не хотим (!), чтобы вы принадлежали к тому или другому лагерю». Впрочем, эта новая, лисья тактика не давала особых результатов, несмотря на то что она обильно сдабривалась посулами американской «помощи».

В американской печати и политической литературе появляется все больше высказываний о том, что США по существу оказались плохо подготовленными к мощному подъему национально-освободительного движения в Африке. В Африку срочно направляются всякого рода специальные миссии для изучения положения на месте. Все они приходят к одному-единственному выводу: США следует резко усилить свою политическую, экономическую и идеологическую деятельность в Африке, выработать более гибкую стратегию и тактику, перестать открыто связывать себя со старыми колониальными державами — Англией, Бельгией, Португалией и Францией. Настроения о необходимости усиления американской экспансии в Африке полностью совпадали со взглядами Кеннеди.

Такова была политическая атмосфера в США накануне прихода Кеннеди к власти.

В интересах удовлетворения требований монополистического капитала и стал действовать новый хозяин Белого дома. Он становился у штурвала корабля, курс которого был проложен по трассе «холодной войны».

Глава V

КОНЦЕПЦИЯ «НОВЫХ РУБЕЖЕЙ»

Концепция «новых рубежей», ставшая базовой для администрации Джона Кеннеди, формировалась и отработывалась в основном в ходе предвыборной кампании с использованием уже имевшихся его заявлений и выступлений в качестве сенатора. На формирование конкретных положений внешнеполитической программы Кеннеди оказали воздействие разработки и рекомендации группы Нельсона Рокфеллера. Кстати, и термин «новые рубежи» присутствовал в окончательном варианте этого доклада [III—120; с. 265]. Наличие термина «новые рубежи» в рокфеллеровском докладе, начавшем публиковаться

в 1958 году, дало основание потом на протяжении многих лет недоброжелателям Кеннеди говорить о том, что главный лозунг его администрации был попросту похищен у либеральных республиканцев.

Анализ хода предвыборной кампании 1960 года, ряда документов демократической партии, ставших доступными в последние годы, позволяет сделать вывод, что многие существенные элементы концессии «новых рубежей» родились под значительным воздействием внутривнутриполитических, относительно конъюнктурных соображений, а затем, как это неоднократно случалось в американской политической истории, они набрали большую инерцию. Кроме того, президент Кеннеди во многом оказался пленником собственной риторики, и ему пришлось, став обладателем президентского поста, платить немалую цену за маневрирование перед избирателями в ходе борьбы за место в Белом доме.

Еще в начале 50-х годов, сразу же после поражения Трумэна на президентских выборах 1952 года, верхушка демократической партии, анализируя причины своих неудач, пришла к выводу, что ей необходимо реабилитировать себя за мнимую «мягкость» в вопросах внутренней и внешней политики.

Важным этапом в активизации деятельности значительной части лидеров демократической партии стал 1957 год — год запуска Советским Союзом первого искусственного спутника Земли. Демократы постарались полностью использовать в своих интересах реакцию на это историческое событие и в господствующем классе, и в широких слоях американского общества в целом. Реакция буржуазии была одновременно панической и шовинистической: у многих монополистов она резко усилила настроения в пользу предельной мобилизации ресурсов США для того, чтобы ответить на «советский вызов», причем главным образом в военно-технической, ракетно-ядерной сфере. Потрясение, которое произвел запуск советского спутника, усилило недовольство политикой администрации Эйзенхауэра. В этих условиях внимание правящей элиты оказалось на какое-то время сосредоточено на деятельности подкомитета по боеготовности сенатского комитета по делам вооруженных сил во главе с Линдоном Джонсоном, который возглавил специальное расследование состояния американских стратегических сил. Результаты этого расследования были изложены в виде срочной программы наращивания ракетно-ядерных средств и форсирования космической про-

граммы. Эти предложения подкомитета Джонсона известный обозреватель Джеймс Рестон назвал «вторым посланием о положении в стране», поскольку они были выдержаны в надпартийном духе и получили большой резонанс [II — 32; с. 127].

Более длительное воздействие на формирование оппозиции курсу Эйзенхауэра оказал Демократический совещательный совет, орган, образованный после выборов 1956 года при Национальном комитете демократической партии. Внутри этого органа не было полного единства. В нем проявились обозначившиеся еще ранее расхождения между сторонниками жесткой силовой линии во внешней политике — Д. Ачесоном, П. Нитце, Т. Финлеттером, С. Саймингтоном и сторонниками более умеренного курса, ориентировавшимися в основном на экономические, политические и идеологические методы борьбы с социализмом, — Ч. Боулсом, Э. Стивенсоном, Дж. К. Гэлбрейтом, Дж. У. Фулбрайтом, Х. Хэмфри, У. Морзе, Дж. Кеннаном. Оценивая эти разногласия, У. Липпман летом 1958 года писал о двух основных группах критиков внешней политики республиканцев: первой, считающей, что все проблемы США могут быть решены, если они будут больше вооружаться и решительнее вмешиваться в события в различных районах земного шара, второй — «хотя и соглашающейся с необходимостью поддерживать баланс в гонке вооружений, но считающей, что Соединенные Штаты уже не смогут больше быть настолько всесильными, чтобы сдержать или отбросить военной силой грандиозные революционные движения послевоенной эры...» [II — 32; с. 129].

На практике дистанция между двумя отмеченными группами была невелика, а по целому ряду вопросов и совсем исчезала. Многие сводилось лишь к различиям в акцентах, которые затем примирялись компромиссными решениями. Сторонники большего упора на невоенные средства противоборства с социализмом часто не выдерживали столкновений со своими коллегами — «ястребами». Аргументация и рекомендации умеренных членов Демократического совещательного совета представлялись руководству партии более сложными, а поэтому менее применимыми в предстоящих схватках за власть с республиканцами, в ходе которых основная роль отводилась простым лозунгам, играющим на националистических и шовинистических чувствах американцев.

Таким образом, объединение активистов и руководителей демократической партии накануне выборов 1960

года происходило в первую очередь вокруг лозунга наращивания военной мощи. С его помощью демократы без риска могли атаковать республиканскую администрацию, реабилитируя себя за мнимую «мягкость», в которой демократов стали активно обвинять еще в последние месяцы пребывания у власти президента Ф. Д. Рузвельта.

Большое внимание в разработках лидеров демократов и близких к ним деятелей из академических кругов занимали вопросы отношений США с чужими, недавно обретшими политическую независимость странами Азии и Африки. Следуя идеям и принципам буржуазного реформизма, либеральные деятели демократической партии разрабатывали и рекомендовали для будущей внешней политики в отношении этих стран такие средства и методы, которые помогли бы «оседлать» процесс социальных перемен путем заигрывания с ним, за счет различных уступок и внешней ассоциации с этим процессом. Цель такого курса — переориентация социальных перемен в безопасное для интересов американского капитализма русло, предотвращение революционного развития событий. Практическое же воплощение этого курса показало, что и ему присущи недооценка объективной стороны этого процесса, силы массовых движений и одновременная переоценка собственных возможностей Соединенных Штатов как государства и как социальной системы [II—32; с. 121—122].

Стратегия и тактика буржуазно-либерального реформизма в отношении национально-освободительного движения были разработаны в трудах группы специалистов из Массачусетского технологического института во главе с Максом Милликеном, в числе которых были такие видные политологи и социологи, как И. де Сола Пул, Ф. Бейтор, Д. Дернер, Л. Пай, П. Розенштейн-Родан, У. У. Ростоу и др. [III—43] Большинство из них неоднократно встречались с молодым сенатором от Массачусетса, а некоторые входили и в число его консультантов кампании 1960 года.

Подробно тематика, связанная с либерально-реформистскими методами борьбы с национально-освободительным движением, за влияние в освободившихся государствах, освещалась в специальном докладе тринадцати исследовательских центров по международным вопросам (общим объемом 1431 с.), представленном комитету по иностранным делам сената США. В составлении этого доклада активное участие приняли Стэнфордский исследовательский институт, Пенсильванский институт внеш-

неполитических исследований, Институт Брукингса, Центр по изучению Африки Северозападного университета, Вашингтонский центр внешнеполитических исследований университета Джонса Гопкинса, нью-йоркский Совет по международным отношениям и ряд других. Ведущую роль в подготовке окончательного варианта доклада сыграл Центр международных исследований Гарвардского университета [III—144].

Одновременно с разработкой различных вариантов «помощи» освободившимся странам в целях ориентации их социального, экономического и политического развития по капиталистическому пути ряд американских специалистов из академического мира и исследовательские центры, близкие к руководству демократической партии, в этот период активно разрабатывают вопросы военной «помощи» и ведения «контрповстанческих» войн в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Все эти моменты в той или иной мере отразились на разработке внешнеполитической программы Джона Кеннеди. Следует отметить, что в приватном порядке он признавал необоснованность милитаристского подхода к внешней политике, сложность и даже опасность гонки вооружений с экономической и внутренней, социально-политической точки зрения. Однако в публичных выступлениях в ходе борьбы за президентское кресло в Белом доме он не решался так ставить вопрос, считая, что это может обернуться для него потерей поддержки очень значительной части предпринимателей и других социальных слоев и групп населения.

Концепция «новых рубежей» во всех основных чертах оказалась изложенной в сборнике выступлений и статей Джона Кеннеди, озаглавленном «Стратегия мира». Оценивая содержание и дух этого сборника, следует сразу же отметить, что в соответствии с установками большинства руководства демократической партии представления Кеннеди о «стратегии мира» были во многом отягощены рассуждениями в духе «холодной войны». Здесь совмещались и реалистическая критика курса внешней политики Эйзенхауэра, и требования о принятии таких новых мер, которые сделали бы международное положение еще более напряженным.

Эта противоречивость в подходе Кеннеди к вопросам войны и мира наложила заметный отпечаток и на его деятельность на посту президента. Кеннеди-практик, опирающийся на противоречивую теоретическую программу, так же как и президент Эйзенхауэр, долгое время

шел при проведении внешней политики от кризиса к кризису.

Давая оценку американской внешней политике непосредственно после второй мировой войны, Джон считал, что в тот период у США имелись реальные силы для проведения политики «сдерживания» (служившей, как известно, ширмой для попыток закабаления США Западной Европы и средством подрывной деятельности против социалистических стран). Это были монополия на экспорт капитала и монополия в области ядерного оружия. Но далее Кеннеди признавал, что ни той ни другой монополии давно уже не существует. И он упрекал правительство США, что оно не осознало полностью значения этого «вызова», брошенного Америке.

Отмечая, что народы Азии, Африки и Латинской Америки, «прозябавшие в течение длительного периода колониальной власти, сейчас впервые пришли в состояние «брожения» и что это «представляет собой величайшую революцию», Кеннеди призывал США «возглавить(!) эту всемирную революцию» [III — 79].

«Американская демократия», провозглашал Джон, должна бороться «за свободу человека» в Азии, Африке и Латинской Америке. По сути дела это был призыв к правящим кругам США еще более настойчиво бороться за сохранение и укрепление своих позиций в молодых развивающихся странах.

Были у Кеннеди в его предисловии к «Стратегии мира» и высказывания в ином духе, более или менее реалистичные и свободные от демагогии. Так, например, он выступал за конструктивные обмены и переговоры с Советским Союзом, за обмен визитами глав правительств СССР и США. «Гораздо лучше встретиться на совещании в верхах, чем на грани войны», — заявлял он в одной из речей. Однако ценность подобных высказываний Кеннеди резко снижалась от того, что они были, как бы из-за боязни перед американской реакцией, густо насыщены антисоветскими и антикоммунистическими заявлениями.

Политика «новых рубежей» Кеннеди в целом сводилась к требованию разработать для США «национальную стратегию», основывающуюся на широкой серии тщательно подготовленных долгосрочных политических решений, ставящих целью усиление капитализма. Основные направления политики «новых рубежей» были намечены Кеннеди в его речи «Время решений», произнесенной в сенате США в июне 1960 года. Вот какие мероприятия он тогда рекомендовал осуществить:

— сделать неуязвимой способность США нанести «ответный» ядерный удар. Для этого совершенствовать ракетное оружие, укрепить военные базы, способствуя «политической и экономической устойчивости» тех стран, где они расположены;

— вновь «обрести способность» вмешиваться в любую ограниченную войну, «в каком бы месте мира она ни возникла», увеличивая и модернизируя обычные вооруженные силы;

— превратить НАТО в «жизнеспособную и сплоченную» вооруженную силу, расширив ее политические функции;

— создать «свободную мировую экономику», преодолеть ведущее к расколу экономическое соперничество между «Общим рынком» и Англией, между «шестеркой» (ЕЭС) и «семеркой» (ЕАСТ);

— защитить «международные валютные резервы», проводить «более последовательную политику» в области таможенных тарифов по обе стороны Атлантики;

— объединить «помощь» западных держав развивающимся районам мира. Совершенно заново разработать программу «помощи» США иностранным государствам, основанную на долгосрочных обязательствах;

— в сотрудничестве с Западной Европой и Японией значительно увеличить приток капиталов в Азию, Африку и Латинскую Америку;

— перестроить отношения США со странами Латинской Америки, действуя через усиленную ОАГ. Одного возвращения к «политике доброго соседа» недостаточно: нужен ряд новых установок;

— сформулировать «новый подход» к Ближнему Востоку, укрепляющий позиции США, однако при этом нельзя допустить, чтобы у арабов «создалось впечатление, будто их нейтралитет и национализм находятся под угрозой»;

— активизировать усилия в африканских государствах; США больше не могут «проводить политику, которая не учитывает неизбежной победы национализма в Африке, неизбежного конца колониализма». Удовлетворить острую потребность Африки в образованных людях, посылая туда все больше технических специалистов и педагогов и привлекая все больше африканских студентов — будущих африканских руководителей — в университеты США для обучения;

— показать решимость США «защищать» Западный Берлин;

— пересмотреть политику в отношении Китая, улучшить с ним контакты, но не признавать Китай и не давать согласия на его допуск в ООН;

— начать разрабатывать «новые реальные программы обеспечения мира и контроля над оружием», поскольку гонка вооружений обременяет весь мир фантастическими денежными тяготами, чрезмерно большими военными машинами; при гонке вооружений возможно случайное или безрассудное развязывание губительной для всего мира войны;

— укреплять ООН, увеличивая ее роль в урегулировании международных конфликтов;

— создать «сильную Америку» с «развивающейся экономикой», способной удовлетворять новые правительственные планы;

— подготовить и держать «в состоянии готовности» гибкие и реалистические средства, которые можно было бы использовать в Восточной Европе. Политика «освобождения», провозглашенная восемь лет назад, оказалась при сложившемся соотношении сил «ловушкой и заблуждением».

Особое внимание в отношениях с социалистическими странами Восточной Европы Кеннеди призывал уделять Польше. Он рекомендовал всячески изучать и использовать «возможности мирных изменений» внутри этой страны, которые соответствовали бы интересам Соединенных Штатов и действовали в плане ослабления социалистического содружества [III—79; с. 113].

Как видно из вышеизложенного, в выдвинутой Кеннеди программе в полной мере отразились экспансионистские настроения, господствовавшие в американских правящих кругах в конце 50-х годов. Но в ней явственно чувствовалось и беспокойство за позиции США на международной арене, забота о новой, «более гибкой» тактике в борьбе с «мировым коммунизмом» и национально-освободительным движением. В отдельных пунктах программы отдавалась определенная дань противникам дальнейшей безудержной гонки вооружений.

Характерным моментом программы Кеннеди являлся явный приоритет, который он отдавал в ней проблемам внешней политики перед проблемами политики внутренней.

«Новые рубежи» нашли свое выражение и в программе демократической партии, принятой летом 1960 года. Здесь они носили более расплывчатый характер и касались главным образом вопросов внутренней политики.

Зато посулы раздавались буквально всем. Рабочим обещали ликвидировать трущобы, снизить налоги и увеличить жилищное строительство; фермерам — повысить их доходы; монополиям — стимулировать деловую активность «без инфляции» и приостановить спад промышленного производства; безработным — обеспечить «полную занятость»; неграм — гражданские права; военно-промышленному комплексу — увеличение расходов на оборону [III — 168; с. 125].

16 июля 1960 года, после окончания работы съезда демократов в Лос-Анджелесе, Кеннеди в речи кандидата в президенты от демократической партии заявил: «Семь долгих лет засухи и голода истощили поле идей. Густая мгла опустилась на наши руководящие органы, и гниль, берущая свое начало в Вашингтоне, просачивается во все уголки Америки... Пора новому поколению руководителей, новым людям приступить к решению новых проблем, использовать новые возможности... Сегодня некоторые скажут, что... все горизонты изведаны, что все битвы выиграны, что американского рубежа больше нет». Нет, воскликнул Кеннеди, «не все проблемы решены, не все битвы выиграны, мы стоим сегодня на новом рубеже — рубеже 60-х годов, неизведанных возможностей и опасностей, неосуществленных надежд и угроз... Новый рубеж здесь, независимо от того, ищем мы его или нет. За этим рубежом находятся еще не раскрытые области науки и космоса, нерешенные проблемы мира и войны, непобежденные очаги невежества и предрассудков, неразрешенные проблемы нищеты и излишка... Суровые факты таковы, что мы стоим на этом рубеже, являющемся поворотным пунктом в истории» [III — 89]. Такова была эмоциональная характеристика, данная Кеннеди политике «новых рубежей». В ней сквозила острая тревога о судьбе капитализма.

В период президентской избирательной кампании Кеннеди не раз, хотя и в общей форме, говорил о том, что нужно изменить устаревший курс политики и отбросить утратившие свое значение лозунги. Он требовал осуществления «новых идей» во внешней политике, отмечая, что у США нет никаких реальных предложений о том, как ликвидировать тупики по германскому вопросу, в Западном Берлине, в вопросе о «контроле над вооружением», все остальные тупики, поскольку единственной американской «большой стратегией» является гонка вооружений и «холодная война». Однако, чем ближе становился день президентских выборов, тем реже звучала

в речах Кеннеди тема необходимости изменения курса внешней политики США. А во время его инаугурации она оказалась почти полностью забытой.

При характеристике «новых рубежей» следует учитывать, что многое в них на самом деле было отнюдь не новым. Например, по подходу к ряду проблем, порожденных «холодной войной», Кеннеди не отличался от Никсона и ультраконсервативного крыла американских политиков. Так, например, он неоднократно выступал за проведение в США «недели поработанных стран», как бы по инерции призывал, противореча себе, к «освобождению» стран Восточной Европы.

Но было в высказываниях автора политики «новых рубежей» и немало такого, что существенно отличало Кеннеди от представителей лагеря крайне правой реакции в США. Можно, например, сослаться на следующее.

Для политики «новых рубежей» на первом этапе по ряду вопросов был характерен определенный реализм. Так, критикуя провокацию с У-2, Кеннеди в мае 1960 года прямо заявил, что если бы он был президентом, то «не допустил бы возможности инцидента» и «не разрешил бы такой полет». Далее он отметил, что провал совещания в верхах в Париже «был результатом инцидента с У-2». Такая позиция Кеннеди вызвала резкую критику в его адрес со стороны правительственных лиц, и в своих последующих выступлениях он, опять-таки противореча себе, заявлял, что крах переговоров «был прямым следствием советской решимости (!) сорвать переговоры».

Кеннеди более или менее последовательно высказывался в пользу расширения советско-американских контактов. Выступая 1 октября 1959 года в Рочестерском университете, он заявил: хотя никакие переговоры между СССР и США «не в состоянии положить конец разногласиям» между ними, это не значит, что такие переговоры «безнадежны». «Избыток пессимизма не лучше, чем избыток оптимизма», — заметил Джон. Он призвал США и СССР освободиться от бремени гонки вооружений, утверждая, что США «не хотят ядерной войны». Отметив, что дальнейшее распространение ядерного оружия весьма опасно, Кеннеди призвал СССР и США к соревнованию в области торговли и производства.

В своих выступлениях, в частности в Лос-Анджелесе 2 ноября 1959 года, Кеннеди возражал против предложения губернатора штата Нью-Йорк Н. Рокфеллера возобновить ядерные испытания. Он высказывался в пользу соглашения о всеобщем разоружении и «демилитариза-

ции некоторых определенных районов напряженности», призывая правящие круги США не рассматривать проблему разоружения лишь как «средство ведения психологической войны», т. е. перестать подходить к этому вопросу только как к средству пропаганды.

Нетрудно заметить, что здравые высказывания Кеннеди по проблеме разоружения противоречили его же концепции создания в США «мощной военной силы», т. е. наращивания их военной мощи. Подобных противоречий в теории и практике «новых рубежей» было немало, они отражали настроения самых различных слоев американского общества, часто диаметрально противоположные.

Так, провозглашая основные принципы политики «новых рубежей», Кеннеди положительно высказывался в отношении переговоров как средства мирного урегулирования международных споров. В одном из своих интервью он прямо заявил, что «нужно вести переговоры». Однако он тут же делал оговорку, что выступает за переговоры «с позиции силы».

Следует сказать, что до президентских выборов 1960 года концепция «новых рубежей» в первую очередь имела целью победу в избирательной кампании. Характеризуя Кеннеди и его «новые рубежи», известный американский политический обозреватель Уолтер Липпман за десять дней до президентских выборов следующим образом объяснял «секрет популярности Кеннеди». По мнению Липпмана, он «заложен в вызываемой им надежде, что страна вступит в новый период обновления и возрождения, надежды и энергии, новых интересов и новой уверенности». Он, продолжал Липпман, «не намерен отвести государственный корабль в сторону и реконструировать его. Он намерен снабдить его капитаном и офицерами, которые знают, куда идут, и обладают волей для этого». Тем самым Липпман подтверждал, что больших перемен в американской внутренней и внешней политике Кеннеди делать не собирался, но, стремясь к осуществлению многих старых целей, хотел прибегнуть к новым методам и тактике.

Весьма любопытным было выступление влиятельного американского журнала «Форчун» за несколько дней до выборов. В опубликованной журналом статье говорилось: «Независимо от того, за что высказывается или какую политику сформулировал тот или иной кандидат, прежде чем вступить в должность президента, он затем подвергается давлению, которое он вряд ли мог себе

представить. На посту президента он должен приспособиваться к обстоятельствам». Это высказывание имело прямое отношение и к «новым рубежам» Кеннеди. Все то, что не удовлетворяло в них правящую элиту США, так и осталось теорией без практики. Лишь малую толику своих позитивных мыслей удалось Кеннеди претворить в жизнь на последнем году президентства, да и то вопреки усилиям значительной части правящих кругов США.

Глава VI

ФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАЦИИ И ЕЕ ОБЛИК

20 января 1961 года в Вашингтоне состоялась инаугурация — официальное вступление Джона Фитцджеральда Кеннеди в должность президента США. Кеннеди, без пальто, на сильном пронизывающем ветру, произнес речь. О чем же поведал собравшимся 35-й президент США?

Выступление Кеннеди было сравнительно коротким и содержало обязательный для каждого президента набор помпезных высказываний, прославляющих достоинства американской демократии, содержащих заверения в верности вступающего в должность главы исполнительной власти наследию американской буржуазной революции, заветам «отцов-основателей». В речи прозвучал дежурный призыв укреплять единство между союзниками по Атлантическому пакту. Значительное место было отведено проблемам недавно освободившихся государств. Кеннеди, в частности, заявил, что Соединенные Штаты будут предоставлять «помощь» этим странам «не потому, что это делают коммунисты... а потому, что, если свободное общество не может помочь многим бедным, оно никогда не спасет немногих богатых». В отличие от других американских президентов послевоенного периода Джон Кеннеди не назвал «врагами» социалистические государства, он применил более расплывчатое выражение, поименовав их как «те страны, которые сделались бы нашими противниками». Как стало известно позже, автором этого определения был известный американский журналист и социолог Уолтер Липпман; оно использовалось Кеннеди многократно и в последующие годы. Касаясь отношений с Советским Союзом, новый президент заявил: «Давайте

никогда не будем вести переговоры из страха, но давайте никогда не бояться переговоров». Он также говорил, что будет добиваться сотрудничества, укрепляя одновременно военную мощь Соединенных Штатов [II — 58; с. 161 — 162].

Разумные намеки, высказанные в инаугурационной речи Кеннеди, были встречены яростными нападками со стороны крайне правых, ультра. С этого момента они стали с подозрением относиться к молодому хозяину Белого дома, которого и раньше кое-кто из них подозревал в «мягкотелости» по отношению к коммунизму.

Еще до инаугурации, сразу же после победы на выборах, Кеннеди и его «команда» приступили к формированию новой администрации. И надо сказать, что подбор людей оказался весьма непростым делом. Причина этого таилась не столько в том, что с 1933 года, когда президентом США стал Рузвельт, демократы ни разу не формировали вслед за республиканцами новое правительство, сколько в подходе Кеннеди к подбору лиц, с которыми ему предстояло работать.

В чем же состоял этот подход?

Кеннеди, как известно, был невысокого мнения о деятельности правительства Эйзенхауэра. Проблемы своего предшественника он не в последнюю очередь объяснял слабой компетентностью Эйзенхауэра и многих его министров в вопросах внешней и внутренней политики. По мнению Джона, в правительство США требовался приток свежих сил и идей. А это, как он считал, можно было осуществить только с помощью включения в него новых лиц — «знатоков» своего дела.

В первые недели после победы над Никсоном Джон Кеннеди считал, что он обладает свободой выбора среди кандидатов на основные посты в верхнем эшелоне исполнительной власти. Перед своей «командой» он поставил задачу отбирать самых компетентных, способных и энергичных претендентов. Но очень скоро новоиспеченный президент убедился в том, что предстоящие назначения придется производить не только на основе выдвигаемых им требований. Приходилось думать и о чисто политической стороне дела, имея в виду то, что он победил на выборах с очень незначительным преимуществом. Это означало, что политическая база нового президента должна быть расширена и упрочена за счет ряда сделок с другими политическими группировками господствующего класса, в том числе с теми, которые поддерживали его недавних соперников.

При отборе кандидатов на посты министров и их первых заместителей Кеннеди заботила и проблема обеспечения управляемости госаппарата после восьмилетнего пребывания республиканской администрации, успевшей в ряде ведомств расставить своих людей и среди несменяемого чиновничества. С подобной же проблемой столкнулся в 1953 году и Д. Эйзенхауэр, который возглавил республиканскую администрацию после двадцати лет пребывания у власти демократов, проведения «нового курса» Рузвельта и «справедливого курса» Трумэна, на базе программ которых вырос огромный бюрократический аппарат. Этот связанный в первую очередь с демократами аппарат фактически блокировал многие внутривнутриполитические мероприятия администрации Эйзенхауэра, и республиканцам лишь во второй срок пребывания у власти удалось несколько изменить состав чиновничества высших рангов. Все это после выборов 1960 года представляло уже проблему для администрации Кеннеди.

Хотя Кеннеди стремился сформировать администрацию, которая была бы молодой, свежей и жаждущей действовать, он вынужден был исходить и из более традиционных соображений географического, религиозного и политического баланса, отмечалось в специальном исследовании по формированию высшего эшелона послевоенных администраций [III—91; с. 23].

Немаловажным обстоятельством при формировании администрации Кеннеди оказалось и то, что ни он сам, ни его ближайшее окружение просто не имели на примете того огромного количества людей, которым предстояло стать президентскими назначенцами в многочисленных органах федеральной исполнительной власти. При этом значительную часть из этих постов должны были занять люди таких специальностей, о которых члены «команды Кеннеди» не имели ни малейшего представления. Новый президент и его ближайшее окружение обладали лишь опытом профессиональной политической деятельности, юридической практики, предпринимательской активности, но они практически не знали, например, людей — специалистов по горнодобывающей промышленности или по рыболовству, которые должны были занять крупные посты в ряде соответствующих федеральных ведомств.

Для подбора кандидатур в свою администрацию помощники Кеннеди создали специальную группу с амбициозным названием «охота за талантами». Эта группа состояла из двух основных функциональных подразделе-

ний. Одно из них возглавлялось Ларри О'Брайном; это подразделение в первую очередь было озабочено политической стороной подбора кандидатов в администрацию. О'Брайн организовал вокруг себя целую сеть влиятельных политических деятелей демократической партии, обеспечивавших поддержку Кеннеди на прошедших президентских выборах и способных поддержать его на выборах 1964 года.

Другое подразделение группы возглавил Сарджент Шрайвер; здесь уже подходили к проблеме формирования администрации с другими критериями. Шрайвер и его помощники провели анализ характера работы на всех постах, которые должен был заполнить своими назначенцами президент, и на его основании выдвигали требования к кандидатам [III—171; с. 23].

Группа «охота за талантами» пыталась использовать в своей работе различные нетрадиционные методы, в частности специальную систему оценки различных качеств претендентов на посты в администрации. Для этого был приглашен известный специалист по кадрам из «Интернэшнл бизнес машинз» — ведущей корпорации по производству электронно-вычислительной техники. Этот специалист оценивал качество обсуждаемых кандидатов путем анализа темпов роста их заработной платы и числа людей, находящихся в подчинении. Т. Соренсен предлагал измерять по специальной шкале индивидуальную «степень политической поддержки Кеннеди» в ходе предвыборной кампании. Однако эти методы оказались трудноприменимыми на практике.

Одновременно члены данной группы разработали набор более традиционных критериев по отбору кандидатов, в которые, например, включались «жестокость», «способность принимать ответственные решения», «цельность», «способность сработаться с другими людьми», «преданность принципам нового президента» и т. п. При применении этих критериев доминировали, разумеется, субъективные суждения отдельных членов группы «охота за талантами»; в то же время, как отмечали впоследствии многие американские специалисты по формированию правительственных органов, эти критерии позволили все же несколько снизить степень субъективности при отборе кандидатов, помогли отработать общую «философию» группы «охота за талантами».

Сам президент был активным участником работы этой группы в начале ее деятельности. Многих кандидатов, с которыми он не был знаком ранее, Кеннеди опра-

шивал лично. И он очень строго следил за тем, чтобы окончательное решение о выборе того или иного кандидата на ответственный пост было его личным решением.

По мере приближения дня инаугурации Кеннеди стал уделять проблеме кадрового состава своей администрации меньше внимания. Однако он не пошел здесь по пути многих своих предшественников, делегировавших полномочия по подбору сотен руководителей второго и третьего эшелонов уже назначенным главам министерств и ведомств. Занимаясь меньше кадровыми делами лично, Кеннеди оставил их в руках ближайших помощников — членов его проверенной «команды», которые продолжали поиски кандидатов на посты заместителей и помощников министров, руководителей управлений.

Наглядно о подходе Кеннеди к формированию своего правительства свидетельствует участь в недавнем прошлом кумира демократов, правда неудачливого, Эдлая Стивенсона. Последний не только не стал государственным секретарем, но ему был предложен один из сравнительно второстепенных постов в правительстве — пост представителя США при Организации Объединенных Наций. Чтобы подсластить горькую пилюлю, этот пост был возведен в ранг члена кабинета. Стивенсон был вынужден согласиться. Он знал, что шутки с новым президентом плохи. Того и гляди, вообще останешься за бортом правительства, которое Стивенсон в прошлом мечтал возглавить сам, но дважды потерпел в этом неудачу.

Примерно так же сложилась судьба и другого видного деятеля либерального крыла демократов — Честера Боулса, второго наиболее вероятного кандидата на пост государственного секретаря. Ему Кеннеди предложил пост заместителя государственного секретаря.

На пост министра обороны США прочили одного из самых видных демократов, пользовавшегося большим влиянием в военно-промышленных кругах, — сенатора Стюарта Саймингтона. На этот же пост прочили председателя Национального комитета демократической партии Генри Джексона.

Однако как Саймингтону, так и Джексону занять пост министра обороны предложено не было.

Все эти факты не случайны. Они отражали явное нежелание Джона Кеннеди включать в «свою команду» на самые ведущие посты известных политических деятелей, среди которых он мог бы оказаться лишь первым среди равных.

Новый президент с самого начала похоронил идею Эйзенхауэра о введении в правительство новой должности — первого государственного секретаря, который бы координировал деятельность других министерств. Эта идея шла вразрез с принципами Кеннеди.

Необходимо было осуществлять и свои собственные идеи президентства исходя из обобщенных интересов правящего класса и удовлетворять в той или иной мере частные интересы различных группировок деловых кругов страны. Без этого не могло функционировать ни одно американское правительство, и Кеннеди это отлично понимал. Сам он, конечно, знал сотни людей, и людей вроде бы толковых. Но пришлось бы они по душе ведущим монополистическим группировкам? Это был вопрос не из легких.

Одной из самых актуальных задач Кеннеди считал укрепление связей с уолл-стритовской группой. Моргань и Дюпоны, Рокфеллеры и Форды — в конечном счете от их поддержки в громадной степени зависела и зависит судьба любого американского правительства. На эту группировку опирались в своей деятельности как правительства демократов Рузвельта и Трумэна, так и республиканское правительство Эйзенхауэра. Это был союз политиков и хозяев.

Кеннеди устанавливает контакт с двумя наиболее влиятельными представителями уолл-стритовской группировки — Робертом Ловеттом и Джоном Макклоем. Это было необходимо, так как названная финансовая группировка, по признанию Шлезингера, «относилась к Кеннеди с некоторой долей подозрения» [III—131; с. 385]. Что за люди были Ловетт и Макклой?

Ловетт являлся влиятельным нью-йоркским политическим деятелем и банкиром, некоторое время служил заместителем государственного секретаря и министром обороны США, входил в состав правления Фонда Рокфеллеров. Он долгие годы был партнером одной из наиболее элитных банковских фирм — «Браун бразерс, Гарриман энд компани» и возглавлял правление контролирующей Гарриманами крупной железнодорожной корпорации «Юнион пасифик». В дополнение к этому Ловетт входил в состав правлений гигантских компаний «Коламбия бродкастинг систем», «Фрипорт сульфур компани», «Нью-Йорк лайф иншуренс», «Норт Америкэн эвизйшен», а также в правление одной из ведущих организаций монополистического капитала — Совет экономического развития [III — 53; с. 4—6, 40].

Джон Макклой также с давних пор был хорошо известен на Уолл-стрите. Длительное время, вплоть до 1940 года, он работал в качестве юриста крупных нью-йоркских корпораций, оформлял финансовые сделки международного характера, особенно тесные связи имел с западноевропейскими деловыми кругами. С апреля 1941 по ноябрь 1945 года Макклой — заместитель министра обороны США. В 1947—1949 годах он занимает пост директора Международного банка реконструкции и развития, затем в течение четырех лет был верховным комиссаром США в Германии. К этому времени Макклой высоко оценили в нью-йоркских деловых кругах. В 1952 году, уйдя в отставку, он становится председателем совета директоров «Чэйз Манхэттен бэнк» — ведущего банка семейства Рокфеллеров — и одновременно занимает директорское кресло ряда крупных промышленных корпораций.

По своему происхождению, социальным связям, предпринимательской и политической карьере Ловетт и Макклой входили в ядро правящей элиты Северо-Востока, в ту ее часть, которая получила наименование «внешнеполитический истеблишмент» и наиболее отчетливо оформилась в годы второй мировой войны. Ее первым лидером был военный министр в правительстве Ф. Д. Рузвельта Генри Стимсон, деятель с богатейшей политической биографией (он еще в 1931 году занимал пост государственного секретаря). Стимсон привел за собой в Вашингтон группу молодых единомышленников, принадлежавших к тем же патрицианским слоям американской буржуазии, — Д. Паттерсона, М. Банди и упомянутых выше Дж. Макклоя и Р. Ловетта. Эти люди и некоторые другие деятели* стали основными творцами внешней политики Соединенных Штатов после второй мировой войны [III — 13; с. 48 — 52].

На протяжении многих лет во «внешнеполитический истеблишмент» входили лица только англосаксонского происхождения и протестантского вероисповедания, окончившие Гарвардский, Йельский, Принстонский университеты и малочисленные аристократические частные школы. Практически все члены этого ограниченного круга в период учебы в университетах были членами тех или иных закрытых обществ, доступ в которые имеют лишь представители высших слоев американского общества,

* А. Гарриман, Д. Ачесон, М. Тэйлор, Д. Раск, П. Нитце, У. Клейтон и др.

готовые посвятить свою жизнь политической и государственной деятельности ради общих интересов господствующего класса. В Йельском университете имеется, например, несколько таких закрытых обществ: «Волчья голова», «Книга и змея», «Берзелиус» и др.

По некоторым данным, наиболее влиятельным среди них является общество «Череп и кости», основанное в 1832 году Уильямом Расселом, который перед переходом на последний курс Йельского университета побывал на стажировке в Германии и познакомился там с деятельностью немецких университетских закрытых обществ. Во многом «Череп и кости» и другие закрытые общества напоминают европейские масонские ложи либо представляют собой их эквивалент. Они не являются обычными университетскими «братствами» — коммунами, членами которых в США состоят сотни тысяч, если не миллионы студентов и выпускников вузов, поддерживающих друг с другом в той или иной мере социальные связи на протяжении всей жизни. Члены закрытых обществ американской правящей элиты не живут в одном помещении, не имеют общей казны для удовлетворения основных потребностей студентов, но они регулярно собираются на недоступные для непосвященных собрания в специально построенных для этого «храмах», делятся самыми сокровенными личными тайнами, связывая таким образом друг друга теснейшей круговой порукой для последующей политической и предпринимательской деятельности. Устав «Черепа и костей» предусматривает, например, чтобы его члены рассказывали друг другу об интимных подробностях своей жизни (лежа при этом в ритуальном гробе «храма») [III—126; с. 85—88].

Длительное время в состав этих закрытых обществ допускались лишь лица англосаксонского происхождения и протестантского вероисповедания. Только в 60-х годах под влиянием того, что в составе финансовой олигархии Северо-Востока оказались в значительном числе люди иудаистского и католического вероисповеданий, они также стали постепенно допускаться в эти закрытые общества.

Между отдельными закрытыми обществами имеют место сохраняющиеся десятилетиями вражда и соперничество, которые проявляются не только в рамках их деятельности в университетских городках, но и при борьбе членов этих обществ за высокие государственные и политические посты. В частности, по некоторым сведениям, активно соперничают между собой «Череп и кости»

и «Свиток и ключ» (видными членами последнего были покойный Дин Ачесон и здравствующий ныне Сайрус Вэнс). Различные закрытые общества собирают друг на друга обширные досье, ревниво следят за продвижением ставленников своих соперников в государственном аппарате США.

Эти общества обладают немалыми финансовыми средствами, которые размещены в наиболее элитных банках страны, например в «Браун бразерс, Гарриман». Многие их члены в послевоенные годы заполнили целый ряд важнейших постов в аппарате Совета национальной безопасности, министерстве обороны, государственном департаменте, в Центральном разведывательном управлении. При смене администраций эти люди на время покидали правительственные органы, оставаясь при этом активными закулисными творцами внешней политики, работая в таких организациях, как нью-йоркский Совет по международным отношениям, Институт Брукинга, Атлантический совет и др. Центральную роль среди них на протяжении ряда десятилетий играл Совет по международным отношениям (СМО), созданный в 1912 году.

Эта организация, совмещающая в себе функции полукрытого дискуссионного клуба северо-восточной элиты с исследовательским центром, к моменту прихода к власти Кеннеди зарекомендовала себя как ведущий «мозговой трест» монополистической буржуазии по вопросам международных отношений и внешней политики. В 20—30-х годах, в условиях доминирования изоляционистских настроений в США, в Совете по международным отношениям активно обсуждались идеи о создании единой мировой политико-экономической системы во главе с Соединенными Штатами. Основная часть членов Совета рассматривала экспансию американской торговли и капиталовложений как одно из лучших средств решения внутренних проблем, снижения остроты классовой борьбы. Главной задачей Совета, по словам американских исследователей Л. Шоупа и У. Минтера, «являлось сохранение статус-кво дома, а это подразумевало экспансию за рубежом» [III—135; с. 23].

Созданный для защиты интересов монополистической буржуазии, Совет по международным отношениям с первых же дней существования Советского государства выступал с позиций активной борьбы с «распространением коммунизма». Многие члены Совета пристально следили за развитием молодой социалистической страны, оценивая ее вес в международных делах. На страницах

органа СМО журнала «Форин афферс» часто появлялись злобные антисоветские статьи, но время от времени, учитывая реалии современного мира, авторы публикаций в этом журнале выдвигали и сравнительно конструктивные идеи для американо-советских отношений. Так, например, еще в 1922 году редактор «Форин афферс» профессор Гарвардского университета А. К. Кулидж писал: «Должны ли мы отказываться от продажи так необходимого русскому крестьянину сельскохозяйственного инвентаря потому, что нам не нравится советская Москва? Признать правительство страны не означает, что мы им восхищаемся. Это просто признание существующего факта» [III—137; с. 192—193].

Рекомендации, разработанные Советом, послужили основой создания Экспортно-импортного банка США для торговли с Советским Союзом и принятия Закона о торговых соглашениях 1934 года, поставившего на более прочную договорную основу советско-американские торговые отношения.

В то же время многие американские промышленные корпорации и банки, чьи руководители были активными членами СМО, вкладывали капиталы в немецкую промышленность и торговали с германскими концернами, финансировавшими Гитлера.

Осознавая мощь и влияние «внешнеполитического истеблишмента», Кеннеди проводит с Ловеттом серию встреч и консультаций, внимательно прислушиваясь к мнениям и рекомендациям последнего. На одной из встреч Ловетт признается, что он выступал за Никсона, который, как уже отмечалось выше, в ходе борьбы за место в Белом доме старался расширить свою политическую базу в первую очередь за счет укрепления связей с различными деятелями из северо-восточной монополистической группировки, несмотря на глубочайшую неприязнь к ним. Признание Ловетта не смущает Кеннеди, поскольку такое случается нередко в американской политической жизни.

Джон предлагает Ловетту на выбор один из трех главных постов в его кабинете: государственного секретаря, министра обороны или министра финансов. Сославшись на плохое здоровье, Ловетт отказывается. Кеннеди подумывает, не оставить ли ему в новой администрации министра обороны Томаса Гейтса, обладавшего сильной поддержкой со стороны ряда крупнейших монополистов. Советники и помощники президента отговаривают его от этого шага: ведь не кто иной, как Кеннеди,

только что в ходе избирательной кампании резко критиковал военную политику администрации Эйзенхауэра, а следовательно, и деятельность министерства обороны.

Выход из положения вскоре был найден, и предложил его все тот же Ловетт. Он рекомендовал молодому президенту на пост министра обороны президента «Форд мотор компани». На этот пост Макнамара был избран советом директоров лишь за пять месяцев до своего назначения министром обороны; он был первым президентом в истории этой компании не из семьи Фордов.

В «Форд мотор» годовой оклад Макнамары выражался суммой 400 тыс. долларов: он должен был стать одним из наиболее высокооплачиваемых менеджеров американского бизнеса из числа тех управляющих, которые по своей философии, социальному статусу мало чем отличались от крупнейших частных собственников — ведущих акционеров корпораций. В мире бизнеса Макнамара прославился как исключительно эффективный администратор огромной автомобильной фирмы, который, по словам «Уолл-стрит джорнал», «знает, как расходуются каждый доллар в «Форд мотор»» [III — 114; с. 74].

На предложение Ловетта и Кеннеди Макнамара согласился не без колебаний: ему предстояло покинуть столь высокооплачиваемый пост в одной из наиболее известных и крупных американских компаний в самом начале карьеры в качестве ее главного управляющего, теряя более 370 тыс. долларов в год в окладе (министр обороны в то время получал немногим более 20 тыс. долларов в год). Однако после консультаций со своими друзьями и партнерами по бизнесу он дает согласие. Немаловажную роль в этом сыграла позиция самого Генри Форда, настоятельно рекомендовавшего Макнамаре взять бразды правления министерством обороны [III — 76; с. 165].

Соглашаясь на предложение войти в состав новой администрации, Макнамара оговаривает для себя полную свободу в комплектовании руководящего состава министерства обороны и в перестройке его оргструктуры.

Пост первого заместителя министра обороны получает нью-йоркский юрист Росвелл Гилпатрик, который на протяжении некоторого времени в начале 50-х годов был заместителем министра военно-воздушных сил. Юридическая фирма «Крават, Суэйн энд Мур», в которой Гилпатрик был одним из ведущих партнеров, обслуживала интересы таких гигантов американского бизнеса, как «Бетлехем стил корпорейшн», «Кемикл бэнк», «Мин-

неаполис-Хониуэлл регьюлейтор компани», ИБМ, «Тайм инкорпорейтед» [III—60; с. 16].

Министром военно-морских сил в администрации Кеннеди стал техасский юрист Джон Коннели, близкий друг и политический союзник вице-президента Линдона Джонсона, обладавший к началу 60-х годов и собственной политической базой. Министром ВВС был назначен Юджин Зукерт, который имел большой опыт работы в государственных федеральных органах: он был заместителем министра ВВС в администрации Трумэна, а затем в течение двух лет — членом Комиссии по атомной энергии. Покинув государственную службу, он занимался юридической практикой и хорошо оплачиваемой консультативной деятельностью в Вашингтоне вплоть до приглашения в администрацию Кеннеди [III—45; с. 19].

Первым министром сухопутных сил (армии) стал некто Элвис Стар, президент университета Западной Вирджинии, которого Кеннеди вынужден был назначить из соображений укрепления своих позиций в южных штатах. (Первоначально на этот пост Кеннеди намеревался назначить президента ИБМ Томаса Уотсона-младшего.) Следует заметить, что Стар недолго пробыл министром сухопутных сил: его вскоре сменил Сайрус Вэнс, бывший перед этим генеральным юрисконсультom министерства обороны. До прихода на государственную службу Вэнс являлся одним из главных партнеров престижной нью-йоркской юридической фирмы «Симпсон, Тэтчер энд Бартлетт», обслуживавшей «Лимэн бразерс» и «Мэнюфкчурис Хэновер траст» [III—47; с. 191].

Аналогичную тактику Джон Кеннеди избрал при подборе министра финансов. В этот период появились признаки ухудшения международных валютно-финансовых позиций США, что крайне встревожило весь американский банковский мир. Поэтому и без того большая заинтересованность банкиров в том, чтобы на этом посту оказался «нужный человек», была усилена данным фактором. Сразу же после победы Кеннеди на выборах специальная группа представителей банковских кругов во главе с Полом Нитце информировала его о принявшей большие масштабы утечке золотого запаса США. Уолл-стрит и другие группировки финансовой олигархии требовали, чтобы администрация приняла самые решительные меры для прекращения утечки золота, чтобы на пост министра финансов был назначен человек, пользующийся в международных финансовых кругах уважением и доверием. Ряд крупнейших деятелей Уолл-стрита в ка-

честве наиболее приемлемых кандидатур на этот пост называли Ловетта и Макклоя. Когда они отказались от назначений, всплыла кандидатура Дугласа Диллона, заместителя государственного секретаря в администрации Эйзенхауэра.

Надо сказать, что Кеннеди был не в восторге от перспективы включения в свое правительство республиканца из правительства Эйзенхауэра. Некоторое время он колебался, прикидывая возможность удовлетворения интересов Уолл-стрита какой-либо другой кандидатурой. Некоторые из его советников упоминают имя известного демократа банкира Аверелла Гарримана. Но эта кандидатура, как выяснилось, не нашла бы достаточной поддержки. Многие влиятельные финансисты Уолл-стрита недолго любили Гарримана, считая его «ренегатом», изменившим консервативным принципам в годы Рузвельта, у которого он был послом по особым поручениям, осуществляя в том числе важнейшие миссии в Советском Союзе во время второй мировой войны.

Вопреки предостерегающим советам некоторых из своих помощников Кеннеди все больше склоняется в пользу кандидатуры Диллона. Джон знал, конечно, что в истории формирования американских правительств было мало случаев, когда вновь избранный президент приглашал в состав своего правительства на один из самых важных постов представителя побежденной партии, который к тому же раньше не являлся членом кабинета. Когда Кеннеди стали докучать подобного рода доводами, то он заявил: «Эти соображения мне безразличны. Все, что я хочу знать, — способный ли он человек? Будет ли он поддерживать нашу программу?» Если бы Кеннеди был более откровенен, то он бы, конечно, добавил: история историей, но требования монополистов Уолл-стрита куда важнее. Перед ними должен склониться и престиж демократов.

Когда Кеннеди предложил Диллону пост министра финансов, тот быстро дал согласие. Диллон был деятелем с богатой политической биографией и многочисленными связями в американской правящей элите, в том числе он поддерживал особо тесные отношения с семьей Рокфеллеров. До того, как стать заместителем государственного секретаря, он был послом США во Франции; на этот пост он попал после предпринимательской деятельности в качестве президента нью-йоркской инвестиционной фирмы «Диллон, Рид энд компани» и «Ю. С. энд форин секьюритис корпорейшн». В течение многих

лет Диллон входил в состав попечительского совета Фонда Рокфеллеров [III—18; с. 177].

Нелегко было подобрать подходящую кандидатуру на пост государственного секретаря. Поиски велись беспрерывно. Кеннеди перебирал в уме десятки имен. После того как Ловетт отклонил предложение стать государственным секретарем, Кеннеди прикидывает возможности таких людей, как Честер Боулс, сенатор Фулбрайт, бывший посол в Париже и Бонне Дэвид Брюс. Вскоре, однако, стало ясно, что у нью-йоркской монополистической группировки, как говорится, аппетит пришел во время еды. Ловетт стал энергично настаивать на кандидатуре Дина Раска. До этого Кеннеди мало что слышал о Раске. Теперь же ему предлагали взять его на один из самых важных правительственных постов.

Учитывая источник настойчивой «просьбы», Кеннеди отнесся к ней со всей серьезностью. Ведь по существу за Раска ходатайствовало семейство Рокфеллеров и близкие к ним монополисты.

Раск являлся членом правления Фонда Рокфеллеров, занимаясь распределением средств для «помощи» развивающимся странам. Благотворительный Фонд Рокфеллеров состоял из пожертвованных ими денег, большая часть которых все равно была бы вычтена из их доходов в качестве налогов. Так не лучше ли, решили в семействе Рокфеллеров, использовать значительную часть этих средств для популяризации своего «добротного имени» и усиления влияния американской буржуазной идеологии в развивающихся странах. Вот этой работой и занимался Раск, выполняя ее с усердием, заслужившим ему доверие Рокфеллеров.

Кеннеди не заставил себя долго ждать. Он лично позвонил Раску и пригласил его на встречу. Через несколько дней Раск встречается с Кеннеди. К этому времени последний уже успел ознакомиться со статьей Раска «Президент» в журнале «Форин афферс», основной смысл которой сводился к тому, что президент США, и только он, руководит внутренней и внешней политикой Соединенных Штатов, а министры ему в этом помогают. Вместе с тем Раск предостерегал нового президента против поспешных встреч на высшем уровне и призывал его доверить дипломатию дипломатам. Статья, особенно ее первая часть, понравилась Кеннеди. В меньшей степени ему понравился сам Раск. Рассказывают, что последний расстался с президентом в полной уверенности, что встреча закончилась безрезультатно, так как он и Кенне-

ди «по-разному смотрят» на многие вещи. Однако на следующий день Кеннеди все же предложил ему занять пост государственного секретаря по иностранным делам. Требование Ловетта было удовлетворено.

Итак, все три наиболее важных поста в кабинете Кеннеди оказались заняты людьми, рекомендованными Ловеттом. Но предстояло произвести еще множество других назначений, в том числе на субкабинетном уровне в том же госдепартаменте. Здесь следует заметить, что из 82 предложенных Кеннеди кандидатур на высшие посты в госдепартаменте 63 были членами нью-йоркского Совета по международным отношениям. Позднее Джон Макклой, подбиравший людей для госдепартаamenta, признавался: «Когда нам нужен был человек, мы просматривали список членов СМО и затем звонили в Нью-Йорк» [III—137; с. 200].

Первым заместителем государственного секретаря становится известный деятель либерального крыла демократической партии Честер Боулс, имевший опыт дипломатической работы: в начале 50-х годов он некоторое время был послом Соединенных Штатов в Индии. Он также долгое время входил в состав попечителей Фонда Рокфеллеров, будучи в нем наиболее критически мыслящим в отношении догматов «холодной войны» деятелем. Ч. Боулс недолго занимал этот важный пост в госдепартаменте: в декабре 1961 года он становится послом по особым поручениям и тем самым устраняется от ведения важнейших внешнеполитических дел. Ему наследует Джордж Болл, бывший вашингтонский юрист. Фирма Дж. Болла «Кагири, Готлиб, Стип энд Хамильтон» представляла интересы «Пэн-Америкен уорлд эйрвейз», а также ряда других корпораций и организаций, в том числе иностранных [III—102; с. 20].

Другие руководящие посты в государственном департаменте были заполнены преимущественно профессиональными дипломатами, имевшими значительный опыт государственной службы. Исключение составил лишь заместитель государственного секретаря по политическим вопросам Джордж Макги, техасский нефтепромышленник средней руки, имевший незначительный опыт дипломатической работы в администрации Трумэна. Имея свои корни в Техасе, Макги успел до прихода к власти администрации Кеннеди обрести важные связи и в элите Северо-Востока страны: он входил в состав совета попечителей Института Брукингса и Совета экономического развития. В 1953—1958 годах он был также директором

вашингтонского Института Ближнего Востока, исследовательской организации, обеспечивающей необходимой информацией, оценками и прогнозами американские нефтяные монополии, оперирующие в этом регионе [III—18; с. 177, 216].

Небезынтересны назначения Кеннеди на посты послов. Послом в Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии был назначен Дэвид Брюс, выходец из патрицианской семьи северо-восточной элиты, деятель, оставивший предпринимательскую карьеру ради карьеры политической и дипломатической еще в начале 40-х годов. К моменту прихода к власти Джона Кеннеди Брюс успел побывать послом во Франции, ФРГ, заместителем государственного секретаря. Одновременно он сохранял теснейшие связи со многими крупнейшими американскими монополистами, главным образом через своего брата Джеймса, который входил в состав советов директоров «Авио мэньюфекчуринг К⁰», «Америкэн эйрлайнз», «Лимэн-Аазард-Фрере», «Ревлон», «Рипаблик стил» и был также известен как один из наиболее удачливых собирателей денег в фонд демократической партии [III—56; с. 84, 264].

Отступив от американских традиций, Кеннеди послом во Францию назначил отставного генерал-лейтенанта Джеймса Гэвина, который в течение двух лет после выхода в отставку возглавлял известную бостонскую консультативную фирму «Артур Д. Литтл» и входил в советы директоров «Мерченгс нэшнл бэнк оф Бостон» и «Америкэн электрик пауэр компани». Послом в ФРГ был оставлен профессиональный дипломат Уолтер Даулинг, назначенный еще Эйзенхауэром. В апреле 1963 года он был заменен упоминавшимся выше техасцем Дж. Макги. Послом в НАТО стал Томас Финлеттер из нью-йоркской юридической фирмы «Кудерт бразерс». Эта фирма не принадлежала к ведущим юридическим фирмам Уолл-стрита, и, видимо, причиной его выбора в качестве посла США в НАТО было скорее всего то, что он на протяжении нескольких лет был активным членом директората Совета по международным отношениям [III—18; с. 183].

В силу особой роли, которую уже тогда начал играть Южный Вьетнам во внешней политике американского империализма, заслуживает внимания назначение посла в эту страну. В первые два года пребывания у власти администрации Кеннеди послом оставался профессиональный дипломат Фрэнк Нолтинг. Однако по мере все

большого вмешательства администрации в дела этой страны и региона в целом президент решает сделать послом в Южном Вьетнаме известную политическую фигуру республиканца Генри Кэбота Лоджа, своего бывшего соперника в борьбе за место в сенате США от штата Массачусетс. Тем самым ответственность за вьетнамские дела как бы перекладывалась отчасти и на плечи республиканцев.

Послом США в Советском Союзе до середины 1962 года Кеннеди оставил опытного дипломата Ллуэлина Томпсона, который затем был заменен также профессионалом в этой области Фоем Колером — бывшим заместителем государственного секретаря по европейским делам.

Пост министра торговли в администрации Кеннеди занял бывший губернатор Северной Каролины Лютер Ходжек, почти не имевший опыта предпринимательской деятельности, но пользовавшийся большой поддержкой деловых кругов и политических лидеров «глубокого Юга». Его назначение и было обусловлено необходимостью удовлетворить растущие политические амбиции монополистов этого региона страны.

Остальные посты в правительстве Кеннеди в основном распределил между своими союзниками на выборах, взявшими его сторону еще до съезда демократической партии и представлявшими различные регионы страны.

Губернатор штата Коннектикут А. Рибикофф был назначен министром здравоохранения, образования и социального обеспечения. Губернатор штата Аризона С. Юдэл получил пост министра внутренних дел. Юрист А. Голдберг, имевший тесные связи с профсоюзами и пользовавшийся одновременно доверием предпринимателей, стал министром труда. Своему другому ближайшему стороннику, бывшему губернатору штата Мичиган М. Уильямсу, Кеннеди отдает важный пост помощника государственного секретаря по африканским делам.

Необходимо также было решать «проблему Бобби», брата президента. Роберт Кеннеди, безусловно, был одним из самых способных, если не самым способным помощником своего старшего брата в течение многих лет. Благодаря его тактическому чутью и громадной работоспособности Джону удалось решить не один важный вопрос. Был у Роберта и опыт работы в конгрессе США, где он в течение пяти лет занимал пост советника сенатского комитета по расследованию преступности.

Посоветовавшись с отцом, Джон Кеннеди решает

предложить Роберту пост генерального атторнея (министра юстиции). Сам Роберт Кеннеди был не в восторге от идеи старшего брата. Более того, он решительно ей воспротивился. Его больше тянуло пусть и на второстепенные роли, но в министерство обороны или госдепартамент. Джон стоял на своем. Однажды за завтраком он не допускающим возражения тоном сказал Роберту, что тот должен будет занять пост генерального атторнея. Роберт был вынужден согласиться [III—130; с. 247—249].

Особо следует отметить решение Кеннеди оставить во главе ЦРУ и ФБР Аллена Даллеса и Эдгара Гувера. Это решение Джон принял сразу же после выборов вопреки мнению своих ближайших друзей, с которыми он на следующий день после президентских выборов отмечал за ужином победу. Тогда казалось, что Кеннеди внимательно прислушивается к отрицательным отзывам своих гостей о руководителях ЦРУ и ФБР. Кое-кто из присутствующих даже полагал, что Даллес и Гувер могут быть уволены в отставку. Этого, однако, не произошло.

На следующее утро, когда любители давать советы в неофициальной обстановке открыли газеты, они были поражены, а некоторые даже слегка возмущены сообщением о том, что Кеннеди предложил остаться на своих постах как Даллесу, так и Гуверу. Однако Кеннеди знал, что делал. С помощью этого шага он стремился с самого начала показать влиятельным кругам, что он человек «серьезный», «вполне зрелый» и ожидать экстравагантных выходов с его стороны не следует. Это была тактика «завоевания доверия». А доверием со стороны американских монополистов и политической элиты Кеннеди очень и очень дорожил. Ему приходилось учитывать и особую прочность позиций в американской политической элите, которыми завладели (каждый по-своему) к тому времени А. Даллес и Э. Гувер.

Аппарат помощников и советников Белого дома был сформирован почти исключительно из числа испытанных соратников Джона по многолетней политической деятельности. Структура аппарата Белого дома при Кеннеди отличалась от структуры его предшественника Эйзенхауэра в первую очередь тем, что был ликвидирован пост главного помощника президента — руководителя всего президентского штата сотрудников. Однако очень скоро реальные потребности управления заставили выдвинуть на ведущую роль среди ближайших сотрудников президента К. О’Доннела, который, по оценке дру-

гого помощника Кеннеди — П. Селинджера, «имел самое большое влияние на президента, обладал самым большим объемом полномочий и правом доступа к своему боссу» [III—128; с. 93].

Непосредственно после О'Доннела по степени близости к президенту шли Теодор Соренсен и Макджордж Банди. Т. Соренсен в аппарате Белого дома был координатором всех основных внутривластных действий администрации и играл ключевую роль в отработке посланий Кеннеди конгрессу. Одновременно он продолжал, как и в ходе предвыборной кампании, писать основные речи для своего босса, что он делал в тесном контакте с последним. М. Банди, назначенный на пост специального помощника президента по национальной безопасности, был единственным среди высших руководителей аппарата Белого дома, кто не работал до этого в «команде» Кеннеди. Он даже не входил в консультативную группу по внешнеполитическим вопросам из двадцати пяти человек, сформированную после победы Кеннеди на съезде демократической партии. М. Банди — представитель патрицианской бостонской семьи, обладавшей крупным состоянием и тесно связанной с рядом крупных банков. В большинстве своем к началу 60-х годов члены семьи Банди уже не занимались предпринимательской деятельностью; они жили на проценты с накопленных их предками капиталов и активно участвовали в политической жизни Соединенных Штатов. Сам М. Банди непосредственно перед приходом в администрацию Кеннеди был деканом профессорского состава Гарвардского университета и входил в число наиболее видных членов Совета по международным отношениям, являясь плотью от плоти ядра «внешнеполитического истеблишмента» США [III — 18; с. 184].

Ларри О'Брайн в аппарате Белого дома отвечал за связи с мэрами городов и губернаторами штатов от демократической партии; много внимания он также уделял связям с лидерами конгресса. Пьер Селинджер стал пресс-секретарем Белого дома. Историк Артур Шлезингер-младший не имел столь серьезных политических поручений, как названные выше его коллеги по Белому дому. У него был довольно свободный график работы, и он консультировал президента по самому широкому кругу долгосрочных политических и исторических проблем. Кеннеди иногда раздражали слишком длинные меморандумы Шлезингера, отсутствие связи между его идеями и самыми острыми повседневными проблемами

президента, но он продолжал часто общаться с этим относительно молодым, но уже известным гарвардским историком. Кеннеди часто приглашал Шлезингера пообедать с ним в семейном кругу. Как многие другие государственные деятели, Кеннеди заранее стремился найти, определить свое место в истории, и в этом отношении Шлезингер с его огромной эрудицией и остротой мышления был для него незаменимым собеседником.

Получивший пост специального помощника президента Ралф Дунган обладал наиболее разнообразным кругом полномочий в Белом доме. Как и в ходе предвыборной кампании, он продолжал осуществлять связи с профсоюзами, а также с религиозными лидерами. Одновременно Дунган зарекомендовал себя как неплохой специалист по латиноамериканским делам. Кроме того, он отвечал за подбор кадров для реализации программ «новых рубежей» среди активистов демократической партии.

Двумя другими помощниками президента, имевшими к нему прямой доступ, были Тимоти Риордан и Ли Уайт. Риордан стал помощником Кеннеди по делам кабинета министров, отвечая за подготовку повестки дня его заседаний и координацию непростых взаимоотношений между аппаратом Белого дома и ведомствами исполнительной ветви власти. Уайт, старый товарищ Т. Соренсена, стал отвечать за вопросы гражданских прав в Белом доме: он был, в частности, ответственным за юридическую проработку дел, направленных президенту с ходатайством о помиловании [III—128; с. 100—101].

Часто Кеннеди общался и с назначенными им по представлению соответствующих видов вооруженных сил военными советниками — генерал-майором сухопутных сил Честером Клифтоном, капитаном ВМС Тэзвеллом Шепардом и бригадным генералом ВВС Годфри Макхью. Наиболее влиятельным среди них был генерал-майор Клифтон, поскольку его брат был в тесных отношениях со старым другом Кеннеди журналистом Чарльзом Бартлейтом.

Оценивая в совокупности состав администрации Кеннеди, нельзя не сделать очевидный вывод о том, что на ключевых постах в ней оказались ставленники северо-восточной монополистической группировки. Как небезосновательно считают некоторые американские специалисты, при Кеннеди влияние северо-восточной элиты на формирование и деятельность федерального правительства, особенно в вопросах внешней политики, достигло своего

апогея. Лишь ряд позиций второго — третьего уровня было занято представителями техасских монополистов, группировок «среднего Запада» и «глубокого Юга»; не представленными в верхнем эшелоне исполнительной власти оказались интересы калифорнийских мультимиллионеров. Многие видные деятели администрации демократа Кеннеди были республиканцами, да еще весьма консервативного толка. Это сделало ее с точки зрения идеологической и политической довольно пестрой, затрудняя тем самым руководство администрацией из Белого дома. В ходе формирования администрации Джон Кеннеди сразу же ощутил пределы возможностей президента Соединенных Штатов, огромную мощь закулисных политических сил и социальных связей, которые продолжали играть свою роль и после его победы на выборах.

Глава VII

АВАНТЮРА В ЗАЛИВЕ СВИНЕЙ

Наиболее важной частью своей президентской деятельности Кеннеди считал внешнюю политику. «Большая разница между провалом законопроекта и полным уничтожением страны» [III—138; с. 509], — заметил он, по словам Соренсена, сразу после президентских выборов. Это высказывание Кеннеди отражало понимание того непреложного факта, что Америка начала 60-х годов перестала быть неприступной крепостью, отгороженной от катаклизмов первой и второй мировых войн просторами Атлантического и Тихого океанов. В 50-х годах все изменилось. Широкая гладь океанов уже могла защитить Америку не более, чем самый большой ров средневековья, наполненный водой, мог защитить замок феодала, ну, скажем, от залпа «катюш».

С огромным трудом адаптировалась американская правящая элита к новому положению США в мире, к утрате основных военно-стратегических преимуществ, которыми они когда-то обладали. Потеряли покой и многие политические деятели Соединенных Штатов, годами вдалбливавшие себе и другим, что «русские вот-вот нападут» и только-де «наша военная мощь не позволяет им этого сделать». Не сбылись и десятки, если не сотни, предсказаний видных органов печати США о том, «когда начнется война» между Америкой и Россией. В сознание многих американцев на рубеже 50—60-х годов проникла

здоровая мысль о необходимости жить в мире со странами социализма.

В самых верхних слоях американского общества, однако, можно было легко заметить плохо скрываемый страх перед идеей мирного сосуществования капиталистических и социалистических стран. Более того, среди них появлялось немало людей, которые в душе считали, что в ходе пусть и мирной, но не перестающей от этого быть чрезвычайно острой борьбы на международной арене между социализмом и капитализмом последний потерпит поражение. Поэтому их требования сводились к тому, чтобы поддерживать во всем мире международную напряженность, не давать растаять льдам «холодной войны», а если появится возможность, то и попытаться устранить самый дух мирного сосуществования из международных отношений с помощью военных авантюр.

Конечно, не все влиятельные люди в США думали таким образом. Взгляды мыслящих иначе к концу своего президентства стал все больше разделять Кеннеди. Эта группа политических деятелей, так же как и явные сторонники «холодной войны» и военных авантюр, отнюдь не была готова примириться с тем, что Советский Союз и другие социалистические страны усиливают свои позиции в системе международных отношений. Они понимали, что каждый следующий день, каждый новый год прибавляет сил социализму и убавляет силы капитализма. В одном, однако, эта группа довольно сильно отличалась от первой. Входящие в нее деятели еще не утратили надежду на то, что капитализму удастся изобрести волшебный «эликсир омоложения». Что ж, это, конечно, их дело. Вера, как известно, может быть и ошибочной.

Интересно другое. Как правило, именно эти люди, верящие в пошатнувшиеся, но все еще кажущиеся им неизблемыми устои капитализма, были более реалистичными политиками. Они отдавали себе отчет в том, что «переход за грань» приведет, как это и отмечал Кеннеди, к уничтожению США. К сожалению, далеко не все, кто окружал Джона, придерживались такой точки зрения. Большинство требовало искать решение международных проблем на путях старой политики «с позиции силы». И на первых порах президент пошел на поводу даллесовской политики. Правда, при ее проведении Кеннеди в большей мере, чем многие другие американские государственные деятели, чувствовал границы реального и старался их не нарушать. Его подход к международным проблемам и их решениям накладывал на внеш-

ною политику США своеобразный отпечаток. Однако ее основа была старая, даллесовская, и понадобилось немало времени, чтобы она была хотя на короткое время поколеблена.

Прежний агрессивный дух проявился на примере кубинской авантюры весной 1961 года.

В течение многих десятилетий американская правящая элита стремилась превратить Латинскую Америку в вотчину США. И во многом она преуспела.

Основной целью в Латинской Америке Кеннеди, как и его предшественники в Белом доме, считал сохранение ее экономической, социальной и политической зависимости от США. Для достижения этой цели использовались все средства и методы.

Годы, непосредственно предшествовавшие приходу Кеннеди к власти, были, если говорить о Латинской Америке, плохими годами для американского империализма. На континенте нарастал мощный вал освободительного движения. Затем победила народная революция на Кубе. Возникали партизанские отряды в Доминиканской Республике, Парагвае, Колумбии. В Перу были созданы революционные крестьянские профсоюзы. Сторонники самостоятельной политики усиливались в Бразилии.

Американские монополии серьезно беспокоила судьба их латиноамериканских барышей. Взволновался и официальный Вашингтон. Латинская Америка на время стала одной из самых неотложных внешнеполитических проблем.

Вновь избранный президент с тревогой читал секретные донесения своих послов. Они твердили о том, что если США хотят сохранить Латинскую Америку как свою полуколонию, то надо действовать самым решительным образом. Перед Кеннеди встал выбор, какой метод — кнута или пряника — избрать, для того чтобы события не вышли из-под контроля США. Он решил использовать и то и другое.

Из всех латиноамериканских стран Куба больше всего волновала Кеннеди в первые дни его президентства. Он понимал, что пример и мужество острова Свободы способны серьезно ослабить позиции Соединенных Штатов в Латинской Америке. Там появилась действительно свободная от экономического и политического контроля США страна. «Последовательно антиимпериалистический характер революции, перерастание демократической революции в социалистическую придало кубинской революции характер принципиально нового явления в запад-

ном полушарии» [II—16; 9], — справедливо отмечает советский исследователь Ю. В. Емельянов.

США на официальном уровне оказывали поддержку диктатуре Батисты, которая была свергнута мощным народным движением во главе с Фиделем Кастро и его соратниками. Этот курс делал Соединенные Штаты соучастником преступлений диктаторского режима и в значительной степени компрометировал их в глазах международного общественного мнения. В государственном департаменте США была группа деятелей, которая пыталась найти альтернативу Батисте в буржуазных кругах на Кубе, но эти усилия не смогли предотвратить демократической революции. Эти деятели стремились отмежеваться от крайнего антикоммунизма и от примитивной жестко силовой линии в кубинской политике, исходя из своих представлений о возможностях борьбы с национально-освободительным и революционным движением. Они ориентировались на внесение раскола в революционные силы, на сохранение позиций американских монополий на Кубе более гибкими средствами.

Наличие данной группы деятелей в американском руководстве выявило две разные линии в проведении контрреволюционного курса. Однако в первые годы после победы народной революции голос сторонников более гибких методов политики в отношении Кубы, а тем более тех, кто выступал за приспособление к новым реальностям в Латинской Америке, был слышен не столь явно, как голос крайне правых. Последние активно апеллировали к националистическим и шовинистическим чувствам американцев, обвиняя администрацию Эйзенхауэра в «потере Кубы», которую на протяжении ряда десятилетий в США многие американцы считали своей сахарной плантацией и филиалом курортной зоны Майами-Бич. Тон явно задавали сторонники активных подрывных акций против правительства Ф. Кастро и даже прямого применения военной силы. В печати и в стенах конгресса открыто обсуждались планы силовой борьбы против кубинской революции — экономическая блокада, различные виды военных действий и т. п. На формирование кубинской политики США заметное влияние оказывали, разумеется, представители тех американских монополий, которые имели значительные капиталовложения на Кубе, в первую очередь в сахарные плантации [II—16; с. 11].

Подготовка плана вторжения на Кубу была начата еще правительством Эйзенхауэра. Наиболее активную

роль при этом играло Центральное разведывательное управление. К окончательному плану ЦРУ пришло не сразу. Вначале оно прорабатывало возможность организации на территории Кубы «партизанского движения».

Оказалось, однако, что осуществить это попросту невозможно. Затем предполагалось захватить остров Пинос для создания военного плацдарма на территории Кубы. Но кубинский народ, зная об этих планах, превратил остров Пинос в крепость, взять которую наемники вряд ли могли. Тогда американские руководители решили, что необходимо организовать внезапное вторжение. Администрация Эйзенхауэра в начале 1960 года дала санкцию ЦРУ на его подготовку. План вторжения на Кубу получил кодовое название «Плутон» [III — 69; с. 53 — 54].

В целях маскировки готовившейся операции Эйзенхауэр несколько раз заявлял, что у правительства США «нет планов агрессии» против Кубы.

Осенью 1960 года, незадолго до президентских выборов в Соединенных Штатах, ЦРУ направило в Гватемалу секретные инструкции, смысл которых сводился к следующему: необходимо изменить характер подготовки контрреволюционных отрядов, проходивших там военное обучение. Только 60 контрреволюционеров подготавливались для заброса в качестве агентов на территорию Кубы. Другим наемникам было приказано овладевать тактикой высадки на побережье.

Вторжение на Кубу готовилось скоропалительно. Костяк и основную массу формировавшихся банд наемников составляли бывшие батистовцы, бежавшие с Кубы от гнева народа. В начале ноября на базах контрреволюционеров в Гватемале появился американец по прозвищу Фрэнк. Его настоящего имени никто не знал. Известно было только то, что в прошлом он являлся полковником армии США. Другие американские инструкторы, проводившие обучение кубинских контрреволюционеров, также имели псевдонимы: Гордон, Пэт, Большой Джон, Сонни, Боб, Джим и т. д. На секретные базы прибывали американские вооружение и амуниция. На базе «Тракс» была построена электростанция. База в Реталуле превратилась в большой военный лагерь.

Продолжалась вербовка контрреволюционеров и их пересылка в Гватемалу для военной подготовки. Группами по 40—50 человек «новобранцы» доставлялись самолетами из Флориды. На аэродроме их высаживали и немедленно увозили в горы. ЦРУ наращивало силы,

чтобы отнять у кубинского народа завоеванную им свободу.

Близкие в прошлом к Кеннеди люди утверждают, что он «в общих чертах» знал о подготовке вторжения контрреволюционеров, хотя и «не был информирован» о деталях. Впрочем, о планах подготовки контрреволюционных сил в Гватемале несколько раз сообщала американская печать. У Кеннеди была полная возможность доступными ему средствами проверить достоверность этой информации. Буквально всем было ясно: идет усиленная подготовка агрессии против Кубы.

Можно поэтому почти не сомневаться в том, что Кеннеди взвешивал возможность осуществления вторжения США на Кубу перед выборами 1960 года. И он не мог не считаться с тем, что такая акция отрицательно повлияла бы на его избирательную кампанию.

Кеннеди был хорошо знаком с одним из тактических приемов буржуазных правящих партий, когда накануне всеобщих выборов они прибегают к сознательному обострению международной обстановки, с тем чтобы заставить колеблющихся избирателей в кризисной обстановке поддаться синдрому «сплочения вокруг флага» и голосовать за старую администрацию. Подобного тактического удара Джон вполне мог ожидать от Никсона.

Видимо, этим и объяснялось то, что в самый разгар предвыборной борьбы с Никсоном Кеннеди выступил с важным, как заранее объявила его штаб-квартира, заявлением, в котором он объявил необходимым укрепление сил кубинских контрреволюционеров.

Когда Никсон услышал об этом заявлении Кеннеди, он пришел в ярость. Уж кому-кому, а ему, Никсону, были хорошо известны планы вторжения на Кубу. Однако секретность, в которой проходила подготовка к вторжению, не позволила Никсону открыто парировать выпад Кеннеди. Более того, в интересах сохранения секретности плана вторжения Никсону пришлось заявить о том, что выступление Кеннеди «неправильно и безответственно» [Ш—93; с. 165].

Заявление, сделанное Кеннеди 20 октября, было с удовлетворением встречено руководителями ЦРУ. Зная о полной поддержке Никсоном плана вторжения на Кубу, они теперь считали, что и Кеннеди, если станет президентом, их также поддержит.

Президентские выборы остались позади. И уже 18 ноября 1960 года руководитель ЦРУ Аллен Даллес в сопровождении высокопоставленного сотрудника амери-

канской разведки Ричарда Биссела, в прошлом участвовавшего в разработке «плана Маршалла», приехал в Палм-Бич (штат Флорида), где отдыхал Кеннеди. Здесь перед Кеннеди в деталях раскрывают план «Плутон».

Между тем уходящее в отставку правительство Эйзенхауэра продолжало подготавливать американское общественное мнение к кубинской авантюре. 3 января 1961 года правительство США объявляет о полном разрыве дипломатических отношений с Кубой. 20 января Джон Кеннеди официально становится президентом. Через день Аллен Даллес и генерал Лемнитцер встречаются с Раском, Макнамарой и Робертом Кеннеди. Шесть дней спустя после этой встречи президент собирает в Белом доме первое узкое совещание нового правительства, на котором обсуждаются планы вторжения.

Продолжалась военная подготовка контрреволюционеров в горах Гватемалы. Там создавались новые тренировочные лагеря. Кроме того, часть наемников обучалась на острове Вьекос, в Пуэрто-Рико, а также в США. Подготовка этих отрядов проходила не без трудностей. В них то и дело вспыхивала грызня между враждующими группировками контрреволюционеров, боровшимися за командные посты. Однажды дело дошло до того, что назначенный американцами военный руководитель бригады вторжения Сан Рамон был вынужден объявить о том, что отказывается от командования. Однако волнения были быстро пресечены работниками ЦРУ. На базу «Тракс» прибыл американец по прозвищу Берни, который принял решительные меры. 12 человек из бригады были тут же арестованы и заключены в тюрьму. Недовольные прикусили языки.

Став перед необходимостью принимать решение, Кеннеди вдруг заколебался. Почувствовав это, руководитель ЦРУ Аллен Даллес стал настаивать на том, чтобы запланированная акция была осуществлена как можно скорее. Он знакомит президента с разведывательными данными о неуклонном укреплении позиций народного правительства на Кубе. Вместе с тем во всех донесениях ЦРУ высказывается убеждение, что вторжение будет успешным, если его предпринять «без дальнейших отлагательств». Опираясь на поддержку военно-промышленного комплекса, ЦРУ требовало немедленного вторжения на Кубу. План вторжения направляют министру обороны и председателю Комитета начальников штабов генералу Л. Лемнитцеру. 3 февраля, ровно через месяц после разрыва дипломатических отношений США с Кубой,

американская военщина официально заявила Кеннеди о своей поддержке разработанного ЦРУ плана и предсказала ему «полный успех».

Новая дата вторжения на Кубу была намечена на 1 марта. Но затем она была снова перенесена. Сомнения не оставляли Кеннеди, хотя он и подвергался энергичному давлению в пользу авантюры. Только с декабря 1960 по 12 апреля 1961 года президент созывает более 12 секретных совещаний, на которых обсуждаются планы вторжения на Кубу. В конце концов он делает роковой шаг [II—13; с. 152].

Нетрудно представить себе состояние, в котором Кеннеди находился весной 1961 года. Сбылась его мечта: он стал президентом США. Все только и говорят о провозглашенных им «новых рубежах». Зарубежная пресса широко комментирует его избрание. Со всех концов Кеннеди идут поздравления. Закончено формирование правительства демократов. Было от чего закружиться голове. В этой обстановке он и принимает зловещное решение, которое стало самым темным пятном его политической биографии. Он решается на кубинскую авантюру.

Рассеять последние сомнения президента взялся сам руководитель ЦРУ Аллен Даллес. Во время очередной беседы с Кеннеди он сказал ему следующее: «Некоторое время тому назад я стоял здесь перед Эйзенхауэром и заявил ему, что уверен в том, что наша операция в Гватемале (т. е. свержение законного правительства президента Арбенса. — *Авт.*) закончится успешно. Господин президент, перспективы настоящего плана лучше, чем они были для прежнего».

3 апреля госдепартамент опубликовал так называемую «Белую книгу», в которой доказывалось, что революция будто бы навязана Кубе извне. Это было, конечно, ни на чем не основанное заявление. Но с его помощью, как вскоре стало вполне очевидно, американская реакция предприняла пропагандистское прикрытие вторжения, представляя его некой «освободительной миссией». Идея Кеннеди при опубликовании «Белой книги» состояла в том, чтобы доказать латиноамериканцам, что Соединенные Штаты-де не против революции вообще, но «против поворота Кастро в сторону коммунизма» [III—131; с. 230].

4 апреля 1961 года Кеннеди созывает в государственном департаменте заседание Совета национальной безопасности. За длинным столом расположились государственный секретарь США Дин Риск, министр обороны

Роберт Макнамара, министр финансов Дуглас Диллон, заместитель государственного секретаря по вопросам Латинской Америки Томас Манн, помощник министра обороны Пол Нитце, директор ЦРУ Аллен Даллес, его заместитель Ричард Биссел, председатель Комитета начальников штабов (КНШ) Лемнитцер и председатель сенатского комитета по иностранным делам Уильям Фулбрайт. Присутствовали также три президентских советника, имеющие отношение к латиноамериканским делам: Адольф Берли, Ричард Гудвин и Артур Шлезингер.

Заседание проходило в нервной обстановке. Первым выступил Ричард Биссел, непосредственно отвечавший за подготовку плана вторжения на Кубу. (Биссел был тем человеком, который в свое время отвечал за шпионский полет самолета У-2 над территорией Советского Союза.) Все понимали, что Биссел будет излагать доводы Аллена Даллеса.

«Положение на Кубе, — заявил Биссел, — созрело для вторжения». Бригаде, продолжал он, будет легко удерживать территорию, как только она высадится. Военные самолеты смогут контролировать воздушное пространство над местом высадки, действуя с захваченного недалеко от залива Кочинос аэродрома. Что касается авиации народной Кубы, то она, обещал американский разведчик, будет сразу же уничтожена с воздуха. Биссел также заявил, что если основной план вторжения потерпит неудачу, то вступит в силу дополнительный план, согласно которому контрреволюционеры смогут отступить в горы Эскамбрай.

Биссел закончил. Наступило молчание. Затем слово взял Даллес. Он заявил, что с Кубой будет покончить проще, чем с Гватемалой, и потребовал согласия на осуществление плана.

Кеннеди слушал Биссела и Даллеса с напряженным вниманием. Руководству ЦРУ осмелился возразить лишь один сенатор Фулбрайт. Он произнес короткую, но решительную предостерегающую речь, которая, однако, не оказала воздействия на присутствующих. В заключение заседания Совета национальной безопасности Кеннеди потребовал, чтобы были разработаны и альтернативные варианты вторжения, в частности проведение инфильтрации многочисленных, но гораздо более мелких групп контрреволюционеров в глубь острова [III—131; с. 236].

В целях маскировки плана вторжения на Кубу 12 апреля 1961 года президент выступил на пресс-конференции. Он заявил, что вооруженные силы США не будут

вторгаться на Кубу: «Прежде всего я хочу сказать, что вооруженные силы США не вторгнутся на Кубу ни при каких условиях. Нынешнее правительство сделает все, что в его силах, — а я считаю, что оно может справиться со своими обязанностями, — чтобы ни один американец (курсив наш. — Авт.) не был замешан в каких-либо действиях на Кубе».

Как показали дальнейшие события, заявление Кеннеди не соответствовало действительности. В операции в заливе Кочинос американцы, в том числе летчики, принимали самое непосредственное участие. Несколько устаревших бомбардировщиков Б-26, действовавших в период вторжения с аэродрома, расположенного в Никарагуа, пилотировали американцы из ЦРУ. Один из них, например, называл себя Сейгом Симпсоном. Вместе с тем Кеннеди не рискнул бросить против народной Кубы морскую пехоту США, хотя ее и держали наготове.

Для того чтобы уничтожить кубинскую авиацию, разрушить аэродромы и посеять панику среди населения, ЦРУ и Пентагон решили с помощью контрреволюционеров организовать воздушный налет на Кубу. Для этого ЦРУ предоставило в их распоряжение бомбардировщики Б-26. Налет намечалось осуществить с аэродрома в Никарагуа. Американская пропаганда должна была выдать этот разбойничий налет за действия «восставших кубинских летчиков».

14 апреля 1961 года в Никарагуа стояла прекрасная солнечная погода. Однако она не радовала 35-летнего кубинского контрреволюционера Марио Сунигу. Для него в этот день время на аэродроме Пуэрто-Кабесас тянулось медленно. Он нервничал. Суниге предстояло выполнить особо важное задание ЦРУ.

Наконец жара начала спадать. Вскоре сухую землю, как всегда неожиданно в этих краях, окутал мрак. Внезапно тишину душной тропической ночи разорвала пулеметная очередь. Стреляли на самом аэродроме. Вслед за этим натужно взревели моторы восьми бомбардировщиков Б-26, и вскоре один за другим они поднялись в воздух и взяли курс на Кубу. На хвостовом оперении каждого из них отчетливо виднелись знаки отличия ВВС народной Кубы. На некоторых из самолетов были заметны (в безопасных местах) следы пулевых пробоин. По мнению ЦРУ, эти пробоины должны были служить доказательством того, что самолеты обстреляны зенитной артиллерией и пулеметами, даже если бы такового не последовало и самолеты по тем или иным обстоятельствам

не смогли совершить налет на Кубу. Этого требовал план фальсификаторов из Вашингтона.

В 6 часов утра 15 апреля три группы бомбардировщиков ЦРУ вторглись в воздушное пространство Кубы и атаковали Гавану, Сан-Антонио-де-лос-Баньос и Сантьяго-де-Куба. Ими были сброшены бомбы большой разрушительной силы и произведен обстрел мирного населения из пулеметов. Агрессоры попытались уничтожить авиацию народной Кубы на земле.

А что делал в это время президент? Кеннеди предпочел уединиться в своем поместье Глен-Ора в штате Вирджиния. Он отдыхал, а в это время по его приказу на Кубу сбрасывались бомбы.

...В 8 часов утра контрольный диспетчерский пункт аэропорта Майами принял «сигнал бедствия». «Неопознанный самолет» просил разрешения на посадку. Она была дана, и уже в 9 часов утра Сунига и другие летчики-контрреволюционеры поведали миру неуклюжую версию о том, что они-де «летчики кубинской армии», совершившие «побег с Кубы». Американская пропагандистская машина заработала на полную мощь.

Вскоре американцы с любопытством рассматривали помещенные в газетах фотоснимки самолетов, на хвостовом оперении которых стояли опознавательные знаки военно-воздушных сил народной Кубы. Этими же снимками потрясал на заседании политического комитета Генеральной Ассамблеи ООН американский представитель Стивенсон, обрадованный неожиданным «сенсационным подарком». Он твердил об отсутствии поддержки народа у «режима на Кубе» [III—36; с. 361].

Однако бить в литавры было слишком рано.

Авантюра ЦРУ с самого начала оказалась разоблаченной. «По простоте душевной» некоторые американские журналисты стали добиваться от местных властей фамилий «сбежавших летчиков». Однако не тут-то было. Представители властей словно воды в рот набрали. Вскоре стало совершенно ясно, что вся грубо скроенная пропагандистская версия ЦРУ расплывается по швам.

Надо сказать, что Кеннеди и его советники, а тем более введенный в заблуждение своим же правительством Стивенсон не предполагали такого поворота событий. Зато успокоился Биссел. Для него разоблачения вздорности легенды о «сбежавших летчиках» имели второстепенное значение. Главным был сам факт «успешной», как считал Биссел, бомбардировки контрреволюционерами

кубинских аэродромов. Он предвкушал уничтожение авиации народной Кубы. Это, по его мнению, обеспечивало и победу в заливе Кочинос. Вот почему Биссел в понедельник запланировал второй налет бомбардировщиков Б-26 на кубинские аэродромы. Этому повторному налету, однако, не суждено было осуществиться.

Опасаясь полного разоблачения предпринятой им авантюры, Кеннеди в воскресенье вечером вызвал к себе помощника по делам национальной безопасности М. Банди и дал ему указание срочно связаться с Бисселом и отменить второй налет бомбардировщиков ЦРУ на Кубу. Когда Банди сообщил Бисселу о решении президента, того бросило в дрожь. Он кинулся за помощью к государственному секретарю Дину Раску. Раск внимательно выслушал Биссела и после минутного колебания позвонил Кеннеди. Президент подтвердил свой приказ отменить повторный налет. По его мнению, момент внезапности уже прошел и ничего, кроме неприятностей, такой налет не даст. Раску нечего было возразить. Несмотря на первую заминку, Кеннеди не отменил вторжения в целом, и события развивались своим чередом.

Поздно вечером 14 апреля корабли контрреволюционеров готовились к отплытию из никарагуанского порта Пуэрто-Кабесас. Перед самым сигналом к отправлению на пирсе появился в сопровождении личной охраны диктатор Никарагуа Луис Сомоса. Приветствуя наемников, он выкрикивал всякого рода непристойности. Под его хриплые возгласы корабли контрреволюционеров отчалили от пирса. Через двое суток флот вторжения приблизился к заливу Кочинос.

Флот вторжения состоял из судов «Хьюстон», «Лейк-Чарльз», «Рио-Эскондидо», «Кариде», «Атлантико» и двух десантных барж. Его эскортировали два американских миноносца. В операции в качестве сил прикрытия принимали участие и другие суда военно-морского флота США. По приказу американского адмирала Бэрка у берегов Кубы еще с начала апреля рыскали военные корабли Атлантического флота. На них в полной боевой готовности находился батальон американской морской пехоты. ЦРУ и Пентагон, таким образом, сделали все для того, чтобы в случае необходимости непосредственно поддержать контрреволюционеров.

Наступало утро 17 апреля. Чем ближе надвигался час вторжения на Кубу, тем больше сомнений в осуществимости плана, разработанного ЦРУ, появляется у Кеннеди. Он снова повторяет приказ: американские военные

корабли должны оставаться за пределами 20-мильной зоны от места высадки десанта. Тут же следует новое указание: в районе высадки не должно быть американских подводных лодок. И наконец, Кеннеди, не надеясь на предыдущие распоряжения, приказывает: военно-морские силы США не должны принимать участия в самом вторжении. Это вызвало сильное недовольство в ЦРУ и Пентагоне. Там, однако, считали, что если операция будет угрожать полный провал, то президент изменит свое последнее решение и позволит американской морской пехоте поддержать контрреволюционеров.

В 5 часов утра 17 апреля наемники высадились на Кубе. С этого момента Кеннеди преследовала одна мысль — судьба вторжения. Как вспоминал потом Селинджер, президент 17 и 18 апреля вызывал его по крайней мере сто раз, требуя самой последней информации. А она для зачинщиков авантюры час от часу становилась все более неутешительной. Войска интервентов встретили мощный отпор революционной Кубы, они терпели сокрушительное поражение. К вечеру 18 апреля стало ясно, что полный разгром около 2 тыс. наемников близок. Авиация народной Кубы потопила два корабля контрреволюционеров с боеприпасами. Интервенты оказались прижатыми к морю или загнанными в болота. А когда к месту вторжения прибыли регулярные части вооруженных сил Кубы, оснащенные современной военной техникой, участь наемников, не имевших артиллерийской и авиационной поддержки, была решена в считанные часы [III—142; с. 315].

18 апреля в Белом доме состоялся пышный традиционный прием для членов конгресса США и их семей. По традиции бал открывали хозяева Белого дома супруги Кеннеди. Им принадлежало право первого танца. Приближалось время вечернего приема. Находившийся в полной растерянности Джон не желал о нем слышать. Он метался по кабинету, отмахиваясь от напоминаний, что бал должен вот-вот начаться и пора надеть смокинг. Только за несколько минут до начала бала помощники Кеннеди уговорили его переодеться и выйти к гостям.

В залах президентского особняка было душно. Шампанское лилось рекой. Оркестр играл бравурные марши. Всем было очень весело. Улыбался и Кеннеди. Однако в душе он испытывал острую тревогу. Незадолго до полуночи президент незаметно удалился. В специальном помещении Белого дома его ожидали подавленные Раск, Макнамара, Даллес, Биссел, а также Лемнитцер и другие

военные. Никто из них уже не сомневался в том, что вторжение обречено на катастрофу. Показной оптимизм выразил лишь Биссел. Он настойчиво внушал Кеннеди, что операцию еще можно спасти, если только президент разрешит применить американские вооруженные силы, в первую очередь авиацию с авианосца «Эссекс».

Биссела поддержал адмирал Бэрк. Он попросил разрешения высадить на Кубе десант американской морской пехоты, а также дать команду американским миноносцам оказать контрреволюционерам поддержку огнем своих орудий. Председатель Комитета начальников штабов генерал Лемнитцер и начальник штаба ВВС США генерал Уайт добивались, чтобы президент разрешил действия американских военных реактивных самолетов над участком высадки контрреволюционеров. Требования Бэрка Кеннеди отклонил, но военные и Даллес стояли на своем. Совещание затянулось до четырех часов утра, и в конце концов Кеннеди уступил. Он дал согласие на участие американских военных самолетов во вторжении на Кубу. Так президент еще раз нарушил свое обещание, данное им на пресс-конференции 12 апреля. И только благодаря случайному стечению обстоятельств авиация США не вступила утром 19 апреля в бой с авиацией народной Кубы. А произошло следующее.

Согласно циничному плану министерства обороны, было решено использовать американские реактивные самолеты без опознавательных знаков для прикрытия пилотируемых кубинскими контрреволюционерами и агентами ЦРУ самолетов Б-26. Последние должны были 19 апреля атаковать защитников народной Кубы, сжимавших кольцо вокруг интервентов. Американской авиации отдали приказ при появлении самолетов контрреволюционеров прикрыть их от ударов авиации Кубы. Расчет был прост: как только кубинские самолеты откроют огонь по бомбардировщикам Б-26, американская авиация получит «предлог» для нападения на авиацию народной Кубы.

Однако судьба посмеялась над американскими «ястребами». Бэрк и Биссел направили соответствующие директивы в свои ведомства, но указали в них разное время по часовым поясам, не согласовав его между собой. В результате бомбардировщики Б-26 и американские истребители с авианосца «Эссекс» разминулись. Утром 19 апреля над Кубой было сбито четыре самолета кубинских контрреволюционеров. Среди погибших оказались четыре американца [Ш—131; с. 260].

Кеннеди собирает несколько экстренных совещаний, но делает это скорее по инерции, чем в надежде найти выход из положения. Он срочно вызывает в Белый дом своего брата Роберта, но и у последнего нет ответа на то, что делать.

Военные снова потребовали высадить на Кубе морскую пехоту. Дипломаты предлагали призвать на помощь войска государств — членов ОАГ. Наиболее упрямые головы хотели немедленно начать подготовку еще более мощного десанта контрреволюционеров для повторной высадки. Ни с одним из этих предложений Кеннеди не согласился.

Впоследствии обстоятельства гибели граждан США в военных действиях против народной Кубы долгое время скрывались американскими властями. Тщетно пытались жены и матери «пропавших без вести» узнать что-либо об их судьбе. Напрасно направляли они письма о судьбе своих мужей и сыновей в ЦРУ и Белый дом. Родственников погибших уверяли в том, что о «пропавших» ничего не известно. Даже почти через два года после интервенции, 21 января 1963 года, министр юстиции Роберт Кеннеди заявил представителям печати, что ни один гражданин Соединенных Штатов не погиб в заливе Кочинос. Однако через месяц после этого выступления история о погибших американцах все же всплыла на поверхность.

25 февраля 1963 года республиканский сенатор Дирксен заявил, что в заливе Кочинос погибли четыре американских летчика. Мотивы «откровений» Дирксена были вполне ясны: приближались президентские выборы 1964 года и республиканцы стремились к снижению престижа президента.

Кеннеди был вынужден признать участие американцев в военных действиях против Кубы. Выступая 6 марта 1963 года на пресс-конференции, он объявил, что четыре гражданина США действительно погибли, но характер их службы не позволяет открыто сообщить об обстоятельствах их гибели.

О том, что агрессия на Плайя-Хирон была с начала до конца операцией правительства США, впоследствии уже без всяких оговорок признал ближайший советник Кеннеди Соренсен. В своих воспоминаниях о Кеннеди он отметил, что десант наемников был «организован, подготовлен, вооружен, доставлен до места высадки и руководим Центральным разведывательным управлением США». Соренсен признает ответственность ЦРУ за опе-

рацию. Он недоговаривает «самую малость»: операцией руководило не только ЦРУ, практически ею занималась вся военная и политическая верхушка правительства США, включая президента.

После неудавшейся авантюры Джон был расстроен до предела. Он полагал, что достаточно еще одного такого провала и с его карьерой будет покончено. Позднее Кеннеди признал, что, как он ожидал, за провал интервенции против Кубы «ему оторвут голову». Уже через несколько дней после разгрома интервентов на Плайя-Хирон президент жаловался Кларку Клиффорду, что советники из ЦРУ и Пентагона дают ему неверные советы. Селинджеру он заявил: «Как могла вся эта толпа из ЦРУ и Пентагона так ошибиться» [III—128; с. 76].

Кеннеди был особенно зол на Аллена Даллеса. Об этом можно судить хотя бы по тому, что сразу же после провала авантюры против Кубы президент предлагал своему брату Роберту занять пост руководителя ЦРУ, но затем оба они, посоветовавшись, решают, что это нецелесообразно. Кеннеди вызывает к себе вице-президента Джонсона и в разговоре с ним резко критикует Даллеса и Биссела. Кеннеди и Джонсон, однако, приходят к выводу, что для их правительства было бы невыгодно увольнять Даллеса немедленно. Пока он находится во главе ЦРУ, сказал президент, республиканцы будут лишены возможности слишком резко критиковать нас за провал. Джонсон согласился с этим доводом президента.

Вместе с тем Кеннеди все еще не оставляет мысли «отыграться» после поражения. Он организует целую серию встреч с ведущими политическими деятелями, в первую очередь из числа республиканцев, беседует с бывшим президентом Эйзенхауэром, Р. Никсоном, сенатором Б. Голдуотером, губернатором Н. Рокфеллером. Это были консультации с представителями высшего эшелона политической элиты, преследовавшие в том числе смягчение критики в адрес президента со стороны соперничающих группировок внутри элиты. В ходе этих консультаций Кеннеди получил немало разнообразных советов. Большинство из них ориентировало президента на проведение более жесткой, «решительной» линии в отношении правительства Ф. Кастро. Р. Никсон, в частности, настаивал на том, чтобы президент «подыскал подходящую правовую подоплеку и... снова бы вторгся» [III—100]. На некоторое время тактика Кеннеди дала желаемый результат. Конец апреля прошел сравнительно спокойно, но в мае критика президента вспыхнула с но-

вой силой. В основном она сводилась к следующему: Кеннеди не хватает опыта и решительности.

Что же касается крайне правых, возглавляемых Голдуотером, то их представители обвиняли президента в том, что он не решился бросить против кубинского народа американские войска и тем самым обрек операцию на провал. Не оградила Кеннеди от нападков справа и пресс-конференция, которую он провел 20 апреля. На этой пресс-конференции он, по сути дела, заявил, что правительство США не оставило своих замыслов в отношении Кубы. «Мы намерены, — говорил он, — и впредь прилагать энергичные усилия в борьбе гораздо более сложной, чем война». Кеннеди также заявил: «Если государства этого полушария не выполняют своих обязательств в отношении коммунистического проникновения извне, тогда я хочу быть ясно понятым в том, что правительство США не поколеблется в выполнении своих обязательств» [III—34; с. 659]. Это было откровенное подтверждение заявки на «правомерность» вмешательства США во внутренние дела государств западного полушария в духе «доктрины Монро». Тем самым Кеннеди давал понять реакционным кругам США, что он намерен пересмотреть тактику, но добиваться прежних целей.

Конец апреля и первая половина мая были для Кеннеди самыми неприятными днями его политической карьеры. Он стал крайне раздражительным, замкнулся в себе и даже, как утверждают, подумывал об уходе с поста президента. Однажды вечером, сидя в кругу своих знакомых, он, к всеобщему удивлению, вдруг сказал: «Я передам эту проклятую работу Линдону». Никто, конечно, не воспринял эту фразу всерьез. Но мысли о том, что президентская ноша оказалась для него слишком тяжелой, не покидают Джона. К тому же он считает, что многие влиятельные политики определенно хотят его падения. «Что действительно задевает меня за живое, — говорил он, — так это то, что все эти люди хотят, чтобы я провалился». В тот период, как отмечают видные американские политические обозреватели, было похоже, что президент «утрачивал контроль над громадной правительственной машиной».

Фиаско сил империализма и контрреволюции в заливе Кочинос показало Кеннеди необходимость более гибко и осмотрительно осуществлять свою внешнюю политику, по крайней мере по ряду ее направлений. Слишком уж велики были политические минусы столь бесславных провалов для престижа США за рубежом.

Еще один такой скандальный провал, рассуждал Кеннеди, и в умах европейцев и азиатов, африканцев и латиноамериканцев он предстанет не как глава самого мощного капиталистического государства, а как неопытный капитан самого большого империалистического корабля, который то и дело садится на мель. Того и гляди, над ним начнут посмеиваться и коллеги...

Даже канцлер Аденауэр в беседе с Д. Ачесоном язвительно заметил: «Ввиду того что бог ограничил способность человека соображать, очевидно, несправедливо, что он также не ограничил пределы тупости». Западно-германская газета «Франкфуртер нойе прессе» писала: «Можно считать, что Кеннеди потерпел политическое и моральное поражение». А итальянская «Корьерре делла сера» пришла к выводу, что «американский престиж упал ниже, чем за все восемь лет президентства Эйзенхауэра» [III—131; с. 277].

Провал авантюры в заливе Свиней не прошел для Джона бесследно. Недаром он так боялся его последствий. За внешним фасадом сдержанности, которую демонстрировали по отношению к Кеннеди его политические коллеги и соперники, скрывалось пренебрежение к его способностям. От Кеннеди ожидали блестящего успеха, а он преподнес правящим кругам США в качестве своего «первого подарка» скандальный провал. Было над чем призадуматься тем, кто оказывал решающее влияние на определение внешнеполитического курса США.

Что касается существования кубинской авантюры и того несомненного факта, что она была, по сути дела, задумана и подготовлена преимущественно прежней республиканской администрацией, то об этом постарались если не забыть, то уж во всяком случае не вспоминать. Еще не зная всей подоплеки подготовки и проведения операции, не имея представления о реальной роли высших офицеров ЦРУ и военного ведомства, оппозиционная пресса во всем обвиняла в первую очередь президента.

США напоминали потревоженный муравейник. Видные деятели демократической партии в частных беседах заявляли: «Теперь мы будем следить за ним более пристально... мы снова оценим его». Многие демократы были недовольны Джоном Кеннеди, а кое-кто из них уже готовился сказать: «Я вас предупреждал...», намекая тем самым на сравнительную молодость и отсутствие достаточного опыта у президента. Даже наиболее рьяные сторонники Кеннеди оказались на время выбитыми из седла.

Республиканцы откровенно торжествовали, подчеркивая, что бывший президент Эйзенхауэр был не так уж плох. «Верните нам Айка», — воскликнул на одной из встреч редактор влиятельной американской газеты.

Джону нужен был какой-то эффектный успех, чтобы заставить замолчать недовольных. Вскоре такой повод представился.

Утром 5 мая 1961 года Кеннеди собирает Совет национальной безопасности. Обсуждаются важные международные дела. Но не ими заняты мысли президента. Они постоянно возвращаются к тому, что происходит на мысе Канаверал. А в это время там заканчивались последние приготовления к запуску ракеты «Атлас» с космонавтом Аланом Шепардом на борту. Медленно тянутся последние минуты перед стартом.

«До старта осталось пять минут», — взволнованно сообщает секретарша, вбежав в зал, где находились члены Совета национальной безопасности. Все поспешили в помещение, где на голубом экране телевизора проступали очертания ракеты «Атлас». Кеннеди все время молчал. Все ждали старта. Наконец «Атлас» окутался дымом и стал как бы нехотя подниматься над землей, поддерживаемый упругими языками бьющего из-под него пламени. Вскоре ракета, набрав высоту, исчезла. Напряженное ожидание, и вот уже президенту доложили: «Астронавт подобран вертолетом. По словам пилота, он чувствует себя нормально...» Кеннеди облегченно вздохнул и впервые за весь этот день улыбнулся. «Это успех», — сказал он.

Да, это был успех не только для американской науки, но и для президента. Его критики на время прикусили языки. Америка получила своего героя. Приветствовать Шепарда на улицы столицы вышло больше людей, чем во время инаугурации самого Кеннеди. На ступеньках конгресса США, разгоняя не в меру ретивых фоторепортеров, метался спикер палаты представителей Сэм Рейберн. «Дорогу герою и его жене!» — кричал он. Казалось, на время все забыли о Кеннеди, об авантюре против Кубы и обо всем остальном. Америка ликовала. И хотя «космическим полетом» достижение Шепарда вряд ли можно было назвать, так как оно скорее напоминало космический прыжок (Алан находился в космосе немногим более десяти минут), тем не менее Шепарду после его возвращения на Землю устроили триумфальную встречу. Космонавт ее, конечно, заслужил.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ АДМИНИСТРАЦИИ КЕННЕДИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗОРУЖЕНИЯ

Областью, в которой у администрации Кеннеди было больше всего возможностей следовать курсом, объявленным в ходе предвыборной кампании, была военная политика, хотя и здесь для президента имелось немало «подводных камней». Разумеется, высшие военные чины и промышленники, выполняющие военные заказы, были единодушны в своей поддержке планов роста военного бюджета, увеличения закупок военной техники, появления новых подразделений в вооруженных силах. Для военной элиты это сулило увеличение числа звезд, рост окладов и всяческих привилегий, для бизнесменов — наращивание и без того высоких прибылей, большую уверенность в будущем, снижение степени риска в предпринимательской деятельности.

Однако наряду с темпами роста военных приготовлений в ответ на «советский вызов» у администрации имелись немаловажные с точки зрения функционирования военного ведомства и всего военно-промышленного комплекса идеи о рационализации военно-политических решений и распределении бюджетных ассигнований. Эти идеи вызывали небезосновательные опасения у генералитета и гражданских чиновников министерства обороны, предпочитавших сохранение запутанного механизма, который позволял им обеспечивать свои корыстные интересы. Подобной позиции придерживались и многие промышленники, имевшие «своих людей» в различных звеньях государственного аппарата, которые обеспечивали им завышенные оценки стоимости закупаемой военной техники, приоритет в получении новых заказов, в обеспечении секретнейшей информацией о намерениях правительства и т. п. Эти аспекты необходимо учитывать при рассмотрении деятельности администрации Кеннеди в области военной политики.

Правительство Эйзенхауэра в течение длительного периода придерживалось доктрины «массированного возмездия», предусматривавшей в случае возникновения войны тотальное применение ядерного оружия. Старый президент настолько свято верил в непогрешимость этой доктрины, что уволил в отставку начальника штаба ар-

мии генерала М. Тэйлора, когда последний высказался в пользу ее видоизменения. В действиях Тэйлора Эйзенхауэр усмотрел лишь стремление армейского генерала принизить значение ядерного оружия и добиться для сухопутных сил дополнительных ассигнований на обычные виды оружия: винтовки, минометы, танки, орудия.

Генерала, в частности, беспокоило то, что у США, как он считал, не имелось достаточных военных сил, в том числе специального назначения, для борьбы с национально-освободительными движениями. А ведь правительство США постоянно требовало от американской армии, чтобы она выполняла роль мирового жандарма. Выполнению этой миссии, по мнению Тэйлора, лучше отвечали его предложения развертывания американской военной мощи вширь, одним словом, гонка наряду с ядерными и обычных вооружений [II — 46].

С аналогичными взглядами в США выступили генерал Мэтью Риджуэй, гарвардский профессор Генри Киссинджер и ряд других американских специалистов. Работа Киссинджера «Ядерное оружие и внешняя политика», вышедшая в 1957 году, принесла ему общенациональную известность в руководящих политических кругах США и послужила одним из важных факторов в его последующей академической и политической карьере. Концепция Киссинджера позволила сделать ему ряд далеко идущих выводов. Он, например, считал, что ядерное оружие, обладающее огромной разрушительной мощью, привело к тому, что масштабы военной силы стали превышать возможности и потребности политики. Имеющиеся у Соединенных Штатов ядерные боеприпасы не могут быть рационально применены в первую очередь потому, что их потенциальный противник обладает столь же разрушительным оружием. При таком положении дел попытка достичь абсолютной победы сопряжена с угрозой самоуничтожения [III — 82].

В марте 1961 года по инициативе президента и Макнамары в министерстве обороны начала работать специальная рабочая группа по пересмотру действующего военно-политического документа администрации Эйзенхауэра «Основы политики в области национальной безопасности». Руководил этой группой П. Нитце, а главными ее экспертами были только что пришедшие из исследовательской организации «РЭНД корпорейшн» Генри Роуэн, Уильям Кауфман и Дэниел Элсберг. РЭНД была создана в южно-калифорнийском городке Санта-Моника в первую очередь для обслуживания интересов ВВС

США, добивавшихся первенства по отношению к сухопутным и военно-морским силам Соединенных Штатов. В РЭНД велись преимущественно исследования по сравнительной эффективности различных систем оружия, для чего были разработаны специальные методики. Эта организация сыграла весьма значительную роль в формировании военной и внешней политики США, в том числе в период администрации Кеннеди [II—53].

Макнамара еще до своего прихода на пост министра обороны знал о деятельности РЭНД и проявлял большой интерес к разработанным в ней методам оптимизации решений, в первую очередь к системному анализу. Готовясь к переходу из «Форд мотор» в Пентагон, он пришел к выводу, что специалисты из «РЭНД корпорейшн» в сочетании с гражданскими учеными из различных областей науки и техники будут необходимы для формирования новой военной политики. Макнамара полагал, что широкое вторжение новой техники в военное дело в пределах, намного превышавших все предыдущие, в значительной мере обесценивает прошлый опыт профессиональных военных. И он набрал в свой аппарат десятки гражданских специалистов, которых в Вашингтоне стали называть «вундеркиндами», имея в виду внедрение ими в работу государственного аппарата различных «экзотических методик», нового лексикона, привнесение стратегических и военно-политических концепций, о которых и не помышлял традиционный генералитет.

Важные решения о строительстве вооруженных сил, в первую очередь стратегических ядерных, были приняты довольно быстро. Уже начиная с 30 января 1961 года Кеннеди принимаются решения о значительном ускорении строительства стратегических подводных лодок «Поларис» и расширении программы развертывания (на 20 % по числу ракет) межконтинентальных баллистических ракет (МБР) «Минитмен-1»; в соответствии с поправкой к бюджету 1961 финансового года число запрограммированных лодок «Поларис» возросло с 5 до 10, а с поправками к бюджету 1962 года — до 20; программа «Минитмен-1» была увеличена с 540 до 600 МБР с заменой наземного базирования на шахтное.

Как справедливо отмечает А. Г. Арбатов, эти первые шаги администрации Кеннеди еще не отражали детально разработанных новых стратегических положений, а скорее свидетельствовали об ориентации государственного руководства Соединенных Штатов на то, чтобы оторваться от политики своих предшественников, продемон-

стрировать внутри страны и на международной арене решимость выполнить данные в ходе предвыборной кампании обязательства по принятию срочных мер в области «национальной безопасности». Увеличение военных заказов рассматривалось администрацией также как одно из важных средств оживления американской экономики и снижения уровня безработицы [II — 3; с. 26 — 27].

Об общих контурах военно-политической стратегии своей администрации Джон Кеннеди объявил в послании конгрессу относительно предлагаемых им изменений в военном бюджете. Вот что в нем говорилось: «Наша позиция в области обороны должна быть одновременно как гибкой, так и решительной... Мы должны обладать способностью обдуманно выбирать виды оружия и стратегию, варьировать темп нашего производства и изменять управление нашими войсками, для того чтобы в сжатые сроки и при любых обстоятельствах приспособиться к меняющимся условиям или целям. Наша позиция в области обороны должна быть построена с таким расчетом, чтобы уменьшить опасность случайной или непредумышленной всеобщей войны, опасность эскалации малой войны в большую или же просчет или неправильное истолкование инцидента либо намерений противника» [III — 80; с. 59 — 60].

На основе рекомендаций группы П. Нитце Макнамара дал указания о переработке «Единого оперативного плана» Комитета начальников штабов. При Эйзенхауэре этот документ предусматривал только один вариант ведения ядерной войны: одновременное применение всех ядерных средств против военных и невоенных целей, включая основные промышленные и административные центры СССР и его союзников. В новом плане КНШ предусматривалось отделение военных объектов от городов в перечне целей, а также «дозированное» применение ядерных сил за счет обеспечения контролируемых военных действий и сохранения в руках американского командования стратегического резерва.

Этот план включал пять основных вариантов ведения ядерной войны, начиная от нанесения ударов только по стратегическим ядерным силам другой стороны и кончая массированными ядерными атаками против ее населения и административно-промышленных центров [III — 3].

В серии своих выступлений в 1961 — 1962 годах Макнамара постарался разъяснить и американской правящей элите, и союзникам США по НАТО причины отказа от

доктрины «массированного возмездия» и принятия на вооружение «более гибкого» инструментария. В одной из речей, посвященной в основном обоснованию нанесения ядерных ударов по стратегическим силам и другим военным объектам потенциального соперника, а не по городам, Макнамара впервые за послевоенные годы на официальном уровне признал, что ядерная война чревата для самих Соединенных Штатов гигантскими потерями и разрушениями. Для того чтобы не допустить этого, администрация и выдвигала задачу «управления» ядерным конфликтом, ограничения его на каком-либо сравнительно низком уровне [III—107].

Военно-политическая доктрина администрации Кеннеди, предусматривавшая различные уровни и масштабы применения как обычных, так и ядерных сил, получила наименование «гибкого реагирования». Исходя из того что тотальный обмен ракетно-ядерными ударами не может быть первым и главным вариантом войны, авторы этой доктрины все же допускали сохранение такого обмена в качестве одного из вариантов. В рамках идей доктрины «гибкого реагирования» американские теоретики разработали, в частности, концепцию «неядерной паузы» в Европе в случае начала там военного конфликта. В период этой «паузы», в переходный момент между применением обычных вооруженных сил и ядерных сил, участники конфликта, по мнению авторов этой концепции, могли бы несколько «поостыть», что в некоторой степени уменьшало бы шансы разрастания конфликта до масштабов тотальной ядерной войны между организацией Варшавского Договора и НАТО [II—48; с. 46].

Нельзя сказать, что доктрина «гибкого реагирования» была сразу же и безоговорочно принята американским генералитетом и политической элитой страны. В ее адрес с самого начала было высказано немало острых критических замечаний. Особенно активно против новой доктрины выступали генералы из военно-воздушных сил США. Они видели в ее реализации, в планах строительства и развертывания других видов вооруженных сил США угрозу для своих преобладающих позиций, которые обеспечивались им в рамках доктрины «массированного возмездия». И хотя генералы ВВС приветствовали общее увеличение ассигнований на военные цели, они были явно недовольны тем, что в соответствии с новой доктриной значительная часть их пойдет не только на нужды Стратегического авиационного командования (САК) (в его подчинении находились стратегические бом-

бардировщики и межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования), но и на наращивание военно-морских сил, корпуса морской пехоты и сухопутной армии.

Целый ряд специалистов из академических кругов и политических деятелей, тесно связанных с «воздушной ветвью» военно-промышленного комплекса, выступили с резкими нападками в адрес новой доктрины и военной политики администрации Кеннеди, обращая внимание на то, что она-де заставляет Соединенные Штаты постоянно находиться в состоянии «лишь реагирующей стороны», добровольно «отдающей инициативу» в руки противника.

Забегая вперед, можно отметить, что в конце 60-х годов и особенно на рубеже 70—80-х годов в США нашлось немало критиков доктрины «гибкого реагирования», которые видели в ее использовании одну из главных причин поражения Соединенных Штатов в войне во Вьетнаме. Так, в последние годы в «Армд форсиз джорнал», «Си пауэр», «Эвийшн уик энд спейс текнолоджи» и других подобных органах военно-промышленного комплекса появилось множество статей, в которых авторы пытаются доказать, что в результате господства буквы и духа «гибкого реагирования» в администрациях Кеннеди и Джонсона они не смогли решиться сразу же на массированное применение американских сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил во Вьетнаме, а наращивали их «слишком осторожно и постепенно». Некоторые из новейших критиков «гибкого реагирования» договариваются до того, что США должны были решительно использовать во Вьетнаме тактическое ядерное оружие.

В деятельности Кеннеди в 1961 году трудно было рассмотреть какие-либо существенные отличия от политики покойного Даллеса.

Будь жив Даллес, он безусловно вспомнил бы свое высказывание: «Для того чтобы заставить страну нести бремя, обусловленное сохранением крупных вооруженных сил, необходимо создать эмоциональную атмосферу, которая была бы сродни психологии войны. Необходимо создать представление об угрозе извне» [II—28; с. 23].

К началу 1962 года правительство США держало за границей почти 50 % личного состава своей армии, более половины американских боевых армейских частей. На сотнях американских военных баз, разбросанных по

всему свету, находилась бóльшая часть ВВС и ВМС США.

Гонка вооружений в США продолжала разворачиваться по крутой спирали. Уже первый военный бюджет Кеннеди оставил далеко позади военный бюджет Эйзенхауэра, превысив его на 5 млрд. долларов. В 1961 году президент четыре раза повышал расходы на вооружения. Громадный военный бюджет планировался правительством Кеннеди и на 1962 год. Кеннеди не остановил гонку вооружений. Более того, он ее форсировал.

Как уже отмечалось выше, были намного ускорены темпы строительства подводных лодок «Поларис» и межконтинентальных баллистических ракет «Минитмен». Число стратегических бомбардировщиков, способных взлететь в течение 15 минут после объявления тревоги, увеличилось на 50 %. Было также удвоено число готовых к военным действиям армейских дивизий «стратегического резерва, увеличена численность американских войск в Западной Европе, усилен корпус морской пехоты» [III—39, с. 3].

Следует отметить, что значительная часть верхушки военно-промышленного комплекса США не была удовлетворена даже этим. Комитет начальников штабов настойчиво рекомендовал в области стратегических вооружений довести численность одних только межконтинентальных баллистических ракет к 1967 году до 3900 единиц [III—10; с. 36].

Но подобные планы не учитывали финансово-экономических возможностей страны и в рамках долгосрочных бюджетных наметок администрации Кеннеди вступали в противоречие и с планами строительства других видов вооруженных сил, и с обязательствами по ассигнованиям на социальные нужды. Ведь Кеннеди, как главе исполнительной власти, приходилось думать не только о достижении «военного превосходства» над Советским Союзом, но и о поддержании социально-классовой стабильности внутри страны, на что также нужны были все более значительные ассигнования. Понимал это и Макнамара со своими помощниками. Поэтому они негласно наметили конечный потолок для межконтинентальных баллистических ракет «Минитмен» в 1000 единиц [III—3; с. 31].

С санкции президента в США началось формирование и обучение в особых военных лагерях так называемых «войск специального назначения». Это означало широкую подготовку Соединенных Штатов к вооруженному

вмешательству во внутренние дела других стран, и прежде всего молодых развивающихся государств. Газета «Уолл-стрит джорнэл» писала в январе 1962 года: армейские части особого назначения «начнут в ближайшее время специальное обучение для подготовки к операциям в Латинской Америке и Африке с использованием специальных видов оружия и тактики, в то время как уже существующие части готовятся к операциям в Восточной Европе и Азии. Эти люди будут хорошо ознакомлены с языком, обычаями, историей и политикой этих стран» [III—28; с. 52].

Продолжалось создание американского военного плацдарма в Южном Вьетнаме. В водах, омывающих Вьетнам, постоянно рыскал 7-й флот США. Было учреждено специальное американское военное командование для борьбы с патриотическими силами Южного Вьетнама. В основе политики правительства Кеннеди в Юго-Восточной Азии лежало стремление американских империалистов установить экономическое, политическое и военное господство США в этом районе. Но все это прикрывалось словами о стремлении «защищать свободу и независимость Южного Вьетнама».

Опасный курс правительство США проводило и по другим международным проблемам. Оно отказалось подписать германский мирный договор, цеплялось за политику военных блоков НАТО, СЕАТО, СЕНТО. И наконец, оно не оставило, как показали последующие события, намерений расправиться со свободной Кубой. Да и не только с Кубой.

Во всех многочисленных внешнеполитических доктринах, сочиняемых американскими политиками, красной нитью проходила одна общая мысль: правящие круги США считают себя вправе, когда они того пожелают, вмешиваться в дела других народов, решать за них, как и по какому пути им развиваться. Такая позиция, авантюристическая в своей основе, таила в себе серьезную угрозу всеобщему миру.

В то же время администрация Кеннеди не могла не видеть того, что одной из самых острых и злободневных международных проблем, настойчиво требовавших решения, была проблема разоружения. Когда в сентябре 1959 года Советский Союз внес на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН программу всеобщего и полного разоружения, американской пропаганде и правительству Эйзенхауэра пришлось нелегко. В условиях, когда существовал конкретный и ясный советский план разоруже-

ния, продолжать заниматься лишь пустыми разговорами о разоружении, как это много лет делала американская дипломатия, было уже невозможно.

Положение США еще более осложнялось тем, что все государства — члены ООН единодушно одобрили резолюцию, которая поддерживала идею всеобщего и полного разоружения. Пришлось голосовать за эту резолюцию и американскому делегату.

Администрация Эйзенхауэра решила не идти «против течения». Выступать против разоружения означало для правительства США окончательно подорвать свой престиж в глазах сотен миллионов людей. В результате Эйзенхауэр принимает решение на словах одобрить идею всеобщего и полного разоружения, а на деле продолжать тактику затяжки переговоров по этой проблеме.

Тактика бесплодных переговоров досталась в наследство Кеннеди от правительства Эйзенхауэра. Однако Кеннеди вынужден был уделять проблеме разоружения больше внимания.

Кеннеди и многие его ближайшие сотрудники считали всеобщее и полное разоружение «недостижимой целью». Он не строил никаких иллюзий об отношении к проблеме разоружения со стороны военно-промышленного комплекса. Однако он понимал, что этот вопрос волнует всю мировую общественность, чувствовал, что заняться им придется.

Так возникло Агентство по контролю над вооружениями и разоружению. На пост его руководителя был назначен упоминавшийся выше видный республиканец Джон Макклой. Тот самый Макклой, который по большинству военно-политических проблем стоял правее центра в американском «внешнеполитическом истеблишменте». Распространена точка зрения, что Кеннеди сделал этот выбор, стремясь обезопасить себя от обвинений со стороны правых в «идеализме» и «мягкости».

Двусмысленное название нового государственного ведомства США само по себе отвечало на вопрос о том, чем оно будет заниматься.

Новому Агентству и его руководителю предстояло сделать шаги, которые оправдали бы их деятельность перед общественностью. Первый шаг вскоре был сделан. Администрация решила провести переговоры по проблеме разоружения с советскими представителями.

В июне 1961 года начались советско-американские переговоры по разоружению. Советская сторона, представленная заместителем министра иностранных дел

В. А. Зориным, приступила к ним с самыми серьезными намерениями. Американская сторона в лице Макклоя, как вскоре стало очевидно, не имела желания наметить практический путь к разоружению. Эта позиция отражала подлинные настроения правящей верхушки США. Тем не менее сам факт двусторонних советско-американских переговоров по разоружению был знаменательным. Это было важным шагом вперед по сравнению со всем предшествовавшим периодом политики «холодной войны», проводимой США в отношении СССР и других социалистических стран.

Тактику Макклоя на переговорах, пожалуй, можно охарактеризовать как тактику «минимальных усилий». Так, несмотря на то что Советское правительство представило американской стороне конкретный план всеобщего и полного разоружения, Макклой заявил, что он готов обсудить лишь «общие принципы» разоружения.

19 июня 1961 года посланцы Кеннеди извлекли из своих портфелей «заявление о принципах». В нем декларировалась идея «тотального универсального разоружения», и только. Действительного разоружения по существу и не предусматривалось. Зато предлагался контроль за запуском ракет в космос без запрещения применения ядерного оружия.

В дополнение ко всему Макклой стал добиваться согласия СССР на создание «международных вооруженных сил», обладающих всеми видами вооружений, в том числе и ядерным. При их использовании, как настаивали американцы, не применялось бы правило единогласия постоянных членов Совета Безопасности, т. е. такие вооруженные силы могли быть брошены «в дело» без согласия Советского правительства. На это советская сторона, естественно, пойти не могла.

Стремясь не допустить провала переговоров и сдвинуть с мертвой точки проблему разоружения, Советское правительство 27 июля 1961 года представило США проект «совместного советско-американского заявления об основных принципах договора о всеобщем и полном разоружении».

Надо сказать, что летом 1961 года народы и правительства следили за ходом советско-американских переговоров по разоружению с удвоенным вниманием. Атмосфера в международных отношениях была напряженной. Учитывая эту обстановку, Кеннеди дает указание подготовить новый вариант «заявления о принципах».

Правительство Кеннеди вынуждено было заявить, что

конечной целью должно быть всеобщее и полное разоружение. При этом оно, однако, обставляло это положение целым рядом неприемлемых оговорок. Особенно нереальным было требование правительства США, чтобы международный контроль осуществлялся не столько за разоружением, сколько за вооруженными силами социалистических стран. Такая постановка вопроса была весьма опасна для дела мира. США явно искали возможность тщательно изучить оборонительный «потенциал противника». Тем, кто замыслил агрессию, это было бы лишь на руку. Реализация таких требований лишь дестабилизировала бы военно-политическую обстановку в мире, увеличивая опасность возникновения острых международных конфликтов. Словом, американское требование о контроле над вооружениями могло быть использовано потенциальным агрессором. Оно в тех условиях не способствовало укреплению безопасности. Более того, могло вызвать новый тур гонки вооружений. Об этом и было недвусмысленно заявлено американским представителям.

Тем временем начала свою работу XVI сессия ООН. Администрации Кеннеди приходилось выходить на открытие сессии ООН, волоча за собой длинный шлейф самых неблагоприятных дел в международных отношениях, как, например, агрессия против Кубы, раскручивание гонки вооружений, раздувание военной истерии, отказ подписать германский мирный договор. В этих условиях правительству США был необходим какой-то миролюбивый жест. Оно идет на то, чтобы поступиться некоторыми своими неприемлемыми условиями.

В июне, июле и сентябре 1961 года состоялись двусторонние советско-американские переговоры по вопросам разоружения в Вашингтоне, Москве и Нью-Йорке. Только на последнем этапе этих переговоров американская сторона изменила свою позицию, пойдя несколько навстречу советским предложениям. В результате удалось согласовать одобренный как Советским Союзом, так и Соединенными Штатами текст Заявления о согласованных принципах, в которых указывалось на необходимость соглашения по программе всеобщего и полного разоружения, включающий: «Роспуск вооруженных сил; ликвидацию военных баз; прекращение производства вооружений; ликвидацию всех запасов ядерного, химического, бактериологического и других видов оружия массового уничтожения и всех средств доставки этого оружия к цели и др.». Отмечалось также, что всеобщее

и полное разоружение должно осуществляться по этапам и в установленные сроки, причем на любом из этих этапов ни одно государство или группа государств не должны получать военного преимущества. К сожалению, оба правительства не смогли достигнуть соглашения о составе органа для переговоров [II—23; с. 404].

20 декабря 1961 года Генеральная Ассамблея на своей XVI сессии единодушно приняла резолюцию, в которой потребовала как можно скорее обеспечить достижение соглашения о всеобщем и полном разоружении. На этой же сессии был решен вопрос о составе Комитета по разоружению, по которому не удалось достичь согласия в ходе двусторонних советско-американских переговоров (в первую очередь из-за нежелания американской стороны признать за нейтралистскими странами право на должное участие в работе этого органа). В состав этого Комитета вошли пять социалистических и пять западных стран, участвовавших ранее в работе Комитета 10-ти, а также 8 нейтралистских государств. Таким образом, возник известный Комитет 18-ти (на практике в работе этого Комитета приняло участие 17 государств, так как французское правительство не направило в него своих представителей).

Стремясь к реальному решению проблем всеобщего и полного разоружения, Советский Союз 15 марта 1962 года внес на рассмотрение Комитета 18-ти проект Договора о всеобщем и полном разоружении под строгим международным контролем. Советское правительство предлагало в соответствии с согласованными принципами провести всеобщее и полное разоружение в три этапа. Оно считало возможным осуществить это в четырехлетний срок. Предлагая этот проект, Советское правительство вновь подтвердило свои неоднократные заявления о том, что «оно готово принять любые предложения западных держав по контролю за разоружением, если эти державы примут советские предложения о всеобщем и полном разоружении» [I—28].

Что же предприняло в этот момент правительство США? В июне 1962 года оно объявило о том, что намерено осуществить ядерные взрывы на высоте нескольких сот километров, в том числе взрывы мегатонной мощности. Правящие круги США сделали и другие шаги, усилившие международную напряженность. Так, например, заместитель министра обороны США Гилпатрик заявил, что Пентагону для нанесения эффективного удара «необходимо уточнить систему вражеских целей». Американ-

ская военщина в открытую требовала легализации разведки на территории Советского Союза.

Все основные цели и принципы, провозглашенные в совместном советско-американском заявлении, находились в прямом противоречии с интересами фабрикантов оружия США, военной верхушки и многих политических деятелей. Они, естественно, о разоружении и не помышляли; военная промышленность продолжала набирать темпы роста. Все это и обусловило появление нового американского документа, который в 1962 году США внесли на рассмотрение Комитета 18-ти в Женеве. Это были туманные предложения, которые отодвигали на неопределенные сроки решение проблемы разоружения. Контроль над разоружением вновь подменялся контролем над вооружениями. Так общими усилиями госдепартамента, Пентагона и ЦРУ были сведены на нет наметившиеся положительные сдвиги в связи с подписанием совместного советско-американского заявления.

Против каких-либо мер в области разоружения особенно рьяно выступала американская военщина. В своих мемуарах бывший советник Кеннеди Шлезингер признает, что «Комитет начальников штабов... выступал против всеобщего и полного разоружения». Военные объявили планы разоружения «утопией». Они встречали в штыки всякое проявление реализма в американской внешней политике, особенно в вопросах разоружения и запрещения ядерных испытаний [III—131; с. 474].

Гонка вооружений в США продолжалась. Администрация Кеннеди убеждала страну, что необходимо усовершенствовать средства доставки ядерного оружия, увеличить производство ракет различных видов, перевести стартовые площадки многих из них под землю, форсировать создание атомного подводного флота, вооруженного ракетами «Поларис». Делались призывы расширить постоянное воздушное патрулирование самолетов дальней авиации с атомными бомбами на борту.

Игра со смертью становилась все более опасной. В США и за их пределами имело место уже более десяти крупных инцидентов, когда мог произойти ядерный взрыв. Так, например, стратегический бомбардировщик ВВС США Б-52 «уронил» ядерную бомбу над штатом Северная Каролина. Упавшая бомба, к счастью, не взорвалась, а могла, несмотря на то что была снабжена несколькими предохранительными устройствами. Когда к месту происшествия прибыли специалисты американских ВВС, они ужаснулись. Оказывается, пять из шести

предохранителей, установленных на бомбе, при ударе не сработали и только один помешал ей взорваться.

16 января 1962 года в Женеве возобновились переговоры между представителями Советского Союза, США и Англии по разоружению [II—13; с. 197].

Как и ранее, американско-английские предложения выдвигали на первый план не вопрос о запрещении всех испытаний ядерного оружия, а совсем другой вопрос — об установлении под ширмой международного контроля развернутой разведывательной сети на территории Советского Союза. Представители США и Англии даже выдвинули условие, что если их предложения «по контролю» не будут приняты, то они прервут Женевское совещание и выскажутся за передачу вопроса о прекращении ядерных испытаний обратно в Комитет 18-ти государств по разоружению. Становилось все более ясно, что правительство Кеннеди и не помышляет о действительном разоружении.

От результатов работы Комитета 18-ти в значительной степени зависело улучшение атмосферы в международных отношениях. Однако правительства США и Англии отказались дать работе Комитета 18-ти эффективный старт. Ни Кеннеди, ни Макмиллан не изъявили желания лично участвовать в его заседаниях. Противодействие военно-промышленного комплекса США всякому шагу на пути к разоружению сказалось и в этом.

И все же полностью «утопить» проблему разоружения американской дипломатии не удалось. Большая работа, проделанная советской дипломатией в этой области, начинала давать плоды.

Глава IX

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНТАКТЫ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ: ПАРИЖ И ВЕНА

Весной 1961 года ведущие американские политические деятели оценивали международную обстановку как чрезвычайно неблагоприятную для США. И действительно, в Азии, Африке и Латинской Америке престиж и влияние США падали. Западная Европа стала все чаще ставить под сомнение основы европейской политики США.

Несколько оправившись от шока, вызванного провалом авантюры против Кубы, Кеннеди приходит к выводу, что он слишком полагался на мнения различного рода экспертов и специалистов. Не отказываясь и впредь от их услуг, он решает сам разобраться в запутанном лабиринте международных проблем. Он требует подготовить для него специальные «досье фактов» по наиболее важным международным проблемам.

Кеннеди также принимает решение о встречах с ведущими лидерами стран Западной Европы — де Голлем и Макмилланом. Значительный интерес он проявляет и к возможности встречи с главой Советского правительства. Правительство СССР, руководствуясь принципами мирного сосуществования и необходимостью разрядки международной напряженности, поддержало идею о встрече советских представителей с новым американским президентом.

Президент собирался в Европу. Если не считать кратковременного визита в Канаду, это была его первая важная попытка действовать с помощью «личной дипломатии». Он усиленно готовился к поездке, считая, что ему крайне необходимо продемонстрировать свою не только «уравновешенность», но и «твердость».

Заметим, что поездка в Канаду имела для Кеннеди неожиданные неприятные последствия. Во время посадки молодого дубка перед зданием канадского правительства в Оттаве, что по замыслу организаторов церемонии должно было увековечить память об этом визите, Кеннеди неловким движением серебряной лопаты, которой он забрасывал яму землей, вызвал сильную боль в спине. Старый недуг вновь вернулся. Тупая ноющая боль долгое время не покидала президента.

Перед поездкой в Европу Кеннеди резко сократил число официальных встреч и бесед, не имевших отношения к европейским делам. Вместе с тем в Белом доме состоялась целая серия встреч с людьми, которые, как казалось президенту, могли снабдить его полезной информацией, оценками, наблюдениями. Готовясь основательно к своей европейской поездке, Кеннеди не довольствуется только меморандумами ЦРУ, госдепартамента, министерства обороны и аппарата Совета национальной безопасности. Он уже понимает в это время, что любая, пусть даже самая интересная и важная информация, получаемая им от государственного аппарата, окрашена ведомственными интересами, а часто и приглажена до такой степени, что из нее выхолощена суть проблемы.

Поэтому Кеннеди активно обращается к источникам информации и оценок за пределами внешнеполитических ведомств. Он беседует со своим недавним соперником сенатором Х. Хэмфри, с журналистами У. Липпманом и Дж. Рестоном, бывшими послами в Москве А. Гарриманом, Д. Кеннаном, Ч. Боленом, бывшим государственным секретарем Д. Ачесоном, представителем США на переговорах по запрещению ядерных испытаний А. Дином и многими другими. Кеннеди интересуется их мнением о советской внешней политике, о де Голле и Макмиллане. Перечитывает он и мемуары де Голля, изучает материалы прессы. Постепенно начинал вырисовываться стратегический план европейской поездки Кеннеди, в которой основное место отводилось встречам в Вене и Париже.

Встречи американского президента с главой Советского правительства случаются не часто. Естественно, что они вызывают во всем мире большой интерес и питают надежды народов на ослабление международной напряженности.

Понимая это, Кеннеди ставил для предстоящей встречи весьма ограниченные задачи. Главную из них он видел не в достижении конкретных результатов по каким-либо актуальным международным проблемам, а в том, чтобы установить непосредственный контакт с главой Советского правительства. Это обстоятельство президент США не раз отмечал в беседах со своими помощниками. Когда же он был настроен еще более откровенно, то основную цель встречи в Вене пояснял следующим образом: Советам необходимо дать понять, что действия американского правительства в Лаосе и против Кубы во все не объясняются его, Кеннеди, слабостью. Словом, ему не терпелось продемонстрировать Советскому Союзу политику «с позиции силы». Он стремился успокоить своих критиков в США, не одобрявших его решение о встрече в Вене [III—131; с. 435].

Таким образом, Кеннеди ехал в Вену настроенный не на плодотворные переговоры, а на то, чтобы устроить там некую «демонстрацию силы США». Подобный подход к важной встрече не мог не наложить отрицательный отпечаток как на подготовку к ней, так и на ее результаты.

Готовясь к встрече в Вене, хозяин Белого дома имел и другие соображения, причем весьма мрачного свойства. Дело в том, что с приходом Кеннеди к власти американская военная верхушка с новой силой стала требо-

вать проведения очередного тура испытаний ядерного оружия. Президент поначалу противостоял этому нажиму. Он, например, заявлял: «Мы проведем испытания, затем они проведут испытания, и мы снова должны будем их проводить». Очевидно, ему не хотелось начинать свое президентство со столь непопулярного в глазах народа шага. Ведь всему миру было известно, что не кто иной, как США, положили начало ядерным испытаниям, произведя их куда больше, чем Советский Союз. В этих условиях Кеннеди не хотел торопиться с новыми испытаниями. Но в конце концов он дал понять Пентагону, что вернется к решению вопроса о возобновлении ядерных испытаний после встречи в Вене.

В дополнение ко всему буквально накануне визита Кеннеди в Европу правительство США предприняло шаг, свидетельствующий о том, что в Вашингтоне серьезно и не помышляли о разрядке международной напряженности. 25 мая президент выступил в конгрессе США с посланием к стране.

Американский народ вновь услышал старые «силовые» установки. Кеннеди требовал новых военных ассигнований, для того чтобы США могли играть роль лидера «защиты свободы». К самому раздутому военному бюджету, когда-либо существовавшему в мирное время, были добавлены еще 2 млрд. долларов — на производство новых видов вооружения и подготовку диверсионных отрядов для борьбы с национально-освободительными движениями, на военную «помощь» иностранным государствам и строительство в США атомных бомбоубежищ, а также на расширение пропагандистских радиопередач «Голоса Америки». Это была заявка на дальнейшее обострение международной напряженности. «По моему мнению, — заявил в конгрессе президент, — в жизни нашей страны и судьбе свободы на всем земном шаре наступают самые серьезные времена» [III — 35; с. 465].

За этой высокопарной фразой скрывалась неприглядная истина. Накануне встречи в Вене правительство США довольно открыто демонстрировало свое нежелание покончить с «холодной войной».

29 мая 1961 года Кеннеди исполнилось 44 года. Накануне Национальным комитетом демократической партии в его честь был устроен грандиозный ужин. Более скромно отпраздновали день рождения Джона в семейном кругу. Празднество было омрачено тем, что боль в спине давала о себе знать все сильнее. Позволив себе неболь-

шой отдых, Кеннеди в домашней обстановке снова встал на костыли, чтобы хоть немного дать отдохнуть спине.

30 мая 1961 года самолет президента США после семичасового перелета через Атлантику приземлился в аэропорту Орли. Французским правительством Кеннеди была оказана торжественная встреча. Республиканские гвардейцы с саблями наголо, в позолоченных шлемах и высоких, до блеска начищенных сапогах выстроились по обе стороны трапа президентского самолета. Встретить высокопоставленного гостя приехали президент де Голль и члены французского правительства.

И вот Кеннеди на европейской земле. Выступая на аэродроме с небольшой речью, он говорит, что «приехал из Америки, дочери Европы, во Францию, которая является самым старым другом Америки». Встречающие его внимательно слушали. После окончания официальной церемонии встречи колонна черных «ситроенов» направилась в Париж, на Кэ д'Орсэ, где находилась отведенная для Кеннеди резиденция. Конные гвардейцы и 50 полицейских на мотоциклах придавали кортежу внушительный и торжественный вид. Вот и Париж. Прогремел салют из 101 орудия. Люди на улицах с интересом разглядывают приветствующего их американского президента.

В своей резиденции Кеннеди немедленно направился в обитую голубым и серым шелком спальню, где когда-то почивал Людовик XVI. Первым делом необходимо принять ванну, для того чтобы унять боль в спине. Нужно также выслушать сообщение своего помощника Т. Соренсена, которого Кеннеди направил в Париж в разведку за несколько дней до своего приезда, для того чтобы тот рассказал ему последние новости из жизни французской столицы, помог понять, чем дышит Франция. Впрочем, и без информации Соренсена Кеннеди было ясно, что во время переговоров с президентом Франции его ожидает немало сложнейших проблем.

Переговоры Кеннеди с де Голлем состоялись в Елисейском дворце. Стремясь с самого начала найти общий язык с президентом Франции, президент США в первую очередь поднял вопрос о положении в центре Европы и о Западном Берлине.

Кеннеди хорошо знал, что французское правительство, войска которого, так же как американские и английские войска, находились в Западном Берлине, не было согласно с советскими предложениями по нормализации положения в Центральной Европе. Дальновидность

предложений Советского Союза, их миролюбивый характер не хотели понять в английских и французских официальных кругах. А ведь претворение в жизнь советских предложений означало бы оздоровление положения на немецкой земле, ликвидацию на ней иностранной оккупации, признание существования двух германских государств и закрепление границ между ними и их соседями. И наконец, международные гарантии статуса Западного Берлина как самостоятельной административно-политической единицы положили бы конец реваншистским устремлениям Бонна, заявляющего без всяких на то оснований, что Западный Берлин является частью территории ФРГ.

Ликвидация последствий второй мировой войны в Европе и закрепление германским мирным договором сложившихся на ее территории границ оказали бы самое благотворное влияние на оздоровление международного положения. Но многих государственных деятелей на Западе не устраивали советские предложения, не нравился их решительный тон. Все это учитывал Кеннеди, когда охарактеризовал советские предложения по заключению германского мирного договора как «угрозу» Западу. США и союзники, заявлял Кеннеди, должны, если это будет необходимо, пойти на риск ядерной войны из-за Западного Берлина. Де Голль со своей стороны сказал американскому президенту, что, по его мнению, Россия не хочет войны, но что Западу надо проводить твердую линию, защищая свои интересы. Казалось, контакт и понимание между Кеннеди и де Голлем установились. На этой приятной для американского президента ноте закончилась первая часть переговоров.

Затем состоялся обед, на котором помимо де Голля и Кеннеди присутствовали французские официальные лица и основные американские советники: Соренсен, О'Доннел, Селинджер и др. Утонченная французская кухня после однообразного меню поваров Белого дома произвела большое впечатление на американцев.

Когда французский и американский президенты возвратились для переговоров в салон Доре, было решено обсудить проблему Лаоса. Совет де Голля был для Кеннеди совершенно ясен. США не следует пытаться решать лаосскую проблему путем военного вмешательства. Они могут рассчитывать лишь на дипломатическую поддержку со стороны Франции, но не более. Что же касается участия французских солдат в военных действиях в Лаосе, то это вообще исключается. Наиболее разумный курс,

советовал де Голль, состоял бы в согласии американцев на формирование в Лаосе коалиционного правительства, которое придерживалось бы нейтралистского курса. Таким образом, Франция недвусмысленно отказывала США в поддержке их авантюристической политики в Лаосе. Надо сказать, что к такого рода откровенному несогласию с американским внешнеполитическим курсом президенты США послевоенных лет не привыкли. Раньше им в западноевропейских столицах все больше поддакивали или в худшем случае молча соглашались с американскими предложениями. Джону пришлось убедиться, что в Западной Европе наступали новые времена.

Это стало ему особенно ясно, когда дело дошло до обсуждения проблем НАТО.

Проблемы НАТО были предметом дискуссии на второй день переговоров. Президент де Голль подробно изложил свои взгляды на эволюцию международных отношений, на изменения в мире. Франция, заявил ее президент, не намерена больше жить под сенью НАТО. Понимая всю сложность стоящих перед Кеннеди задач и не стремясь «подорвать» НАТО, продолжал де Голль, французское правительство не намерено что-либо предпринимать немедленно. Однако вместе с тем оно недвусмысленно заявляет, что в самом ближайшем будущем ситуация с пребыванием Франции в военной организации НАТО должна измениться.

Как вспоминал позднее Соренсен, американский посол в Париже Гэвин после заседания признался ему, что был «почти испуган этим твердым, холодным и безоговорочным заявлением о том, что США не должны вмешиваться в дела Европы» [III—138; с. 558—559].

Внешне сохраняя спокойствие, Кеннеди был более чем взволнован. Впервые из уст одного из ведущих государственных деятелей Западной Европы он услышал, как критикуется основа основ всей американской внешней политики в Европе — НАТО; по существу его объявляют анахронизмом.

Стремясь убедить де Голля, что его взгляды по вопросам НАТО и создания Францией собственных ядерных сил ошибочны, Кеннеди не жалеет слов. Всячески подчеркивая, что США «будут воевать, если на Европу нападут», Кеннеди заявляет даже, что американцы могут первыми нанести ядерный удар «по нападающим». США осуществят ядерное нападение, если правительство решит, что это «необходимо», или что американские войска «находятся в опасности», или даже если ему толь-

ко станет известно, что Советский Союз «готовится нанести удар» [III—136; с. 175—180].

Так Кеннеди, следуя советам Пентагона и госдепартамента, оставлял за правительством США «право» решать, когда первым нанести атомный удар по социалистическим странам. Это были безответственные рассуждения, основанные на фальшивой концепции, что агрессия в Европе может произойти с Востока на Запад, а не наоборот. Но именно такой «довод» выдвигался в качестве обоснования «права» США на ядерную агрессию.

Де Голль, однако, дал понять, что его точка зрения на НАТО и роль США в Западной Европе остается неизменной.

Тогда Кеннеди раскрывает перед французским президентом свою последнюю «козырную карту». США готовы пойти на то, чтобы создать под эгидой НАТО морские ядерные силы, которые находились бы под контролем США, Франции и Англии. Это опасное для дела мира предложение открывало, хотя об этом прямо и не говорилось, доступ ФРГ, как члену НАТО, к ядерному оружию.

Но и последний козырь Кеннеди не возымел действия. Де Голль не согласился и с этим предложением. Он лишь заметил, что оно будет изучено. На языке дипломатии это часто означает «нет». Как показали последующие события, так оно и было.

Переговоры заканчивались так же, как и начались, в корректной атмосфере. Между Де Голлем и Кеннеди, как многие отмечали, даже установились неплохие личные отношения. Однако оставалось фактом и другое. По ряду крупных международных проблем мнения американского и французского президентов значительно разошлись. Западная Европа, Франция были уже не те, что несколько лет назад. «Мать» не желала больше беспрекословно следовать советам своей «дочери».

Постепенно в дипломатических и журналистских кругах Парижа стало известно, что переговоры Кеннеди с де Голлем не принесли больших решений. Интерес к президенту США со стороны французской печати и публики падает, и все большее внимание привлекает его супруга Жаклин, которая своим обаянием и элегантностью покорила сердца парижан. Недаром в конце визита Кеннеди заявил: «Я был тем человеком, который сопровождал Жаклин Кеннеди в Париж...» И хотя это была всего лишь шутка, но в ней невольно был заложен опреде-

ленный смысл. Визит Кеннеди в Париж оказался почти бесплодным. Об этом, в частности, свидетельствует коммюнике от 2 июня 1961 года, подводившее итоги переговорам Кеннеди и де Голля [III—71; с. 999].

Рассказывают, что, когда Кеннеди прощался с де Голлем перед вылетом в Вену, он спросил президента Франции: «Вы 50 лет готовились к тому, чтобы стать главой государства. Удалось ли Вам обнаружить что-либо такое, что должен знать я?» Как говорят, де Голль обещал Кеннеди рассказать об этом при следующей встрече. Она, однако, не состоялась.

В «Мемуарах надежды» де Голль следующим образом оценил состояние американо-французских отношений в момент визита Кеннеди: «Теперь американцы вынуждены считаться с нашей независимостью и иметь дело непосредственно с нами. Но они тем не менее не могут представить себе, что их деятельность перестала быть решающей и что наша деятельность может идти в каком-либо ином направлении. Короче говоря, в каждом случае, когда Кеннеди мне предлагает какой-либо шаг, — это шаг, который должен быть сделан в порядке участия в его действиях. Я отвечаю, что Париж, безусловно, готов обсудить вопрос о согласованности действий с Вашингтоном, но все, что делает Франция, она делает как хозяйка своей политики и по собственному почину» [II—31; с. 434].

Встреча де Голля с Кеннеди показала, что США и Франция выступают отдельно по многим вопросам международных отношений. Франция подвергла критике действия Соединенных Штатов в Конго, где под прикрытием ООН они грубо вмешались, чтобы устранить правительство Лумумбы. Порвав отношения с Кубой, США призвали Францию последовать их примеру. Однако Франция сохранила свое посольство в Гаване и отказалась ввести эмбарго на торговлю с Кубой (следует отметить, что, по некоторым сведениям, французская разведка при этом активизировала свою работу на Кубе и щедро делилась с ЦРУ сведениями по военно-политическим вопросам, в том числе накануне карибского кризиса) [III—87]. Но основным предметом разногласий между Кеннеди и де Голлем был вопрос о политике в отношении Вьетнама.

Кеннеди сообщил, что США готовятся расширить свое участие в гражданской войне на Юге Вьетнама, но де Голль предостерегал его от этого опасного шага. Он сказал Кеннеди: «Интервенция в этом районе приведет

к тому, что вы безнадежно завязнете в этой бесконечной войне. После того как нация пробудилась, никакая иностранная власть, какими бы средствами она ни располагала, не имеет шансов на то, чтобы навязать там свою волю... Если вы найдете на месте правительства, которые из корыстных побуждений согласятся повиноваться вам, то народы не согласны повиноваться... Чем больше вы будете бороться против коммунизма, тем больше коммунисты будут представлять как поборники национальной независимости, тем большую они будут получать поддержку. Мы, французы, в этом убедились на опыте. Вы, американцы, вчера пожелали занять наше место в Индокитае. Теперь вы хотите заменить нас, чтобы снова разжечь пожар войны, которую мы прекратили. Я вам предсказываю, что вы будете увязать шаг за шагом в бездонной военной и политической трясине, несмотря на все свои потери и расходы» [II — 31; с. 434—435].

Впереди Кеннеди ожидала Вена.

Решение о том, какой характер следует попытаться придать встрече в Вене, было принято президентом на специальном совещании, созванном им еще 11 февраля 1961 года в Белом доме. Кеннеди заявил тогда, что в результате целого ряда проведенных им консультаций он пришел к выводу, что встреча в Вене с главой Советского правительства для него необходима.

Как уже говорилось, Кеннеди видел основную цель этой встречи в том, чтобы, во-первых, убедить Советский Союз, что он человек сильной воли, но вместе с тем и уравновешенный. Во-вторых, он намеревался объяснить советским руководителям, «что собой представляют» США и их внешняя политика. А так как собственной внешней политики у правительства Кеннеди весной 1961 года еще по существу не было (даже кубинская авантюра была задумана правительством Эйзенхауэра. — *Авт.*), то, видимо, в Вене Кеннеди собирался защищать старый курс политики США.

По сути дела у американской стороны не было перед Веной ни одного конкретного реалистического предложения по разрядке международной напряженности. Дипломатический портфель президента был почти пуст. Более того, Кеннеди готовился встретить в штыки советские предложения, и особенно предложение о заключении германского мирного договора.

Исключение, пожалуй, составила проблема Лаоса, где Кеннеди проявлял вполне понятную после Кубы осторожность и не поддавался давлению «ястребов», требо-

вавших немедленного расширения военной интервенции США в этом районе. После переговоров с президентом де Голлем, когда стало ясно, что Франция выступает против американских военных авантюр в Лаосе, Кеннеди укрепился в мысли о том, что на большее, чем создание там коалиционного правительства, США и не могут рассчитывать [III—131; с. 360—361].

Таковы были настроения Кеннеди накануне встречи в Вене.

Переговоры президента США с Первым секретарем ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым начались в Вене 3 июня и продолжались два дня.

В американской мемуарной и другой литературе о венской встрече написано немало. Комментировалась она и в советской печати. О ней, разумеется, высказывались самые разные суждения, однако большинство политических обозревателей сходилось на одном: встреча хотя и была полезной и необходимой, но не стала поворотным пунктом ни в деле развития двусторонних советско-американских отношений, ни в деле решения крупных международных проблем.

В ходе венских переговоров Кеннеди задался целью доказать, что международная напряженность существует не из-за экспансионистской внешней политики империалистических государств, в первую очередь США, а якобы из-за распространения идей коммунизма на Земле. Кеннеди утверждал, что коммунисты стремятся ликвидировать извне «свободные системы», тяготеющие к Западу. По сути дела, президент отстаивал идею социального статус-кво. Он делал вид, что национально-освободительные войны не отражают воли того или иного народа, а ведутся «представителями меньшинства и поэтому могут явиться причиной столкновения великих держав».

В этих высказываниях Кеннеди сквозило стремление американского капитализма остановить распространение социализма и коммунистической идеологии среди народов. Он ратовал за «иммунитет» целых стран и даже континентов от социализма и коммунистических идей. Разумеется, это были всего лишь иллюзии, демонстрировавшие полное отсутствие реализма, так как передовые социальные идеи нельзя остановить с помощью искусственных рогаток. Подход Кеннеди к национально-освободительному движению показал, что прежние взгляды сенатора Кеннеди на проблемы национально-освободи-

тельного движения в Алжире и Юго-Восточной Азии и взгляды президента Кеннеди явно разошлись.

Кеннеди уделил внимание в беседах и вопросу о возможности так называемых «непоправимых просчетов». Он пространно говорил о том, что не хотел бы, чтобы в результате «просчетов» разразилась ядерная война. Обе стороны, заметил президент, должны избегать критических ситуаций, которые привели бы к войне. При этом Кеннеди даже признал, что он сам допустил просчет в отношении Кубы. Поэтому как Советскому Союзу, так и США следует стремиться к тому, чтобы свести до минимума возможность «просчетов» во взаимоотношениях между собой. Это уменьшит риск ядерной войны.

Поднятый Кеннеди вопрос имел немаловажное значение во взаимоотношениях двух наиболее могущественных в военном, экономическом и политическом отношении держав послевоенной системы международных отношений. Однако его предложения в этой области не имели достаточно конкретного содержания, носили риторический характер и не были затем подкреплены готовностью идти на конструктивное и взаимовыгодное решение сложных военно-политических проблем во взаимоотношениях СССР — США.

Взять, к примеру, проблему запрещения ядерных испытаний. Кеннеди повторил тезис Пентагона и ЦРУ о том, чтобы США имели право тщательной инспекции советской территории для проверки «подозрительных явлений». Его не удовлетворило предложение о трех инспекциях в год территорий ядерных держав, которое в 1961 году Советское правительство соглашалось закрепить в международном договоре.

Таким образом, согласие советской стороны на три международные инспекции на месте было не чем иным, как жестом доброй воли в адрес США, вызванным стремлением максимально способствовать скорейшему заключению соглашения о разоружении и запрещении ядерных испытаний. Кеннеди, однако, не изменил прежней позиции по этому вопросу.

Более того, президент США говорил о невозможности достижения в Женеве соглашения о разоружении. Этим он объяснил свое предложение отделить переговоры о запрещении ядерных испытаний от переговоров по разоружению. Кеннеди хорошо знал о резко отрицательном отношении военно-промышленного комплекса США к идее разоружения и тем более к плану всеобщего

и полного разоружения. Отсюда и его пессимизм в отношении женевских переговоров. Такая позиция — еще одно подтверждение наличия весной 1961 года в правительстве США влиятельной группы военных и политиков, требовавших во что бы то ни стало проведения очередного тура ядерных испытаний.

Не было и следа реализма в подходе Кеннеди к вопросу о германском мирном договоре. В нем он усматривал «угрозу» для США, имея в виду, что в случае устранения в центре Европы последствий второй мировой войны США теряли бы на германской земле оккупационные права. Отрицая очевидные факты, Кеннеди утверждал, что реваншистская политика западногерманского правительства, его всевозрастающая роль в НАТО не являются источником опасности для дела мира в Европе. Он пытался не замечать наличия на немецкой земле двух германских государств. Из-за такой нереалистической позиции Кеннеди проблема германского мирного договора и европейской безопасности снова осталась нерешенной.

Нежелание правительства США закрепить германским мирным договором границы в центре Европы свидетельствовало и о том, что, защищая американский тезис о социальном статус-кво в мире, отвергавшийся советской стороной, Кеннеди не только не был реалистичен, но и не был искренен. Ведь, когда беседы касались закрепления сложившегося положения в центре Европы, что было действительно необходимо для дела мира, он не только не согласился, но и решительно воспротивился такому шагу.

Что же касается советской стороны, то она по-серьезному отнеслась к переговорам в Вене. Американскому президенту была предложена конструктивная программа решения наиболее важных международных проблем, причем на условиях, которые ни в коей мере не ущемляли национальных интересов США. В ответ советские представители услышали столь знакомое «ноу» («нет»). «Ноу» — германскому мирному договору, «ноу» — юридическому закреплению границ в Европе, «ноу» — всеобщему и полному разоружению и прекращению ядерных испытаний. Это был ответ в духе Даллеса, не требовавший комментариев.

Кеннеди были вручены советские памятные записки по вопросу о прекращении испытаний атомного и водородного оружия и по вопросу о заключении германского мирного договора и урегулировании на этой основе во-

проса о Западном Берлине. Сомнительно, однако, заглядывал ли Кеннеди в последующие месяцы в эти документы.

В подходе Кеннеди к международным делам особняком стояла проблема Лаоса. Президент, еще не оправившийся после кубинского провала, сумел все-таки противостоять требованиям экстремистов и военных осуществить в Лаосе еще более широкое военное американское вмешательство. Он в конце концов прислушался к разумному совету де Голля о том, что выходом из положения, сложившегося в Лаосе, могло бы быть коалиционное правительство. Эта позиция была принята Кеннеди в Вене, где советская сторона сделала максимум возможного для того, чтобы Лаос мог стать на путь независимости и избежать иностранной интервенции.

В коммюнике, подписанном главами обоих правительств, согласие по вопросу о будущем Лаоса стало центральным пунктом. Результаты не заставили себя долго ждать. Женевские переговоры по лаосской проблеме перестали тормозиться американской делегацией, и через некоторое время, как известно, были заключены весьма важные соглашения по Лаосу [II—13; с. 243].

Таковы были итоги переговоров в Вене, существо которых Кеннеди по возвращении в США неоднократно пытался разъяснить американским журналистам в конфиденциальном порядке. В этих беседах президент делал упор на то, что он «ни в чем не уступил». Было бы, конечно, гораздо лучше, если бы он мог рассказать своим собеседникам о том, что он предложил. Но, как уже отмечалось, его дипломатический портфель на переговорах в Вене был почти пуст. В нем не оказалось далеко идущих деловых предложений.

После Вены пресса многих стран задавалась вопросом: в каком направлении будет теперь развиваться американская внешняя политика? Многие говорили за то, что в старом. Так оно и получилось. Последующие полтора года президентства Кеннеди свидетельствуют об этом.

БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС АВГУСТА 1961 ГОДА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Как показала венская встреча в верхах, администрация Кеннеди не была готова к конструктивному ответу на советские предложения, к согласованному решению важнейших международных проблем. Западные державы усиливали военные приготовления, объявив об увеличении численности своих вооруженных сил и даже о планах военной мобилизации. В правой печати ФРГ открыто обсуждались проекты военного вторжения на территорию ГДР. Западный Берлин, где орудовало более 80 подрывных центров западных спецслужб, использовался правительством ФРГ для ослабления экономики ГДР и заброса туда шпионов и диверсантов. Особенно широко в этих целях использовалась открытая граница между Восточным и Западным Берлином [I—29].

В этой обстановке правительство ГДР 13 августа 1961 года применило право суверенного государства по установлению эффективного контроля на границе с Западным Берлином, соорудив там заградительные сооружения. В США эта законная акция правительства ГДР вызвала очередную волну антикоммунистической и военной истерии. Правительство Кеннеди не нашло ничего лучшего, как попытаться вмешаться во внутренние дела Германской Демократической Республики.

17 августа правительство США направило правительству Советского Союза ноту, в которой оспаривало законность защитных мер правительства ГДР и заявляло о своем непризнании Восточной части Берлина столицей ГДР. В ответе на эту ноту 18 августа Советское правительство полностью поддержало действия правительства ГДР и охарактеризовало попытки американского правительства вмешиваться во внутренние дела суверенного социалистического государства как необоснованные и неуместные [II—13]. Дальнейшие действия правительства Кеннеди еще больше накалили обстановку в Европе. Как впоследствии вспоминал Соренсен, «в середине августа кризис в кризисе в опасной степени приблизился к точке взрыва» [III—139; с. 594].

США, а также Англия срочно перебросили в Западный Берлин новые контингенты войск. Американские грузовики с солдатами двинулись по автостраде, прохо-

дящей по территории ГДР. Одновременно Кеннеди направляет в Западный Берлин вице-президента Л. Джонсона и генерала Л. Клея, который затем остается в Западном Берлине в качестве «личного посланца» американского президента. А тем временем в США и других странах НАТО лихорадочно наращивали численность вооруженных сил. Все эти действия были не что иное, как новая демонстрация силы в ответ на советские предложения о заключении германского мирного договора и законные защитные меры правительства ГДР по охране суверенитета своей страны.

Советский Союз оказал решительную поддержку мероприятиям правительства ГДР. Когда американские танки подошли к границе, разделявшей после 13 августа Берлин, они встретили по другую ее сторону наряду с танками ГДР и танки группы советских войск в Германии. Одновременно СССР предпринял ряд важных военно-политических шагов по демонстрации своей решимости обеспечить безопасность стран Организации Варшавского Договора. Осенью 1961 года были увеличены бюджетные ассигнования на оборону, приостановлено сокращение численности Вооруженных Сил, временно отсрочена демобилизация части военнослужащих, отбывших установленные законом сроки службы. Твердый отпор, который получили со стороны Советского Союза и его союзников империалистические державы, возымел свое действие. Соединенным Штатам и их партнерам по НАТО пришлось примириться с новым положением дел в Берлине [II — 23; с. 330].

В США летом 1961 года имелось, однако, немало горячих голов, которые стремились идти опасным курсом. Среди них были видные представители «внешнеполитического истеблишмента», в том числе и бывший государственный секретарь США Дин Ачесон. Он, например, приложил все усилия, чтобы заставить Кеннеди объявить в Соединенных Штатах состояние «нации в опасности» и призвать в вооруженные силы 1 млн. резервистов [III — 138; с. 595]. Что касается многих руководителей госдепартамента США, то они по существу играли в создавшейся обстановке роль запальщиков «взрыва», так как тормозили разработку какой-либо реалистической программы по урегулированию германской проблемы.

Об этом, например, говорит следующий факт. После того как в Вене Кеннеди была вручена памятная записка Советского правительства правительству США по вопросу о заключении германского мирного договора и урегу-

лировании на этой основе вопроса о Западном Берлине, он время от времени возвращался к мысли о том, что на нее надо дать ответ. Но сделать это оказалось весьма не просто. Даже такое сравнительно скромное намерение президента, по существу отнюдь не затрагивавшее позиции США по германской проблеме, а лишь преследовавшее собой цель продолжения в какой-то форме диалога между СССР и США, натолкнулось на самый настоящий саботаж в госдепартаменте, поощрявшийся за его пределами деятелями типа Д. Ачесона.

За кулисами американской политики действовали ярые противники разумного подхода к германской проблеме. «Никаких переговоров с Советским Союзом», — требовали они. Следует полагаться на силу, и только силу. Поэтому-де ни к чему спешить с ответом на советскую памятную записку. Лучше продемонстрировать по отношению к ней безразличие правительства США, чем быть втянутыми в переговоры по германскому мирному договору. Это была хорошо знакомая линия ачесоновско-даллесовского толка на противодействие тому, чтобы со стороны американского правительства в отношении предложений Советского Союза были предприняты какие-либо положительные шаги.

В результате дни шли за днями, недели за неделями, а указание Кеннеди не выполнялось. Президент терпеливо ожидал проекта ответа, который должен был стать первым официальным заявлением его правительства по вопросу о мирном договоре с Германией. Наконец Кеннеди не выдержал и затребовал из госдепартамента проект ответа в том виде, в каком он имелся. Документ, который ему представили, не удовлетворил президента. Это был набор обычных негативных фраз, обходящих суть проблемы. Тогда Кеннеди поручает своему помощнику Соренсену переделать проект госдепартамента. Вскоре ответ на советскую памятную записку был готов. Но из госдепартамента Кеннеди сообщили, что исправленный текст не может быть направлен Москве в качестве официального, так как он не согласован с союзниками США по НАТО. В результате официальный ответ правительства США на памятную записку Советского правительства, врученную Кеннеди в Вене 4 июня, был дан только 17 июля, т. е. полтора месяца спустя.

Вся эта история свидетельствует о том, что летом 1961 года Кеннеди тратил много усилий на то, чтобы хоть как-то направлять деятельность государственного аппарата США, в том числе и госдепартамента. После

провала апрельской авантюры против Кубы в Вашингтоне царили настроения осторожного отношения к «поспешным», как многие считали, указаниям президента, которого профессиональные американские дипломаты все еще считали новичком в международных делах.

Подобного рода настроения использовало и правое крыло внешнеполитической элиты, для того чтобы подталкивать президента на еще более опасный авантюристический курс в европейских делах, в том числе по германской проблеме.

Кеннеди не поддавался на подобного рода провокационные настроения. Занимая в вопросе о заключении германского мирного договора и нормализации на его основе положения в Западном Берлине позицию, тормозившую создание в Европе основ прочного мира, он, однако, не решился на шаги, которые предлагал ему Ачесон и его единомышленники. Кеннеди занял более умеренную позицию по отношению к ситуации, которая складывалась в центре Европы.

Надо сказать, что стремление Кеннеди внести хоть какой-то элемент гибкости в американскую внешнюю политику по германской проблеме натолкнулось на особенно сильное сопротивление группы Ачесона. На позициях этой группы длительное время стоял и ряд членов администрации Кеннеди, в частности Макнамара. Активизировались сторонники линии Даллеса — Аденауэра и в госдепартаменте, где имелось довольно сильное прозападногерманское крыло. Потребовалась целая серия совещаний на правительственном уровне, чтобы точка зрения президента взяла верх. 19 июля на расширенном заседании Совета национальной безопасности Ачесон прямо заявил о своем несогласии с тактикой Кеннеди, не исключавшей переговоры с СССР по вопросу о границах. Бывший государственный секретарь США поставил под сомнение все сделанные президентом поправки к проекту госдепартамента, утверждая, что любые мирные переговоры США с Советским Союзом по германскому мирному договору не в интересах США. Любое стремление к переговорам, утверждал Ачесон, будет свидетельствовать о «слабости США». Его поддержали деятели из руководства госдепартамента.

По свидетельству очевидцев, между Ачесоном и некоторыми советниками Кеннеди на совещании произошел довольно острый спор о путях и методах политики по германской проблеме. Точка зрения президента о том, что США не должны отбрасывать в сторону переговоры

как средство ведения международных дел, победила. Кеннеди не хотел окончательно упускать из своих рук дипломатические рычаги, считая, что слишком уж обнаженная американская линия, основывающаяся исключительно на бряцании оружием в ответ на миролюбивые предложения Советского Союза покончить с остатками войны в Европе, была бы непопулярна даже в Западной Европе. Из Лондона ему, например, дали понять, что правительство Макмиллана не хочет увеличения риска войны и склоняется в пользу переговоров.

Следует, однако, отметить, что если у Кеннеди и хватило здравого смысла не вставать полностью на крайне авантюристический курс, который ему предлагали Ачесон и твердолобые в госдепартаменте, то все же очевидно, что серия шагов, предпринятая правительством США летом 1961 года в ответ на советские мирные предложения, подвела мир к очень опасной грани.

США продолжали увеличивать военные ассигнования, призвали на действительную службу 250 тыс. резервистов и наращивали американский гарнизон в Западном Берлине [II—36].

Правительством Кеннеди было принято решение о сокращении сроков производства атомных подводных лодок и стратегических ракет, а также о возвращении в строй значительного числа законсервированных старых военных кораблей и самолетов. Это были лихорадочные военные приготовления. Бряцание оружием оставалось лейтмотивом американской внешней политики.

25 июля Кеннеди выступил с большой речью по американскому телевидению, в которой сообщил о следующих шагах правительства США: увеличение на 3 247 млн. долларов военных ассигнований; доведение численности сухопутных сил до 1 млн. человек, увеличение флота на 29 тыс. человек и военно-воздушных сил на 63 тыс. человек; увеличение в ближайшие месяцы числа призывников в армию в 3 раза; увеличение срока военной службы. Кеннеди также обратился к конгрессу США с просьбой об ассигновании дополнительных 207 млн. долларов на нужды «гражданской обороны». Он призвал широко развернуть в стране строительство атомных бомбоубежищ с запасом продуктов, воды и медикаментов, необходимых, как заявил президент, «чтобы выжить» [III—39; с. 95—105].

Последняя часть выступления Кеннеди произвела на американцев впечатление разорвавшейся бомбы. К гонке вооружений многие из них уже привыкли, но вот к при-

зывают со стороны президента США зарыться, как кроты, в землю привыкнуть еще не успели. Выступление Кеннеди, как признал один из американских политических обозревателей, Хью Сиди, было воспринято в США как «речь, от которой веяло войной» [III—136; с. 231]. В стране, и без того запуганной антисоветской и антикоммунистической пропагандой, разразилась настоящая истерия.

Конгресс США в спешном порядке предоставил правительству дополнительные военные ассигнования. Правые круги оказывают на президента сильное давление, с тем чтобы постараться с помощью военной силы решить и другие проблемы международной политики. Раздраженный этими настойчивыми домогательствами, Кеннеди однажды воскликнул: «Все убеждают меня, что я должен быть «твердым». Что под этим имеется в виду? Немедленное вторжение на Кубу или в Лаос?» [III—136; с. 232].

Военная паника нарастала. По всей стране богатые американцы бросились покупать индивидуальные атомные убежища. Заказы на бомбоубежища росли как снежный ком. Многие строительные фирмы быстро переключились на их производство. Что касается американцев победнее, то для них печать распространяла массу всякого рода «практических советов» на тему «как уцелеть». В газетах, например, с умилением рассказывалось о том, как лауреат Нобелевской премии в области химии Уильям Либби выкопал себе бомбоубежище в склоне горы, защитил вход в него железнодорожными шпалами и мешками с песком. «Стоимость? Всего 30 долларов», — заявлял американцам гордый своей предприимчивостью Либби со страниц газет, поместивших многочисленные снимки этого самодеятельного архитектора.

В обстановке всевозрастающей агрессивности США и их отказа от нормализации положения в центре Европы Советское правительство было вынуждено со всем вниманием оценить сложившуюся ситуацию. О чем она свидетельствовала? Во-первых, о том, что «новые рубежи» Кеннеди во внешней политике оказывались на поверку старыми. Авантюра против Кубы, небывалая гонка вооружений, нагнетание в США атмосферы военной истерии, отказ от предложения подвести черту под итогами второй мировой войны, поддержка реваншистских кругов в ФРГ, нежелание по-серьезному отнестись к поискам путей всеобщего и полного разоружения — все это могло подвести только к одному выводу: США на-

мерены продолжать курс на силовую конфронтацию с СССР. Влияние некоторых прошлых реалистических оценок Кеннеди по ряду международных проблем на практический курс правительственной политики было в этот момент почти неощутимо, особенно для внешнего наблюдателя, не посвященного в конфликты в руководящих политических кругах США.

О последнем, в частности, свидетельствовала позиция, занятая американскими представителями не только в Вене, но и на переговорах в Женеве. Там они выступили с предложениями, которые были продиктованы в первую очередь разведывательными целями, а не стремлением покончить с ядерными испытаниями. Одновременно некоторые видные представители США стали намекать, что если не будет достигнуто соглашение о запрещении ядерных испытаний на американских условиях, то правительство Соединенных Штатов возобновит испытания ядерного оружия. И действительно, США стояли на пороге нового тура подземных ядерных испытаний.

Военно-промышленный комплекс настойчиво требовал от Кеннеди возобновления ядерных испытаний. При этом делалась ссылка на мнение «отца американской водородной бомбы» Э. Теллера, стоявшего во главе целой группы ученых-атомщиков, считавших, что США «не могут обойтись» без новых испытаний ядерного оружия. Президенту регулярно докладывались мнения американских военных о том, что никакого соглашения о запрещении ядерных испытаний достичь не удастся и США должны начать ядерные испытания, продолжая в то же время для отвода глаз вести переговоры в Женеве.

Еще в феврале 1961 года Комитет начальников штабов выдвинул требование, чтобы США возобновили ядерные испытания в атмосфере. Самое большее, на что соглашались военные, — это на 60 дней переговоров в Женеве, после чего Соединенные Штаты должны «по праву» возобновить испытания. Пентагон требовал возобновления и подземных взрывов. Госдепартамент рекомендовал решение о возобновлении ядерных испытаний отложить на более поздний срок. Более радикальных предложений умеренные деятели в этой обстановке высказывать не решались.

В пользу возобновления ядерных испытаний выступил Объединенный комитет по атомной энергии конгресса. В США началась пропагандистская кампания в пользу испытаний. Устраивались опросы общественного мнения,

чтобы доказать, что американцы также хотят возобновления ядерных испытаний. В начале августа председатель Комитета начальников штабов вновь потребовал немедленного возобновления ядерных испытаний. Кеннеди начал уступать. Он отдает указание начать подготовку новой серии подземных взрывов. Было ясно, что это лишь первый шаг в удовлетворении требований военных. Администрация США готовилась к тому, чтобы возобновить ядерные испытания в удобное для Соединенных Штатов время.

В политических кругах Вашингтона придерживались точки зрения, что Советский Союз даже перед лицом гонки вооружений и подготовки США к новому туру ядерных испытаний займет выжидательную позицию, не решится совершенствовать свое ядерное оружие, опасаясь реакции мирового общественного мнения. Таким образом, явная ставка делалась на то, что мировая общественность и правительства стран Азии и Африки не разберутся в сложившейся международной обстановке и осудят меры по укреплению обороноспособности Советского Союза. Всего этого, однако, не случилось. Уж слишком явно США вели дело к усилению «холодной войны».

Некоторое время Кеннеди и его советники подумывали о том, чтобы передать вопрос о возобновлении Советским Союзом ядерных испытаний в атмосфере в Совет Безопасности ООН. Но затем они расстались с этой идеей. На этом настоял не кто иной, как американский представитель на переговорах в Женеве по запрещению ядерных испытаний Артур Дин. Учитывая интересы военно-промышленного комплекса, он заметил тем, кто спешил в пропагандистских целях осудить Советский Союз, что, предприняв такой шаг, США «ограничили бы свою собственную свободу действий».

Другой влиятельный политик — Макклой заявил, что США вообще не следует обращать внимание на мировое общественное мнение. «Мировое общественное мнение? — воскликнул Макклой в одной из дискуссий. — Я не верю в мировое общественное мнение. Единственное, что имеет значение, так это сила. В настоящее время мы должны показать, что являемся мощной страной, и давайте не будем тратить свое время, гоняясь за тенью мирового общественного мнения» [II — 13; с. 189].

Так говорил глава вновь созданного Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, в прошлом верховный комиссар США в Западной Германии. Не-

трудно представить себе, что говорили остальные министры, в том числе военные.

Как бы то ни было, Кеннеди снова, к своему большому неудовольствию, все более убеждался в том, что разговаривать с Советским Союзом «с позиции силы» бесполезно. Вместе с тем по рекомендациям советников он решает все-таки использовать и пропагандистский подход к проблеме ядерных испытаний. По его указанию совместно с правительством Англии спешно составляется заявление Советскому правительству.

Одновременно с этим в Белом доме обсуждается вопрос о форсировании американских ядерных испытаний, к которым так долго и тщательно готовились. 5 сентября Кеннеди отдал приказ о возобновлении США подземных ядерных взрывов в шахтах и подземных галереях штата Невада. Они начались без всякой задержки.

Особо следует остановиться на совместном заявлении по вопросу об испытаниях ядерного оружия, которое было сделано правительствами США и Англии 3 сентября 1961 года через своих послов в Москве. В этом заявлении совершенно обходился вопрос о военной истерии и гонке вооружений, которые так усилились на Западе, прежде всего в США, летом 1961 года. Не упоминалось в нем и о широкой программе создания в США новых образцов ядерного оружия. Забыли в нем сообщить и о том, что президент США уже имел наготове приказ о возобновлении ядерных испытаний. И уж, конечно, там не было упоминания о том, что к лету 1961 года, когда Вашингтон намеревался начать новый тур гонки вооружений, Соединенные Штаты и Англия произвели в несколько раз больше ядерных испытаний, чем Советский Союз. Отсутствовало и признание того очевидного факта, что Вашингтон на переговорах в Женеве отвергал всеобщее и полное разоружение под строгим международным контролем.

Любопытно, что еще до того, как Соединенные Штаты возобновили свои испытания ядерного оружия в атмосфере, министр обороны США Макнамара заявил Раску и Банди в частной беседе, что такие испытания для США «в действительности не нужны». Этой же точки зрения придерживался английский премьер-министр Макмиллан. Он предложил, чтобы американцы пока не проводили ядерных испытаний в атмосфере. Такого же мнения был и президентский советник Артур Шлезингер. Однако с этим мнением не посчитались.

25 апреля 1962 года Соединенные Штаты возобновили

ядерные испытания в атмосфере. Кеннеди санкционировал дальнейшее раскручивание нового тура гонки ядерных вооружений.

Глава XI

КАРИБСКИЙ КРИЗИС

Осенью 1962 года в международных отношениях вспыхнул самый опасный со времени окончания второй мировой войны кризис. Острота этого — карибского — кризиса была настолько велика, что она заставила многих государственных деятелей по-новому взглянуть на международные отношения. Пересматривались старые догмы, их место занимали более или менее трезвые суждения.

«История не знает других периодов, аналогичных тринадцати дням октября 1962 года, когда Соединенные Штаты и Советский Союз остановились у кромки ядерной пропасти. Никогда прежде не существовала столь высокая степень вероятности того, что такое большое число жизней неожиданно оборвется. Если бы война разразилась, она означала бы гибель 100 миллионов американцев... а также миллионов европейцев. По сравнению с этим естественные катастрофы и массовые уничтожения людей более ранних периодов истории выглядели бы незначительными» [Ш — 7; с. 1], — писал американский профессор Г. Аллисон.

Каков же был механизм возникновения карибского кризиса?

Что явилось причиной вспышки карибского кризиса?

Международная обстановка осенью 1962 года была очень сложной и противоречивой.

США усиливали военное вмешательство в Южном Вьетнаме. В районе Тихого океана Пентагон проводил ядерные испытания в атмосфере. Напряженной, хотя и не столь острой, как в момент берлинского кризиса, оставалась обстановка в Европе. Вместе с тем в Женеве шли переговоры по разоружению. Между СССР и США имел место довольно обстоятельный обмен мнениями по германской проблеме. Налицо было некоторое сближение позиций по вопросам, связанным с ликвидацией остатков второй мировой войны в Европе.

Но движение в сторону позитивных решений пока было явно недостаточным и замедленным для преодоления тех наслоений, которые накопились по этим вопросам с 1945 года.

Политика правительства США в отношении Кубы по многим параметрам продолжала носить провокационный и опасный характер. Уроки поражения в заливе Кочинос многими американскими реакционерами начинали забываться. Конгресс США принял резолюцию, где недвусмысленно подчеркивалось, что Соединенные Штаты полны решимости «любыми средствами, какие бы ни потребовались, вплоть до применения оружия» бороться против кубинского народа. Сенатор от штата Нью-Йорк Китинг летом 1962 года возглавил неистовую пропагандистскую кампанию, целью которой было заставить правительство усилить агрессивные действия против Кубы. В американскую армию призывались все новые тысячи резервистов. Во Флориде ЦРУ продолжало подкармливать и финансировать кубинских контрреволюционеров.

В связи с усилением воинственных приготовлений США против Кубы 11 сентября 1962 года Советское правительство обратилось с призывом к правительству Кеннеди прекратить разнузданную антикубинскую пропаганду. От внимания советской стороны не ускользнул факт мобилизации США 150 тыс. резервистов. Такой шаг еще более накалил международную обстановку. Серьезную тревогу вызывали и попытки Вашингтона организовать экономическую блокаду Кубы. В порядке оказания силового политико-психологического давления на Кубу американское военное ведомство организовало преднамеренную «утечку» в печать сведений о том, что на осень 1962 года в Карибском бассейне запланированы крупные маневры военно-морских сил США под кодовым наименованием «Филбриглекс-62». В этих маневрах должна была принять участие специальная ударная амфибийная группа в составе 7500 морских пехотинцев на 15 десантных кораблях при поддержке четырех авианосцев и двенадцати эскадренных миноносцев. В ходе маневров предполагалось имитировать штурм береговой обороны на острове Векос, неподалеку от Пуэрто-Рико; имитационная цель «Филбриглекс-62» состояла в освобождении условной «Республики Векос» от условного «правителя» по имени «Ортсак» (что при прочтении в обратном порядке давало имя Кастро...) [III — 2; с. 102].

Учитывая все это, Советский Союз призвал правительство США «проявить благоразумие, не терять самообладания и трезво оценить, к чему могут привести его действия, если оно развяжет войну». СССР предлагал прямой путь к полной нормализации положения в райо-

не Карибского моря. «Вместо того чтобы накаливать атмосферу такими действиями, — говорилось в заявлении ТАСС, — как мобилизация резервистов, равносильная угрозе начать войну, было бы куда более разумно, если бы правительство США, проявив мудрость, сделало бы добрый жест — установило бы дипломатические и торговые отношения с Кубой, о желательности чего недавно заявлялось со стороны кубинского правительства» [II — 6; с. 362].

В своем заявлении от 13 сентября 1962 года президент Кеннеди оставил без ответа советские предложения по нормализации американо-кубинских отношений. Он заявил: «Если Соединенные Штаты когда-либо сочтут необходимым предпринять военные действия против коммунизма на Кубе, то все поставленное коммунистами оружие и технические советники не смогут изменить последствия или существенно оттянуть время для достижения такого результата» [III — 38; с. 481—482].

В этих условиях задачей первостепенной важности стало укрепление обороноспособности Кубы. Правительства СССР и Кубы пришли к выводу, что политике угроз и агрессий в отношении острова Свободы должен быть дан решительный отпор. Была достигнута договоренность о поставке в оборонительных целях на Кубу советских ракет среднего радиуса действия.

Принимая это решение, СССР и Куба стремились пресечь новую американскую агрессию против кубинского народа, оградить мирный труд кубинцев от посягательств интервентов. При этом оба правительства действовали строго в рамках норм международного права.

Что касается политики правительства США в районе Карибского моря, то она, напротив, прямо противоречила нормам международного права. Обратимся к фактам.

Правительство США в борьбе против Кубы уже использовало однажды прямую агрессию. Вашингтон отказывался дать какие-либо гарантии, что агрессия еще более широкого масштаба не повторится в будущем. Соединенные Штаты продолжали укреплять сеть своих военных баз в районе Карибского моря. ЦРУ усиленно плело вокруг Кубы сети заговоров и диверсий.

Такие действия были частью глобальной экспансионистской политики Вашингтона, проводившейся им многие годы. На протяжении ряда лет США создавали вокруг социалистических стран, и в первую очередь вблизи границ СССР, наступательные военные базы.

Советское правительство неоднократно предлагало

правительству Соединенных Штатов вообще отвести все американские и советские войска в пределы национальных границ. Эти предложения, как известно, неизменно отвергались Вашингтоном.

Очевидно, что если какое-либо государство, в данном случае США, считает себя вправе под предлогом своей «безопасности» осуществлять определенные агрессивные акции на международной арене, то оно не имеет никаких оснований требовать от других отказа от принятия ответных — оборонительных мер.

Многие американские историки вплоть до настоящего времени пытаются доказать, что карибский кризис явился якобы результатом односторонних действий Советского Союза и что Кеннеди был «вынужден» пойти на обострение. Эти утверждения, мягко говоря, далеки от истины.

Корни карибского кризиса господам из США следует, конечно, искать не в отдельных шагах Советского правительства по укреплению обороноспособности Кубы, а в своей собственной политике агрессивных происков и непродуманных международных акций, попирающих безопасность других государств и народов. Корни кризиса лежат в стремлении США обеспечить себе «монопольное право» на «безопасность», отрицая право других народов на оборону.

Карибский кризис начался с очередного нарушения американскими разведывательными самолетами У-2 суверенитета Республики Куба. В течение всего сентября 1962 года У-2 осуществляли многочисленные полеты над кубинской территорией. Все эти полеты были санкционированы Кеннеди. Разведывательные полеты над Кубой усиливали подозрения советской и кубинской сторон относительно намерений Соединенных Штатов.

14 октября 1962 года очередной самолет-шпион нарушил границы Кубы. Произведя с большой высоты аэрофотосъемку кубинской территории, самолет вернулся на базу. Начался процесс обработки и изучения разведывательных данных. Они свидетельствовали о том, что Куба становится для американских империалистов все более крепким орешком. О полученной информации доложили руководителям ЦРУ и Пентагона. Затем в известность был поставлен специальный помощник президента Макджордж Банди. Последний не проявил особой спешки в том, чтобы сообщить «новость» Кеннеди. Да, собственно говоря, «новость» состояла лишь в том, что Куба продолжает усиливать свою обороноспособность, разме-

шая на своей территории ракеты среднего радиуса действия.

Ранним утром 16 октября между Банди и представителями американской разведки состоялась длительная беседа. Кеннеди все еще оставался в неведении относительно дела, из-за которого он несколькими днями позже чуть было не вверг мир в термоядерную войну. Только после тщательного инструктажа со стороны ЦРУ Банди направился к президенту.

Кубинская проблема играла очень большую роль во внутривнутриполитическом положении администрации Кеннеди. По словам Т. Соренсена, она превратилась в «политическую ахиллесову пяту» [III — 138; с. 688]. Провал интервенции в заливе Свиней в апреле 1961 года вызвал непрекращающуюся критику в адрес президента и его советников со стороны самых разных группировок правящей элиты и общественных сил.

Республиканская партия за несколько месяцев до промежуточных выборов 1962 года объявила, что Куба станет «главной проблемой кампании 1962 года» [III — 138; с. 670]. Сенаторы Китинг, Голдуотер, Кейпхарт, Термонд и целый ряд других законодателей правого толка обрушивались на Кеннеди за то, что он якобы ничего не предпринимает в отношении Кубы. В заявлениях на заседаниях в палате представителей и в сенате, в предвыборных речах в самых различных уголках Соединенных Штатов, в интервью и статьях большинства органов печати и телевидения кубинский вопрос, особенно советские усилия по укреплению оборонного потенциала Кубы, становился средством разжигания шовинистических страстей в предвыборных дебатах между республиканцами и демократами.

Линия президента перед лицом этих все более усиливавшихся нападков поначалу состояла преимущественно в том, чтобы сбить накал страстей, показав общественному мнению, что «советская угроза» со стороны Кубы преувеличена.

В обсуждении всех вопросов «национальной безопасности» под влиянием постановки во главу угла внутривнутриполитических дебатов кубинского вопроса в администрации Кеннеди стали принимать участие Т. Соренсен и брат президента Роберт, занимавшиеся преимущественно внутренними проблемами.

В условиях такой внутривнутриполитической обстановки Кеннеди, получив от М. Банди сведения о размещении советских ракет средней дальности действия на Кубе, ре-

шил действовать жестко. Он с первых же минут обсуждения данной проблемы исходил из того, что должен добиться удаления этих ракет с Кубы всеми доступными средствами. Он считал, что если не будет действовать решительно, то его собственный кабинет перестанет видеть в нем твердого и надежного лидера, он потеряет почти полностью поддержку в обеих палатах конгресса, утратит доверие со стороны союзников Соединенных Штатов и т. п. Как писал один из участников процесса принятия решений в период карибского кризиса, Роджер Хилсмен, «Соединенным Штатам не угрожала смертельная опасность, а вот администрации — наверняка» [III — 59; с. 197]. На одном из первых заседаний в Белом доме специальной группы по карибскому кризису министр финансов Дуглас Диллон передал записку президенту: «Понимаете ли Вы, насколько велика вероятность того, что, если Вы позволите Кубе закончить размещение и приведение в боевую готовность ракетных баз, в следующем составе палаты представителей конгресса большинство скорее всего будет принадлежать республиканцам?» [III — 138; 688].

Предельно жесткую позицию в отношении Кубы и Советского Союза, учитывая внутривосточную обстановку в стране, рекомендовали Кеннеди занять лидеры демократов в конгрессе, в том числе и те, кто обычно занимал сравнительно умеренные позиции. Когда Кеннеди (через Макнамару, Раска и Маккоуна) объявил им о том, что он собирается установить вокруг Кубы «карантин», сенатор Ричард Рассел, например, заявил, что президент должен действовать с «большей силой». Сенатор У. Фулбрайт также остался недоволен предлагаемой администрацией мерой, настаивая на том, чтобы были предприняты «военные акции, нежели такой слабый шаг, как блокада». Почти все участвовавшие в этой встрече лидеры конгресса рекомендовали либо осуществить воздушный налет на строящиеся ракетные площадки, либо предпринять вторжение силами морской пехоты на Кубу [III — 138; с. 702].

Трудно сказать, как влияли на мысли президента подобные рекомендации. Очевидно, однако, что все политическое окружение толкало его в сторону «решительных действий». Об этом говорят и позиции большинства членов специальной группы по принятию решения относительно возникшей ситуации, получившей постфактум наименование «Экском», хотя среди них нашлись деятели, которые трезвее других оценивали обстановку. В состав

«Экском» Кеннеди включил следующих деятелей: государственного секретаря Д. Раска, министра обороны Р. Макнамару, специального помощника по национальной безопасности М. Банди, директора ЦРУ А. Маккоуна, министра финансов Д. Диллона, помощника президента Т. Соренсена, председателя Комитета начальников штабов М. Тэйлора, первого заместителя государственного секретаря Дж. Болла, заместителя первого заместителя госсекретаря А. Джонсона, заместителя государственного секретаря по латиноамериканским делам Э. Мартлина, эксперта «по советским делам» госдепартамента (бывшего посла в СССР) Л. Томпсона, заместителя министра обороны Р. Гилпатрика, заместителя министра обороны по вопросам международной безопасности П. Нитце, бывшего государственного секретаря Д. Ачесона, бывшего министра обороны Р. Ловетта, а также министра юстиции Р. Кеннеди. В заседаниях «Экском» принимал активное участие и сам президент [III — 81].

Министр обороны Макнамара подошел к вопросу о размещении на Кубе советских ракет средней дальности действия как к чисто стратегической проблеме, как к акту, который несколько усиливал советский стратегический ядерный потенциал по отношению к американскому потенциалу, но не означал каких-либо заметных изменений в соотношении ядерных средств. По мнению Макнамары, не было особой разницы в том, что Советский Союз, стремясь достигнуть полного стратегического паритета с Соединенными Штатами, будет разворачивать дополнительное число межконтинентальных баллистических ракет на своей территории или разместит ракеты средней дальности на Кубе. (К этому времени Макнамара уже признавал, что «ракетное отставание США от СССР не существует, а, наоборот, Советский Союз вынужден «догонять» Соединенные Штаты, сделавшие, как это было не раз до и после этого, первыми рывок в этой сфере гонки вооружений».) [III — 7; с. 195—196].

Первоначальная позиция М. Банди также носила умеренный характер. Он рекомендовал предпринять активные дипломатические акции по отношению к Советскому Союзу, связавшись либо с министром иностранных дел, либо непосредственно с Председателем Совета Министров СССР. При этом Банди подчеркивал необходимость секретности этих контактов, чтобы они не стали достоянием прессы. Подобное обеспечение этих контактов предусматривалось помощником президента по национальной безопасности, чтобы дать возможность

советской стороне «пойти на уступки» без привлечения к этому широкого внимания.

Такого рода дипломатический заход, по словам Банди, вообще помог бы избежать советско-американской конфронтации, оставляя в то же время возможность для американской стороны осуществить любые другие акции, если «тихая дипломатия» не сработает.

Через несколько дней, однако, Банди отошел от первоначальной позиции и перешел в лагерь тех, кто с первых заседаний «Экском» выступал в роли ревностных защитников «национальной безопасности» США. Американские историки, тщательно исследовавшие поведение каждого из членов «Экском», не могли до конца разобраться, каково же было истинное лицо М. Банди в течение этих драматических тринадцати дней. Один из коллег Банди как-то заметил: «Вы никогда не знаете, что он думает на самом деле. Я не знаю, что он думает. Президент не знает, что он думает. И я иногда подозреваю, что он и сам не знает, что он думает» [III — 9; с. 270].

Роберт Кеннеди в первую очередь рассматривал проблему с ракетами на Кубе во внутривполитическом аспекте: как это дело может политически повредить его брату и его коалиции на ближайших выборах и в более отдаленной перспективе. В то же время, как и Макнамара, он остро ощущал, как близко в случае неосторожных действий с американской стороны мир может подойти к ядерной катастрофе. В своих спорах со сторонниками «твердой линии» он неоднократно говорил об огромной опасности возникновения ядерной войны.

Абсолютно ясной была позиция Комитета начальников штабов. Высший американский генералитет настаивал на том, что именно это самый подходящий момент решить раз и навсегда военными средствами проблему революционной Кубы. Члены КНШ добивались немедленного осуществления всех тех чрезвычайных планов, которые в течение нескольких лет разрабатывались в отношении Кубы. Они постоянно твердили о том, что операция в заливе Свиней провалилась лишь из-за американской нерешительности и сейчас самое время реабилитировать себя за постыдное поражение. Безопасность Соединенных Штатов требовала, упорно твердили генералы, чтобы на Кубу был либо произведен массированный воздушный налет, либо осуществлено вторжение морской пехоты и свержение режима Кастро. При этом они старались убедить членов «Экском», что со стороны

русских-де не последует никакой реакции. Но подобные бездоказательные утверждения одномерно мыслящих американских военных президента не убеждали. Через день после завершения кризиса Джон Кеннеди высказался по поводу поведения высших американских военных чинов следующим образом: «Вторжение было бы ошибкой — неправильным использованием нашей мощи. Но военные словно сошли с ума. Они жаждали осуществить вторжение. Какое счастье, что мы имеем там (в министерстве обороны. — *Авт.*) Макнамару» [III — 131; с. 831].

Более изощренными адвокатами использования военной силы были Ачесон, Нитце, Диллон и Маккоун, которые связывали проблему советских ракет на Кубе с американскими позициями «лидера» в западном полушарии и в Западной Европе. Когда возникла идея организации морской блокады Кубы, эта группа выступила с ее резкой критикой, говоря о том, что блокада не помещает привести в боевую готовность уже имеющиеся на Кубе ракеты. Ачесон, как и военные, всячески старался убедить президента в том, что в ответ на удар по ракетным площадкам на Кубе не последует массированного ядерного удара по американской территории с советской стороны, поскольку-де последняя официально не объявляла о размещении ракет на Кубе.

Государственный секретарь Д. Раск говорил в ходе дискуссии: «Если мы предпримем жесткие действия, союзники и Латинская Америка повернутся против нас, а если мы предпримем нежесткие меры, то они отшатнутся от нас» [III — 138; с. 682]. Вечером накануне публичного объявления президентом о возникновении карибского кризиса Раск сказал своим сотрудникам: «К этому же времени завтра, джентльмены, мы будем в состоянии пылающего кризиса». На следующее утро после соответствующей речи президента он объявил: «Мы одержали важную победу. Вы, я все еще живы» [III — 2; с. 100, 127].

В то же время Раск избегал участия в деятельности «Экском», пропуская его заседания и уходя от четкого определения своей позиции, так что фактически государственный департамент на заседаниях «Экском» был представлен Дж. Боллом; в его кабинете и проходило большинство заседаний этой группы. Лишь в один из тринадцати кризисных дней Раск высказался твердо и решительно: причем первый раз — как «голубь», второй раз — как «ястреб». Когда же пришел черед ему выступать в третий раз, он опять занял неопределенную пози-

цию. Утром он решительно осудил идею бомбардировочного удара по позициям ракет на Кубе. Вечером же он зачитал членам «Экском» такой текст: «В следующую среду, после извещения Макмиллана, де Голля, Аденауэра и, возможно, Турции и некоторых латиноамериканцев, ограниченный бомбардировочный уничтожающий ракеты налет должен сопровождаться одновременным обращением президента по всему миру и официальными представлениями в ООН и Организацию американских государств» [III — 138; с. 686].

После двух дней деятельности «Экском» сторонники отказа от какой-либо реакции на размещение ракет на Кубе и чисто дипломатических действий оказались в явном меньшинстве, и их аргументы перестали играть существенную роль в дальнейшей дискуссии.

«Ястребы» активно и дружно атаковали Макнамару, который призывал к относительно рациональной и сбалансированной оценке стратегических последствий размещения советских ракет на Кубе. Ачесон, в частности, заявлял, что-де Советский Союз бросил «прямой вызов» Соединенным Штатам и что, чем скорее и жестче они ответят на него, тем лучше. По его мнению, наилучшей реакцией на этот «вызов» мог бы быть бомбардировочный удар по стартовым позициям советских ракет на Кубе. Ачесону вторили Нитце, Диллон, Маккоун, Тэйлор, требовавшие, с некоторыми вариациями, приступить к срочным приготовлениям к бомбардировке.

В стратегической аргументации этих двух «ястребов» отчетливо прослеживался типичный для многих американских государственных деятелей односторонний подход к международной безопасности: признавая за собой право размещать в непосредственной близости от советской территории американское ракетно-ядерное оружие, они не допускали мысли об ответном праве делать то же самое в отношении Соединенных Штатов.

Невоенные, дипломатические акции не устраивали и президента, которому хотелось продемонстрировать свою «решительность» и «жесткость» перед лицом американского общественного мнения. О том, что он первоначально имел в виду «хирургически точный бомбардировочный удар» по ракетам, свидетельствует обмен мнениями Дж. Кеннеди с представителем США в ООН Э. Стивенсоном. В своем первом разговоре со Стивенсоном президент упомянул две альтернативы: либо бомбардировочный удар, либо какие-то иные военные меры против того, чтобы ракеты стали боеготовыми. Стивен-

сон не побоялся в специальной, написанной им от руки записке предостеречь Кеннеди от подобных действий, заявив, что они чреваты ядерной войной [III — 2; с. 49].

От принятия подобного безрассудного решения Кеннеди остановили не аргументы Стивенсона, а более весомые причины. Немаловажную роль, в частности, сыграл Макнамара, который, поняв, что его чисто стратегический подход к проблеме и рекомендация вообще ничего не предпринимать в данной ситуации не устраивают президента, занялся поиском «приемлемой» силовой акции. В качестве таковой Макнамара совместно со своим заместителем Гилпатриком предложил осуществить военно-морскую блокаду Кубы. К идее блокады обратился и Роберт Кеннеди, продолжавший свои дебаты с Нитце, Ачесоном и Маккоуном, которые обвиняли его в слишком эмоциональном подходе к данной проблеме и в нежелании взвесить хладнокровно, как это подобает дипломированному юристу, все аргументы «за» и «против» тех или иных военных действий. Особенно возмущало Ачесона то, что Роберт сравнил потенциальную военную акцию США против Кубы с японским нападением на Пирл-Харбор 7 декабря 1941 года [III — 7; с. 202 — 203].

На второй день развития кризисной ситуации, в среду 17 октября, Кеннеди вылетел в штат Коннектикут, чтобы принять участие в запланированных ранее предвыборных мероприятиях. Эту поездку решили не отменять, дабы советская сторона ничего не заподозрила о начавшейся работе американского кризисного механизма. Неофициальным руководителем «Экском» остался Роберт Кеннеди.

К моменту возвращения президента в Вашингтон (вечером того же дня) уже образовалась коалиция из сторонников блокады в составе Макнамары, Р. Кеннеди и присоединившегося к ним Соренсена. Следует заметить, что этот «тройственный союз» сложился из людей, пользовавшихся наибольшим доверием президента среди лиц, вошедших в «Экском». Их связывала и сильная взаимная симпатия, которая после совместной напряженнейшей работы в период кризиса еще более возросла.

В то же время сторонники нанесения бомбардировочного удара по позициям советских ракет на Кубе — члены Комитета начальников штабов Маккоун, Нитце, Раск, Ачесон — не были лично близкими к президенту людьми; они не являлись для Кеннеди и значительными политическими союзниками.

Подкрепляя свою позицию противника нанесения бомбардировочного удара по ракетам, Макнамара заявил, что Комитет начальников штабов считает «хирургически точный» налет не имеющим практической ценности; в силу этого военные настаивают на массовой атаке всех кубинских военных объектов и одновременном вторжении морской пехоты [III — 7; с. 204]. И то, что ВВС не могут и не хотят осуществить ограниченный «хирургически точный» бомбардировочный удар, оказалось для Кеннеди сильнейшим аргументом против бомбардировки Кубы вообще. И на следующий день, в четверг, президент принимает рекомендации тех, кто настаивал на объявлении блокады Кубы. Одновременно он поручает своему брату Роберту и Т. Соренсену добиться поддержки этого решения у всех членов «Экском». Однако, несмотря на все усилия Роберта и Соренсена, на уговоры самого Джона Кеннеди в личной беседе с Д. Ачесоном, группа сторонников воздушного налета на Кубу во главе с последним продолжала упорствовать.

В исключительно нервной обстановке произошло заседание «Экском» в пятницу. Не добившись согласия «ястребов» на акцию, избранную президентом, Роберт Кеннеди прекратил дискуссию по данному вопросу, и Соренсен принялся за подготовку речи Джона Кеннеди об объявлении блокады. Ачесон не явился на следующее заседание «Экском», на котором обсуждался соренсеновский проект выступления президента. Когда этот проект был одобрен членами группы, Роберт позвонил брату, находившемуся в этот момент в отеле «Блэкстоун» в Чикаго, и информировал его, что группа «готова с ним встретиться». Официальное заседание Совета национальной безопасности было назначено на послеобеденное время в субботу. (Это было первое официальное заседание СНБ в период карибского кризиса.) [III — 7; с. 206—208].

Сценарий этого заседания был расписан заранее, поскольку его протоколы носили сугубо официальный характер и могли стать достоянием истории.

Директор ЦРУ Маккоун (незадолго до этого сменивший А. Даллеса) выступил первым, продемонстрировав последние фотографии ракет на Кубе, сделанные американскими самолетами-шпионами. Затем Макнамара в сжатой форме изложил доводы в пользу объявления блокады. Имея в виду «ястребиное» крыло в СНБ и за его пределами, в американской правящей элите в целом, министр обороны подробно остановился на том, что после объявления блокады у администрации останутся воз-

возможности и для других акций, в том числе для совершения воздушных налетов на Кубу. Затем выступил М. Банди и осветил «достоинства» нанесения бомбового удара по позициям ракет. После этого возникла длительная пауза. Ее нарушил первый заместитель министра обороны Гилпатрик, который сказал, что президенту предстоит выбирать между «ограниченной» и «неограниченной» акциями и что, начав с «ограниченной», всегда можно в случае необходимости двинуться вверх по пути эскалации конфликта. Джон Кеннеди кивнул головой в знак согласия с замечанием Гилпатрика.

Прежде чем решение СНБ по данному вопросу было официально зафиксировано, участники заседания обратились к обсуждению различных дипломатических шагов.

Эдлай Стивенсон, приехавший специально на это заседание из Нью-Йорка, в частности, выдвинул идею, чтобы Соединенные Штаты продолжили «демилитаризацию, нейтрализацию и гарантированную территориальную целостность Кубы», отказавшись от своей военной базы в Гуантанамо в обмен на удаление советских ракет с Кубы. Другой вариант, который предложил Стивенсон, состоял в том, чтобы договориться с советской стороной о выводе американских ракет из Турции и Италии (нацеленных на территорию СССР) в качестве «платы» за вывод советских ракет с Кубы [III — 138; с. 695—696]. При этом он рекомендовал попросить ООН о посылке инспекционных групп на все базы в зарубежных странах, имевшиеся у американской и советской сторон, чтобы предотвратить их использование для необъявленного нападения друг на друга.

Джон Кеннеди отверг оба предложения Стивенсона. С яростной критикой в адрес последнего выступили Ловетт, Маккоун и другие «ястребы».

Имеются небезосновательные предположения, что президент специально пригласил на это заседание представителя США в ООН — для того чтобы подставить именно его, известного либерала, под удар группы экстремистов в СНБ, отводя тем самым этот удар от себя. На фоне предложений Стивенсона позиция Джона Кеннеди в глазах «ястребов» уже выглядела не такой «мягкой», как это было днем ранее.

В воскресенье утром Кеннеди встретился с представителями ВВС — специалистами по различным видам бомбометания. В этой встрече командование военно-воздушных сил видело свой последний шанс. Эксперты ВВС снова заявили, что они выступают за массивный

воздушный налет и отнюдь не гарантируют, что все советские ракеты будут уничтожены. И при отсутствии таких гарантий они продолжали настаивать на необходимости проведения операции. Кеннеди внимательно выслушал представителей ВВС и еще более укрепился в своем мнении не предпринимать пока прямых военных действий. Президент окончательно пришел к выводу, что широкая военная агрессия Соединенных Штатов против усиленной в оборонном отношении Кубы была бы слишком рискованной для США.

Об отношении Вашингтона к своим союзникам по НАТО во время нарастания кризисной ситуации можно сказать, что те попросту игнорировались, даже на самом высоком уровне. Решение о такой позиции было принято президентом уже на первых секретных совещаниях. Оно продемонстрировало главам западноевропейских государств, что США в острейших критических ситуациях вырабатывают свой курс действий без их согласия и даже ведома. Ссылка на «необходимость» сохранения в секрете агрессивных планов и осуществления их в тайне от своих главных союзников не могла развеять после карибского кризиса даже среди многих проамерикански настроенных западноевропейцев тягостное чувство недоумения в отношении действий США. Разумеется, в официальных заявлениях в дни кризиса буржуазные правительства Западной Европы солидаризировались с правительством Кеннеди. Но это была дежурная позиция, на деле скрывавшая глубокую обеспокоенность политикой Вашингтона, что отразилось затем и на усилении противоречий в НАТО.

Избрав курс на объявление морской блокады революционной Кубе, администрация Кеннеди пошла на грубое нарушение международного права и Устава ООН.

18 октября состоялась встреча министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с президентом Дж. Кеннеди. Она широко комментировалась в американской печати в период карибского кризиса, а после убийства Кеннеди — в различной мемуарной литературе, в том числе в воспоминаниях Р. Кеннеди. Основная цель большинства комментариев состояла в том, чтобы затушевать истинный характер беседы, оправдать противоречащие нормам международного права действия американского правительства и в отношении Кубы, и в отношении Советского Союза.

Администрация Кеннеди на ранних этапах обострения международной обстановки в районе Карибского моря

длительное время отвергала возможности дипломатического урегулирования кризиса. Об этом в значительной мере свидетельствует и содержание упомянутой беседы президента Кеннеди с А. А. Громько 18 октября 1962 года; она была посвящена преимущественно другим международным проблемам — в первую очередь германскому мирному урегулированию и нормализации на этой основе положения в Западном Берлине. «Кубинский вопрос» был поднят во время беседы советской стороной. При этом внимание президента США было обращено на развертывание в Соединенных Штатах активной и злостной антикубинской кампании, на то, что американское правительство предпринимает усилия по блокированию торговли Кубы с другими государствами. Советский министр иностранных дел подчеркивал, что этот путь может привести к опасным последствиям для всего человечества, чего, как уверены в СССР, не желает ни один народ, в том числе и американский. Советская сторона также старалась обратить внимание президента, что в США раздаются открытые призывы к агрессии против Кубы и ответственные лица пытаются оправдывать агрессивные акции и опасные авантюры.

Во время этой беседы президенту Дж. Кеннеди было также сказано, что решение подавляющего числа международных проблем является результатом заявлений и переговоров между государствами, в которых правительства излагают позиции по тем или иным вопросам [II — 24; с. 624].

Американскому президенту тем самым ясно давалось понять, что если у США есть какие-либо «претензии» к Кубе или Советскому Союзу, то необходимо разрешить их мирными средствами. Это заявление советского представителя также было оставлено президентом Кеннеди без внимания. Такой тактики он продолжал придерживаться даже после того, как ему были объяснены причины, по которым СССР оказывает помощь Кубе в укреплении ее обороноспособности. Президенту было заявлено, что в условиях, когда в США раздувается антикубинская кампания и проводятся враждебные акции против Кубы, а заодно и против государств, которые поддерживают с ней добрые отношения, уважают ее независимость и оказывают ей в трудный для нее час помощь, Советский Союз не будет играть роль стороннего наблюдателя. Президенту Кеннеди было также сказано, что 60-е годы XX века — не середина XIX века, не времена раздела колоний и не та пора, когда жертва агрессии

могла подать свой голос только через недели, а то и через месяцы после нападения на нее.

Решение правительства США призвать в армию дополнительно 150 тыс. резервистов было охарактеризовано как чрезвычайно опасная акция, рассчитанная на обострение международной напряженности. Итак, до сведения американского президента было недвусмысленно доведено, что правительства СССР и Кубы опасаются военного нападения на Кубу и что в этих условиях Советский Союз не будет бездействовать. Помощь Советского Союза Кубе содействует только укреплению ее обороноспособности и экономики. Обучение советскими специалистами кубинцев обращению с оружием, предназначенным для обороны их страны, не является угрозой ни для кого [II — 24; с. 624].

В ходе беседы президент признал, что летом 1962 года кубинский вопрос «стал действительно серьезным». Он высказал беспокойство по поводу того, что СССР быстрыми темпами осуществляет поставки оружия Кубе. Далее Кеннеди заявил, что у его правительства нет планов нападения на Кубу. Он, однако, сказал: «Я как президент сдерживаю тех американцев, которые являются сторонниками вторжения на Кубу» [II — 24; с. 625]. «Я не знаю, куда все это может нас привести», — заметил он по поводу обстановки в районе Карибского моря. Однако в ходе беседы создавалось впечатление, что он вел тогда дело к военной конфронтации между США и СССР, хотя все действия Советского Союза на Кубе находились в полном соответствии с международным правом и суверенными правами СССР и Кубы.

Кеннеди не поднимал вопроса о советских ракетах на Кубе, ограничиваясь лишь общими заявлениями о том, что из-за действий Советского правительства положение в районе Карибского моря «неожиданно ухудшилось». При этом, видимо, президент имел в виду укрепление обороноспособности Кубы в самом широком плане. Тогда внимание Кеннеди вновь было обращено на то, что суть вопроса сводится к тому, быть или не быть кубинскому правительству готовым отразить попытки нового вторжения на Кубу и предпринять ли шаги для защиты страны от агрессии. Министр иностранных дел СССР заявил, что Советское правительство откликнулось на призыв Кубы о помощи только потому, что этот призыв преследовал цель устранить нависшую над Кубой угрозу. Если Советский Союз и помогает кубинцам обращению с оружием, предназначенным для обороны, то это поло-

жение никак не может расцениваться как угроза для США. Кеннеди в ответ повторил, что у США нет планов вторжения на Кубу, а он стремится к тому, чтобы не допустить действий, которые привели бы к войне, если только такие действия не будут вызваны другой стороной. Далее президент зачитал сделанное им 4 сентября 1962 года официальное заявление по кубинскому вопросу, в котором давалась американская интерпретация положения на Кубе [II — 24; с. 625—626].

Из всего сказанного выше вытекает, что в беседе с министром иностранных дел СССР президент США ни разу прямо не поднял вопроса о наличии на Кубе советского ракетного оружия средней дальности действия. Следовательно, ему и не мог быть дан ответ, есть ли такое оружие на Кубе или нет.

Нельзя не подчеркнуть еще раз, что военные акции империалистических сил США по организации ракетных баз на чужих территориях носили в плане их общей военно-политической стратегии агрессивный характер, в то время как все шаги СССР по укреплению безопасности Кубы имели чисто оборонительный характер.

18 октября 1962 года состоялась также беседа А. А. Громыко с государственным секретарем США Д. Раском. В ходе ее американский дипломат, утверждая, что Соединенные Штаты не намерены осуществить вооруженное вторжение на Кубу, заявил, что остров превратился в военный плацдарм для «наступления против США и Латинской Америки» [II — 24; с. 627]. Внутренний режим на Кубе был охарактеризован Раском как не соответствующий интересам безопасности западного полушария. Раск далее пространно говорил об «общности интересов» стран западного полушария. Не упоминая прямо «доктрины Монро», он по существу пытался ею оперировать, подчеркивая «солидарность» всех стран западного полушария и «общность» интересов их безопасности. Особое неудовольствие Раска вызвало то, что на Кубе появилось советское оружие. Впрочем, он, как и президент Кеннеди, не спрашивал советского представителя о наличии ракет на Кубе. На все высказанные Раском «опасения» ему был дан полный ответ. А. А. Громыко заявил, что Куба вынуждена была сделать необходимые выводы из факта вторжения на остров контрреволюционеров, подготовленных американцами и вооруженных на их средства. Раску было также сказано, что если у Вашингтона есть какие-либо претензии к Кубе, например материальные, то США вправе вступить

с кубинцами в контакт для их урегулирования. Раск не ответил на это замечание [II — 24; с. 627].

Затем между советским и американским представителями произошел весьма знаменательный разговор по поводу американских военных баз за пределами США, находящихся в непосредственной близости от границ СССР. Раску было сказано, что он, очевидно, не будет отрицать наличие американских военных баз и многочисленных военных советников в Турции и Японии, не говоря уже об Англии, Италии и некоторых других странах Западной Европы, а также Азии и Африки. Значит, США могут иметь военные базы в указанных странах, заключать с этими государствами военные договоры, а СССР не имеет права оказывать помощь Кубе в развитии ее экономики и в укреплении ее обороноспособности? [II — 24; с. 627]. Раск совершенно неубедительно заявил, что Советский Союз «преувеличивает» роль американских военных баз за границей. В ходе дальнейшей беседы американский представитель по существу уклонился от обсуждения вопроса о том, в каких странах имеются американские ракеты и ядерное оружие. По его словам, кроме территории самих США они имелись только в трех странах. На замечание А. А. Громыко о том, что Англия находится в числе таких стран, Раск ответил утвердительно, так как этот факт был широко известен и этого не скрывал сам Лондон. Советским представителем было обращено внимание американского дипломата на то, что с рядом стран США имеют военные договоры и что эти страны связаны обязательствами допускать различные виды оружия США на свою территорию в любое время. Раск на это замечание тоже ничего не ответил. Очевидно, он, когда дело коснулось военной стратегии США, предпочитал хранить в глубокой тайне вопросы, связанные с американскими базами вокруг СССР. Следовательно, у него не было оснований ожидать, что другая сторона вдруг начнет обсуждать с представителями США проводимые ею мероприятия по укреплению обороны дружественной страны.

Тот факт, что к осени 1962 года целый ряд важнейших международных проблем не был еще решен дипломатическим путем, ставил на повестку дня вопрос об использовании всех возможных средств мирного урегулирования международных споров, включая встречи на высшем уровне между главой Советского правительства и президентом США. Советское правительство, следуя принципам ленинской миролюбивой политики, через ми-

нистра иностранных дел Советского Союза 18 октября 1962 года передало Дж. Кеннеди предложение о такой встрече для урегулирования спорных международных проблем и рассмотрения вопросов, вызывающих расхождения между СССР и США [II — 24; с. 628]. Президент положительно реагировал на это предложение Советского Союза. Он лишь заметил, что хотел бы на такой встрече обсудить проблемы без формальной повестки дня и без выделения конкретных вопросов, подлежащих обсуждению.

В тот же день Томпсон на обеде у Раска заявил послу СССР в США А. Ф. Добрынину, что в Белом доме хотели бы отложить встречу в верхах. По мнению американской стороны, встреча в ноябре 1962 года носила бы неподготовленный характер и вряд ли привела бы к положительным итогам. Президент, заявил Томпсон, считает, что такие встречи имеют исключительно важное значение и здесь недопустима неудача. Дж. Кеннеди, сказал также Томпсон, стремится к тому, чтобы вторая его встреча с представителями Советского правительства «дала конкретный результат» [II — 24; с. 628]. Не отрицая полностью возможность встречи на высшем уровне с представителями СССР, американская сторона откладывала ее на неопределенное время. В этом эпизоде особенно ярко проявилось отсутствие у американского руководства желания разобраться в обстановке и решить назревавшую проблему мирными, дипломатическими средствами; оно предпочитало «кризисную дипломатию».

Приняв решение об объявлении Соединенными Штатами морской блокады Кубы, президент Кеннеди заменил в текстах документов, обосновывающих готовящуюся агрессивную акцию, слово «блокада» на более спокойное, по его мнению, слово «карантин».

22 октября Дж. Кеннеди информировал бывших президентов Гувера, Трумэна и Эйзенхауэра о планируемых им акциях. Он также срочно организовал встречу с 20 самыми влиятельными членами конгресса США. На этой встрече сенатор Рассел потребовал, чтобы было осуществлено прямое вторжение на Кубу. Вечером 22 октября, за час до того, как президент Кеннеди должен был выступить с обращением к американскому народу, государственный секретарь Раск пригласил к себе А. Ф. Добрынина. Раск передал Добрынину личное послание президента Кеннеди главе Советского правительства от 22 октября, а также текст обращения президента к амери-

канскому народу [III — 81; с. 79—81]. Раск сразу же заявил советскому послу, что имеет инструкцию не отвечать на какие-либо вопросы по тексту обоих документов и не комментировать их. После ознакомления с этими документами американскому государственному секретарю было заявлено, что правительство США намеренно создает опасный кризис [II — 24; с. 630].

Внимание американского дипломата было обращено на то, что США по существу отказались от переговоров по всем вопросам, поднятым в выступлении президента, когда имели место советско-американские двусторонние встречи. Раск ничего не ответил на это замечание. И дело здесь было вовсе не в инструкции, а в том, что ему просто нечего было сказать... Ведь всего за несколько дней до этого он сам не стал развивать в беседе с министром иностранных дел СССР тему об американских военных ракетных базах вблизи границ Советского Союза и не задал никакого вопроса о «советских базах» на Кубе. В 19 часов по вашингтонскому времени президент Кеннеди зачитал по телевидению заявление, стремясь оправдать действия своего правительства [III — 39; с. 374—380]. Карибский кризис вступил в самую острую фазу.

К 22 октября правительство США сконцентрировало в районе Карибского моря крупные соединения военно-морского флота (183 единицы), военно-воздушных сил, парашютистов и морскую пехоту. В боевую готовность были приведены американские войска в Западной Европе. В воздух были подняты бомбардировщики (50 % от общего их числа) стратегической авиации [II — 7; с. 232]. Подводные ядерные лодки с баллистическими ракетами «Поларис» заняли оперативные позиции, угрожая социалистическим странам [III — 143; с. 166]. Мир стоял у порога термоядерной войны. Роберт Кеннеди признал спустя несколько лет, что 22 октября он отправился спать в состоянии крайнего беспокойства, временами переходящего в ужас [III — 81; с. 55—56].

Для того чтобы как-то «легализовать» свои противоречащие международному праву акции в отношении Кубы и СССР, госдепартамент США срочно организовал 23 октября в Вашингтоне заседание Совета ОАГ, на котором была принята резолюция, оправдывавшая действия правительства США. Она призывала латиноамериканские страны «использовать военную силу» против Кубы. 23 октября в 19 часов 06 минут (по Гринвичу) президент Кеннеди подписал «прокламацию 3504», объя-

влявшую, что «карантин» Кубы устанавливается с 14 часов 24 октября 1962 года. Прокламация включала в «наступательное оружие» не только ракеты типа «земля — земля», но и бомбардировщики. Министерству обороны было дано указание претворить директиву президента в жизнь [III — 39; с. 380—384].

23 октября советское посольство посетил брат президента, Роберт. Он заявил, что его визит продиктован личными соображениями и что он не имеет поручений от президента*. Затем он стал излагать американскую версию о том, что лично президент Кеннеди считает себя введенным в заблуждение. На вопрос А. Ф. Добрынина, почему американское правительство, прежде чем встать на путь, чреватый военным конфликтом между СССР и США, не обратилось к Советскому правительству для разъяснения обстановки, Р. Кеннеди не дал вразумительного ответа. С советской стороны была выражена надежда, что правительство США все же трезво оценит положение и не прибегнет к действиям, которые могут привести к катастрофе [II — 24; с. 631—632].

Роберт Кеннеди, являвшийся одним из самых влиятельных членов американского кабинета, во время посещения советского посольства не считал возможным обговорить конкретные пути урегулирования кризиса. Однако чувствовалось, что он явно озабочен создавшимся положением. Покидая посольство, он еще раз подтвердил план осуществления морской блокады Кубы. Советским послом при этом было заявлено, что меры, предпринимаемые США в открытом море, нарушают международные нормы свободы судоходства и являются незаконными [II — 24; с. 632].

23 октября 1962 года Советское правительство сделало заявление, в котором установление США морской блокады Кубы расценивалось как «беспрецедентные агрессивные действия». Внимание правительств других стран обращалось на то, что империалисты США готовы «толкнуть мир к пропасти военной катастрофы». «Народы всех стран, — отмечалось далее в заявлении, — должны ясно представлять себе, что, идя на такую авантюру, Соединенные Штаты Америки делают шаг на пути к развязыванию мировой термоядерной войны». В за-

* Это заявление Р. Кеннеди не соответствовало действительности. Он явился в советское посольство по прямому поручению президента, чтобы установить контакт с советской стороной и еще раз попытаться объяснить акции правительства США. Об этом Роберт рассказал позже в своей книге «Thirteen Days» (p. 63).

явлении подчеркивалось также, что «если агрессоры развяжут войну, то Советский Союз нанесет самый мощный ответный удар». Правительству США предлагалось принять неоднократно вносившиеся советские предложения о ликвидации военных баз, находящихся на иностранных территориях в различных частях света. Советское правительство поставило в ООН вопрос о срочном созыве Совета Безопасности для рассмотрения вопроса «О нарушении Устава ООН и угрозе миру со стороны Соединенных Штатов Америки» [II — 6; с. 399—405].

В период карибского кризиса шла интенсивная переписка по дипломатическим каналам между главой Советского правительства и президентом США. Советская сторона искала путь к мирному урегулированию вызванного США кризиса, чреватого угрозой всеобщему миру. В письме на имя президента от 23 октября 1962 года Председатель Совета Министров СССР отметил, что оружие, находящееся на Кубе, независимо от того, к какому классу оно относится, предназначено только для целей обороны. Заявление президента США от 22 октября было охарактеризовано как неприкрытое вмешательство во внутренние дела Кубы, СССР и многих других государств. Была выражена надежда, что американское правительство проявит благоразумие и откажется от проводимых им необдуманных действий, которые могут привести к самым катастрофическим последствиям для мира во всем мире.

24 октября посольство США в СССР сообщило ответ американского президента на письмо главы Советского правительства. В нем снова делалась попытка возложить вину за возникновение карибского кризиса на Советский Союз. Вместе с тем президент США высказал беспокойство по поводу возможного дальнейшего развития событий. Он выражал надежду, что США и СССР проявят реализм и не предпримут шагов, еще более затрудняющих возможность держать события под контролем. В своем письме Кеннеди сообщал также, что установленный США «карантин» вступил в силу в 14 часов по гринвичскому времени 24 октября. В ответном письме Председателя Совета Министров СССР от 24 октября было отмечено, что действия правительства США носят ультимативный характер, рассчитанный на то, чтобы запугать Советский Союз. Американского президента призывали хладнокровно, не давая воли эмоциям, оценить сложившееся положение [II — 24; с. 633].

Менее чем через сутки Кеннеди дал ответ на это пись-

мо главы Советского правительства, в котором пытался интерпретировать последовательность событий летом и осенью 1962 года таким образом, чтобы оправдать свои действия по отношению к Кубе. Меры, принятые для укрепления обороноспособности Кубы, заявил Кеннеди, «требовали ответных действий, о которых я объявил». Вместе с тем Кеннеди выразил сожаление по поводу ухудшения отношений между СССР и США. Однако он все еще выдвигал надуманную версию о том, что только односторонние действия Советского правительства могут восстановить существовавшее ранее положение [II — 24; с. 633].

В период карибского кризиса американская дипломатия развернула в ООН большую активность, основной целью которой было оправдать агрессивные действия США против Кубы и СССР. 23 октября под председательством представителя СССР В. А. Зорина состоялось заседание Совета Безопасности. В повестку дня заседания были включены внесенный Советским Союзом вопрос о нарушении Устава ООН и угрозе миру со стороны США, запрос кубинского правительства об агрессивных действиях США против Кубы, а также письмо США. Зал заседаний Совета Безопасности был заполнен дипломатами и публикой до отказа. Первым на этом заседании выступил американский делегат Э. Стивенсон, предусмотрительно записавшийся в список ораторов еще 22 октября, во время выступления Кеннеди по радио и телевидению. Выступление Э. Стивенсона свелось к попытке оправдать установление морской блокады Кубы правительством США. Затем он представил в Совет Безопасности американский проект резолюции, в котором выдвигались требования о вывозе с Кубы советских ракет и направлении на Кубу наблюдателей ООН «для обеспечения выполнения настоящей резолюции». Только в случае выполнения этих требований США соглашались не проводить мер по «карантину». Был в американском проекте резолюции и пункт о том, чтобы СССР и США в срочном порядке обсудили вопрос о мерах по устранению существующей угрозы безопасности западного полушария и миру во всем мире и представили об этом доклад Совету Безопасности [III — 39; с. 383].

Советской стороной было замечено, что в указанном проекте резолюции, хотя и в завуалированной, демагогической форме, намечался отход от прежней, крайне воинственной позиции США в вопросе о путях разрешения карибского кризиса.

Представитель Кубы в своем выступлении показал, что агрессивные действия США против Кубы, создавшие угрозу всеобщему миру, являются продолжением и усугублением враждебной в отношении Кубы политики, которая проводится правящими кругами США после победы кубинской революции. Эти действия представляют собой прямое вмешательство во внутренние дела Кубы, грубое нарушение Устава ООН и общепризнанных норм международного права.

В выступлении представителя СССР были приведены многочисленные факты подобных действий США против Кубы за последнее время и показано, что правительство США вместо выяснения путем переговоров и личных контактов, в частности во время недавней встречи министра иностранных дел СССР с президентом США, неясных для него действий СССР предприняло противоречащие общепризнанным международным нормам односторонние агрессивные акции в Карибском море, которые поставили мир перед угрозой термоядерной войны. СССР выдвинул конкретные предложения о немедленном прекращении этих агрессивных действий и призвал вступить в переговоры с целью нормализации обстановки и предотвращения угрозы возникновения войны.

24 октября состоялось очередное заседание Совета Безопасности, на котором развернулась горячая дискуссия о положении в районе Карибского моря. В ней приняли участие делегации Венесуэлы, Англии, Румынии, Ирландии, Франции, Чили, ОАР, Ганы, а также исполнявший обязанности генерального секретаря ООН У Тан. Представитель Румынии полностью поддержал позицию Советского Союза и Кубы, осудивших угрозу миру со стороны США [III — 150]. Представители ОАР и Ганы в ходе дискуссии поддержали право Кубы самостоятельно избирать политический режим и осуществлять необходимые меры обороны в целях отстаивания своей свободы и территориальной целостности. Они подчеркнули, что действия США по установлению блокады Кубы являются нарушением принципа свободы морей и угрожают миру и всеобщей безопасности. Гана и ОАР внесли проект резолюции, призывавший США, Кубу и СССР разрешить конфликт путем мирных переговоров [III — 151].

Совершенно иной была позиция государств — членов НАТО. Ее определяли военно-блоковые интересы и нажим, который правительство США оказало на них. Ан-

глийский представитель А. Дин поддержал агрессивные действия против Кубы и СССР. Понимая, очевидно, ту большую опасность, которую несет Англии наличие на ее территории нацеленных на СССР американских ракет, А. Дин одновременно высказался в пользу переговоров между заинтересованными сторонами. За переговоры высказался и французский представитель Р. Сейду. Поскольку ОАГ под нажимом США заняла антикубинскую позицию, представители Венесуэлы и Чили в Совете Безопасности поддержали предложение Стивенсона. Представитель Ирландии Эйкен призвал к мирному урегулированию возникшего кризиса путем переговоров. Принимавший участие в заседании Совета Безопасности У Тан зачитал текст своего послания Советскому правительству и правительству США, в котором содержалось пожелание, чтобы все втянутые в конфликт стороны встретились и обсудили ситуацию [III — 157].

У Тан заявил также, что готов оказать необходимые услуги и находится в распоряжении обеих сторон. После окончания заседания 45 афро-азиатских стран выразили поддержку предложению У Тана. Но его позиция вызвала недовольство Стивенсона, который сообщил исполняющему обязанности генерального секретаря, что Дж. Кеннеди еще не принял решение об ответе на обращение [II — 24; с. 635].

Советское правительство в ответ на призыв У Тана «воздержаться от любых действий, которые могут обострить положение и принести с собой риск войны», заявило, что принимает это предложение [II — 6; с. 410].

Так как международная ситуация в связи с затяжкой правительством США ответа на первое послание У Тана продолжала обостряться, последний 25 октября направил СССР и США новые послания, в которых еще раз поставил вопрос о выработке основы для соглашения, направленного на урегулирование проблемы мирным путем в соответствии с Уставом ООН [III — 39; с. 369—391]. В телеграмме на имя Председателя Совета Министров СССР У Тан просил дать инструкции советским судам, уже находящимся «на пути в Кубу, держаться в стороне от района перехвата», чтобы избежать столкновения с кораблями Соединенных Штатов во время обсуждения различных вариантов возможного соглашения [II — 6; с. 412].

У Тан призвал также президента США дать инструкции соответствующим организациям об избежании непосредственного столкновения с советскими кораблями.

Второе послание У Тана США не оставили без ответа. Они согласились принять меры, исключаящие столкновение американских и советских судов. Кеннеди сделал это против воли «ястребов», которые требовали от него, чтобы действия американских военных кораблей распространились за пределы зоны «карантина», в открытый океан. Явной целью этих требований было спровоцировать столкновение между американскими и советскими судами. Как впоследствии отмечал Т. Соренсен, по этому вопросу у президента произошла «острая стычка с представителями военно-морских сил» [III — 138; с. 710].

Тон ответа Дж. Кеннеди на письмо У Тана уже значительно отличался от тона его выступления по телевидению, когда президент угрожал Кубе и СССР морским «карантином». «Я получил Ваше сегодняшнее послание, — писал он У Тану. — Я по-прежнему понимаю и приветствую Ваши усилия, направленные на достижение удовлетворительного решения. Я понимаю и разделяю Вашу озабоченность по поводу необходимости проявлять большую осторожность впредь до начала обсуждения» [III — 39; с. 391]. Кеннеди обещал У Тану, что американские военные корабли в Карибском море делают все возможное, чтобы избежать непосредственного столкновения с советскими судами. В письме к У Тану Кеннеди снова утверждал, что «наступательное оружие» СССР на Кубе якобы угрожает миру [III — 39; с. 391].

25 октября состоялось новое заседание Совета Безопасности. На нем Стивенсон зачитал ответ Дж. Кеннеди на повторное обращение У Тана. Советским представителем в свою очередь было оглашено ответное письмо Советского правительства [II — 6; с. 410—419].

На заседании американский представитель вновь пытался оправдать действия США в районе Карибского моря, являющиеся нарушением Устава ООН. Стивенсон старался выдать агрессивные действия США, предпринятые в обход ООН, как согласованные действия Организации американских государств. Советский представитель В. А. Зорин разоблачил несостоятельность таких утверждений, отметив, что агрессивные действия, которые начали США, натолкнулись на отпор народов и большинства государств — членов ООН [II — 6; с. 405].

Представители ОАР и Ганы предложили прервать заседание Совета Безопасности, с тем чтобы позволить заинтересованным сторонам при содействии У Тана про-

вести необходимые переговоры. Это предложение было принято Советом Безопасности.

Тактика правящих кругов США во время карибского кризиса свидетельствует о том, что они в октябре 1962 года стремились использовать политический шантаж.

В послевоенный период приемы и методы тактики политического шантажа внимательно изучались в американских научно-исследовательских институтах, занимающихся международными проблемами. Американские теоретики полагали: для того чтобы эта тактика была действенной, ей на помощь должны быть призваны средства массовой информации, причем в тот момент, когда заканчивался секретный этап операции по подготовке к тому или иному эпизоду в «войне нервов». Так было и в период карибского кризиса.

После того как спала пелена секретности, окутывавшая подготовку к карибскому кризису, с помощью массовых средств информации началось сильное психологическое давление в нужном для правительства США направлении на американское общественное мнение, на союзников Соединенных Штатов по военным блокам, развивающиеся страны и, конечно, на Советский Союз. На специальном инструктаже для представителей печати министр обороны США Р. Макнамара заявил, что Соединенные Штаты не остановятся перед потоплением советских судов, доставлявших на Кубу оружие «наступательных видов» [II — 24; с. 638].

Подобного рода высказывания быстро «просачивались» в печать, на радио и телевидение, которые активно нагнетали тревожную атмосферу, предсказывая скорую «пробу сил». Конечно, тактика политического шантажа не исчерпывала собой сложившееся положение. Роберт Кеннеди признал позднее, что «президент Кеннеди наметил курс событий, привел их в движение, но уже не мог контролировать их» [II — 24; с. 633—634, 637].

Решающую роль в том, что события были поставлены под контроль, сыграло Советское правительство. Заслуга же президента Кеннеди состоит в том, что он в конце концов устоял перед давлением «ястребов», призывавших к войне с Кубой и Советским Союзом, проявив тем самым государственную мудрость.

25 и 26 октября обстановка продолжала накаляться. 26 октября глава Советского правительства направил президенту США ответ на его письмо от 25 октября. В нем подчеркивалось, что народы социалистических стран, а также все прогрессивное человечество хотят ми-

ра, рассматривают войну как бедствие, а не как игру и средство для достижения политических или других целей и тем более не как самоцель. Американскому президенту было еще раз разъяснено, что его аргументы относительно «наступательного оружия» на Кубе не имеют под собой почвы, а решение США о «карантине» Кубы совершенно справедливо приравнено к пиратским мерам. Далее в письме содержались конкретные предложения, которые позднее в значительной мере легли в основу урегулирования карибского кризиса. «Давайте нормализуем обстановку», — предлагалось американскому президенту. Если бы президент и правительство США дали заверение, что США не осуществят нападение на Кубу и сдержат от таких действий других, то международная обстановка быстро изменилась бы к лучшему [II — 24; с. 638].

Правительство Кубы, как известно, также предприняло шаги к тому, чтобы искать мирные пути урегулирования карибского кризиса. Оно положительно реагировало на акции исполняющего обязанности генерального секретаря ООН. 26 октября У Тан направил Фиделю Кастро послание, в котором призвал Кубу внести свой вклад в дело сохранения мира «в нынешних критических обстоятельствах» [II — 81; с. 71].

27 октября премьер-министр Кубы дал ответ, в котором отмечалось, что Куба готова обсудить все, что будет необходимо, относительно ее разногласий с Соединенными Штатами и сделать в сотрудничестве с ООН все от нее зависящее, чтобы разрешить существующий кризис.

Вместе с тем в послании содержалось справедливое замечание о том, что Куба решительно отвергает действия, нарушающие ее суверенитет, каковым является и морская блокада — акт насилия и войны. Правительство Кубы сообщило, что оно было бы готово принять предлагаемые У Таном условия, «если только в то же самое время правительство Соединенных Штатов воздержится в период переговоров от угроз и агрессивных действий против Кубы, включая морскую блокаду...». Это была справедливая и четкая позиция. Ф. Кастро выразил также готовность внимательно рассмотреть любое новое предложение У Тана и пригласил его посетить Кубу для того, чтобы обсудить на месте вопросы, связанные с карибским кризисом [II — 24; с. 639]. У Тан высоко оценил миролюбивую политику кубинского правительства и в своем ответе Фиделю Кастро дал согласие приехать на

остров, чтобы продолжить «общие усилия по мирному урегулированию проблемы» [III — 39; с. 404].

Поздно вечером 27 октября советского посла в США А. Ф. Добрынина пригласил к себе Роберт Кеннеди. Беседа с послом велась наедине. Роберт заявил: кубинский кризис продолжает быстрыми темпами обостряться. Далее он рассказал, что из-за сбитого над Кубой американского разведывательного самолета на его брата со стороны Пентагона оказывается сильнейшее давление. Затем он выразил опасение, что если начнется война, то в ней погибнут многие миллионы американцев и советских граждан. Правительство США, заявил он, стремится избежать этого. Он далее высказал мнение, что уверен в таком же стремлении Советского Союза. Промедление с поисками выхода из кризиса связано с большой опасностью и риском. Р. Кеннеди заметил, что в США среди высокопоставленных генералов много таких, которые так и рвутся, чтобы подраться. Он не исключил возможности того, что ситуация может выйти из-под контроля, а это повлечет за собой непоправимые последствия. Р. Кеннеди заявил также, что, по мнению президента, подходящей базой для урегулирования карибского кризиса могли бы явиться советские предложения от 26 октября и ответное письмо американской стороны. Правительство США готово дать заверения, что никакого вторжения на Кубу не будет и все страны западного полушария — в этом он уверен — готовы дать аналогичные заверения [III — 24; с. 639].

Советский посол поднял вопрос о необходимости ликвидировать американские ракетные базы в Турции. Роберт не отклонил такой возможности. Он заметил, что подобное решение может быть принято НАТО, и далее заявил: «Президент Кеннеди уже давно стремится вывезти эти ракеты из Турции и Италии. Некоторое время назад он распорядился об удалении этих ракет, и мы считаем, что вскоре после окончания нынешнего кризиса эти ракеты будут вывезены» [III — 81; с. 108—109].

Это было уже вполне определенное обещание в дополнение к основному согласию правительства США дать гарантии о невторжении на Кубу.

В ходе беседы Р. Кеннеди настойчиво возвращался к одной теме: время не терпит, нельзя его упускать. С этими словами он и расстался с советским послом, оставив ему номер прямого телефона в Белый дом и заметив, что почти все время проводит вместе с президентом. Таким образом, Джон Кеннеди и его ближайшее

окружение, встретив твердую, но в то же время гибкую позицию Советского правительства, отказались от ультимативных требований, изложенных президентом США 22 октября, и взяли курс на поиск компромиссной основы для ликвидации карибского кризиса. Советскому послу в США было дано поручение сообщить американской стороне, что соображения, высказанные по просьбе президента Кеннеди, встретили в Москве положительный отклик [II — 24; с. 640].

27 октября в официальном послании Советского правительства были выдвинуты компромиссные предложения, которые и послужили основой для урегулирования кризиса. СССР согласился вывезти с Кубы ракеты, которые США считали «наступательными», но только при условии, что американское правительство согласится уважать неприкосновенность границ Кубы и обязуется не осуществлять в отношении ее агрессии [II — 6; с. 416].

В Вашингтоне реакция на советское послание была противоречивой. Противники ликвидации кризиса настаивали на том, что США не должны соглашаться с требованием СССР о вывозе американских ракет из Турции [III — 81; с. 101—102].

Отражением такого рода агрессивных настроений стало заявление Белого дома от 27 октября 1962 года, в котором делалась попытка доказать, что проблемы безопасности западного полушария и проблемы безопасности Европы не взаимосвязаны и что карибский кризис должен быть урегулирован, прежде чем можно будет взяться за решение других вопросов [III — 39; с. 396].

Таким образом, американское правительство не хотело публично обсуждать вопрос о ликвидации ракетных баз США в Турции. В то же время, как отмечает Р. Кеннеди, в конфиденциальном порядке этот вопрос обсуждался и президент принял принципиальное решение о вывозе американских ракет из Турции.

Советские предложения от 27 октября были в высшей степени справедливыми. Это вынуждены признать и многие видные американские исследователи карибского кризиса. Так, Дж. Стосинджер в работе «Могущество государств» пишет, что советские предложения «выглядели разумными, они отражали широко распространенное среди нейтралов мнение, что обе стороны должны пойти на компромисс и пожертвовать чем-то. Такая позиция широко поддерживалась в ООН, и ряд видных западных комментаторов, например Липпман, приветствовали ее» [III — 143; с. 167—168].

Основные советники президента к 27 октября уже были хорошо осведомлены о настроениях Джона Кеннеди. В результате к вечеру того же дня в Вашингтоне было подготовлено ответное послание Советскому правительству, где президент США дал заверения об отказе от вторжения на Кубу, а также обещал быстро отменить «карантин» [II — 6; с. 418]. Но даже в тот момент некоторые представители Пентагона все еще внушали президенту, что не следует идти на компромисс, что настал момент решительного испытания американской воли, чтобы противостоять Советскому Союзу и Кубе. Роберт Кеннеди приводит, например, следующий факт: «В то памятное воскресное утро, когда русские сообщили, что они вывезут свои ракеты, один высокопоставленный военный советник рекомендовал, чтобы Соединенные Штаты в понедельник в любом случае перешли к наступательным действиям». По свидетельству Роберта, его брат еще раз убедился в том, что военных ни в коем случае нельзя даже подпускать к обсуждению важных политических проблем, не говоря уже о принятии окончательных решений. Министр юстиции писал впоследствии: «Президента Кеннеди крайне тревожила неспособность военных видеть дальше ограниченной военной области» [III — 81; с. 119].

28 октября Советское правительство направило правительству США новое послание, в котором подтвердило свою готовность выполнять взятые на себя обязательства в связи с карибским кризисом и вместе с тем заявило, что СССР будет продолжать оказывать Кубе помощь в борьбе против агрессии [II — 37].

28 октября президент Кеннеди сделал заявление, в котором обещал, что США, после того как будет полностью ликвидирован карибский кризис, уделят большое внимание «проблеме предотвращения гонки вооружений и ослабления международной напряженности». Далее Джон Кеннеди выступил за достижение соглашения о нераспространении ядерного оружия, о запрещении ядерных испытаний и предложил немедленно начать переговоры по этим проблемам в «конструктивном духе» [III — 39; с. 402].

1 ноября 1962 года в Гавану для обмена мнениями с правительством Кубы по проблеме карибского кризиса вылетел первый заместитель председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян. Направляясь на Кубу, он остановился в Нью-Йорке, где у него состоялась беседа о путях ослабления международной напряженности с

У Таном, а также с Э. Стивенсоном. На Кубе в ходе обмена мнениями между А. И. Микояном и Фиделем Кастро были согласованы точки зрения о мирном урегулировании карибского кризиса. В течение первой половины ноября по дипломатическим каналам и через ООН шел обмен мнениями по поводу ликвидации остатков вызванного США кризиса. Переговоры проходили, во-первых, путем обмена устными заявлениями между советской и американской сторонами и, во-вторых, в ходе бесед между американским представителем Д. Макклоем и первым заместителем министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецовым.

В ходе имевших место советско-американских контактов по урегулированию карибского кризиса президент Кеннеди и другие американские официальные лица неоднократно проявляли непоследовательность при решении проблем, связанных с возникшей по их же вине острой ситуацией. Они, например, пытались, выходя за рамки достигнутой ранее договоренности, произвольно толковать термин «наступательное оружие», всячески усложняли вопрос о том, какую форму следует придать договоренности, по которой США брали на себя обязательство не совершать агрессии против Кубы. Все это отражало острую борьбу в политических кругах США, где экстремисты, недовольные достигнутым компромиссом, стремились если не сорвать его, то, во всяком случае, свести к такому положению, которое давало бы США преимущества. Несмотря на это, президент Кеннеди все же в основном продолжал придерживаться уже достигнутой договоренности. 16 ноября он высказался в пользу того, чтобы американские заверения были официально оформлены [II — 24; с. 642 — 643].

США предстояло зафиксировать обязательство не нападать на Кубу и удерживать от этого другие страны западного полушария, а также прекратить блокаду Кубы. В результате сложной дипломатической борьбы, в ходе которой Советское правительство заняло инициативную и гибкую позицию, основные проблемы карибского кризиса были решены. 20 ноября президент США объявил на пресс-конференции о снятии «карантина». 21 ноября Советское правительство дало указание ракетным войскам межконтинентального и стратегического назначения перейти от полной боевой готовности к нормальной боевой подготовке и деятельности. В стратегической авиации также было отменено состояние боевой готовности [II — 6; с. 427].

Что касается принятия согласованных заявлений СССР и США в ООН, которые как бы подводили итог выполнению взаимных обязательств сторон (выдвинутых в посланиях глав правительств СССР и США), то американская сторона всячески затягивала доведение этого дела до конца. Для оправдания такой позиции приводились рассуждения о том, будто бы СССР «отступил» от ряда своих обязательств, например в вопросе о проверке. Наряду с этим Дж. Кеннеди в принципе высказался за продолжение работы над текстами деклараций и предложил ускорить представление американской стороне советского текста.

Таким образом, удалось достичь согласия о том, что урегулирование карибского кризиса должно быть оформлено в виде деклараций трех сторон — СССР, Кубы и США, которые представляются на одобрение Совету Безопасности [II — 24; с. 643].

Оставалось согласовать тексты деклараций. Американские представители настаивали на том, чтобы декларации не подлежали одобрению Советом Безопасности, а были просто «зарегистрированы» в ООН. Вскоре стало ясно, что правительство США приняло решение затянуть, а затем и сорвать переговоры о выработке деклараций. Для оправдания своей позиции перед мировой и американской общественностью в печати США инспирировалась с ведома президента публикация ряда статей близких к Белому дому журналистов, которые в извращенном виде преподносили события, предшествовавшие карибскому кризису. В частности, в журнале «Сатердей ивнинг пост» была опубликована статья «Белый дом во время кубинского кризиса». В ней всячески превозносились деятельность президента Кеннеди во время карибского кризиса и резко критиковался представитель США в ООН Э. Стивенсон, который, как заявлялось, еще в начале кризиса был сторонником переговоров с СССР, а не «решительного» курса, чреватого военным столкновением. Делалась также попытка вновь обвинить СССР в том, что его представители «вводили американского президента в заблуждение». Эти шаги были в первую очередь рассчитаны на внутреннюю американскую аудиторию, чтобы ослабить критику администрации справа. Однако одновременно они вносили дополнительные осложнения в переговоры в Нью-Йорке по вопросу об обязательствах США не вторгаться на Кубу.

7 января 1963 года представитель СССР на переговорах по урегулированию карибского кризиса В. В. Кузне-

цов и представитель США в ООН Э. Стивенсон обратились с совместным письмом к генеральному секретарю ООН У Тану. Они отметили, что, хотя обоим правительствам «не удалось разрешить все проблемы», связанные с карибским кризисом, они считают, что «достигнутая степень согласия между ними по урегулированию кризиса» делает ненужным оставление данной проблемы в повестке дня Совета Безопасности ООН. Далее в письме говорилось: «Правительства Соединенных Штатов Америки и Советского Союза выражают надежду, что предпринятые в связи с кризисом действия по предотвращению угрозы войны приведут к разрешению других разногласий между ними и к общему ослаблению напряженности, которая могла бы быть причиной сохранения угрозы войны» [III — 39; с. 369].

«После Плайя-Хирон упорное стремление империалистов решить вооруженным путем кубинский вопрос вызвало карибский кризис, — говорил Ф. Кастро, — в результате которого правительство Соединенных Штатов, после того, как оно поставило мир на грань ядерной катастрофы, было вынуждено пойти на компромисс, взять на себя обязательство не нападать на Кубу, что вместе с твердой позицией и решительной поддержкой со стороны Советского Союза явилось важной гарантией безопасности нашей страны» [I — 18; с. 21].

Однако и в начале 1963 года все еще имели место попытки «бешеных» толкнуть правительство США на новые авантюристические действия против Кубы и СССР. На пресс-конференции 7 февраля 1963 года Кеннеди признал, что правительство США «каждый месяц получает сотни сообщений» об обстановке в районе Карибского моря, которые не соответствуют действительности. Он подтвердил, что даже ряд членов конгресса США поставляют такую «информацию», отказываясь сообщать о ее источниках. «Мы не можем основывать решение вопросов войны и мира, исходя из слухов или сообщений, которые не затрагивают существо проблемы...» [III — 39; с. 370] — констатировал президент. Далее Джон Кеннеди прямо заявил критикам деятельности его правительства, что он не верит в то, что Советский Союз хочет «большой войны» [III — 39; с. 373]. Официальные заявления американского президента о невторжении на Кубу показали, что администрация Кеннеди в своей внешней политике учитывала итоги переговоров между правительствами СССР и США в конце 1962 года.

ВЬЕТНАМСКАЯ ПОЛИТИКА КЕННЕДИ

Вьетнамская проблема оказалась на определенном этапе деятельности администрации Кеннеди одной из самых сложных внешнеполитических проблем. Просматривая в первые дни пребывания в Белом доме специальные документы о положении в Южном Вьетнаме, Кеннеди вынужден был заметить, что Эйзенхауэр при смене хозяина Белого дома совсем не информировал его о Вьетнаме. (То, что при передаче дел Эйзенхауэр не заострил внимания молодого президента на этой проблеме, во многом объясняется тем, что американские дела в Южном Вьетнаме шли все хуже и хуже и уходящий президент осознавал, что он несет в значительной мере ответственность за это. Знакомя Кеннеди с положением в Юго-Восточной Азии, Эйзенхауэр предпочел сделать это в общих чертах, особо остановившись лишь на Лаосе.) Беседа Кеннеди с Эйзенхауэром состоялась 19 января 1961 года. Оба они с огорчением признали, что, несмотря на все усилия США, национально-освободительное движение растет, одерживая новые победы.

«У коммунистических солдат, — заметил Эйзенхауэр, скосив глаза на тут же присутствовавшего государственного секретаря Гертера в надежде, что тот правильно его поймет, — мораль, по-видимому, всегда выше, чем у солдат, представляющих демократические силы. Очевидно, — добавил он, — в коммунистической философии есть нечто такое, что внушает ее сторонникам определенное вдохновение и преданность их делу» [II—13; с. 202].

В этой беседе обсуждался и вопрос о позиции США в отношении Женевских соглашений по Индокитаю.

Предшественник К. Гертера Дж. Ф. Даллес в свое время открыто выступил против Женевского соглашения 1954 года. Он даже не пожелал его обсуждать и демонстративно покинул Женеву еще до начала переговоров. А когда соглашение 1954 года было заключено, то американская делегация заявила, что она лишь принимает его к сведению. Затем, однако, было сказано, что США «будут воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью его нарушения». Президент Эйзенхауэр тут же свел это обязательство на нет, сделав заявление, что «США не участвовали в принятии решений и не связаны ими» [II—13; с. 202].

В том же 1954 году в обход Женевских соглашений

США стремились изобрести «юридическую базу» для прямого вмешательства во вьетнамские дела.

23 октября 1954 года Эйзенхауэр направил Нго Динь Зьему послание, в котором говорилось, что Соединенные Штаты будут помогать сайгонской клике в ее борьбе против «подрывной деятельности и агрессии», т. е. против патриотических сил.

С января 1955 года США в нарушение статей 16 и 17 Женевских соглашений еще более усилили военную помощь сайгонскому режиму. С 1955 по 1960 год американские военные поставки, по официальным данным, составили 571,3 млн. долларов [II—13; с. 202—203].

4 марта 1956 года США и южновьетнамский режим Зьема осуществили еще одно крупное нарушение Женевских соглашений. В Южном Вьетнаме были организованы сепаратные «выборы». Согласиться на проведение общенациональных выборов Вашингтон и Сайгон побоялись. Они понимали, что на таких выборах сайгонский режим потерпит неминуемое поражение.

В Южный Вьетнам стало направляться все больше американских военных советников. К концу 1960 года их численность достигла 2 тыс. человек. В сайгонском порту разгружались сотни американских кораблей с боеприпасами, военным снаряжением. Южный Вьетнам постепенно превращался в военную базу США. Внедрение американцев в самые различные сферы жизни Южного Вьетнама и все более откровенная провашигтонская политика режима Зьема усиливали патриотическое движение вьетнамского народа. В конце 1960 года в Южном Вьетнаме создается Национальный фронт освобождения (НФО), в котором объединились различные политические силы этой части страны, начиная политическими партиями и кончая религиозными сектами. Отпор американским империалистам и их прислужникам стал еще более сильным и организованным.

Когда в 1954 году Эйзенхауэр удержался от прямого военного вмешательства в Индокитае, его администрация только что одержала «победу», свергнув прогрессивные режимы в Иране и Гватемале. Недавно закончилась корейская война. Все это способствовало тому, что американская агрессия в этом регионе оказалась отложенной на более поздний срок.

В 1961 году Кеннеди находился в ином положении. Он, как отмечают американские исследователи Л. Гелб и Р. Беттс, «нуждался в арене, на которой мог бы продемонстрировать свою твердость» [III—51; с. 70]. И такой

ареной после недолгих размышлений был избран именно Вьетнам. Причиной такого выбора послужило следующее. Кеннеди не хотел слишком рисковать в Берлине, где более высокий уровень эскалации конфликта явно грозил ядерной войной. В Лаосе же он собирался пойти на взаимоприемлемое соглашение, которое в глазах его могущественных противников правого толка означало «отступление США».

После встречи в июне 1961 года с Н. С. Хрущевым в Вене президент в одной из бесед с близким к нему журналистом Джеймсом Рестоном сказал, что он постарается продемонстрировать весомость «американской мощи» именно во Вьетнаме. Подобные настроения президента активно поддерживались значительной частью его внешнеполитического аппарата. Так, вскоре после упомянутой беседы с Рестоном ответственный работник аппарата Совета национальной безопасности Роберт Комер разработал рекомендации по резкому наращиванию американского вмешательства в южновьетнамские дела: «Я полагаю, что для данной администрации чрезвычайно важным было бы достижение крупной антикоммунистической победы для повышения ее авторитета примерно за шесть месяцев до того, как берлинский кризис достигнет большей остроты... Здесь (во Вьетнаме. — *Авт.*) соотношение позитивных и негативных моментов в нашу пользу, что делает Вьетнам более подходящим местом, чем Лаос, для достижения желанных результатов» [III—51; с. 71].

20 апреля 1961 года, выступая перед Американским обществом издателей, Кеннеди сказал: «Смысл того, что исходит от Кубы, от Лаоса, от более слышимых коммунистических голосов в Азии и Латинской Америке, одинаков... Ни один другой вызов не стоит столь же значительных наших усилий и энергии... наша безопасность может утрачиваться часть за частью, страна за страной... Мы намерены произвести переоценку и переориентацию всех наших ресурсов для борьбы во многих отношениях более сложной, чем война... И я уверен, что мы в свободном мире обладаем необходимыми ресурсами и умением» [III—5; с. 206].

Это выступление Кеннеди отражало широко распространенные настроения в правящей элите США, вызванные революционными изменениями в мире. Лишь небольшая часть американских политических деятелей и дипломатов сомневалась в том, что нарастающее национально-освободительное движение — дело рук одних

коммунистов. Да и те, кто придерживался более реалистических взглядов на эту проблему, предпочитали в целях карьеры не особенно афишировать свои оценки происходящего.

По мере того как американская агрессия во Вьетнаме становилась более широкомасштабной, стало возникать множество дополнительных, более конкретных вопросов. До каких пределов США могут пойти, спасая нужный им режим в Сайгоне? Насколько явными должны быть американские «обязательства»? Какие имеются альтернативы сформировавшимся «обязательствам»? При этом, однако, дискуссии были не о целях и принципиальном курсе правительства, а о средствах ведения уже сложившейся ранее политики: как должны использоваться американские военные советники? Какого типа давление стоит оказывать на Зьема? Нужно ли посылать боевые подразделения вооруженных сил США или ограничиться только советниками и специалистами?

По мере роста американского вмешательства во Вьетнаме разногласия по этому поводу в правящей элите возрастали. Однако, как справедливо замечают упомянутые Л. Гелб и Р. Беттс, «принципиальная цель — предотвращение коммунистического контроля над Южным Вьетнамом — никем не подвергалась сомнению» [III—51; с. 71].

Сразу же после того, как провалилось организованное ЦРУ вторжение кубинских контрреволюционеров, президент дал указание заместителю министра обороны Р. Гилпатрику разработать программу «спасения Южного Вьетнама». 1 мая 1961 года группа, возглавляемая Гилпатриком, завершила свою работу, подготовив подробный меморандум, в котором предлагался широкий набор военных, экономических, пропагандистских акций и тайных разведывательно-диверсионных операций. Этот меморандум поступил затем к заместителю государственного секретаря Джорджу Боллу, который смягчил некоторые его положения, жестко и бескомпромиссно сформулированные военными и гражданскими сотрудниками Пентагона и профессиональными разведчиками. Примерно в это же время председатель сенатского комитета по иностранным делам Фулбрайт публично выступил против американского вмешательства в Лаосе, но при этом высказался в пользу посылки контингентов вооруженных сил США в Таиланд и Вьетнам.

Джон Кеннеди быстро одобрил поступивший к нему после правки Дж. Болла меморандум по «спасению Южного Вьетнама», который получил наименование «Мемо-

рандум по вопросам действий в области национальной безопасности № 52» (NSAM-52). Оценивая этот документ, Л. Гелб и Р. Беттс пишут, что он, с одной стороны, закреплял американские «обязательства» по Южному Вьетнаму в плане активизации различных усилий США по борьбе с антиземовскими силами, а с другой — еще не открывал дорогу прямому участию американских вооруженных сил в борьбе против НФО. На данном этапе госдепартаменту удалось сохранить ведущую роль в определении политики в отношении Южного Вьетнама, не допустить преобладания в этом вопросе министерства обороны [III — 51; с. 73].

В середине июня в Южный Вьетнам был направлен с «исследовательской миссией» директор калифорнийского Стэнфордского исследовательского института Юджин Стэнли, которому поручалось определить возможный объем американских военно-экономических усилий для укрепления вооруженных сил режима Нго Динь Зьема. Вернувшись в США, Стэнли предложил два варианта уровня вооруженных сил для южновьетнамских марионеток — 200 тыс. или 270 тыс. человек. Кеннеди после недолгих размышлений остановился на первом варианте. Одновременно он совместно с государственным департаментом старался смягчить формулировки публичных заявлений американских официальных лиц и соответствующих документов, с тем чтобы американские «обязательства» в отношении Южного Вьетнама были не слишком жесткими, чтобы у его администрации по вьетнамскому вопросу сохранялась максимально возможная свобода для маневра. Однако президент, как и все другие участники принятия решений по данной проблеме в американском госаппарате, не сомневался в необходимости продолжения американского вмешательства во внутренние дела Вьетнама ради «сдерживания коммунизма». Следует заметить, что эта задача ставилась в наиболее общем виде, без четкого определения конкретных целей, которых Соединенные Штаты стремились достичь в Южном Вьетнаме.

Осенью 1961 года Кеннеди направляет в Южный Вьетнам в качестве своего специального представителя генерала Максвелла Тэйлора. Разработанная директива для этой поездки Тэйлора была в духе NSAM-52. Ему не предписывалось осмыслить цели американского вмешательства во Вьетнаме; в его задачу входило лишь оценить эффективность используемых там Соединенными Штатами средств [III — 146; с. 226].

В этот период единственным высокопоставленным деятелем администрации, кто ставил под сомнение необходимость дальнейшего американского вмешательства во Вьетнаме, был заместитель государственного секретаря Честер Боулс. Он предлагал распространить на всю Юго-Восточную Азию принцип нейтрализации по примеру лаосского решения [III—132; с. 545]. Вскоре Ч. Боулс, представитель либерального крыла демократической партии, был отстранен от принятия решений на высшем уровне, а в ноябре 1961 года при проведении «реорганизации» госдепартамента был удален с поста заместителя государственного секретаря.

Другим проектом госдепартамента, направленным на то, чтобы избежать прямого военного вмешательства США во Вьетнаме, был план, предложенный заместителем Ч. Боулса Алексисом Джонсоном. Последний, в частности, предлагал направить в Южный Вьетнам 20—25 тыс. человек военного персонала стран СЕАТО. Во многом его план был развитием идей руководителя Управления планирования госдепартамента Уолта Росту [III—118; с. 73—78].

В октябре 1961 года М. Тэйлор и его заместитель У. Росту отправились в Сайгон в сопровождении большой свиты высших военных чинов и сотрудников госдепартамента. По пути в Южный Вьетнам они встретились с главнокомандующим американскими силами на Тихом океане адмиралом Гарри Фелтом, который подчеркнул остроту ситуации в Южном Вьетнаме и рекомендовал «самые энергичные» меры по исправлению положения. Для развития военной инфраструктуры в Южном Вьетнаме он советовал шире использовать американские саперные части и вертолетные силы, но в отличие от многих других высокопоставленных деятелей Пентагона был против прямого использования вооруженных сил США на поле боя. Точка зрения Фелта, в частности, шла вразрез с рекомендациями Комитета начальников штабов и исполняющего обязанности заместителя министра обороны по вопросам международной безопасности Уильяма Банди. Последний в докладной записке настаивал, что Соединенные Штаты должны «сейчас или никогда» решительно использовать военную силу, чтобы ликвидировать все недавние достижения сил НФО [III—118; с. 79].

Группа Тэйлора провела в Южном Вьетнаме две недели. Возвращаясь в Вашингтон, Тэйлор с Филиппин отправил свои первые выводы телеграммой. Он рекомендо-

вал послать специальные американские силы для резкого усиления военной инфраструктуры южновьетнамской марионеточной армии и активизировать подрывные и диверсионные операции против сил НФО. Наиболее важной частью рекомендаций Тэйлора было предложение послать в Южный Вьетнам 8 тыс. солдат и офицеров для «обеспечения безопасности баз». Это предложение «подкреплялось» позднее в специальной записке выводами о том, что в перспективе Соединенным Штатам «придется» наносить с некоторых баз авиационные удары по Демократической Республике Вьетнам. В окончательном варианте доклада Тэйлора отмечалось, что «США должны быть ограниченным партнером в этой войне» [III—146; с. 242—244].

В полном тексте доклада группы Тэйлора содержалось приложение, подготовленное двумя сотрудниками государственного департамента — У. Джорденом и С. Коттрелом. Оба они давали мрачную оценку южновьетнамскому режиму, погрязшему в коррупции и непопулярному практически во всех слоях общества. С одной стороны, Джорден и Коттрел подвергали сомнению американские возможности, с другой — они делали совсем неожиданный вывод: Соединенные Штаты должны нанести прямой удар по Северному Вьетнаму, с тем чтобы полностью ликвидировать «внешнюю поддержку» силам НФО [III—118; с. 108].

В мае 1961 года Кеннеди направляет вице-президента Линдона Джонсона в длительный вояж по странам Азии, в ходе которого тот должен был посетить Южный Вьетнам, Филиппины, Тайвань, Таиланд, Индию и Пакистан. Официально Джонсон выступал в качестве «личного представителя президента США».

Южный Вьетнам был первым пунктом маршрута вице-президента. В Сайгоне он встретился с диктатором Нго Динь Зьемом. В коммюнике, опубликованном по результатам этой встречи, отмечалось, в частности, что Вашингтон и сайгонский режим договорились о расширении экономической и военной «помощи» Южному Вьетнаму. Было также объявлено об увеличении регулярной армии южновьетнамских марионеток и о том, что США окажут «всю необходимую» поддержку по вооружению дополнительных контингентов южновьетнамцев для борьбы с силами НФО.

Значительное внимание американская сторона уделила социальным и экономическим проблемам Южного Вьетнама. Было принято решение о разработке с по-

мощью американских ученых «специального финансового плана», направленного на повышение южновьетнамского пиастра. Оба правительства объявили, что они будут добиваться «дальнейшего прогресса» Южного Вьетнама в сельском хозяйстве, здравоохранении, образовании, рыболовстве и промышленном развитии. Однако, как показали дальнейшие события, намеченные планы в основном были не выполнены. Постепенно все социальные и экономические программы отбрасывались на задний план развернувшимися в Южном Вьетнаме военными операциями.

К рекомендациям группы Тэйлора в Вашингтоне отнеслись с большим вниманием, чем к выводам Джонсона, в первую очередь потому, что последнего не подпускали к «внутреннему кругу» лиц, принимающих решения в администрации Кеннеди. Президент и его брат Роберт питали инстинктивное недоверие к техасцу. Макнамара, его заместитель Р. Гилпатрик и Комитет начальников штабов считали, что 7 тыс. солдат будет недостаточно для полного «обеспечения безопасности» американских баз в Южном Вьетнаме, но что такой контингент свяжет руки Соединенным Штатам в борьбе с неопределенным исходом [III—118; с. 108]. Макнамара и его единомышленники из высшего руководства Пентагона предложили на основе расчетов экспертов из этого ведомства направить в Южный Вьетнам сразу шесть дивизий (около 100 тыс. человек).

Предложение Макнамары натолкнулось на сопротивление руководства госдепартамента и президента. Через три дня после передачи своего меморандума Макнамара неожиданно для многих меняет позицию и присоединяется к госсекретарю Раску. В совместной памятной записке министерства обороны и государственного департамента подчеркивалась необходимость увеличения помощи режиму Зьема и опускается вопрос о немедленной посылке каких-либо боевых частей. В записке говорилось, что боевые части могут быть направлены, «если они потребуются для достижения успеха» [III—118; с. 110—116].

Таким образом, записка давала Кеннеди аргументы для задержки решения о посылке американских войск в Южный Вьетнам, к чему он, видимо, и стремился. По некоторым сведениям, президент в конфиденциальном порядке попросил Макнамару изменить подход к данной проблеме именно в этот момент и зафиксировать его соответствующим образом в официальном документе [III—50; с. 24].

В меморандуме Макнамары — Раска содержалось одно важное политическое положение: «Соединенные Штаты должны взять четкое обязательство не допустить перехода Южного Вьетнама в руки коммунистов». Они заявляли, что потеря Южного Вьетнама не только уничтожит СЕАТО, но и подорвет доверие к американским обязательствам повсюду в мире. Потеря Южного Вьетнама вызовет и усиление дебатов в США по вопросам внешней политики, сделает, как явственно намекали Макнамара и Раск, администрацию еще более уязвимой для критики справа [III — 50; с. 26].

Джон Кеннеди на призыв сделать американские «обязательства» в отношении Южного Вьетнама более определенными практически не отозвался. Он одобрил почти все в меморандуме Макнамары — Раска, исключив из него пункт о расширении «обязательств» США по отношению к Южному Вьетнаму. Таким образом, записка министра обороны и госсекретаря стала директивным документом Совета национальной безопасности NSAM-111, который стал известен правительственным органам, призванным выполнять директивы СНБ, в конце ноября 1961 года.

Численность американского военного персонала в Южном Вьетнаме продолжала беспрерывно увеличиваться. К концу 1961 года американских вояк там было 3200, а к концу 1962-го — 11 300.

Новый этап американской агрессии во Вьетнаме начался после конференции в Гонолулу, где было решено создать так называемые «батальонные группы советников» и «провинциальных советников» от вооруженных сил США при армии южновьетнамских марионеток.

Вместо «Консультативной группы по оказанию военной помощи» было создано «Командование по оказанию военной помощи во Вьетнаме», фактически являвшееся полноценным военным командованием США. Главой нового органа стал четырехзвездный генерал Пол Харкинс, сменивший трехзвездного генерала Лайонелла Макгарра. В Вашингтоне была образована «Специальная группа по контрпартизанской борьбе», перед которой ставилась задача борьбы с национально-освободительными движениями в глобальном масштабе. Эта группа должна была заниматься и южновьетнамскими военными делами [III — 51; с. 80].

До начала 1963 года плохие новости из Южного Вьетнама почти не достигали Вашингтона. Лишь в январе этого года в прессу просочилось сообщение о том, что

южновьетнамская дивизия, подготовленная американскими советниками, была разгромлена значительно меньшими силами патриотов. Ряд американских газет и телевизионных компаний начали добывать информацию о событиях в Южном Вьетнаме не у руководителей «Командования по оказанию военной помощи во Вьетнаме» и не у посла США в Сайгоне Ф. Нолтинга, а непосредственно от военных советников в провинциях. Оценки последних были значительно пессимистичнее, чем у высших американских эмиссаров в Сайгоне.

Под воздействием изменяющейся обстановки в Южном Вьетнаме, а также прессы в государственном аппарате США усиливаются расхождения по определению курса в Южном Вьетнаме. Подавляющая часть сотрудников госдепартамента, начиная с большинства заместителей госсекретаря по региональным вопросам, а также сотрудники среднего уровня Центрального разведывательного управления были настроены пессимистично в отношении перспектив дальнейшего расширения американского военного вмешательства во Вьетнаме. Эта прослойка внешнеполитического механизма считала необходимым жестче обращаться с Зьемом и активнее манипулировать различными политическими силами в Южном Вьетнаме, не полагаясь только на явных американских марионеток.

С другой стороны, генералитет и гражданское руководство Пентагона вкупе с руководством ЦРУ активно настаивали на преимущественно военном и широкомасштабном решении стоящих перед США проблем, что означало эскалацию агрессии. Эта группа с недоверием отнеслась к рекомендациям проводить различные политические маневры и интриги, «социальные реформы», считая, что это затруднит проведение эффективных боевых операций.

Имелись некоторые расхождения и среди сторонников усиления военных действий. Директор Управления разведки и исследований госдепартамента Роджер Хилсмен, генерал ЦРУ Эдвард Лонсдейл, куратор дальневосточного направления в аппарате СНБ Майкл Форрестол и другие деятели ратовали за усиленное использование специальных контрповстанческих сил — «зеленых беретов».

Идеям группы Хилсмена симпатизировали Роберт Кеннеди и сам президент, которые надеялись использовать противоповстанческие силы параллельно с политической войной против НФО, войной «по завоеванию сердца и умов» [III—118; с. 605—651, 682—684].

Однако, по оценке многих американских экспертов, достижение любых политических успехов при сохранении у власти непопулярного режима Зьема выглядело весьма проблематичным.

Американский генералитет с нескрываемым недоверием относился к противоповстанческим силам, всячески подчеркивая, что он не видит в них «надежного военного средства». В различных памятных записках и докладах генералы ставили вопрос о том, что упование на специальные силы ставит Соединенные Штаты в «оборонительную позицию», поэтому необходимо решительно бросить на чашу весов американскую армию. Они все настойчивее требовали проведения крупномасштабных боевых операций, не считаясь с международно-политическими соображениями госдепартамента и президента. Им нужен был полигон для испытаний новой военной техники, место для доказательства необходимости содержания огромной армии в мирное время. Развертывание операций американских войск во Вьетнаме сулило значительной части офицерского корпуса более быстрое продвижение по службе, награды, существенные надбавки к жалованью. В свою очередь военных нетерпеливо подталкивали фабриканты оружия, боеприпасов и военного снаряжения, для которых эскалация агрессии во Вьетнаме (даже с неопределенным исходом) означала увеличение возможностей для наживы.

В начале 1963 года в «Нью-Йорк таймс» появляется серия статей ее корреспондента в Сайгоне Дэвида Хэлберстама, в которых подвергался сомнению курс администрации Кеннеди в Южном Вьетнаме. По настоятельной рекомендации госдепартамента президент потребовал от газеты немедленного отзыва Хэлберстама из Сайгона. Стараясь успокоить американское общественное мнение, Кеннеди заявил конгрессу: «Дела режима Зьема и США идут неплохо», что явно не отвечало действительности.

К середине 1963 года в американской печати появляется все больше статей, в которых даются отличные от правительственных оценки положения в Южном Вьетнаме. Публикуются фотографии буддийских монахов, протестующих против режима Зьема публичным самосожжением.

Посол США в Сайгоне, ощутив приближение катастрофы, подает в отставку. Из американского посольства и резидентуры ЦРУ в Вашингтон одна за другой идут телеграммы о том, что Нго Динь Зьем перестает пользо-

ваться поддержкой даже в проамериканских кругах Сайгона.

21 августа 1963 года Джон Кеннеди созывает в Белом доме чрезвычайное совещание по вьетнамской проблеме. На этом совещании принимается решение отмежеваться от наиболее одиозных деяний режима Зьема. 23 августа государственный департамент опубликовал заявление, в котором говорилось, что «правительство Южного Вьетнама нарушило свои заверения о том, что оно проводит политику примирения с буддистами, и что США порицают репрессивные меры подобного типа» [II—13; с. 209].

Кеннеди направляет Зьему личное послание, в котором отмечает, что тот быстро теряет «поддержку общественности». Президент США требует от сайгонского режима «гибкой внутренней политики», предупреждая, что в противном случае Соединенным Штатам будет труднее осуществлять помощь Зьему.

Вскоре в Сайгоне появляется новый американский посол Генри Кэбот Лодж. Затем Кеннеди отзывает из Сайгона резидента ЦРУ, который был известен своими близкими отношениями с Зьемом. Лодж в секретных телеграммах убеждает Кеннеди в том, что для США было бы самым выгодным устранение Зьема.

За замену Зьема другой марионеткой выступило руководство госдепартамента, Аверелл Гарриман. Пентагон и руководство ЦРУ были против замены: они сомневались в возможности найти другого «сильного» лидера, который бы достаточно энергично вел военные действия.

Осенью 1963 года недовольство южновьетнамцев режимом Зьема достигло апогея. Группировка южновьетнамских военных смогла (не без помощи американцев) воспользоваться широким недовольством режимом, и он пал. Сам Зьем и его брат Нго Динь Нью были убиты.

Режим Зьема заменили «временным правительством», номинальной главой которого был назначен бывший вице-президент Нгуен Нгок Тхэ. «Национальная ассамблея» Южного Вьетнама распускалась, а действие конституции приостанавливалось. Одновременно из тюрем были выпущены многие буддисты, студенты и политические активисты, не входившие в НФО. По американскому определению, был образован «смешанный военно-гражданский кабинет», состав которого одобрили лидеры военного переворота.

Незадолго до образования этого «кабинета» президент Франции де Голль выступил с предложением о со-

здании нейтрального и независимого Вьетнама, которое тут же отверг государственный секретарь США Д. Раск на том основании, что это приведет к созданию «коммунистического Вьетнама» [III—11].

Новый марионеточный режим не только унаследовал все пороки своего предшественника, но во многом, особенно в коррупции и воровстве, превзошел его. Военные, опираясь на грубую силу, грабили народ Южного Вьетнама еще беззастенчивее.

Кеннеди все больше подвергает сомнению политику усиления американского военного вмешательства в Южном Вьетнаме. За несколько недель до гибели он, в частности, заявляет: «Мы можем помогать им, мы можем предоставлять им снаряжение, мы можем посылать туда своих людей в качестве военных советников, но выиграть войну они должны сами». Он все еще лелеял надежду на мифические силы, которые пошли бы за американскими интервентами.

В этой оценке президента наряду с демагогическими нотками были заметны определенные проблески более реалистического подхода к вьетнамской проблеме, чем у многих других видных представителей политической элиты США. Как показало дальнейшее, Кеннеди более трезво оценивал обстановку во Вьетнаме, чем его преемник Л. Джонсон. Это дало основание ряду американских историков сделать вывод о том, что, останься хозяином Белого дома Кеннеди, эскалация американской агрессии во Вьетнаме не была бы столь активной и эта проблема не отравила бы на многие годы атмосферу мировой политики. Однако остается фактом: Кеннеди не остановил постепенного сползания США к прямому участию в боевых действиях в Южном Вьетнаме, к применению военной силы против Демократической Республики Вьетнам, что особенно проявилось при администрации Л. Джонсона и Р. Никсона.

Накануне гибели Кеннеди в Южном Вьетнаме находилось 16 тыс. американских солдат и офицеров; туда было направлено огромное количество военной техники, боеприпасов и снаряжения; широко развертывалось строительство стратегических дорог, военных аэродромов, укрепленных пунктов.

В августе 1964 года, уже после гибели Кеннеди, правительство США спровоцировало акцию по обману американского общественного мнения — так называемый тонкинский инцидент, после чего по зловещему решению президента Джонсона был произведен авиационный

налет на военно-морские базы ДРВ. Началась широкая эскалация американской агрессии против вьетнамского народа. К концу 1965 года в Южном Вьетнаме присутствовало 175 тыс. американских военнослужащих, большинство из них входило в состав боевых частей. К этой цифре следует добавить еще 40 тыс. военных моряков на американских боевых кораблях, расположившихся вдоль береговой линии Южного Вьетнама [III—20, с. 167].

Глава XIII

АДМИНИСТРАЦИЯ КЕННЕДИ И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ

Мы уже ознакомились с рядом внешнеполитических шагов Кеннеди в отношении Кубы и Вьетнама. О чем они говорят?

Прежде всего о том, что и в период президентства Кеннеди американское правительство было не прочь прибегнуть к старой и испытанной политике «большой дубинки», которую еще в начале XX века проводил президент Теодор Рузвельт.

Но времена изменились, и старый метод стал все чаще давать осечку. На Плайя-Хирон наемники США были разгромлены. Во Вьетнаме США все глубже влезали в трясину антинародной войны, проводимой самыми преступными и варварскими средствами. Всеми этими неблагоприятными действиями руководил президент Кеннеди.

Вместе с тем, чувствуя бесперспективность использования исключительно военных методов, он пытался привнести в американскую внешнюю политику элементы гибкости. Это новое в подходе к международным отношениям не отражало какого-либо качественного изменения внешней политики США, но свидетельствовало о том, что ее старые доктрины не выдерживали испытания временем.

Непопулярность американской политики в отношении развивающихся стран глубоко беспокоила Кеннеди. Стремясь сделать провозглашенные им «новые рубежи» привлекательными для этих стран, Кеннеди попытался более убедительно, чем это делалось до него, представить США в качестве поборника экономического, социального и политического прогресса. Он хотел и сам выглядеть в глазах народов политическим деятелем, вы-

ступающим за реформы и демократию. По всему миру распространялась версия о том, что новый американский президент не одобряет тиранических режимов. Это был в основном тактический ход, с помощью которого Кеннеди стремился хоть немного сбить революционную волну в странах Азии, Африки и Латинской Америки, посеять иллюзии об изменении политического курса США.

Что касается реакционных правых режимов, то отношение к ним правительства Кеннеди строилось в зависимости от обстановки. Если это было выгодно правящим кругам США, то против того или иного диктаторского режима порой предпринимались демонстративные шаги, не столько действенные, сколько шумные.

Попытки представить США — капиталистического хищника, душителя социального прогресса в виде эдакого добряка дяди Сэма были, конечно, крайне неблагодарны. Здравомыслящие люди не могли не видеть, что реальность американской внешней политики состоит не в защите «свободы», а в том, чтобы в угоду монополиям Соединенных Штатов с помощью доллара и оружия поддерживать и насаждать самые реакционные режимы, предотвращать «опасные» социальные реформы.

Тем не менее Кеннеди начал активно заигрывать с правительствами ряда развивающихся стран. В Вашингтон приглашаются государственные деятели, с которыми во времена Джона Фостера Даллеса никто в американской столице и не подумал бы встречаться. Новый президент рассудил иначе.

Развивающиеся страны в начале 60-х годов начали играть все большую роль в международных отношениях, выступая с позиций нейтрализма и неприсоединения. Игнорировать неприсоединившиеся государства, считал Кеннеди, а тем более отталкивать их от США значило бы идти по неверному пути. Их надо было сохранить в орбите Запада, причем по возможности с применением «демократических», «гибких» методов.

Если отбросить в сторону показную оболочку политики Кеннеди в отношении развивающихся стран, станет совершенно ясно: администрация Кеннеди усиленно обхаживала правительства развивающихся стран до тех пор, пока, по мнению госдепартамента и ЦРУ, существовала «обоснованная надежда» на их отказ от прогрессивного курса развития своей экономики и перехода на некапиталистический путь. Как только такие надежды рассеивались, в ход пускались другие методы, которые США отнюдь не склонны были афишировать.

Видное место в деятельности администрации Кеннеди занимала лаосская проблема — один из первых острых международных вопросов, с которыми в самом начале президентства пришлось столкнуться Кеннеди. Надо сказать, что в этой проблеме президент разобрался лучше, чем во многих других. Здесь он проявил минимум здравого смысла, который способствовал тому, чтобы эта проблема не превратилась в угрозу международному миру. В отношении Лаоса президент встал на путь более реалистических действий, которые после его смерти были сведены на нет.

Кеннеди имел довольно значительный опыт в азиатских делах. Он не понаслышке судил о том, что происходит во многих странах Азии. Еще в 1951 году он посетил Лаос, Камбоджу и Вьетнам, входившие в состав «французского» Индокитая. Он лично убедился в том, что французским колонизаторам не удержаться на азиатской земле. Кеннеди считал, что Западу следует проводить политику в Азии более гибко, делать ставку в первую очередь не на военную силу, а на политические методы борьбы с национально-освободительным движением.

В этой оценке Кеннеди оказался дальновиднее многих американских дипломатов. Вместе с тем предлагавшиеся им «гибкие методы» преследовали прежнюю цель — ослабить, а затем и ликвидировать национально-освободительную борьбу народов Юго-Восточной Азии. Кеннеди склонялся в сторону использования не только в Азии, но и в Африке и в Латинской Америке неоколониалистских методов, отдавая им предпочтение перед старым классическим методом колонизаторов — голой военной силой.

Какое наследство досталось Кеннеди в Лаосе?

Как известно, еще в ноябре 1957 года представители национальных сил страны заключили Вьентьянские соглашения, предусматривавшие создание нейтрального Лаоса с коалиционным правительством во главе. Однако Вашингтон, грубо вмешиваясь во внутренние дела Лаоса, настаивал, чтобы в этой стране был создан прозападный, антикоммунистический режим. ЦРУ срочно подыскивало человека из числа лаотянцев, который согласился бы работать на правительство США. Наконец американская разведка разыскала его, правда не в Лаосе, а в Париже. Им оказался честолюбивый офицер Фуми Носаван. Вскоре этот «патриот» появился в Лаосе с американскими деньгами и оружием и консолидировал на определенное время все силы лаосской реакции. Глава коалиционного правительства принц Суванна Фума был вынужден поки-

нуть страну. Многие руководители Патет-Лао были схвачены и посажены в тюрьмы. В стране с новой силой вспыхнула гражданская война.

США стремились превратить Лаос в свою военную базу. Американские генералы подчеркивали военно-стратегическое значение Лаоса как бастиона антикоммунизма в Юго-Восточной Азии. По предложению Д. Ф. Даллеса в Лаосе под предлогом «защиты свободы» начала создаваться на американские деньги большая армия наемников. К 1960 году на нее было истрачено почти 300 млн. долларов. США, таким образом, открыто попирали дух Женевских соглашений, призывавших к нейтрализации бывших французских колоний.

Народ Лаоса бедствовал, экономика находилась в плачевном состоянии, а наемники прожигали американские подачки. Когда же прогрессивные силы Лаоса в целях самозащиты взялись за оружие, то подкармливаемый американцами военный сброд разбежался. Правительство США, «спасая положение», направило в соседний с Лаосом Таиланд 5 тыс. солдат американской морской пехоты.

На следующий день после инаугурации группа военных советников обрушила на голову нового президента целую лавину «фактов» о том, что Лаос вот-вот станет коммунистическим и, таким образом, «пойдут прахом» сотни миллионов долларов, затраченные США на то, чтобы превратить Лаос в своего сателлита.

Не проходило дня без того, чтобы на рабочий стол Кеннеди не ложилось очередное донесение об «опасном» развитии событий в Лаосе. Ставленники США терпели поражение.

Советники президента твердили, что Лаос можно спасти «силой», предлагая резко расширить рамки вмешательства США в лаосские дела. Так, на одном из заседаний Совета национальной безопасности генерал Лемнитцер заявил, что если военным дадут право использовать ядерное оружие, то они могут «гарантировать победу». Президент только молча посмотрел на генерала [II — 13; с. 242].

В американской печати появляется инспирированная военщиной критика нового президента. «Куда делась решимость Соединенных Штатов?», «Где же мужество Кеннеди?», «США подрывают веру в свои силы в Азии, во Вьетнаме» — таковы были лишь некоторые отравленные стрелы, вышущенные против политики умеренности в лаосских делах.

Далеко не все придерживались дикой точки зрения Лемнитцера. Даже ряд крупных военных не были уверены в том, что США следует открыто вмешиваться в конфликт в Лаосе. Для этого, как они считали, у них не имелось тогда достаточного количества наземных сил.

Кеннеди срочно вызывает в Вашингтон командующего силами США в районе Тихого океана адмирала Г. Фелта. 9 марта 1961 года адмирал в полной парадной форме предстал перед президентом, который устраивает ему обстоятельный допрос. В течение двух часов Фелт рассказывает президенту о том, что вооруженная Пентагоном «лаотянская армия» «не дерется совсем» или сражается «не так, как надо», а «лучшие ее офицеры» заняты не в военных действиях, а состоят в личной охране генерала Фуми Носавана. Кеннеди направляет Носавану разное послание, в котором призывает генерала активизировать военные действия против патриотических сил Лаоса. Никакого результата. Наемников продолжают бить.

Кеннеди кипит негодованием. В его представлении «борцы за свободу», к которым он причислял продажную клику Носавана, должны были уже давно преподнести ему крупный успех на международной арене, разгромив силы Патет-Лао. И все тщетно. «Будут ли лаотянцы бороться за свою страну?» — растерянно восклицает Кеннеди при ознакомлении с сообщением об очередном разгроме правых наемников. А однажды, упав духом, он вдруг заметил: «Ну и кашу заварило для меня правительство Эйзенхауэра...»

Кеннеди колебался в выборе двух возможных курсов действий в Лаосе. В первом случае предусматривалась посылка туда дополнительных американских военных частей, во втором — признание целесообразности превращения Лаоса в нейтральное государство. В течение ряда последующих месяцев в американской внешней политике шла борьба этих взаимоисключающих друг друга тенденций.

23 марта 1961 года Кеннеди, например, выступил с телеинтервью, в котором отдал дань как «нейтралитету Лаоса», так и «решимости» США защищать «безопасность свободного мира». Одновременно он встречается с министром иностранных дел СССР, высказываясь в пользу «независимого и нейтрального Лаоса».

Летом 1961 года после длительных переговоров в Женеве было наконец достигнуто соглашение по урегулированию лаосской проблемы. Похоже, что, если бы не

апрельское фиаско на Плайя-Хирон, правительство США могло бы и не пойти на подписание Женевских соглашений по Лаосу. Во всяком случае, 3 мая 1961 года Кеннеди заявил одному из своих помощников: «Если бы не Куба, мы могли бы стоять накануне вторжения в Лаос» [III—132; с. 339].

Правительство Кеннеди настойчиво добивалось от своих союзников безоговорочной поддержки любого курса американской политики в Лаосе. В первую очередь Кеннеди обратился за такой поддержкой к английскому премьер-министру Макмиллану. Последний вначале обещал Вашингтону только «моральную» поддержку. Но правительство США такой ответ не удовлетворил. Оно потребовало большего.

Кеннеди срочно вылетает во Флориду на встречу с английским премьер-министром. Находившийся с визитом на Бермудских островах Макмиллан также направляется туда. Встреча глав правительств США и Англии состоялась на американской военной базе Ки-Уэст. Главной целью Кеннеди было добиться от Макмиллана военной поддержки, в случае если бы Вашингтон решил осуществить в Лаосе военную интервенцию. Макмиллан отнюдь не обрадовался этому требованию Кеннеди. Тем не менее он согласился на участие английских сил в военной интервенции в Лаосе, если она будет признана «необходимой» [III—33; с. 544—545].

Не все, однако, поддались уговорам Кеннеди. Не успел самолет президента приземлиться в вашингтонском аэропорту, как французский посол в США Альфан вручил ему личное послание де Голля. Смысл послания не оставлял никаких сомнений: ни при каких обстоятельствах Франция не будет участвовать в военной интервенции в Лаосе. Кеннеди давали хороший совет — не идти на военную авантюру. Однако он продолжал колебаться, хотя все больше склонялся к тому, что при сложившихся обстоятельствах США лучше не ввязываться в новый военный конфликт в Азии.

Дальнейшее развитие событий хорошо известно. На встрече в Вене американское правительство было вынуждено согласиться с идеей нейтрализации Лаоса. Большую роль в этом сыграла твердая позиция Советского Союза, неоднократно заявлявшего, что патриотические силы Лаоса не одиноки, что их поддерживают социалистические страны.

16 мая 1961 года в Женеве открылось совещание по лаосскому вопросу, которое продолжалось с перерывами

по 23 июля 1962 года. Делегациям СССР и других социалистических стран удалось по большинству основных компонентов лаосского вопроса добиться взаимопонимания с нейтралистскими государствами. Это способствовало тому, что США и их союзники в конечном счете согласились с главными положениями советского проекта соглашения. Женевским совещанием была одобрена декларация по Лаосу, которая призывала все государства уважать и соблюдать «суверенитет, независимость и нейтралитет, единство и территориальную целостность королевства Лаос», не вмешиваться в его дела и не втягивать ни в какие военные соглашения. Декларацией также предусматривался вывод иностранных войск и обслуживающего их персонала. Контроль за соблюдением соглашений возлагался на международную комиссию из представителей Польши, Индии и Канады [II — 23; с. 294 — 295].

Относительно осторожной политики придерживался Кеннеди в Африке. В развивающихся странах этого района мира он особенно широко использовал изоциренные неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИЕ методы. Вместе с тем, как показала трагедия Конго, Вашингтон не собирался отказываться и от политики вооруженного вмешательства.

Кеннеди не скрывал своего особого интереса к Африке. Он считал, что этот континент плохо «осваивается» американской дипломатией и бизнесменами.

Причин для недовольства президента позициями США в Африке было более чем достаточно. Ход мировой истории сложился таким образом, что к дележу империалистическими странами «черного континента» американский империализм опоздал и был вынужден довольствоваться лишь остатками «пирога», который почти целиком «съели» преуспевшие на поприще колониальной политики Англия, Франция, Германия, Бельгия, Испания и Португалия.

Победа Советского Союза над ударными силами реакции во второй мировой войне дала сильнейший толчок развитию национально-освободительного движения. Всколыхнулась и Африка. Не по милости колонизаторов, а по воле народов, поддерживаемых социалистическими странами, начала рушиться колониальная тюрьма в Африке.

Для того чтобы не оказаться полностью смытыми с африканской земли, колонизаторы во многих африканских странах были вынуждены потесниться, а иногда и отступить. Первыми подали пример английские коло-

низаторы. За ними последовал черед французских и бельгийских. Влияние европейских стран в Африке значительно упало. В этой ситуации ряд видных американских политических деятелей стали требовать более активного вмешательства США в африканские дела. Среди этих политиков был и Кеннеди.

Подход этих людей к африканским проблемам был довольно прост. Если западноевропейские коллеги не в силах держать Африку в достаточно строгой узде, то американцам необходимо им «помочь», или, иными словами, заменить. Откровенно смаковалась возможность превращения Африки в полуколонию США. Достичь этого американские империалисты надеялись с помощью самых изощренных методов. Такая политика вскоре получила вполне оправданное название — неокOLONиализм.

С помощью неокOLONиализма американские капиталисты надеялись не только подчинить себе Африку экономически, но и не допустить ее развития по пути социализма. Собственно говоря, в этом прежде всего и состояли цели политики правительства Кеннеди на африканской земле. Вместе с тем его тактика значительно отличалась от тактики правительства Эйзенхауэра.

К началу своего президентства Кеннеди накопил значительный опыт по африканским делам. В сенате США мало кто уделял столько внимания Африке, как Кеннеди. Пожалуй, наибольшую известность в этой области ему принесла речь о положении в Алжире, которую он произнес в сенате в июле 1957 года.

Над этой речью Кеннеди трудился несколько месяцев. Большую помощь в работе над ней ему оказал высокопоставленный сотрудник госдепартамента США Вильям Портер. Кеннеди приходит к выводу, что военно-колониальная политика Франции в Алжире ведет к ослаблению влияния Запада во всей Африке. Он ставит в сенате США вопрос так: если французское правительство не предоставит независимости Алжиру, то с влиянием Запада в Северной Африке будет покончено. Эта речь произвела в Вашингтоне и Париже впечатление разорвавшейся бомбы. В момент, когда власти США отказывались даже встречаться с представителями Фронта национального освобождения Алжира (ФНО) (государственный секретарь Гертер не хотел их принимать вплоть до 1960 года), Кеннеди, по сути дела, объявил, что ФНО является хозяином в своем доме! На Джона со всех сторон посыпались упреки. С резкой критикой Кеннеди выступил государственный секретарь при Трумэне Дин Ачесон.

Кеннеди обвинили в «подрыве НАТО», и его «алжирская речь» еще долго считалась «верхом безответственности» в международных делах. Вместе с тем благодаря этой речи Кеннеди снискал довольно широкую известность не только в Западной Европе, но и в Африке.

О большом внимании, которое Кеннеди уделял Африке, можно судить и по следующим фактам. В течение длительного времени он являлся председателем подкомитета по делам Африки сенатского комитета по иностранным делам. Он неоднократно выступал по африканским делам и во время своей президентской избирательной кампании. Подсчитано, что только в 1960 году Кеннеди 479 раз затрагивал тему Африки. Он без устали повторял, что Запад теряет в Африке свое влияние и что США надо бороться за нее. Еще до своего вступления на пост президента Кеннеди направляет в страны Западной и Центральной Африки со специальной миссией известного политического деятеля Аверелла Гарримана.

Перестройку американской внешней политики в Африке Кеннеди начал с людей. Он привлек на эту работу сравнительно молодых и энергичных политиков. Его первым шагом было утверждение бывшего губернатора штата Мичиган Уильямса помощником государственного секретаря по африканским делам. Заместителем Уильямса он назначил сотрудника Фонда Форда Вайна Фредерикса, за плечами которого был большой опыт деловых связей с африканскими странами.

Немалые усилия предпринял президент и для того, чтобы не допустить на многочисленные новые дипломатические посты в африканских странах старых работников госдепартамента, представлявших ему малоинициативными и догматичными. Кеннеди считал, что ведущие кадры американских дипломатов в Африке следует вербовать не из высшего, а из среднего, более молодого звена работников госдепартамента, а также из числа наиболее способных журналистов и ученых. В Африке, не уставал повторять он своему окружению, работать куда сложнее, чем в Европе. Там не выкрутишься из сложной ситуации с помощью телефона и может оказаться необходимым немедленно действовать на свой страх и риск.

За время президентства Кеннеди состав американских послов в африканских странах значительно обновился. Во многие из них были направлены новые люди, в том числе и весьма далекие от госдепартамента. В такие важные, по его мнению, страны, как Гвинея и Эфиопия,

Кеннеди назначил послами известных журналистов У. Эттвуда и Э. Корри, а послом в Египет направил ученого Д. Баде.

В 1961 году была в значительной мере расширена американская дипломатическая служба в Африке. В госдепартаменте появились новые африканские отделы. В качестве правительственных гостей в США приглашаются многочисленные африканские делегации. В 1961 году США посещают руководители 11 стран Африки, в 1962 году — 10 стран. Развитие личных контактов с руководителями молодых африканских государств Кеннеди считал наиболее эффективным методом активизации американской внешней политики в Африке. С помощью «личной дипломатии» он стремился добиться повышения в Африке престижа США. Во время встреч и бесед с африканскими политическими деятелями он говорил о «понимании африканских проблем». На первых порах эти высказывания кое-кто из африканцев принял за чистую монету. Между тем дипломатия США все шире использовала неокOLONиалистские методы для того, чтобы фактически сохранить на африканской земле старые порядки.

Кеннеди направляет в Африку со специальными миссиями кроме А. Гарримана своего брата Эдварда, сенаторов, конгрессменов. 15 февраля 1961 года в длительную поездку по африканским странам отправился заместитель государственного секретаря Уильямс. На его миссию возлагалась нелегкая задача — убедить руководителей молодых стран Африки, что отныне США будут строить с ними политические и экономические отношения «по-новому».

Политические деятели Соединенных Штатов ехали в Африку прежде всего как посланцы делового мира. Они всюду добивались более благоприятных условий для американских частных вкладчиков капитала. В США в августе 1961 года создается Афро-американская ассоциация торговли и развития. К концу 1961 года в Африке оперировало уже более 220 американских компаний. Однако объем американских капиталовложений в экономику африканских стран к концу 1961 года составил примерно 1,1 млрд. долларов, или менее 4% всех прямых зарубежных американских частных инвестиций.

В то же время темпы роста американских капиталовложений в Африке в 1961 году превысили средние темпы роста американских зарубежных инвестиций. В английских правящих кругах новая тактика Вашингто-

на по обхаживанию молодых африканских государств вызвала озлобление, так как в ней английские колонизаторы усматривали намерение американского соперника вытеснить их из Африки.

Правительство Кеннеди усердно маскировало империалистический характер своей африканской политики. Если администрация Эйзенхауэра более или менее открыто поддерживала в ООН европейских колонизаторов, то с приходом Кеннеди в Белый дом поведение американских представителей претерпело изменения.

США время от времени стали по целому ряду вопросов поступаться интересами некоторых своих союзников по НАТО, в частности Португалии и Бельгии, чтобы создать видимость борьбы против колониализма. Ведь последнее являлось составной частью политики «новых рубежей».

Однако на деле США в основном по-прежнему помогали своим союзникам по НАТО бороться с национально-освободительным движением в Африке.

Вместе с тем Вашингтон упорно стремился использовать некоторое ослабление позиций европейских колониальных держав в Африке. Правительство Кеннеди уделяло пристальное внимание внедрению американского монополистического капитала в Конго, намереваясь потеснить там бельгийцев и англичан. Значительно активизировали свои усилия США и в таких странах, как Эфиопия, Ливия, Марокко и Тунис. Только в Ливии оперировало 14 американских компаний, многие из них входили в сферу интересов группировки Рокфеллеров.

В Тропической Африке Соединенные Штаты особенно активно обхаживали Нигерию, используя прозападную ориентацию правительства Балевы. Администрация Кеннеди начала активнее, чем это делали до нее, использовать рычаг экономической «помощи» для проникновения в страны Тропической Африки. В 1961 году она увеличила ассигнования на экономическую «помощь» странам этого района по сравнению с 1960 годом в 4 раза. Экономическая «помощь» США Африке в 1963 году превысила 526 млн. долларов; из них 75 млн. долларов составила военная «помощь», которая в основном предоставлялась следующим странам: Конго (Киншаса), Эфиопия, Либерия, Ливия, Марокко, Нигерия, Сенегал и Тунис.

С целью укрепления позиций США в развивающихся странах и для идеологической обработки их населения в марте 1961 года был создан «Корпус мира». (К середине 1963 года число «добровольцев» корпуса в Африке со-

ставило 1500 человек.) На июль 1966 года в африканских контингентах корпуса насчитывалось уже 4670 человек. Большую работу в этом направлении проводила и американская правительственная служба пропаганды — ЮСИА.

Таким образом, для периода президентства Кеннеди была характерна резкая активизация американской внешней политики в Африке. Ее задачи состояли в том, чтобы попытаться ослабить на этом континенте влияние социалистических идей, потеснить империалистических конкурентов США и создать на африканской земле прочные плацдармы для дальнейшего расширения позиций американского капитализма.

«Новые рубежи» не изменили, конечно, сущности африканской политики США. Это было видно хотя бы на примере американо-португальских отношений.

Союзник США по НАТО — салазаровская Португалия превратила Анголу в огромный концентрационный лагерь, творила массовые расправы над африканцами, требовавшими свободы и независимости. А что же правительство Кеннеди? Оно отмалчивалось до тех пор, пока в ООН усилиями развивающихся и социалистических стран не была поставлена на голосование резолюция, требовавшая «принять меры для охраны прав и свобод» жителей Анголы. За резолюцию проголосовали 78 членов ООН.

К ним присоединил свой голос и американский представитель Эдлай Стивенсон, которого, как утверждают, «привели в ужас» сообщения о казнях. Позднее он даже голосовал за порицание Португалии [III—126]. На представителей некоторых развивающихся стран этот жест правительства Кеннеди в ООН произвел определенный эффект, но ненадолго.

И в этом вопросе решающее слово сказал Пентагон. Американская военщина была заинтересована в базах, которые предоставил ей Салазар. Стоило последнему намекнуть, что Португалия может пересмотреть вопрос об американской аренде баз на ее территории, как правительство США дало задний ход. Кеннеди отказался даже от какой-либо видимости поддержки ангольского народа в борьбе против португальских колонизаторов. США, как и раньше, продолжали снабжать Португалию оружием, в том числе напалмовыми бомбами, которые пускались в ход против ангольского народа.

Империалистические цели политики правительства Кеннеди в Африке особенно ярко проявлялись в наибо-

лее острых ситуациях, как это, например, случилось в Конго (Киншаса).

Трагедия Конго началась при правительстве Эйзенхауэра. Однако Кеннеди явился не только наследником этой политики, но и ее активным продолжателем. Известно признание одного из ближайших помощников Кеннеди, Соренсена, о том, что «политика Кеннеди в Конго в основном являлась продолжением политики Эйзенхауэра» [III—139; с. 635—636].

Отметим, что инспирированные империалистами события в Конго разыгрались в период предвыборной президентской кампании в США. Вмешательство стран НАТО в дела этой африканской страны достигло своего апогея в те дни, когда Эйзенхауэр сдавал дела Кеннеди.

Правительство Эйзенхауэра стремилось расправиться с законным правительством Конго и урвать кусок побольше у своих бельгийских и английских конкурентов. Именно эту линию проводил затем в Конго и Кеннеди. Правительство США боялось превращения Конго в подлинно независимое государство. Американские правящие круги с нескрываемым подозрением относились к дружественным отношениям, установившимся между правительством Конго и социалистическими странами.

Об убийстве Патриса Лумумбы мировая общественность узнала 13 февраля 1961 года. А 15 февраля Кеннеди выступил на пресс-конференции с лицемерным заявлением, в котором сказал, что США выступают «против вмешательства» любой страны во внутренние дела Конго. К февралю 1961 года именно из-за грубого вмешательства США в дела Конго было устранено законное правительство этой страны.

После убийства Патриса Лумумбы правительство Кеннеди сделало ставку на «план Стивенсона». Целью этого плана было не урегулирование конголезского кризиса, а изоляция правительства последователя Лумумбы Антуана Гизенги. В «плане Стивенсона» отразилась и острая борьба за Конго между США, Бельгией и Англией. Стивенсон потребовал «установления контроля» над Чомбе, правителем отколовшейся от Конго богатейшей провинции Катанга. (Между тем контроль над Чомбе был, но не американский, а бельгийский.) Американский план был оформлен в ООН от имени генерального секретаря Д. Хаммаршельда. «План Стивенсона» и «проект Хаммаршельда» являлись близнецами, так как и тот и другой зародились в недрах госдепартамента США. Оба они преследовали цель установления над Конго опе-

ки ООН, что в конкретной обстановке тех дней означало фактическую передачу этой страны на откуп США.

Сложность и противоречивость положения в Конго получили свое отражение и в ряде резолюций ООН. Так, например, резолюция Совета Безопасности, принятая 21 февраля 1961 года, требовала «немедленного вывода и эвакуации из Конго всего бельгийского и другого иностранного военного и полувоенного персонала» [III—125]. Такой поворот событий не устраивал бельгийских колонизаторов. От них требовали убраться из Конго их же союзники по НАТО!

Вскоре начались инспирированные США военные действия войск ООН против Чомбе, что не на шутку встревожило Брюссель и Лондон. В этот период американская дипломатия ведет сложное маневрирование, направленное против конголезских патриотических сил.

В августе 1961 года Кеннеди назначил послом США в Конго Эдмунда Галлиона. Взгляды нового посла на положение в этой стране не отличались оригинальностью. В действиях патриотических сил в Конго он усмотрел «коммунистическую опасность». Галлион докладывал Кеннеди, что в случае развала Конго на части «коммунисты приберут к своим рукам большую часть кусков». По мнению Галлиона, в случае отделения Катанги распад Конго станет неизбежным. Посол предлагал перейти к решительным мерам, чтобы «спасти положение».

В госдепартаменте к планам Галлиона отнеслись без энтузиазма, считая, что слишком нахрапистая политика США в Конго, и особенно в Катанге, способна расшатать НАТО. Той же точки зрения придерживался и А. Гарриман, встретившийся с Чомбе в Женеве. Государственный секретарь Раск относился к проблеме Конго с «мрачной подозрительностью», считая, что обстановка там слишком неясна.

После некоторых колебаний Кеннеди все же поддерживает план Галлиона: США были намерены продолжать действовать в Конго, прикрываясь ширмой ООН. Было решено активизировать борьбу с Гизенгой и его сторонниками. 16 ноября 1961 года Э. Стивенсон откровенно заявил, что вопрос о положении в Восточной провинции «более серьезен, чем вопрос об отделении Катанги» [III—37; с. 1061—1063].

В последние месяцы 1961 года США заняли более решительную позицию в отношении Чомбе, стремясь после укрепления своего леопольдвильского тыла заставить

ставленника бельгийцев быть более сговорчивым. В этих целях войска ООН 5 декабря начали новую операцию против режима Чомбе в Катанге.

Политика Кеннеди в отношении Катанги вызвала новый приступ гнева в Брюсселе и Лондоне. С резкой критикой американских действий выступил министр иностранных дел Великобритании лорд Хьюм. На срочно созванном в Париже совещании министров иностранных дел стран НАТО по конголезскому вопросу союзники бросали в адрес друг друга весьма не лестные выражения. Однако для США Конго представляло настолько лакомый кусок, что даже неодобрение их действий союзниками по НАТО не изменило основного курса американской политики.

Угрозы Вашингтона вскоре произвели определенное впечатление на Чомбе. 21 декабря 1961 года было подписано так называемое «китонское соглашение», в котором Чомбе «признавал» власть правительства Леопольдвилля над всей территорией Конго. По существу же «китонское соглашение» было принято Чомбе лишь на словах. Об этом и информировал Кеннеди Галлион, сообщив, что Чомбе «стремится выиграть время» и «не будет придерживаться соглашения». И действительно, Чомбе, чувствуя за своей спиной сильную поддержку Бельгии и Англии, начал саботировать «китонское соглашение».

В течение последующих месяцев усилия администрации Кеннеди были направлены на смягчение противоречий в НАТО по вопросу о Конго. Летом 1962 года американские, английские и бельгийские представители совместными усилиями вырабатывали новый план «объединения Конго». Но если новый «совместный план» и был формально выработан, то секретные инструкции для Чомбе из западноевропейских столиц явно отличались от «советов» Вашингтона. Чомбе на словах обещал выполнять «согласованный план», а на деле игнорировал его. В начале ноября правительство США направляет к Чомбе в качестве специального эмиссара Кеннеди Д. Макги. Он запугивает Чомбе «военной конфронтацией». Чомбе, однако, продолжал затягивать переговоры.

Кеннеди, зная, кто стоит за спиной руководителя катангских сепаратистов, решил провести встречу с премьер-министром Бельгии Спааком. 27 ноября 1962 года эта встреча состоялась, а за ней последовала целая серия других. Однако их итоги были малоутешительны для США. Все говорило о том, что бельгийцы тянули время,

вместе с тем усиливая армию своих наемников в Катанге. В этом им активно содействовали Лондон и южноафриканские расисты. Похоже было, что в Конго в течение всего 1962 года назревала еще более серьезная схватка между соперничающими монополистическими группировками США, с одной стороны, и Бельгией, Англией, ЮАР и их наемниками в Катанге — с другой [II—25; с. 126—127].

Как свидетельствует Шлезингер, в декабре 1962 года «в Белом доме царил напряженная атмосфера». Кеннеди получил от Галлиона настойчивую просьбу применить силу в Катанге. Только это, считал американский посол, поможет закрепить в Конго влияние США, которое в противном случае исчезнет. Кеннеди соглашается с Галлионом.

Вместе с тем Кеннеди думает о том, как смягчить недовольство Лондона и Брюсселя своими действиями. С этой целью он 18 декабря 1962 года встречается в Нассау (Багамские острова) с Макмилланом. Обострившиеся противоречия империалистических держав в Конго, так же как и вопрос о судьбе так называемых «независимых» ядерных сил Англии, явились главной темой переговоров молодого президента и престарелого премьер-министра. Одновременно Кеннеди срочно направил в Брюссель заместителя государственного секретаря Макги. В ходе всех этих переговоров была достигнута договоренность о «справедливом» разделе доходов в Конго. До поры до времени острота обстановки в этой стране несколько смягчилась. Но конечно, империалистическая борьба за Катангу далеко не закончилась.

В Латинской Америке президент Кеннеди также пытался совместить неоколониалистские методы и старые империалистические цели Вашингтона.

Основным средством, с помощью которого правительство Кеннеди решило поправить дела США в Латинской Америке, стал так называемый «Союз ради прогресса» — десятилетняя программа социального и экономического «развития» Латинской Америки, которую американская пропаганда окрестила латиноамериканским «планом Маршалла». Идея «Союза ради прогресса» была выдвинута Кеннеди 13 марта 1961 года. Американская дипломатия развила бурную деятельность, стремясь достичь быстрее одобрения странами Латинской Америки этого плана. Форсировать официальное оформление программы «Союза ради прогресса» прави-

тельство США заставил, в частности, провал апрельской авантюры против Кубы.

В августе 1961 года в уругвайском городке Пунта-дель-Эсте проходила специальная сессия Экономического и социального совета Организации американских государств. Она приняла заявление об общих принципах «Союза ради прогресса», а также «Хартию Пунта-дель-Эсте». В этих документах и были изложены цели «Союза ради прогресса» и программа его деятельности [III — 6; с. 1—24]. В чем она заключалась?

Прежде всего народам стран Латинской Америки фактически предлагалось не спешить с социально-экономическими преобразованиями. Кеннеди считал, что предложенная его правительством программа поможет приглушить, а затем и полностью свернуть в Латинской Америке национально-освободительную борьбу, снизить влияние революционного примера Кубы. В конечном счете программа преследовала цель сохранения и усиления влияния США в Латинской Америке. Для этого последней протягивался «пряник».

Согласно программе «Союза ради прогресса», правительство Кеннеди обещало предоставлять Латинской Америке в течение десяти лет около 2 млрд. долларов ежегодно, из них 1,1 млрд. долларов — по правительственной линии и 900 млн. долларов — с помощью американских и западноевропейских частных капиталовложений, а также займов международных организаций. При ОАГ учреждался специальный «комитет экспертов», которому правительства всех латиноамериканских стран должны были представлять свои долгосрочные планы «экономического и социального развития». В функции «комитета экспертов», где господствовали США, входило одобрять или отклонять тот или иной план, выделять или не давать для него соответствующих ассигнований в рамках «Союза ради прогресса». Путем частичных земельных, налоговых и других реформ, которые ликвидировали бы наиболее вопиющие социальные анахронизмы, США стремились ослабить национально-освободительное движение, сделать более стабильной ситуацию в Латинской Америке. Но и такая весьма осторожная «тактика пряника» президента Кеннеди не имела широкой поддержки в американских правящих кругах. Многие влиятельные лица в Вашингтоне считали, что США следует опираться в Латинской Америке, как и прежде, на феодально-землевладельческую олигархию и компрадорскую буржуазию, а также на

старые, испытанные средства политического и военного давления. Что касается Кеннеди, то, не отказываясь от этих средств во внешней политике, он считал, что в дополнение к старым нужны и новые методы закрепления господства США в Латинской Америке. «Союз ради прогресса» и рассматривался им как такое средство.

Программа «Союза ради прогресса» не решила ни одной коренной проблемы Латинской Америки. Ее экономика оставалась под контролем американского капитала, страны этого района сохраняли положение сырьевых придатков американских монополий. «Союз ради прогресса» предусматривал некоторое увеличение американской «помощи» странам Латинской Америки, что сулило им еще большее закабаление от могущественного северного соседа.

Для популяризации американской внешней политики в странах Латинской Америки и особенно для восхваления «Союза ради прогресса» Кеннеди в декабре 1961 года совершает широко разрекламированную поездку в Венесуэлу и Колумбию. Выбор был не случаен. Правительства этих стран наиболее охотно шли навстречу требованиям программы «Союза ради прогресса». В этих странах были велики и интересы американского частного капитала: в Венесуэле было 3 млрд. долларов и в Колумбии — свыше 400 млн. долларов американских частных капиталовложений.

Во время своего вояжа в Венесуэлу и Колумбию Кеннеди не только расхваливал «Союз ради прогресса», но и сделал немало антикоммунистических и антикубинских заявлений [III—39; с. 355].

Таким образом, если говорить в целом о политике Кеннеди в Латинской Америке, то она основывалась на стремлении, во-первых, ликвидировать революционные завоевания на Кубе и, во-вторых, сохранить и укрепить позиции американского монополистического капитала в латиноамериканских странах с помощью «Союза ради прогресса».

Первой цели Кеннеди, как известно, достигнуть не удалось, хотя он использовал для этого самые различные методы, начиная военным вторжением и кончая экономической блокадой острова Свободы.

Программа «Союза ради прогресса» также не принесла ожидаемых результатов. В странах Латинской Америки метко называли эту программу: «Союз есть, прогресса нет». Дела правительства Кеннеди резко расходились

с его словами о поддержке «демократии» в Латинской Америке. В 1963 году правительство США немало сделало для подавления прогрессивных сил в Центральной Америке, отказывалось удовлетворить требования правительства Панамы о пересмотре несправедливых условий соглашений о зоне Панамского канала, вело происки против Бразилии, во внешней политике которой усиливались нейтралистские тенденции.

Объявляя о поддержке конституционных латиноамериканских правительств, Кеннеди и не думал силой противостоять «гориллам», которые свергали эти правительства. В этом отношении контраст между словами и делами президента оказался особенно разительным. Его не могли замаскировать ни дежурные заявления представителей госдепартамента США о том, что они «сожалеют» о судьбе того или иного латиноамериканского правительства, ни временные полумеры экономического характера, к которым правительство Кеннеди порой прибегало для того, чтобы создать видимость недовольства действиями реакционных военных. Все знали, что пройдет два-три месяца, если не меньше, и все встанет на свое место: новая латиноамериканская «горилла» с легкой руки американской пропаганды превратится в «борца за демократию», которого обстоятельства вынудили взяться за оружие, чтобы «противостоять коммунизму».

В качестве примера можно сослаться на Перу. В 1962 году в Перу состоялись всеобщие выборы, которые должны были привести к созданию конституционного правительства. Так как ни одна из партий, поддерживаемых США, не получила подавляющего большинства голосов, а влияние прогрессивных сил продолжало быстро расти, из Вашингтона была дана соответствующая команда.

Армия поставила у власти генерала Рикардо Годоя. Для этой цели были использованы полученные ранее американские танки и персонал, обученный в США. Затем начался второй акт спектакля. Президент Кеннеди разорвал дипломатические отношения с Перу и даже, как объявили, прекратил ей военную «помощь». Однако ровно через месяц дипломатические отношения были восстановлены. Правительство США предоставило режиму генерала Годоя около 30 млн. долларов в виде «помощи», а Экспортно-импортный банк отвалил ему еще 36,9 млн. долларов в виде займов. Теперь американские монополии в спокойной для себя обстановке могли обдумывать планы дальнейшего продвижения Перу «по пути демократии».

Подобного рода примеров можно было бы привести немало. Местным реакционерам удалось в 1962—1963 годах с помощью правительства Кеннеди подавить вооруженные выступления народов Эквадора, Парагвая.

В Бразилии была установлена военная диктатура. Латино-американские «гориллы» распоясались и во многих других странах. И все же главной цели — сбить волну революционной борьбы латиноамериканцев за свободу и справедливость — США осуществить не удалось. Уже в 1964 году усиливается революционная борьба в Колумбии и Венесуэле.

Глава XIV

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

С точки зрения экономического развития Соединенных Штатов 60-е годы были одними из наиболее благоприятных для этой страны. Такое положение было достигнуто в результате широкомасштабного внедрения в промышленное производство и сельское хозяйство разнообразных достижений научно-технической революции. Быстрыми темпами развивалась электроника (в первую очередь производство электронно-вычислительной техники), электротехническая и химическая промышленность, авиакосмическая индустрия, строительство и ряд других отраслей. Расширялась сфера услуг, которая поглощала рабочую силу, не находившую себе применения в промышленности и сельском хозяйстве.

Еще накануне предвыборной кампании 1960 года в США развернулась острая дискуссия о роли государства в экономической жизни страны. Значительная часть монополистов и политических деятелей считали, что экономическую роль государства нужно еще более расширить, что правительство должно взять на себя ответственность за обеспечение высоких темпов роста экономики, за создание высокого уровня занятости и сохранение стабильных цен. Корпорациям при этом предлагалось активно сотрудничать с правительством, признавая руководящую роль государства в экономике; осуществление такого курса должно было приносить корпорациям более высокие прибыли, создавать надежные, стабильные условия для капиталовложений [II—52; с. 70].

Подобные идеи нашли свое отражение, в частности, в рассматривавшемся выше докладе группы предприни-

мателей, исследователей, политических деятелей во главе с Нельсоном Рокфеллером; эти идеи во многом перекликались и с положениями предвыборных выступлений Джона Кеннеди. В выступлениях Н. Рокфеллера и Дж. Кеннеди в пользу расширения государственного вмешательства в экономику и в социальную сферу много внимания уделялось необходимости ответить на «советский вызов». Они были убеждены, что без самых энергичных и крупномасштабных государственных мер США не могут далее эффективно соревноваться с Советским Союзом в экономике, в социальном развитии общества, а также в военной области. Расширение государственного вмешательства в социально-экономические процессы подразумевало наращивание вооруженных сил США, как обычных, так и ядерных, рост военных расходов.

Следует отметить, что концепции усиления экономической, а тем более социально-экономической роли государства отнюдь не абсолютно господствовали среди американских предпринимателей и политических деятелей. У этих концепций было немало противников, которые утверждали: увеличение государственного вмешательства в экономику ведет к ограничению «свободного предпринимательства», «ущемляет» личную свободу, «грозит» Соединенным Штатам «введением социализма». Основой американских достижений в экономике, говорили они, является «свободная конкуренция», увеличение же государственного вмешательства в конечном счете приведет к ограничению «свободной конкуренции», следствием чего будет снижение темпов экономического роста.

Одним из главных противников усиления роли государства в экономике и социальной сфере в этот период был сенатор от Аризоны Барри Голдуотер, поддерживаемый многими предпринимателями Запада и Юга Соединенных Штатов. Шаг за шагом он укреплял свои позиции в республиканской партии, готовясь к фронтальной атаке на администрацию Джона Кеннеди на выборах 1964 года.

Выступая с жестких антикоммунистических позиций по вопросам внешней политики, Б. Голдуотер в то же время придерживался более осторожного подхода к росту военных расходов, к одновременному наращиванию и обычных и ядерных сил. Такой подход объяснялся прежде всего экономическими, бюджетно-финансовыми соображениями, поскольку невозможно осуществить быстрое наращивание американской военной мощи без увеличения дефицита федерального бюджета; последнее

же было анафемой для американских консерваторов многие годы. В этой связи консерваторы (в основном в рамках республиканской партии) придерживались концепции «дешевой обороны», означавшей на практике упование на ядерное оружие в качестве основного средства «сдерживания коммунистической экспансии».

Стратегия социального реформизма, которую избрала администрация Дж. Кеннеди и в значительной мере продолжила администрация Л. Джонсона, в основном складывалась на базе относительно высоких темпов экономического роста, интенсивного использования достижений научно-технической революции.

По мнению ближайших советников Джона, наиболее острой социальной проблемой Америки, большого политического звучания, стал негритянский вопрос.

Сложившаяся в США система расовой дискриминации и сегрегации черных просуществовала почти без изменений до конца второй мировой войны. Ее практически не коснулись реформистские мероприятия рузвельтовского «нового курса». На Юге и в отдельных штатах других регионов страны расовая дискриминация была юридически оформлена в виде законов штатов и постановлений местных властей; во многих случаях она существовала де-факто на основе молчаливого согласия местных предпринимателей и политических кругов без какого-либо правового обоснования [II—10; с. 20].

Расовая дискриминация во многом способствовала возникновению и закреплению значительного разрыва в социально-экономическом положении между белыми американцами и негритянским населением Соединенных Штатов. В подавляющем большинстве черные выполняли самую тяжелую, неквалифицированную работу с минимальным уровнем заработной платы. Так, по данным переписи 1950 года, негры составляли 9 % всего самостоятельного населения США; при этом они давали более 25 % всех неквалифицированных рабочих, около 21 % сельскохозяйственных (в основном сезонных) рабочих, 47,5 % домашней прислуги. Лишь 3,6 % мастеров и квалифицированных рабочих были неграми, а среди конторских работников они составляли 2,6 % [III—154].

Вплоть до начала 50-х годов федеральные власти предпочитали не иметь дела с негритянской проблемой, оставляя ее в ведении властей штатов.

Вся совокупность причин, определявших в предыдущие десятилетия заинтересованность американской буржуазии в угнетении негров, продолжала действовать

и после второй мировой войны. Борьба негритянского народа за свои права приняла такой размах и такие острые формы, что превратилась в один из факторов, расшатывающих устои буржуазного общества; эта борьба привела на рубеже 50-х и 60-х годов к обострению социально-политической обстановки в США. Особую тревогу у правящих кругов вызывали процессы радикализации негритянских масс: у черных в Америке росла не только решимость добиваться полного искоренения расизма, но и разочарование в самой социальной системе США [II—11; с. 21—22].

В послевоенные годы произошли существенные демографические изменения среди черного населения. Миграция негров преимущественно шла в двух направлениях: из сельской местности в крупные города и из районов Юга на Север и на Запад. Ускорение механизации сельского хозяйства, его интенсификация привели к массовому разорению фермеров и арендаторов, к резкому сокращению численности неквалифицированной наемной рабочей силы. Из сферы сельскохозяйственного производства были в относительно сжатые исторические сроки выкинуты многие миллионы рабочих, среди которых значительную долю составляли черные.

Основной поток негритянской миграции устремился в первую очередь в крупнейшие города страны. Движение негров с Юга происходило в трех основных направлениях: вдоль Атлантического океана в сторону Бостона, от Миссисипи в сторону Чикаго и из Техаса и Луизианы в сторону Калифорнии. Хотя и в 60-х годах половина негров проживала на Юге, они уже расселились практически по всей стране. Удельный вес черных в населении всех районов страны, за исключением Юга, возрос. Тем самым негритянская проблема из специфически южной, региональной после второй мировой войны превратилась в общенациональную.

Немаловажные процессы происходили и внутри больших городов. Увеличивалась концентрация черного населения в городских центрах, в то время как значительная часть белых горожан расселялась в пригородах. С 1950 по 1960 год негритянское население десяти крупнейших городов Соединенных Штатов возросло на 1,8 млн. человек (на 58%), а белое сократилось на 1,5 млн. человек. Перенаселенность негритянских гетто с их трущобами, антисанитарией, с минимальным уровнем коммунального обслуживания, запущенными школами вела к ухудшению условий жизни значительной части их обитателей.

В то же время концентрация огромных масс черного населения в изолированных районах гетто усиливала чувство общности судьбы, вела к росту их самосознания, принимавшего зачастую формы враждебного отношения ко всем белым [II—43; с. 275—277].

На негритянскую проблему Джон Кеннеди обратил внимание, еще будучи сенатором. В ходе предвыборной кампании 1960 года он уделил ей много сил и времени, видя в голосах негров потенциальную поддержку своей кандидатуры. Кеннеди осознавал остроту негритянской проблемы и видел опасность твердолобого упорства расистов, стремившихся во что бы то ни стало сохранить систему расовой дискриминации и сегрегации в неприкосновенности. Он понимал, что привязанность расистов к существовавшей системе угнетения негров грозит большим ущербом для внутренней социально-политической обстановки и международного престижа Соединенных Штатов.

В ходе подготовки к выборам 1960 года штаб-квартирой Кеннеди уделялось значительное внимание пропаганде, ориентированной на негритянских избирателей и их регистрацию, с тем чтобы в день выборов как можно больше негров пришло на избирательные участки. Зачастую это делалось людьми Кеннеди наперекор сопротивлению местных партийных боссов. Практически впервые в истории демократической партии были предприняты большие усилия по регистрации черных избирателей в южных штатах. Одновременно Кеннеди вынужден был заигрывать с консерваторами Юга, что впоследствии отразилось на его политике в расовом вопросе.

В составе аппарата избирательной кампании Джона Кеннеди в 1960 году работал специальный помощник по негритянскому вопросу Г. Уоффорд. Он поддерживал связи с ведущим деятелем негритянского движения за гражданские права Мартином Лютером Кингом и другими лидерами черных. Учитывая во многом их позицию, Уоффорд готовил программный документ для политики Кеннеди после его победы на выборах.

Уоффорд отмечал, что от завоевания доверия подавляющего большинства негров в значительной мере зависит формирование политической базы «новых рубежей». Основным условием успеха он считал постепенное укрепление при содействии администрации умеренных сил в движении за гражданские права, что означало изоляцию экстремистов — как в самом негритянском движе-

нии, так и расистов-южан. В то же время, чтобы не вступать в открытую конфронтацию с южанами, Уоффорд рекомендовал активизировать менее заметные и легче осуществимые действия исполнительной и судебной власти, нежели делать упор на законодательные акты [II—32; с. 50].

В соответствии с рекомендациями Уоффорда эти усилия администрации должны были ориентироваться главным образом на обеспечение черным права голоса, а также на постепенную десеграгацию школ и университетов — с учетом особенностей отдельных штатов.

Для демократической партии особую значимость имел вопрос о регистрации и голосовании, поскольку он помогал переключить внимание негров с других, более острых вопросов, повернуть их в сторону от наиболее радикальных форм и методов борьбы за свои права. На Севере страны Уоффорд предлагал сосредоточить усилия администрации Кеннеди на прекращении дискриминации при найме на работу, при аренде квартир, а также на осуществлении государственных программ помощи для малоимущих. Уоффорд писал: «Пояс негритянских трущоб, все более охватывающих центральные города... так же взрывоопасен, как и любой из южных кризисов по поводу школ. Растущая сейчас напряженность может привести к серьезным расовым бунтам». Одновременно, подчеркивал он, голоса черных необходимы для сохранения коалиции демократической партии. «Голоса негров, видимо, самый подвижный из всех компонентов победы в этом году. Никто не может предсказать, когда переполнится чаша горечи и недоверия негров. Неустойчивая демократическая коалиция может либо консолидироваться под воздействием прогресса на Севере и Юге, либо развалиться на части — южные расисты возьмут верх у себя дома, а негры подтолкнут ключевые округа и штаты Севера к республиканцам» [II—32; с.50].

Как справедливо оценивает данный программный документ администрации Джона Кеннеди советский ученый В. О. Печатнов, это — «наглядный пример того, как объективный интерес правящих кругов преломлялся в призме партийных интересов, обретая форму конкретной политики» [II—32; с. 51].

К этому можно добавить, что объективный и обобщенный интерес господствующего класса в данном случае трансформировался и в конкретный политический интерес самого Джона Кеннеди.

В соответствии с меморандумом Уоффорда админи-

страция Кеннеди в первые два года своей деятельности ограничилась расширением назначений негров на государственные посты и чисто символическими уступками. Наибольшая активность была проявлена Кеннеди в деле обеспечения избирательных прав черных в южных штатах — как путем усиления контроля министерством юстиции за соблюдением процедуры голосования, так и за счет широкой кампании по регистрации избирателей-негров. Администрация, впрочем, не содействовала попыткам отменить правила, позволяющие сенаторам — сторонникам сегрегации блокировать принятие не отвечающих их взглядам законопроектов путем проведения бесконечных и бессодержательных прений; в то же время администрацией были предприняты большие усилия по ликвидации избирательного налога и проверок грамотности, значительно препятствовавших регистрации черных во многих южных штатах.

Высокопоставленные работники администрации Кеннеди и руководители национального комитета демократической партии установили непосредственные связи с лидерами Южного совета христианского руководства, Студенческого координационного комитета ненасильственных действий и Конгресса расового равенства, доказывая им, что единственный путь не пустить реакционеров в конгресс — это забаллотировать их путем массовой регистрации негров. Ряд радикальных лидеров негритянского движения с обоснованным подозрением относились к этим настойчивым призывам. Но в целом подобная обработка черных для Кеннеди и руководства демократической партии оказалась успешной: к 1962 году при активном участии администрации удалось скоординировать деятельность негритянских, профсоюзных и частных благотворительных организаций по расширению регистрации в южных штатах в рамках единой программы «Проект просвещения избирателей» [II — 32; с. 52].

В течение первых двух лет своей деятельности администрации Кеннеди удавалось находиться на центристских позициях в негритянском вопросе, однако делать это становилось все труднее, поскольку даже ограниченные мероприятия по регистрации негров на Юге и ряд мер по ликвидации расовых барьеров на Севере вызвали резко отрицательную реакцию у определенной части белого населения. Это способствовало, в частности, усилению позиций консервативных республиканцев на Юге страны, что вызвало еще большее недовольство прово-

димыми Кеннеди мероприятиями у южных консервативных демократов. На Севере страны появились первые признаки так называемого «белого бумеранга». Ряд демократов — членов палаты представителей и сенаторов накануне промежуточных выборов 1962 года предупредили Кеннеди, что подготавливаемый администрацией указ о жилищном строительстве в пользу черных будет иметь для них негативные политические последствия в их «белых» пригородных округах [III—14; с. 34—37].

Оценивая для Кеннеди изменения в политических настроениях, главный специалист Белого дома по вопросам общественного мнения Л. Харрис отметил растущую тревогу значительной части городского населения, в первую очередь иммигрантского происхождения, возросшей конкуренцией со стороны негров, которым оказывает содействие администрация. Харрис предупредил, что это явление в сочетании с улучшающимися условиями деятельности республиканцев в южных штатах может в 1964 году привести к тому, что республиканцы впервые в XX веке скопируют стратегию и тактику демократов, в том числе собственную тактику Кеннеди в 1960 году. По его словам, республиканцы могли бы всерьез вернуться к этническим меньшинствам больших городов, которые проявляют признаки бунта, и одновременно удовлетворить консервативный Юг. Опасения Харриса во многом подтвердились в 1968 году [II—32; с. 53—54].

Кеннеди с вниманием отнесся к подобным предостережениям. Он взвесил с точки зрения своих политических интересов, с одной стороны, силу расистского сопротивления негритянскому движению, а с другой — растущую опасность бунта негров и дивиденды, получаемые им от частичных реформ. Последнее пока явно перевешивало первое.

Кроме того, на президента усиливалось давление ряда либеральных политических деятелей в пользу более далеко идущих реформ. Так, например, в январе 1963 года шесть либеральных сенаторов-демократов призвали президента приступить к решительным действиям в области законодательства о гражданских правах, сказав, что от этого зависит их переизбрание в 1964 году. Принимая во внимание эти соображения, Кеннеди выдвинул в феврале 1963 года ряд законопроектов по увеличению помощи школам, проводящим десегрегацию, по некоторому расширению уже имеющегося законодательства для защиты избирательных прав негров. Но ограниченный характер намечаемых администрацией реформ,

как показали дальнейшие события, явно не соответствовал нарастающему размаху негритянского движения [II—32; с. 53—54].

Глава XV

В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ ТУПИКА КОНФРОНТАЦИИ

Подходил к концу 1962 год. Впереди начинали вырисовываться президентские выборы 1964 года. Но деятельность Кеннеди на посту президента не дала еще заметного позитивного вклада в международную политику. Это все отчетливее начинали осознавать сам Кеннеди и его ближайшие помощники.

В результате в начале 1963 года в действиях президента проявляется все больше самостоятельности. Мрачный хор сторонников «холодной войны» в США стал время от времени нарушаться новой темой, которую развивал теперь президент. Ее лейтмотив состоял в том, что США должны отказаться от попыток проводить в отношении Советского Союза политику, построенную «на враждебности и предрассудках». Термоядерная война, признавал Кеннеди, была бы для американского народа катастрофой.

Весна и лето 1963 года интересны не только тем, что президент США заговорил другим тоном. Еще более значительным было то, что Кеннеди оказался в состоянии от слов перейти к делу. В 1963 году произошло заметное улучшение международного климата и положительное развитие советско-американских отношений. Есть все основания полагать, что Кеннеди стал разумнее в своих действиях под влиянием карибского кризиса.

Факты говорят о том, что Кеннеди стал склоняться к проведению акций, направленных на ослабление международной напряженности. В этих действиях президент опирался прежде всего на свой авторитет и поддержку ближайших советников.

Авторитет Кеннеди после карибского кризиса упрочился. И хотя правые, военщина и ЦРУ были недовольны «нерешительностью президента», большинство американских политиков считало, что Кеннеди поступил разумно и дальновидно, не переступив грань, за которой начиналась большая война. В этих условиях президент

обрел уверенность в своих силах, что отразилось на ряде его решений в области внешней политики.

Ничто так явно не свидетельствует о сдвигах в настроениях Кеннеди, когда дело касалось отношений с Советским Союзом, как его подход к проблеме мирного сосуществования. Эволюция его взглядов по этому вопросу была довольно заметной.

С первых дней президентства Кеннеди столкнулся с необходимостью определить свое отношение к принципу мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Перед ним стояла дилемма: или объявить принцип мирного сосуществования «коммунистической пропагандой», неприемлемой для США, или признать этот принцип и развить его в области государственных отношений. Одним словом, Кеннеди предстояло решить, способствовать ли ему как президенту США процессу укрепления мирного сосуществования или торжествовать его утверждение в качестве общепризнанного принципа международного права, продолжая проводить «холодную войну» и балансирование «на грани войны». Кеннеди поначалу выбрал преимущественно второй путь. Он оставил американскую внешнюю политику на старом курсе, который он сам до избрания президентом считал обанкротившимся.

Программа «новых рубежей» Кеннеди была в 1961—1962 годах лишь словесной оболочкой, ярлыком для политики нового президента. Что скрывалось под этой оболочкой? Какие новые тенденции могли появиться в американской внешней политике? На эти вопросы могло ответить только время. Теперь оно давало свой ответ. Ответ сложный, свидетельствовавший о том, что в послевоенной политике США, пожалуй, не было периода столь же противоречивого, как три года президентства Кеннеди.

Кеннеди старался облечь «новые рубежи» в либеральную и даже антиколониалистскую одежду. Однако сшита она была наскоро и не могла скрыть агрессивную сердцевину внешнеполитического курса США. Вместе с тем, пропагандируя «новые рубежи», Кеннеди высказывал и ряд реалистических идей. Впрочем, они оставались на заднем плане, как бы на задворках американской внешней политики.

На первых порах Кеннеди не только забывает об уроках истории и необходимости оценивать явления, основываясь на фактах, но и идет на поводу у наиболее агрессивно настроенных кругов США. Под их влиянием

администрация Кеннеди принимает решение преодолеть кризис американской внешней политики не путем ее изменения, а путем дальнейшей активизации сложившегося курса.

Таким образом, в первые два года президентства Кеннеди некоторые разумные политические формулы, выдвинутые им до избрания в Белый дом, оказались лишь звонкими фразами, лишенными позитивного содержания. Декларировались «новые рубежи» во внешней политике, но она оставалась по существу старой, недоброй политикой «холодной войны».

Кеннеди постоянно преследовала мысль о том, что капитализм на международной арене проигрывает в соревновании с социализмом. Не случайно в своем первом послании конгрессу США он откровенно заявил: «Время работает не в нашу пользу», т. е. не в пользу капитализма как социально-экономической системы. Вот эта постоянная сдача Соединенными Штатами своих позиций больше всего и тревожила президента. Являясь представителем монополистической буржуазии, он, когда дело дошло до реальной политики, подгоняемый желанием как-то поправить дела США, стал на путь активизации борьбы против стран социализма, разработки неокOLONиалистских методов политики в отношении развивающихся стран.

Вместе с тем Кеннеди на третьем году президентства больше, чем раньше, волнуют вопросы войны и мира. Он начинает активно искать пути соглашения с СССР, осознав, очевидно, всю бесперспективность попыток основывать американскую внешнюю политику на догмах «холодной войны».

Одним из наиболее сложных явлений 1963 года были взаимоотношения между Белым домом и большинством руководителей государственного департамента. Практика показывала, что из госдепартамента в Белый дом почти не поступало предложений, которые могли бы способствовать смягчению международной напряженности. Более того, многие там с опаской наблюдали за деятельностью президента. Все это Кеннеди не нравилось.

Как уже упоминалось, после победы на выборах Кеннеди стал искать среди политических деятелей и ученых тех, которые бы с наибольшей отдачей, гибко и умело защищали интересы американского империализма. Определенные надежды возлагались и на Дина Раска. Однако, по свидетельству лиц, работавших с Кеннеди, в частности Шлезингера, Кеннеди после двух лет деятельности

своего правительства был не доволен работой государственного секретаря. К осени 1963 года президент, как писал в 1965 году А. Шлезингер, пришел к мысли, что Раск должен уйти. Наилучшим временем для этого Кеннеди считал выборы 1964 года.

Сделанные Шлезингером в 1965 году откровенные высказывания об отношении Кеннеди к Раску были с раздражением встречены в правительственных кругах США. Шлезингера тут же обвинили в безответственности, ему бросили упрек в том, что он пишет историю, «подсматривая в замочную скважину», ставит под угрозу национальные интересы. В ответ на это Шлезингер заявил, что, «когда историк скрывает важные факты, которые могут повлиять на суждение его читателей, он идет на обман». Справедливости ради можно отметить, что сам Шлезингер, будучи буржуазным историком, не был до конца последователен. Он, например, опустил в своей книге «Тысяча дней» ряд подобных оценок Кеннеди в отношении некоторых деятелей своего кабинета.

Надо сказать, что Раск довольно спокойно выдержал укол Шлезингера. «Только два человека, — утверждал Раск, — знают о моих взаимоотношениях с президентом Кеннеди. Один из них мертв, а другой не хочет говорить». Но Раск выразил недовольство утверждением Шлезингера о том, что Кеннеди считал американскую политику во Вьетнаме «большим провалом» [III — 132].

К 1963 году Кеннеди уже не считал, что Вьетнам должен пользоваться каким-то особым приоритетом в американской внешней политике. Он отнюдь не придерживался точки зрения, что в джунглях Вьетнама решается судьба Америки. Накопив опыт в международных делах, Кеннеди стал понимать, насколько авантюристичным было бы дальнейшее расширение американской агрессии во Вьетнаме.

Многое говорит о том, что к лету 1963 года Кеннеди стал лучше понимать необходимость мирного сосуществования стран с различным общественным строем. Он делал попытки внести в американскую внешнюю политику позитивный элемент, разумеется, не потому, что симпатизировал Советскому Союзу. Он это делал в силу здравой оценки хода событий, изменений в соотношении сил на международной арене, которые диктовали реалистический подход к международным проблемам.

В этой связи особенно интересна речь, которую президент произнес 10 июня 1963 года в Американском университете. Работу над этой речью Кеннеди начал еще

весной. Сначала он сам готовил ее тезисы, затем привлек «перо» Соренсена, а также Шлезингера и в какой-то степени М. Банди. Государственный департамент и Пентагон оставались в неведении, что речь вообще подготавливалась. Она была направлена в эти оба ведомства лишь за два дня до произнесения. Все это Кеннеди делал сознательно. Он не хотел, чтобы ему помешали.

Большое внимание в своей речи президент уделил вопросу о войне и мире. Он назвал его «самым важным вопросом на земном шаре». Что касается термоядерной войны, то он объявил ее бессмысленной. «Тотальная война, — сказал он, — не имеет никакого смысла в век, когда великие державы могут держать большие и сравнительно неуязвимые ядерные силы и отказываться сдать без того, чтобы прибегнуть к применению этих сил. Она не имеет никакого смысла в век, когда одна ядерная бомба имеет взрывную силу почти в 10 раз больше той, которая была использована всеми союзническими военно-воздушными силами во второй мировой войне. Она не имеет смысла в век, когда смертельные яды, выделенные в результате взаимного применения ядерного оружия, с помощью ветра, воды, почвы и семян будут переноситься в самые отдаленные уголки земного шара...» [II—13; с. 266].

В своем выступлении Кеннеди пошел против многих давно сложившихся в Америке политических догм. Последователи «холодной войны» утверждали, что достичь мира с коммунистами невозможно, что третья мировая война неизбежна. Кеннеди охарактеризовал эти взгляды как «опасные и пораженческие». «Давайте, — призвал он, — пересмотрим свое отношение к самому делу мира. Слишком многие из нас считают его невозможным. Слишком многие считают его нереальным. Но это опасное, пораженческое убеждение. Оно приводит к выводу, что война неизбежна, что человечество обречено, что мы находимся во власти сил, которые мы не в состоянии контролировать.

Мы не должны принимать такую точку зрения. Наши проблемы — дело рук человека и поэтому могут быть разрешены человеком. А человек может быть таким великим, каким он хочет быть. Нет такой проблемы человеческих судеб, которая находилась бы вне пределов досягаемости человеческих существ. Разум и дух человека часто разрешали то, что казалось неразрешимым, и мы верим, что они смогут сделать это снова».

Кеннеди наконец-то проявил политическое мужество,

призвав американцев пересмотреть свое отношение к Советскому Союзу. Он заявил, что в случае войны с Советским Союзом США явились бы объектом опустошительной ядерной войны. Он призвал к прекращению «холодной войны» и решению проблемы разоружения. Он подчеркнул ненормальность той ситуации, в которой «обе стороны оказались пленниками опасного и неестественного цикла, в котором подозрительность одной стороны стимулирует подозрительность другой и новые виды оружия стимулируют появление контроружия». Здесь правда была изложена не до конца, так как только США постоянно вводили в строй новые системы разрушительного оружия, а СССР на политику стремления к военному превосходству лишь реагировал, защищая свою безопасность.

В данном выступлении Кеннеди не обошелся без антисоветских и антикоммунистических выпадов. Это были стереотипные, дежурные фразы, и явно не на них президент делал акцент. Значительную часть речи Кеннеди посвятил проблеме обеспечения мирного сосуществования. Но реализм и американская реакция постоянно находятся в ссоре по вине последней, и поэтому не удивительно, что после речи в Американском университете Кеннеди стал объектом самых злобных нападок и угроз со стороны американской реакции.

Летом 1963 года по инициативе Кеннеди правительство США соглашается с предложением Советского Союза провести переговоры о прекращении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой. С 15 по 25 июля между представителями СССР, США и Англии были проведены переговоры и согласован текст Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах. С советской стороны в этих переговорах принял участие министр иностранных дел А. А. Громыко, с американской — А. Гарриман, с английской — лорд Хейлшем. В ходе этих переговоров был разработан и парафирован текст соглашения, предложенный советской стороной [II—23; с. 416].

В ближайшем окружении Кеннеди обсуждались и другие возможные шаги по ограничению гонки вооружений и снижению международной напряженности. Противники прекращения гонки вооружений в США часто выдвигали экономические «аргументы», доказывая, что якобы в случае уменьшения военных заказов страну ожидает массовая безработица и серьезный спад промышленного производства. Для подготовки контраргументации милита-

ристам сторонники хоть каких-то мер разоружения в окружении Кеннеди предложили разработать концепцию и программу реконверсии военной промышленности США — перевода ее на рельсы гражданского производства. Еще в марте 1961 года председатель Совета экономических консультантов при президенте У. Геллер доложил президенту, что в Совете начала работать группа из двух специалистов по данной проблеме. Геллер писал в своей докладной записке, что необходимо проработать проблему реконверсии промышленности таким образом, чтобы экономические соображения не стали барьером, «психологическим или реальным», на пути усилий по разоружению. Он подчеркивал необходимость трансформировать результаты разоружения в реальные позитивные сдвиги в экономике США. Такая подготовительная работа, по мнению Геллера, укрепила бы моральную и стратегическую позицию США на переговорах по разоружению. Проект Геллера получил одобрение помощника президента Ф. Даттона и директора созданного Кеннеди Агентства по контролю над вооружениями и разоружению Дж. Макклоя [III — 58].

Из одного более позднего меморандума Геллера, от 6 декабря 1963 года (уже в адрес Джонсона), следует, что летом 1962 года при поддержке Агентства по контролю над вооружениями и разоружению и министерства обороны была создана «неофициальная» межведомственная группа для координации работы по изучению экономической роли военных расходов и разоружения. Геллер рекомендовал преобразовать эту группу в официальный постоянно действующий межведомственный комитет [III — 44].

Судя по докладной записке сменившего Геллера на посту председателя Совета экономических консультантов Дж. Экли президенту Л. Б. Джонсону (16 июня 1964 года), такой комитет был создан распоряжением президента 21 декабря 1963 года. Он включал в себя представителей министерства обороны, Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, Комиссии по атомной энергии, бюджетного бюро при президенте, министерств труда и торговли, НАСА и ряда других ведомств. Освобожденным исполнительным директором комитета был назначен профессор Стэнфордского университета М. Вайденаум [III — 44].

К сожалению, при президенте Джонсоне, особенно после его избрания в ноябре 1964 года, деятельность этого комитета никак не стимулировалась сверху и нет ни-

каких сведений о том, что его работа протекала в том русле, как это было задумано Геллером во времена президентства Джона Кеннеди.

До завершения соответствующих трехсторонних переговоров в США вновь активизировались действия реакции, требовавшей не идти на заключение договора о запрещении ядерных испытаний. Правда, раздавались и другие голоса. В те дни был опубликован документ в поддержку договора, подписанный 21 крупным американским бизнесменом. В заявлении говорилось: «Эффективный договор о запрещении испытаний прогнал бы нависшую мрачную тучу, открыл бы дорогу для здравого смысла и тем самым породил бы надежду на конструктивный мир».

Напор со стороны крайне правых и военщины, требовавших от правительства Кеннеди отказа от заключения договора о запрещении ядерных испытаний, делался все сильнее. Недовольство Пентагона и ЦРУ становилось все более явным. Но Кеннеди дает указание американской делегации во главе с государственным секретарем Дином Раском отправиться в Москву для подписания Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой.

5 августа 1963 года в Москве был подписан бессрочный Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, вступивший в силу 10 октября того же года [II—38].

Договор, заключенный в Москве, стал памятной вехой в международных отношениях. Однако осень 1963 года явилась началом ухудшения внутривнутриполитической атмосферы в США. Если раньше реакционеры всех мастей лишь опасались «необдуманных действий» со стороны Кеннеди, то осенью, после заключения Московского договора, они начали открытую атаку на президента.

В американских газетах помещаются многочисленные «платные объявления», которые пророчат, что курс на переговоры, взятый Кеннеди, приведет к «национальной катастрофе». Эта крикливая кампания финансируется монополиями, производящими оружие. Особенно усердствуют калифорнийские и тexasские миллионеры-нуборнши. Активизируются неонацистские организации и группы. Американцев запугивают в случае разоружения угрозой безработицы во многих крупных промышленных центрах. Кеннеди, Макнамару и даже Раска объявляют «скрытыми коммунистами». В ноябре 1963 года журнал берчистов «Америкен опинион» призвал «избавить стра-

ну от Кеннеди и его соратников». Это был по существу плохо скрытый призыв к расправе над президентом.

Кеннеди, однако, сумел противостоять яростным нападкам ультра и до конца дней считал договор о частичном запрещении ядерных испытаний своим главным успехом на международной арене. Московский договор пришелся по душе и американскому народу. В адрес конгрессменов шли тысячи и тысячи писем от простых американцев, требовавших скорейшего одобрения этого договора. Под давлением общественного мнения сенат США 80 голосами против 19 ратифицировал Московский договор. Многие сенаторы, одоббившие договор, очевидно, учитывали, что не за горами были выборы 1964 года, на которых переизбиралась треть сената. Надо было подумать о том, чтобы хоть в одном вопросе выглядеть перед избирателями в качестве поборников ослабления международной напряженности, а не подмастерьев «холодной войны».

Вскоре между правительствами СССР и США было также достигнуто соглашение «не размещать в космическом пространстве любые объекты с ядерным оружием или другими видами оружия массового уничтожения». 17 октября XVIII сессия Генеральной Ассамблеи одобрила резолюцию, в которой это соглашение подкреплялось авторитетом ООН. Резолюция призывала и другие государства не выводить на космическую орбиту ядерное оружие.

19 октября 1963 года Джон Кеннеди выступил перед студентами одного из американских университетов. Кеннеди вновь говорил о путях дальнейшего развития внешней политики США.

«Американский орел, — сказал президент, — зажал на президентской печати в своих когтях как оливковую ветвь мира, так и стрелы военного могущества. На потолке моего кабинета, построенного много лет назад, этот орел обратил свой взор на стрелы войны слева от него. Однако на более новом ковре, отражающем изменение, начало которому положил Рузвельт... этот орел уже смотрит в сторону оливковой ветви мира...» [II — 13; с. 270].

Подписание Договора о частичном запрещении ядерных испытаний, принятие решения об отказе от вывода на орбиту вокруг Земли ядерного оружия и других средств массового уничтожения, установление прямой связи между Вашингтоном и Москвой — все это свидетельствовало о том, что впервые в послевоенные годы

президент США подходил к решению международных проблем с более или менее реалистических позиций, и результаты не замедлили сказаться.

Сторонники «холодной войны», реакционеры всех мастей в США не думали сдавать своих позиций. Для них новые тенденции во внешней политике Кеннеди оказались довольно неожиданными. Вскоре, однако, они оправились, перестроили свои ряды и с шумом ополчились на все разумное, что было сказано Кеннеди в Американском университете.

Да и миролюбивого запала у некоторых поддерживавших Кеннеди деятелей и обозревателей хватило буквально всего на несколько недель. Если с конца августа по начало октября 1963 года в США были довольно многочисленными высказывания прессы и ряда политических деятелей в пользу мира, то уже в конце октября тон американской пропаганды резко изменился. Температура политического климата заметно понизилась. Сторонники «холодной войны», словно сговорившись, выступили с призывами «не увлекаться», «не строить чрезмерных надежд на будущее», словом, не спешить с разрядкой международной напряженности. Уже в который раз американскому народу стали энергично «разъяснять», что в советско-американских отношениях за «оттепелью» обязательно последуют «новые заморозки», а за ними и «трескучие морозы».

Сам Кеннеди не проявил достаточной активности в отстаивании и развитии положительных тенденций во внешней политике США. Он, очевидно, считал, что с его стороны уже сделаны в достаточной степени необычные шаги и что ему не следует слишком искушать судьбу, восстанавливая против себя еще больше лагерь крайне правой реакции. Весьма характерны настроения членов его правительства, особенно государственного секретаря Раска. Они прохладно отнеслись к вашингтонской речи Кеннеди, предпочитая делать всякого рода «успокоительные заявления», в которых довольно тонко отмежевались от его наиболее реалистических высказываний. Не исключено, впрочем, что в данном случае они являлись к тому же исполнителями воли президента, решившего, так сказать, сбалансировать свою речь более «умеренными» высказываниями министров.

Как бы извиняясь за слова и действия президента, 27 октября 1963 года с официальным заявлением о внешней политике США выступил государственный секретарь Раск, причем выступил не в США, а в ФРГ, во Франк-

фурте-на-Майне. Похоже, что Раск намеревался одним выстрелом убить двух зайцев сразу: успокоить и американских «бешеных», и приунывших после заключения Московского договора западногерманских реваншистов. Он заявил, что ограниченное соглашение, которого США достигли с СССР, не представляет собой разрядки напряженности, что подлинная разрядка напряженности невозможна без успехов в деле урегулирования таких важных политических вопросов, как Берлин и раскол Германии, Вьетнам, Лаос и Куба... Раск сразу же дал понять, что все эти проблемы должны быть решены на американских условиях. Это, конечно, был явный отход от духа реалистических высказываний Кеннеди.

В Бонне с восторгом встретили речь государственного секретаря. Испытывали удовлетворение и американские ультра.

Правительству Кеннеди явно «советовали» дать «задний ход» в ослаблении международной напряженности. Более того, представители правых требовали остановить разрядку международной напряженности, а затем и покончить с ней. Особую прыть проявили старые соперники Кеннеди — Ричард Никсон, Нельсон Рокфеллер и набиравший силу на волне расизма сенатор от Аризоны Барри Голдуотер.

В октябре 1963 года Никсон пребывал в раздраженном состоянии. Ему не удалось стать ни президентом США, ни даже губернатором Калифорнии. И вот бывший вице-президент, отбросив в сторону всякую сдержанность, предпринимает фронтальную атаку на политику мирного сосуществования с Советским Союзом, на робкие шаги Кеннеди в сторону реализма. Никсон демонстрирует отношение американской реакции к Московскому договору, называя его началом «самого опасного периода холодной войны за все восемнадцать лет ее существования». Он призывает американцев не поддерживать Кеннеди, так как последний «дает возможность коммунистам удержать то, что они имеют».

7 ноября 1963 года Нельсон Рокфеллер выступил с открытым требованием «отбрасывания» коммунизма из восточноевропейских социалистических стран. Рокфеллеру не терпелось кого-нибудь «освободить», а не искать какие-то позитивные соглашения.

Но пожалуй, наиболее истощный крик поднял в это время представитель ультрареакционного крыла сенатор Голдуотер. Сенатор буквально-таки кипел от гнева при одном лишь упоминании о реалистических шагах Кенне-

ди на международной арене. Голдуотер обвинял Кеннеди в том, что его внешняя политика является ни больше ни меньше как «самой губительной за всю историю страны».

Излишне говорить, что Никсон, Рокфеллер и Голдуотер были, конечно, не одиноки в своих яростных нападках на Кеннеди. Вокруг них объединились разномастные реакционные силы США.

В такой острой политической обстановке, осложнявшейся к тому же расовыми волнениями в США, приходилось действовать в последние дни своей жизни президенту Джону Кеннеди. Его выступления в пользу принятия нового гражданского законодательства еще более разъярили расистов и ультра. Над головой Джона Кеннеди стужались тучи.

Расисты из южных штатов уже неоднократно угрожали президенту. За два последних года пребывания Кеннеди в Белом доме секретная служба по охране президента произвела только в одном штате Техас расследование 34 угроз убить Кеннеди. Особенно участились эти угрозы в 1963 году. Конечно, не все они делались людьми уравновешенными, но было ясно, что президента хотели запугать.

19 ноября 1963 года в Белый дом поступил еще один сигнал опасности для Кеннеди. Секретарь президента по вопросам печати Пьер Селинджер получил письмо от некой жительницы Далласа. Она предупреждала: «Не позволяйте президенту приехать сюда. Я беспокоюсь за него. Я думаю, что с ним случится что-то ужасное». Это письмо Кеннеди показано не было, так как Селинджер не придавал ему никакого значения.

Накануне отлета Джона Кеннеди в Даллас, как рассказывает Селинджер, он зашел в кабинет президента, чтобы попрощаться и получить кое-какие инструкции. Часы в кабинете показывали 7.30 вечера. Кеннеди сидел за письменным столом и подписывал бумаги. Он был в очках, которые никогда не надевал на людях: ведь в них он выглядел бы куда старше, а это могло оттолкнуть от него кое-кого из избирателей.

«Я хочу сказать: до свидания», — обратился Селинджер к президенту. Кеннеди окинул его медленным взглядом. И в этот момент Селинджер ясно увидел, что президент устал, очень устал. «Я бы хотел не ехать в Техас», — вдруг сказал Кеннеди и снова углубился в работу.

Впереди был Даллас.

УБИЙСТВО В ДАЛЛАСЕ

22 ноября 1963 года в 11 часов 35 минут на далласский аэродром произвел посадку самолет военно-воздушных сил США под № 2. В нем прибыл вице-президент США Линдон Джонсон. А пятью минутами позже по взлетному полю стремительно заскользила тень второго самолета американских ВВС — под № 1. В нем находился 45-летний президент США Джон Фитцджеральд Кеннеди.

Президент и вице-президент, как всегда, летели на разных самолетах, чтобы не подвергать США опасности в случае катастрофы лишиться сразу двух ведущих политических деятелей.

...Самолет президента медленно подруливал к зданию аэропорта. Трудно сказать, о чем думал Кеннеди, готовясь покинуть самолет, перед которым уже собралась довольно большая толпа встречающих. Однако есть все основания считать, что в глубине души он испытывал мрачные опасения в связи со своей поездкой в цитадель американских расистов.

Опасения тревожили не только самого президента, но и его супругу Жаклин и близкого друга Кеннеди О'Доннела. Неслучайно все трое утром 22 ноября, позавтракав в гостинице перед тем, как вылететь в Даллас, беседовали на не совсем обычную тему — о степени риска, которому подвергается Джон Кеннеди во время своих публичных выступлений. Кеннеди сказал тогда: «Если бы кто-нибудь действительно захотел застрелить президента США, то это была бы не очень трудная работа. Все, что ему надо было бы сделать, так это забраться в высокое здание, имея телескопическую винтовку, и никто ничего не мог бы сделать, чтобы предотвратить подобную попытку...»

Президент не подозревал, насколько он был близок к истине.

Основной причиной поездки Джона Кеннеди в Техас явилось желание укрепить в этом южном штате, родине вице-президента Джонсона, свои политические позиции накануне президентских выборов 1964 года. На выборах 1960 года Кеннеди чуть было не проиграл в Техасе выборы представителю республиканской партии Никсону. Решение президента совершить эту поездку созрело после скандального приема, который оказали жители Далласа, или по крайней мере часть из них, члену правитель-

ства США Эдлаю Стивенсону, когда он выступил там с призывом поддерживать политику Кеннеди. Стивенсон подвергся физическому насилию: какой-то берчист ударил его избирательным плакатом по голове.

Подготовка программы и маршрута поездки Кеннеди была поручена губернатору штата Техас Коннели (личному другу Л. Джонсона) и специальному помощнику президента О'Доннелу. Было решено, что в Далласе на поездку автомобилем от аэродрома до места, где в честь президента городские власти и бизнесмены планировали дать обед, будет отведено 45 минут. 19 ноября в далласских газетах был опубликован маршрут следования президентского кортежа. На одном из его участков автомашина президента должна была проехать по Эльм-стрит, постепенно спускавшейся под железнодорожный виадук. Секретная служба США не возразила против такого маршрута, так же как и против поездки Кеннеди в открытом, незащищенном автомобиле.

И вот Кеннеди в Далласе. В 11.50 по местному времени президентский кортеж направился с аэродрома в город. В первой автомашине на заднем сиденье расположились Кеннеди с супругой, а на откидных сиденьях — губернатор штата Техас Коннели с супругой. На переднем сиденье автомашины разместились два агента секретной службы по охране президента. Непосредственно за автомашиной Кеннеди шла вторая, в которой находилось еще восемь агентов охраны. Третьей следовала автомашина вице-президента Л. Джонсона, за которой также ехала автомашина с охранниками. За ней тянулись автомобили встречавших Кеннеди местных представителей и прессы.

Остался позади пригород Далласа. Президентский кортеж въехал на Мэйн-стрит, основную артерию торгового района города, пересекавшую его с востока на запад. Встречающих становилось все больше. Щурясь от солнца, Кеннеди с любопытством разглядывал стоявших на тротуарах людей, пришедших если и не приветствовать его, то уж во всяком случае посмотреть на президента США. Ничто, казалось, не предвещало опасности.

В конце Мэйн-стрит колонна автомобилей повернула вправо, на Хьюстон-стрит. Впереди, на перекрестке Хьюстон-стрит с Эльм-стрит, возвышалось семиэтажное оранжевое кирпичное здание. Это был книжный склад. Время на часах одного из зданий показывало 12.30. Машина президента медленно сделала левый поворот на Эльм-стрит.

Секундами позже в быстрой последовательности раздалась сухие щелчки выстрелов. Позднее очевидцы убийства Кеннеди утверждали, что стреляли как из книжного склада, так и со стороны железнодорожного виадука. Последнее, однако, упорно отрицалось официальным следствием. Джон Кеннеди был смертельно ранен — в шею и голову.

Трагические события развивались с калейдоскопической быстротой. Вряд ли стоит их вновь подробно пересказывать. Однако если воспроизвести хронику событий пятницы 22 ноября 1963 года в изложении американских телеграфных агентств (по даласскому времени), приведенном в книге Поля Лесура «Кто вы, г-н Джонсон?», то она выглядит примерно следующим образом:

12 час. 43 мин. Неизвестный стрелял в Кеннеди, когда он проезжал по улицам Далласа.

12 час. 45 мин. Фотограф из свиты президента заявил, что у Кеннеди хлынула кровь из головы.

12 час. 46 мин. Г-жа Кеннеди, сидевшая рядом с мужем, склонилась к нему и воскликнула: «О нет, нет!»

12 час. 47 мин. Президент Кеннеди отправлен в госпиталь.

12 час. 49 мин. Фотограф добавил, что слышал два выстрела.

12 час. 52 мин. Помощник президента Кеннет О'Доннел не дал ответа на вопрос корреспондента Ассошиэйтед Пресс: «Жив ли президент?»

Президент Кеннеди находился в Парклэндском госпитале, близ Далласа.

12 час. 54 мин. Президент Кеннеди и губернатор штата Техас Джон Коннели стали сегодня жертвами покушения, но еще не известно, убит ли кто-нибудь из них.

12 час. 57 мин. Пресс-служба Белого дома в Вашингтоне заявила, что не располагает другими сведениями о покушении на Кеннеди, кроме тех, которые были опубликованы в печати.

12 час. 59 мин. Сообщается, что по автомобилю президента Кеннеди было сделано три выстрела. Репортеры видели президента, лежащего в автомобиле, который въезжал во двор госпиталя.

13 час. 02 мин. Представитель тexasской организации демократической партии сказал, что состояние президента «очень тяжелое».

13 час. 08 мин. Президент Кеннеди по-прежнему находится в палате неотложной помощи госпиталя в Далласе.

се, куда его отвезли. Другая жертва покушения — губернатор штата Техас отправлен в операционную.

13 час. 11 мин. Секретарь Белого дома по делам печати заявил, что к изголовью президента Кеннеди вызваны два католических священника.

13 час. 15 мин. Из госпиталя в Далласе сообщили, что для спасения жизни президента Кеннеди ему сделано несколько переливаний крови.

13 час. 21 мин. Распространился слух, что Кеннеди умер; официальных подтверждений нет.

13 час. 31 мин. Священник, соборовавший Кеннеди, по выходе из госпиталя заявил, что «не верит, что президент Кеннеди умрет».

13 час. 34 мин. Джон Фитцджеральд Кеннеди скончался.

13 час. 36 мин. Вашингтон подтвердил сообщение о смерти президента.

13 час. 38 мин. Полиция ищет человека в возрасте около 30 лет, который, возможно, совершил покушение.

13 час. 41 мин. Вице-президент Джонсон автоматически становится президентом США.

13 час. 46 мин. Сенат США прекратил работу.

13 час. 47 мин. В Нью-Йорке закрылась биржа.

13 час. 48 мин. В толпе людей раздались рыдания, когда священники, соборовавшие президента Кеннеди, объявили о его смерти.

13 час. 49 мин. ТАСС сообщил о покушении на президента Кеннеди.

15 час. 41 мин. Гроб с телом президента США помещен в самолет, направлявшийся в Вашингтон.

16 час. 21 мин. В разных местах Далласа арестовано несколько подозрительных лиц, у которых найдено оружие.

17 час. 53 мин. Бронзовый гроб с телом президента Кеннеди доставлен в Вашингтон.

18 час. 23 мин. Новый президент созвал совещание лидеров обеих партий в конгрессе.

20 час. 00 мин. Освальду предъявлено официальное обвинение в убийстве.

С первых дней убийства Кеннеди всех, естественно, волнует вопрос, кто был его убийцей. И по сей день ответа на этот вопрос по существу не дано. Похоже, что все концы преступления запряганы глубоко в воду.

Как известно, человек, которому предъявили обвинение в убийстве Кеннеди, Ли Харви Освальд, был застрелен в полицейском участке владельцем ночного кабарэ

неким Джеком Руби, позже умершем в тюремном госпитале. На всех перипетиях этой зловещей истории, видимо, не стоит останавливаться подробно, так как уже публиковавшиеся в печати факты широко известны. Можно лишь отметить, что в ноябре 1963 года все, в том числе и в США, задавали себе вопрос: как могло случиться, что хваленая секретная служба Соединенных Штатов, которой поручено охранять президента, допустила столько легкомыслия и ошибок, не сумев предотвратить его трагическое убийство? Как могло случиться, что единственный американец, схваченный за якобы совершенное им преступление, был тут же прикончен буквально на глазах у всех и, естественно, уже не мог дать никаких показаний?

Эти вопросы волновали мировую общественность, и прежде всего американский народ. Ожидали быстрого и самого тщательного правительственного расследования. 29 ноября 1963 года приказом президента Джонсона была учреждена специальная комиссия по расследованию обстоятельств убийства президента Кеннеди. Во главе комиссии, состоявшей из семи человек (двух сенаторов, двух членов палаты представителей, бывшего руководителя ЦРУ Аллена Даллеса и банкира Джона Макклоя), был поставлен председатель Верховного суда США Эрл Уоррен. Последний некоторое время решительно отказывался от назначения, и только личное обращение к нему Линдона Джонсона заставило Уоррена согласиться взяться за расследование.

Почти десять месяцев продолжалась работа комиссии Уоррена. Основной ее задачей, согласно указанию Джонсона, было установить факты, имевшие место во время убийства Кеннеди и последующего убийства Освальда. 24 сентября 1964 года комиссия Уоррена представила Белому дому пространный доклад, допросив 552 свидетеля. Основным выводом комиссии гласил, что выстрелы, явившиеся причиной смерти президента Кеннеди, были сделаны американцем Ли Харви Освальдом. В выводах комиссии было также зафиксировано, что убийство президента не было делом рук какой-либо группы заговорщиков и что Освальд действовал в одиночку. Такова официальная версия об убийстве Джона Кеннеди.

Но, как считают многие в США, расследование не было в достаточной степени ни скрупулезным, ни беспристрастным. Далекое не всех американцев удовлетворил 27-томный доклад комиссии Уоррена, и не всем он казался убедительным.

На Западе, в том числе и в США, появились многочисленные статьи и целые исследования, авторы которых считают, что загадка убийства Джона Кеннеди все еще не разгадана. Об этом во всеуслышание заявляют ученые и юристы, журналисты и историки. Для примера можно назвать имена Сильвана Фокса, Гарольда Вайсберга, Томаса Бьюкенена, Эдварда Општейна, Марка Лейна, Фреда Кука, Иоахима Йостена, Хью Тревор-Ропера, Джошиа Томпсона и многих других, которые склоняются к тому, что убийство президента — дело целой группы людей, а не «одиночки».

Весьма любопытными являются выводы специальной комиссии палаты представителей конгресса США, созданной под давлением общественности в 1979 году. Комиссия вынуждена была отметить, что ряд данных научной экспертизы говорит явственно за то, что в Джона Кеннеди стрелял не один человек, а по крайней мере двое, что существуют все основания считать весьма вероятным наличие заговора для убийства президента. Комиссия отвергла муссировавшиеся различными антикоммунистами-параноиками нелепые домыслы о том, что к убийству Кеннеди-де причастны СССР и Куба. Одновременно комиссией отмечались крупные промахи секретной службы, обеспечивавшей охрану президента, а также недостатки в работе ФБР и ЦРУ по расследованию убийства. В заключении комиссии было также сказано, что комиссия Уоррена работала с «различной степенью компетенции в выполнении своих обязанностей», что, в частности, выразилось в ее неспособности адекватным образом расследовать возможность наличия заговора для убийства президента; это в свою очередь, по мнению комиссии палаты представителей, было следствием того, что комиссия Уоррена не смогла добиться получения всех необходимых сведений от ряда правительственных ведомств США [III—124].

После кончины Кеннеди прошло уже более двадцати лет, но и сейчас многие обстоятельства, связанные с его убийством, все еще остаются в тени и, вполне вероятно, никогда не будут выяснены полностью. Однако разобраться до конца во всей этой зловещей истории — дело чести самих американцев.

Можно, конечно, верить или не верить официальной версии убийства Кеннеди. Можно принимать или отвергать приводимые в ней факты и суждения, порой более похожие на полуправду. Но нельзя, на наш взгляд, следовать точке зрения, будто убийство в Далласе было со-

вершенно случайным явлением. И дело здесь не в личности убийцы, кто бы он ни был.

Вопрос о том, кто убил президента, может никогда не получить четкого и ясного ответа. По-другому, однако, обстоит дело с вопросом, почему был убит Кеннеди. Ответ на него представляется возможным.

«Убийство века» могло иметь целый ряд причин, которые, сплетаясь в тугой зловещий клубок, побудили убийцу или убийц совершить свое преступление. Общеизвестно, например, какую яростную конкурентную борьбу ведут между собой различные группы американского монополистического капитала и к каким трагическим последствиям это нередко приводит отдельных даже очень влиятельных и богатых лиц. Принадлежавший к бостонской финансовой группировке, тесно связанной с Уолл-стритом, Джон Кеннеди, без сомнения, не устраивал многих соперников-монополистов. Они не только завидовали ему, но и побаивались его. Ведь, находясь в Белом доме, Джон Кеннеди обладал широкими возможностями давать «зеленую улицу» одним воротилам бизнеса, «не замечая», а то и ущемляя других.

Водоворот безжалостной конкурентной борьбы, втягивающий в себя в капиталистической Америке всех и вся, породил кое у кого в отношении молодого, энергичного и в общем-то удачливого президента чувства сначала зависти и недовольства, а затем, по мере того как Кеннеди стал проявлять реализм во внешней политике, и злобы, переросшей в ненависть. Яростным нападам он, в частности, подвергался за то, что проявил определенную сдержанность и благоразумие в самые острые моменты карибского кризиса, устояв против натиска экстремистов, толкавших мир к третьей мировой войне. Ведь ни для кого не секрет, что в ряде штатов США, в том числе и в Техасе, местные газеты, находящиеся под контролем влиятельных сил, изо дня в день подвергали нападкам президента, сравнивая его с «уголовным преступником».

На последнем году своего президентства Джон Кеннеди в ряде вопросов внешней политики и советско-американских отношений стал в какой-то мере отходить от догм «холодной войны». И хотя это был еле заметный шаг, но и его многие из правящей верхушки США сочли «опасным». «Лучше быть на грани войны, чем бояться, как курица», — кричали летом и осенью 1963 года многие тexasские газеты.

Раздел II РОБЕРТ КЕННЕДИ — ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ СТАЛ ПРЕЗИДЕНТОМ

Глава XVII

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ АТТОРНЕЙ

Как уже говорилось выше, в администрации Джона Кеннеди его брат Роберт получил пост министра юстиции — генерального атторнея (хотя сам Роберт и мечтал о посте министра обороны).

Перед публичным объявлением этого назначения была проведена серия консультаций с влиятельными фигурами, различным образом связанными с министерством юстиции: с членом Верховного суда США Дугласом, министром юстиции в администрации Эйзенхауэра Уильямом Роджерсом (в администрации Р. Никсона он стал государственным секретарем), с бывшим министром юстиции Джеймсом Макинорни и др. В числе тех, с кем тогда встретился Роберт, оказался и директор ФБР Эдгар Гувер, который посоветовал ему принять назначение на пост министра юстиции.

В конечном счете, не без колебаний, Роберт согласился. После утверждения сенатом он стал одним из самых молодых в истории Соединенных Штатов министров юстиции — накануне назначения ему исполнилось тридцать пять лет. Лишь два из его шестидесяти трех предшественников были моложе — Цезарь Огастее Роуни, назначенный президентом Джефферсоном в 1807 году, и Ричард Раш, назначенный президентом Мэдисоном в 1814 году. В те времена люди на этом посту были скорее личными юрисконсультантами президентов, нежели главами ведомства. Им даже позволялось продолжать заниматься частной юридической практикой одновременно с работой в правительстве.

Министерство юстиции как таковое было образовано в 1870 году, после чего оно начало очень быстро расти. К 1961 году в нем работало более 30 тыс. служащих. Генеральный атторней является главным юридическим официальным лицом администрации и имеет широкие полномочия в аппарате исполнительной власти.

Должность и функции генерального атторнея США определяются не конституцией, а текущим законодатель-

ством. Как советник и член правительственного кабинета он обладает большой властью и способен оказывать существенное влияние не только на правоприменительную политику, но и на политический курс администрации внутри страны и на международной арене. Генеральный атторней выполняет как бы две функции — юридическую и политическую. Как юристу ему надлежит, руководствуясь правовыми нормами, исполнять их беспристрастно и без оглядки на политическую конъюнктуру. В политическом же качестве генеральный атторней должен проявлять лояльность не только к президенту, но и к президентской партии, быть активным ее членом и, применяя право, руководствоваться соображениями политики президента и представляемой им политической группировки [II—5; с. 32].

При выборе своих заместителей и помощников новый министр ориентировался в значительной мере на компетентных юристов, которые могли бы компенсировать его слабости в этой сфере. Однако на пост первого заместителя министра был избран человек более известный как политический деятель, нежели профессиональный юрист. Им оказался давний друг Джона и Роберта Байрон Уайт из штата Колорадо. Он помог Роберту подобрать остальных заместителей — Николаса де Катценбаха, Берна Маршалла, Луиса Обердорфера. Позднее по рекомендации Н. Катценбаха заместителями и помощниками Р. Кеннеди стали также Норберт Шли и Джон Дуглас. Социальное происхождение и биографии этих людей были удивительно похожи: они все из весьма зажиточных семей, обучались в разные годы в элитной школе права Йельского университета, входящего в «Плющевую лигу», регулярно публиковали статьи в «Йельском журнале права», участвовали во второй мировой войне (младшие офицеры в военно-морских силах и сухопутных войсках), работали в наиболее престижных юридических фирмах, получая очень крупные гонорары, соизмеримые с тем, что получают менеджеры ведущих промышленных корпораций и банков.

Единственным человеком не из числа выпускников Йельского университета, который получил крупное назначение, оказался профессор Гарвардской школы права Арчибальд Кокс. Братья Кеннеди поддерживали с ним давние товарищеские отношения. Через десять лет А. Кокс будет назначен одним из главных расследователей по «уотергейтскому делу» и сыграет важную роль в крушении президентства Ричарда Никсона.

Одной из центральных проблем, которыми занимался Роберт Кеннеди как министр юстиции, была расовая проблема. Начатые Джоном Кеннеди реформы в этой сфере не были завершены из-за его гибели. Весной 1964 года конгресс продолжал дебатировать предложенный покойным президентом билль о гражданских правах. У этого билля были могущественные противники, в первую очередь относительно консолидированная группа сенаторов и конгрессменов из южных штатов. Эти деятели отказывались видеть необходимость реформ в области гражданских прав негров, упорно сопротивлялись натиску негритянского движения и широкого общественного мнения, а также воздействию более дальновидных политических деятелей из других районов страны. Большинство американской буржуазии и работающих на нее политических деятелей понимали, что для предотвращения мощнейших бунтов негров, для улучшения облика США на международной арене (особенно в связи с появлением большого числа независимых африканских государств) нужно провести эти реформы. Однако многие сенаторы и члены палаты представителей, поддерживаемые различными расистскими организациями, продолжали сопротивляться принятию нового законодательства по гражданским правам.

Борьба шла фактически по каждому пункту внесенного на рассмотрение в конгресс билля. Сторонники десегрегации старались его расширить, поскольку, по их мнению, в нем был опущен один немаловажный пункт: положение о защите федеральными властями борцов за гражданские права. В начале 60-х годов сотни юношей и девушек отправились на Юг США, чтобы участвовать в движении за гражданские права, помогать в этом местным активистам. Все они работали под постоянной угрозой физической расправы со стороны ку-клукс-клана и других расистских организаций. Расисты жестоко избивали активистов движения за гражданские права негров, а иногда и уничтожали их, не оставляя никаких следов. Местные органы власти на Юге США практически поощряли расистов, находясь под их влиянием. В то же время у федеральных властей почти не было законодательных прав для защиты этих активистов от перешедших все границы расистов. Те правовые возможности, которыми федеральные власти обладали, использовались ими зачастую с большой неохотой в силу лоббистских усилий расистов в самом Вашингтоне. В главном органе, который должен был заниматься расследованиями преступлений

расистов, — ФБР господствовало мнение, что борьба с ку-клукс-кланом отвлечет его ресурсы от операций против коммунистов и других левых сил. В это время ФБР широко рекламировало свою борьбу с мафией, которая поднимала престиж этой организации в глазах публики и позволяла добиваться от конгресса дополнительных ассигнований.

Видя фактическое бездействие федеральных властей, лидеры организаций, борющихся за гражданские права негров, усилили свою критику непосредственно в адрес ФБР, требуя, чтобы оно осуществило инфильтрацию своих агентов в ку-клукс-клан и в «советы белых граждан», разбросанные во всех штатах Юга страны. С этими требованиями они обратились и к министру юстиции Роберту Кеннеди. Последнему пришлось приложить немало усилий, чтобы заставить подчиненного ему директора ФБР Э. Гувера заняться подобными операциями. Р. Кеннеди настаивал на применении против ку-клукс-клана методов, разработанных и использованных против Компартии США, — так называемой системы «Коинтелпро». Эта система предусматривала получение информации о соответствующей организации через засылаемых в нее агентов ФБР, а также проведение этими агентами активных акций по ее подрыву изнутри. Эти акции включали в себя распространение среди членов организации всякого рода слухов, фальшивых документов, травлю наиболее видных членов, провокации и т. п. Наличие программы «Коинтелпро» тщательно скрывалось не только от широкой публики, но и от подавляющего большинства сенаторов и конгрессменов.

В середине 1964 года все же удалось распространить программу «Коинтелпро» против ку-клукс-клана и других расистских организаций. Этому в немалой мере способствовал высокопоставленный сотрудник ФБР Салливан, отец которого активно боролся против клановцев в штате Массачусетс еще в 20-х годах [III—32; с. 326].

По некоторым данным, проникновение ФБР в ряд организаций ку-клукс-клана было осуществлено сравнительно быстро и эффективно. В одном из южных штатов на самый высокий клановский пост штата внедрился сотрудник ФБР. Это способствовало более успешному проведению давно требуемых общественностью и либеральными политическими деятелями репрессивных мер против главной организации расистов. Гувер, как и в других подобных случаях, сделал все возможное для рекламы успехов своего ведомства. Ку-клукс-клан был

вынужден снизить свою активность, многие рядовые члены его поспешили уйти от дел. Однако, как показали события последующих лет, основные функционеры ку-клукс-клана остались почти не тронутыми ФБР. Разветвленной политической и социальной инфраструктура этой организации полностью сохранилась. На рубеже 70—80-х годов произошло новое оживление деятельности ку-клукс-клана на большей части территории Соединенных Штатов.

Кроме этого следует отметить, что как бы в компенсацию за свою работу по инфильтрации в ку-клукс-клан руководство ФБР решило распространить действие «Коинтелпро» на ряд радикальных негритянских организаций, а также на организации так называемых «новых левых» [III—131; с. 694].

Линдон Джонсон с самого начала своего президентства активно поддержал Билль о гражданских правах, внесенный Джоном Кеннеди. Он соответствовал его подходу к внутриполитическим проблемам, и Джонсон как президент понимал необходимость проведения этих реформ с точки зрения обобщенных интересов господствующего класса. В данном вопросе расхождений между Робертом Кеннеди и его новым боссом практически не было. Л. Джонсон, Р. Кеннеди и целый ряд других членов администрации активно занялись обработкой колеблющихся сенаторов и конгрессменов. В палате представителей Билль о гражданских правах набрал более двух третей голосов. Иначе сложилась ситуация в сенате. Там дебаты шли значительно дольше. Но администрации удалось договориться с лидером республиканского меньшинства в сенате Э. Дирксом, что и решило судьбу билля. 2 июля 1964 года после прохождения билля через обе палаты конгресса Джонсон подписал Акт о гражданских правах 1964 года, по которому нарушением закона объявлялась дискриминация по расовым признакам при голосовании, найме на работу, при получении образования и аренде квартир [II—11; с. 196—202].

Совпадение подходов Р. Кеннеди и Л. Джонсона к такому важнейшему внутриполитическому вопросу, как гражданские права, не могло предотвратить ухудшения взаимоотношений между ними по многим другим вопросам. Между министром юстиции и президентом росла напряженность и на чисто личностной основе. Разжиганию конфликта между Р. Кеннеди и Джонсоном способствовали многочисленные сплетники в вашингтонских «коридорах власти», спешившие донести до ушей то то-

го, то другого взаимные нелестные высказывания. Ряд высокопоставленных сотрудников Белого дома пытался свести до минимума конфронтацию между Джонсоном и Р. Кеннеди. Особенно большие усилия прилагали оставленные на первых порах Джонсоном в качестве советников и помощников президента М. Банди, К. О'Доннел, Л. О'Брайн, а также молодой джонсоновец Билл Мойерс. Однако их усилия не увенчались успехом. Налицо было явное несоответствие характеров и политических культур. Джонсон, став президентом и частенько вспоминая о своей незавидной роли в администрации Джона Кеннеди, не хотел мириться с действиями человека, который по своему весу в демократической партии почти не уступал ему самому.

Накопленные Джонсоном за долгие годы политической карьеры амбиции требовали выхода. Для этого он хотел доказать, что не является человеком, лишь по воле случая занявшим высший государственный пост. Как только Джонсон посчитал, что уделил достаточно внимания памяти Джона Кеннеди, он развернул мероприятия по демонстрации того, что его президентство будет более ярким, чем предыдущее. Уже весной 1964 года имя Дж. Кеннеди изымается из публичных речей Джонсона. Аппарат нового президента лихорадочно работает над составлением собственной программы социальной политики, подыскивает броские лозунги, которые не должны ассоциироваться с лозунгами администрации Кеннеди. В ходе этих поисков рождается название программы — «великое общество», которое он будет использовать вплоть до самого конца пребывания у власти. «Великое общество» стало тем главным лозунгом, с которым он вступил в избирательную кампанию 1964 года. Составители речей из джонсоновского аппарата не жалели ярких красок для описания перспектив, которые должны открыться перед Америкой в случае проведения в жизнь программы «великого общества» после победы Л. Джонсона на очередных президентских выборах. Для привлечения избирателей им приходилось акцентировать внимание на многих реальных проблемах и язвах капиталистического общества. Президент, добиваясь своего переизбрания, громогласно и демагогически рассуждал о проблеме бедности, об упадке американских городов, о росте угрозы окружающей среде, о проблемах здравоохранения и образования. Говоря о состоянии образования в США, Джонсон, в частности, вынужден был отметить, что почти 7 млн. американцев не имеют даже

пятиклассного образования, около 20 млн. не закончили и восьми лет школы, более одной четверти американцев не получили среднего образования.

До многих американцев, поддавшихся риторике Джонсона, не доходила двусмысленность положений программы «великого общества»: любое развитое государство во второй половине XX века должно было считать своей обязанностью дать молодежи образование, заботиться о престарелых, гарантировать равные избирательные права всем гражданам, не именуя себя при этом «великим обществом» [III—147; с. 24].

В рамках демократической партии соперников у Джонсона практически не было. Все свои силы он обратил на борьбу с республиканцами, среди которых в 1964 году выдвинулся на авансцену сенатор от Аризоны Барри Голдуотер — лидер правого крыла партии. В числе сторонников этого деятеля оказались многие крайне правые, праворадикальные организации, различные неонацистские и расистские группировки и объединения, в том числе ку-клукс-клан и общество Джона Бёрча. Базу Голдуотера, однако, составили консервативные круги — как из числа крупной, средней и мелкой буржуазии, так и из «средних» городских слоев [II — 22; с. 255—256].

Голдуотер выступил с яростными нападками в адрес Джонсона и его предшественника Кеннеди за их мягкотелость по отношению к растущей «коммунистической опасности» в мире. В подобном же духе он отзывался и о демократической партии в целом, обвиняя ее в том, что она все больше оказывается в руках «левых радикалов».

По некоторым сведениям, Б. Голдуотер, начавший готовиться к выборам еще весной 1963 года, в первую очередь ориентировался на острую полемику с Джоном Кеннеди. На эту борьбу его подталкивали лидеры «новых денег» из Калифорнии, Техаса, штатов глубокого Юга, стремившиеся посадить в Белый дом своего человека вместо представителя монополистических группировок Северо-Востока. Поэтому появление в качестве его соперника в кампании 1964 года техасца Л. Джонсона несколько обескуражило Голдуотера, у которого, кстати, были неплохие личные отношения с первым. Джонсон ему казался менее уязвимым для обвинений в «потворстве коммунистам». Кроме того, Голдуотер рассчитывал, видимо небезосновательно, что Кеннеди примет брошенный ему вызов и кампания примет исключитель-

но шумный характер. Джонсон был другим человеком; как и предполагал Голдуотер, он часто предпочитал уходить от прямой полемики со своим соперником-республиканцем. Позднее Голдуотер писал, что, выступая друг против друга, они никогда не смогли бы продемонстрировать ту полярность подходов, которая могла бы проявиться в случае противоборства его, Голдуотера, с Джоном Кеннеди [III—52; с. 38].

Политическая платформа республиканской партии накануне выборов 1964 года, принятая под влиянием сторонников Б. Голдуотера, почти полностью исключала даже ограниченные обещания в области гражданских прав, федеральной помощи безработным и нуждающимся. Крайне правый характер носила внешнеполитическая часть платформы республиканцев. Опираясь на нее, Голдуотер выступал против любых договоренностей с Советским Союзом по военно-политическим вопросам, ратовал за проведение жесткой политики на международной арене. Он много разглагольствовал о своей решимости использовать атомное оружие для защиты «свободы» по американскому образцу.

Голдуотер часто говорил об утрате идеалов прошлого Америки — простоты, верности, духа пионерства, о потере религиозности. Он демонстративно носил джинсы и ездил верхом, в то же время всячески выставя напоказ свою «приверженность прогрессу». Он пилотировал собственный самолет и рекламировал свое увлечение новейшей техникой. У него имелись любительская радиостанция и электронная система, при помощи которой над его домом ежедневно поднимался американский звездно-полосатый флаг. Как писал американский историк Хофстедер, Голдуотер «похож на европейскую карикатуру американца с Запада своими ковбойскими чертами, своей осторожной, несколько старомодной моралью, которая не исключает любви к современным техническим новинкам» [II—51; с. 74—75].

В платформе демократической партии, принятой на съезде в Атлантик-Сити, подтверждалось требование «защитить свободу» в различных районах мира, намерение и дальше продолжить блокаду Кубы. В то же время в ней поддерживалось заключение Договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах и подчеркивалась необходимость добиваться взаимоприемлемых соглашений с СССР по ограничению гонки вооружений. В более сдержанном тоне по сравнению с республиканской программой подтверждалась решимость бороться с «расту-

щей коммунистической угрозой» в глобальном масштабе.

В целом внешнеполитический раздел программы демократической партии выглядел более умеренным, чем у республиканцев. Это же можно сказать и о внешнеполитических выступлениях Л. Джонсона и Б. Голдуотера. Увидев, что внешнеполитический экстремизм Голдуотера начинает пугать американцев, Джонсон стал еще больше заострять внимание на своих расхождениях по вопросам внешней политики, войны и мира с сенатором от Аризоны. И это принесло ему значительные дивиденды. Джонсон уверенно победил Голдуотера: за него проголосовало почти на 16 млн. человек больше.

Добившись такой победы, Джонсон решил отказаться от какого-либо наследия Джона Кеннеди в вопросах внешней и внутренней политики, что незамедлительно отразилось на его отношениях с Робертом Кеннеди.

Ему уже для обработки соответствующего контингента избирателей стал не нужен Роберт, символизировавший связи с администрацией Джона Кеннеди.

Глава XVIII

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ПРЕЗИДЕНТОМ ДЖОНСОНОМ И РОБЕРТОМ КЕННЕДИ ПО ПРОБЛЕМАМ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ США

Первые шаги Джонсона в латиноамериканской политике показали, что в этой области он не намерен продолжать либерально-реформистский курс своего предшественника. Многие начинания Джона Кеннеди так и не получили развития. Джонсон явно оказался под влиянием тех американских предпринимателей и политических деятелей, которые в ответ на усиление революционных процессов в Латинской Америке требовали жесткого и решительного противодействия этим процессам вплоть до прямого использования американской военной мощи и широко-масштабных подрывных акций ЦРУ.

Роберт Кеннеди, активно участвовавший в разработке латиноамериканской политики администрации Джона Кеннеди, относился к этим тенденциям в политике Джонсона с нарастающей тревогой. Он неодобрительно

оценил фактический отказ президента от переговоров с Кубой, поддержку военного режима, свергнувшего правительство президента Гуларта в Бразилии.

Заместителем государственного секретаря по латиноамериканским делам был назначен Том Манн, сторонник жесткого силового подхода к революционным процессам. Манн поспешил свернуть либерально-реформистскую деятельность «Союза ради прогресса» в социальной и политической сферах. Он дал понять, что новая администрация отказывается от прежней линии «Союза ради прогресса» на пусть и словесное, но все же осуждение диктаторских режимов. Манн заявил, что единственным критерием для признания и одобрения Соединенными Штатами какого-либо латиноамериканского правительства послужит его отрицательное отношение к коммунизму и положительное — к США. Будет ли это правительство «демократией» или военной олигархической диктатурой — это его внутреннее дело, не касающееся Соединенных Штатов.

Параллельно с демонстрацией доброжелательства по отношению к антикоммунистическим диктаторским режимам администрация Джонсона активизировала враждебную деятельность против Кубы. Ради усиления экономической блокады Кубы Джонсон оказал сильный нажим на Англию и других союзников США, продолжавших с нею торговать. Одновременно целый ряд частных американских монополий пригрозил разрывом деловых контактов со своими западноевропейскими партнерами, если они не поддержат торговое эмбарго против Кубы [II—29; с. 308—309].

Манн стал одним из главных поборников ориентации «Союза ради прогресса» на непосредственное обслуживание американских корпораций, имевших крупные капиталовложения в Латинской Америке. Руководители этих корпораций в большинстве своем негативно относились к намечаемым Джоном Кеннеди реформам. Часть заинтересованных монополистов опасалась, что стимулируемые США реформы в различных латиноамериканских странах не предотвратят революционных перемен, а ускорят их. Другие предприниматели полагали, что замена диктаторских режимов на буржуазно-демократические будет для них чревата значительными материальными потерями. К тому же они привыкли иметь дело с продажными диктаторами, которые в ненасытной жажде власти и денег были готовы на любую сделку с американскими монополистами. В случае же необходи-

мости их можно было сравнительно легко и быстро сместить.

С буржуазно-демократическими режимами у американских предпринимателей отношения складывались часто не так просто. В данном случае значительно расширялся круг подкупаемых лиц — политических, военных и государственных деятелей, приходилось тщательнее маскировать взятки, шантаж. В латиноамериканских странах с буржуазно-демократическими режимами успешная предпринимательская деятельность требовала от американских монополистов большей гибкости, политического искусства, нежели в странах с диктаторскими режимами. Многие американские дельцы почувствовали здесь усилившееся соперничество западногерманских, французских, английских, итальянских и японских предпринимателей.

К идеям отказа от ставки США на диктаторские режимы особенно негативно относились многие монополисты Техаса и Калифорнии, которым импонировали силовые, грубые методы на международной арене. Из-за своей недостаточной образованности, низкой культуры они не могли понять социальной стороны упреждающих революционный процесс реформ, считали их слишком заумными построениями «яйцеголовых», работающих в первую очередь на их соперников с Северо-Востока страны.

С тревогой наблюдая за латиноамериканской политикой США, Роберт Кеннеди, находясь в составе администрации Джонсона, не мог позволить себе открытой критики его политики.

В апреле 1965 года в Доминиканской Республике произошло народное восстание против проамериканского диктаторского режима. Посольство США и резидентура ЦРУ направили целый поток панических телеграмм в Вашингтон, в которых это движение объявлялось «коммунистическим».

Выступления народных масс, в которых участвовали самые широкие политические круги и патриотически настроенные военные, привели к свержению диктатуры в Доминиканской Республике. Было создано Временное революционное правительство. Посольство и резидентура ЦРУ, убедившись, что местные реакционеры не могут справиться с революционным движением, настойчиво рекомендовали Вашингтону организовать военную интервенцию США, оправдывая ее перед общественным мнением необходимостью «спасения американских жизней».

Эти рекомендации были с одобрением восприняты и руководством ЦРУ, и хозяином Белого дома. Не проконсультировавшись ни с кем из своих союзников, в том числе ни с одним из членов Организации американских государств, президент принял решение направить в Доминиканскую Республику американскую морскую пехоту. Подобная акция в последний раз предпринималась Соединенными Штатами в 1928 году.

Это была интервенция, предпринятая не только вопреки всем нормам международного права и Уставу Организации Объединенных Наций, но и вопреки уставу действовавшей под эгидой Соединенных Штатов ОАГ. Администрация Джонсона сделала попытку возвести подобные акции в ранг особой привилегии Соединенных Штатов по поддержанию «закона и порядка» в западном полушарии. В официальных и журналистских кругах США распространялась так называемая «доктрина Джонсона» для Латинской Америки, которая говорила о «решимости» Соединенных Штатов не допускать появления «нового Кастро», об американском «праве» на вооруженную интервенцию в любую из латиноамериканских стран в случае возникновения «угрозы ее перехода под коммунистическое господство» [II — 29; с. 311 — 312].

Американская интервенция в Доминиканскую Республику вызвала во всем мире, в том числе и в Латинской Америке, осуждение. С критикой действий администрации Джонсона выступили многие буржуазные политические и государственные деятели. Джонсон в целях смягчения критики и усиления поддержки со стороны тех латиноамериканских стран, которые не торопились проявить солидарность с Вашингтоном, направил туда своих эмиссаров.

Одним из тех, кому предложили выполнить такую миссию, был помощник Джона Кеннеди — известный либеральный историк Артур Шлезингер-младший. Шлезингер поначалу поверил документам ЦРУ, где утверждалось, что события в Доминиканской Республике — результат «коммунистического заговора». Однако после встреч с латиноамериканскими политическими деятелями, находившимися в Вашингтоне, он усомнился в версии событий, которую преподносил Белый дом. Особенно на него повлияла позиция венесуэльского либерально-буржуазного деятеля Р Бетанкура, который был хорошо информирован о характере оппозиции свергнутой проамериканской хунте в Санто-Доминго.

Получив более достоверные сведения о происходивших в Доминиканской Республике событиях, Шлезингер отказался от поручаемой ему миссии. Он несколько раз встретился с Робертом Кеннеди, который на основе собственных источников информации поставил под сомнение официальные сообщения о действиях революционных сил в Доминиканской Республике и целесообразность предпринятых Джонсоном действий. После консультаций со Шлезингером Р. Кеннеди выступил в сенате США, заявив, что движение в Доминиканской Республике было по-настоящему массовым, а не действиями кучки заговорщиков. Он подчеркнул, что в движении доминировали «сторонники демократических реформ» (буржуазно-демократических. — *Авт.*), а отнюдь не те, кто выступал за создание социалистического строя в этой стране. Кеннеди критиковал администрацию Джонсона и за то, что интервенция в Доминиканскую Республику была предпринята без консультаций с членами Организации американских государств [III — 131; с. 745 — 746].

Весьма критически отнеслись к решению Джонсона о посылке американских войск в Доминиканскую Республику и многие деятели либерального крыла и даже центра демократической партии США. В их числе наиболее заметно звучали голоса деятелей, входивших в администрацию Джона Кеннеди, но оказавшихся на втором плане после появления в Белом доме Джонсона. Среди них был и Эдлай Стивенсон, который обратил внимание на поведение Джонсона, резко контрастировавшее с поведением Джона Кеннеди в аналогичных ситуациях. Если Кеннеди в условиях карибского кризиса сознательно затягивал принятие окончательного решения, шаг за шагом анализируя и взвешивая возможные варианты действий, то Джонсон решился на применение грубой силы в считанные часы, не рассматривая при этом практически никаких других вариантов [III — 131; с. 746].

Нельзя не отметить, что в тот период критика со стороны либералов в адрес Джонсона раздавалась преимущественно в узком кругу политической элиты, она еще практически не доходила до страниц «большой прессы». Только масштабы американской агрессии во Вьетнаме, глубина и широта антивоенного движения внутри страны и тот тупик, в который попала внешняя политика США в целом, заставили многих либералов в открытую требовать корректировки внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов, ограничений на применение прези-

дентами военной силы в конфликтных и кризисных ситуациях.

Сенатор Р. Кеннеди был среди тех государственных и политических деятелей США, кто раньше других увидел опасность курса, избранного администрацией Джонсона.

Вскоре после американской интервенции в Доминиканскую Республику Роберт начинает готовиться к поездке в ряд латиноамериканских стран. Важным этапом подготовки к этой поездке была встреча с заместителем государственного секретаря по латиноамериканским делам Джеком Воу, сменившим на этом посту Манна (ставшего заместителем государственного секретаря по экономическим вопросам). Воу, проинструктированный соответствующим образом помощником Джонсона Джеком Валенти, вел себя по отношению к сенатору Кеннеди весьма бестактно, несколько раз называя погибшего президента Кеннеди «ваш брат», причем с явным оттенком недоброжелательности. Воу, в частности, заявил, что те проблемы, с которыми США столкнулись, например, во взаимоотношениях с Перу, являются результатом политики Джона Кеннеди, который после военного переворота в этой стране заморозил все отношения с режимом.

Когда же Роберт выразил свою поддержку этой акции Джона Кеннеди, Воу заявил, что, пока он находится на посту заместителя государственного секретаря по латиноамериканским делам, США подобных действий более никогда не будут предпринимать [III — 131; с. 746].

Первой страной, которую посетил Р. Кеннеди, была Перу. В столице этого государства — Лиме ему был предложен стандартный набор протокольных встреч и развлечений, которым охотно довольствовались подавляющее большинство приезжавших американских сенаторов и конгрессменов. Кеннеди, однако, отказался и от участия в приеме в честь короля Бельгии, и от посещения боя быков, и от встречи с директорами предприятий, принадлежащих американским компаниям. Свой первый визит он нанес студентам местного университета. Это была очень нелегкая для американского сенатора встреча. Ему пришлось ответить на множество сложных вопросов о внешней политике США, о природе американского общества. Задаваемые вопросы, реакция на ответы явно показали Кеннеди, что среди перуанских студентов, как он и опасался, преобладали левые и антиамериканские настроения. Отвечая на вопросы, Ро-

берт всеми доступными ему средствами, не делая в то же время прямых выпадов в адрес политики Джонсона, пытался убедить аудиторию в том, что поддержка диктатур и американских монополий, действующих в латиноамериканских странах, отнюдь «не является» доминирующей линией во внешней политике Соединенных Штатов в целом. Одновременно он соглашался с тем, что в латиноамериканских странах действительно назрели некоторые демократические и социальные реформы, которые США якобы могут поддержать или по крайней мере не будут им препятствовать.

Посетив Чили, Кеннеди встретился с христианско-демократическим президентом Эдуардо Фреем. Режим этого президента считался одним из немногочисленных примеров буржуазной демократии в Латинской Америке, который импонировал либеральному крылу правящей элиты США.

После столицы Чили Сант-Яго Р. Кеннеди направился в город Консепсьон, в котором были особенно сильны левые силы. Здесь его встретила мощная антиимпериалистическая демонстрация, организованная студентами местного университета. Кеннеди пригласил их представителей к себе в номер гостиницы. Студенты согласились и в ходе непродолжительной беседы объяснили Роберту, что они выступают не против него лично, а против представителя правительства, руки которого «все в крови». Во время этой встречи Кеннеди добился от представителей студентов согласия на свое выступление в местном университете. Выступление состоялось, однако успеха Кеннеди не принесло.

После встреч со студентами Роберт решает спуститься в угольную шахту, рабочие которой были под сильным влиянием коммунистов. Американское посольство и владельцы шахты старались всячески отговорить его от этого, но Роберт настоял на своем. Он спустился в шахту, прошел по ней до конца разработок, уходящих на 2—3 км под дно океана. Кеннеди воочию увидел тяжелейшие условия труда чилийских шахтеров, отсутствие устройств, обеспечивающих их безопасность. Потрясенный впечатлениями от этой экскурсии, он заявил американскому репортеру, что если бы работал шахтером в этом месте, то тоже стал бы коммунистом.

По пути в Бразилию из Чили Р. Кеннеди в течение двух суток находился в Аргентине. Здесь Роберт отмечает свое сорокалетие. На празднование дня рождения, организованного его женой Этель, собралось изрядное

число людей. Вечер был полон шуток, анекдотов, веселья. С большим успехом Этель демонстрировала гостям игрушечный самолет, который она называла «авиаразведчиком У-2», посланным Линдоном Джонсоном собирать данные о латиноамериканской поездке ее мужа.

В разных районах Бразилии он встречался с бизнесменами, политическими деятелями, посещал заводы, сахарные плантации, новые жилые кварталы, не обходился вниманием трущобы. Кеннеди вступал в дискуссии с американскими дипломатами, работавшими в Бразилии, и военным президентом Кастелло Бранко. Программа у него очень напряженная, даже изматывающая. Ее реализация дается Роберту нелегко. Он становится все более нервным. Однажды, сидя в кафе в Рио-де-Жанейро, он слышит громкие отрывистые звуки на улице, которые принимает за револьверные выстрелы. Роберт вскакивает и успокаивается лишь тогда, когда понимает, что это были не выстрелы, а звуки выхлопа у проезжавшего мимо автомобиля. Своим спутникам он говорит, что рано или поздно выстрелы будут произведены и в его сторону.

Вскоре Роберт вернулся в Вашингтон, где занялся обработкой своих записей и впечатлений, приведением их в более или менее стройную систему оценок происходящего в Латинской Америке. В результате он делает выводы, что это означает для Соединенных Штатов.

Люди Линдона Джонсона действительно пристально следили за поездкой Кеннеди. Президента волновали не выступления Роберта против тех или иных аспектов политики США в Латинской Америке. По мнению Джонсона, Роберт уже готовил почву для своего выступления против него в качестве главного соперника в демократической партии на предстоящих президентских выборах. Будь на месте Кеннеди какой-нибудь сенатор или конгрессмен, не обладавший «президентским потенциалом», Джонсон, несомненно, отнесся бы к его выступлениям, в которых звучало несогласие с политикой, проводимой администрацией, по-иному. Он просто поручил бы госдепартаменту дезавуировать наиболее неприемлемые моменты в его выступлении, а остальные бы игнорировал. (Впрочем, мало кто из американских законодателей в то время мог себе позволить столь значительное проявление несогласия с политикой администрации, выражаемое в заграничной поездке, — такое себе мог позволить именно Роберт Кеннеди, человек с собственной политической базой и финансовой самостоятельностью.)

Многое говорит о том, что поездка Кеннеди в Латин-

скую Америку усилила антагонизм между ним и Л. Джонсоном, послужила немаловажным этапом в подготовке Роберта к выступлению в качестве претендента на президентский пост в 1968 году.

Глава XIX

Р. КЕННЕДИ В ПЕРИОД НОВОГО ЭТАПА ЭСКАЛАЦИИ АМЕРИКАНСКОЙ АГРЕССИИ ВО ВЬЕТНАМЕ

Для администрации Джонсона вьетнамский вопрос, оставленный в наследие ее предшественницей, был весьма непростым. При Джоне Кеннеди значительно возросла численность американского военного персонала в Южном Вьетнаме, поставки туда военного снаряжения. В то же время Джон Кеннеди воздерживался от прямого широко-масштабного использования американских боевых частей против патриотических сил, от проведения массированных налетов бомбардировочной авиации. По некоторым данным, он намеревался вообще к 1965 году осуществить вывод американского военного персонала из Южного Вьетнама.

Джонсон еще при жизни Джона Кеннеди был сторонником более жестких американских обязательств в отношении Южного Вьетнама и Юго-Восточной Азии в целом. Эта линия проявилась еще очевиднее после убийства в Далласе.

24 ноября 1963 года Джонсон, заняв место в Овальном кабинете Белого дома, собрал совещание по вьетнамской проблеме, на котором должен был выступить посол США в Сайгоне Лодж. Р. Кеннеди на это совещание приглашен не был. На нем Джонсон твердо заявил, что не желает остаться в американской истории президентом, который «потерял Вьетнам».

Вскоре после этого совещания в соответствии с прямыми указаниями Джонсона был подготовлен специальный директивный документ Совета национальной безопасности, в котором было зафиксировано следующее: «Центральной задачей Соединенных Штатов в Южном Вьетнаме остается помощь народу и правительству этой страны в достижении ими победы в борьбе против направленного и поддерживаемого извне коммунистического заговора» [III — 70; с. 45]. Из определения целей

США в Южном Вьетнаме видно, что Джонсон в определенной мере отошел от оценок своего предшественника: Кеннеди избегал квалифицировать борьбу в Южном Вьетнаме как противодействие «коммунистическому заговору», направляемому с Севера, он предпочитал говорить об этой борьбе как о «гражданской войне». Это различие в оценках событий во Вьетнаме имело, как показали последующие события, весьма глубокий смысл для определения характера и масштабов агрессивных акций американского империализма.

В упомянутом документе Совета национальной безопасности внешне подтверждались намерения предыдущей администрации начать вывод американского военного персонала из Южного Вьетнама. Но тут же делалось заявление о том, что американские военные программы помощи новому режиму должны оставаться на том же уровне, который был при режиме Нго Динь Зьема. Таким образом, решение администрации Кеннеди о выводе военного персонала из Южного Вьетнама практически сводилось к нулю. В декабре 1963 года из Южного Вьетнама был выведен чисто символический контингент в 1000 человек. Одновременно, как стало известно позднее из целого ряда документов, Джонсон планировал расширение войны.

Непосредственно перед трагедией в Далласе Роберт Кеннеди почти не участвовал в обсуждении вьетнамской проблемы, в силу этого ему были недостаточно известны углублявшиеся сомнения Джона Кеннеди относительно дальнейшего американского курса в этой области.

Внимание Роберта Кеннеди к вьетнамской проблеме усиливается в июне 1964 года. Возможно, к этому его подтолкнуло известие о том, что Лодж все настойчивее стремился отделаться от своего поста в Сайгоне. Роберт изучает доклад ЦРУ, в котором подвергаются сомнению постулаты «теории домино», в соответствии с которой в случае падения проамериканского режима в Южном Вьетнаме в руках коммунистов окажется вся Юго-Восточная Азия. Он не остается равнодушным и в отношении меморандума сенатора Мэнсфилда, призывавшего президента более гибко отнестись к американским обязательствам во Вьетнаме. Р. Кеннеди пишет письмо Джонсону, в котором предлагает свои услуги в качестве главы миссии по обследованию положения дел в Южном Вьетнаме, подчеркивая при этом, что вьетнамская проблема становится центральным вопросом внешней политики США. Джонсон отказывает Роберту в этом, мотивируя

свое решение опасностью покушения на его, Кеннеди, жизнь в Южном Вьетнаме. Получив отказ, Роберт на время теряет интерес к вьетнамской проблеме и больше занимается внутривластными вопросами, в первую очередь гражданскими правами негров.

Джонсон в это время преимущественно занят обеспечением победы на выборах над сенатором Барри Голдуотером. Вьетнамский вопрос еще не стал главной темой политической жизни США, поэтому президент выступает по нему сравнительно редко. Однако тон выступлений Джонсона относительно американских обязательств во Вьетнаме становится все более жестким. Он доходит до заявлений о том, что именно здесь происходит решительное испытание силы и воли «свободного мира» в борьбе против коммунизма, что Соединенные Штаты в соответствии со своими обязательствами в СЕАТО должны вмешаться в случае необходимости, используя всю свою мощь [III — 72; с. 104 — 105, 112].

2 августа 1964 года корабли ВМС США провоцируют в Тонкинском заливе инцидент с торпедными катерами ДРВ. Президент Джонсон дает приказ о приведении в полную боевую готовность всех американских военных сил в Юго-Восточной Азии, а затем распоряжается провести авианалет на порты и наземные сооружения ДРВ. Это было самым беззастенчивым нарушением всех норм международного права, первым неприкрытым использованием Соединенными Штатами военной силы против Демократической Республики Вьетнам, хотя диверсионные тайные операции осуществлялись против ДРВ в широких масштабах уже на протяжении целого ряда лет.

Шовинистическая и милитаристская атмосфера вокруг тонкинского инцидента помогла сторонникам Джонсона провести в сенате резолюцию, фактически развязывавшую ему руки в применении военной силы в Индокитае без официального объявления войны. В числе сторонников этой резолюции был и сенатор У. Фулбрайт, который через год с небольшим превратится в одного из наиболее активных критиков эскалации американской агрессии во Вьетнаме. Между ним и сенатором Джоном Шерманом Купером, скептически отнесшимся к данной резолюции, в ходе дебатов состоялся весьма примечательный диалог. Купер спросил Фулбрайта как председателя сенатского комитета по иностранным делам, можно ли интерпретировать принимаемую резолюцию как предоставление главе исполнительной власти загода права

на проведение любых акций во Вьетнаме, которые тот сочтет нужным предпринять, в том числе тех акций, которые фактически будут втягивать Соединенные Штаты в войну. И Фулбрайт на этот вопрос ответил утвердительно, сказав, что он «именно таким образом и интерпретировал бы» эту резолюцию [III—26; с. 68409].

По личному распоряжению президента самолеты ВВС США наносили удары по целям на территории Демократической Республики Вьетнам. Одновременно в южно-вьетнамском городе Дананге размещается батальон сил ПВО корпуса морской пехоты США, что означает первое официальное прибытие в Южный Вьетнам американской боевой части [III—11; с. 19]. В результате военных акций США международная обстановка вокруг вьетнамской проблемы резко обострилась. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин заявил о том, что в случае вторжения США на территорию ДРВ Советский Союз окажет Ханюю всю необходимую помощь. Аналогичное заявление через несколько дней делает правительство Китайской Народной Республики.

8 марта 1965 года в Южный Вьетнам прибывает первый батальон стрелковых частей корпуса морской пехоты, а 19 марта — стрелковый батальон сухопутных сил США. 2 апреля Джонсон объявляет о своем намерении послать туда еще несколько тысяч солдат и офицеров из числа боевых частей американских вооруженных сил [III—11; с. 20].

К бомбардировкам ДРВ и вводу на территорию Южного Вьетнама американских боевых подразделений Роберт Кеннеди отнесся негативно. В конце апреля 1965 года он посетил президента и в ходе встречи настаивал на прекращении бомбардировок и призывал к сдержанности в отношении дальнейшей эскалации военных действий в Индокитае. Джонсон заверяет Кеннеди, что примет во внимание соображения последнего. Однако почти одновременно он запрашивает конгресс о выделении дополнительно 700 млн. долларов для оказания помощи южно-вьетнамским марионеткам, подчеркивая при этом особый характер этих ассигнований, голосование по которым должно продемонстрировать политическую поддержку его курса в Индокитае. От этого шага, по свидетельству А. Шлезингера, Роберт Кеннеди приходит в бешенство [III—131; с. 672].

С целью оправдания своей политики в Юго-Восточной Азии администрация Джонсона предпринимает ряд пропагандистских и дипломатических акций на междуна-

родной арене. В конце марта 1965 года Белый дом опубликовал заявление Джонсона о том, что он «готов поехать куда угодно, в любое время и встретиться с кем угодно, когда бы ни появилась надежда на сдвиг в направлении почетного мира». Демагогическое предложение начать переговоры о мире было сделано Джонсоном и 7 апреля 1965 года в выступлении в Университете Джона Гопкинса в Балтиморе. Он снова выдвинул старый план «программы экономического развития бассейна реки Меконг», на который США предлагали ассигновать 1 млрд. долларов и в котором мог принять участие Северный Вьетнам. Лицемерный характер подобных заявлений Джонсона определялся не только тем, что администрация усиливала свои агрессивные военные действия, но и тем, что одновременно выдвигались заведомо неприемлемые и нереалистические требования о ликвидации Национального фронта освобождения, прекращении «агрессии ДРВ», о сохранении в неприкосновенности сайгонского марионеточного режима и американских доминирующих позиций в Индокитае [III — 30; с. 331].

По оценке американского историка Ч. Купера, в это время у администрации Джонсона еще имелись возможности для осуществления вывода американских войск из Южного Вьетнама и предотвращения эскалации войны [III—161]. Представляется, что Купер дал подобную оценку, потому что главные решения о расширении американской агрессии еще не были приняты на высшем уровне власти. Но он, видимо, не учел, что подобные планы все настойчивее разрабатывались американским генералитетом, который, добиваясь усиления своего влияния на внешнюю политику страны, затрачивал огромные усилия на обработку общественного мнения в шовинистическом и милитаристском духе. В этом генералитет действовал рука об руку с различными организациями правого и ультраправого толка, щедро субсидируемыми фабрикантами оружия, жаждавшими расширения военных действий во Вьетнаме и соответствующего увеличения федеральных ассигнований на закупки военной техники и различного снаряжения. Немалые надежды на расширение войны возлагали и руководители многих компаний, занятых преимущественно в невоенных отраслях, но стремившихся также получить дополнительные прибыли в случае расширения спроса на военную продукцию. Очень немногие предприниматели и экономисты серьезно задумывались о том, что скачок в военных расходах может вызвать безудержную инфля-

цию, привести к снижению капиталовложений в невоенные отрасли экономики и существенно ослабить конкурентные позиции США перед лицом Западной Европы и Японии. В правящих кругах США немногие понимали, что разбухание военных расходов не позволит осуществить в полной мере намеченные мероприятия в социальной сфере, направленные на предотвращение обострения внутренней социально-политической обстановки в стране.

После тонкинского инцидента и ряда успехов сил НФО в Южном Вьетнаме американский генералитет, в первую очередь Комитет начальников штабов, считал, что настал час решительных военных действий с использованием большинства компонентов американской военной мощи, что руководство американскими действиями в Индокитае, и в первую голову в Южном Вьетнаме, должно перейти к нему.

В прессу все чаще стали просачиваться сведения о том, что военные недовольны действиями политиков, которые, по их мнению, слишком осторожничают, много маневрируют, действуют с оглядкой на другие государства и на внутреннее общественное мнение. Члены КНШ, за малым исключением, считали: гражданские советники президента лишь дезориентируют Белый дом; именно они, военные, в этот «час испытаний» для Америки должны стать ближайшими к президенту людьми. Особенно негативно они относились к министру обороны Макнамаре и его гражданским «вундеркиндам», которые каждое предложение военных подвергали рассмотрению с применением методов системного анализа, а это часто воспринималось профессиональными военными как проявление недоверия к их компетенции. Яркими «ястребами» в Комитете начальников штабов были начальник штаба ВВС генерал Кертис Лимэй, начальник штаба ВМС адмирал Дэвид Макдональд и командующий корпусом морской пехоты генерал Уэлли Грин (не являвшийся полноправным членом КНШ, но игравший в нем весьма заметную роль). Их поддержал высший генералитет соответствующих видов вооруженных сил. Генералы военно-воздушных сил были убеждены в необходимости нанесения массированных, неограниченных бомбардировок по позициям южновьетнамских патриотов и по ДРВ; командование военно-морских сил жаждало доказать пригодность в ракетный век авианосных соединений для военных действий.

Известный либеральный хронист вьетнамской агрес-

сии США Дэвид Халберстэм писал об этих членах КНШ: «Они были простыми людьми, продуктами соответствующей подготовки, среды и своего времени, и они верили в старые принципы войны. Если вы вступаете в войну, то вы используете военную силу, а если используете военную силу, то надо использовать ее в максимальной мере. Если вы собираетесь осуществить бомбардировку, то это должна быть массированная бомбардировка каждой из известных целей...» [III—53; с. 593—594]. Поэтому их очень раздражали любые ограничения военных акций, обусловленные политическими соображениями, которые считались ими надуманными, проистекающими от «мягкотелой природы» политических деятелей. Американские генералы доказывали, в частности, что паузы между ограниченными военными акциями лишь позволяют противнику маневрировать, сокращать свои потери и увеличивать потери американцев и южновьетнамских марионеток. Все члены КНШ требовали проведения массированных бомбардировок ДРВ, но наибольшей агрессивностью среди них выделялся Кертис Лимэй. Он настаивал на разрушении ирригационных сооружений на территории ДРВ, что привело бы к затоплению значительной части страны и огромным жертвам среди мирного населения. Члены КНШ требовали также не постепенного, а быстрого, ударного наращивания в Южном Вьетнаме американских сил — до 600—700 тыс. человек в течение нескольких месяцев, с тем чтобы противник не успел соответствующим образом отреагировать на усиление американской вовлеченности в войну.

Высший американский генералитет не хотел принимать во внимание те факторы, которые не могли игнорировать президент Джонсон, его помощники, члены Совета национальной безопасности: гражданское государственное руководство США, осуществляя шаг за шагом усиление вмешательства во Вьетнаме, вынуждено было в то же время следить за реакцией различных государств на эти агрессивные действия.

В первую очередь Джонсон должен был учитывать твердую позицию Советского Союза, оказывавшего непосредственную помощь ДРВ в отражении американской агрессии, сдерживавшего своей политической и военной мощью Соединенные Штаты от более широких военных действий против ДРВ. Джонсон обратил внимание и на то, что по мере эскалации войны в Индокитае, роста американского участия в ней страны Западной Европы и некоторые другие союзники США все более холодно

относятся к американской политике в этом регионе. Особенно сложные отношения у администрации Джонсона складывались с президентом Франции де Голлем, который с 1963 года все активнее выступал за нейтрализацию Южного Вьетнама, а это, разумеется, предусматривало полный вывод оттуда американского военного персонала. Однако деголлевские предложения и усилия в этой области воспринимались Джонсоном как проявление недружественности по отношению к Соединенным Штатам, как чуть ли не предательство. Некоторые деятели в окружении Джонсона видели в этом и хитроумный умысел французской дипломатии, ориентированный на восстановление влияния Франции в Юго-Восточной Азии.

Еще со времени карибского кризиса у Роберта Кеннеди сложились довольно напряженные отношения с большинством высших военных чинов. Он убедился, насколько безответственно и узколобо они подходят к важнейшим военно-политическим проблемам. Интересуясь военными вопросами, он предпочитал обращаться за консультациями к Макнамаре и другим гражданским руководителям Пентагона, которые, как считал Кеннеди, принимают во внимание значительно более широкий набор фактов при обсуждении тех или иных вопросов своего ведомства, чем профессиональные военные.

С большим вниманием Кеннеди относился и к оценке различных международных аспектов вьетнамской проблемы, в том числе к вопросу о реакции западноевропейских союзников США на эскалацию войны. В этом отношении он все больше присматривался к позиции заместителя государственного секретаря Джорджа Болла.

На протяжении ряда лет Дж. Болл был одним из немногих среди высокопоставленных деятелей администрации Джонсона, кто последовательно и целеустремленно выступал против американской вовлеченности в войну в Южном Вьетнаме. Болл не был экспертом по Юго-Восточной Азии или Дальнему Востоку, не занимался проблемами национально-освободительного движения и «контрповстанческих действий». Большая часть карьеры Болла была связана с Западной Европой и экономической проблематикой; он был одним из самых ярких сторонников всемерного укрепления американо-западноевропейских отношений с учетом интересов и позиций главных западноевропейских государств. Его интерес к вьетнамской проблеме был обусловлен опасениями,

что чрезмерная вовлеченность США в события в Юго-Восточной Азии отвлечет внимание американской администрации от взаимоотношений с Западной Европой. Ориентация на главенствующую роль в системе внешнеполитических приоритетов США отношений с западноевропейскими государствами у Дж. Болла находилась, как представляется, в тесной связи с интересами подавляющей части крупнейших промышленников и финансистов Бостона, Нью-Йорка, Чикаго, Филадельфии, Питтсбурга и других центров Северо-Востока страны, инвестировавших огромные капиталы в Западной Европе и получавших оттуда изрядные прибыли. (Эта связь Болла стала особенно очевидной после его ухода из госдепартамента, когда он стал одним из руководителей крупной банковской фирмы «Лимэн бразерс» на Уолл-стрите.) Монополисты Северо-Востока практически закрыли доступ на европейские рынки для корпораций других регионов США. Это усиливало стремление последних обосноваться в других районах земного шара, в том числе в Юго-Восточной Азии.

В понимании Дж. Болла система межгосударственных отношений представляла собой не два противостоящих друг другу идеологических блока, а несколько ведущих «центров силы» с их сферами влияния. Он, в частности, полагал, что объединенная Западная Европа должна иметь доминирующее влияние в Африке, Советский Союз — в Восточной Европе, Япония — в большей части Азии (включая Китай), а Соединенные Штаты — в Латинской Америке. Новый миропорядок, как считал Дж. Болл, мог образоваться на основе договоренности и даже союзнических отношений между упомянутыми четырьмя «центрами силы». В отсутствие же такого союза миру грозят постоянные конфликты и кризисы, истощающие ресурсы всех их участников и ставящие ведущие государства на грань самоубийственной войны. Кое в чем взгляды Болла напоминали концептуальные построения помощника по национальной безопасности президента Никсона Г. Киссинджера, а также идеи «трехсторонней комиссии», многие члены которой стали заметными фигурами в администрации Картера. Он часто вступал в дебаты с Ачесоном и другими близкими к последнему представителями американского «внешнеполитического истеблишмента», настроенными примитивно антикоммунистически. Взгляды Болла во многом совпадали со взглядами известного американского историка и дипломата, бывшего посла США в Москве Джорджа

Кеннана, призывавшего к отказу от узколобых антикоммунистических догм, доминировавших во внешнеполитическом мышлении правящей элиты США в послевоенный период. Разумеется, взгляды Болла, Кеннана и их единомышленников не адекватны современной системе международных и межгосударственных отношений, в них отсутствует понимание их подлинной социально-классовой природы. Однако с точки зрения развития отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами в духе мирного сосуществования они были, как представляется, более реалистичными, чем взгляды Ачесона и его единомышленников.

Расхождение во взглядах между Ачесоном и Боллом не помешало первому в период формирования администрации Джона Кеннеди настойчиво рекомендовать Болла на пост государственного секретаря. Ачесон исходил из того, что Болл будет наиболее последовательным проводником идей укрепления американо-западноевропейских отношений: сам Ачесон, выражая интересы той же монополистической группировки Северо-Востока, считал это главнейшим условием для успешной борьбы с Советским Союзом и «мировым коммунизмом».

В 1965 году Роберт Кеннеди начинает внимательно прислушиваться к мнению Болла относительно войны во Вьетнаме. При этом он преодолевает сложившееся ранее недоверие к Боллу как к человеку Стивенсона, представителю того крыла демократической партии, которое долгое время не соглашалось на лидерство Джона Кеннеди в партии.

Свое отрицательное отношение к агрессии США во Вьетнаме с точки зрения ее несоответствия истинным внешнеполитическим приоритетам США Болл подкреплял и соображениями военно-политического порядка. Он считал, в частности, что бомбардировки позиций патриотов на Юге и нанесение ударов по ДРВ не принесут никаких результатов для США. Во время второй мировой войны Болл работал в специальной группе по оценке эффективности американских стратегических бомбардировок Германии. Опираясь на свой опыт, он говорил, что если бомбардировки даже столь развитой в промышленном отношении страны, как Германия, не принесли желаемых экономических и морально-психологических результатов, то уж в отношении аграрной страны они тем более бессмысленны.

Болл также призывал учитывать и опыт колониальной войны французов в Индокитае, которая после много-

летних усилий была ими безнадежно проиграна и принесла большие жертвы с обеих сторон. Он был лично знаком со многими французскими генералами и политическими деятелями и хорошо знал, какими издержками для правящего класса Франции, для политической системы, для боеспособности вооруженных сил обернулась проигранная колониальная война. Болл опасался, что подобные последствия вьетнамской агрессии могут иметь место и в Соединенных Штатах.

Оценив с разных сторон складывающуюся вокруг проблемы американской агрессии во Вьетнаме ситуацию, Р. Кеннеди решает выступить с большой речью на эту тему. В речи, которую он произнес 6 мая 1965 года, Роберт заявил, что уход американских сил из Вьетнама невозможен потому, что он означал бы отказ от той политики, которую проводили три предыдущие администрации, и «ослабление демократии в Азии». В то же время эскалация военных действий, подчеркнул он, будет означать посылку в Южный Вьетнам сотен тысяч американских военнослужащих, нагнетание международной напряженности до такой степени, что это приведет к ядерной войне. В силу этого остается один курс, заявлял он, — курс на переговоры с противником [III—27; с. S 9760—9761].

Следующее выступление Р. Кеннеди по вьетнамской проблеме должно было состояться в Международной политической академии. Еще до выступления текст речи был распространен среди журналистов. В этой речи он заявил, что задача контрповстанческих действий заключается не в уничтожении повстанцев, а в том, чтобы вернуть их к «нормальной жизни», американские бомбардировки не решают ничего в борьбе против повстанцев в пользу США и их южновьетнамских протезе, а лишь усиливают ненависть южновьетнамских крестьян по отношению к американцам. История последних двадцати лет, подчеркивал Роберт, учит, что подход к революционным войнам должен быть в первую очередь политическим, что победа в революционной войне достигается не эскалацией, а деэскалацией [III—131; с. 787].

Эта речь Кеннеди вызвала большое недовольство в Белом доме; она была воспринята как явный удар по вьетнамской политике администрации. Все ведущие американские газеты поместили выдержки из нее на своих страницах. Многие комментаторы интерпретировали выступление Роберта как чисто политиканский ход, направленный не против сути американской политики в ЮВА, а против Джонсона.

Все более активно занимаясь вьетнамской проблемой, Роберт решает приняться за необычное дело — обмен пленными с Национальным фронтом освобождения при посредничестве правительства Алжира. Его усилия были в конечном счете заблокированы Максвеллом Тэйлором, ставшим к тому времени послом США в Сайгоне. Не добившись результатов в обмене пленными, Роберт, однако, получил возможность убедиться, что противник США и их марионеток в Южном Вьетнаме — это отнюдь не «банда террористов», как пыталась убедить весь мир администрация Джонсона, а серьезная политическая организация с разветвленной структурой и собственной законностью. И с этой организацией — Национальным фронтом освобождения вполне возможны серьезные переговоры.

Администрация Джонсона, напротив, продолжала искать решение вьетнамской проблемы военным путем, наращивая американские вооруженные силы в Южном Вьетнаме. Известия о посылке все новых и новых контингентов американских войск в ЮВА стали встречаться в США с растущим скептицизмом. В это время профессор Ратгерского университета Юджин Дженовезе наиболее открыто выразил сомнения, овладевшие частью интеллигенции, заявив, что, по его мнению, в этой войне победит Вьетнам. Американские ура-патриоты в различных уголках страны потребовали изгнания Дженовезе из университета, запрещения ему заниматься преподавательской деятельностью. Кеннеди оказался одним из немногих политических деятелей, кто выступил в защиту права Дженовезе и других высказывать точку зрения, резко отличную от официальной. Антивоенные настроения начинают весьма быстро распространяться по Соединенным Штатам: проводятся первые «тич-ины» по вьетнамской проблеме, начинаются волнения в университетских городках-кампусах, сжигаются первые повестки о призыве на военную службу.

Роберт Кеннеди внимательно следит за распространением антивоенных настроений и в начале ноября 1965 года на пресс-конференции в Южнокалифорнийском университете фактически высказывается в поддержку антивоенных демонстрантов. С этого момента его политическая карьера тесно связана с развитием движения против агрессии США во Вьетнаме.

ВНУТРЕННИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕНАТОРА Р. КЕННЕДИ

Как мы уже писали выше, поначалу глубоких разногласий между Линдоном Джонсоном и Робертом Кеннеди по внутренним социальным проблемам не было. В программах «великого общества» Роберт видел в значительной мере продолжение и развитие идей своего брата в направлении новых мер по реализации буржуазно-либеральных реформ. На него, несомненно, подействовала и пышная риторика Джонсона в ходе предвыборной кампании 1964 года, то, как резко контрастировали программные заявления демократов с предложениями в социальной сфере кандидата республиканцев Б. Голдуотера. Это дало основание помощнику президента Л. Джонсона Джеку Валенти впоследствии писать, что мысли его босса и Роберта Кеннеди по негритянской проблеме, по проблеме бедности, по вопросам образования в середине 60-х годов были очень схожими [III — 159; с. 150].

Однако усиливающаяся политическая борьба между Р. Кеннеди и Л. Джонсоном вскоре стала проявляться в их подходах к этим проблемам. Инициатором полемики был, разумеется, Роберт, который стремился создать в глазах и политической элиты, и массы политически активного населения облик, отличный от облика Джонсона.

Занявшись серьезно негритянской проблемой, Кеннеди пришел к выводу, что на данном этапе легче, как это ни парадоксально, было решить ее на Юге, а не в больших индустриальных центрах других районов страны. Гораздо проще провести и даже реализовать на практике законодательство о гражданских правах черных, небезосновательно считал он, нежели устранить социально-экономические корни их неравноправного положения в американском обществе. Значительного улучшения социально-экономического положения черных, полагал Роберт, можно добиться в весьма отдаленном будущем, в течение нескольких десятилетий. Поэтому он предостерегал президента Джонсона от чрезмерного обнадеживания лидеров негритянских организаций относительно быстрого широкомасштабного эффекта для черных соответствующих программ «великого общества». Кеннеди опасался, что завышение президентом и его окружением потен-

циальных результатов политики данной администрации может обернуться резким разочарованием негритянских лидеров не только в самой администрации, но и в политике буржуазно-либерального реформизма демократической партии в целом. Это, в свою очередь, могло бы, как считал Роберт, толкнуть большинство деятелей и организаций негритянского движения на более левые и радикальные позиции, что усилило бы дестабилизацию социально-политической обстановки в стране.

Перед уходом с поста генерального атторнея Кеннеди частично изложил свои соображения в специальном меморандуме, направленном непосредственно президенту Джонсону. Развивая идеи этого меморандума, Роберт в беседе с журналистом Э. Льюисом сказал, что негритянская проблема на Севере США не может быть разрешена теми же законодательными мерами, что и на Юге. Можно добиться законодательным путем разрешения для черных посещать рестораны, открытые до этого только для белых, и селиться в роскошных отелях, но это законодательство не увеличит количество денег, которыми располагают негры, и у них по-прежнему не будет шансов пользоваться теми же ресторанами и отелями, которые посещаются многими белыми американцами [III — 131; с. 8387].

Однако гражданские права негров оставались далеко не решенной проблемой на Юге. Сторонникам их реализации, в том числе представителям либерального крыла правящей элиты США, требовались очень большие усилия, для того чтобы продвинуть дело вперед.

Весной 1965 года Кеннеди приглашают выступить в Университете Миссисипи, где четыремя годами ранее белые расисты намеревались линчевать негра Джеймса Мередита, а также в не менее знаменитом своим расистским духом Алабамском университете.

Выступления Р. Кеннеди на Юге прошли сравнительно успешно, если не считать того, что они усилили ненависть к нему со стороны расистов и других крайне правых элементов. В ряде органов печати правых радикалов снова появились обвинения в том, что Роберт, как и его покойный брат Джон, является «агентом мирового коммунизма».

Вскоре после поездки по южным штатам Роберт отправляется в ряд индустриальных центров других районов США, знакомится с состоянием негритянской проблемы. Он еще раз убеждается в своей правоте относительно глубины и остроты негритянской про-

блемы в этих районах. Кеннеди предсказывает, что в ближайшее время могут вспыхнуть расовые волнения в негритянских гетто крупнейших городов Севера, Среднего Запада, Калифорнии. Вскоре его предсказание сбывается. Доведенные до полного отчаяния своим положением, выходят на улицы черные в Уоттсе — негритянском гетто в Лос-Анджелесе. Их выступления продолжаются в течение шести дней. Гремят взрывы самодельных бомб, завязываются массовые уличные столкновения между неграми и полицейскими. В ходе этих выступлений погибло 34 негра, более 1000 человек получили ранения и увечья. События в Лос-Анджелесе привлекли к себе внимание всех ведущих политических деятелей США, получили широкий резонанс за границей. Эти события, в частности, осуждались в западноевропейских странах в различных слоях общества. Падение престижа США в глазах западноевропейской общественности сказалось на подходе многих политических и государственных деятелей Западной Европы к этой стране, в том числе на их отношении к вопросу о поддержке политики администрации Джонсона в Юго-Восточной Азии.

Занимаясь проблемой черных в больших индустриальных центрах США за пределами Юга, Р. Кеннеди старается обратить на эту проблему внимание крупнейшего деятеля негритянского движения Мартина Лютера Кинга, который почти все свои усилия сосредоточил именно в южных штатах [III — 166; с. 135]. Под влиянием Кеннеди Кинг направляется на Север. Начинает он с Чикаго, где сразу же сталкивается с активистами негритянского движения, которые отказываются исповедовать ненасильственные методы борьбы. Эти радикально настроенные активисты из Чикаго убеждены в том, что свои права черные могут завоевать, лишь прибегнув к силе. Пытаясь переубедить чикагских активистов, Кинг организует ненасильственную демонстрацию, которая с треском проваливается. Масса негров, сконцентрированных в чикагском гетто, игнорирует эту демонстрацию.

Социальные язвы капиталистической Америки в наибольшей мере поражают негритянское население. Однако их жертвами являются и десятки миллионов белых американцев, а также жители страны пуэрто-риканского, мексиканского, азиатского происхождения.

Готовясь к будущим схваткам с Джонсоном и другими претендентами в борьбе за президентский пост, Кеннеди все больше внимания уделяет проблемам бедности,

образования, обеспечения малоимущих слоев населения жильем. Он анализирует выдвигаемые в рамках «великого общества» социальные программы и находит в них множество слабых мест. В частности, он подвергает критике внедряемую администрацией Джонсона систему вспомоществования бедным. Кеннеди небезосновательно критикует ее за то, что она развращает получателей этой помощи, разрушает их мораль, веру в себя, хотя, правда, и не позволяет им умереть с голоду. Он отрицательно относится и к идее минимального гарантированного дохода. Более важным с точки зрения решения проблемы бедности Кеннеди считал создание с помощью федерального правительства полной занятости, условий, при которых не было бы потребности в прямых выдачах государством средств наименее имущим семьям американцев.

Уже в середине 1966 года обнаружилось, что всевозрастающие расходы на войну во Вьетнаме делают невозможным выделение на социальные программы тех средств, которые были запланированы в рамках программ «великого общества» [III — 1].

Оценив соответствующим образом складывающуюся бюджетную ситуацию, Р. Кеннеди, с одной стороны, начинает все активнее критиковать бюджетные приоритеты администрации Джонсона, а с другой — разворачивает свою деятельность в тех областях социальной политики, которые не столь жестко связаны с ассигнованиями. Он, в частности, вносит на рассмотрение сената законопроект о специальном налоговом стимулировании для предпринимателей, которые будут готовы открывать предприятия в «районах бедности». Столкнувшись с сильным сопротивлением ряда группировок сенаторов, Роберт обращается снова к мерам по прямому использованию федеральных бюджетных ассигнований. Совместно с сенатором Джозефом Кларком из Пенсильвании он вносит законопроект относительно создания за счет федеральных средств двух миллионов рабочих мест в сфере общественных работ. Этот законопроект встречает резкую оппозицию со стороны Белого дома, усилиями которого он и проваливается.

Ближе к предвыборной кампании 1968 года Кеннеди предпринимает еще несколько аналогичных попыток. Частично они кончаются неудачей, частично — успехом. В целом же Р. Кеннеди приобретает репутацию последовательного сторонника широкомасштабных реформ в социальной сфере в духе продолжения и развития рузвель-

товской политики «нового курса». Во многом приобретению такой репутации Роберту помогло то, что политика «великого общества» выглядела все более и более бледно. Вьетнамская война занимала львиную долю времени администрации Джонсона и съедала все большую часть федерального бюджета, в том числе в результате ограничения расходов на внутренние социальные нужды.

Глава XXI

РАЗВЕРТЫВАЮЩЕЕСЯ АНТИВОЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАНЕВРЫ Р. КЕННЕДИ

Осенью 1967 года перед началом кампании по выборам президента 1968 года для многих в Соединенных Штатах стало очевидно, что движение против войны во Вьетнаме превратилось в один из важнейших компонентов внутриполитической обстановки. Оно накладывалось на увеличивающуюся напряженность в негритянских гетто, на рост студенческого движения левой ориентации.

Американская правящая элита лихорадочно искала пути снижения внутриполитической напряженности, выхода из вьетнамского тупика, способы по крайней мере предотвращения дальнейшего ухудшения позиций США на международной арене. В правящей элите заметно увеличивается влияние либерального крыла. При этом либеральные политические деятели наряду с предложениями дальнейших реформ в социальной сфере выдвигают значительно более конструктивные предложения по вопросам внешней и военной политики.

Особенно сильными либеральные настроения оказались в демократической партии. Лидерами либералов среди демократов стали Х. Хэмфри, Дж. Макговерн, Ю. Маккарти и Р. Кеннеди. Усилили свои позиции либералы и в республиканской партии. Среди них ведущее место, несомненно, занимал губернатор Нью-Йорка мультимиллионер Нельсон Рокфеллер. Выкристаллизовалось в республиканской партии и крайне правое крыло голдуотеровского толка, где все активнее на роль лидера претендовал калифорниец Рональд Рейган. На центристских позициях у республиканцев оказался Р. Никсон, который оправился после жестоких поражений начала 60-х годов и снова готовился к схватке за высший государственный пост в стране.

В этот момент разворачивается дискуссия о «национальных приоритетах» США, принявшая в первую очередь форму критики раздутых военных расходов, которые не позволяли в необходимых, с точки зрения либералов, масштабах проводить социальные реформы [II — 15; с. 29—64].

Не складывают своего оружия и консерваторы, которые хотя и не смогли воспрепятствовать принятию серии законодательных актов в сфере социальной политики, но в то же время оказались способны ослабить целый ряд законопроектов и ограничить выделяемые по социальным программам средства.

Политика администрации Джонсона все больше теряла свою привлекательность и в глазах широких масс, и в глазах различных сегментов правящей элиты. Это отражалось в результатах опросов общественного мнения. Так, в сентябре 1967 года Р. Кеннеди, по результатам опросов Луиса Харриса, стал по степени популярности значительно опережать Л. Джонсона: 51 : 39 в пользу первого. Это было заметным усилением позиции Кеннеди, ведь еще в июле Джонсон опережал его: 45 : 39 в пользу президента. В октябре перевес в пользу Кеннеди еще больше увеличился — 52 : 32 [III — 55; с. 203].

Роберт, его сторонники и многие боссы демократической партии внимательно отнеслись к подобным результатам. Кандидатура Кеннеди стала все чаще обсуждаться в качестве альтернативы кандидатуре Джонсона на выборах 1968 года. Однако до окончательного решения о выдвижении Кеннеди в таком качестве было далеко. К этому еще не был готов ни сам Роберт, ни те закулисные «делатели королей», которые склонялись к тому, чтобы поставить на него. Все понимали, что бросить вызов Джонсону, пусть даже теряющему популярность, будет непросто. Добивающийся переизбрания президент всегда обладает целым рядом преимуществ перед своими соперниками; эти преимущества прямо связаны с теми большими возможностями завуалированного подкупа, давления, влияния, которыми обладает действующий глава исполнительной власти. И Джонсон беззастенчивее, чем многие другие американские президенты, пользовался тем, что ему давало президентство, для увеличения числа своих сторонников среди руководителей и активистов демократической партии.

Одним из главных организаторов движения в демократической партии за выдвижение кандидата, альтернативного Джонсону, оказался некто Эллард Ловен-

стайн, тридцативосьмилетний протеже вдовы президента Ф. Д. Рузвельта. Он был ветераном движения за гражданские права негров в штате Миссисипи, активно выступал против апартеида в Южной Африке, был известен своей оппозицией к агрессии во Вьетнаме задолго до того, как антивоенные настроения стали широко распространяться в американском обществе. Ловенстайн совместно с такими либеральными деятелями демократической партии, как Дж. Роу, Р. Ньюфилд и Дж. Леб, вошел в контакт с Робертом Кеннеди. Последний принял активное участие в обсуждении возможных кандидатур, альтернативных Джонсону, и соответствующей предвыборной стратегии. В период этих дискуссий ее участниками была получена очень важная информация о том, что из числа сторонников Джонсона выпал Дж. Акро, один из ведущих руководителей партийной машины демократов в Калифорнии. Вскоре группе Ловенстайна — Кеннеди стало известно и о появлении антивоенных настроений у мэра Чикаго Дейли — одного из самых могущественных деятелей демократической партии. Информаторы сообщали, что на Дейли очень сильно подействовал один его близкий друг, сын которого недавно был убит во Вьетнаме.

Обсуждая возможность организации движения против переизбрания Джонсона и за выдвижение другой кандидатуры на пост президента от демократической партии на ее съезде летом 1968 года, члены упомянутой группы быстро сошлись во мнении, что единственно реальной платформой, на которой можно строить это движение в демократической партии, является борьба против ведения США военных действий в Индокитае.

На одном из совещаний предлагается, чтобы во главе антивоенного движения открыто встал Роберт Кеннеди. А. Шлезингер, присоединившийся к этой группе, возражает. Он говорит о том, что Роберт слишком ценная политическая фигура, чтобы им рисковать в такой мере. В этом Шлезингера поддержал Леб. Самого Р. Кеннеди одолевают сомнения. Он выражает свое согласие с теми, кто считает, что нужно сначала раздуть антивоенную тему и уже на ее волне выступать с критикой администрации. В то же время он не хочет начинать это первым, опасаясь, что ему сразу же бросят обвинение в том, что он связался с антивоенным движением исключительно ради корыстных политических целей, потому что у него уже давно сложились тяжелые личные отношения с Джонсоном [III — 131; с. 386 — 387].

Опасения Роберта были весьма обоснованными. У клана Кеннеди, несмотря на все его влияние в демократической партии, было немало недоброжелателей, которые, не симпатизируя Джонсону, в то же время далеко еще не были готовы последовать за Кеннеди как соперником президента на выборах 1968 года. Многие лидеры и активисты демократической партии к тому же опасались, что выдвижение альтернативной президенту кандидатуры, не обладающей достаточно явно отличающейся политической программой, может привести лишь к расколу партии, что в конечном счете будет означать на президентских выборах победу кандидата республиканцев.

По просьбе Р. Кеннеди Ловенстайн вскоре после упомянутых совещаний встречается с сенатором Джорджем Макговерном и предлагает ему стать главной фигурой антивоенного движения, направленного против Джонсона. Макговерн отказывается, отмечая при этом, что он еще с 1965 года призывал Роберта с открытым забралом выступить против Джонсона. Свой отказ Макговерн мотивирует тем, что в 1968 году ему предстоит переизбрание в сенат и что его позиции в родном штате Южная Дакота не настолько прочны, чтобы он мог себе позволить стать явным сторонником прекращения американского военного вмешательства во Вьетнаме. Он рекомендует Ловенстайну обратиться с аналогичным предложением к сенаторам Ли Меткалфу от штата Монтана и Юджину Маккарти от Миннесоты, которым в 1968 году еще не предстояло переизбраться.

Меткалф сразу же отверг предложение Макговерна. Зато Маккарти воспринял его весьма позитивно. Как оказалось, он уже в определенной мере был подготовлен к подобному развороту своей политической деятельности другой группой либеральных деятелей демократической партии во главе с Томасом Финлеттером, состоявшей преимущественно из людей, группировавшихся ранее вокруг Эдлая Стивенсона.

Получив согласие Маккарти выступить с антивоенной темой против Джонсона, Макговерн тут же связался с группировкой Кеннеди. Он сообщил, что Маккарти начинает готовиться к праймериз в штатах Нью-Хэмпшир, Висконсин, Калифорния и Массачусетс. Это сообщение порадовало Роберта и его соратников. В раннем выходе Маккарти на арену борьбы с Джонсоном они видели возможность для Кеннеди на следующем этапе выступить в качестве менее тесно связанного с антивоенным движе-

нием претендента, который устроил бы большую часть лидеров демократической партии, в том числе тех, кто опасался бы ее раскола.

В то же время Р. Кеннеди опасался, что Маккарти может слишком далеко уйти вперед, пока он будет готовиться к выходу на арену борьбы с Джонсоном. При этом у Роберта были глубокие сомнения относительно того, что Маккарти уступит ему дорогу, ощутив успех своего предприятия.

Опасения Роберта усугублялись тем, что уже на протяжении целого ряда лет отношения между братьями Кеннеди и сенатором от Миннесоты складывались не лучшим образом. Они не были политическими противниками, не сталкивались в борьбе по каким-либо крупным проблемам, однако их разделяла глубокая антипатия. Ю. Маккарти был примерно одного возраста с Джоном Кеннеди, и они очень ревниво следили за успехами друг друга под куполом Капитолия. В начале 50-х годов Маккарти прославился как один из самых блестящих молодых членов палаты представителей, что помогло ему сравнительно быстро попасть в более престижный сенат. В этой палате, однако, он не смог выдвинуться в число наиболее видных законодателей.

Маккарти, будучи родом из маленького провинциального городка и имея небогатых родителей, не мог не завидовать аристократизму и богатству Кеннеди. Джон К. Гэлбрейт писал о том, что он был гораздо лучше образован, чем Кеннеди, больше работал, лучше разбирался в вопросах экономики, философии, прекрасно знал поэзию, свободно ориентировался в теологических вопросах [III — 131; с. 690].

Если у людей из непосредственного окружения Роберта Кеннеди не было сомнений, что он должен добиваться президентского поста в 1968 году, то многие старые соратники Джона Кеннеди высказывали на этот счет сомнения. 8 октября 1967 года бывший пресс-секретарь Белого дома Пьер Селинджер собрал в Нью-Йорке совещание соратников Джона Кеннеди, на котором присутствовали Эдвард Кеннеди и женатый на одной из сестер Кеннеди Стивен Смит. Роберт не смог присутствовать на этом совещании. Доминировавшее среди участников совещания настроение выразил Теодор Соренсен, заявивший, что Роберт должен дожидаться выборов 1972 года. Вразрез с настроением большинства участников выступил Кен О'Доннел, который сказал, что Джонсон труслив и не выдержит в открытой схватке с Кеннеди,

особенно если кампания последнего будет организована на высоком уровне.

В нью-йоркском совещании, организованном Селлинджером, не смог принять участие и Ричард Гудвин. Он, однако, был полностью проинформирован о том, как шла дискуссия. Гудвин направил Роберту Кеннеди письмо с подробным политическим анализом всех «за» и «против» его участия в предвыборной борьбе 1968 года. Он, в частности, писал, что к 1972 году, если Джонсон добьется переизбрания, шансы Кеннеди стать президентом не увеличатся, а уменьшатся, поскольку Джонсон после переизбрания сделает все возможное, чтобы Кеннеди не стал его преемником. Он рекомендовал Роберту вступить в борьбу на предстоящих выборах; при этом Гудвин особо заострял внимание Роберта на выборе им собственного облика, выигрывая контрастирующего с обликом других претендентов. Он считал, что наиболее политически выгодным для Кеннеди было бы поведение, отличающееся от стереотипного поведения американского политического деятеля. Гудвин рекомендовал Кеннеди шире раскрывать перед избирателями свою кипучую, страстную натуру; именно это, по его мнению, в условиях возрастающего накала социально-политических страстей в США способно было обернуться для Роберта максимальными дивидендами [III — 131; с. 391].

В адрес Кеннеди поступают письма и других политических соратников Джона Кеннеди с противоречащими друг другу выводами и рекомендациями. Проводятся новые совещания, в которых принимают участие и «старая гвардия» семьи, и ближайшие помощники самого Роберта. Он продолжает оставаться в нерешительности.

Параллельно с совещаниями и консультациями Роберт для проверки политических настроений в стране выступает с серией лекций. Во время выступления в колледже на Лонг-Айленде один из руководителей студенческой организации колледжа задает ему очень нелегкий вопрос. Студент говорит о том, что, судя по выступлениям Кеннеди, он резко несогласен с политикой Джонсона в Индокитае, считает, что гораздо больше федеральное правительство может сделать для решения городских проблем и т. п., и в то же время сенатор заявляет о том, что на предстоящих президентских выборах он будет поддерживать Джонсона. Это, по словам студента, несовместимо с тем обликом мужественного и принципиального политического деятеля, который сложился у американской молодежи относительно Роберта Кеннеди.

Еще острее перед Кеннеди был поставлен вопрос о его позиции в Бруклинском колледже, где студенты во время его выступления подняли плакат, на котором огромными буквами вопрошалось: «Бобби Кеннеди: ястреб, голубь или цыпленок?»

Конечно, Роберт мог бы игнорировать подобные выпады в свой адрес, если бы они были изолированными явлениями. Однако он видел, что так резко поставленные перед ним вопросы служат индикатором широко распространенных среди его сторонников настроений.

Глава XXII

РЕШЕНИЕ О ВСТУПЛЕНИИ В БОРЬБУ ЗА ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ПОСТ

Колебания Роберта Кеннеди могли бы продолжаться еще сравнительно долго: слишком уж многое говорило за то, чтобы отложить решение о борьбе за президентский пост до 1972 года. Однако произошли значительные внешние события, властно вторгшиеся во внутривнутриполитическую обстановку США и изменившие баланс факторов «за» и «против».

30 января 1968 года силы Национального фронта освобождения Южного Вьетнама развернули мощное наступление на позиции американских интервентов и их южновьетнамских марионеток. Бои развернулись в большинстве провинциальных центров и в самом Сайгоне, где патриотами было захвачено посольство США. Многие крупные американские органы массовой информации, занявшие к тому времени критическую позицию по отношению к политике Джонсона во Вьетнаме, подробно освещали развернувшиеся боевые действия. Десятки миллионов американцев на экранах своих телевизоров увидели, что все заверения высших военных чинов США о скорой победе оказались обманом. Успешное наступление НФО было сильнейшим ударом по престижу военных и по авторитету администрации Джонсона. Американское военное командование не смогло узнать о подготовке этого широкомасштабного наступления и соответствующим образом организовать сопротивление, когда это наступление началось. Бессильным оказался огромный разведывательный аппарат американской армии, ЦРУ и южновьетнамских марионеточных вооруженных сил.

Успех наступления НФО убедительно продемонстрировал всю слабость подпираемого американскими штыками сайгонского режима, всю призрачность надежд на то, что по мере эскалации участия США в войне происходит «стабилизация» этого режима.

Реакция американского генералитета на январское наступление НФО была прямо противоположной реакции общественности. Это наступление давало им возможность добиваться такого наращивания сил во Вьетнаме, к которому они давно стремились. Командующий силами США в Южном Вьетнаме генерал Уэсторморленд запросил у администрации дополнительно 206 тыс. человек; Комитет начальников штабов к этому присовокупил требование призвать на военную службу несколько сот тысяч резервистов [III — 51; с. 173—174].

Ознакомившись с этими запросами, Джонсон увидел, что их реализация в сложившихся условиях резко ослабила бы его и без того пошатнувшиеся позиции. Он раздражен тем, что военные, располагая в Южном Вьетнаме огромными силами, не справились с возложенными на них задачами, беззастенчиво требуют еще и еще, совершенно не считаясь ни с политическими, ни с экономическими факторами. Джонсон смещает Уэсторморленда с поста командующего американскими силами в Южном Вьетнаме и на его место назначает генерала Крейтона Эбрамса.

Еще до январского наступления сил НФО Джонсон все отчетливее видит, что военные не могут предложить адекватного решения проблемы, которое учитывало бы всю сложность международного и внутриполитического положения США. В ноябре 1967 года он созывает секретнейшее совещание по вьетнамской проблеме, в котором принимают участие крупнейшие деятели из предыдущих администраций. На базе этого совещания вскоре образуется так называемая «Старшая неофициальная консультативная группа по Вьетнаму». В нее вошли: Дин Ачесон, Джордж Болл, Макджордж Банди, Дуглас Диллон, Сайрус Вэнс, Артур Дин, Джон Макклой, Роберт Мерфи, Артур Голдберг, Генри Кэбот Лодж, Эйб Фортас, отставные генералы Омар Брэдли, Мэтью Риджуэй и Максвелл Тэйлор. Мнения о дальнейшем курсе США во Вьетнаме в этой группе сразу же резко разошлись, однако постепенно выяснилось, что большинство ее членов все же склоняется к поэтапной дэскалации. Эта позиция вступала в конфликт с позицией большинства близких к Джонсону деятелей его ад-

министрации, которые ратовали за продолжение и интенсификацию боевых действий.

Немаловажную роль в закрытых дебатах по вьетнамской проблеме играла группа деятелей субкабинетного уровня администрации, в которую входил также ряд крупных чиновников государственного департамента и гражданских сотрудников министерства обороны. Ведущую роль в этой группе начал играть руководитель Управления международной безопасности министерства обороны Пол Уорнке. (В 1977 году в администрации Картера он стал директором Агентства по контролю над вооружениями и разоружению и представителем США на переговорах по ограничению стратегических вооружений; известен как один из наиболее последовательных сторонников достижения взаимоприемлемых соглашений с СССР в этой области.) Уорнке, активно контактировавший со сменившим Макнамару на посту министра обороны Кларком Клиффордом, настойчиво проводил идею о необходимости ухода США из Вьетнама [III — 146; с. 377].

Нет никаких сомнений в том, что Р. Кеннеди и его люди были неплохо осведомлены о развернувшихся за закрытыми дверями дебатах. В них принимал участие целый ряд деятелей, с которыми семья Кеннеди поддерживала тесные личные отношения. Эти дебаты были не просто дискуссиями в узком кругу джонсоновцев — они велись с участием виднейших представителей правящей элиты в целом, когда обсуждалась не столько судьба данной администрации, сколько сфокусированные в клубке вьетнамской проблемы интересы господствующего класса США. Роберт видел, что в высших политических кругах страны зреют настроения в пользу прекращения американского вмешательства во Вьетнаме, обрачивающегося, с точки зрения многих представителей правящей элиты, все большими издержками, которые в совокупности превысили даже то, что США могли бы приобрести в случае гипотетической «победы» во Вьетнаме.

Эти настроения во внешнеполитическом аппарате правящей элиты США, как представляется, в большей мере повлияли на решение Роберта вступить в борьбу с Джонсоном на антивоенной платформе, нежели давление снизу и советы либеральных представителей академических кругов.

На решение Роберта оказал воздействие и неожиданный успех кампании Юджина Маккарти, которая по-

сле вялого старта под влиянием всплеска антивоенных настроений в стране начала набирать силу.

8 февраля 1968 года, по горячим следам январского наступления южновьетнамских патриотов, он выступает с обширной антивоенной речью в Чикаго. «Полмиллиона американских солдат вместе с 700 000 вьетнамских союзников (южновьетнамских марионеточных войск. — *Авт.*) при полном господстве в воздухе и на море, подкрепляемые гигантскими ресурсами и обеспеченные самым современным оружием, не способны оградить хотя бы один крупный город от атак противника, общая численность войск которого не превышает 250 000 человек» [III — 131; с. 905], — заявляет он жадно слушающей аудитории.

Это была одна из самых страстных и обличающих речей о вьетнамской проблеме, произнесенных крупными политическими деятелями США. Многим в Америке она пришлась явно не по вкусу. Не говоря уже о правых и консерваторах, ряд американских политиков и журналистов либерального толка сочли, что Кеннеди заходит слишком далеко в своей критике данной администрации, что его выступление было просто антипатриотичным.

В то же время в своих публичных выступлениях Роберт еще не заявлял о том, что он является поборником одностороннего вывода американских войск из Вьетнама. Однако такой путь он имел в виду в случае победы на президентских выборах. Возможность такого поворота он обговаривал в строго конфиденциальных беседах с некоторыми политическими деятелями и предпринимателями. По свидетельству президента «Интернэшнл бизнес машинз» Томаса Уотсона (при администрации Картера получившего назначение посла США в СССР), Р. Кеннеди в одной из бесед с ним заявил, что для американских интересов гораздо хуже, чем любой позор признания поражения и ухода из Вьетнама, будет продолжение избранного курса действий. При этом он добавил, что, став президентом, отдаст распоряжение в течение шести месяцев вывести все американские войска из Южного Вьетнама [III — 131; с. 906].

Под влиянием событий, связанных с успехом январского наступления южновьетнамских патриотов, все большее число деятелей, связанных с кланом Кеннеди, начинает склоняться в сторону участия Роберта в кампании 1968 года. Меняет свою позицию Фредерик Даттон, советует вступить Роберту в борьбу (через Л. О'Брайна) Макнамара. Только Эдвард Кеннеди и Соренсен остаются

в оппозиции вызревшему решению Роберта вступить в борьбу. Однако и эти двое в конечном счете поддержали решение Роберта.

Соренсен совместно с помощником Роберта Адамом Валински начинает готовить проект речи, в которой их патрон заявит о начале борьбы за президентское кресло. В обсуждении проекта речи участвуют сам Р. Кеннеди, А. Шлезингер, Р. Гринсфилд и ряд других близких к Роберту деятелей.

Варианты появляются один за другим, отвергаются и перерабатываются. Оттачивается каждое слово, каждая интонация. В ходе подготовки этой речи вспыхивают спонтанные дискуссии о стратегии и тактике избирательной кампании, о тех целях и задачах, которые должно решать правительство США. Активно дебатруется заключительная фраза речи, предложенная самим Робертом: в ходе развернувшейся кампании решается не просто вопрос о лидерстве в демократической партии и руководстве Соединенных Штатов, но и вопрос об американском «праве на моральное лидерство на планете». Несколько участников обсуждения проекта доклада пытаются доказать, что такое заявление звучит слишком амбициозно, что оно будет резать слух большинству потенциальных избирателей и вызовет ухмылки профессиональных политиков. Однако им не удается переубедить Роберта.

Прежде чем заявить о начале своей кампании, Кеннеди делает попытку договориться о координации действий с Юджином Маккарти. Эмиссарами Р. Кеннеди к Маккарти направляются Эдвард Кеннеди, Гудвин и Кларк. Однако они встречают более чем холодный прием. Маккарти наотрез отказывается обсуждать какие-либо планы совместной борьбы против Джонсона по завоеванию большинства делегатов национального конвента демократической партии. Объявление Роберта Кеннеди о вступлении в предвыборную борьбу состоялось 16 марта 1968 года в Вашингтоне, в старом здании сенатского аппарата, где ровно восемь лет назад о том же объявил его брат Джон.

Выступая перед собравшимися политическими деятелями и журналистами, Р. Кеннеди заявил: «Никто так много не знает о чрезвычайных требованиях, предъявляемых к президентству, как я... Но мое участие в работе Совета национальной безопасности в период кубинского ракетного кризиса, берлинский кризис, переговоры в Лаосе и по Договору о запрещении ядерных испытаний

научили меня кое-чему относительно возможностей и пределов использования военной силы, научили меня высоко ценить переговоры с союзниками и с врагами, показали мне, какие возможности и опасности имеются для нашей родины в различных уголках мира, которые мне довелось посетить. Как член кабинета и как член сената я видел непростительные и жуткие явления, которые являются причиной голода детей в Миссисипи, бунтов черных граждан в Уоттсе, самоубийств молодых индейцев в резервациях... Я говорил и выслушивал молодых людей нашей нации и ощущал их гнев по поводу войны, на которую их посылают воевать, относительно мира, который они наследуют. В частных беседах и в публичных выступлениях я безуспешно пытался изменить нашу политику во Вьетнаме, прежде чем она еще больше подорвет наш дух и наше могущество, прежде чем она еще больше увеличит угрозу расширения войны и еще больше разрушит страну и людей, которых мы собирались защитить» [III — 75; с. XV — XVI].

Глава XXIII

В БОРЬБЕ ЗА ПРЕЗИДЕНТСТВО

Через несколько дней после объявления Робертом Кеннеди об официальном начале его предвыборной кампании в массовую продажу было пущено второе, переработанное издание его книги «Обрести обновленный мир», базировавшейся преимущественно на материалах его публичных выступлений в предыдущие годы. Книга широко рекомендовалась теми органами массовой информации, в руководстве которых имелись друзья и союзники семьи Кеннеди.

Первая часть книги Роберта была посвящена молодежи, которую в условиях подъема молодежного и студенческого движения в США он надеялся в основном привлечь на свою сторону.

Рассматривая последовательно причины «бунта молодежи», Роберт Кеннеди в первую очередь заострил внимание на теме вьетнамской войны, на том, какую роль эта «грязная война» сыграла в подъеме молодежного движения: «Позвольте мне подчеркнуть, что я не говорю о всех наших молодых людях... Люди, которые воюют и умирают там с храбростью и с чувством долга, как это уже было в нашей истории, тоже молоды. Есть и другие,

я часто встречался с ними в различных кампусах, — те, кто выступают за эскалацию бомбардировок Северного Вьетнама, хотя среди них многие хотят, чтобы для студентов продолжала действовать отсрочка от призыва в армию; их лозунгом является «Эскалация без нашего участия». Но когда сто президентов студенческих советов и главных редакторов студенческих газет, сотни бывших добровольцев «Корпуса мира» и дюжины стипендиатов Родса подвергают сомнению фундаментальные причины, по которым ведется война, их мы не можем игнорировать... Эти студенты выступают против войны по тем же причинам, что и многие американцы вообще: из-за жестокости и ужасов, присущих всем войнам, из-за особо бесчеловечного характера этой войны. Для наших молодых людей, я полагаю, Вьетнам — это шок, который до нас доходит в ослабленном виде. Они не знали второй мировой войны, ни даже корейской войны. Эта война сопровождается риторикой, которую они не понимают и которой не хотят верить» [III — 75; с. 4].

«Независимо от того, какой нам (людям старшего поколения. — *Авт.*) представляется эта война, они видят, как одна из крупнейших и наиболее могущественных стран в мире убивает детей... в далекой маловажной для нас стране. Мы говорим о прошлых обязательствах, о бремени прошлых ошибок, а они вопрошают, почему им приходится платить за ошибки, сделанные до того, как они появились на свет, задолго до того, как они достигли возраста, дающего им право голосовать на выборах. Они видят, как мы тратим миллиарды на вооружения в то время, как бедность и равнодушие к ней продолжают иметь место дома; они видят наше стремление воевать за свободу во Вьетнаме, но нежелание потратить деньги и усилия на обеспечение свободы в Миссисипи, или Алабаме, или в гетто Севера. И, видя, как они далеки от принимаемых политических решений, по самой природе нашей политической системы они сами не могут обрести своей доли участия в государственной власти, в решении важнейших вопросов, которые определяют нашу жизнь» [III — 75; с. 5].

Остановился Р. Кеннеди и на росте негативного отношения американской молодежи к бизнесу, к предпринимательской деятельности. Оценки его не носили, разумеется, глубокого характера, он и не думал говорить о том, что в основе этого лежат объективные причины — антиобщественная сущность деятельности монополий и монополистов. Он лишь подверг критике тех бизнесме-

нов, которые занимаются исключительно предпринимательской деятельностью, забывая о своей «социальной ответственности», о том, что в их же интересах заботиться о социальных реформах, призванных предотвращать взрывы недовольства. В качестве примера крупных предпринимателей, уделяющих большое внимание социальным проблемам, он назвал Фордов, Рокфеллеров, Дэна Кимбелла и Томаса Уотсона — представителей монополий Северо-Востока, обладателей «старых денег», имеющих огромный опыт не только в экономической и финансовой деятельности, но и в государственном управлении.

Много внимания в своей программной книге Роберт уделил расовой проблеме. Он подчеркивал, что США переживают, видимо, самый критический момент в области расовых отношений со времен гражданской войны. Расовая проблема при этом теснейшим образом связана с проблемой крупных городов в целом, поэтому она должна быть предметом забот большинства американцев. Он предупреждает, что в будущем могут произойти еще более мощные бунты черных, которые до основания потрясут американское общество [III — 75; с. 18—21].

Рассматривая международные проблемы, Роберт Кеннеди заострил внимание на роли ядерного фактора в международных отношениях, на проблеме отношений с Китайской Народной Республикой, на вьетнамской проблеме.

В противоположность многим американским политическим деятелям и генералам Р. Кеннеди рассматривал ядерное оружие не только как средство, увеличивающее возможности вооруженных сил, но и как важнейший фактор в решении вопроса войны и мира. Он не скрывал того, какие потери может понести Америка и весь мир в результате ядерной войны. «До 160 млн. американцев и сотни миллионов людей других наций могут погибнуть в течение двадцати четырех часов полномасштабного обмена ядерными ударами» [III — 75; с. 21], — писал Р. Кеннеди. Рассматривая популярно вопросы развития средств по производству «ядерного горючего», он подчеркивал особую опасность распространения, расползания ядерного оружия, в результате чего ядерный фактор может вторгнуться в те конфликты, которые пока носят локальный и региональный характер. Именно эти конфликты в сочетании с распространением в их зоны ядерного оружия он считал наиболее опасными с точки зрения возможности возникновения ядерной войны ме-

жду Соединенными Штатами и Советским Союзом. Он также писал, что следует значительно улучшить системы управления силами, на вооружении которых имеется ядерное оружие, усилить меры по предотвращению несанкционированных запусков ракет, совершенствовать блокирующие устройства, не позволяющие в случае аварии взрываться ядерным бомбам и боеголовкам. Соответственно он в категорической форме высказался в пользу заключенного при Джоне Кеннеди Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах. Об этом договоре он, в частности, писал: «Мы приветствовали договор не исключительно в силу его особых достоинств, как бы они ни были велики, а потому, что он был первым в числе многих других необходимых мер: это был «первый шаг на пути в тысячу миль». Но мы до сих пор не предприняли следующего шага. Мир еще не сделал шагов дальше ограниченного запрещения испытаний ядерного оружия, в сторону предотвращения его распространения. В самом начале пути мы не можем позволить, чтобы соображения текущей политики, какими бы важными они ни представлялись, служили препятствием нашим усилиям решить проблему распространения ядерного оружия. Мы не можем ждать, пока установится мир в Юго-Восточной Азии; за это время распространение ядерного оружия может выйти за пределы наших возможностей по его контролю. Не можем мы и ждать общеевропейского решения проблем, имеющихся в этом районе земного шара... Мы должны начать действовать немедленно, на максимально возможном числе направлений» [III — 75; с. 126].

В контексте проблемы распространения ядерного оружия Р. Кеннеди рассматривал и вопрос приобретения ядерного оружия Францией; одновременно он рассмотрел ряд других сторон военно-политических отношений между США и Западной Европой с учетом ядерного фактора. Не в пример многим другим американским политическим деятелям, крайне негативно относившимся к внешней и военной политике де Голля, Роберт хотя и подвергал ее критике, но в то же время старался объяснить американской аудитории, какими мотивами руководствуется французское правительство в этой политике. Он писал, что де Голль сразу же после карибского кризиса 1962 года стал говорить о том, что НАТО может быть ввергнуто в войну Соединенными Штатами без ведома их западноевропейских союзников. В то же время, по мнению де Голля, в Западной Европе уже мало кто

верил в угрозу «вторжения» со стороны СССР, в силу чего полагаться и дальше западноевропейцам на НАТО и США означало бы лишь блокировать возможности дальнейшей разрядки напряженности в Европе.

Что касается советско-американских отношений в ядерной сфере, то Кеннеди писал об этом следующее: «...прогресс в направлении прекращения продолжающегося наращивания ядерных арсеналов зависит от непосредственных переговоров с Советским Союзом. На подобных переговорах должны быть подняты важнейшие вопросы национальной безопасности. Советский Союз является единственной державой, физически способной угрожать нашим высшим интересам — выживанию Соединенных Штатов». Далее Р. Кеннеди добавлял: «Поскольку переговоры по ограничению вооружений с Советским Союзом затрагивают самую сердцевину нашей национальной безопасности, они должны вестись на высшем правительственном уровне, наиболее ответственными лицами, обладающими полным доверием со стороны президента» [III — 75; с. 136—137].

Фактически в этом разделе книги Р. Кеннеди выступил в поддержку будущих переговоров об ограничении стратегических вооружений, по поводу которых в то время начались предварительные контакты между советской и американской сторонами.

Хорошо разбираясь в хитросплетениях американской государственной бюрократии, понимая своекорыстие различных ведомственных интересов, Р. Кеннеди призывает к тому, чтобы переговоры с американской стороны готовились не на основе межведомственного компромисса, а были бы продуктом решений на высшем уровне государственной власти. Свой тезис он подкрепляет суждением о том, что Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах никогда не был бы заключен, если бы переговоры велись Соединенными Штатами по обычным дипломатическим каналам. Только при наличии особенно доверенного лица, Аверелла Гарримана, имевшего непосредственный доступ к президенту, удалось, как считает Р. Кеннеди, успешно провести нелегкие переговоры по данной проблеме [III — 75; с. 136—137].

Любопытно заметить, что во многом Никсон и Киссинджер в организации переговоров по ограничению стратегических вооружений пошли путем, о котором говорил Р. Кеннеди [III — 73; с. 78—99].

В высказываниях по ядерной проблематике Кеннеди

не обошелся без антисоветских клише, использовавшихся американскими буржуазными политиками. Однако, сравнивая сказанное им в адрес Советского Союза с тем, что имело и имеет место в выступлениях других американских деятелей, нельзя не отметить значительно большую сдержанность, упор на достижение взаимопонимания и конструктивные решения международных проблем, нежели на противоречия, которые разделяют СССР и США.

В специальном предисловии к разделу о вьетнамской войне Р. Кеннеди признавал, что он имел отношение к решениям по данному вопросу на его ранней стадии и не снимает с себя ответственности за это перед историей и своими согражданами. «Но прошлые ошибки не являются оправданием для того, чтобы их повторять. Трагедия — это инструмент для того, чтобы обретать мудрость, она отнюдь не должна служить моделью для жизни». Далее Р. Кеннеди цитировал Софокла: «Все люди делают ошибки, но истинный человек, когда он видит, что его курс неверен, отказывается от него и исправляет ошибки. Единственным грехом является гордость» [III — 75; с. 162—163].

Тональность и содержание предисловия говорят о том, что в соответствии с мнением части американской правящей элиты Роберт решил твердо следовать версии, что агрессия США во Вьетнаме была лишь трагической ошибкой, которую еще не поздно исправить.

Это объяснение, разумеется, было далеко от истинных причин агрессии, хотя ошибки и просчеты, допущенные администрациями Дж. Кеннеди и Л. Джонсона, также сыграли свою роль. Р. Кеннеди не мог и не хотел, разумеется, говорить о классовой природе империалистической политики США, логически приведшей их к вьетнамской агрессии. В то же время в рассуждениях Роберта об особенностях войны во Вьетнаме, о причинах неспособности США достичь военной победы имеется немало интересного. Он смотрел на происходящие события глубже и критичнее многих своих коллег в сенате и в руководстве демократической партии.

«...150 000 вьетконговских партизан, действующих повсеместно во Вьетнаме, от крошечных деревенок, которых никогда не видели наши солдаты, до ворот наших крупнейших баз и до самых дверей нашего посольства в Сайгоне. Эти южновьетнамские партизаны боролись непрерывно в течение почти двадцати лет — против французов, против националистических групп, против южновьетнамского (марионеточного. — Авт.) правитель-

ства, против нас. Все это время они работали и сражались «на местах», организуя борьбу вокруг деревень и определенных районов. Они получали рис, рекрутировали бойцов, уничтожали правительственных чиновников и строили ловушки для противника; помимо этого они организовали значительную часть народа Южного Вьетнама в дисциплинированную и эффективную оппозицию официальному правительству. Посол Лодж говорил, что не поражение основных боевых подразделений партизан, а только уничтожение всей вьетконговской инфраструктуры может рассматриваться противником как решающее поражение... Это необходимо помнить и подчеркивать в связи с тем, что эскалация наших военных действий сконцентрирована в Северном Вьетнаме. Опасная легкость заключается в концентрации наших усилий на том, чем мы лучше всего владеем: военные действия обычными средствами, бомбардировки с воздуха, техника, армии, которые не соприкасаются с политикой. Действовать таким образом — значит игнорировать уроки прошлого этой же войны и всех «новых войн» последних двадцати лет. Несмотря на то что все эти конфликты именуются войнами, что все они имеют значительные международные последствия, они не являются войнами как таковыми, их результаты определяются внутренними факторами. Сущность этих конфликтов политическая».

Далее Кеннеди обращается к примерам других подобных конфликтов. В Алжире на протяжении всего периода вооруженной борьбы французская армия имела подавляющее превосходство в людях, огневой мощи, в системах связи и обладала абсолютным господством в воздухе; французы также были способны почти полностью изолировать Алжир от соседних государств, с тем чтобы не допустить оказания помощи повстанцам извне. Однако через пять лет Франция оказалась вынужденной уйти из Алжира. В самом Вьетнаме в конце 50-х годов армия Нго Динь Зьема имела гигантское численное превосходство над Вьетконгом даже с учетом помогавших ему северовьетнамцев [III — 75; с. 167—168].

Критикуя подобным образом ставку на военное решение вьетнамской проблемы, Р. Кеннеди ратовал за серию социальных и политических реформ, призванных ослабить влияние коммунистов и других левых сил. Для Южного Вьетнама, считал Кеннеди, необходимо в первую очередь проведение земельной реформы, поскольку там всего 6300 помещиков (2 % от всех владельцев земель) были владельцами 45 % земли. «Несмотря на обещания

дюжины режимов, несмотря на законы и декреты, ни одно вьетнамское некоммунистическое правительство ни разу серьезно не взялось за эту проблему» [III—75; с. 173], — писал Кеннеди.

Роберт подробно рассматривал возможный путь политического решения вьетнамской проблемы. Он писал, что есть три варианта курса США в последующие годы: стремление к военной победе, решение проблемы путем переговоров и вывод американских войск в одностороннем порядке. Оценивая вероятность каждого из этих вариантов, Р. Кеннеди сразу же заявляет, что односторонний уход США невозможен, так как «факт американской интервенции создал собственную реальность», поскольку война во Вьетнаме оказала и продолжает оказывать очень большое влияние на союзников и противников Соединенных Штатов. Просто односторонний вывод американских войск из Южного Вьетнама был бы слишком сильным ударом по международным позициям США.

«...В других странах, которые строят свою безопасность в связи с американскими обязательствами, неожиданный односторонний уход усилил бы сомнения относительно надежности Соединенных Штатов. Наши вложения во Вьетнам, не только в людях и ресурсах, но также в публичной поддержке президентов и других политических лидеров, очень велики. Возможно, как говорят некоторые, наши вложения непропорциональны стратегическому значению региона или тем результатам, которые могут быть в конце концов достигнуты. Однако они были сделаны» [III — 75; с. 173].

В то же время Кеннеди заявил, что он не является сторонником пресловутой «теории домино», в соответствии с которой падение проамериканского режима в Южном Вьетнаме неизбежно должно привести к аналогичным явлениям во всех близлежащих странах.

Одновременно Р. Кеннеди критиковал и продолжение военных действий во Вьетнаме, особенно меры по их эскалации. «Мы сейчас постоянно расширяем войну для того, как нам говорят, чтобы повысить ее цену для Ханоя. При всей нашей озабоченности ценой, которую наш противник должен платить, давайте не будем упускать из виду того, чего нам самим стоит продолжение войны, — писал Кеннеди. — Громоздящееся разрушение Южного Вьетнама все больше и больше эрозирует ткань общества, делая его реконструкцию все более сложной и отдаленной. А длительный мир зависит от силы, жизнеспособности страны, которую мы после себя оставим. Эта

война сделала также значительно более трудным обнадёживающее достижение взаимопонимания и уменьшения напряженности в отношениях между двумя великими ядерными державами — Соединенными Штатами и Советским Союзом. Одним конкретным последствием, по всей видимости, является наша неспособность достичь соглашения по проблеме противоракетной обороны. Это приведет к тому, что мы затратим дополнительно миллиарды долларов на новый и весьма опасный виток спирали в гонке ядерных вооружений. Война создала отчужденность в отношениях с нашими самыми близкими друзьями в НАТО. Никто из них не захотел помочь нам во Вьетнаме; они продолжают торговать и с Северным Вьетнамом, и с Китаем; некоторые европейские религиозные организации расширяют свою помощь Северному и Южному Вьетнаму, делая то, что было бы невероятным в период корейской войны... Я обнаружил в Европе среди людей, которые желают только добра Соединенным Штатам, глубокую озабоченность и несогласие с нашей политикой... на Ближнем Востоке, в Латинской Америке, в Африке. Отвлечение нашего внимания, ресурсов, энергии серьезно ограничило нашу возможность воздействовать на ход событий, обеспечить значительно более важные национальные интересы... Война также отвлекает ресурсы, которые могли бы быть использованы для уничтожения бедности в Америке, для улучшения обучения детей, для повышения качества жизни, возможно, даже для спасения нации от роста внутреннего насилия и хаоса».

Апеллируя к еврейской общине (особенно влиятельной в штате Нью-Йорк, от которого Роберт был избран в сенат), он писал: «В дни накануне арабо-израильской конфронтации 1967 года стало ясным, что наша вовлеченность во Вьетнаме серьезно ослабила наши твердые и долгосрочные обязательства по отношению к Израилю» [III — 75; с. 190].

Подробным анализом непригодности чисто военного пути решения вьетнамской проблемы в сочетании с неприемлемостью одностороннего вывода американских войск Р. Кеннеди подводил к мысли о том, что единственно возможный и необходимый путь — это заключение посредством переговоров компромиссных соглашений с северовьетнамскими руководителями и руководителями НФО.

Книга Кеннеди дошла до многих активистов демократической партии. Она была внимательно прочитана

в кругах профессиональных политических деятелей, многие из которых увидели в ней приемлемые элементы и для «выпускания пара» в период предвыборной кампании, и даже для возможной политики в случае занятия Робертом Овального кабинета в Белом доме. В то же время нельзя сказать, что этой книге сопутствовал триумфальный успех: консервативные и правые круги встретили ее злобной критикой, многие центристы отнеслись к большинству содержащихся в ней идей скептически. Но даже если бы она и имела триумфальный успех, то это отнюдь не определяло успешного развертывания президентской кампании сенатора от Нью-Йорка.

Начало кампании Роберта, казалось, не предвещало успеха. Большинство молодежных политических активистов, на которых он так рассчитывал, уже были задействованы в кампании Ю. Маккарти. Многие из лидеров молодежного движения при этом не просто не торопились прийти на помощь «команде Кеннеди», но и выступали с резкими нападками в его адрес, говоря о том, что его вступление в борьбу против Джонсона только уменьшает шансы ставшего их кумиром Маккарти. Многие либералы, отшатнувшиеся от Джонсона, с надеждой смотрели на Хуберта Хэмфри как на потенциального кандидата в президенты, занимавшего пост вице-президента в администрации Джонсона. Все более враждебно относились к Кеннеди не только правые, но и консервативные круги в стране [III — 20; с. 180].

Однако клан Кеннеди не был смущен столь явно обозначившимися трудностями начала борьбы за президентский пост, их машина избирательной кампании только-только начинала раскручивать свой маховик.

31 марта под воздействием ряда видных представителей правящей элиты США Л. Джонсон объявил о том, что он отказывается от борьбы за переизбрание. И хотя он собирался всемерно поддерживать в предвыборной кампании своего вице-президента Х. Хэмфри, это решение Джонсона значительно повышало шансы Роберта.

Как только Джонсон «выбыл из игры», от него перешел к Роберту Кеннеди старый соратник Джона Ларри О'Брайн, который, считая, что у Джонсона больше шансов на победу, работал в его «команде» до последнего момента.

Роберт не упрекал О'Брайна за то, что тот присоединился к нему лишь после отказа от борьбы ненавистного ему Линдона Джонсона. О'Брайн был для кампании Кеннеди ценнейшим приобретением: он считался луч-

шим в США организатором побед на выборах. Присоединившись к Роберту, он быстро взял в руки руководство всей кампанией, и результаты не замедлили сказаться [III — 21; с. 22—23].

3 апреля по просьбе Роберта состоялась его встреча с президентом Джонсоном, на которую последний пошел весьма неохотно. Кеннеди пришел на встречу в Белый дом с Т. Соренсеном, при Джонсоне были его помощники Росту и Ч. Мерфи. Президент разразился длинным монологом о Вьетнаме, ближневосточной проблеме, о бюджетных приоритетах. Кеннеди же больше всего интересовало то, как Джонсон будет себя вести в ходе продолжающейся предвыборной кампании. Когда монолог президента кончился, он поспешил задать ему этот вопрос. Джонсон ответил, что пока он не собирается никак вмешиваться в ход кампании, а когда решит вмешаться, то обязательно известит об этом Роберта.

Как только Кеннеди и Соренсен покинули кабинет президента, к нему зашел вице-президент Х. Хэмфри, с которым Джонсон обсудил планы относительно его выдвижения от демократической партии в качестве соперника Маккарти и Кеннеди. Хэмфри в ходе этой встречи сказал, что он обзвонил уже несколько крупнейших деятелей демократической партии, которые обещали ему свою поддержку. Джонсон заметил при этом, что некоторые из них вполне еще могут переметнуться на сторону Кеннеди.

Пока Хэмфри выжидал наиболее удачный момент для объявления о своем вступлении в борьбу, избирательная кампания Роберта набирала силу. Снова, как восемь лет назад, К. О'Доннел ведал вопросами организации аппарата кампании, Селинджер, которому помогал Манкевич, — вопросами контактов с прессой, Гудвин — использования телевидения. Основными составителями речей были собственные помощники Роберта — А. Валински и Дж. Гринфилд, к которым часто подключались бывшие помощники Джона Кеннеди Ф. Даттон и Т. Соренсен.

С отказом Джонсона от борьбы и Р. Кеннеди, и Ю. Маккарти в значительной мере утратили главную мишень для своих атак — непопулярного президента, ответственного за непопулярную войну. Необходимо было перестраивать тактику на ходу, хотя проблема войны во Вьетнаме и оставалась главной темой избирательной кампании.

Большие надежды Роберт возлагает на лидеров круп-

нейших профсоюзов. У него давно установились неплохие отношения с рядом из них, и сейчас он их призвал активно включиться в предвыборную борьбу. Особенно позитивно откликнулись на призыв Роберта руководители Объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности — Л. Вудкок, Д. Фрейзер, Дж. Конвей, П. Шрейд и др.

Люди Кеннеди активизируют контакты и с окружением самого крупного лидера негритянского движения — Мартина Лютера Кинга. Еще весной 1967 года Кинг решил выступить против вьетнамской войны, после чего Кинг и Кеннеди стали общаться довольно часто, координируя действия и по внутренним социальным проблемам.

Кинг был настроен весьма негативно по отношению к президенту Джонсону и его политике. Он, в частности, считал, что заявление Джонсона об отказе от борьбы — это лишь политический трюк, сделанный в расчете на то, что реакцией на него будет массовая просьба партийных руководителей и активистов-демократов вернуться на арену предвыборной схватки.

4 апреля Роберт начал свою кампанию в штате Индиана. Он собирался первым делом выступить в негритянском квартале Индианаполиса. Когда он прибыл в этот город, было получено известие о том, что Кинг убит в г. Мемфисе. Для Кеннеди это было жестоким ударом: он и потерял важного союзника в обеспечении голосов черных, и получил напоминание о том, как сравнительно легко физически устраняются в Америке деятели, зашедшие «слишком далеко», по мнению крайне правых сил.

Помощники Роберта предлагали ему в этот день отказаться от выступления, но он не соглашался с их рекомендациями. По дороге в негритянское гетто он забился в угол автомобиля, тщательно продумывая новый вариант своего выступления. При въезде в гетто полицейский эскорт по просьбе Кеннеди покинул его, и он въехал в негритянский район без охраны. Его ждала большая аудитория на открытой площадке, настроенная, как это принято на американских политических митингах, по-ярмарочному. Ждавшие Кеннеди люди еще ничего не знали о трагедии в Мемфисе. «У меня есть ужасная новость для вас, для всех моих сограждан, для всех людей в мире, кто любит мир, — в Мартина Лютера Кинга стреляли, и он умер сегодня». Толпа застыла, потрясенная этим известием. Выступление Кеннеди и реакцию преимуще-

ственно черной аудиторией бесстрастно фиксировали профессионально равнодушные телеоператоры.

В своей речи, ставшей широко известной по всей стране, Роберт сказал, что он разделяет скорбь черных и белых — участников борьбы за гражданские права — по поводу гибели Кинга, подчеркнув, что ему, потерявшему в результате покушения своего брата Джона, их чувства особенно понятны. Хотя жажда мести убийцам Кинга и является вполне объяснимым чувством черных, продолжал Кеннеди, ее утоление может привести Соединенные Штаты к опаснейшей поляризации между белыми и черными. И Роберт со всей силой своего недюжинного ораторского таланта увещевал негров воздерживаться от того, что им подсказывает гнев и боль [III — 131; с. 939 — 940].

Вернувшись после выступления в гетто в гостиничный номер, Кеннеди позвонил Коретте Кинг — вдове Мартина Лютера. Он предложил ей лететь вместе с ним в Мемфис на его самолете. Коретта дала согласие, несмотря на то что ряд присутствовавших при этом разговоре негритянских лидеров были против. Они старались обратить внимание Коретты на то, что предложение Кеннеди продиктовано корыстными политиканскими соображениями. Но вдова Кинга осталась при своем решении, заявив, что, хотя она знает Кеннеди как профессиональных политических деятелей, они в то же время очень человечны [III — 167; с. 96 — 97].

После звонка вдове Кинга он встречается с группой наиболее воинственно настроенных лидеров негритянского движения в Индианаполисе. Кеннеди снова выступает в роли увещателя и успокоителя, убеждая слушателей в том, что он друг черных и многое может быть исправлено в их положении, если он добьется победы на выборах. Роберту удается сбить накал их гнева. Уходя, негритянские лидеры обещают ему свою поддержку.

На следующий день Кеннеди узнал, что волнения в связи с убийством Кинга охватили 110 городов США, в ходе их было убито 39 человек, более 2500 ранено; для подавления волнений были брошены силы национальной гвардии и регулярных боевых частей, насчитывавшие в общей сложности более 75 тыс. человек. Когда Роберт и его «команда» вернулись в столицу, они увидели много военных и полицейских патрулей. В городе было дымно от пожарищ, во многих домах выбиты стекла.

7 апреля Мартин Лютер Кинг был кремирован в Атланте. Перед кремацией тело с гробом установили в бап-

тистской церкви Эбендера. На похороны прилетели все основные претенденты на президентский пост — как демократы, так и республиканцы: Кеннеди, Хэмфри, Маккарти, Никсон, Н. Рокфеллер. Окрестности церкви были запружены сотнями тысяч людей, и среди них очень редко попадались лица белых. Масса людей, убитых горем, источала враждебность по отношению к белым политическим деятелям. Лишь один Роберт временами встречал приветливый прием.

Уделяя большое внимание привлечению на свою сторону избирателей-негров, Кеннеди не забывал и о том, что его действия в этой области не должны оттолкнуть от него и большинства белых избирателей. В той же Индиане это было непростой задачей, если учесть то, что среди белого населения этого штата доминировали консервативные взгляды и настроения. Выступая перед белыми избирателями, он стал делать в речах больший упор на необходимость «поддержания общественного порядка», исключив из них в то же время упоминания о расизме. Это вызвало негативную реакцию среди некоторых молодых его помощников с леволиберальными взглядами, которые увидели в этом непоследовательность своего босса и кумира, о принципиальности которого они думали лучше, чем она того заслуживала.

Роберт Кеннеди знал, до каких пределов он может себе позволить идти в расовом вопросе, с одной стороны привлекая к себе все потенциальные голоса черных, а с другой — не пугая своей «приверженностью негритянскому делу» ту часть белого населения, которая оставалась настроенной если не расистски, то во всяком случае со значительной долей неприязни по отношению к неграм. Роберт рассчитывал на то, что категория потенциальных избирателей не столько будет думать о его пронегритянских позициях, сколько о том, что именно он в условиях резкого обострения расовой проблемы остается тем политическим деятелем, который умелым маневрированием не допустит дальнейшего радикализма негритянского движения. Это осознавали и его противники, с тревогой следившие за каждым новым успехом Роберта в «черных» аудиториях.

На состоявшихся 7 мая предварительных выборах в Индиане Кеннеди добился победы: он получил 42 % голосов, в то время как Маккарти — лишь 27 %. В ту же ночь он одержал победу в округе Колумбия над Хэмфри (62,5 : 37,5), который только незадолго до этого официально объявил о своем вступлении в борьбу.

Хэмфри, прежде чем объявить об этом, около месяца вел энергичную работу по подготовке своей кампании. Комитет по его выдвижению возглавили сенаторы У. Мондейл и Ф. Харрис. Для Кеннеди это было неприятной неожиданностью, поскольку они считались его близкими друзьями, часто гостили у него в Хианисспорте и в Хикори-хилл. Однако дружба дружбой, а политика политикой: Мондейл был полностью обязан своей карьерой Хэмфри, от которого зависел и в своем штате (Миннесота), и в сенате. А Харрис считал, что у вице-президента, пользующегося поддержкой Джонсона, будет больше шансов прорваться в Белый дом, чем у его друга Роберта.

Организация по выдвижению Хэмфри в 1968 году выглядела куда внушительнее, чем на предварительных выборах 1960 года, когда он, проигрывая Джону Кеннеди, вынужден был досрочно отказаться от борьбы. В кампании 1968 года Хэмфри обладал значительными средствами. Его поддерживало большинство профсоюзных боссов, в том числе председатель АФТ—КПП Джордж Мини. За годы своего вице-президентства он установил тесные связи со многими крупнейшими предпринимателями. О своей поддержке Хэмфри заявил, в частности, Генри Форд-второй. Пользовался популярностью Хэмфри и в значительно усилившейся в политической и экономической жизни США еврейской общине.

За поддержку еврейской общины развернулась активная борьба между ведущими претендентами демократов, поскольку она была особенно сильна в двух крупнейших штатах, в которых проводились праймериз, — в Нью-Йорке и Калифорнии. Хэмфри активизировал в ней свои разветвленнейшие связи, Маккарти постоянно делал реверансы в адрес различных еврейских организаций. У Роберта Кеннеди были неплохие отношения в первую очередь с рядом влиятельных еврейских организаций в Нью-Йорке. Но в еврейской общине имелось и немало таких деятелей, которые с подозрением относились к сенатору от Нью-Йорка, вспоминая антисемитизм его отца 30—40-х годов. Для того чтобы изменить о себе мнение в глазах этого блока избирателей, Роберт все чаще начинает выступать с решительными заявлениями в поддержку Израиля, в пользу укрепления американо-израильских отношений.

Следующим штатом, в котором предстояли предварительные выборы, была Небраска, основную часть населения которой составляли фермеры. Р. Кеннеди, как

и его брат Джон, никогда не отличался знанием сельскохозяйственных проблем, плохо представлял себе, какими заботами живут фермеры. Поэтому, выступая перед фермерскими аудиториями в Небраске, Роберт в еще большей мере, чем в других аудиториях, не говорил по существу, а отделялся шутками, стараясь предстать перед фермерами в облике «простого парня».

В Небраске голоса демократов разделились примерно поровну между Кеннеди и Маккарти, от которых значительно отстал, несмотря на всю видимую мощь своей машины, Х. Хэмфри. После Небраски окончательно выявилось сходство и различие платформ Кеннеди и Маккарти. Во многом они были почти идентичны, особенно по вопросам войны во Вьетнаме. Маккарти при этом неоднократно (начав это делать еще в 1964 году) выступал с критикой в адрес «комплекса национальной безопасности» — военных и разведывательных органов, особенно ЦРУ, которые, по его мнению, в значительной мере вышли из-под контроля правительства, «превратившись в невидимое правительство, отвечающее за свои действия только перед самим собой». Маккарти обещал, что если он будет избран, то отправит в отставку директора ФБР Герберта Гувера. Кеннеди же, резко, подчас резче, чем Маккарти, критикуя внешнюю и военную политику Джонсона, старался не касаться институтов, ответственных за ее пагубный курс. И Маккарти, и Кеннеди выступали против того, чтобы Соединенные Штаты играли роль «мирового полицейского», однако если Кеннеди при этом не был в принципе против сохранения глобальной политической активности США, то его оппонент, ориентируясь на растущие в американских массах настроения неоиоляционизма, часто вставал в позу критика американского глобализма. При этом он ссылался на тех, кто нес за это персональную, по его мнению, ответственность, — на государственного секретаря Раска, министра обороны Макнамару, помощника президента по национальной безопасности Ростоу.

Поскольку все они оказались на высшем уровне исполнительной власти еще при Джоне Кеннеди, Маккарти как бы давал понять критикой этих лиц, что и предшественник Джонсона несет большую долю ответственности за явно обозначившееся поражение США во Вьетнаме. Этим он бросал тень на своего соперника Роберта Кеннеди, который неоднократно в предвыборных речах вспоминал о своей близости к убитому в Далласе президенту.

Нападая на «ястребов», и Кеннеди, и Маккарти в то же время воздержались от того, чтобы требовать одностороннего вывода американских войск из Вьетнама, несмотря на давление в этом направлении все большего числа молодежных и пацифистских организаций. С другой стороны, Х. Хэмфри старался предстать перед потенциальными избирателями в более миролюбивом облике, чем президент Джонсон.

Одним из важнейших звеньев в цепи праймериз демократической партии была Калифорния. К моменту проведения предварительных выборов в этом штате борьба между претендентами обострилась, особенно между Маккарти и Кеннеди: за несколько дней до выборов в Калифорнии Маккарти одержал над Робертом победу в Орегоне, получив 44,7 % голосов (Кеннеди — 38,8 %). Это во многом неожиданное поражение вызвало растерянность среди некоторых сотрудников аппарата кампании Кеннеди, но самого Роберта оно заставило еще энергичнее бороться за победу в Калифорнии.

В Калифорнии сторонниками и помощниками Кеннеди уже была проведена большая подготовительная работа. Он заручился поддержкой ряда влиятельных представителей крупной буржуазии, партийных боссов, лидеров движений различных расово-этнических меньшинств, включая Цезаря Чавеса, прославившегося борьбой за права сельскохозяйственных рабочих мексиканского происхождения. Помощники Кеннеди активно обрабатывали лидеров различных профсоюзов.

Для нанесения концентрированного удара по позициям Ю. Маккарти в среде студентов и интеллигенции с Восточного побережья в Калифорнию был переброшен целый «корпус интеллектуалов», состоявший из Майкла Харрингтона, Роджера Хилсмана, Майкла Форрестола, Эдвина Рейшауэра, Артура Шлезингера-младшего, Адама Ярмолинского и других профессоров Гарварда, Колумбийского университета и т. п.

Когда Роберт появился в Калифорнии, его встретили восторженные сторонники демократической партии. Среди них было немало черных и американцев мексиканского происхождения, которые благодаря усилиям Чавеса регистрировались в небывало большом числе.

Митинг следовал за митингом. Кеннеди снова говорил о необходимости решения расовой проблемы и о проблеме бедности, о вьетнамской войне. Роберт выступал на железнодорожных станциях по пути из Фреско в Сакраменто, в Окленде, в Сан-Франциско...

В Окленде ему пришлось еще раз убедиться в том, что далеко не все лидеры негритянского движения удовлетворены его выступлениями по расовой проблеме. Местные руководители негритянских организаций резко критиковали Кеннеди за расплывчатость его позиции, за политиканское маневрирование. Когда большой поклонник Кеннеди негритянский атлет Рафер Джонсон — олимпийский чемпион по легкоатлетическому десятиборью — пытался успокоить аудиторию, его обозвали «дядей Томом», именем, которое стало у черных символом непротивленчества.

Маккарти тоже весьма серьезно готовился к схватке с Кеннеди, опираясь в основном на ту часть активистов-демократов, которая в предыдущие годы поддерживала соперника Джона Кеннеди — Э. Стивенсона. В Калифорнии должны были состояться теледебаты между Робертом Кеннеди и Маккарти. Перед этими дебатами обе «команды» разместились в отеле «Фэйрмонт» в Сан-Франциско.

Дебаты прошли без какого-либо драматизма. По большинству вопросов внешней и внутренней политики, как и следовало ожидать, между претендентами не выявилось сколько-нибудь значительных разногласий. Это была конфронтация не противоборствующих линий или программ, а отдельных личностей, скорее, тех образов, которые претенденты и их помощники считали наиболее подходящими для их «продажи» избирателям. Проведенный немедленно после дебатов газетой «Лос-Анджелес таймс» социологический опрос телезрителей показал, что образ Кеннеди больше пришелся по душе калифорнийцам.

После теледебатов Кеннеди провел серию коротких митингов в китайском квартале Сан-Франциско, в Лонг-Бин, в Сан-Диего. Ожидать результатов выборов Кеннеди решил в отеле «Амбассадор» в Лос-Анджелесе. Незадолго до того, как стали поступать сведения о ходе голосования в Калифорнии, из Южной Дакоты позвонил сенатор Джордж Макговерн, помогавший Кеннеди на предварительных выборах в этом штате. Он сообщил радостную весть: Кеннеди набрал больше голосов, чем Хэмфри и Маккарти, вместе взятые. Советники Кеннеди, обсудив это известие, решают предложить Маккарти присоединиться к Кеннеди, отдав ему набранные голоса делегатов.

Получив одобрение Роберта, они связываются с теми в аппарате Маккарти, кого считают наиболее позитивно

настроенными в отношении Кеннеди. Последние соглашаются поговорить с Маккарти, стараясь убедить его в том, что настало время объединения усилий для поражения джонсоновского вице-президента.

К ночи стали известны результаты выборов в Калифорнии: 46 % за Р. Кеннеди и 42 % за Ю. Маккарти [III — 109; с. 12]. Это была хоть и не триумфальная, но все же весьма убедительная победа в важнейшем штате, открывавшая прямую дорогу к выдвижению Роберта кандидатом в президенты от демократической партии.

За несколько минут до полуночи Роберт с Этель и ближайшими помощниками решают спуститься вниз, в один из самых больших залов отеля «Амбассадор», где их ждут сотни активистов-демократов. Там Роберт встретил восторженный прием. Ему не сразу удастся начать свою благодарственную речь в адрес тех, кто приложил наибольшие усилия в ходе его кампании в Калифорнии. Кеннеди завершает речь ставшими в ходе его кампании уже традиционными заявлениями о том, что «можно предотвратить раскол в Соединенных Штатах», «что можно работать вместе» в этой «великой стране».

Толпа в зале оказалась настолько густой, что Роберт решает покинуть его через подсобное помещение кухни ресторана. Затесавшись в толпу официантов, поваров и поварят, его поджидал неприметный человек небольшого роста, в синем костюме, державший в руках плакат с призывом голосовать за Кеннеди. В тот момент, когда Роберт начал пожимать руки присутствующим, этот человек протиснулся к нему и в упор сделал два выстрела из револьвера. Больше ему выстрелить в Кеннеди не дали бросившиеся на него два административных служащих отеля «Амбассадор». Остальные шесть выстрелов восьмизарядного «айвер-джонсон кадет» были сделаны в пол. Отрекошетившие пули ранили несколько человек.

Роберт был в сознании, когда его увозили из гостиницы в больницу. Через несколько часов после тяжелой и затяжной операции, оказавшейся бесполезной, он скончался в больнице «Доброго самаритянина».

Еще один из братьев Кеннеди самым жестоким образом был удален с политической арены.

Созданная президентом Джонсоном комиссия поспешила прийти к выводу, что убийца Роберта Кеннеди — 24-летний араб Сирхан Сирхан родом из Иерусалима — «действовал в одиночку», якобы мстя Роберту за его поддержку Израиля.

Глава XXIV

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕБЮТ

Первым серьезным испытанием качеств младшего из братьев Кеннеди как потенциального политического и государственного деятеля было участие Эдварда в кампании Джона по перевыборам в сенат США в штате Массачусетс в 1958 году. Эдвард в то время завершал учебу в школе права Вирджинского университета (аналог нашей аспирантуры). Особых трудностей для победы Джона Кеннеди, как уже отмечалось в первом разделе этой книги, не предвиделось. Джон в основном уже ориентировался на борьбу за место в Белом доме, и в этом направлении работало большинство его советников и помощников. Поэтому он и решил сделать главным действующим лицом в своей сенатской кампании 1958 года не наиболее опытных помощников-профессионалов, а своего двадцативосьмилетнего брата.

Эдвард принялся за порученное дело ретиво, понимая, что, работая на старшего брата, он работает и на себя, приобретая необходимые связи в политических кругах штата, известность и опыт.

Кампания по переизбранию Джона Кеннеди в сенат шла, как и предвиделось, без серьезных затруднений, однако Эдвард не позволяет себе расслабляться и благоденствовать вплоть до дня выборов. Когда в его работе обнаруживались ошибки, он старался их как можно скорее и эффективнее исправить. Однажды штаб-квартиру по переизбранию Джона Кеннеди в Бостоне навестил глава семьи Джо Кеннеди; он высказал Эдварду свое недовольство тем, что на пути в Бостон видел очень мало плакатов с призывами голосовать за Джона Кеннеди на автомашинах (так называемых «бампер-стикеров»). Эдвард тут же прихватил большую пачку «бампер-стикеров» и отправился к въезду в крупнейший в Бостоне тоннель, где за проезд через него с водителями взымали плату. Он встал у касс и обращался к каждому водителю, возвращавшемуся после рабочего дня из Бостона к себе домой, с просьбой прикрепить ему на бампер плакатик

с надписью «Сенатор Кеннеди». Многие соглашались, особенно после того, как они узнавали, что наклеивать «бампер-стикер» будет родной брат сенатора.

В ходе этой кампании Эдвард близко познакомился с лидерами ряда еврейских, в том числе сионистских, организаций, быстро в последующие годы набравших силу в политической жизни США. Эти контакты Эдвард расширяет и укрепляет на протяжении всей своей политической карьеры, что в немалой мере будет способствовать укреплению его позиций и в родном штате, и в целом на Северо-Востоке страны. За это ему придется платить соответствующей позицией по внешнеполитическим вопросам: в сенате США Эдвард Кеннеди станет одним из наиболее известных сторонников самой широкой помощи США Израилю.

Эдвард принял участие и в президентской кампании Джона в 1960 году. Роль его в этой кампании была куда менее заметной на фоне деятельности других ближайших к Джону лиц. Но он довольствовался этой скромной ролью, стараясь как можно тщательнее выполнить возложенные на него поручения. Тэд Кеннеди в общей сложности в ходе этой кампании провел около девяти месяцев в выделенных ему для обработки западных штатах. Были случаи, когда он выступал по 15—20 раз в день, убеждая политических активистов и рядовых избирателей голосовать за своего брата.

Результатом напряженнейшей работы Эдварда в горных штатах Запада США оказалось то, что ему удалось перетянуть на сторону Кеннеди ряд делегатов предстоявшего национального съезда демократической партии из числа тех, кто ранее намеревался голосовать за Линдона Джонсона. Особенно значительным был успех Эдварда в штатах Вайоминг и Колорадо.

В 1961 году Эдвард Кеннеди при полной поддержке отца, Джона и Роберта начинает готовиться к выборам в сенат от штата Массачусетс, нацеливаясь занять то место, которое принадлежало Джону до его победы на президентских выборах.

В это время он работает в должности помощника окружного прокурора в штате Массачусетс за символическую заработную плату — один доллар в год, пользуясь при этом, разумеется, всеми благами жизни, имеющимися в распоряжении семьи Кеннеди. Чтобы завоевать престиж в штате, где традиционно высок интерес к международным проблемам, Тэд отправился в двухнедельную поездку по Африке. Вернувшись из Африки, он чигает се-

рию лекций; за тем, как воспринимаются эти лекции, внимательно следят ближайшие помощники президента. Увидев, что лекции эти слишком длинны для малоподготовленной американской аудитории, они советуют (через самого президента) сократить их в три раза, оставив больше времени для ответов на вопросы. Тэд послушался этого совета, и его выступления стали восприниматься аудиторией гораздо лучше.

В конце 1961 и начале 1962 года Эдвард отправляется в Европу, а затем в Южную Америку. Во время европейского турне он также посещает Израиль. Находясь за границей, младший Кеннеди, уделяя большое внимание развлечениям и контактам с местными политическими деятелями, не забывает о главной цели поездки — о повышении своей популярности в штате Массачусетс. Во время пребывания в Южной Америке он, например, послал открытку с приветствием каждому делегату трех предыдущих конвентов демократической партии в штате [III — 89; с. 14].

Родного брата президента могущественной державы капиталистического мира принимали во всех точках его турне с особым вниманием и почтением. Многие западноевропейские и латиноамериканские деятели старались воспользоваться случаем для того, чтобы довести до сведения главы исполнительной власти в США информацию, которую они не считали нужным передавать по дипломатическим каналам. В этом отношении поездки принесли Эдварду немалую пользу, помогли формированию у него более широких взглядов на международные отношения, чем у большинства его будущих коллег по сенату.

Борьбу за место в сенате Эдвард начал с того, что стал добиваться победы на съезде демократической партии штата. Его главным соперником был Эдвард Маккормек, который быстро понял, что очутился в незавидном положении, однако он решил не складывать оружия до конца. Многие лидеры и активисты демократической партии в Массачусетсе не питали никаких симпатий к младшему Кеннеди, но они понимали, что у последнего больше шансов одержать победу над республиканским кандидатом. Предварительные опросы общественного мнения показали: почти везде в штате Кеннеди опережает Маккормека, за исключением Бостона, где Маккормек многие годы обладал прочными политическими связями.

Опасность для Эдварда представляла значительная

группа либеральной интеллигенции, возмущенная тем, что на место в сенат США движется такой молодой и малоопытный претендент. Многие из этих либералов ранее, в ходе президентской кампании 1960 года, были сторонниками Эдлая Стивенсона и не могли простить Джону Кеннеди поражения своего кумира в ходе борьбы в демократической партии. Другие находились в лагере молодого президента, но при этом делали различие между своей поддержкой Джона Кеннеди и позицией в отношении избрания в сенат «неоперившегося» Эдварда. Один из лидеров группы противников избрания Тэда в сенат, гарвардский профессор-правовед Марк де Вулф Хау, разослал четырем тысячам профессоров и юристов штата Массачусетс резко критическое письмо в его адрес, квалифицируя решение добиваться места в сенате как преждевременное и бросающее вызов общественному мнению [III—89; с. 16].

Масштабы опасности, угрожавшей Эдварду в результате действий этой группы либералов, во многом определялись спецификой штата, в котором академическая интеллигенция пользовалась и пользуется особо большим авторитетом по сравнению почти с любым другим штатом США. Массачусетс с момента образования американского государства отличали наиболее высокий уровень образованности населения, наличие большого числа высших учебных заведений, исследовательских институтов, юридических фирм с высококвалифицированными юристами. Многие профессора университетов и колледжей штата — начиная с Гарвардского университета и Массачусетского технологического института — были вхожи в дома богатейших предпринимателей, ведущих политических деятелей, владельцев и издателей газет, собственников телекомпаний.

У Эдварда не без помощи его братьев была сформирована собственная «команда» интеллектуалов, которые приложили энергичные усилия для того, чтобы улучшить облик своего молодого патрона в глазах либеральной интеллигенции.

Когда в Вашингтоне увидели, что у Тэда дела идут не совсем так, как хотелось бы, семья выделила ему солидное подкрепление в виде Стивена Смита, женатого на сестре Кеннеди и сыгравшего одну из ведущих ролей в президентской кампании Джона в 1960 году.

С. Смит, как матерый политический профессионал, решительно взялся за обработку всех потенциальных кандидатов на съезд демократической партии штата. Ре-

крутировав большое число помощников, жаждавших приобщиться к победоносному клану Кеннеди, он в кратчайшие сроки подготовил с их помощью досье на 1700 активистов-демократов Массачусетса, в которых в первую очередь обращалось внимание на их увлечения, нереализованные амбиции, социальное и финансовое положение. С каждым из этих лиц был установлен контакт. Сам Эдвард Кеннеди до съезда успел пообщаться с 1300 делегатами, в основном в ходе специальных званных обедов. В период съезда в г. Спрингфилде все делегаты, разбитые на группы, находились под неусыпным наблюдением людей Смита, общавшихся между собой и со штабом Кеннеди при помощи портативных приемопередающих устройств, только-только появившихся на коммерческом рынке США и стоивших в то время недешево.

К моменту открытия съезда Маккормек уже видел, что ему не удастся добиться перевеса над Э. Кеннеди, но он не отказывался от борьбы. Сторонники первого намеками обвиняли людей из аппарата Эдварда в том, что те не просто уговаривали делегатов голосовать за своего патрона, но и предлагали им всяческие блага в обмен за поддержку, которыми Эдвард и его братья могли бы расплатиться в случае его победы. Видимо, эти обвинения были небезосновательны, поскольку подобные методы политического подкупа нужных лиц входят в своего рода неписаный свод правил политической борьбы в США. Прямые обвинения люди Маккормека опасались делать скорее всего потому, что эффективно работавшая контрразведка Кеннеди не давала возможности получения их противниками неопровержимых улик, которые можно было бы использовать для раздувания скандала.

По некоторым сведениям, чтобы упростить выдвигание Эдварда в качестве официального и единственного кандидата от демократов в этой кампании, Маккормеку делались тщательно законспирированные предложения отказаться от реальной борьбы на раннем этапе кампании. Взамен люди из Белого дома предлагали ему пост посла США в какой-нибудь неплохой по условиям жизни стране.

Как всегда для своих предвыборных кампаний, семья Кеннеди не жалела денег. Расходы организации Тэда намного превысили расходы организации Маккормека, в первую очередь за счет личных средств семьи Кеннеди, хотя были собраны и немалые деньги от различных сторонников Кеннеди в штате.

Особенно много денег организаторы кампании Кеннеди вложили в использование телевидения: они купили больше телевизионного времени для рекламы Тэда, чем Маккормек и республиканский претендент, а также так называемый «независимый» кандидат, вместе взятые. Значительные суммы были истрачены и на содержание разветвленной сети филиалов бостонской штаб-квартиры. В ходе кампании регулярно выпускался журнал с цветными иллюстрациями, озаглавленный «История Тэда Кеннеди». От его имени в общей сложности было сделано 300 тыс. телефонных звонков и разослано около полутора миллионов писем и брошюр [III—89; с. 17—19].

Видя, что он уступает Кеннеди на многих участках борьбы, Маккормек решил сделать ставку на телевизионные дебаты. Стороны договорились о проведении двух встреч претендентов перед телекамерой. На первых теледебатах Маккормек обрушился с выпадами в адрес личности своего соперника, заявив, что тот только два года как закончил учебу, никогда не зарабатывал себе на жизнь, не имеет никакого опыта государственной службы, что он претендует на место в сенате лишь благодаря своим связям и т. п. Маккормек также постарался показать, что Кеннеди плохо выполняет свои гражданские обязанности, не голосовав в тринадцати случаях из шестнадцати имевшихся у него возможностей с момента достижения избирательного возраста.

В середине дискуссии вопросы Маккормеку и Кеннеди задавались заранее составленной группой журналистов. Ответы претендентов на эти вопросы показали, что у них практически нет расхождений во взглядах на налоговую политику, на роль Организации Объединенных Наций, на проблему ограничения ядерных вооружений. Однако Кеннеди при этом продемонстрировал большее умение манипулировать цифрами и фактами, подготовленными его аппаратом. В ответах на вопросы он выглядел острее и увереннее своего оппонента. Прямых нападок на Маккормека Тэд избегал, он не поддавался на провоцирующие наскоки последнего, не потерял под их воздействием выдержки, что произвело положительное впечатление на отдельных зрителей.

Однако в целом, по оценке специалистов, в том числе по мнению наблюдателя за кампанией Тэда помощника Джона Кеннеди Гвертцмана, Маккормек набрал в этих дебатах больше очков, чем Кеннеди. Это было поправимо. Люди Кеннеди самым активным образом стали обы-

гривать грубые выпады в выступлении Маккормека как свидетельство его слабости и отсутствия достоинств как потенциального сенатора известного «своей культурой и манерами» Массачусетса. Ряд опросов общественного мнения показал, что для большинства потенциальных избирателей ничего не значит тот факт, что Кеннеди нигде не работал за зарплату до этой кампании.

Вторые теледебаты между Маккормеком и Кеннеди были в значительной мере повторением первых. Однако к этому времени, как показали опросы общественного мнения, позиции Кеннеди значительно упрочились. В глазах большинства демократов штата он уже перестал быть лишь младшим братом хозяина Белого дома. Тэд добился того, что у него утвердился собственный политический образ, притягательный для многих избирателей.

На съезде демократической партии он одержал внушительную победу над Маккормеком. В этот же день проходил съезд республиканской партии штата, на котором в качестве соперника Эдварда был выдвинут молодой Джордж Кэбот Лодж, представитель уже неоднократно упоминавшейся нами патрицианской династии Кэботов и Лоджей. Джордж Кэбот Лодж был сыном Генри Кэбота Лоджа, которого победил Джон Кеннеди на выборах в сенат в 1952 году и который был кандидатом в вице-президенты от республиканцев в тандеме с Никсоном на выборах 1960 года, а в 1962 году получил назначение на пост посла США в Сайгоне.

Соперничество между молодым Лоджем и Кеннеди не было столь драматичным, как между последним и Маккормеком. Лоджу явно не хватало темперамента и жажды власти.

В качестве «независимого» кандидата в борьбу между Кеннеди и Лоджем пытался вмешаться гарвардский профессор Стьюарт Хьюз, также принадлежавший к старой аристократии Массачусетса: его дед Чарльз Эванс Хьюз был одним из претендентов на пост президента США в тот год, когда дед братьев Кеннеди «милашка Фитц» проиграл деду Джорджа Кэбота Лоджа в борьбе за место в сенате США. Это вмешательство было запоздалым и малоуспешным. Гарвардскому профессору аристократического происхождения, как это бывает в Соединенных Штатах, видимо, захотелось поиграть в политику, поразнообразить свою жизнь. Тональность всех дебатов между Кеннеди, Лоджем и Хьюзом была приглушенной, подчеркнута джентльменской; претенденты словно де-

монстрировали свою принадлежность к одному и тому же избранному кругу, в котором действуют (в отношении его членов) более строгие «правила игры», чем в окружающем мире. В конечном счете Эдвард победил, получив 57 % голосов участвовавших в выборах избирателей.

Глава XXV

Э. КЕННЕДИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ США КОНЦА 60-Х—НАЧАЛА 70-Х ГОДОВ

Тупик американской агрессии во Вьетнаме отозвался весьма чувствительно, как мы уже отмечали, на самых различных сегментах американского общества, в том числе в среде предпринимателей всех калибров.

Анализ экономической и политической деятельности различных американских монополий, предприятий монополистической буржуазии, различных предпринимательских ассоциаций позволяет выделить три основные группы компаний по признаку их международных интересов.

Во-первых, это монополии, образующие ядро военно-промышленного комплекса (в который также входит военная верхушка и определенная часть крупнейших политических деятелей, наиболее тесно связанных с интересами военного бизнеса).

Во-вторых, корпорации, производящие преимущественно невоенную продукцию, обладающие крупными заграничными капиталовложениями и ведущие в больших масштабах экспортно-импортные операции.

В-третьих, компании, с одной стороны, мало связанные с военным производством, а с другой — ориентированные почти исключительно на внутренний рынок.

Необходимо отметить, что границы между этими группами компаний подчас очерчены не очень четко, имеет место множество взаимных пересечений и наложений. Особенно это характерно для первых двух групп американского бизнеса: с одной стороны, многие из корпораций — получателей военных контрактов одновременно имеют заграничные инвестиции и осуществляют значительные внешнеторговые операции, а с другой — значительная часть транснациональных монополий вовлечена в производство военной техники (как по заказам министерства обороны, так и для иностранных государств).

Но ядро каждой из обозначенных выше групп американского бизнеса обладает все же своими специфическими особенностями, что и делает возможным провести соответствующий анализ.

Корпорации, входящие в военно-промышленный комплекс, — это в первую очередь компании, которые преимущественно ориентированы на выпуск военной продукции (объем продаж по военным подрядам составляет до 90 %). Это такие корпорации, как «Боинг», «Дженерал дайнемикс», «Грумман», «Локхид», «Макдоннел — Дуглас», «Нортроп», «Рокуэлл интернэшнл», «Юнайтед технолоджис» и др. Они занимают высокие места в списке 500 крупнейших монополий США, однако, за небольшим исключением, не относятся к «сверхгигантам». В среднем у 100 крупнейших подрядчиков министерства обороны на военную продукцию приходится, по оценке профессора Колумбийского университета С. Мелмана, 40 %, а на гражданскую — 60 %. Получаемые от Пентагона контракты служат для большинства компаний источником особо высоких прибылей: прибыли предпринимателей, занятых производством оружия, в среднем на 20—30 % превосходят прибыли, получаемые от продажи невоенной продукции. Среди подрядчиков министерства обороны США многие крупнейшие монополии, входящие в первые три десятка сверхгигантов (включая «Дженерал моторз», «Америкэн телефон энд телеграф», ИБМ и др.), у которых доля военной продукции невысока — всего несколько процентов (у некоторых — до 20 %). Они не входят в ядро военно-промышленного комплекса, их функции в современной экономической и политической системе США шире и многообразнее, но и в политике данных монополий заинтересованность в военных заказах играет немаловажную роль.

Нельзя не отметить и то, что в военное производство в США вовлечено в разной степени большое число мелких и средних фирм, которые, не оказывая практически влияния на американскую военную политику, служат важным социально-экономическим компонентом базы американского милитаризма. К выполнению государственных военных заказов привлекаются свыше 20 тыс. главных подрядчиков и около 100 тыс. субподрядчиков.

Оценивая место данной группы монополий в структуре политической и государственной власти США, следует подчеркнуть, что у нее сложились наиболее тесные связи со значительной частью государственного аппарата (в первую очередь, разумеется, с аппаратом министерства

обороны) и сравнительно устойчивой группой политических деятелей (сенаторов, конгрессменов, губернаторов отдельных штатов). Именно характер этих весьма разветвленных, прочных связей позволяет говорить о сочетании военных частных корпораций, соответствующих подразделений госаппарата и группировок политических деятелей как о «комплексе» — «военно-промышленном комплексе». Наличие подобного образования в экономической и политической структуре США в первую очередь определяет то, что удельный вес военно-промышленных монополий в формировании американского внешнеполитического курса заметно превышает их удельный вес в экономике страны.

Транснациональные корпорации (ТНК) США — это прежде всего «элита элит» американского бизнеса. Именно крупнейшие, самые мощные и динамичные промышленные компании и банки занимают одновременно лидирующее место в этой категории частнопредпринимательской деятельности.

В списке ведущих транснациональных монополий журнала «Форбс» фигурирует 150 промышленных и торговых компаний и банков. В их числе вся «верхушка» американского бизнеса — «Экссон», «Мобил», «Тексако», «Форд», «Дженерал моторз», ИБМ, «Ситикорп», «Дженерал электрик», «Бэнк оф Америка», «Дюпон де Намюр» и др. Место этих корпораций в иерархии ТНК не всегда совпадает с их местом в иерархии пятисот крупнейших компаний внутри страны. Например, «Форд мотор» в списке ТНК стоит выше «Дженерал моторз», поскольку превосходит последнюю по объему заграничных инвестиций и заграничных операций, хотя и уступает по общему объему капитала и продаж.

С перечнем компаний, занимающих ведущее место по объему заграничных капиталовложений, в значительной мере совпадает список фирм, осуществляющих львиную долю американских внешнеторговых операций.

Третья группа американского бизнеса — компании, оперирующие почти исключительно на внутреннем рынке, — наиболее пестрая по своему составу. Она же и наиболее многочисленная. Здесь и крупные промышленные корпорации, хотя и уступающие по своей мощи транснациональным и ведущим монополиям, но тем не менее близкие к вершине монополистической иерархии, и аморфные конгломераты, состоящие из промышленных компаний и предприятий сферы услуг и объединенные лишь владельцем конгломерата. В эту группу

входят и тысячи компаний средних размеров, сотни тысяч фирм «мелкого бизнеса».

У большинства предпринимателей этой группы, как у крупных, так и у мелких, сложилось весьма негативное отношение к крупнейшим монополистам, возглавляющим транснациональные корпорации. Свобода маневра транснациональных корпораций, прибыли, способность быстрее других приспособливаться к меняющейся экономической конъюнктуре не могут не вызывать зависть у предпринимателей, ограниченных более тесными рамками национального рынка (для подавляющего же большинства бизнесменов этой группы рынок ограничен не то что штатом, а каким-либо отдельным графством, районом города, просто кварталом). Мелкие предприятия — это питательная среда частнопредпринимательской деятельности, они служат своеобразным «социальным амортизатором» между рабочим классом и финансовой олигархией. К тому же наличие огромного числа обособленных и распыленных производственных ячеек затрудняет борьбу трудящихся за свои права, развитие профсоюзного движения, что вполне отвечает интересам господствующего класса в целом. Мелкие и средние предприниматели, играя в своей совокупности все еще значительную роль в экономике страны, занимают видное место в социальной базе политических организаций [II — 45; с. 70—80].

Определяя специфические внешнеполитические интересы каждой из рассмотренных выше групп компаний, можно выделить, как представляется, следующее.

Первая группа монополий для обеспечения большого объема военных заказов и высокого уровня прибылей самым непосредственным образом заинтересована в поддержании международной напряженности, военно-политического противостояния, в том числе в наличии локальных и региональных вооруженных конфликтов, оправдывающих в глазах общественного мнения высокий уровень налогообложения и военных расходов.

Вторая группа монополий свой главный внешнеполитический интерес видит в обеспечении так называемого «благоприятного инвестиционного климата» — условий, при которых можно осуществить наиболее выгодным образом краткосрочные и долгосрочные заграничные капиталовложения, приносящие максимальную прибыль. Этому транснациональные монополии добиваются любыми путями, включая прямое и косвенное использование военной силы США, организацию совместно с ЦРУ

и местной реакцией переворотов и т. п. Но в то же время у них нет столь ярко выраженной заинтересованности в постоянном поддержании международной напряженности, как у монополий, служащих ядром военно-промышленного комплекса. Более того, затягивающиеся вооруженные конфликты в отдельных районах мира, потрясения, испытываемые в период обострения международных кризисных ситуаций валютно-финансовой системой капитализма, зачастую чреватые значительными потерями для транснациональных монополий. Следует также отметить, что еще с середины 60-х годов определенное число транснациональных корпораций США стало проявлять интерес к научно-техническому и торгово-экономическому сотрудничеству с СССР и другими странами социалистического содружества. В 80-х годах эта коммерческая тенденция была задушена рейгановцами, крайней реакцией в зародыше.

Внешнеполитический интерес компаний третьей группы выражен менее явно, чем у монополий военно-промышленного комплекса или у транснациональных корпораций. Соответственно и их голос на протяжении большей части послевоенного периода был почти не слышен. Однако роль этой группы проявляется довольно отчетливо в критические моменты для американской экономической, социальной и политической системы. Это имело место на пороге 70-х годов в связи с агрессией США во Вьетнаме, а также в конце 70-х — начале 80-х годов.

На рубеже 70-х годов взаимоотношения между этими тремя группами носили наиболее сложный характер. Интересы большинства американской буржуазии на том этапе не во всем совпадали с интересами ее части, входящей в военно-промышленный комплекс. Сверхприбыли, извлеченные в период всплеска военных расходов и достигшие более 9% валового национального продукта страны и более 40% федерального бюджета, частично образовывались за счет уменьшения прибылей компаний, не занятых непосредственно в военном бизнесе. Для многих американских предпринимателей стало очевидным, что чрезмерные военные расходы служат одной из основных причин ухудшения экономической обстановки в США в целом. В частности, председатель правления крупнейшего в мире частного банка «Бэнк оф Америка» (с огромным объемом заграничных операций) Л. Лэндборг в 1970 году на слушании в сенатском комитете по иностранным делам объявил о том, что непо-

мерные военные расходы являются главным источником все более опасного инфляционного процесса [III—63; с. 33].

Для многих американских предпринимателей тогда стало ясным и то, что высокие военные расходы означают и ослабление их конкурентных позиций по отношению к Западной Европе и Японии. Как, например, отмечал в ходе специальных слушаний в подкомитете объединенного экономического комитета конгресса предприниматель Л. Томас из небольшой компании «Вермонт-Америкэн корпорейшн», «станкостроительной промышленности Японии и Европы помогло то, что американские компании были не в состоянии одновременно удовлетворять наши потребности в усовершенствовании оборудования и обеспечивать военные потребности страны. Теперь японские и западноевропейские станки и лучше и дешевле. Это не предвещает ничего хорошего станкостроительной промышленности США» [III — 22; с. 681].

Подобное отношение к военно-промышленному комплексу было немаловажным фактором того, что на какое-то время его экономические, идеологические и политические позиции в США ослабли, правительство Соединенных Штатов пошло на некоторое абсолютное и относительное ограничение военных расходов, проявило минимальный реализм в вопросах внешней политики, на время примкнуло к политике разрядки между Востоком и Западом, начатой по инициативе Советского Союза в Европе.

Так, в частности, ежегодные расходы министерства обороны по закупке военной техники и различных видов снаряжения для вооруженных сил у частных компаний снизились с 23,9 млрд. долларов в 1969 году до 15,2 млрд. долларов в 1974 году (в текущих ценах).

Существенными для военных монополий оказались потенциальные потери в результате заключения советско-американских договоренностей по ограничению стратегических вооружений. Один только Договор об ограничении противоракетной обороны стоил этим монополиям до 100 млрд. долларов, которые они могли бы получить в течение ряда лет, если бы американское правительство приняло решение о развертывании «плотной» системы ПРО. Доля совокупных военных расходов в валовом национальном продукте США к середине 70-х годов снизилась примерно до 5%, а в федеральном бюджете — до 20—22%, что затрагивало кровные интересы

военно-промышленного комплекса и его монополистического ядра.

Однако основные позиции военно-промышленного комплекса в этот период остались нетронутыми, что позволило его лидерам подготовить, а затем развернуть все более успешное контрнаступление за восстановление своего положения в американском обществе.

После прихода к власти президента Р. Никсона Эдвард Кеннеди некоторое время воздерживался от критики администрации. Более того, в марте 1969 года Кеннеди одобрил «сдержанность», проявленную новой администрацией в отношении реакции на наступательные операции вьетнамских патриотов в начале этого года. Он также высказался в поддержку речей видных республиканских сенаторов Хью Скотта и Джорджа Эйкена, выступивших в начале мая с призывом вывести американские войска из Вьетнама.

14 мая 1969 года президент Никсон выступил по телевидению с речью по вьетнамской проблеме, в которой он говорил о возможности вывода американских войск из Южного Вьетнама, однако при этом выдвигал ряд условий, которые были неприемлемы для руководства Национального фронта освобождения и поддерживавшего его правительства ДРВ. В этом выступлении Никсон фактически отверг выдвинутую на парижских переговорах представителем НФО программу мирного урегулирования из 10 пунктов, которая в первую очередь предусматривала вывод американских войск без каких-либо предварительных условий под контролем независимого международного органа. Программа НФО также предусматривала создание в Южном Вьетнаме коалиционного временного правительства без иностранного вмешательства и поэтапные меры по воссоединению Северного и Южного Вьетнама [III — 11; с. 77—78].

После выступления Никсона в Южном Вьетнаме явно обозначилась интенсификация боевых действий. Особенно ожесточенные бои развернулись вокруг горы Албия вблизи от границы с Лаосом. Обе стороны понесли значительные потери [III — 11; с. 78].

Э. Кеннеди выступил с резкой критикой проведения американским военным командованием операции в районе горы Албия. Он назвал операцию «бессмысленной и безответственной», поскольку захват этой горы ни на шаг не приближал войну к завершению, не имел почти никакого смысла ни с военной, ни с политической точки зрения.

Выступив подобным образом, Эдвард фактически объявил политическую войну администрации Никсона, который и без того с давних пор с подозрением относился к сенатору. Люди Никсона серьезно восприняли активизацию деятельности Кеннеди по вьетнамской проблеме, поскольку видели в нем политического деятеля, способного оказывать значительное воздействие на общественное мнение в нежелательном для администрации направлении. Поэтому контратака на Кеннеди не заставила себя ждать. Против него были брошены внушительные силы. Первым на Эдварда обрушился сенатор Хью Скотт, обвинивший его в использовании для своих выступлений непроверенной информации от американских офицеров невысокого ранга. На следующий день выступление Кеннеди было подвергнуто острой критике представителем американского военного командования в Сайгоне, который пытался доказать военную целесообразность проведенной у горы Албиа операции. Еще через день с опровержением оценки этой операции сенатором Кеннеди выступил американский генерал, командовавший дивизией, игравшей ведущую роль в прошедших боях. Проведя таким образом соответствующую пристрелку, администрация Никсона выпустила на арену пресс-секретаря Белого дома Рональда Зиглера, заявившего, что в то время, как американские парни сражаются, выступления, подобные речи Кеннеди, «аморальны и неоправданны».

В июне 1969 года наступила небольшая передышка в конфликте между сенатором Кеннеди и Белым домом по вьетнамской проблеме. В это время Никсон объявил, что Соединенные Штаты начнут вскоре в одностороннем порядке вывод войск из Южного Вьетнама. Ряд сенаторов — представителей либерального крыла демократов считали, что одного этого заявления явно недостаточно. Такого подхода придерживался, в частности, Джордж Макговерн. Эдвард не присоединился к Макговерну и его единомышленникам, заявив, что подобные действия администрации следует считать конструктивным шагом, ведущим к снижению уровня насилия с обеих сторон.

В июле 1969 года с Кеннеди произошел инцидент в Чаппакуидике, сыгравший немаловажную роль во всей его последующей политической карьере.

В субботу 18 июля Эдвард появился со своим племянником Джо на острове Марта-Вайньярд для участия в Эдгартаунской регате, в которой семья Кеннеди при-

нимала участие уже почти на протяжении 30 лет. Как объяснял потом Эдвард, только «плохое состояние здоровья не позволило его жене Джоан быть вместе с ним». В это же время на соседнем острове Чаппакуидик проходила вечеринка, организованная для ряда технических сотрудников, наиболее отличившихся в предвыборных кампаниях Роберта и Эдварда Кеннеди. Среди них была 28-летняя Мэри Джо Копечне, в течение четырех лет работавшая секретарем у Роберта Кеннеди. Она и оказалась в одной машине с Эдвардом, который неосторожным движением, переезжая узкий мостик, соединяющий два острова, отправил машину в воду [III — 155; с. 22]. Из затонувшей машины выбрался один Эдвард. Произошло все это около полуночи, место было в это время пустынным. В своем специальном выступлении по телевидению, объясняя случившееся, Эдвард говорил о том, что он предпринял несколько попыток, чтобы спасти Мэри Джо, которые он прекратил только после того, как полностью выбился из сил.

Находясь в состоянии сильнейшего шока, он вместо того, чтобы добраться до ближайшего телефона, отправился в дом, где проходила вечеринка, и там попросил своего кузена и двух приятелей попытаться извлечь Мэри Джо из машины. Но и эти попытки оказались безуспешными.

На следующее утро, прежде чем явиться в полицию, Эдвард позвонил своему личному адвокату Берку Маршаллу, чтобы посоветоваться, как ему объяснять все случившееся. В этом и последующих выступлениях Эдвард категорически отрицал наличие каких-либо «особых отношений» между ним и Мэри Джо, а также то, что он сел за руль машины в нетрезвом состоянии. Однако многие из тех, кто расследовал этот трагический инцидент, подвергли эти утверждения Эдварда основательным сомнениям. Сомнения, впрочем, не оказались подкрепленными сколько-нибудь убедительными фактами. Дело с точки зрения юридической скоро было фактически закрыто, однако оно остается во многом открытым и до настоящего времени в плане его активного использования противниками Э. Кеннеди для обвинения его в отсутствии мужества, моральных качеств, необходимых для потенциального президента Соединенных Штатов.

Только через два с половиной месяца после инцидента в Чаппакуидике Эдвард Кеннеди позволил себе выступить в Бостоне с антивоенной речью. Он заявил, что

объявленный Никсоном вывод американских войск из Южного Вьетнама слишком скромн, что главной проблемой американских обязательств в этой стране является поддержка США генерала Тхиеу. Он призывал к поддержке Соединенными Штатами идеи формирования коалиционного правительства из числа сторонников Тхиеу и представителей НФО. Кеннеди предлагал администрации Никсона четко заявить Тхиеу: либо он соглашается на формирование коалиционного правительства, теряя при этом лично власть, либо американцы уходят из Южного Вьетнама, оставляя Тхиеу без своей поддержки лицом к лицу с НФО.

Через месяц после этого выступления Кеннеди произошел новый всплеск антивоенного движения в США. На улицы вышли сотни тысяч демонстрантов в крупных городах и во многих университетских кампусах. 15 октября Комитетом за мораторий во Вьетнаме был объявлен «День моратория», в ходе которого прошли многотысячные митинги. Один из крупнейших митингов собрался в Бостоне. На нем выступил Эдвард Кеннеди. Он предложил, чтобы все подразделения сухопутных сил США были выведены из Южного Вьетнама в течение года, а вывод военно-воздушных и военно-морских сил завершился бы к концу 1972 года. Это ускорило бы вывод американских вооруженных сил примерно в два раза по сравнению с тем, что намеревался сделать Никсон. При этом Никсон связывал график вывода американских войск с прогрессом американо-вьетнамских переговоров в Париже. Кеннеди же считал, что уход американцев из Южного Вьетнама никак не должен зависеть от поведения НФО и Ханоя.

В апреле — мае 1970 года Никсон пошел на расширение американской агрессии в Индокитае путем прямого распространения боевых действий на Камбоджу (Кампучию), оправдываясь необходимостью разрушения находившихся там баз и коммуникаций НФО. Как только сообщения о начале американо-южновьетнамского вторжения в Камбоджу поступили в США, группа либеральных сенаторов выступила с резкой критикой этой акции администрации. В числе наиболее активных критиков агрессии были сенаторы Фулбрайт, Мэнсфилд, Эйкен и Э. Кеннеди.

В ответ на вторжение в Камбоджу по Соединенным Штатам прокатилась волна антивоенных выступлений. По сравнению с предыдущими всплесками антивоенного движения резко увеличилось число акций самого реши-

тельного характера. Многие студенты — участники антивоенных выступлений стали связывать агрессию США во Вьетнаме с внутренним социально-политическим устройством Соединенных Штатов. Радикально настроенные студенты считали символом американского капитализма в первую очередь банки, которые в ходе антивоенных выступлений весной 1970 года неоднократно подвергались нападениям студентов. Так был сожжен частный банк рядом с кампусом Калифорнийского университета в Беркли. Усилились выступления студентов непосредственно против тех администраторов высших учебных заведений, которые поддерживали вьетнамскую политику Никсона. В Канзасском университете было, например, сожжено административное здание; ущерб от этого составил более 2 млн. долларов. В Университете штата Огайо студенты, добивавшиеся отмены курсов по подготовке офицеров запаса, в течение шести часов вели сражение с полицией. В результате 20 человек получили серьезные ранения, а 600 человек было арестовано. Для подавления выступления студентов губернатор штата Джеймс Роде призвал 1200 национальных гвардейцев, которые вместе с полицией «навели порядок» в кампусе.

Трагические события произошли в Кентском университете, когда в результате подавления выступления были убиты четыре студента. После событий в Кентском университете студенты не только не прекратили выступлений, но и, наоборот, значительно активизировали их. К студентам все чаще стал присоединяться и профессорско-преподавательский состав. В течение недели после убийства студентов по всей стране закрылось более 450 университетов и колледжей в знак протеста против полицейской расправы. Для подавления студенческих выступлений только до конца месяца в шестнадцати штатах призывалась национальная гвардия [III — 94; с. 458].

Резкой критике подверглось вторжение в Камбоджу на страницах таких газет, как «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Уолл-стрит джорнэл», «Сент-Луи пост диспэтч». Председатель сенатского комитета по иностранным делам Фулбрайт заявил, что его комитет считает эту операцию лишь акцией, направленной на расширение военных действий. Тысяча юристов объединились в организацию лоббистов, воздействовавших на конгресс США с целью прекратить войну. Такую же организацию создали 33 президента университетов. В редакционных статьях практически всех ведущих газет и журналов подвергались сомнению данные Пентагона

об «успехах» американских и южновьетнамских марионеточных сил в Камбодже.

Имела место и реакция правых на подобные выступления. Когда несколько тысяч студентов вышли на демонстрацию в районе Уолл-стрита в Нью-Йорке, против них двинулись, подогретые пивом и ура-патриотическими призывами, строители «Всемирного торгового центра», вооружившиеся обрезками труб и стальными прутьями арматуры. Многие студенты получили в результате этого серьезные увечья. Крайне правая печать злорадствовала, пытаясь приподнести это выступление строителей как «доказательство» того, что рабочие против антивоенного движения. Однако все последующие события показали, что это выступление строителей носило изолированный характер.

Антивоенные выступления продолжались. Тысячи и тысячи демонстрантов выходили на улицы, не боясь черносотенных акций, подобных происшедшей в районе Уолл-стрита.

Идеи антивоенного движения стали проникать внутрь исполнительной власти. Многие работники государственного аппарата обнаружили среди активистов антивоенного движения своих друзей, близких, детей. Группа противников продолжения агрессии во Вьетнаме оформилась даже в государственном департаменте, где 250 сотрудников, включая 50 профессиональных дипломатов, подписали петицию, в которой выражалось несогласие с политикой администрации. Усиливались разногласия и между членами кабинета. Министр внутренних дел Уолтер Хикел публично выступил с протестом против расширения военных операций в Индокитае. В «Нью-Йорк таймс» 9 мая появилось сообщение о том, что государственный секретарь Роджерс запретил какие-либо рассуждения о его подходе к данной проблеме, что в завуалированной форме означало демонстрацию его несогласия с линией президента. Группа молодых сотрудников «Корпуса мира» захватила его здание и вывесила на нем флаг Национального фронта освобождения. Министр здравоохранения, образования и социального обеспечения Роберт Финч отказался от публичной критики президента, однако не воспрепятствовал захвату сотнями сотрудников своего ведомства основного здания заседаний для митинга протеста [III — 85; с. 513—514].

В 1970 году Эдварду снова пришлось пройти через перевыборы в сенат. Одной из главных тем своей кампании в Массачусетсе он сделал войну во Вьетнаме. Его ос-

новным лозунгом было «Окончить войну». Добившись переизбрания, он еще активнее выступал по этой проблеме на национальном уровне. Резкой критике Кеннеди подверг выдвинутую администрацией Никсона концепцию «вьетнамизации» войны. По словам Кеннеди, «вьетнамизация» означала бесконечное продолжение и даже расширение войны. Он начал все больше обращаться к моральной стороне американской агрессии во Вьетнаме. «Сможет ли когда-нибудь Америка отмыть свои руки от пролитой ею крови невинных людей в Азии?» [III — 89; с. 67] — вопрошал сенатор от Массачусетса на встрече демократов-председателей партийных организаций штатов зимой 1971 года.

1972 год был годом очередной президентской кампании. В этот период антивоенное движение достигло своего пика. Оценив трезво свои шансы, Э. Кеннеди предпочел не вступать в борьбу за выдвижение кандидатом в президенты от демократической партии, в частности и потому, что у него оказалось немало серьезных соперников в демократической партии. Лидерство среди претендентов-демократов поначалу захватил сенатор Эдмунд Маски, но в этой роли он продержался недолго, уступив сенатору Джорджу Макговерну, занимавшему одно из ведущих мест среди видных политических деятелей, выступивших против войны во Вьетнаме.

В январе 1972 года Никсон, учитывая силу антивоенного движения, выступил по телевидению с сообщением о том, что он предложил коммунистам по секретным каналам новый план завершения войны из восьми пунктов. Этот план предусматривал вывод всех американских войск через шесть месяцев после подписания между воюющими сторонами соглашения. В нем выражалось и согласие американской стороны на проведение в Южном Вьетнаме выборов, в которых приняли бы участие все политические силы.

Некоторые либеральные демократы в осторожной форме одобрили этот план Никсона. Сенатор Майк Мэнсфилд, например, назвал его важным шагом вперед, хотя он считал необходимым в одностороннем порядке объявить окончательный срок вывода всех американских войск из Южного Вьетнама. Кеннеди же высказался по поводу нового никсоновского плана очень резко, сказав, что для окончания войны не нужно восьми пунктов, а достаточно лишь одного: о полном выводе всех американских сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил к определенному сроку в обмен на воз-

вращение захваченных силами НФО американских пленных.

В 1972 году американские бомбардировки во Вьетнаме усилились. Впервые после 1967 года были совершены налеты тяжелых бомбардировщиков Б-52 на Северный Вьетнам, были нанесены удары по густонаселенным районам Ханоя и Хайфона, вызвавшие большие жертвы среди мирного населения ДРВ. По этому поводу Эдвард организовал в возглавляемом им подкомитете по проблеме беженцев слушания, на которых выступил бывший генеральный атторней США Рамсей Кларк, вернувшийся из поездки в ДРВ. На слушаниях Кларк заявил, что под угрозой разрушения в результате американских бомбардировок Северного Вьетнама находится вся ирригационная система. В случае разрушения, говорил он, значительная часть страны окажется затопленной и пострадают сотни тысяч мирных жителей. На основе этих слушаний Кеннеди, Макговерн и восемь других сенаторов внесли в сенат резолюцию, призывавшую прекратить бомбардировки ДРВ.

Никсон игнорировал эти призывы, продолжая осуществлять избранную им линию. Только в конце 1972 года нажим сената усилился настолько, что бомбардировки ДРВ были прекращены. К этому моменту, однако, парижские переговоры подходили к завершению. Они закончились подписанием 27 января 1973 года соответствующих американо-вьетнамских соглашений.

В конце 60-х — начале 70-х годов Кеннеди принял активное участие и в других акциях конгресса по прекращению войны во Вьетнаме, по ограничению военных полномочий президента.

Обозначившийся тупик во Вьетнаме подтолкнул целый ряд сенаторов и членов палаты представителей к действиям, направленным на ограничение прерогатив президентской власти.

Рост реальной власти президента, расширение его функций в течение многих лет были главным символом и проявлением растущей мощи государства в социально-экономическом развитии и политической жизни американского империализма. Как писал один из ведущих американских специалистов по проблемам президентской власти, Дж. Барбер, президент в США — это значительно больше, чем институт, это «фокус наиболее интенсивных и устойчивых эмоций в американской политической системе. Президент — это символический руководитель, единственная личность, которая сплачивает людей в их

надеждах и страхах в отношении политического будущего» [III — 12; с. 4].

Наиболее заметное, проявляющееся как устойчивая тенденция, усиление президентской власти в Соединенных Штатах происходит в период становления американского империализма, его активного выхода на международную арену, в период развертывания экспансионистской внешней политики на базе сложившихся к этому времени основ монополистического капитализма. В этот период вписываются правления президентов-республиканцев У. Мак-Кинли, Т. Рузвельта, У. Тафта и президента-демократа В. Вильсона [II — 22; с. 19—69].

Тенденция усиления использования ресурсов страны государственной властью в лице президента в интересах крупнейших монополий действовала по восходящей на протяжении всего XX века, несмотря на некоторые периоды временного ослабления президентской власти.

В эти периоды правящий класс был вынужден осуществлять корректировку прерогатив президентской власти и реальных политических возможностей для деятельности того или иного президента.

К моменту прихода к власти администрации Никсона стали очевидными многие элементы эрозии престижа и политического влияния президентства. Именно в связи с этим шаг за шагом активизируется деятельность другой ветви государственной власти — законодательной, конгресса. Конгресс должен был по замыслу критиков президентской власти скорректировать ошибки, допущенные президентом, в том числе за счет чрезмерного расширения полномочий президентской власти, в первую очередь в сфере внешнеполитической.

Активность сил, стремившихся к ограничению прерогатив президентской власти, еще не была достаточной, чтобы с самого начала пребывания у власти администрации Никсона поставить на ее пути соответствующие преграды. Более того, Никсону удалось в течение первых лет его пребывания у власти провести ряд внутри- и внешнеполитических акций, которые можно рассматривать как усиление прерогатив президента.

На рубеже 60—70-х годов происходит явное усиление деятельности различных группировок в конгрессе, ориентированных на ограничение прерогатив президентской власти в таких областях, как военные полномочия, использование бюджетных ассигнований для внешнеполитических целей, заключение международных соглашений, назначение на военные и дипломатические посты.

Уже в конце 60-х годов в конгрессе принимается целая серия поправок к текущему законодательству, задачей которых было прекращение участия США в войне во Вьетнаме [II — 21; с. 17].

Когда стало очевидным, что эти поправки не возымели должного действия на администрацию, ряд сенаторов и членов палаты представителей встали на путь принятия специального законодательства. Первый подобный законопроект был внесен сенатором Дж. Джавитсом в июне 1970 года. Член палаты представителей К. Заблоцки в августе того же года внес на рассмотрение обеих палат конгресса проект совместной резолюции об ограничении военных полномочий президента [III — 3; с. 50—56].

Борьба вокруг этих предложений длилась довольно долго, и лишь в 1972 году сенат и палата представителей в отдельности приняли законопроект о военных полномочиях, которые настолько отличались друг от друга, что согласительный комитет так и не смог устранить их противоречий и различий. Только конгресс нового созыва к октябрю 1973 года смог принять приемлемый для большинства обеих палат законопроект, на который Никсон тут же наложил вето, объявив, что он ослабит обороноспособность страны и противоречит Конституции США.

Однако обе палаты конгресса смогли отклонить вето президента, проголосовав против него более чем двумя третями своего состава, что было прямым следствием ослабления поддержки Никсона и в сенате, и в палате представителей под воздействием «уотергейтского кризиса» [III — 122; с. 1].

В соответствии с этим законом для применения вооруженных сил США в конфликтных ситуациях требуется «коллективное суждение как конгресса, так и президента». Если в течение 60 дней с начала предпринятых президентом акций конгресс не объявит войны или не примет закона, разрешающего президенту и далее применять вооруженные силы, то в этом случае президент обязан прекратить их.

Но и при этом для президента оставлена удобная возможность продлить срок применения вооруженных сил США даже без санкции конгресса еще на 30 дней, если он в специальном докладе конгрессу обоснует это необходимостью предотвратить поражение или тяжелые потери американских подразделений, находящихся в данный момент в боевом соприкосновении с противником. Правда, при этом в любой момент вооруженного конфликта кон-

гресс сохранял право окончательного решения о прекращении использования вооруженных сил принятием совпадающей резолюции обеих палат [III — 122; с. 1].

Закон о военных полномочиях президента хотя и накладывает определенные ограничения на президентские прерогативы в данной области, но тем не менее сохраняет для президента весьма большую свободу действий, особенно в отношении использования вооруженных сил США в скоротечных кризисных ситуациях. Заслуживает при этом внимания точка зрения американского специалиста по президентской власти Р. Пайоса, который считает, что отмеченные положения закона о военных полномочиях президента стимулируют более высокие, чем это имело место в прошлом, темпы эскалации военной силы в целях быстрого решения конфликта в пользу Соединенных Штатов [III — 119; с. 415].

Учитывая все вышеизложенное, можно считать, что принятие закона о военных полномочиях президента имело большое политико-психологическое значение, впервые на протяжении десятилетий расширения фактических прерогатив президентской власти обозначив некоторые ограничения в этой области. Эти ограничения, разумеется, могут быть обойдены умелым политическим маневрированием, однако в любом случае потребуют от президента дополнительных затрат его политического капитала.

Борьба за ограничение возможностей президента в военно-экономической сфере развивалась по весьма похожей схеме. С конца 60-х годов в сенат и палату представителей вносятся десятки поправок, направленных на то, чтобы использовать предоставленную конституцией конгрессу «власть кошелька» для окончания войны во Вьетнаме. Среди них выделялись поправки Гуделла, Купера — Чёрча, Чёрча — Кейса, Иглтона. И только летом 1973 года, когда американские войска уже были выведены из Вьетнама, приняли поправку Фулбрайта, которая вобрала в себя значительную часть всех предыдущих предложений законодателей. Она гласила: «Невзирая на любое другое законоположение, 15 августа 1973 года или после этой даты никакие фонды, ассигнованные настоящим актом, ранее или в последующем не могут быть предназначены или израсходованы для финансирования участия вооруженных сил Соединенных Штатов в военных действиях на территории или в воздушном пространстве, или у берегов Северного Вьетнама, Южного Вьетнама, Лаоса или Камбоджи» [III — 28].

Эта поправка вошла в совместную бюджетную резолюцию конгресса 1973 года и стала законом.

Что касается полномочий президента в области заключения от имени американского государства международных соглашений, то здесь можно отметить, что на протяжении целого ряда десятилетий, особенно в период после второй мировой войны, президенты предпочитали заключать такие соглашения, которые не нуждались в одобрении конгрессом. В результате этого, например, на 1 января 1972 года действовало 4 359 исполнительных соглашений (не считая при этом многих имеющих существенное внешнеполитическое значение соглашений на уровне ведомств) и лишь 947 договоров [III — 158; с. 111].

На пути ограничения возможностей президента по заключению соглашений в обход конгресса важным событием было создание в 1969 году в сенатском комитете по иностранным делам специального «подкомитета по соглашениям США о безопасности и обязательствам за рубежом» под руководством С. Саймингтона. Несмотря на постоянные препятствия, которые чинила администрация деятельности этого подкомитета, ему удалось вскрыть множество фактов злоупотребления исполнительной властью и исполнительными соглашениями, которые усилили позиции конгресса в его борьбе с президентом [III — 133].

Начиная с 1969 года сенатом принимается ряд резолюций, требующих от президента при заключении всех важных международных соглашений, включая «исполнительные соглашения», получать одобрение конгресса в виде договора, закона или совпадающей резолюции сената и палаты представителей. Администрация Никсона, учитывая то, что эти резолюции не имели силы закона и выражали лишь «мнение» сената, отказывалась представить на его утверждение целый ряд важных соглашений, заключенных ею в 1970—1972 годах. Однако соответствующие группировки в конгрессе еще больше усилили деятельность в этой области, в результате чего в 1972 году был принят закон Кейса — Заблоцки, в соответствии с которым государственный секретарь от лица администрации обязан предоставить конгрессу текст любого международного соглашения, одной из договаривающихся сторон которого являются Соединенные Штаты, не позднее, чем через 60 дней после того, как оно вступило в силу в отношении США. Этот закон также предусматривает особую процедуру для рассмотрения

органами конгресса секретных исполнительных соглашений [III — 122; с. 22 — 403].

В последующие годы администрации Никсона, Форда и Картера вынуждены были основную часть заключаемых ими исполнительных соглашений направлять в конгресс (конкретно в сенатский комитет по иностранным делам и в комитет по иностранным делам палаты представителей). В то же время они находили и в самом законе Кейса — Заблоцки политические возможности для его нарушения в целом ряде случаев [III — 25; с. 157 — 159].

На протяжении послевоенных лет, вплоть до 70-х годов, президент пользовался большой свободой в назначениях на высшие дипломатические и военные посты, получая сравнительно легко согласие сената.

Свои полномочия в этой области сенат начал проявлять активно в период нарастания внешнеполитической деятельности конгресса и ослабления полномочий президента в условиях «уотергейтского кризиса». Так, в 1973—1974 годах наиболее яркими примерами этому могут служить действия сенатского подкомитета по иностранным делам во главе с У. Фулбрайтом, который заставил Никсона снять кандидатуру Дж. М. Годли, предлагавшегося на пост помощника государственного секретаря по вопросам Восточной Азии и Тихого океана. Сменивший Никсона Дж. Форд вынужден был отказаться от назначения послом в Испанию П. Флэнигена, который, как обнаружилось в ходе уотергейтского расследования, будучи одним из ведущих помощников Никсона, продавал по установившейся в политической системе США многолетней традиции посты послов тем, кто вносил крупные суммы в финансирование избирательной кампании.

Глава XXVI

«УОТЕРГЕЙТСКИЙ КРИЗИС»

Самый острый и глубокий в новейшей истории США политический кризис, разразившийся в 1972—1974 годах, оказался связан с династией Кеннеди — как прямо, так и косвенно. В эпицентре «уотергейтского кризиса» находился давний соперник и противник сначала Джона, а затем Роберта и Эдварда Кеннеди президент Соеди-

ненных Штатов Америки Ричард Милхауз Никсон. Этот кризис стоил в конечном счете Никсону места в Белом доме, он оказал весьма заметное воздействие на сам институт президентской власти. Развитие «уотергейтского кризиса» отразилось и на внешней политике США, в том числе на американо-советских отношениях.

Между администрацией Никсона и сенатором Э. Кеннеди сложились весьма напряженные отношения по ряду вопросов внешней политики. Никсон и его ближайшее окружение с пристальным вниманием следили за каждым шагом Эдварда, за каждой его новой инициативой и идеей и старались сразу же нейтрализовать их. Когда, например, возглавляемый Кеннеди сенатский подкомитет объявил о проведении слушаний по проблемам американских индейцев, администрация также выступила по этой проблеме. Как только Кеннеди отправился в Индию и Пакистан для обсуждения там проблемы беженцев, представитель никсоновской администрации немедленно поставил этот вопрос в ООН. Кеннеди вошел в состав сенатского комитета по проблемам здравоохранения и медицинского обслуживания, администрация тут же выдвинула собственную программу в этой сфере [III — 19; с. 193].

Агенты администрации Никсона вели за Кеннеди и его аппаратом постоянную слежку, неоднократно пытались внедрить в окружение сенатора от Массачусетса работающих на Никсона информаторов. Занималась этими делами специально подобранная ближайшими помощниками президента группа во главе с Гордоном Лидди и Ховардом Хантом. Последний занимался преимущественно сбором всей информации, которая была связана с Чаппакуидиком и которую можно было бы использовать для опорочивания Эдварда. Одновременно по указанию заместителя министра юстиции Клайндинста ФБР без каких-либо законных оснований целенаправленно собирало материалы о жертве Чаппакуидика Мэри Джо Копечне и ее отношениях с Кеннеди. Начальник никсоновского аппарата Белого дома Х. Р. Холдман добивался того, чтобы установить круглосуточное наблюдение за Э. Кеннеди и его ведущими сотрудниками. Только нехватка «людских ресурсов» у разведывательно-диверсионной организации президента помешала этому — наблюдение велось за Кеннеди выборочно. Подобная деятельность политических противников стала скоро известна Эдварду, и он начал предпринимать контрмеры. Его помощники и единомышленники занялись вплотную

анализом закулисной деятельности никсоновского руководства министерства юстиции. В начале 1972 года аппарат сенатора от Массачусетса активно включился в рассмотрение деятельности гигантской корпорации «Интернэшнл телеграф энд телефон», осуществлявшей в числе прямых нарушений законов нелегальные платежи в фонд политической машины Никсона [III—19; с. 255—256].

Прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению «уотергейтского дела» и связанного с ним грандиозного политического кризиса, представляется полезным осветить личность президента Никсона. Этот государственный деятель, известный своими антикоммунистическими и антисоветскими взглядами, консервативным подходом к внутренним социально-экономическим и политическим проблемам, после первых двух лет пребывания у власти проявил значительный реализм при решении проблем американско-советских отношений, и ограничения стратегических вооружений в частности.

О том, что Никсон в вопросах внешней политики проявил реализм не вдруг, что это было плодом длительных и непростых размышлений, говорит много фактов, которые, как правило, упускались буржуазной прессой при освещении его взглядов на международные отношения к моменту вступления им в президентскую должность [III—85].

Впрочем, в памяти американского общественного мнения в большей мере запечатлелась не столько некоторая эволюция взглядов Никсона на политико-дипломатические отношения между США и СССР, сколько его поведение во время первого визита в СССР в связи с проведением в Москве американской национальной выставки. Американская пресса представила Никсона как энергичного, пожалуй, даже яростного защитника и апологета системы «свободного предпринимательства». Доказывая «неоспоримые преимущества» капиталистической системы в целом, Никсон в ходе этой агитационной мини-кампании не забывал о тех крупных корпорациях, с которыми он поддерживал тесные деловые и личные связи: на фотографиях, появившихся на страницах большинства американских массовых изданий, Никсон, например, занимался рекламой капитализма на фоне компании «Пепси-кола» [II—22; с. 290—291], в то время прилагавшей огромные усилия для того, чтобы прорваться на рынки, в значительной мере контролируемые созданной гораздо раньше монополией «Кока-кола».

Придя в Белый дом в 1969 году, Никсон сумел оце-

нить новое соотношение сил в мире, в первую очередь в стратегической, ракетно-ядерной сфере, и учесть опыт своих предшественников, занимавших президентский пост в послевоенный период.

На подход Никсона к решению внешнеполитических проблем, стоявших перед Америкой, несомненно, значительное воздействие оказала и внутривнутриполитическая обстановка в США, в первую очередь мощное антивоенное движение. Он не мог не принять во внимание и то, какую роль сыграло это движение в личной судьбе его предшественника — Линдона Джонсона. Значительную часть своих внутривнутриполитических усилий, направленных и на упрочение внешнеполитических позиций США, и на укрепление президентской власти в целом, он направил на подрыв антивоенного движения, применяя для этого весь арсенал средств, использовавшихся его предшественниками.

К моменту прихода к власти Никсона стали очевидными многие элементы эрозии престижа президентской власти. Явно обозначившаяся в 1968 году невозможность победы США в войне против Вьетнама, размах антивоенного движения, а также осознаваемая многими в стране неэффективность программ «великого общества» сказались не только на институте президентской власти, которая, по мнению значительной части правящего класса США, не справилась с возложенными на нее задачами. Именно в этот период начинает активизировать свою деятельность другая ветвь государственной власти в США — конгресс. Конгресс должен был по замыслу критиков президентской власти скорректировать ошибки, допущенные президентом, в том числе путем ограничения чрезмерного масштаба его полномочий.

Но это стремление к ограничению прерогатив президентской власти еще не приобрело достаточной глубины и масштабов, чтобы с самого начала пребывания у власти новой республиканской администрации поставить на ее пути соответствующие преграды. В мемуарах Никсон пишет, что он по основным вопросам внешней и внутренней политики в начале своего правления, несмотря на преобладание демократов и в сенате, и в палате представителей, все еще мог рассчитывать хотя и на незначительное и не всегда поэтому надежное, но большинство в конгрессе. Однако если в вопросах внешней политики его поддерживала более или менее стабильная группировка в сенате и в палате представителей, то в области внутренней политики при обсуждении каждого конкрет-

ного вопроса сторонникам президента приходилось создавать специальную коалицию. Никсон сетует, что в глазах конгрессменов-либералов он в своих законодательных инициативах шел недостаточно далеко, а консерваторы в обеих палатах упрекали его в обратном [III — 93; с. 350—351].

Новый президент оказался явным сторонником сильной исполнительной власти, носящей авторитарный характер. Это импонировало значительной части американской политической и экономической элиты, нуждавшейся в сильном президенте для вывода страны из кризисной ситуации. При этом, как неоднократно подчеркивал Никсон, наиболее близким себе по духу и достойным подражания государственным деятелем он считал президента де Голля.

Как и де Голль, столкнувшийся с проблемой выхода Франции из безнадежной колониальной войны в Алжире, Никсон призван был найти выход из войны в Индокитае. Так же как и де Голлю в условиях Франции, Никсону предстояло привести в целом внешнюю политику в соответствие с реальными позициями США в мире, значительно ослабленными по целому ряду военно-стратегических, экономических, политико-дипломатических и морально-идеологических параметров к концу 60-х годов и продолжавшими ухудшаться. Никсон и стоявшая за ним политическая группировка намеревались в перспективе восстановить на базе приспособления к новым условиям «величие Америки». Этот замысел предусматривал определенную «модернизацию» структуры американской политической системы путем повышения «степени управляемости» обществом со стороны сильной президентской власти. Используя при этом Никсоном концепции политической власти в США явно противоречили либеральным взглядам по этому вопросу, в том числе тем, которых придерживался Э. Кеннеди.

Большую неприязнь, как мы уже отмечали, питал к семье Кеннеди Р. Никсон. В немалой мере неприязнь Никсона к братьям Кеннеди была вызвана и его поражением на президентских выборах 1960 года, на которых Джон Кеннеди победил с минимальным перевесом. Но причина такого отношения Никсона к Кеннеди — типичным представителям так называемого «восточного истеблишмента» — отнюдь не исчерпывается лишь фактом этого поражения.

Двумя годами позже, в 1962 году, Никсон потерпел еще более сокрушительное поражение на выборах в гу-

бернаторы крупнейшего к тому времени по населению и промышленному потенциалу штата Америки — Калифорнии. На этот раз он проиграл демократу Пэту Брауну, мультимиллионеру, представителю политической и экономической элиты Западного побережья США.

И хотя Никсон в обеих кампаниях, будучи кандидатом от партии крупного капитала, не испытывал недостатка в средствах на их ведение, имея в своем распоряжении внушительный избирательный фонд, он тем не менее, по свидетельству его ближайшего окружения, никогда не забывал, что терпел поражения от лиц, обладавших огромными личными состояниями.

В стране, где царит культ наживы, культ доллара, фактор личного материального положения играет весьма заметную роль в политической борьбе, в жизни крупнейших политических и государственных деятелей, вплоть до президента. Этот фактор в большинстве случаев старательно затушевывается буржуазными учеными, особенно теми, чьи работы посвящены президентам и президентской власти. Не следует, однако, преувеличивать значение чисто материальных причин в поведении того или иного буржуазного государственного деятеля, ибо он испытывает на себе воздействие сложнейшего комплекса факторов, среди которых основную роль играют определенные закономерности, действующие на том или ином уровне конкретной политической системы.

Для Никсона поражение на президентских выборах 1960 года означало и необходимость поиска источников доходов. Уйдя в 1962 году на несколько лет с авансцены американской политической жизни, Никсон, занимаясь юридической практикой, разумеется, не бедствовал, но, усиленно готовясь к реваншу, своего материального положения кардинальным образом улучшить не сумел. За это время личный капитал Р. Никсона достиг всего несколько более полумиллиона долларов. Эти средства были им накоплены преимущественно за счет работы старшим партнером в престижной юридической фирме на Уолл-стрите. В этой фирме среди прочих дел Никсон вел дела не забывшей его услуг фирмы «Пепси-кола» [II — 22; с. 291].

Заняв Белый дом, Никсон не упускал возможности позаботиться о своем финансовом положении на случай ухода с поста президента. Поэтому неудивительно, что финансовые вопросы, вопросы личных доходов президента, уплаты налогов, получения и расходования средств богатейших «доноров», финансировавших избирательные

кампании Никсона в 1968 и 1972 годах, стали важной составной частью уотергейтского скандала, завершившегося вынужденной отставкой президента [III — 64; с. 318 — 320].

Следует также помнить, что одной из причин, сыгравших немаловажную роль в крушении администрации Никсона, была отставка его вице-президента С. Агню, который оказался под следствием в связи с неопровержимыми доказательствами его взяточничества в бытность губернатором штата Мэриленд. Агню, также не имевший солидного личного капитала, попался на мелких по американским масштабам взятках [III — 170; с. 45].

Таким образом, в силу своего сравнительно сложного материального положения, отсутствия личных, никому не подконтрольных средств, которые можно было бы использовать в политической борьбе, Никсон был в критических ситуациях значительно уязвимее, чем, например, Джон и Роберт Кеннеди, которые в случае необходимости всегда могли пустить в ход средства из семейного капитала.

Богатство семьи Кеннеди, ее разветвленные политические и личные связи со многими политическими деятелями, банкирами и промышленниками, хозяевами органов массовой информации и ведущими работниками прессы создавали братьям Кеннеди (и создают последнему из них — Эдварду) более надежную основу для их политической борьбы, чем имел Никсон. Но, видимо, их повышенная неуязвимость в использовании против них обвинений в нечистоплотных трюках, что является неотъемлемой частью американского политического процесса, и стала одной из причин применения против них экстраординарных методов борьбы, то есть физического устранения.

Несмотря на широкие политические связи и мощную финансовую базу, братья Кеннеди, будучи неотъемлемой частью американской политической системы, также не могли обойтись без разного рода закулисных махинаций. Однако масштабы этих махинаций, видимо, уступали тем сложным манипуляциям, к которым прибегал Никсон в политической борьбе, за что он получил от своих многочисленных недоброжелателей кличку Дик Трюкач.

На пути дальнейшего укрепления президентской власти Никсон встретился ничуть не с меньшими, а, возможно, даже и с большими препятствиями, чем, скажем, В. Вильсон или Ф. Рузвельт. На протяжении всего президентства Никсона большинство в обеих палатах конгресс-

са принадлежало оппозиционной партии — демократам, поэтому любые инициативы республиканской исполнительной власти, которые подлежали одобрению со стороны конгресса, Никсон вынужден был проводить с помощью сколачивания такого блока законодателей, который неизбежно включал бы и демократов.

Нельзя не учитывать и роль федеральной бюрократии, прежде всего высшего и среднего чиновничества огромного аппарата исполнительной власти, который рос почти непрерывно с периода пребывания у власти администрации Ф. Рузвельта. Развитие государственно-монополистического капитализма в США привело к тому, что в руках чиновничьей верхушки ведущих министерств и ведомств исполнительной власти, связанной тысячами нитей с различными монополистическими группировками, конгрессом, профбюрократией, оказались мощные рычаги власти. Оставаясь в общем и целом проводниками интересов монополистического капитала, многие органы государственного аппарата США снизили свою эффективность в плане обеспечения этих интересов, добиваясь усиления собственных позиций в структуре политической власти в Вашингтоне.

Большая часть этого высшего чиновничества, не сменяемого при изменении администрации, была связана с демократической партией, с политическими кругами, противостоящими Никсону как политическому деятелю и придерживавшимися иных взглядов на проблемы управления государством.

Расстановка сил в правительственной бюрократии и вашингтонской политической верхушке в целом в период президентства Никсона во многом не соответствовала изменившемуся в стране соотношению экономических сил между отдельными районами и группировками монополистического капитала. Значительно возросла по сравнению со штатами Северо-Востока экономическая мощь не только Калифорнии и Техаса, но и «глубокого Юга» страны. Эти районы, хотя в них наряду с новыми группировками монополистической буржуазии активно действовали старые группировки с Уолл-стрита, стремились закрепить свой новый экономический статус и в политической сфере.

Не следует, видимо, упрощать картину и считать Никсона прямым ставленником монополистических кругов Западного побережья США или какой-нибудь глубоко законспирированной коалиции миллиардеров Калифорнии и Среднего Запада. Никсон, без сомнения,

пользовался доверием и был ставленником гораздо более широкого круга представителей правящего класса США. Однако «калифорнийский элемент» в его политическом тыле был более значительным, чем у любого другого американского президента. И Никсон видел возможность укрепления президентской власти в масштабах, которые ему представлялись необходимыми с точки зрения как общегосударственных, так и его личных интересов, только путем ослабления позиций все еще могущественных группировок традиционной политической элиты США, которые объединяются в понятие «восточный истеблишмент».

Одновременно Никсон, как уже говорилось, предпринял ряд крупных акций, направленных на ослабление и ликвидацию массовых антивоенных и демократических движений, возникших и развернувших свою деятельность еще при предыдущих президентах.

И хотя деятельность администрации Никсона в этом направлении импонировала значительной части американского правящего класса, среди отдельных представителей правящих кругов Соединенных Штатов его репрессивная политика вызывала серьезные возражения. Эти круги полагали, что такая политика может в конечном счете обернуться для существующей системы значительными издержками, чем более гибкая и осторожная. Не устраивали репрессивные методы, предпринимаемые администрацией Никсона против массовых движений, и тех представителей правящей элиты США, которые заигрывали с этими движениями и надеялись использовать результаты их деятельности в корыстных интересах. В первую очередь это относилось к влиятельному либеральному крылу демократической партии, где в числе ведущих был сенатор Э. Кеннеди.

Множество подобных моментов, хитросплетений во все более усложнявшейся политической борьбе, происходившей в стране, Никсон, будучи отнюдь не наивным политиком и не новичком в американских политических джунглях, как ни странно, просто недопонимал. В результате этого он долгое время преуменьшал силу оппозиции своей политике установления авторитарного режима, подобного режиму де Голля, и недооценивал опасность разворачивавшегося «уотергейтского дела».

Недоверие Никсона к вашингтонской бюрократии и «восточному истеблишменту» распространялось и на сферу внешней политики [III—85; с. 11], тем более что в глазах значительной части общественного мнения

страны именно «лучшие» представители этого «истеблишмента», входившие в администрации Кеннеди и Джонсона, втянули Америку в безнадежную и позорную войну. На практике это проявилось в том, что от процесса принятия решений по центральным внешнеполитическим проблемам США были отстранены многие руководители и эксперты таких ведомств, как госдепартамент, ЦРУ, министерство обороны, некоторые лидеры конгресса, а также основная часть деятелей предыдущих администраций.

Вероятно, именно это способствовало тому, что в американо-советских отношениях администрация Никсона предприняла целый ряд важных позитивных шагов, направленных на развитие разрядки международной напряженности, на перевод в дальнейшем отношений между социалистическими и капиталистическими странами на рельсы мирного сосуществования.

Хотя в политике администрации Никсона в отношении СССР сохранялось много элементов политики США предыдущего периода, имели место рецидивы «холодной войны», встречавшие активное противодействие Советского Союза и других стран социалистического содружества, можно сказать, что администрация Никсона сравнительно последовательно проводила политику разрядки. В целом эта политика поддерживалась Э. Кеннеди и его единомышленниками в конгрессе США, которые в то же время были активными противниками Никсона по многим внутривнутриполитическим проблемам.

Консервативные силы, на которые в значительной мере опирался в своей политике президент, рассматривали разрядку преимущественно как сугубо временную передышку в конфронтации с Советским Союзом.

Такая линия этих сил не могла не сказаться и на положении президента Никсона. Особенно отчетливо это проявилось в разгар «уотергейтского кризиса».

«Уотергейтское дело» началось 17 июня 1972 года арестом группы взломщиков, тайно устанавливавших подслушивающую аппаратуру в штаб-квартире Национального комитета демократической партии, который в тот момент возглавлялся старым соратником Джона и Роберта Кеннеди Ларри О'Брайном. Этой группой руководил некий Джеймс Маккорд, бывший агент ЦРУ и ФБР; в нее также входили Б. Барнер, Ф. Стерджис, Э. Мартинес и В. Гонсалес, принадлежавшие к контрреволюционной кубинской эмиграции, сосредоточившейся преимущественно на юге штата Флорида. Все они так

или иначе были связаны с ЦРУ и участвовали в совершении диверсионных акций против революционной Кубы. Стерджис, как выяснилось в ходе следствия, оказался связан и с мафией. В 50-х годах он занимался на Кубе игорным бизнесом, тесно сотрудничая при этом с ведущим флоридским мафиози Траффиканте. По заданию последнего Стерджис получал грузы с героином, прибывавшие из Европы, и переправлял их через Флориду в Нью-Йорк. В конце 50-х годов по заданию спецслужбы кубинского диктатора Батисты он внедрился в ряды партизан, возглавляемых Ф. Кастро. После победы революции Стерджису пришлось убраться с Кубы в США, где он получил гражданство и перешел на службу в ЦРУ. При подготовке вторжения на Кубу в 1961 году он пользовался ЦРУ для контактов с Траффиканте. ЦРУ включило его в специальную группу, которая должна была осуществить убийство Ф. Кастро и других лидеров кубинской революции после вторжения на остров. Имеются косвенные свидетельства и о причастности Стерджиса и Траффиканте к убийству Джона Кеннеди в Далласе [II—9; с. 174—176].

Даже накануне президентских выборов 1972 года «уотергейтское дело» еще не стало центральной проблемой американской политики. Эти выборы принесли Никсону большой успех: он победил своего соперника от демократической партии Дж. Макговерна с перевесом в 17,5 млн. голосов. Правда, бросалось в глаза, что в президентских выборах приняло участие только 54 % избирателей — меньше, чем во время любых других выборов за последние годы.

Торжество группировки Никсона и республиканской партии в целом омрачалось, пожалуй, лишь тем, что в результате проходивших параллельно выборов в конгресс не удалось сколько-нибудь потеснить позиции демократов, которые сохранили за собой большинство и в сенате, и в палате представителей. Таким образом, несмотря на внушительную победу Никсона, ситуация «разделенного правления» в стране продлевалась еще минимум на два года, до следующих выборов в конгресс, на которых подлежали переизбранию очередная треть сенаторов и весь состав палаты представителей.

Дополнительную значимость этой победе придавал и тот факт, что в середине 1971 года лишь 27 % американцев, по данным опросов общественного мнения, готово было голосовать за Никсона. В 1971 году экономическая обстановка в США многими сравнивалась

с ситуацией конца 20-х — начала 30-х годов, которая обернулась для президента-республиканца Гувера тем, что он не был избран на второй срок. Одной из главных причин столь значительного перевеса Никсона над своим конкурентом были, несомненно, его успехи во внешнеполитической сфере.

Никсон и его ближайшее окружение пытались объяснить столь значительную победу также особой эффективностью работы «Комитета за переизбрание президента», энтузиазмом активистов партии на местах. Но эта «особая эффективность» в значительной степени строилась на всякого рода трюках и махинациях, которые проводились целенаправленно и организовано в самых широких масштабах, чему, кстати, способствовало наличие у организаторов проведения предвыборной кампании Никсона средств, почти в два раза превышавших фонды демократической партии (было истрачено 50 млн. долларов) [Ш—44; с. 3, 6].

Махинациями занималась специально созданная в рамках «Комитета за переизбрание президента» оперативная группа во главе с Чаком Колсоном и Сигретти. Для подрыва позиций Макговерна был применен такой эффективный трюк, как использование за плату из фондов комитета многочисленных хишпи, которые в период проведения национального съезда демократической партии и непосредственно перед президентским голосованием появлялись в определенное время в людных местах с плакатами в руках: «Голосуйте за Джорджа Макговерна!», «Мы хотим Джорджа!» На некоторых избирателей это в сочетании с соответствующей пропагандой в основном поддерживавших республиканцев прессы и телевидения возымело действие. Они поверили, что Макговерн, который на самом деле придерживается строгих пуританских взглядов, — сторонник всякого рода подонков, половой распущенности, гомосексуализма, легализации наркомании и т. п.

Во время пресс-конференции одного из потенциальных кандидатов от демократической партии, сенатора Э. Маски, в комнату, где она проходила, были запущены белые крысы с привязанными к хвостам лозунгами: «Маски — крысиный вождь...» Группа Сигретти рассыпала в большом количестве так называемые «секс-письма». В одном из них, адресованном активистам демократической партии от имени организации «Граждане за Маски», говорилось, что его соперник сенатор-демократ Генри Джексон — отец незаконнорожденного ре-

бенка. В другом, уже разосланном от имени «сторонников Джексона», говорилось, что Маски-де дважды, в 1955 и 1957 годах, арестовывался за гомосексуализм. Все эти акции были с точки зрения конечного политического эффекта бессмысленны, но Сигретти и его люди занимались этим с таким энтузиазмом, что не заметили, как зашли слишком далеко.

Оправдываясь перед американским общественным мнением уже после завершения «Уотергейта», Никсон и его ближайшие помощники писали, что их сторонники организовывали всякого рода трюки лишь в ответ на «удары ниже пояса» со стороны демократов. Самым известным организатором трюков у демократов был Дик Так, который работал в свое время и на Джона и на Роберта Кеннеди. Однажды, переодевшись в форму машиниста, Дик Так вывел со станции поезд, в тамбуре которого находился Никсон, выступавший перед избирателями, собравшимися на платформе. Никсон на полуслове вынужден был прервать свою патетическую речь, обнаружив вдруг, что аудитория начинает от него удаляться.

Самым же известным был трюк Така, организованный им во время посещения Никсоном Чайнатауна — китайского квартала в Сан-Франциско. Никсона окружили дружелюбно улыбавшиеся китайцы с лозунгами в руках, испещренными иероглифами. Лишь через несколько дней, когда во всех газетах появились фотографии его посещения Чайнатауна с переводом лозунгов, Никсон узнал, что на них было написано: «А как насчет займов Хьюза?» [III—54; с. 268—269]. (Займы, полученные братом Никсона Доном от миллиардера Хьюза, были предметом многочисленных атак на Никсона еще в период его борьбы за президентский пост с Кеннеди в 1960 году и за пост губернатора Калифорнии в 1962 году. Сам Никсон считал, что раздутая вокруг этих займов скандальная история сильно повредила ему в глазах общественного мнения и чуть ли не была главной причиной его неудач на выборах, поскольку он потерпел поражение, в обоих случаях лишь незначительно уступив своим соперникам.)

В ходе кампании 1972 года со стороны демократов, как отмечает в своих мемуарах Никсон, имели место и другие незаконные акции против него и его сторонников. Подверглись нападению и разгрому штаб-квартира «Демократы за Никсона» в Вашингтоне, штаб-квартиры местных организаций «Комитета за переизбрание прези-

дента» в Финиксе (штат Аризона) и в Остине (столица штата Техас).

Дважды был совершен налет на штаб-квартиру организации республиканцев в Дейтоне, штат Огайо. Агент сторонников Макговерна был внедрен в команду самолета, на котором летал по стране вице-президент Агню, выступавший с предвыборными речами. Неизвестные лица проникли в кабинет личного частного врача Никсона Джона Лундгрена в Лонг-Бич, Калифорния; при этом не были похищены ни деньги, ни медикаменты, а по всему кабинету оказались разбросанными листы из медицинского дела Никсона [Ш—94; с. 576].

Не все из приведенных выше фактов можно считать вполне достоверными. Нельзя исключать и того, что часть перечисленных выше операций была делом рук все той же «команды» во главе с Сигретти или какой-либо еще, более тщательно законспирированной и работавшей на «Комитет за переизбрание президента». (Очень подозрительно выглядит настойчивое напоминание Никсоном, что погромщики расклеивали лозунги с призывами голосовать за Макговерна.) Несомненно, однако, что противники Никсона пользовались в борьбе против него примерно тем же арсеналом незаконных приемов, но делали это, видимо, в меньших масштабах и не так организовано. Однако в ходе «Уотергейта» это замалчивалось большинством буржуазных органов массовой информации и лицами, официально занимавшимися расследованиями по данному делу. Очевидно, что цель такого одностороннего освещения закулисных и противозаконных махинаций, используемых в политической борьбе, — убедить рядового американца в экстраординарности действий Никсона и его приближенных, в том, что, избавившись от этих нарушителей законов, существующая в США политическая система будет-де снова функционировать на «честной» и «справедливой» основе.

Однако подлинная история Соединенных Штатов свидетельствует об обратном. Подобного рода трюки и махинации отнюдь не новое и не уникальное явление в американской политической борьбе. Они применяются с момента основания американского государства. В связи с этим Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл отмечал: «Подслушивание и взломы, совершаемые в политических целях, стали обычным делом в нашей стране... Подкуп и коррупция были частью повседневной деятельности правительства США с самого первого дня существования государства». Но долгое вре-

мя до широкой общественности доходили лишь отрывочные сведения об использовании подобных методов в политической борьбе, а крупные разоблачения имели место только в отношении отдельных местных партийных машин и политических группировок — например, скандальные разоблачения деятельности нью-йоркской организации демократической партии «Таммани Холл» в 20-х годах или аппарата демократической партии в Канзас-Сити штата Миссури во главе с Т. Пендергастом в 30-х годах.

Обнародование многих из описанных выше трюков как в ходе предвыборной кампании 1972 года, так и после нее внесло свою лепту в разрастание «уотергейтского дела». И вплоть до своего формального завершения летом 1974 года оно имело еще несколько кульминационных моментов, которые создавали свои мини-кризисы в политической обстановке в стране. (Формально «Уотергейт» завершился отставкой Никсона и осуждением целого ряда лиц из его ближайшего окружения на различные сроки. К тюремному заключению были приговорены бывший министр юстиции, а затем председатель «Комитета за переизбрание президента» Дж. Митчелл, начальник аппарата Белого дома Роберт Холдеман, специальный помощник президента по внутриполитическим вопросам Дж. Эрлихман, помощник президента по юридическим вопросам Дж. Дин, ответственный работник Белого дома, непосредственно руководивший группами, осуществлявшими проникновение в штаб-квартиру демократов и «грязные трюки», Ч. Колсон и ряд других.)

Одним из таких кульминационных моментов было обострение борьбы вокруг вопроса о выдаче следственным органам, занимавшимся «уотергейтским делом», магнитофонных записей бесед Никсона с ведущими сотрудниками Белого дома. Никсон в конце концов уступил требованиям специального прокурора и сенатской комиссии во главе с Эрвином, подкрепленным специальными решениями Верховного суда, и отдал имеющиеся у него пленки. При этом Никсон надеялся, что они помогут опровергнуть показания бывшего помощника президента Джона Дина по юридическим вопросам. Ему Никсон поручил замести следы по этому делу, но Дин, фактически попав к этому времени на скамью подсудимых и стараясь преуменьшить свою роль в операции по сокрытию связей Белого дома с взломщиками, проникшими в штаб-квартиру демократов, старался перело-

жить всю ответственность на тех, кто находился выше его по положению.

Поэтому надежды Никсона на Дина не оправдались. Что же касается записей, то они, наоборот, подтвердили несомненное участие президента в операции по сознательному сокрытию от следствия важнейших аспектов «уотергейтского дела», что, по американским законам, является тяжким преступлением. Тем самым по существу был сделан самый важный шаг к импичменту — процедуре отстранения президента от власти конгрессом за преступления, в том числе уголовные [III—30; с. 27].

В отношении этих записей долгое время было много неясностей. Почему они вообще велись, и если велись, то почему фиксировались абсолютно все внутренние и телефонные разговоры президента? Как стало известно об этих записях следственным органам?

Никсон упорно придерживался версии о том, что эти записи «велись исключительно ради создания» уникального архива его президентской деятельности, которым он намеревался воспользоваться для написания мемуаров после окончания второго президентского срока. Его версия в основном была принята на веру многими органами массовой информации и специалистами. Она очень похожа на правду, хотя бы потому, что Никсон, как, впрочем, почти любой из его предшественников, мечтал об увековечивании своего президентства даже в самых незначительных, на взгляд постороннего, деталях.

Но есть и иное, не менее логичное объяснение записям разговоров в Белом доме, которое приводит в мемуарах начальник аппарата президента Роберт Холдeman.

Он считает, что Никсон отдал указания делать записи для того, чтобы иметь в своих руках дополнительные козыри против тех политических деятелей, с которыми он вел в Белом доме доверительные беседы и которые потом попытались бы по каким-либо причинам отказаться от своих слов. Эти соображения, пишет Холдeman, куда больше соответствовали натуре и стилю политической борьбы Никсона. Но тут же он замечает, что практика записи бесед в Овальном кабинете Белого дома установилась задолго до Никсона. Она, по словам Холдемана, восходит еще к Ф. Рузвельту. Особенно активно пользовался магнитофонными записями для нажима на своих противников Л. Джонсон. Однажды он очень эффективно воспользовался ими против Р. Кеннеди, который в публичном выступлении искажил содер-

жание состоявшейся ранее беседы с Джонсоном. После этого выступления президент пригласил Роберта к себе в кабинет и, не говоря ни слова, включил запись их предыдущего разговора. Последний тотчас принес Джонсону свои извинения. Но когда торжествовавший маленькую победу президент после ухода Р. Кеннеди попросил дать ему послушать запись с извинениями Роберта, оказалось, что пленка осталась чистой. Джонсон был взбешен: он лишился важного козыря в обострявшейся борьбе с Робертом Кеннеди в последующих турах. Позже Джонсон узнал, что Кеннеди пришел к нему, имея в кармане миниатюрный электронный прибор, который полностью заблокировал работу президентских микрофонов. Холдман пишет, что ему понравилась эта история; Бобби удалось переиграть такого «человека с тяжелой рукой», каким был Линдон Джонсон. Хотя ничего удивительного в этом, считает Холдман, нет, ведь Роберт прошел хорошую школу в Белом доме, когда его брат был президентом, а также в министерстве юстиции, которому подчиняется и ФБР [III — 54; с. 224—225].

То, что при Никсоне в отличие от предыдущих администраций записывались все разговоры подряд, Холдман объясняет тем, что Никсон не умел обращаться даже с самой элементарной бытовой техникой. Поэтому он дал указания смонтировать такую систему записи, чтобы она не требовала его личного участия. О наличии подобных записей следственным органам стало известно от одного из ответственных сотрудников аппарата Белого дома, Баттерфилда, который, по непровергнутым подозрениям, работал на ЦРУ, против Никсона [III — 54; с. 237].

Получение следственными органами по «уотергейтскому делу» магнитофонных записей неофициальных разговоров в Белом доме и опубликование части этих записей в печати сыграли большую роль и в падении престижа президентской власти в целом. До «Уотергейта» в глазах большинства американцев все, что происходило в Президентской резиденции, представлялось исполненным величия, несколько загадочного и недоступного. Этот покров был сорван, когда публика смогла ознакомиться с магнитофонными записями каждодневных бесед Никсона с их банальностями и нецензурными выражениями. В значительной мере в связи с этим близкий к клану Кеннеди известный журналист Х. Донован писал: «Возможно, самую большую пользу «Уотергейт» принесет тем, что покончит с гипертрофированным, ми-

стическим представлением о президентской власти» [III—148; с. 24].

В США существует немало объяснений и концепций относительно зарождения и развития «уотергейтского дела», трактующих его как с самого начала задуманную и подстроенную руководством демократической партии ловушку для Никсона, в чем активно участвовали люди из ближайшего окружения Э. Кеннеди. На небезосновательность такого объяснения указывает целый ряд фактов, которые при ином варианте выглядят необъяснимыми. Так, в ходе работы сенатской комиссии Эрвина обнаружилось, что старый кеннедист Ларри О'Брайн, председатель Национального комитета демократической партии, заранее знал о планируемом вторжении в его штаб-квартиру. В частности, он получил информацию об этом от деятеля демократической партии из Нью-Йорка Хэддада, в свое время сотрудничавшего с Робертом Кеннеди. Хэддад в свою очередь узнал об этом от частного осведомителя по имени Вулстон-Смит. Видимо, заранее знал о готовящемся проникновении в штаб-квартиру демократов и Джек Андерсон из «Вашингтон пост», один из крупнейших американских обозревателей, давний недруг Никсона. Ф. Стерджис был, по некоторым сведениям, старым знакомым Андерсона.

Возможность ловушки со стороны ЦРУ также подтверждает множество фактов. Помимо упомянутого выше Баттерфилда в аппарате Белого дома был, по мнению Холдемана, еще один прямой агент ЦРУ — помощник Дж. Дина Ф. Филдинг, который в силу занимаемой им официальной должности имел исчерпывающую информацию и о работе аппарата Белого дома, и о министерстве юстиции, и о ФБР, а также о деятельности «Комитета за переизбрание президента». Ф. Филдинг мог информировать о планах проведения тайных операций людьми Колсона своих подлинных хозяев из ЦРУ. Глубоко законспирированные связи с ЦРУ имел и сам Ч. Колсон, который на слушаниях в комиссии Эрвина поражал всех своим знанием техники тайных операций американской разведки.

В подтверждение этой версии «Уотергейта» говорит и тот факт, что, по данным официального расследования, ЦРУ предприняло целый ряд акций по уничтожению особо секретных документов, так или иначе связанных с этим делом.

ЦРУ имело все основания подстроить ловушку Никсону, чтобы потом использовать возникший скандал

в своей борьбе с президентом. Руководители ЦРУ опасались, что Никсон постарается установить над их деятельностью жесткий политический контроль, подобный тому, который удалось, хотя и частично, установить президенту в отношении ФБР в 1972 году, после смерти Гувера.

Обе рассмотренные выше «теории» не учитывают, как представляется, всего комплекса факторов, как непосредственно связанных с собственно «Уотергейтским делом», так и выходящих за его рамки.

Ближе к истине, чем две предыдущие версии, видимо, можно считать теорию Холдемана, одного из самых осведомленных участников «Уотергейта», человека, который в своих мемуарах дает, пожалуй, наиболее заслуживающие доверия сведения и оценки, чем другие «герои» этой истории.

Холдеман считает, что инспиратором, казалось бы, абсурдной акции по проникновению «водопроводчиков» в штаб-квартиру демократов был сам Никсон, который после ее провала тщательно маскировал свою роль в ней даже от ближайших сотрудников, подчеркивая, в частности, полную политическую бессмысленность этой провалившейся операции. Но Холдеман, анализируя различные факты и события, приходит к выводу, что у Никсона были весьма серьезные побудительные мотивы санкционировать эту операцию даже без какой-либо связи с избирательной кампанией 1972 года. Председатель Национального комитета демократической партии Л. О'Брайн после провала нескольких закулисных интриг Колсона превратился для президента и Колсона наряду с Эдвардом Кеннеди «в символ ненависти». И Никсон жаждал любыми путями получить компрометирующие материалы на О'Брайна, связанные с именем миллиардера Говарда Хьюза, чтобы использовать их для нанесения болезненного удара по руководству демократической партии, особенно по его либеральному крылу, и одновременно затмить в глазах общественного мнения стародавнюю историю с займами, которые предоставлял Хьюз брату Р. Никсона.

«Уотергейтское дело» наряду с руководством демократической партии тайно раздувало и ЦРУ, с верхушкой которого у Никсона давно сложились натянутые отношения. Трения Никсона как президента с ЦРУ начались сразу же после вступления его в должность. Через Эрлихмана он потребовал все документы ЦРУ, относящиеся к операции по высадке в 1961 году в заливе Кочинос кубинских контрреволюционеров. Некоторое время

спустя Эрлихман, зайдя в кабинет Холдемана, возмущенно сказал, что «эти сукины дети из Лэнгли» (из ЦРУ) не желают делиться своими тайнами с президентом. Эрлихман был изумлен тем, что верховный главнокомандующий страны не может получить документы, относящиеся к военным операциям США. Позднее Никсон сам добился непосредственного доступа к этим документам от тогдашнего директора ЦРУ Хэлмса, но далеко не ко всем. У Хэлмса, видимо, были весьма серьезные основания скрывать часть этих материалов, поскольку именно он возглавлял тогда отдел тайных операций, непосредственно ответственный за подготовку этой бесславно закончившейся авантюры. Требуя материалы по высадке в заливе Кочинос, Никсон интересовался, как считает Холдеман, не только и не столько непосредственно данной операцией ЦРУ, сколько документами об убийстве Джона Кеннеди, происшедшем после того, как тот попытался жесткой рукой «навести порядок» в «разведывательном сообществе», которое так подвело его в 1961 году [III — 54; с. 49 — 50].

Среди тех, кто в немалой мере способствовал раздуванию «уотергейтского дела» в крупнейший политический скандал, одно из первых мест занимала чиновничья верхушка органов исполнительной власти. Она опасалась потери теплых мест в случае победы Никсона в 1972 году и осуществления им своих планов по реорганизации государственного аппарата.

Эту крупнейшую реорганизацию Никсон собирался провести простым исполнительным президентским актом, без участия конгресса. Естественно, это вызвало сильное недовольство многих лидеров обеих палат законодательного органа, стремившихся усилить свои позиции по отношению к президентской власти.

Все эти силы перешли в контрнаступление. Так, один из наиболее болезненных ударов со стороны федеральной бюрократии был нанесен Никсону налоговой службой, предъявившей ему иск в уклонении от уплаты налогов в 1970—1972 годах. В результате президент вынужден был внести в казну 460 тыс. долларов, что для него было весьма ощутимо не только с моральной и политической, но и с материальной, финансовой точки зрения.

На протяжении почти всех лет политической карьеры Р. Никсон имел сложные отношения и с теми, кто направлял деятельность ведущих органов массовой информации США — газет «Вашингтон пост», «Нью-Йорк таймс», «Бостон глоб», «Чикаго трибюн», телевизионных

компаний Си-би-эс, Эн-би-си и Эй-би-си, издательской корпорации «Тайм», которые преимущественно тяготели к руководству демократической партии либо по крайней мере к либеральному крылу республиканской партии. Последовательную поддержку Никсону из крупнейших органов информации оказывала лишь калифорнийская «Лос-Анджелес таймс».

В 70-х годах роль указанных буржуазных органов массовой информации, особенно телекомпаний, в политической системе США значительно возросла. Процесс слияния и поглощения мелких, средних и крупных газет, журналов, радио- и телекомпаний привел к тому, что на рынке информации, как и на многих рынках промышленных товаров и сферы услуг, остались наиболее крупные и жизнеспособные капиталистические предприятия, обладающие значительной финансовой мощностью, соизмеримой с мощностью многих крупных промышленных монополий. В числе 500 крупнейших корпораций США значились Си-би-эс (годовой доход — около 200 млн. долларов), «Тайм» (более 125 млн. долларов), «Вашингтон пост» (около 50 млн. долларов), «Нью-Йорк таймс» (около 16 млн. долларов), причем телекомпания Си-би-эс входит в первую сотню американских экономических гигантов [III—48; с. 155, 157].

Учитывая специфику «товара», поставляемого средствами массовой информации, а также принадлежность многих их руководителей и к политическому руководству, и к капиталистической верхушке страны, любая из перечисленных выше корпораций, специализирующихся в сфере массовых коммуникаций, по своему влиянию значительно опережает любую равную ей по капиталу компанию в сфере промышленного производства, агробизнеса или услуг.

Став президентом, Никсон развернул кампанию острой критики в адрес ряда ведущих органов массовой информации (которую вел главным образом «прославившийся» на этом поприще С. Агню) и пытался осуществить некоторые меры с целью ограничения их деятельности. Поэтому неудивительно, что пресса также в немалой степени способствовала превращению «Уотергейта» в национальный скандал.

Таким образом, Холдеман видит причины этого крупнейшего кризиса президентской власти в том, что в борьбе против Никсона в столице объединились сразу четыре могущественных блока: бюрократия, конгресс, «разведывательное сообщество» во главе с ЦРУ и пресса.

Версия Холдемана, несомненно, одна из самых обоснованных в американской литературе, посвященной данному вопросу. Однако и она, на наш взгляд, не дает исчерпывающего объяснения «Уотергейта». И дело не в том, что по вполне понятным причинам многие подлинные факты антиниксоновской борьбы демократов, чиновничьей верхушки и особенно ЦРУ скрыты и от профессиональных исследователей, и от широкой общественности, а в том, что Холдеман анализировал эти события вне связи с более долгосрочными тенденциями в развитии американского общества, в том числе высших органов власти в стране.

Авторитет президентской власти был серьезно подорван еще при Джонсоне. Доверие американцев к устойчивости и надежности их политической системы подверглось серьезным испытаниям в связи с убийствами Джона Кеннеди, Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди. Обструкционная политическая сила таких органов, как ФБР и ЦРУ, постоянно нарастала, и эту силу ощущали на себе президенты Кеннеди и Джонсон. К началу 70-х годов стала очевидной необходимость перестройки американской политической элиты в соответствии с изменившейся расстановкой сил на олимпе финансовой олигархии.

В целом кризис государственной власти США в этот период, тесно связанный с более общим затяжным идейно-политическим и социально-экономическим кризисом, достиг такой остроты, что правящий класс вынужден был пожертвовать крупнейшей фигурой — президентом, чтобы спасти основные компоненты государственной политической системы. Для многих представителей американской политической и экономической элиты такая жертва не была особо тяжелой, ибо Никсон, всю жизнь верой и правдой служивший верхушке американского общества, так до конца и не был признан ею «полностью своим» из-за своего происхождения, стиля и т. п. В этом плане судьба Никсона — урок для многих молодых политических деятелей Америки, пробивающихся наверх ценой пресмыкательства перед элитой американского общества, огромных усилий, унижений, моральных травм.

«Уотергейтское дело» способствовало определенному подрыву института президентской власти. Самым значительным, видимо, следует считать тот факт, что президент был подведен вплотную к импичменту и под его угрозой ушел в отставку. Среди важных ограничителей президентской власти, что отчетливо показал «Уотер-

гейт», многие американские специалисты считают Верховный суд, решению которого о выдаче магнитофонных записей Никсон вынужден был в конце концов подчиниться, несмотря на то что именно это и привело его к окончательному поражению, хотя, по мнению группы видных американских политических деятелей и юристов, он мог этого и не делать. Примирившись с решением Верховного суда, Никсон в значительной мере следовал прецедентам: до него так же поступали, хотя преимущественно при других, менее острых обстоятельствах, президенты Джефферсон, Медисон, Джэксон, Линкольн, оба Рузвельта, Вильсон и Трумэн. Следует, однако, особо отметить, что постановление Верховного суда по делу Никсона было первым постановлением, касающимся непосредственно самого президента.

В период разворачивания «уотергейтского дела» различные суды приняли целый ряд решений, накладывающих некоторые ограничения на президентскую власть. Так, были признаны незаконными попытки президента использовать во время короткого перерыва в работе конгресса свое право задерживать подписание законопроектов, была отвергнута претензия президента на абсолютную «привилегию исполнительной власти» засекречивать всю президентскую корреспонденцию. Кроме того, суды вынесли несколько постановлений, касавшихся текущих дел президента и конгресса, но создавших важные прецеденты на будущее. Так, различные суды отменили наложенное президентом вето на выделенные конгрессом ассигнования, предложили отказаться от замораживания утвержденного конгрессом закона о повышении заработной платы служащим федерального государственного аппарата и т. д.

Вместе с тем эти и другие подобные решения так и не смогли более точно определить границы привилегий исполнительной власти президента. В ходе «уотергейтского дела» в апреле 1973 года концепцию «привилегии исполнительной власти» изложил близкий к Никсону министр юстиции США Р. Клайндинст, который утверждал, что ни конгресс, ни ФБР, ни суд или Большое жюри не вправе потребовать от кого бы то ни было из 2,5 млн. служащих исполнительного аппарата или его близких дать какие-либо показания или представить документы, если президент, руководствуясь своими соображениями и не подлежащими обсуждению решениями, возражает против этого.

Подробно исследовал последствия «Уотергейта» для

института президентской власти бывший ведущий помощник Джона Кеннеди юрист Теодор Соренсен, поддерживавший тесные контакты и с Эдвардом Кеннеди. Он, в частности, отметил, что единственное, чего удалось добиться судебным властям в период «уотергейтского кризиса», — это чтобы всякая открытая претензия исполнительной власти на обладание привилегией, на что так часто ссылались Никсон и его предшественники, подлежала утверждению судом. В американском праве после «Уотергейта» были зафиксированы области, на которые эта привилегия не распространяется: а) на корреспонденцию президента или на его беседы, касающиеся проводимых им политических мероприятий (с чем вынужден был согласиться адвокат Никсона при допросе его Верховным судом); б) на действия президента, носящие преступный характер (о которых конкретно шла речь при разборе в суде дела «Соединенные Штаты против Никсона»); в) на процедуру импичмента (согласно постановлению юридического комитета палаты представителей, принятому незначительным большинством голосов [III — 139; с. 54]). Внимательно были исследованы последствия «Уотергейта» и в самом аппарате сенатора от Массачусетса, готовившегося шаг за шагом к борьбе за высший государственный пост в США.

В целом ограничения, налагаемые в результате «Уотергейта» законом на институт президентства, не столь строги и многочисленны, как они могли бы быть, учитывая накал страстей в период президентского кризиса. Тем не менее они не только создают некоторые практические барьеры на пути установления неограниченной президентской власти, но и опровергают в глазах американского общественного мнения распространяемые десятилетиями мифы о всемогуществе и непогрешимости президента.

Отмеченные выше и другие судебные акты, а также целый ряд мер, не получивших законодательного оформления, оказали весьма значительное воздействие на распределение власти между ведущими институтами американской государственной и политической системы. Значительно усилились позиции конгресса, который приложил немало усилий для возвращения утраченных им в предыдущие десятилетия прерогатив. Упрочили свои позиции и различные группировки в федеральной бюрократии исполнительной власти.

Одновременно с усилением позиций конгресса по отношению к президенту происходили важные процессы

в самом Капитолии. В результате острой борьбы в конгрессе были проведены организационные реформы, которые, как считают многие американские специалисты, закончили с «тиранией» старших по стажу законодателей. Эти реформы способствовали размыванию складывавшейся на протяжении двух столетий структуры власти, некоторой утрате роли традиционных лидеров как в сенате, так и в палате представителей.

Значительно возросло в этот период и количество различных комитетов и подкомитетов конгресса, число которых к концу 70-х годов превысило 300 [III—156; с. 92]. Увеличение числа подкомитетов создало большие возможности для участия в руководстве конгрессом его молодых членов (число которых беспрецедентно возросло после выборов 1972, 1976 и 1978 годов), но в то же время оно увеличило и шансы многочисленных лоббистов по «торпедированию» тех или иных невыгодных им законопроектов. Быстрыми темпами рос аппарат конгресса, в рамках которого возникают собственные «центры силы».

Усилив по целому ряду параметров власть по отношению к президенту, конгресс в то же время не повысил в соответствующей мере свой престиж в глазах американского общественного мнения. Это стало особенно очевидным по прошествии нескольких месяцев после ухода в отставку президента Никсона. Все более нарастающей критике со стороны самих американцев подвергается конгресс за неэффективность, неповоротливость, неорганизованность, потакание агрессивным акциям правительства США на международной арене.

Глава XXVII

ПОДГОТОВКА К БИТВЕ ЗА БЕЛЫЙ ДОМ

В середине 70-х годов у Эдварда Кеннеди сформировался собственный мощный штат помощников и советников, разместившийся преимущественно в здании аппарата сената неподалеку от Капитолия. В 1975 году он, по-видимому, стал обладателем самого значительного штата сотрудников по сравнению с любым другим американским сенатором или конгрессменом. Кеннеди проявлял интерес к более широкому кругу проблем, чем подавляющее большинство его коллег-законодателей, и по каждой из этих проблем у него имелась группа сотрудников, пос-

тоянно собиравших информацию и готовивших предложения для своего босса по поводу того, как ему выступать по этим проблемам с учетом выгоды или невыгоды той или иной позиции для политического настоящего и будущего Э. Кеннеди.

Старшим среди помощников Кеннеди был в это время выпускник Гарвардской школы права Кэри Паркер, присоединившийся к Эдварду в 1969 году после того, как он работал помощником верховного судьи П. Стьюарта. Паркер ведал преимущественно юридическими и экономическими вопросами. Он унаследовал свой пост от Дана Гиффорда, также выпускника Гарвардской школы права, который отличился в нескольких кампаниях Кеннеди по переизбранию в сенат. Гиффорд, закончив свою работу в аппарате Кеннеди, с помощью семьи своего босса стал партнером престижной инвестиционной фирмы в Бостоне «Кэбот, Кэбот энд Форкес» и занял видное место в политической и предпринимательской элите Массачусетса, обеспечивая «тылы» Эдварда.

В 1973 году в числе помощников появилась такая яркая фигура, как Роберт Хантер, выпускник Лондонской школы экономики, стажировавшийся затем в лондонском Международном институте стратегических исследований. Хантер успел поработать и на президента Джонсона, и на Х. Хэмфри, поэтому обладал не только знанием сложных международных, в первую очередь военно-политических, проблем, но и пониманием того, как работает американский государственный механизм и политическая машина демократической партии.

В числе помощников Кеннеди выделялся и начавший на него работать негр Роберт Бейтс, выходец со Среднего Запада, выпускник Иллинойского университета. В круг обязанностей Бейтса входила подготовка для Кеннеди вопросов, связанных с гражданскими правами, а также с политикой США в Африке.

Марк Шнайдер, бывший журналист, сотрудник «Корпуса мира» в Колумбии, в аппарате Кеннеди отвечал за вопросы политики США в Латинской Америке и за некоторые военные проблемы.

Важную роль в аппарате Эдварда играл Пол Кёрк, кабинет которого не был расположен непосредственно рядом с офисом Кеннеди, а находился там, где размещался аппарат возглавляемого Кеннеди подкомитета по беженцам. Кёрк — выходец из штата Массачусетс, сын члена Верховного суда этого штата. Он закончил Гарвардский университет; в числе преподавателей Кёрка

в Гарварде были молодой профессор Генри Киссинджер и Макджордж Банди.

Работая с Э. Кеннеди, Кёрк отвечал за его переписку с политическими лидерами и активистами демократов и практически ведал вопросами стратегии и тактики поведения своего босса по всему спектру внутривполитических проблем.

Главным административным помощником Эдварда стал американец ирландского происхождения Эдди Мартин, в недавнем прошлом известный бостонский журналист.

Кабинет Эдварда в здании аппарата сената напоминал своего рода музей политической династии Кеннеди: стены его были сплошь покрыты различными фотографиями отца и матери, братьев Джозефа, Джона и Роберта вместе с различными государственными и политическими деятелями США и других стран. Из окна кабинета Эдварда открывался великолепный вид на купол Капитолия, а за ним — на комплекс вашингтонских музеев и на монумент Джорджу Вашингтону, за которым угадывалось Арлингтонское кладбище с могилами Джона и Роберта.

Большое внимание Эдвард и его «команда» продолжали уделять сохранению и укреплению своих позиций в Массачусетсе. Уроком для этого послужили недавние поражения при переизбрании таких столпов сената, как Уильям Фулбрайт от Арканзаса, Уэйн Морзе от Орегона и Миллард Тайдингс от Мэриленда, которые мало внимания уделяли делам своих штатов, бросив все силы на ведение политических битв на национальном уровне.

Поэтому Кеннеди часто работал и в своем офисе в Бостоне, где у него также имелся значительный штат сотрудников.

В середине 70-х годов Эдвард продолжил свою критическую линию в адрес республиканцев по вопросам внутренней и внешней политики, сделав объектом атак в первую очередь сменившего Никсона президента Джеральда Форда. Широкий резонанс в США и за рубежом получила в то время речь Э. Кеннеди, произнесенная им в Калифорнийском университете 15 апреля 1975 года. Он выступил прежде всего против усилившихся в американских политических кругах панических настроений, вызванных серией ударов по внешнеполитическим позициям США.

В его выступлении содержалась прямая критика в адрес американских средств массовой информации, ко-

торые, по мнению Эдварда, придавали излишнюю сенсационность происходящим в мире событиям, способствовали неверному восприятию американцами международной ситуации. Кеннеди призывал к тому, чтобы отрезвиться от сенсаций, заполняющих страницы периодической печати, и ясно и трезво взглянуть на действительно серьезные опасности, которые угрожают США.

Он обращался к широкой аудитории, с тем чтобы она поняла потенциальные возможности и пределы американской мощи, чтобы была разработана «гармоничная национальная политика». В этой связи Соединенным Штатам необходимо, как подчеркивал Э. Кеннеди, увидеть все в истинном свете: отделить сенсационные, преходящие тревоги дня от серьезных, непреходящих проблем будущего. В этой сфере, говорил Эдвард, больше всего чувствуется отсутствие руководства в Соединенных Штатах, но именно здесь оно так необходимо.

Далее Эдвард обратился к состоявшемуся накануне вечером выступлению президента Форда по поводу бурно развивавшихся событий в Юго-Восточной Азии (они через несколько дней привели к полному краху южно-вьетнамского марионеточного режима и падению Сайгона). Кеннеди призвал взвесить происходящие события и реалистично подойти к ним, не забывая о том, какое на самом деле место занимает Юго-Восточная Азия в национальных интересах США. Он, в частности, заявил, что в американской политике в отношении Юго-Восточной Азии есть место для внутренних дебатов и разногласий, но в одном американцы должны быть единодушны: эра причастности США к событиям в этом беспокойном районе мира быстро подходит к концу и коренные интересы Америки лежат в другом месте.

Развивая свои мысли, Кеннеди подчеркнул, что у него имеются серьезные оговорки по поводу политики президента в Индокитае: он выразил свое несогласие с предложением Форда о новой крупной военной помощи сайгонскому режиму. При этом Кеннеди подчеркнул, что на протяжении этой длительной кровопролитной войны в Индокитае США проводили, так сказать, военную стратегию, они добивались военного решения, в то время как «положение требовало гуманитарного и политического урегулирования». По его словам, конгресс наконец понял — понял это и американский народ, — что военная политика США была ошибкой и что мериллом для великой державы отчасти служит ее способность извлекать уроки из прошлого, признавать ошибки. Сенатор

от Массачусетса также отметил, что для США наступил именно такой момент в истории и что настало время, когда Америка должна прекратить свою долгую и трагическую погоню за иллюзорной военной победой во Вьетнаме. Соединенные Штаты не добились этого, израсходовав в прошлом десятки миллиардов долларов. Даже с момента заключения в январе 1973 года Парижских соглашений конгресс проголосовал за ассигнование двух с лишним миллиардов долларов на военную помощь Южному Вьетнаму; если конгресс ассигнует еще свыше 700 миллионов долларов, то тем самым лишь продлится кровопролитие и мучение ни в чем не повинных жертв войны.

Поддержав в принципе инициативу Форда в оказании «гуманитарной помощи» Южному Вьетнаму, Кеннеди сказал, что в этом плане есть существенный изъян, поскольку в нем не признается особая важность оказания этой помощи преимущественно через Организацию Объединенных Наций и другие международные организации, включая Красный Крест. Кеннеди также заявил, что у него есть серьезные оговорки в связи с тем, что упор, который сделал Форд на возможность новой причастности Америки к военным событиям в Южном Вьетнаме, может сделать неизбежным вооруженное вмешательство США. Он предупреждал Форда от пагубности использования американских вооруженных сил под предлогом обеспечения эвакуации американцев и их семей из Южного Вьетнама.

Далее он снова, чтобы это как можно рельефнее запечатлелось в сознании американской аудитории, убеждал ее в необходимости взвешенного и реалистического подхода к восприятию национальных интересов США. Он говорил, что необходимо наконец признать и понять, что в Индокитае фактически не может произойти ничего такого, что могло бы поставить под угрозу коренные интересы Соединенных Штатов. Друзья и союзники США, которые имеют для них действительно жизненно важное значение, говорил Кеннеди, не будут судить о надежности Соединенных Штатов по тому, как они сейчас поступают в Индокитае. Они будут судить о США по их способности показать, что они понимают, что действительно важно для Соединенных Штатов, а что не так уж важно, и по американской способности действовать, руководствуясь именно таким знанием своих коренных интересов. США могут восстановить доверие к своей способности действовать в случае необходимости благо-

разумно, положив конец своей причастности к войнам в Индокитае, покончив с этим раз и навсегда, подчеркивал Эдвард.

Заслуживающим большого внимания в свете усиливавшихся в политической элите США дебатов о новой системе «внешнеполитических приоритетов» страны было заявление Кеннеди относительно «главных сфер», представляющих для Соединенных Штатов «интерес и угрозу». По этому поводу Кеннеди сказал следующее: «Во-первых, мы должны и впредь признавать неизбежную необходимость предотвратить катастрофическую ядерную войну, войну, которая в последнем катаклизме погубила бы наше будущее. На протяжении трех десятилетий, при разных президентах и пережив множество кризисов, мы отражали эту угрозу. Несмотря на Корею, Берлин, кубинский кризис из-за ракет и Вьетнам, нам удавалось пока удерживать мир от последнего, рокового шага, ведущего в пропасть ядерной войны.

Сегодня мы питаем большое доверие к надежному ядерному средству сдерживания. Мы достигли важной разрядки напряженности с Советским Союзом, да и с Китаем. Мы вместе с Москвой прилагаем беспрецедентные усилия, пытаюсь понемногу установить твердый контроль над атомом. Холодная война кончилась. Вместе со слепой и бессмысленной конфронтацией между нами и Китаем она отошла теперь в прошлое.

Это не провал. Это конкретное достижение перед лицом самой серьезной угрозы человеческому существованию, с которой когда-либо сталкивалось человечество. Опасность отнюдь не миновала. Мы должны сохранять надлежащую бдительность и поддерживать оборону, чтобы предотвратить ядерную войну. Мы должны воспользоваться возможностями разрядки в самых разнообразных областях. Мы должны удвоить свои усилия, чтобы раз и навсегда положить конец тирании ядерного оружия. Контроль над оружием не должен оставаться каким-то второстепенным интересом для нашего правительства. Он должен стать одним из самых важных его интересов» [III — 135].

При этом Эдвард Кеннеди, основываясь на своих впечатлениях от встречи с Л. И. Брежневым, заявил: «Разрядка действительно многое обещает, и мы можем развить уже достигнутый успех и создать более безопасный мир». Продолжая изложение своих взглядов относительно важнейших приоритетов американской внешней политики, он сказал: «Во-вторых, мы должны

и впредь сохранять свои серьезные обязательства в области безопасности, когда на карту действительно поставлены наши интересы и когда — как это имеет место в отношении Европы, Японии и Израиля — они действительно пользуются поддержкой американцев и вполне ее заслуживают. Руководствуясь знанием своих жизненно важных интересов и при поддержке американского народа мы будем и впредь помогать обеспечивать безопасность этих стран, и этому не помешают никакие события в других местах. Мы должны, объединившись с промышленными странами Европы и с Японией, решать свои общие проблемы, стремиться к общим целям, ибо наше будущее неразрывно связано с их будущим. Будь то в период спокойствия или кризиса, судьба Запада неделима. Но методов прошлого будет уже недостаточно. Рост европейского и японского экономического могущества теперь требует от нас, чтобы мы уделяли больше внимания нашим ближайшим союзникам вместо того, чтобы отводить им второе место — после отношений с нашими противниками. Эти индустриальные страны Запада теперь наши соперники в торговле, но они наши партнеры в делах безопасности и должны на равной ноге с нами вести борьбу за возрождение экономической мощи и жизнеспособности всего мира» [III — 135].

Особым пунктом в предлагаемой Кеннеди системе внешнеполитических приоритетов США была выделена проблема международных конфликтных и кризисных ситуаций: «В-третьих, наши жизненные интересы требуют, чтобы мы помогали в решении местных вооруженных конфликтов, которые в противном случае могут вовлечь Соединенные Штаты или другие великие державы. Но наша роль должна отличаться от интервенции, к которой мы прибегали в прошлом. Отправка морской пехоты в Доминиканскую Республику или действия ЦРУ в Чили не помогли нашему делу и не помогли делу безопасности и свободы. Мы не можем брать на себя бремя — или право — контроля над процессом перемен в нынешнем сложном и трудном мире. Вместо этого мы должны трезво решать, в каких случаях местные вооруженные конфликты создают прямые опасности для нас и наших главных союзников — например, на Ближнем Востоке. Мы должны помочь уменьшить вероятность региональной гонки вооружений — например, в Персидском заливе. И мы должны использовать наши дипломатические ресурсы для смягчения конфликтов и установления конструктивных отношений — например, на Индийском суб-

континенте. Пора отказаться от роли торговцев оружием и поднять знамя поборников мира» [III — 135].

Уделил он место и политическим аспектам международных экономических проблем, особо подчеркнув растущую взаимозависимость различных стран: «...сейчас существует ряд задач и возможностей, затрагивающих наши жизненно важные интересы. Дело в том, что по мере того, как растет мировая экономика, а угроза войны с участием великих держав уменьшается, мы сталкиваемся со множеством новых проблем.

В мировой экономике возникает всевозрастающая взаимозависимость в самых разнообразных областях — от продовольствия до горючего и удобрений. Идет ли речь об океанах, об окружающей среде или о контроле над сырьем — ключевым словом стала «взаимозависимость», и это во всех странах — от богатых индустриальных стран до государств, которые лишь недавно обрели богатство и влияние. Но вместе с тем все более широкие массы — миллиард, а то и больше — лишены доли в этих богатствах, очутившись в новом, «четвертом» мире — бедных, голодных, обездоленных.

В мировой экономике Соединенные Штаты уже не играют такой господствующей роли, как это было всего несколько лет тому назад... И они уже перестали быть полностью хозяином над своей экономической жизнью. Мы уже не можем контролировать инфляцию или спад, не принимаясь также и за решение проблем за границей. Мы должны сейчас больше, чем когда-либо прежде, действовать вместе с другими странами, чтобы обеспечить свои экономические интересы» [III — 135].

Кеннеди также отмечал, что во взаимоотношениях Соединенных Штатов с развивающимися странами он не предвидит легкого будущего. Дело в том, говорил Эдвард, что новые экономические задачи ставятся развивающимися странами перед США не в мягкой форме, а с настойчивостью, свойственной людям, которые давно уже терпят лишения. «Но если мы не хотим действовать в ущерб нашей жизненной заинтересованности в здоровье мировой экономики, мы не должны отвечать противоборством. Вместо этого мы должны искать самую широкую основу для сотрудничества с другими, как богатыми, так и бедными. Не всегда все будет по-нашему, и не всегда будет так, как хотят другие богатые государства. Но альтернативой компромиссу — по принципу «давать и брать» — будет мир, еще больше страдающий от расколов, конфликтов и снижения уровня жизни

для всех» [III — 135], — подчеркнул сенатор от Массачусетса.

В части выступления Кеннеди, относящейся к проблеме «внешнеполитических приоритетов» США, явно обнаруживалось влияние созданной двумя годами ранее Дэвидом Рокфеллером так называемой «Трехсторонней комиссии», в которую вошли многие видные предприниматели, политические деятели, ученые и журналисты США, Канады, Западной Европы и Японии. Особенно заметно влияние идей «Трехсторонней комиссии» видно было во втором и четвертом пунктах системы «внешнеполитических приоритетов» Кеннеди. (В первоначальном, основном варианте эти идеи были изложены в вышедшей в 1973 году книге Института Брукингса под названием «Следующая фаза во внешней политике», в которой ведущее место занимали разработки первого директора «Трехсторонней комиссии» Збигнева Бжезинского.) [III — 113].

Говоря о возросшей и изменившейся роли главных американских союзников для внешней политики США, Кеннеди в то же время не ставил эти отношения выше по шкале приоритетов, чем отношения с Советским Союзом. В противоположность З. Бжезинскому он понимал, что даже в условиях разрядки последние должны постоянно находиться в фокусе внимания американского государственного руководства хотя бы для того, чтобы имел место дальнейший прогресс в области ограничения и сокращения вооружений, снижения остроты и опасности военного противостояния двух наиболее могущественных держав современности, повышение роли невоенных факторов силы в международных отношениях [II — 53].

События последующих лет показали, насколько прав был Кеннеди, подчеркивая особую важность советско-американских отношений, добиваясь того, чтобы и впредь они были на первом месте в системе «внешнеполитических приоритетов» Соединенных Штатов.

По мере приближения начала президентской избирательной кампании 1976 года перед Кеннеди все острее вставал вопрос о его участии в ней. Многие лидеры демократов считали, что он является единственной серьезной кандидатурой, вокруг которой может объединиться большинство партии. Со всех сторон в адрес Эдварда поступали просьбы о его вступлении в борьбу за место в Белом доме. При этом подчеркивалось, что выборы 1976 года могут быть наиболее удачными с точки зрения

победы над республиканцами, над которыми довлест свежая память «Уотергейта».

Был образован даже массовый «Комитет граждан по мобилизации Тэда Кеннеди», руководители которого в декабре 1975 года заявили о том, что они уже собрали 30 тыс. подписей под петицией, требующей от него участия в президентских выборах 1976 года. Этот комитет, несмотря на сопротивление Кеннеди, планировал в мае 1976 года провести грандиозную манифестацию в поддержку кандидатуры Кеннеди на пост президента [III — 19; с. 272].

Но на поверхность вновь всплыли трагические обстоятельства, затруднявшие для Эдварда Кеннеди, как и в 1972 году, принятие решения о вступлении в борьбу за президентство.

Как показал ряд опросов общественного мнения и наблюдения советников Кеннеди, для него, как и в 1972 году, оставалась проблемой трагедия в Чаппакуидике, которая, без сомнения, самым активным образом была бы обыграна его соперниками в ходе предвыборных дебатов.

Все более сложным становилось положение в семье Эдварда. У его старшего сына после длительной и тяжелой болезни была выше колена ампутирована нога. Достоянием публики стали рушившиеся отношения Эдварда с его женой Джоан.

В такой ситуации не оказывались ни разу ни Джон, ни Роберт Кеннеди, жены которых в решающих политических баталиях всегда самым активным образом работали на своих мужей.

В конце концов, взвесив все «за» и «против», Кеннеди публично объявляет о своем отказе от борьбы за президентство в кампании 1976 года. Это решение широко комментировалось в стране. Целый ряд влиятельных политических обозревателей, в том числе и те, кто не был в числе друзей Эдварда, приветствовали это решение. Джозеф Крафт писал, что решение Кеннеди «благородно и даже героично». Редакционные статьи практически всех ведущих газет США превозносили реализм Кеннеди в оценке складывающейся для него обстановки.

В целом на отказе от борьбы Эдвард заработал немало важный политический капитал на будущее.

После длительной и напряженной схватки между оставшимися претендентами в рамках демократической партии на ее национальном съезде был выдвинут кандидатом в президенты малоизвестный дотоле бывший гу-

бернатор южного штата Джорджия Джеймс Эрл Картер, предпочитавший называться Джимми.

В ноябре 1976 года Картер в паре с баллотировавшимся на пост вице-президента сенатором Уолтером Мондейлом сравнительно с небольшим перевесом одержал победу над президентом Джеральдом Фордом.

Обстановка, в условиях которой Картер пришел к власти, во многом благоприятствовала ему. Экономика США постепенно выходила из самого глубокого со времен «великой депрессии» кризиса 1974—1975 годов. Наблюдался некоторый подъем в промышленности, несколько сократилась безработица, прошло более двух лет после «уотергейтского кризиса», потрясшего всю страну. Позади была и вьетнамская война, которая со второй половины 60-х до середины 70-х годов была постоянным «больным вопросом» для любой администрации.

Подавляющее большинство самых различных слоев населения жаждало стабилизации политической обстановки в стране. Картер, используя доминирующие общественные настроения, значительно укрепил свою популярность к моменту вступления в должность в январе 1977 года [III — 1; с. 162—164]. Сыграла свою роль и отлаженная пропагандистская машина группировки Картера. Опираясь на многочисленные социологические исследования, люди из ближайшего окружения Картера весьма умело использовали средства массовой информации, учитывая их возросшую после «Уотергейта» политическую роль. Они усиленно рекламировали нового президента как «честного, искренне верующего в бога» человека, далекого от коррумпированной и неэффективной государственной машины Вашингтона. Эти пропагандистские заходы до известных пределов били в цель, поднимая авторитет нового президента.

Предвыборная программа Картера в области внутренних социально-политических проблем выглядела достаточно традиционно для претендента от демократической партии и во многом предусматривала расширение сферы социальной политики государства, основы которой были заложены «новым курсом» Рузвельта, продолжены «справедливым курсом» Трумэна, «новыми рубежами» Джона Кеннеди и «великим обществом» Джонсона [III — 120].

Однако уже после примерно года пребывания у власти в социальной политике Картера наметился поворот в сторону консерватизма. Аналогичные изменения про-

исходят и во внешней и военной политике Картера [II — 3].

Одной из самых болезненных для администрации Картера стала энергетическая проблема, в том числе прохождение энергетической программы администрации через конгресс.

На протяжении первых двух лет пребывания Картера у власти Э. Кеннеди в основном воздерживался от открытой критики администрации; более того, он был в числе тех законодателей в обеих палатах конгресса, которые поддерживали подавляющее большинство законодательных инициатив Картера. Кое-кто из близких к Эдварду людей очутился на ответственных постах в администрации. Одним из ведущих работников аппарата Совета национальной безопасности стал, в частности, Роберт Хантер.

В 1977—1978 годах сенатор от Массачусетса, заняв пост председателя юридического комитета сената, начинает активно заниматься проблемой слияний и поглощений американских компаний.

В 70-х годах в Соединенных Штатах продолжалось усиление власти монополий, сопровождавшееся дальнейшей концентрацией производства. При этом наряду с ростом числа корпораций происходит процесс централизации, то есть укрупнения капиталов посредством их слияния. Еще в 60-х годах значительно сузился круг «поглотителей» и увеличились размеры поглощаемых компаний, причем во все большей мере поглощались «больные», перспективные, вполне дееспособные фирмы [II — 39; с. 22—23].

Этот процесс замедлился в период кризисов 1968—1970 годов и особенно 1974—1975 годов, после чего он начал снова набирать силу. В конце 70-х годов в центре внимания американской общественности находились операции по слиянию и поглощению компаний с участием таких монополистических гигантов, как «Оксидентал петролеум» (поглотитель) и «Мид корпорейшн» (поглощаемая), «Стандард ойл оф Калифорния» (приобрела АМЕКС), «Юнайтед технолоджис» (приобрела «Каррпер»), «Коннекотт копшер» (приобрела «Карборундум»), «Пиллсбери» (приобрела «Грин джайнт»). По данным исследовательской компании фирмы «В. Т. Гримм», специализирующейся на изучении процессов слияний, только в первой половине 1978 года произошло 37 слияний, причем каждая из участвующих в них компаний имела активы свыше 100 млн. долларов, тогда как за весь 1977

год отмечено 20 таких слияний, а за 1976-й — 12 [III — 41, с. 6].

Новая волна слияний, по мнению ряда американских специалистов, была вызвана в значительной мере высокими темпами инфляции, особенно резко возросшей стоимостью строительства при почти не изменившейся за последние 10 лет рыночной цене акций готовых предприятий. Многим гигантским корпорациям, в том числе транснациональным монополиям, выгоднее купить уже действующие предприятия, чем строить новые.

Особенно крупные слияния и поглощения произошли за последние 20—25 лет в нефтяной и энергетической промышленности. Например, «Юнион ойл» (активы — 916,5 млн. долларов) приобрела «Пьюер ойл» (активы — 766,1 млн. долларов); «Атлантик рифайнинг» (активы — 960,4 млн. долларов) приобрела «Ричфилд», превратившись в «Атлантик Ричфилд»; тремя годами позднее «Атлантик Ричфилд» с активами 2450 млн. долларов приобрела «Синклер» (активы — 1851,3 млн. долларов). В результате к середине 70-х годов восемь крупнейших компаний контролировали ту же долю производства сырой нефти, что и 20 крупнейших компаний в 1955 году. По мнению профессора университета штата Мичиган У. Эдамса, дальнейшее подчинение нефтяным гигантам других источников энергии должно было привести к «сверхмонополизации», а затем, как он считает, и к неизбежной национализации данной отрасли [III — 41; с. 64].

Масштабы, которые принял процесс поглощений и слияний, ставят под угрозу сохранение основных элементов системы капиталистической конкуренции, что вызвало возрастающую тревогу у наиболее думающей части американского правящего класса. Об этой тревоге хорошо знал и Эдвард Кениеди.

В результате концентрации и централизации капитала в 70-х годах еще более укрепились позиции монополий-мультимиллиардеров.

Если в послевоенный период в число крупнейших входило 500 корпораций, то в 70-х годах — уже только 200. И в этой узкой группе все более обособляются, отрываясь от своих конкурентов по всем экономическим показателям, 50 корпораций самого верхнего уровня.

Такое же положение наблюдалось и в непромышленных отраслях экономики, особенно в банковском и страховом деле. В 1973 году на долю 10 из 50 крупнейших банков и 10 из 50 крупнейших страховых компаний

приходилось соответственно 53 % всех активов и депозитов и около 70 % активов совокупной страховой суммы [III — 142; с. 456, 470, 485].

При этом каждый банк из первой десятки в среднем втрое крупнее банка из второй десятки, а в страховом деле львиная доля операций и капиталов приходится всего на 6 таких сверхгигантов, как «Пруденшиал», «Метрополитэн», «Эквитэбл», «Нью-Йорк лайф иншурэнс», «Джон Хэнкок» и «Этна» [III — 96; с. 47].

Наряду с ускоренной концентрацией и централизацией капитала в США в 70-х годах, как и в предыдущем десятилетии, на нижнем уровне капиталистической системы возникали новые фирмы, преимущественно мелкие. Несмотря на то что многие из них быстро разоряются или поглощаются более крупными компаниями, их число в последние 25—30 лет постоянно росло.

Мелким и средним фирмам удается закрепиться на рынке, главным образом в узкоспециализированных секторах, где крупнейшие корпорации предпочитают их не поглощать, а использовать в роли субподрядчиков [II — 45; с. 70—80].

Содействие ежегодному появлению многих десятков тысяч мелких частных предприятий (главным образом в сфере услуг) — одно из направлений внутренней правительственной политики США, проводимой в жизнь специальной «Администрацией по делам малого бизнеса», созданной во времена «нового курса» президента Рузвельта.

В основе этой политики лежат не только экономические, но и социальные и политические соображения. Она призвана по замыслу правящей монополистической верхушки поддерживать в рядовом американце веру в систему «свободного предпринимательства», в возможность иметь «свое дело». И чем меньше остается в реальной социально-экономической структуре Соединенных Штатов элементов «свободного предпринимательства», тем в большей мере капитализм нуждается в целенаправленной деятельности по поддержанию этих иллюзий.

Следует, однако, отметить, что на пороге 80-х годов среди владельцев мелких и средних предприятий в связи с вползанием США в очередной глубокий экономический кризис, а также в связи с рядом других, более долгосрочных факторов совершенно явно нарастала неуверенность в завтрашнем дне, перераставшая зачастую в панический страх. Трансформация подобных настроений в какую-либо политическую идеологию и активность но-

сила весьма противоречивый характер. Одних она толкала на путь антимонополистической борьбы, других — в лагерь крайней реакции, для которой, кстати, характерно использование антимонополистической демагогии [II — 33; с. 189—254].

Под руководством Э. Кеннеди аппарат сенатского комитета по юридическим делам провел серию исследований случаев слияний и поглощений, обнаружив многочисленные нарушения антитрестовского законодательства. При этом был установлен тесный контакт с председателем Федеральной торговой комиссии Ф. Пертчуком, рьяно взявшимся за данную проблему, за что некоторые ограниченно мыслящие бизнесмены тут же прозвали последнего «скрытым социалистом». Объясняя свою активность в этой области, Кеннеди подчеркивал, что он отнюдь не является противником «свободного предпринимательства», а совсем наоборот: препятствуя бесконтрольным поглощениям и слияниям, он добивается сохранения условий для конкуренции в среде американского бизнеса.

Многих предпринимателей, особенно из Калифорнии, Техаса и южных штатов, жаждущих прибрать к рукам как можно больше компаний из других регионов страны, эта аргументация Кеннеди отнюдь не убеждала. Его деятельность в области применения антитрестовского законодательства усилила недоверие и антипатию со стороны тех, кто стал главой коалиции, приведшей в 1980 году к власти правого республиканца из Калифорнии Р. Рейгана.

С крупной внешнеполитической речью Кеннеди выступил 23 октября 1978 года в чикагском Совете по международным делам. В этой речи он остановился преимущественно на вопросах советско-американских отношений [III — 134].

Свое выступление Эдвард начал с заявления о том, что он недавно вернулся из Советского Союза, где имел двухчасовую беседу с Л. И. Брежневым. Перед этой поездкой он консультировался с президентом Картером, государственным секретарем Вэнсом и помощником президента по национальной безопасности Бжезинским. В первую очередь Кеннеди выступил в поддержку нового договора об ограничении стратегических вооружений. Он заявил, что Договор ОСВ-2 повысит безопасность обеих сторон и укрепит международную стабильность. Учитывая растущие милитаристские настроения в американской правящей элите, Эдвард говорил о том, что процесс

одобрения нового договора встретит большие трудности в сенате. Эти трудности, по его мнению, связаны с тем, что сущность договоренности между СССР и США в области стратегических вооружений искажается ее противниками. Выступая с критикой в адрес противников нового Договора ОСВ-2, Кеннеди, в частности, сказал: «Некоторые из них (противников ОСВ-2. — *Авт.*) советуют вернуться к политике «холодной войны», основанной на иллюзии, что безопасность и мир могут быть обеспечены попытками достичь военное превосходство. Они играют на чувствах тех американцев, которые помнят времена американской ядерной монополии и времена ядерного превосходства США. Но даже ядерное превосходство утратило свою значимость около 15 лет назад, когда обе стороны обрели количество ядерных боеприпасов, достаточное для нанесения друг другу неприемлемого ущерба...

В то время, когда между Соединенными Штатами и Советским Союзом существует примерное стратегическое равенство, некоторые критики настаивают на искажении реальной картины, стараясь изобразить дело так, что русские ростом в 10 футов, а американцы — в 2 фута... Они даже пропагандируют опаснейший миф о том, что ядерная война принесла бы меньшие потери Советскому Союзу, чем Соединенным Штатам. Эти критики наносят нашей нации огромный ущерб. Они выступают проповедниками страха» [III — 134].

Одновременно Кеннеди высказался по поводу политики «защиты прав человека», которая стала одним из основных направлений внешнеполитической деятельности администрации Картера. Он поддержал эту часть внешней политики Картера, но весьма подробно изложил советскую точку зрения по данному вопросу, на что не решались многие другие крупные политические деятели США, особенно те, кто думал о борьбе за место в Белом доме в 1980 году.

В этом выступлении Кеннеди также высказался в пользу прогресса на проходивших в Женеве переговорах о заключении всеобъемлющего договора о запрещении ядерных испытаний и в пользу сдвига с мертвой точки на переговорах по ограничению вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, которые велись с 1973 года.

К концу 1978 года, по мере эволюции внутренней и внешней политики картеровской администрации, Кеннеди все чаще начинает становиться в оппозицию тем

или иным ее действиям. К декабрю 1978 года, когда должна была состояться промежуточная (между президентскими выборами 1976 и 1980 годов) конференция демократической партии, Э. Кеннеди был уже готов к развернутому наступлению на Картера. 11 декабря 1978 года корреспондент агентства Франс Пресс писал из Мемфиса, где проходила эта конференция: «Сенатор Эдвард Кеннеди выступил в субботу против политических планов Джеймса Картера столь резко, что предположения о возможном выставлении им своей кандидатуры в Белый дом на выборах 1980 года обрели новую силу. Тотчас же оживилась уныло проходящая конференция демократической партии в Мемфисе. Громовым голосом, устремив вперед руку, сенатор от штата Массачусетс выступил с настоящим предупреждением — почти с вызовом — нынешнему президенту в присутствии нескольких тысяч человек, которые стоя аплодировали ему.

Эдвард Кеннеди, бывший одно время в числе самых верных сторонников Картера в конгрессе, за последние месяцы стал от него отходить, ибо политика Картера мало-помалу начинает отражать позиции консервативной части избирателей».

Кеннеди выступил в защиту идей либерализма и объявил неприемлемыми проекты резкого сокращения социальных программ, предусмотренные Картером наряду с одновременным ростом военных расходов [III — 16].

Выступление Кеннеди было встречено бурными овациями, тогда как сделанное накануне заявление Картера — лишь вежливыми аплодисментами. На груди у многих делегатов этой конференции появились нагрудные синие значки, на которых было написано: «Кеннеди».

После выступления на этом съезде Эдвард готовит ряд более конкретных акций против Картера. Первая из них — выдвижение собственной программы медицинского обслуживания населения, которая заметно отличалась от аналогичной программы, предложенной администрацией Картера. К этому времени проблема медицинского обслуживания стала одной из самых острых социальных проблем США. Резко подскочила стоимость медицинского обслуживания: с 1950 по 1978 год она возросла для американцев с 12 млрд. долларов до 182,2 млрд. в год. Один день пребывания в больнице стал стоить в среднем 203 доллара [III — 110; с. 29].

На программе Картера существенным образом сказывались соображения бюджетного порядка — стремление

сбалансировать федеральный бюджет в целом при одновременном увеличении военных расходов. Естественно, что в ней было немало слабых мест, многие направления медицинского обслуживания были попросту обделены.

План же Кеннеди предусматривал заметное расширение медицинского обслуживания населения, в первую очередь за счет федеральных средств, и был ориентирован на создание такой системы, чтобы она могла сравниться в перспективе с лучшими западноевропейскими образцами. Разумеется, программа Кеннеди требовала и значительных федеральных расходов — на 12—15 млрд. больше, чем программа Картера [III — 110; с. 29].

Следующий удар по Картеру был нанесен Э. Кеннеди в августе 1979 года. Он был направлен в адрес энергетической программы администрации.

Дважды на протяжении 70-х годов Америка была потрясена невиданным со времен второй мировой войны событием — нехваткой бензина, вызвавшей огромные, подчас километровые очереди у бензоколонок, причем если очереди за бензином в 1973—1974 годах связывались с такими экстраординарными событиями, как «октябрьская война» на Ближнем Востоке и нефтяное эмбарго со стороны ОПЕК, то нехватка бензина, обнаружившаяся в большинстве штатов в июле 1979 года, была вызвана другими причинами, в первую очередь своекорыстной политикой нефтяных монополий, воспользовавшихся ситуацией на мировом рынке нефти для реализации собственных интересов, в том числе путем стимулирования нехватки бензина на заправочных станциях. Попытки монополий и правительства возложить вину на ОПЕК, вновь поднявшую цены на сырую нефть непосредственно перед июльской вспышкой энергетического кризиса в США, не увенчались успехом.

Нехватка бензина в стране, где населением используется более 100 млн. легковых автомобилей и нет альтернативы в виде развитой системы общественного транспорта, явилась заметным событием в послевоенной американской истории.

Для США наступил конец «эры дешевой энергии», что оказало тормозящее воздействие на экономический рост; доля энергозатрат в общей стоимости промышленной и сельскохозяйственной продукции, а также услуг начала существенно возрастать. Значительно увеличилась зависимость американской экономики от импортной нефти.

Последняя проблема не может быть решена простым

увеличением добычи нефти внутри страны за счет использования резервных мощностей американских нефтепромыслов. Так, если в 1960—1965 годах добыча нефти в США составляла в среднем около 75 % от максимально возможного (без снижения коэффициента извлечения нефти из месторождений) уровня, то в последующие годы ситуация стала совсем иной. В начале 70-х годов США вышли на максимально возможный уровень нефтедобычи из уже разведанных месторождений и остались практически без резервных мощностей. То есть если до середины 60-х годов нефтедобывающая промышленность страны могла в случае необходимости произвести то же количество нефти, что и импортировалось, то в 70-х годах ситуация в этой области резко изменилась [II — 4; с. 28].

Кроме того, на протяжении всего послевоенного периода ухудшалось соотношение разведанных запасов и внутренней добычи газа. Начиная с 1968 года страна добывала и использовала газа примерно вдвое больше, чем могла разведать заново его запасы [III — 69; с. 70].

За счет усиленной эксплуатации и расширения импорта дешевой ближневосточной и латиноамериканской нефти в 50-х и 60-х годах реальная цена на энергию при быстром росте энергопотребления (на 3,5 % в год) упала на 28 %. Наличие дешевой и легкодоступной энергии вызвало в США в массовых масштабах производство энергетически неэффективной продукции — крупных легковых автомобилей и грузовиков, различных видов промышленного оборудования, бытовой техники, включая такие «пожиратели» энергии, как индивидуальные кондиционеры воздуха и т. п. Общий объем потребления в США всех видов энергии с 1950 по 1975 год вырос в 2,11 раза и продолжал расти. К концу 70-х годов на долю Соединенных Штатов приходилось около трети мирового энергопотребления.

Попытки государственного регулирования энергетики наблюдались в США уже на протяжении ряда десятилетий. Однако до событий энергетического кризиса 1973—1974 годов они носили сравнительно ограниченный, эпизодический характер.

Проблема разработки общегосударственной энергетической политики со всей остротой встала в связи с упомянутыми событиями 1973—1974 годов. Республиканская администрация Никсона выдвинула в 1974 году долгосрочную энергетическую программу, получившую наименование «проект независимость», в которой основное

внимание было сосредоточено на сокращении импорта нефти. В соответствии с этой программой предлагалось свести импорт нефти к 1985 году к нулю как путем увеличения внутренней добычи нефти, газа и других видов энергетического сырья, так и мерами по более эффективному использованию энергии.

Последующие события показали, что эта программа не учитывала всей глубины и многоплановости энергетической проблемы. Поставленная цель оказалась явно нереальной, и импорт нефти, даже в условиях постоянного повышения мировых цен на нефть, продолжал возрастать в последующие годы быстрыми темпами. «Проект независимость» в течение двух лет обсуждался в конгрессе, но так и не был утвержден.

Пришедшая на смену республиканцам администрация Дж. Картера уже в апреле 1977 года предложила свою программу, получившую название «национальный энергетический план», которая обсуждалась в конгрессе почти полтора года и была утверждена в виде пяти законов.

В новом плане указывалось, что он не выдвигает таких иллюзорных задач, как энергетическая независимость; вместе с тем если не предпринимать целенаправленных усилий по сокращению импорта нефти, то он достигнет к 1985 году 575 млн. тонн. При условии реализации предлагаемых в рамках новой программы мер потребность в импорте должна была уменьшиться на 225 млн. тонн в год.

Энергетическая проблема стала объектом острой внутриполитической борьбы в США, в ходе которой обозначилось несколько осей конфликтов. Их основой является нарастающее противоборство между энергопроизводящими и энергопотребляющими монополиями. Это противоборство носит в известной мере и географический характер, поскольку основные районы добычи нефти и газа и штаб-квартиры соответствующих монополий сосредоточены в определенных, сравнительно ограниченных районах страны — в Техасе и Луизиане. При значительном и бесконтрольном повышении цен на нефть и газ, добываемые в этих штатах, часть дополнительных доходов получали не только соответствующие энергетические монополии, но и целый ряд других компаний. В силу этого «энергетическое лобби» в конгрессе имеет довольно широкую базу и характеризуется определенной географической принадлежностью. Это сказывалось на результатах голосования по узловым энергетическим вопросам как в сенате, так и в палате представителей.

В момент новой вспышки энергетического кризиса летом 1979 года, когда страсти в стране вокруг этого вопроса накалились до предела (главным образом из-за возникшей нехватки бензина и повышения цен на него), администрация Картера выдвинула новую энергетическую программу. Она была изложена в трех выступлениях Картера: вечером 16 июля по телевидению в Вашингтоне, 17 июля — в Канзас-Сити и в Детройте. Цель этой программы, как и предыдущей, — в первую очередь уменьшить импортную зависимость американской энергетики. Программа оценивалась в 141 млрд. долларов, была рассчитана на 10 лет и предусматривала при условии ее реализации к концу 80-х годов сокращение объема импортируемой нефти вдвое. Из указанной суммы основная часть — 88 млрд. долларов — должна была быть направлена на создание заводов по производству синтетического горючего, 16,5 млрд. долларов — на развитие системы общественного транспорта. Имея в виду предстоявшие в 1980 году президентские выборы и остро нуждаясь в голосах бедных слоев населения США, Картер также предложил часть из этих 141 млрд. долларов использовать для выплат компенсации малообеспеченным семьям в связи с резко увеличивающейся стоимостью энергии [III — 149; с. 52].

Одним из основных источников финансирования этой программы должны были стать дополнительные поступления за счет специального налогообложения сверхприбылей энергетических монополий. Мощные группировки в конгрессе с самого начала оказывали сопротивление этой программе.

В этот момент вариант решения энергетической проблемы выдвинула политическая группировка во главе с сенатором Э. Кеннеди, который обнародовал его в выступлении в августе 1979 года. Правда, при этом он объявил, что вариант преследует те же цели, что и программа администрации Картера, но может обеспечить их достижение с меньшими затратами. Совместно с сенатором Дж. Деркином из Нью-Гэмпшира Э. Кеннеди предлагает выделить на осуществление этой программы 58 млрд. долларов в ближайшие 10 лет, из них львиная доля — 50 млрд. долларов — должна пойти на прямые займы и субсидии бизнесменам и владельцам домов, вкладывающим капиталы в мероприятия по снижению расхода энергии. По утверждению Кеннеди, эти и другие меры, предусмотренные его планом, могли помочь снизить к 1990 году импорт нефти на 4 млн. баррелей

в день — почти на столько же, на сколько планировалось и в июльской (1979 года) программе администрации Картера (4,5 млн. баррелей), но на выполнение которой требовался 141 млрд. долларов.

Программа Кеннеди — Деркина частично базировалась на выводах исследования, проведенного двумя специалистами — экономистом-управленцем Робертом Стобавом и международником-политологом Дэниелем Ерджином из Гарвардского института Кеннеди. Центральная идея исследования этих авторов выглядела очень привлекательной в глазах и общественного мнения, и законодателей. Она состояла в том, что меры по повышению эффективности использования энергоресурсов эквивалентны разработке источников энергии, которые не дают радиоактивных отходов, не создают новых нефтедолларов и дают очень незначительное загрязнение среды. Как утверждали Стобав и Ерджин, эти меры позволят Соединенным Штатам к 2000 году сократить на 30–40 % использование энергосырья при очень незначительном замедлении темпов экономического роста [III — 111; с. 63].

Быстрый рост популярности концепции Стобава — Ерджина, возможно, повлиял на то, что она оказалась принятой на вооружение Э. Кеннеди. Использование сенатором Кеннеди идей гарвардских ученых — это прежде всего тактический ход политического деятеля, который, с одной стороны, создавал себе постоянную концептуальную основу для критики энергетической политики Картера, а с другой — не ввязывался в прямую борьбу с энергетическими монополиями, которая для любого политического деятеля практически безнадежна.

В то же время в стране в некоторой части политических и академических кругов наблюдалось оживление идей и настроений в пользу наиболее радикального в рамках существующих капиталистических отношений решения энергетической проблемы — национализации.

Эти идеи вошли в столкновение с консервативными вариантами решения энергетической проблемы, один из которых в 1980 году был принят на вооружение руководством республиканской партии во главе с будущим президентом Р. Рейганом.

Суть подхода лидеров республиканцев к решению энергетической проблемы в соответствии с их общей политической философией заключалась в максимальном снятии ограничений на деятельность энергетических монополий, в уповании на саморегулирующее воздействие рыночных сил, что на деле означает полную свободу рук

для крупнейших предпринимателей этой отрасли, возможность дальнейшего вздувания и без того высоких цен на нефть и другие виды энергетического сырья.

Этот подход республиканцев встретил острую критику со стороны различных демократических организаций, а также со стороны тех представителей правящего класса США, которые считали, что сколько-нибудь приемлемое решение энергетической проблемы невозможно без более решительного и прямого воздействия государства на эту важнейшую сферу экономики.

В формирование энергетической политики США активно вмешалось в конце 70-х годов антиядерное движение, которое в это время насчитывало более 150 организаций. С лидерами этих организаций Кеннеди и его помощники установили тесные связи. Размах выступлений участников антиядерного движения усилился после катастрофы на атомной электростанции на Трехмильном острове в штате Пенсильвания в апреле 1979 года. Случившееся серьезно встревожило американцев, резко усилило настроения против использования ядерной энергии в Америке. В частности, эти настроения имеют и очевидную антивоенную направленность, они сыграли свою роль в развертывании массового движения против нейтронной бомбы. Они оказывали влияние и на внутриполитическую борьбу по вопросам ограничения стратегических вооружений. Массовые выступления, проведенные по инициативе антиядерных организаций в 1979 году, заставили власти целого ряда штатов объявить референдум по вопросу о моратории на ядерную энергетику и ядерное оружие. И хотя в основном сторонники моратория потерпели поражение, в ходе референдума в трех штатах было решено запретить «захоронение» радиоактивных отходов на их территории. Более 50 муниципалитетов и властей штатов приняли решение об ограничении или полном запрещении транспортировки радиоактивных материалов через их территорию. Федеральное правительство вынуждено было временно прекратить выдачу разрешений на строительство новых атомных электростанций.

По мере приближения старта предвыборной кампании 1980 года Э. Кеннеди начинает критиковать администрацию Картера не только за урезание социальных расходов, но и за всю структуру федерального бюджета, не соответствовавшую, по мнению Кеннеди, подлинным «национальным приоритетам» США. Новая дискуссия по «национальным приоритетам», развернувшаяся в конце

70-х годов в США, носила несколько иной характер, нежели на рубеже 60—70-х годов.

В предвыборной риторике претендента на президентский пост демократа Картера в 1975—1976 годах еще были слышны отголоски темы «национальных приоритетов» в том плане, как она звучала в конце 60-х—начале 70-х годов.

На одно из первых мест он ставил меры по расширению социальной политики, направленные на снижение безработицы в стране, на решение острейшей проблемы городов, на строительство жилья для малоимущих слоев населения. Картер обещал усовершенствовать систему социального обеспечения, создать национальную систему здравоохранения, провести налоговую реформу, снизить уровень инфляции и ликвидировать дефицит федерального бюджета. Декларировалось намерение произвести некоторое (на 5—7 млрд. долларов) сокращение военного бюджета за счет рационального расходования средств. Картер высказывался за сокращение военного присутствия США за рубежом, в частности за вывод войск из Южной Кореи [II — 15].

Однако уже в первые годы пребывания в Белом доме Картер начал отходить от своих предвыборных обещаний. Это стало особенно явным к 1979—1980 годам, когда был выдвинут и принят конгрессом бюджет на 1980 финансовый год. Отход от предвыборных посулов уже давно стал нормой политического процесса в США, однако в данном случае речь шла о нарушениях, превышающих «приличный» средний уровень, учитывая остроту социально-экономических проблем Соединенных Штатов и ту форму, в которой преподносились эти обещания избирателю в период предвыборной кампании.

Бюджет на 1980 финансовый год — характерный пример того вклада, который был внесен президентом Картером в дальнейшее искажение «национальных приоритетов». По поводу этого бюджета известный специалист по бюджетным вопросам Р. Самуэльсон писал в авторитетном «Нэшнл джорнэл»: «...посредине своего срока президент Картер предложил бюджет на 1980 финансовый год, который кардинальным образом изменил первоначальные цели его администрации и создает ситуацию неопределенности в его предвыборной кампании» [III — 99; с. 124].

Постепенно, год за годом нараставший новый подъем милитаризма в США нашел наглядное отражение в бюджете на 1980 финансовый год. Рост военных расходов

в этом бюджете, расстановка акцентов в отношении целого ряда военных программ знаменовали существенные уступки правым и крайне правым в политической элите США.

Можно считать, что бюджет на 1980 финансовый год — наиболее рельефный из трех годовых бюджетов, предлагавшихся администрацией Картера за время пребывания у власти: бюджет был разработан с учетом возрастающего целенаправленного воздействия «большого бизнеса» вообще и военно-промышленного комплекса в частности на экономическую и социальную политику правительства. Немалое воздействие на разработку бюджета оказали как долгосрочные прогнозы, так и конъюнктурные экономические и политические соображения, а также накопленный опыт сложных отношений исполнительной власти с конгрессом.

Каковы же отличительные черты политики «национальных приоритетов» демократической администрации, нашедшие свое отражение в рассматриваемом финансовом проекте?

Во-первых, в нем были предусмотрены существенные в финансовом, экономическом и особенно в социально-политическом плане сокращения различных категорий расходов на социальные нужды. Сокращения касались социального вспомоществования для малообеспеченных семей, пособий по инвалидности, начальных и средних школ, профессионального образования, государственных библиотек, борьбы с наркоманией, жилищного строительства, программ по охране окружающей среды, программ министерства труда по созданию новых рабочих мест на государственных предприятиях и ряда других статей. Единственной статьей внутренних расходов, которую в 1980 финансовом году намечалось увеличить, были фундаментальные исследования; на нее в новом бюджете предусматривалось отпустить примерно на 3% больше средств в реальном выражении [III — 141; с. 20].

Во-вторых, одновременно в этом бюджете был запланирован значительный рост военных расходов — на 9,9% в текущих ценах и на 3% в реальном исчислении с учетом инфляции. При этом наиболее значительным, опережающим средний рост военных расходов в целом было запланированное увеличение ассигнований на закупки военной техники, а также на научные исследования и опытно-конструкторские работы. По некоторым оценкам, увеличивая именно эту часть военных ассигнований, администрация Картера как бы страховала себя на случай

угрозы нового глубокого спада в американской экономике. Администрация пыталась, не особенно это афишируя, применить неоднократно использованный ранее метод стимулирования экономики путем увеличения загрузки военной промышленности. Подобный подход к «стимулированию экономики» неоднократно приносил желательный краткосрочный результат, однако в долгосрочном плане он оборачивался для американской экономики в целом негативными результатами — ростом инфляции, дефицита федерального бюджета, государственного долга. Все это свидетельствовало о возрастающем контрасте между растущим военным бюджетом и сокращающимися ассигнованиями в невоенной сфере. Эту сторону бюджетной политики Картера особенно активно подвергли критике связанные с Кеннеди экономисты.

В ходе предвыборной кампании и в первые месяцы пребывания у власти Картер неоднократно подвергал жесткой критике налоговую систему, за счет которой формируется доходная часть бюджета, за ее несправедливый характер и даже назвал ее как-то «позором Америки». И в этом его декларируемая позиция практически совпадала с позицией Э. Кеннеди.

Однако новый бюджет, который был предложен Картером и на который избиратели, некоторые активисты демократической партии возлагали большие надежды, совершенно не соответствовал обещаниям осуществить более справедливое налогообложение, усовершенствовать систему социального обеспечения и здравоохранения.

Ограничивая социальные программы общего и специального назначения, Картер цинично пошел на практическое исключение из системы бюджетных приоритетов борьбы с безработицей, которая хотя и несколько снизилась по сравнению с периодом кризиса 1974—1975 годов, но оставалась на весьма высоком уровне и с конца 1979 года вновь начала возрастать.

Бюджетные приоритеты Картера — в первую очередь отражение еще более четко обозначившихся по сравнению с серединой 70-х годов правоконсервативных настроений в американском правящем классе как по вопросам внутренней, так и по вопросам внешней политики. Монополистическая верхушка и обслуживающие ее интересы политические круги отказались от многих элементов социальной и экономической политики, которая проводилась с кратковременными перерывами и отступле-

ниями на протяжении целого ряда десятилетий. Существенную роль в формировании бюджетных приоритетов Картера — в отношении роста военных расходов — сыграли фундаментальные внешнеполитические соображения: стремление путем наращивания военной мощи США добиться перелома в тенденции ослабления международных экономических и политических позиций американского империализма, осуществить его глобальные гегемонистские притязания.

Оценивая экономические, внешне- и внутривнутриполитические аспекты нового бюджета администрации Картера, видные социологи леволиберального толка Г. Адамс и Д. Голд писали: «Оборонные расходы превратились в ключевой элемент экономической выборной и государственной стратегии на 80-е годы. Новый федеральный бюджет — это программа для новой коалиции демократической партии, сигнализирующая о том, что в настоящее время предпринимаются усилия для смещения американского политического спектра вправо» [III — 98; с. 168].

На стремление правящих кругов США в конце 70-х годов перейти к широкому контрнаступлению на международной арене повлияло и такое крупное событие, как иранская революция, в результате которой потерял власть считавшийся одним из самых верных американских союзников шах Ирана и был утрачен важнейший военно-политический форпост США на Среднем Востоке. Многими представителями правящих кругов США иранская революция и последующее резкое ухудшение американо-иранских отношений приравнивались по своему негативному воздействию на международные позиции американского империализма к поражению Соединенных Штатов во Вьетнаме, тем более что в субъективном восприятии основной части американского правящего класса «потеря Ирана» выстраивалась в одну цепочку таких событий 70-х годов, как поражение сил империализма в Анголе, «потеря Эфиопии» и, наконец, «потеря Никарагуа», которая усилила страх перед возникновением «второй Кубы» в западном полушарии.

Подобные оценки международной обстановки оказали немаловажное влияние на ход дебатов о советско-американском Договоре об ограничении стратегических вооружений, в том числе в период его обсуждения в сенатском комитете по иностранным делам [III — 130]. Помимо активности группы сенаторов, непосредственно добивавшейся провала этого договора в сенате, четко

обозначилась влиятельная группировка во главе с сенатором С. Нанном, которая обуславливала свою поддержку договора более значительным, чем это предусматривалось бюджетом на 1980 год, ростом военных расходов — не на 3, а на 5% в постоянных ценах с учетом поправки на инфляцию [III — 105].

Целый ряд либеральных и центристских сенаторов, еще несколькими месяцами ранее критически относившихся к столь высокому росту военных расходов и тем более к их использованию для интервенционистских действий, в условиях иранского кризиса перешли фактически на позиции «ястребов». Так, в их числе оказался близкий одно время к Э. Кеннеди либерал, сенатор-демократ Г. Харт, который призвал к росту военно-морских сил, к созданию постоянной американской эскадры в Индийском океане, к содействию наращивания военно-морской мощи Японии как союзницы США, призванной «играть более активную роль в Тихом океане по защите жизненно важных для нее морских коммуникаций». Представитель либерального крыла республиканской партии в сенате Ч. Метайес выступил с предложением значительно усилить американские «разведывательные возможности». Готовность поддержать решение о военной интервенции США в случае «угрозы нефтяным интересам Запада» проявил в этот период и председатель сенатского комитета по иностранным делам Ф. Чёрч, известный на протяжении 70-х годов многократными выступлениями с относительно конструктивных позиций по вопросам интервенционизма во внешней политике, военных расходов и ограничения гонки вооружений [III — 105].

В октябре 1979 года на завершающем этапе слушаний в сенатском комитете по иностранным делам по Договору ОСВ-2 Чёрч под влиянием поднятой в США антисоветской кампании о так называемой советской «боевой бригаде» на Кубе предложил приостановить их. К чести Кеннеди следует отметить, что в этих все более сложных условиях он не начал, как многие другие сенаторы-либералы, больше похожие на хамелеонов, столь активно подстраиваться под меняющуюся политическую конъюнктуру.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1980 ГОДА

Одним из сигналов к началу подготовки к борьбе за президентский пост на выборах 1980 года для Эдварда Кеннеди послужили результаты опроса общественного мнения, проведенные в мае 1979 года газетой «Лос-Анджелес таймс». В соответствии с этим опросом Э. Кеннеди, как потенциальный претендент на президентский пост от демократов, опережал президента Картера на 18 пунктов (48 % за Кеннеди, 30 % за Картера, 28 % за калифорнийского губернатора Брауна). Это означало заметное улучшение позиций сенатора от Массачусетса по сравнению с предыдущим аналогичным опросом, проводившимся накануне рождественских праздников 1978 года, когда соотношение было лишь 42:40 в пользу Кеннеди. Картер и его помощники с растущей тревогой следили за ростом популярности Кеннеди. Специалисты по общественному мнению и формированию облика президента из «картеровской команды» Пэт Кэдделл и Джерри Рафшун развернули серию исследований, ориентированных на выработку рекомендаций, которые помогли бы их боссу одержать уверенную победу над грозным соперником из той же демократической партии. Они, в частности, рекомендуют Картеру спровоцировать Кеннеди на официальное объявление о вступлении в борьбу на возможно более раннем этапе.

В июне 1979 года в ходе одной встречи с группой конгрессменов Картер, следуя этому совету, бросает фразу: «Если Кеннеди решится участвовать в предвыборной борьбе, я надеру ему задницу». Разумеется, это тут же дошло до ушей Э. Кеннеди. Однако тот проявил выдержку и никак не реагировал на провокационную грубость президента. Кеннеди и его советники полагали, что нет нужды торопиться с официальным вызовом Картеру, положение которого становилось все более шатким. Картер к этому времени все больше терял престиж и в глазах потенциальных избирателей, и в глазах руководящих политических кругов. Все меньше доверия он вызывал как государственный лидер, способный улучшить внутриэкономическое положение США и американские позиции в мире у «большого бизнеса». Многие из тех политических деятелей и предпринимателей, которые продвигали Картера в 1976 году, в 1979-м уже успели разочароваться в нем и теперь думали о возможной альтернативе

в рамках демократической партии на предстоящих президентских выборах.

Однако большинство еще не было готово отказаться от Картера. Выдвижение альтернативной сильной кандидатуры могло вызвать раскол в демократической партии, что явно усилило бы позиции республиканцев. Лидеры демократической партии и тяготеющие к ней бизнесмены опасались, что с появлением такой фигуры с демократами может произойти то же самое, что и с республиканцами в 1976 году, когда президент Дж. Форд и его соперник Р. Рейган основную часть своих усилий затратили на борьбу друг с другом, обеспечив тем самым на следующем этапе победу кандидата демократов Дж. Картера.

Кеннеди все это учитывал и не желал, чтобы ему кто-либо из политических деятелей-демократов бросил обвинение в попытке раскола партии. Он хотел дожидаться такого момента, когда его выход на арену борьбы за место в Белом доме можно было бы преподнести как шаг по спасению демократической партии от поражения на выборах 1980 года.

Некоторое время спустя в соответствии с опросами Харриса популярность Картера опустилась еще ниже — до 25 %, что было ниже, чем популярность Р. Никсона в самый острый период «уотергейтского кризиса».

Помощники Картера С. Айзенстед, Г. Джордан и Дж. Пауэлл видели в падении популярности своего босса преимущественно причины внешнего характера — обострение энергетического кризиса из-за повышения цен на нефть странами ОПЕК и рост инфляции. Однако работавший на Картера специалист по анализу общественного мнения П. Кэдделл настаивал на том, что в предстоящей борьбе за переизбрание надо ориентироваться в первую очередь не на попытки решить энергетическую проблему или снизить темпы инфляции, а на изменение облика президента в глазах общественности путем соответствующего использования средств массовой информации.

После серии заседаний, проведенных помощниками Картера во время его поездки в Японию, С. Айзенстед подготовил докладную записку для президента, в которой рекомендовал ему обвинить ОПЕК как единственного виновника возникновения очередей у бензоколонок в США, объявить «новый подход» к энергетической политике, создать «национальный энергетический совет» и произнести серию соответствующих публичных речей.

Свой меморандум подготовил и П. Кэдделл. Он пи-

сал, что, предприняв только те акции, которые рекомендует Айзенстед, Картер как бы берет ответственность за возникшие проблемы на себя, становится в оборонительную позицию. Он же советовал президенту перейти в наступление, обвинив самих американцев в «кризисе духа». Картер с большим вниманием прочел меморандум Кэдделла, представленный на 107 страницах. Он не только прочел его, но и законспектировал. Отказавшись от намеченных ранее мероприятий, Картер на 10 дней уединяется в президентской резиденции, куда приглашает для консультаций необычно большое число бизнесменов, политических деятелей, ученых, журналистов, профсоюзных лидеров, расспрашивая их преимущественно о том, «чем больна Америка».

15 июля 1979 года Картер в подчеркнуто драматической манере выступает по национальному телевидению с речью, в которой обвиняет своих сограждан в «кризисе доверия», пугая их тем, что этот кризис грозит стране гибелью. Следуя рекомендациям Кэдделла и помощника президента Рафшуна, он всячески пытается показать себя решительным и твердым государственным лидером, которому может довериться вся страна. Сразу же после этого выступления Дж. Рафшун в беседе с корреспондентами прессы и телевидения заявил, что отныне они будут видеть лишь «жесткого Картера». Опросы общественного мнения показали, что рекомендованная Кэдделлом тактика оправдала себя: популярность Картера сразу же подскочила на 11 %, а популярность Кеннеди несколько уменьшилась. Еще через пару дней, следуя совету Рафшуна, Картер неожиданно объявляет об отставке всего кабинета. При этом у трети членов кабинета отставка действительно принимается. В их числе оказывается такой «тяжеловес» кабинета, как министр здравоохранения, образования и социального обеспечения Джо Калифано, которого давно называли в числе активно контактирующих с сенатором Кеннеди членов картеровской администрации. Таким образом Картер, проводя реорганизацию своего кабинета, убивал как бы двух зайцев: демонстрировал жесткость и решительность и одновременно избавился от тех деятелей, которых не считал стопроцентно лояльными.

Опросы, проведенные двумя неделями позже, показали, что улучшение позиций Картера в глазах общественного мнения было явлением сугубо временным. Популярность, а следовательно, и шансы Эдварда Кеннеди стали вновь возрастать.

Незадолго перед этим телекомпания Си-би-эс в лице одного из ведущих комментаторов, Роджера Мадда, предложила пресс-секретарю Кеннеди Тому Саутвину снять специальный телефильм о нем под названием «Портрет Эдварда Кеннеди», в котором в умеренно хвалебных тонах освещалась бы повседневная жизнь сенатора. Саутвин и сам Эдвард некоторое время колебались, однако люди из Си-би-эс были весьма настойчивы. Положительному решению Кеннеди относительно этого фильма способствовало и то, что Мадд в целом был известен как журналист, относящийся доброжелательно к клану Кеннеди.

При этом было оговорено, что телефильм не будет показан до официального объявления Кеннеди о вступлении в борьбу за президентский пост. Имея в виду то, что Мадд не входит в число недоброжелателей Кеннеди, помощники и советники последнего были уверены, что в телефильме никак не будет затронут вопрос об инциденте в Чаппакуидике. Эту уверенность укрепил косвенно один из потенциальных соперников Эдварда в предстоящей предвыборной кампании. Сенатор Ховард Бейкер заявил, что Чаппакуидик не может быть «законной темой» для соперников Кеннеди [III—21; с. 131]. До официального вступления Эдварда в кампанию 1980 года оставалось еще довольно много времени, но Мадд упрямил сенатора сопровождать его со съемочной группой в Хианисспорт, где собирался на несколько дней почти весь клан Кеннеди. При этом Мадд уверил Кеннеди, что его беседа с ним будет носить предварительный характер, основное интервью состоится несколькими днями позже в кабинете сенатора в Вашингтоне. Мадд также сказал, что в Хианисспорте он не будет задавать сложных и острых вопросов, что этот разговор будет лишь своего рода разминкой.

Когда Мадд и сопровождающая его съемочная группа подъехали к дому Эдварда, тот встретил их один, без своих помощников, без пресс-секретаря. Камеры были включены, и Мадд начал задавать вопросы: «Не думаете ли Вы, что благодаря Вашему чрезмерному увлечению политикой Ваш племянник Дэвид остался без должного надзора и стал увлекаться наркотиками?» Эдвард явно не ожидал подобного начала интервью и растерялся. Мадд же поспешил в еще более напористой манере задать и другие подобные вопросы: «Пользуются ли наркотиками Ваши дети? Контролируется ли потребление алкоголя Вашей женой Джоан? Как обстоит дело с Ва-

шей семейной жизнью?» Кеннеди ответил с понятным раздражением и злостью. Ему не сразу удалось взять себя в руки и ответить должным образом на вопрос о своем участии в предстоящей предвыборной кампании и о злосчастном Чаппакуидике.

Через несколько дней состоялась запись на видеоманитофон интервью Кеннеди с Маддом в Вашингтоне. Оно длилось несколько часов. Лишь небольшая часть записанного должна была оказаться в конечном счете на экране. Э. Кеннеди и его помощники твердо рассчитывали на то, что при редактировании записей все куски, в которых Кеннеди выглядит не лучшим образом, будут вырезаны. 29 октября 1979 года Мадд от мужа сестры Кеннеди Стивена Смита узнает, что Эдвард объявит о своем вступлении в борьбу 7 ноября. Мадд и его боссы в Си-би-эс решают показать фильм, который к этому времени был уже переименован в «Тэдди», не 7 ноября, как было оговорено, а 4-го. Более того, двумя днями позднее Си-би-эс организовала утечку материалов телеинтервью с Кеннеди в печать, в результате чего в «Бостон глоуб» немедленно появляется написанная на основе этого интервью статья, сам факт появления которой снизил потенциальный эффект от демонстрации телефильма. Статья в «Бостон глоуб» получила значительный резонанс в других органах массовой информации, недружественных по отношению к Кеннеди. И уже к моменту показа фильма «Тэдди» они постарались сформировать у потенциальных избирателей образ Эдварда как «нерешительного» и «нечеткого» деятеля, намного уступающего своим знаменитым братьям. Чаппакуидик обыгрывался как свидетельство отсутствия стойкости последнего из братьев Кеннеди в стрессовой, кризисной ситуации. В добавление ко всему за час до начала демонстрации телефильма «Тэдди» американцы узнали ошеломляющую новость о том, что в Тегеране захвачено посольство США и значительное число сотрудников стали заложниками.

В таких условиях первая, инстинктивная, преимущественно шовинистическая реакция многих американцев выразилась в их поддержке президента как главы государства и верховного главнокомандующего независимо от того, кто занимает в данный момент место в Белом доме.

Если бы даже фильм Мадда оказался сделан в лучшем для Кеннеди варианте, в тот момент он мало бы помог сенатору от Массачусетса. Но оказалось, что снятый группой Мадда материал отредактирован таким

образом, что Кеннеди выглядит отнюдь не тем решительным, сильным лидером, в котором в кризисной обстановке нуждается страна. Мадд оставил те кадры, которые были засняты в Хианисспорте, и не включил многое из того, что показало бы телезрителям Кеннеди как активного и смелого законодателя. В целом фильм «Тэдди» нанес Кеннеди в глазах потенциальных избирателей и активистов демократической партии ощутимый ущерб, который было весьма нелегко восполнить.

Почему поступили подобным образом Мадд и редакторы Си-би-эс? Удовлетворительного ответа на это пока нет. Ясно одно, что Кеннеди и его «команда» допустили непростительный для профессиональных американских политиков промах, доверившись в таком важном вопросе Си-би-эс и Мадду.

Пока Кеннеди готовился к началу своей кампании, собирая соответствующий аппарат, Картер тоже не терял времени даром. Следуя стародавним традициям президентских кампаний в США, Картер решил использовать те возможности, которые ему дает пребывание в Белом доме. «Имеется бесконечный набор стипендий, должностей, контрактов и услуг, которыми он (президент. — Авт.) может помахать перед носами тех, кто не торопится объявить о своих взаимоотношениях с избираемыми; подачки становятся его главным оружием. На выборах 1980 года Картер использовал это оружие в масштабах, невиданных еще в этом столетии, по сравнению с которыми скромные «кнуты и пряники» Джеральда Форда в 1976 году выглядят детскими играми», — писал американский исследователь Д. Шагалл [III — 21; с. 139].

19 октября 1979 года Картер пригласил в Белый дом две сотни мэров, губернаторов и лидеров законодательных собраний отдельных штатов. На встрече он напомнил, что у него в руках находятся рычаги распределения значительных федеральных средств и должностей. Результаты этого напоминания незамедлили сказаться: через две недели о своей полной поддержке Картера на предстоящих выборах заявили свыше 40 мэров, около 100 конгрессменов и 21 из 32 губернаторов-демократов.

В связи с предстоящей переписью населения федеральное правительство нанимало на временную службу 275 тыс. человек. Как вскрылось после выборов 1980 года, Белый дом дал указание принимать на эту работу в целом ряде штатов только тех лиц, которые обязуются сотрудничать с аппаратом Картера в предвыборной кампании, что было вопиющим нарушением духа законов

о выборах. Другим примером использования Картером президентского поста в политиканских целях может служить выделение им накануне съезда партийной организации демократов в штате Флорида этому штату около миллиарда долларов федеральной помощи для жилищного строительства, развития транспорта, на организацию повышающих занятость общественных работ. Картер подписал также указ о выделении 150 млн. долларов федеральной помощи Лос-Анджелесу, как только получил сообщение о том, что в обмен на это мэр Том Брэдли поддержит его на выборах. Одновременно он пригрозил отказом в предоставлении аналогичного займа Чикаго, когда мэр Джейн Берн собралась поддержать Кеннеди.

Действия Картера были настолько беспардонными, что сенатский комитет по делам городского развития и банков во главе с сенатором У. Проксмайером пригласил на свое специальное заседание министра транспорта Н. Голдшмидта для расследования того, как последний проводил в жизнь соответствующие указания Картера. В ходе заседания сенатор от штата Иллинойс (где расположен Чикаго) Э. Стивенсон заявил: «У меня нет сомнений относительно характера действий министерства транспорта. Они оказались коррумпированы президентским политиканством, и жители Чикаго, которых я представляю, подвергаются возмездию за поведение своего мэра». Такие действия, подчеркнул Стивенсон, наносят ущерб правительству Соединенных Штатов и самому президенту США [III—165; с. А — 3].

Анализ обстановки в США показывал, что многие тенденции были отнюдь не в пользу Кеннеди; многое изменилось и в экономике, и в социальной сфере, и в настроениях американцев, в первую очередь тех, кто проявляет политическую активность. Популярный в американских и западноевропейских буржуазных кругах английский «Экономист» писал сразу же после официального вступления Кеннеди в предвыборную борьбу: «Политический ландшафт в Соединенных Штатах в настоящее время характеризуется тем, что в нем доминирует негативизм: могут быть образованы группы для того, чтобы что-нибудь остановить — от аборт до строительства ядерных электростанций... Преобладающая консервативная философия предлагает меньше и меньше во всех сферах — от налогообложения до системы вспомоществования. Американцы уже больше не верят в то, что все проблемы можно решить. Оптимизм начала 60-х го-

дов был явно чрезмерным, и открытие того, что правительство не может вылечить все болезни, было неизбежным. Но пессимизм зашел слишком далеко, и сенатор Кеннеди оказался одним из немногих людей, кто не отражает этого пессимизма; он постоянно выдвигает предложения, которые выглядят обнадеживающими для тех, кто с ними знакомится» [III—42; с. 14].

Проведенный 16 ноября 1979 года Эй-би-си и Ассошиейтед Пресс опрос общественного мнения показал, что Кеннеди по-прежнему опережает Картера — 55 % против 35 %, однако степень поддержки Кеннеди несколько снизилась. Более детальные опросы гласили, что на мнение опрашиваемых заметно повлиял показанный телефильм «Тэдди».

Находясь в Сан-Франциско, Кеннеди был проинтервьюирован местной телестудией. Когда поинтересовались его мнением относительно иранского кризиса и положения заложников, сенатор ответил: «Шах был главой одного из самых насильственных режимов в истории человечества. Он вывез из своей страны уйму миллионов долларов, и мы никогда не должны были бы приглашать его в нашу страну». Продюсер, готовивший передачу и бывший в числе сторонников Кеннеди, посчитал, что в разгар шовинистических настроений в США такое заявление принесет последнему одни неприятности. И он убрал его из видеопленки, готовившейся к передаче. Однако изъятый кусок видеопленки из-за одного из помощников продюсера, решившего подзаработать, через несколько часов оказался в руках враждебного Кеннеди репортера из газеты «Сан-Франциско кроникл», которая не замедлила опубликовать вышеприведенные слова сенатора. Эта публикация немедленно стала достоянием всех центральных и местных газет и телестудий. Средства массовой информации почти единогласно осудили Эдварда, выразив одновременно свою поддержку президенту. Картер не замедлил воспользоваться создавшейся вокруг заявления Кеннеди атмосферой. Он сказал в беседе с группой конгрессменов: «Наплевать мне на то, за какие преступления должен отвечать шах. Важнейшей задачей сейчас является вернуть домой заложников. Мы можем поговорить потом о шахе и где он собирается обосноваться».

Эти слова Картера в течение двух дней были на первых страницах газет. Проведенный 7—9 декабря 1979 года Гэллопом опрос показал, что Картер уже опережает Кеннеди — 48 % против 40 %. А по опросам журнала

«Тайм», проведенным через несколько дней, президент опережал своего соперника на 20 пунктов — 53 : 33.

10 декабря Кеннеди выступает в чикагском Совете по международным делам с речью «Американская безопасность». Он начал сразу же с иранского кризиса, заявив, что полностью поддерживает «усилия страны» по освобождению заложников, подчеркнув при этом, что, какие бы преступления ни делал шах и его режим, это не может быть оправданием «террористических акций» и «беззаконного поведения». Далее, делая явный выпад в адрес картеровского тезиса о «кризисе духа», «кризисе доверия» в США, Кеннеди заявил, что он абсолютно несогласен с теми, кто считает, что Соединенные Штаты не могут стойко защищать свои интересы и свои идеалы. Полемизируя со все более активными сторонниками нового рывка Соединенных Штатов в военной области, Кеннеди говорил: «Оборонная мощь является краеугольным камнем внешней политики, однако ее фундамент — это сила процветания нашего собственного общества. Национальная безопасность начинается дома. Мы будем слабы на мировой арене до тех пор, пока слаб доллар. Мы будем уязвимы до тех пор, пока инфляция подрывает нашу экономику. Наши позиции будут ослабляться так долго, как будет длиться состояние, при котором другие диктуют условия обеспечения нас энергией. Прошли те дни, когда внешнюю политику можно было рассматривать отдельно от других важнейших вопросов. В следующем году каждая речь по вопросам экономики или энергетики будет практически и речью по вопросам внешней политики. До тех пор, пока мы не сможем восстановить экономику и справиться с энергетическим кризисом, наша потенциальная роль в мире будет подвергаться сомнению нашими сторонниками и нашими соперниками» [III—4; с. 1].

Не обошелся Кеннеди и без выпадов в адрес Советского Союза, однако их было намного меньше, чем в выступлениях большинства других потенциальных кандидатур на пост президента.

Стремясь избавиться от облика «сверхголубя», который старались создать ему картеровцы, не говоря уже о деятелях более правой ориентации, Кеннеди заявлял, что он сторонник всех необходимых расходов для «эффективных стратегических и обычных сил». Из новых программ стратегических вооружений, находившихся в стадии обсуждения, он поддержал НИОКР по созданию новой межконтинентальной баллистической ракеты МХ,

но лишь при условии, что при этом будут изучаться другие возможные варианты развития наземного компонента американских стратегических сил. В этом же абзаце Кеннеди подчеркнул, что он полностью поддерживает Договор ОСВ-2, считая, что за счет ограничений на строительство стратегических сил СССР и США по этому договору безопасность обеих сторон только увеличивается.

Кеннеди выступил против незадолго до этого предложенного Картером ежегодного пятипроцентного роста военного бюджета в постоянных ценах. Он сказал, что «важной проблемой является не то, как много оружия не будет закуплено правительством на деньги налогоплательщиков, а то, насколько при этом будет повышаться безопасность США» [III-4; с. 3].

Останавливаясь на отношениях с различными союзниками США, Кеннеди особо подчеркнул первостепенную, по его мнению, важность связей с Израилем, заявив, что «безопасность Израиля неразрывно связана с безопасностью Соединенных Штатов». В этом пункте особенно четко проявилась линия Кеннеди на сохранение им поддержки со стороны могущественных сионистских сил, которые, кстати, были представлены и в его чикагской аудитории [III-4; с. 3].

Выступая по вопросам ограничения и сокращения ядерных вооружений, строительства вооруженных сил США, Э. Кеннеди проявил себя в ходе кампании 1980 года активным сторонником советско-американского Договора об ограничении стратегических вооружений, подписанного обеими сторонами в Вене летом 1979 года, и противником развертывания новой межконтинентальной баллистической ракеты МХ, за которую рьяно выступали Картер и многие члены его администрации.

Между 26 января и 3 июня 1980 года демократам предстояло провести праймериз в 35 штатах. В остальных 15 штатах делегаты на национальный съезд демократической партии отбирались на местных съездах и собраниях актива.

Кампанией Картера, как и в 1976 году, руководил Г. Джордан, ушедший ради этого с поста начальника аппарата Белого дома. Джордан надеялся значительно опередить Кеннеди в южных штатах, выиграть схватку за большинство делегатов от Иллинойса и потеснить позиции Кеннеди в северо-восточных штатах, в том числе в Новой Англии, где позиции клана Кеннеди были особенно сильны.

План Кеннеди состоял в том, чтобы добиться успеха в Айове, абсолютной победы в Новой Англии, а затем нанести удар по картеровским позициям во Флориде, где, как считали его помощники, у Кеннеди имеется больше сторонников, чем в любом другом южном штате.

Когда люди из «команды» Кеннеди занялись всерьез избирателями Айовы, они обнаружили, что там уже вовсю развернулись картеровцы. В этот штат один за другим навевались жена Картера Розалин, вице-президент У. Мондейл, целый ряд членов кабинета. Ведущую роль при этом на себя взяла Розалин, женщина с твердым характером и железной хваткой.

По телевидению непрерывно демонстрировался рекламный ролик, показывающий Картера сидящим в Овальном кабинете Белого дома и читающим «важные государственные документы». Сам Картер решил отказаться от предвыборных поездок по стране и специальных выступлений по телевидению [III—21; с. 152]. Он усиленно делал вид, что занят исключительно делами «высшей государственной важности». Мало кто знал, что, сидя в Белом доме, он основное время тратил на обсуждение со своими ближайшими помощниками вопросов стратегии и тактики избирательной кампании и на бесчисленные звонки лидерам демократов различных штатов, где должны были состояться праймериз. За вечер Картер делал около пятидесяти таких телефонных звонков. На каждого деятеля, к которому он обращался за поддержкой, аппарат готовил ему краткое досье, в котором акцентировалось внимание на том, каким образом на него можно лучше воздействовать в желательном направлении.

Люди Кеннеди и сам сенатор старались активно противодействовать Картеру в Айове. Однако угнаться за ним так и не смогли. Как стало известно позднее, узнав о той ставке, которую сделал на этот штат Кеннеди, Картер велел не жалеть денег для своей победы. Только на радио- и телерекламу картеровцы истратили здесь 60 тыс. долларов, тогда как аналогичные расходы аппарата Кеннеди не превышали 15 тыс. долларов.

На праймериз в Айове голосовали 110 тыс. демократов, из них 50 % отдали свои голоса Картеру, 31 % — Кеннеди. Это означало, что на национальном съезде демократической партии у Картера будет 30 поддерживающих его делегатов, а у Кеннеди — 15. По сравнению с 1666 делегатами, необходимыми для выдвижения съездом кандидата в президенты США от демократической

партии, это было пока незначительно, но для многих это послужило еще одним свидетельством того, что Кеннеди не сможет опередить президента. Близилась предварительные выборы в штате Нью-Хэмпшир, там, где Кеннеди должен был добиться «решительной победы» над своим соперником. Двумя неделями ранее должно было состояться собрание актива демократической партии штата Мэйн, на котором также избирались делегаты на национальный съезд. Борьба за победу Эдварда в Мэйне прибыл Э. Ловенстайн — один из главных организаторов президентской кампании Роберта Кеннеди в 1968 году. Накануне собрания актива Мэйна опросы показывали, что Картер опережает среди демократов этого штата Кеннеди в соотношении 55 : 33. Усложняло положение Кеннеди и появление еще одного соперника — калифорнийского губернатора Джерри Брауна, решившего попробовать свои силы. Браун, как и Кеннеди, активно выступал против введения вновь выборочной военной повинности и против дальнейшего распространения ядерной энергетики в стране. Картеровцы передали людям Брауна список из 3 тыс. активистов-демократов штата, которым нужно было сделать звонки, для того чтобы совместными усилиями одержать верх над Кеннеди.

Как и в Айову, в Мэйн нахлынули Розалин, Мондейл, министры, помощники президента. По телевидению прокручивались многочисленные рекламные ролики, которые недвусмысленно противопоставляли Картера Кеннеди. Когда были подсчитаны результаты голосований всех собраний активистов демократической партии штата, оказалось, что за Картера было подано 44 % голосов, а за Кеннеди — 40 %. Браун получил 14 %. Вместо абсолютной победы Кеннеди получил обидное поражение в сердце Новой Англии.

Накануне праймериз в Нью-Хэмпшире Кеннеди, видя, что ситуация для него здесь складывается не лучшим образом, решил нанести удар по политике Картера в иранском вопросе, от чего ранее предпочитал в основном воздерживаться. Он заявил, что иранский кризис мог бы и не иметь места, что президент занял такую позицию «патриота», которая ведет к угрозе войны в Персидском заливе, за что будут платить своими жизнями американские парни. Учитывая обстановку шовинизма и ура-патриотизма, царившую в этот момент в Соединенных Штатах, следует признать, что подобное выступление со стороны Кеннеди было мужественным и весьма рискованным актом, вызвавшим по отношению

с нему новые всплески ненависти у крайне правых.

По мере того как в США нарастали шовинистические и милитаристские настроения, помощники Картера решили еще более заострить в облике своего босса «ястребиность». В рекламных роликах, пускаемых в различных телепередачах, чаще всего стали звучать слова о том, что «сильная оборона» лежит в основе всех приоритетов политики Картера. Одновременно картеровцы усилили нападки на Кеннеди как на сторонника ограничения военных расходов.

На состоявшихся 26 февраля 1980 года следующих предварительных выборах в Нью-Хэмпшире Кеннеди значительно уступил Картеру: он получил 38 % голосов, тогда как президент — 49 %; 10 % голосов получил Браун. В прессе сразу же появились пессимистические оценки дальнейших шагов Эдварда, что самым негативным образом повлияло на приток средств в фонд его кампании. Затем в начале марта последовали поражения Кеннеди на праймериз в Вайоминге и Вермонте. Когда же Кеннеди победил с большим перевесом в Массачусетсе, это не произвело сильного впечатления, так как все знали, что в этом штате клан Кеннеди политически доминирует еще с середины 50-х годов. 11 марта праймериз в южных штатах Алабама и Джорджия дали Картеру соответственно 82 и 88 % голосов. Во Флориде между Кеннеди и Картером развернулась острейшая борьба. Многочисленное негритянское население штата пошло почти полностью за Картером — на него оказали воздействие подачи администрации. Значительное еврейское население Флориды проголосовало на 50 % за Кеннеди, остальные поделились поровну между Картером и Брауном. В целом же победу одержал Картер, получив 61 % голосов, тогда как Кеннеди — лишь 23 % а Браун — 5 %. После этих выборов Картер имел на своем счету 299 делегатов на национальный съезд, Кеннеди — 153 [III—21; с. 152].

Разрыв был большим, но Кеннеди и его окружение не думали складывать оружие. Впереди были праймериз в крупных индустриальных штатах. Один только Иллинойс должен был направить на национальный съезд демократов 198 делегатов. В ходе подготовки к выборам в этом штате С. Смит наконец обратился к услугам матерого специалиста по анализу электората Джо Наполитано, помогавшего еще Р. Кеннеди. Результаты опросов Наполитано были огорчительными для «команды» Кеннеди: их босс значительно уступал среди иллинойских де-

мократов Картеру (1 : 3). Не надеясь при таком состоянии общественного мнения добиться победы, они решили добиться минимальных потерь. В результате здесь Кеннеди проиграл, но не так значительно, как можно было бы предположить: он получил 30 %, а президент — 65 %. Но потери в числе делегатов были ощутимыми: у Кеннеди — 14, а у Картера — 165. Многие газеты поспешили заявить о том, что борьба между Кеннеди и Картером на грани завершения в пользу последнего. Но и на этот раз Кеннеди решил не отказываться от последующей борьбы, которой в первую очередь предстояло развернуться в штате Нью-Йорк.

Мэр города Нью-Йорка Коч подготовил заранее Картеру длинный список требований к федеральному правительству, в случае удовлетворения которых он готов был поддержать со своей политической машиной Картера, а не Кеннеди. Многие из пунктов заявки Коча картеровцы быстро реализовали за счет федеральной казны.

Успешно Картер «обработал» владельца ведущей городской газеты «Нью-Йорк пост» австралийского дельца с темным прошлым Руперта Мердока, которому была оказана честь отобедать с президентом в Белом доме. Престижного обеда было, однако, явно недостаточно, для того чтобы купить поддержку Мердока: ему был обещан под очень небольшие проценты крупный заем для принадлежавшей Мердоку австралийской авиакомпания. Через три дня после обеда в Белом доме «Нью-Йорк пост» объявила о своей поддержке Картера, еще через шесть дней государственный Экспортно-импортный банк предоставил Мердоку заем на 290 млн. долларов.

Семья Кеннеди, традиционно обладавшая сильными политическими и социальными связями в Нью-Йорке, мобилизовала все силы и доступные ресурсы для победы над Картером. Многие партийные боссы и активисты ранее скептически относившиеся к последнему из плеяды братьев Кеннеди, начали смотреть на него как на стойкого бойца, не потерявшего голову от тяжелых поражений. Это изменение настроений было зафиксировано картеровским «поллстером» Кэдделлом, и Картеру было рекомендовано его советниками вмешаться лично в борьбу. Картер дает телеинтервью из своего кабинета в Белом доме, которое смотрят 5 млн. жителей штата Нью-Йорк. В ходе интервью Картер старательно изображал себя получившим богатый опыт государственным мужем. И это оказало некоторое воздействие на нью-

йоркскую аудиторию. Опросы, проведенные Харрисом через несколько дней после интервью, показали, что Кеннеди уступает Картеру. Кеннеди и его люди в ответ усилили использование телевидения. Ориентируясь на влиятельную и многочисленную еврейскую общину Нью-Йорка, Кеннеди активнее начал обыгрывать результаты одного из голосований американского представителя в ООН, когда США оказались в числе критиков Израиля. Картер объявил данное голосование «ошибкой», а Кеннеди решил воспользоваться этим, обвиняя Картера в недостаточно твердой поддержке Израиля. В одном из рекламных роликов, многократно прокручиваемых по нью-йоркскому телевидению, Кеннеди говорил, глядя прямо в камеру: «Никогда больше Соединенные Штаты не должны предавать своего ближайшего союзника... Никогда больше президент Соединенных Штатов не должен оказываться в положении, при котором он не знает, что происходит при голосовании в ООН» [III—21; с. 157].

Когда 25 мая были подсчитаны результаты голосования, оказалось, что Кеннеди победил Картера — 59 %: 41 %. Одновременно проводившиеся предварительные выборы в Коннектикуте также принесли победу Кеннеди — 47 %: 41 %. Эти победы остановили поток выступлений прессы на тему о завершении кампании Кеннеди и способствовали росту поступлений в фонд его кампании.

Но в целом положение Кеннеди оставалось сложным. Из-за неудачного для него начала праймериз он почти в два раза уступал Картеру по числу набранных делегатов на национальный съезд партии.

На состоявшихся после Нью-Йорка и Коннектикута праймериз в Висконсине и Канзасе Кеннеди снова проиграл Картеру. В Пенсильвании Эдвард победил после напряженнейшей борьбы с Картером. Но перевес Кеннеди здесь был минимальным: он получил 46 %, а Картер — 45 % голосов. 24 апреля по указанию Картера была проведена военная операция по вызволению американских заложников в Тегеране, которая закончилась полным провалом. Как это ни парадоксально, поддержка Картера по результатам опросов общественного мнения возросла. Социологи объяснили это тем, что американцам нравится, когда их президент «решительно действует», даже если эти действия кончаются неудачей.

В мае Картер одерживает верх над Кеннеди в Индиане, Теннесси, Северной Каролине, Техасе, Орегоне и Мэриленде. Кеннеди выигрывает лишь в столичном Округе

Колумбия, где перевес ему обеспечивают негры. Остался еще один день, когда праймериз должны были пройти в последних восьми штатах из тех, в которых проводились в 1980 году предварительные выборы. Картер к этому времени набрал уже около полутора тысяч делегатов, а Кеннеди — примерно в два раза меньше. Кеннеди нужно было теперь для того, чтобы «остановить» Картера, набрать на последних праймериз 88 % голосов. Машины Картера и Кеннеди работали на полную мощь. Особенно активно использовалось телевидение. «Когда на карту поставлено будущее страны, может быть лишь один выбор — Кеннеди в президенты», — говорилось в одном из рекламных роликов. В другом удар наносится прямо по Картеру: «Картер равен Рейгану, равен Гуверу, равен Депрессии». В Калифорнии впервые люди Кеннеди оказались в состоянии больше истратить на телерекламу, чем люди Картера. Однако Картер компенсировал это усилиями в других штатах, где он продолжал использовать многомиллионные федеральные средства для обеспечения собственной поддержки.

Кеннеди одержал победы в Калифорнии, Нью-Джерси, Нью-Мексико, Род-Айленде, в Южной Дакоте; Картер победил только в Огайо, Монтане и Западной Вирджинии. Но он успел к этому времени дополнительно набрать немало делегатов за счет собраний активистов в тех штатах, где праймериз не проводились. В итоге у него было 1764 делегата, а у Кеннеди — 1139 [III — 157; с. 10]. Это гарантировало Картеру выдвижение в кандидаты на президентский пост от демократической партии на ее национальном съезде.

На национальном съезде демократической партии Э. Кеннеди выступил 14 августа 1980 года с обширной речью. «...Я совершаю необычный шаг и лично выношу дело и руководящие принципы моей предвыборной кампании на наш национальный съезд. Я выступаю, испытывая чувство настоящей неотложности, порожденное тревогой и острыми проблемами, свидетелями которых я был во время поездок по всей Америке... Экономическая сторона данной предвыборной платформы на первый взгляд касается лишь материальных вещей, но сегодня вечером я затрагиваю и связанную с ней моральную проблему», — говорил Кеннеди. Далее он сказал, что призывает к тому, чтобы «высокие процентные ставки и людские несчастья не использовались в качестве ложного оружия в борьбе с инфляцией», чтобы обеспечение занятости было «первоочередной задачей экономической

политики». Демонстрируя свою лояльность к демократической партии в целом, Кеннеди обрушился на республиканцев, выдвинувших на своем съезде кандидатом в президенты Р. Рейгана. Эдвард говорил: «Те же самые республиканцы, которые говорят сейчас о критической безработице, выдвинули кандидатом человека, который однажды сказал, и я привожу его высказывание дословно: «Пособие по безработице — это план оплаченного отпуска для нахлебников...» Те же самые республиканцы, которые говорят о проблемах центральных районов в городах, выдвинули кандидатом человека, который однажды сказал, и я привожу его высказывание дословно: «В свои утренние и вечерние молитвы я каждый день включаю молитву о том, чтобы федеральные власти не оказали финансовой помощи Нью-Йорку...»»

Используя негативную оценку Р. Рейгана и курса республиканцев в целом, Кеннеди пытался в своей речи изобразить демократическую партию 80-х годов партией «новой свободы, нового курса и новых рубежей, партией новой надежды». При этом наряду с пышной и малозначащей риторикой Кеннеди высказывал и практические соображения по поводу стратегических направлений социальной и экономической политики США. Он предложил, в частности, отказаться от сокращения налогов, от урезания расходов на социальные нужды, от которого выигрывают в первую очередь наиболее обеспеченные слои населения, устранить все лазейки для неуплаты налогов, которыми в огромных масштабах пользуются богачи.

«Сокращение налогов, за которое выступает наш противник — кандидат от республиканской партии, лишь называется налоговой реформой. Это в высшей степени характерная для республиканцев концепция, которая приведет к перераспределению доходов не в том направлении. Это неплохое предложение, если ваш доход превышает 200 тыс. долларов в год... Подавляющее большинство американцев не может позволить себе принять эту панацею от кандидата на пост президента от республиканцев, который осудил прогрессивный подоходный налог, назвав его изобретением Карла Маркса. Боюсь, что он спутал Карла Маркса с Теодором Рузвельтом, этим ничем не проявившим себя президентом-республиканцем, который боролся за введение налоговой системы, основанной на оценке финансовых возможностей. Теодор Рузвельт не был Карлом Марксом, а республиканский план сокращения налогов — это не налоговая реформа». Ка-

саясь системы медицинского обслуживания, Кеннеди заявил: «...я буду по-прежнему выступать за национальную систему страхования на случай болезни. Мы не должны пасовать перед безудержной инфляцией в области медицинского обслуживания, которая может сделать банкротом чуть ли не каждого... Давайте настаивать на установлении реального контроля над платой, которую могут запросить у нас врачи и больницы. И давайте сделаем так, чтобы здоровье семьи никогда не могло зависеть от дохода семьи» [III—76; с. 714—717].

Речь Кеннеди на съезде не решила вопроса о том, кто будет выдвинут кандидатом от демократической партии. Еще до начала съезда в соответствии с результатами праймериз было predeterminedено выдвижение Картера, что и было формально вотировано его делегатами.

На состоявшихся 4 ноября 1980 года президентских выборах Дж. Картер потерпел сокрушительное поражение от Р. Рейгана: за него проголосовал лишь 41 % принявших участие в выборах американцев, за Рейгана — 51 %. Еще 7 % проголосовали за независимого кандидата Дж. Андерсона. Рейган одержал при этом победу в 44 штатах, что дало ему 483 голоса выборщиков; Картер победил только в 6 штатах, получив 49 голосов выборщиков. На проходивших одновременно выборах в палату представителей демократы потеряли 34 места, хотя им и удалось сохранить в ней большинство. В сенате, где переизбиралась треть его состава, большинство перешло к республиканцам, где они стали обладателями 53 мест из 100, тогда как перед выборами имели лишь 41 место. При этом на выборах в конгресс потерпели поражение многие видные деятели демократов: заместитель лидера демократического большинства в палате представителей Дж. Брадемас, председатель комитета по налогам и доходам палаты представителей Дж. Улльман, известные сенаторы-либералы Ф. Чёрч, Дж. Макговерн, Б. Бай, У. Магнусон, Дж. Калвер, Г. Нельсон и др. [III—100; с. 725].

На смену этим сенаторам пришли в основном право-консервативные деятели республиканской партии, известные своими стремлениями еще больше увеличить военные расходы, проводить непримиримый антисоветский курс на международной арене. Число близких к Кеннеди по внешнеполитическим и внутриполитическим воззрениям сенаторов заметно сократилось. Окрыленные своими победами право-консервативные республиканцы и праворадикальные организации поставили цель на выборах

1982 года вообще «выбить» из сената всех либералов, и вызывавшего у них особую ненависть Кеннеди в первую очередь.

Свидетельством углубляющегося кризиса американской буржуазной политической системы явилось то, что в выборах 1980 года участвовало лишь 52,3 % имеющих право голоса граждан США, а новый президент был избран менее чем 27 % голосов американского электората. Эти выборы показали, с одной стороны, что произошла определенная консолидация правых сил в рамках республиканской партии, а с другой стороны, что серьезное потрясение пережила созданная еще в период пребывания у власти президента Ф. Д. Рузвельта коалиция различных общественно-политических сил, на которую опиралась демократическая партия.

Глава XXIX

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ США НАЧАЛА 80-х ГОДОВ

Итоги выборов 1980 года не могли не повлиять на положение Эдварда Кеннеди и в сенате, и в политических руководящих кругах страны в целом. И здесь был важен даже не столько проигрыш Кеннеди Картеру в борьбе за выдвижение кандидатом на пост президента от демократической партии, сколько общий итог президентских выборов и выборов в конгресс.

Большинство ведущих политических деятелей сходились на том, что Кеннеди держался даже в очень сложной для себя ситуации, явно проигрывая Картеру, весьма стойко. На делегатов национального съезда демократической партии глубокое впечатление произвела его речь, прозвучавшая как манифест либерального крыла демократической партии. Многие профессионалы от политики, не соглашаясь с различными положениями этого «манифеста», в то же время отдавали должное тому, что Кеннеди не стал на ходу перестраивать свою платформу под растущие консервативные настроения у значительной части политически активного населения страны. Таким образом, своим поведением в ходе борьбы с Картером, особенно на финальном этапе, Кеннеди сделал определенный вклад в свой политический капитал для усиления своих позиций в политической жизни США 1980-х годов.

В сенате же после поражения на выборах 1980 года целой группы «столпов либерализма» Кеннеди оказался в более сложной обстановке, чем ранее. Непростым было положение Кеннеди и в партии. Большинство лидеров демократов были подавлены тем поражением, которое им нанесли республиканцы. Уныние и растерянность царили в их рядах после 4 ноября 1980 года. Особенно грустным выглядело положение либерального крыла демократической партии, в числе наиболее видных представителей которого и фигурировал сенатор Эдвард Кеннеди.

Рейгановская администрация, оценивая результаты выборов как получение некоего «мандата» на значительные изменения внутренней и внешней политики, начала проводить в жизнь многие из экстремистских положений платформы республиканской партии, подготовленной в первую очередь под воздействием правого крыла республиканцев.

Возможность реализации запланированных республиканским руководством мероприятий во многом определялась теми значительными изменениями в экономике и социально-политической обстановке в стране, которые вызревали в течение 15—20 предшествовавших лет.

Долгие годы в США господствовали концепции кейнсианского и неокейнсианского толка, в соответствии с которыми отдавалось предпочтение мерам, ориентированным на смягчение последствий экономических кризисов при помощи целого комплекса мер государственного вмешательства. В правящих кругах доминировали буржуазно-либеральные идеи в области социальной политики, предусматривавшие развитие системы социального страхования, проведение общественных работ в целях увеличения занятости, выплату на определенный срок пособий по безработице, оказание помощи престарелым и малоимущим американцам. Все эти меры были, разумеется, не проявлением «гуманизма» американского правящего класса, а способами предотвращения социально-политических взрывов в стране. И эти способы использовались все активнее в условиях относительно благоприятной экономической конъюнктуры 60-х годов, но становились все менее популярными в 70-х годах. В 70-х годах для многих стало очевидным и то, что перестали давать результаты методы экономического регулирования, которые в той или иной мере срабатывали в предшествующие десятилетия.

По-иному, нежели еще 7—8 лет назад, стали смотреть

на развитие международных отношений различные отряды американской буржуазии.

Удалось перейти в контрастступление военно-промышленному комплексу, который никак не мог смириться с теми потерями, которые принесла ему разрядка.

Успех контрастступления военно-промышленного комплекса во многом оказался обусловлен изменившимся подходом к разрядке, к международным отношениям и внешней политике США двух других групп американских монополий.

Монополисты — лидеры транснационального бизнеса либо видели в разрядке временную и вынужденную меру, на которую Соединенные Штаты заставило пойти такое экстраординарное событие, как их поражение во Вьетнаме, либо имели свое, сугубо упрощенное, недиалектическое представление о разрядке. Многие из этих монополистов и связанных с ними государственных и политических деятелей возлагали на разрядку надежды на «перерождение» СССР, на отказ Советского Союза от идеологической борьбы, на раздел мира на сферы влияния между СССР и США, даже на совместное поддержание социального (или по крайней мере политического) статус-кво в мире. Как известно, подобные нереальные надежды были вскоре опрокинуты развитием мировых событий.

СССР отнюдь не отказался от активной поддержки национально-освободительных движений. Что касается идеологической борьбы, то она носит объективный характер. Более того, в условиях разрядки усилились процессы объективных социальных перемен, укрепились позиции социалистического содружества, национально-освободительного движения развивающихся стран.

Американские транснациональные предприниматели в штыки встретили требования развивающихся стран об установлении «нового международного экономического порядка», участвующую национализацию имущества ТНК в различных районах мира. И хотя заграничные инвестиции американских монополий и масштабы их операций в 70-х годах продолжали расти (по некоторым параметрам даже быстрее, чем в предыдущие периоды), в целом международная обстановка к началу 80-х годов интерпретировалась подавляющим большинством предпринимателей данной группы как весьма неблагоприятная, требующая чрезвычайных политических и военно-политических мер.

В частности, значительно ослабленными оказались

позиции восьми ведущих транснациональных монополий (из которых пять американских) в общем объеме добычи нефти в капиталистическом мире: он упал с 70 % в 1963 году до 30 % в 1975 году. Сократилась их доля и в реализации нефтепродуктов, хотя и в меньшей степени, чем в добыче нефти. Приспосабливаясь к новым условиям, к требованиям развивающихся нефтедобывающих стран, транснациональные монополии пытаются сохранить свои позиции путем перемещения центра тяжести неокOLONиальной эксплуатации в «верхние этажи» производственного процесса и в сферу реализации.

Событием, без преувеличения потрясшим транснациональные деловые круги в США, было свержение монархии в Иране в 1978 году. При всей социально-политической противоречивости, неоднозначности данного события с точки зрения последующего развития Ирана можно констатировать, что по международным позициям американского империализма, в том числе по экономическим интересам американских ТНК, был нанесен сильный удар.

Под воздействием целого комплекса международных и внутренних факторов к началу 80-х годов изменилось и отношение многих ТНК к советско-американским торгово-экономическим и научно-техническим связям. В целом же получилось так, что советско-американское торговое и научно-техническое сотрудничество, успешно начавшее развиваться в начале 70-х годов, далее не получило своего логического продолжения, не достигло таких масштабов, чтобы стать существенным конструктивным фактором в подходе американских ТНК к центральным проблемам международных отношений.

Таким образом, в целом под воздействием совокупности вышеперечисленных обстоятельств в конце 70-х — начале 80-х годов лидеры транснационального бизнеса Америки вновь стали склоняться в сторону доминирующей роли военной силы в инструментарии внешней политики Соединенных Штатов. Очень многими монополистами были поставлены под сомнение идеи о возможности совмещения в отношениях с СССР экономического сотрудничества и политико-идеологического соперничества. В этой сфере стала представляться неверной столь еще популярная несколькими годами ранее ставка на противоборство с социалистическим содружеством и национально-освободительным движением с помощью экономических, идеологических и политико-дипломатических методов [III — 53; с. 54].

Американская буржуазия, представляющая компании, оперирующие почти исключительно на внутреннем рынке и не выполняющие крупных военных заказов, в 70-х — начале 80-х годов наиболее остро почувствовала ухудшение экономического положения в США по сравнению с предшествующими периодами. Это вызвало в ее среде панические настроения. Одновременно именно для этой группы буржуазии наиболее сложно усваиваемым оказался факт качественно возросшей зависимости США от внешнего мира.

Наиболее остро «внутренний» бизнес реагировал, в частности, на вторжение на американские рынки товаров из Японии, Тайваня, Южной Кореи, Гонконга, Сингапура, из ряда западноевропейских стран, вытесняющих в первую очередь продукцию мелких и средних фирм, для которых, поскольку они не имеют самостоятельного выхода на международные рынки, это часто оборачивается катастрофой. Подобным же образом многие компании данной группы относятся и к бурному росту в последние годы иностранных капиталовложений в США: происходит все более широкомасштабное внедрение японских и западноевропейских капиталов в американскую банковскую систему, интенсивная скупка земель и недвижимости арабскими шейхами и т. п. Эти явления, в значительной мере естественные в глазах транснациональных дельцов, особенно владельцев «старых денег» с Северо-Востока страны (уже на протяжении ряда поколений осуществляющих выгодное взаимодействие с западноевропейскими банками), совсем по-иному оцениваются «внутренним» американским бизнесом.

Энергетический кризис в США, действия стран — экспортеров нефти были одним из весьма важных факторов обострения националистических настроений в массе американской как крупной, так и мелкой и средней буржуазии.

Под воздействием ряда органов массовой информации многие американские предприниматели уверовали в то, что главным виновником, если не прямым, то косвенным, столь «неуважительного» отношения ОПЕК к Соединенным Штатам и их союзникам является — де Советский Союз: наличие у СССР необходимой военной мощи, состояние стратегического паритета между СССР и США не позволяют Соединенным Штатам применить против «распоясавшихся» нефтедобывающих стран грубую военную силу.

Значительную ленту в стимулирование подобной про-

паганды внесли не только монополии военно-промышленного комплекса, но и нефтяные транснациональные корпорации, стремившиеся отвлечь внимание общественности от своей неблагоприятной роли в кризисных энергетических ситуациях. Переложив вину за обострение энергетической проблемы в США на страны ОПЕК и стоящий якобы за их спиной Советский Союз, американские нефтяные компании сумели почти полностью изъять из повестки дня в общественной дискуссии по энергетическим вопросам идею о национализации главных компонентов энергетической промышленности. Они добились и такого общественно-политического климата в правящем классе в целом, который способствовал акциям по ослаблению регулирующей роли государства в энергетической сфере.

Мы уже говорили о том, к какому всплеску шовинизма в стране привел захват иранскими студентами заложников в посольстве США в Тегеране в ноябре 1979 года. Чувство ущемления национального самолюбия, национального унижения охватило в первую очередь многочисленную немонаполистическую буржуазию, «средние» слои американского общества. В значительной мере этими настроениями оказался охвачен и американский рабочий класс.

Захват иранцами американских заложников как бы катализировал все отмеченные выше тенденции в настроениях и взглядах различных групп американской буржуазии. Соответствующим образом были обыграны американской пропагандой и события в Афганистане 1979 года. Помощь Советского Союза ДРА фальсифицировано интерпретировалась большинством буржуазных органов массовой информации как шаг, направленный-де на выход к Персидскому заливу в целях установления контроля над главными запасами нефти «свободного мира», что создало бы угрозу для всего «американского образа жизни».

Все вышеизложенное, как представляется, помогает лучше понять истоки и причины поворота вправо внешней политики администрации Картера и еще большее ужесточение и милитаризацию внешнеполитического курса США, которую начала проводить после своего прихода к власти администрация Рейгана. У стоящих за спиной правительства Соединенных Штатов различных групп американской буржуазии на рубеже 70—80-х годов наблюдалось больше совпадения интересов и взглядов на международные отношения, чем это было в предше-

ствующий период. И это совпадение имело явно правый, милитаристский характер.

Приход к власти администрации Р. Рейгана после выборов 4 ноября 1980 года означал, по удачной оценке советского ученого С. М. Плеханова, победу коалиции сил правого экстремизма и республиканского консерватизма, которые явно оттеснили в сторону не только либеральные, но и центристские силы современной политической системы США.

Анализ политических связей администрации, ее действия в области внешней, военной и экономической политики убедительно говорят о том, что она в большей мере, чем другие администрации послевоенного периода, представляет интересы военно-промышленного комплекса.

Появление во главе исполнительной власти США калифорнийца Рейгана и множества членов кабинета — выходцев из Калифорнии, Техаса и других штатов Запада и Юга страны означало, что власти добились политические группировки регионов страны, где сосредоточены «молодые деньги», где тон задает монополистическая буржуазия, настроенная наиболее националистически. Эта буржуазия не в пример той среде, в которой вырос и действует Э. Кеннеди, не имеет того же опыта ведения международных дел, что обладатели «старых денег», сосредоточенные на Северо-Востоке и на Среднем Западе США — в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, Питтсбурге, Чикаго, Миннеаполисе и др.

После выборов 1980 года в Белом доме очутился представитель политической группировки, уже на протяжении более двух десятилетий добивавшейся этого, но ранее никогда не располагавшей полнотой исполнительной власти. Большинство деятелей рейгановской администрации не испытали на своей шкуре поражений политики «холодной войны», они не несли на себе бремени краха вьетнамской агрессии США, не были знакомы непосредственно и с позитивным опытом разрядки международной напряженности. Не обладая многообразным опытом оттесненного ими «восточного истеблишмента», накопленным многими поколениями этой долго державшейся у власти группировки правящей элиты, калифорнийцы и южане, ставшие задавать тон в Вашингтоне в начале 80-х годов, не понимали всей сложности современной системы международных отношений, плохо отдавали себе отчет в том, что могут и чего уже не могут себе позволить США на международной арене.

Горькая ирония истории заключается именно в том, что те представители правящего класса, которые после нескольких десятилетий лобовой конфронтации с социализмом признали необходимость мирного сосуществования, пошли на ряд важных конструктивных договоренностей с Советским Союзом, в настоящее время в результате длительной внутривластной борьбы оказались почти устраненными от основных внешнеполитических решений. Более того, в среде потерпевшего поражение «восточного истеблишмента» обнаружилось немало деятелей, поспешивших адаптироваться к новой расстановке политических сил в стране, подстроиться в своих выступлениях под тональность тех, кто образует ядро рейгановской коалиции.

Администрация Рейгана с первых же дней своего пребывания у власти повела линию на резкое сокращение и ограничение федеральных расходов на социальные нужды с параллельным наращиванием военных расходов. Одновременно ею был предложен целый комплекс мероприятий по снижению ставок индивидуального подоходного налога и по расширению налоговых и амортизационных льгот для частного капитала. Было объявлено о предложении администрации конгрессу осуществить «всеобъемлющее сокращение налоговых ставок» на 10 % в год в течение трех лет для всех, кто платит индивидуальные подоходные налоги. Для частных компаний предложено было ввести систему налоговых и амортизационных льгот, ориентированных на стимулирование их в осуществлении технического перевооружения предприятий и расширения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. По расчетам экспертов, обслуживающих администрацию, уже в 1982 финансовом году в результате реализации этих мер промышленные компании должны были получить дополнительно 10 млрд. долларов на капиталовложения, а в 1985 году — примерно 45 млрд. долларов.

Центральным компонентом внешнеполитического курса США стал махровый антисоветизм и антикоммунизм, который, опираясь на попытку обвинить во всех негативных явлениях международных отношений Советский Союз, ориентирован и на восстановление былой роли США в международных отношениях в целом, в том числе их гегемонии по отношению к другим развитым капиталистическим странам.

Комментируя «понимание» международных отношений администрацией Рейгана, известный американский

политический обозреватель Р. Стил писал в «Лос-Анджелес таймс»: «Есть что-то удивительно ободряющее в... склонности рассматривать повсюду одного-единственного противника. Ведь при таком подходе мир становится таким простым и понятным. На какие-то несколько минут это объяснение может показаться в высшей степени утешительным. Оно также потрясающе наивно. Беда в том, что президент, по-видимому, относится к нему серьезно... В аппарате Совета национальной безопасности сплотилась группа ортодоксов, мыслящих категориями «холодной войны» и считающих, что в мире нет места одновременно для нас и русских... Эти люди полагают, что либо русских надо разгромить, либо они должны капитулировать» [III — 91].

От захвативших в начале 80-х годов политическую инициативу деятелей в Вашингтоне не приходилось слышать о наличии совпадающих или хотя бы параллельных интересах между Соединенными Штатами и Советским Союзом, о чем в 70-х годах с позиций относительного реализма говорили представители администраций Никсона, Форда и даже Картера.

В первые месяцы пребывания у власти данной администрации до минимума, если не до нуля, были сведены дипломатические контакты, культурные и научные, правительственные связи, еще больше были ограничены в целом торгово-экономические отношения. До опасно малой величины был сведен тот «запас прочности» в советско-американских отношениях, который и без того был весьма уменьшен предыдущей администрацией.

На первый план был выведен конфронтационный военно-силовой аспект отношений. Администрацией самым активным образом ставились вопросы о возможности ведения «ограниченных» и «затяжных» ядерных войн, был снова поставлен в повестку дня, казалось бы, снятый навсегда вопрос о возможности «победы» во всеобщей ядерной войне, об активном использовании военной силы, в том числе ядерного оружия.

Ставя таким образом вопрос о взаимоотношениях с СССР, администрация продемонстрировала в своем мышлении сочетание авантюризма, полного отсутствия реализма в отношении сущности современного стратегического баланса, явного непонимания того, как легко можно вызвать самоубийственную ядерную войну.

Оценивая военно-политический курс администрации США, К. У. Черненко в своем докладе на торжественном заседании в Москве, посвященном 111-й годовщине

со дня рождения В. И. Ленина, отмечал: «...преступно рассматривать термоядерную войну как рациональное и чуть ли не «законное» продолжение политики. Сегодня любой ответственный государственный деятель обязан сознавать: упование на силу, на применение ракетно-ядерного оружия ставит под вопрос будущее человечества» [I—17; с. 16].

Жесткий характер приняла политика Вашингтона в отношении и многих других стран, в том числе в отношении союзников США по НАТО и Японии. Данная администрация в гораздо меньшей мере, чем ее предшественница, продемонстрировала готовность к учету отличных от американских интересов двух других главных «центров силы» капиталистического мира.

Одномерные и черно-белые представления о все более сложной системе международных отношений, попытки искать упрощенные, примитивные ответы на сложнейшие внешнеполитические проблемы после нескольких месяцев пребывания у власти Рейгана все чаще стали подвергаться критике различными видными политическими деятелями США, в первую очередь представителями «восточного истеблишмента».

Внешней политике рейгановской администрации, ее курсу на обострение международной напряженности, на возврат к повышению роли военного фактора в международных отношениях соответствуют и ее планы и действия в области строительства вооруженных сил США. И здесь администрация Рейгана пошла дальше своей предшественницы по наращиванию военной мощи: почти на 200 млрд. долларов предлагалось больше израсходовать на военные цели по пятилетней программе Рейгана по сравнению с наметками на тот же период администрации Картера. Если предыдущая администрация отказалась от производства и закупок нового тяжелого бомбардировщика Б-1, то правительство Рейгана запланировало к началу 90-х годов и Б-1 и еще более новый бомбардировщик, условно именуемый «Стелс». Поспешила нынешняя администрация и с решением о принятии на вооружение нейтронных боеприпасов, что до нее откладывалось под натиском антивоенного движения.

Более значительные усилия были предприняты по разработке лазерного и пучкового оружия, по милитаризации космоса, по развертыванию производства химического и бактериологического оружия и т. д.

Одновременно происходит увеличение обычных сухопутных сил. Провозглашена крупнейшая в послевоенной

истории США программа наращивания обычных военно-морских сил, которая должна обойтись налогоплательщику в огромные суммы.

В строительстве вооруженных сил в начале 80-х годов проявилась линия на отказ от стратегического паритета, с существованием которого соглашались администрации Никсона, Форда и Картера [III—123]. Была предпринята еще одна попытка достижения военного превосходства над СССР, о чем было прямо заявлено в платформе республиканской партии. В этой линии присутствовал и явный провокационный момент — стремление заставить Советский Союз создавать все более дорогие системы оружия в ответ на американские программы.

Теоретической базой усиления гонки вооружений служат различные «сценарии» ядерной войны, разработанные в Гудзоновском институте, в Институте оборонных исследований, в Джорджтаунском центре международных и стратегических исследований и в других «фабриках мысли» консервативного и правого толка. Обосновывая наращивание вооруженных сил, принятие на вооружение новых систем ядерных вооружений, Пентагон оперировал концепциями «ограниченной» и «затяжной» ядерной войны, разного рода схоластическими схемами о «кодифицированных» и «дозированных» ядерных ударах. Представители администрации заговорили вслед за некоторыми «сверхъестествами» в администрации Картера о возможности «победы» во всеобщей ядерной войне, о том, что-де Соединенные Штаты могут после массированного обмена ядерными ударами восстановить свою экономику до предвоенного уровня. Чудовищно звучат заявления, подобные тому, которое сделал директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению Ю. Росту: «Япония, кстати, не только выжила, но и стала процветать после ядерного нападения» [III—150; с. 28].

В первой половине 1981 года бюджетные предложения Рейгана почти не встретили серьезного сопротивления в конгрессе. Кеннеди и его сторонники в сенате даже и не пытались сколько-нибудь серьезно помешать прохождению рейгановского бюджета, видя, что это практически бесполезно. Весьма откровенно выразился в связи с этим один из единомышленников Кеннеди, сенатор А. Крэнстон: «Мы не можем позволить себе помешать президенту пытаться сделать то, ради чего он был избран. Мы не можем согласиться с каждой деталью про-

граммы, но, если бы мы выступили против нее в целом, это было бы плохо и для страны, и для демократов. Избиратели устранили бы (из Капитолия. — *Авт.*) многих из нас».

Но Кеннеди не отказался в принципе от критики политики администрации, тщательно выбирая для этого вопросы, по которым, как ему казалось, положение администрации в глазах многих политических деятелей и общественности наиболее шатко.

Увидев, какое нарастающее сопротивление встречают рейгановские планы военного вмешательства США на стороне диктаторского режима в Сальвадоре, Кеннеди в первую очередь подверг критике это направление внешней политики администрации. Увидев, что такая критика встречается многими в США позитивно, он добавил в нее еще ряд вопросов. Так, в своем выступлении 11 марта 1981 года он заявил, что президент Рейган «ошибается и в отношении Сальвадора, и в вопросе об ограничении ядерных вооружений, и в вопросе о правах человека, и в отношении продажи оружия Саудовской Аравии». В этом выступлении он назвал решение администрации отказаться от немедленного возобновления советско-американских переговоров об ограничении стратегических вооружений «недальновидным и опасным курсом», указав, что подобная позиция администрации ведет лишь к «бесконечной гонке ядерных вооружений» [III—162].

27 марта 1981 года Эдвард выступил с большой речью перед собранием членов влиятельного профсоюза механиков и работников аэрокосмической промышленности. В начале выступления сенатор подчеркнул, что он большую часть времени собирается посвятить обсуждению серьезных внутренних проблем, однако начнет с «ошибок и промахов», допускаемых администрацией Рейгана во внешней политике.

«Эта администрация публично солидаризировалась с правительством ЮАР, проводящим политику апартеида. Как может какая-либо администрация, считающая Советский Союз угрозой, проводить политику, которая прямо-таки приглашает русских к проникновению во всю остальную Африку? Я против разрядки, практикуемой администрацией в отношениях с ЮАР, ее политика — это оскорбление для всех американцев, которым дороги гражданские права. Я возражаю против любого намерения администрации оказать руководителям ЮАР честь, пригласив их с официальным визитом в Соединенные

Штаты. Администрация низвела контроль над вооружениями до положения какого-то малозначащего вопроса, я же считаю это важнейшей проблемой нашего времени, важнейшей проблемой во всей истории человечества. Я возражаю против того, что теперешняя администрация пренебрегает контролем над ядерными вооружениями. Мы должны стремиться жить в мире, в котором мы никогда не станем свидетелями войны, означающей конец человеческой цивилизации», — говорил Кеннеди.

Помня о своей зависимости от могущественной еврейской общины, и в первую очередь израильской группировки в ее среде, Кеннеди особо остановился на критике некоторых аспектов ближневосточной политики Рейгана, учитывая, что в этот момент упомянутые силы стали активно выступать против продажи американских самолетов Ф-15 Саудовской Аравии.

Говоря о внутривластном курсе Рейгана, Кеннеди, риторически взывая к аудитории, подверг сомнению всю основу этого курса. Он, в частности, сказал, что правительственные расходы не являются единственной или даже самой важной причиной инфляции; что расходы на здравоохранение и социальное обеспечение не являются единственной или даже главной причиной уменьшения производительности труда в США.

«Нам говорят, и это, безусловно, правильно, что мы не можем решить эти проблемы, просто-напросто выбрасывая на них деньги. Но это лишь полуправда, которой злоупотребляют для того, чтобы оправдать равнодушие и пренебрежение; вторая же часть правды заключается в том, что наша страна не может решить свои проблемы за счет сокращения налогов и бюджета, — подчеркивал Кеннеди. — Само собой разумеется, мы должны по возможности устранить из нашего бюджета ненужные, означающие пустое расточительство расходы, упразднить регламентирование, в котором нет необходимости.

Но мы не должны, у нас нет никакой необходимости упразднять дотации на образование, благодаря которым сотни и тысячи юношей и девушек, наших сыновей и дочерей, получили возможность учиться в колледжах; мы не должны упразднять программы здравоохранения, которые увеличили продолжительность нашей жизни и повысили ее качественный уровень» [III — 16].

Развивая свои идеи в области социальной и экономической политики, Кеннеди также заявил, что вместо упразднения программы жилищного строительства необ-

ходимо прикрыть налоговые лазейки, которыми к своей выгоде пользуются, например, спекулянты земельными участками, вместо отказа от школьных завтраков следует распрощаться с дорогостоящими деловыми завтраками, которые фактически представляют собой не что иное, как продовольственные талоны для богатых. Выступая подобным образом, Эдвард, как представитель либерального крыла американской монополистической буржуазии, отстаивал отнюдь не интересы трудящихся и обездоленных. Выражая взгляды наиболее дальновидной и просвещенной части правящих кругов США, он бил тревогу в связи с тем, что рейгановская откровенно пропредпринимательская политика означала углубление и обострение социально-классовых противоречий в стране, вела к усилению социальной и политической поляризации в стране, что в течение нескольких десятилетий после «великой депрессии» всячески старались предотвратить либеральные круги буржуазии и обслуживающие ее интересы политические деятели соответствующей направленности [II—55].

В линии Э. Кеннеди, противостоявшей политике рейгановской администрации, присутствовали также соображения эффективного противоборства и соревнования с СССР и другими социалистическими странами долгосрочного порядка. Так, выступая против сокращений государственных дотаций на образование, он имел в виду то, что это приведет в конечном счете к ослаблению американского научно-технического потенциала и очень дорого обойдется американскому капитализму в его соревновании с социализмом. В этом, как и во многих других вопросах социальной и экономической политики, явно просматривается преемственность линии Эдварда по отношению к тому, что делал его старший брат Джон на посту президента США, который в ответ на «вызов» со стороны Советского Союза в образовании, науке и технике, символом которого стал запуск СССР первого искусственного спутника Земли и первого в мире космонавта Юрия Гагарина, добился резкого усиления правительственных ассигнований в соответствующих областях.

В выступлениях Э. Кеннеди, как и его братьев Джона и Роберта, разумеется, не было недостатка и в антикоммунистических высказываниях, в заявлениях, искажающих сущность социалистического строя, внешней и внутренней политики КПСС, что свойственно в разных формах практически всем буржуазным политическим деятелям.

Остановливаясь на вопросах энергетической политики США, Э. Кеннеди подверг критике действия Рейгана в этой области, отталкиваясь в значительной мере от тех положений, которые он развивал еще 2—3 года перед этим, полемизируя с Картером. Он, в частности, заявил: «Вместо сокращения средств, выделяемых на оказание помощи тем, кому трудно платить за отопление, вместо сокращения средств, выделяемых на расширение использования угля, внедрение экономии энергоресурсов и освоение солнечной энергии, давайте упраздним федеральные субсидии на сумму 4,6 млрд. долларов, выделенные крупным нефтяным и газовым компаниям» [III—16].

Не упустил Кеннеди возможности в данной аудитории нанести удар и по своим противникам в сенате, в том числе по одному из наиболее рьяных сторонников Рейгана, правоконсервативному сенатору от штата Юта Орину Хэтчу, возглавившему после выборов 1980 года сенатский комитет по труду: «Те, кто пришел к власти в 1980 году, также представляют наиболее антипрофсоюзную администрацию и самый антирабочий конгресс в Америке за последние полвека, — заявил Кеннеди. — Председатель сенатской комиссии по труду — это человек, на которого ложится наибольшая доля ответственности за поражение реформы трудового законодательства. Председатель подкомиссии по труду поддерживает национальный закон о праве на труд. Большинство избранных коллег в принципе против идеи справедливых критериев в сфере труда. Они стремятся отменить закон Дэвиса — Бэкона и закон о контрактах на услуги. Они хотят, с другой стороны, усилить закон Ландрэма — Гриффина и передать контроль за его соблюдением министерству юстиции. Они хотят обратить во вред профсоюзам антитрестовские законы. Они потребовали отмены закона о технике безопасности и охране труда. Они хотят изменить федеральные уголовные законы так, чтобы членов профсоюза можно было подвергать судебному преследованию и бросать за тюремную решетку за осуществление ими своего права на пикетирование. Они даже хотят отнять у вас ваши рабочие места, разрешив нанимателям платить молодежи заработную плату ниже минимальной» [III—16].

Оценивая то, что имелось до 1981 года в американском трудовом законодательстве, Кеннеди признал, что это является «минимальной программой для людей труда и Америки в целом». Добиваясь укрепления своих

позиций среди членов этого влиятельного профсоюза и в профсоюзном движении в целом, Кеннеди заявил: «Я намерен сделать все, что в моих силах, чтобы действовать заодно с вами и против антипрофсоюзных, антирабочих экстремистов. Я согласился на положение ведущего демократа в сенатском комитете по вопросам труда, потому что принимаю близко к сердцу эти проблемы и считаю, что у демократов есть определенный долг перед вами и перед всеми трудящимися Америки в предстоящие трудные месяцы и годы.

Давайте же все вместе поклянемся, что регрессивные антирабочие меры не пройдут через сенат. Они не пройдут через палату представителей. Они не лягут на письменный стол президента, они не станут законами нашей страны» [III—16]. Оценивая это и другие «прорабочие» заявления Э. Кеннеди, необходимо отметить, что пропагандистски они были ориентированы на рабочую аудиторию страны в целом и, разумеется, на тех предпринимателей и буржуазных политических деятелей, которые продолжали оставаться сторонниками проведения и развития курса на сохранение «классового мира». Политически же они были обращены к части рабочего класса США, объединенной в профсоюзы, которые по сравнению, скажем, с профсоюзами ряда крупных западноевропейских стран охватывают значительно меньшее число лиц, работающих по найму [II—35].

Следуя этой линии, Эдвард в последующие месяцы оказал самое активное сопротивление попыткам сенаторов-рейгановцев реформировать трудовое законодательство. Выступая перед различными аудиториями, Кеннеди уже летом 1981 года начинает думать не только о текущей политике и перевыборах в сенат в 1982 году, но и о подготовке к президентским выборам 1984 года. Его люди формируют специальный «комитет политических действий» для сбора средств в фонд потенциальной избирательной кампании 1984 года. То же самое делает и бывший вице-президент Уолтер Мондейл, рассматривавшийся в этот момент как главный соперник в рамках демократической партии. Национальный комитет демократической партии разрешает Кеннеди и Мондейлу, как двум наиболее явным лидерам, ввести по два своих представителя в группу по подготовке проекта правил проведения выборов 1984 года. Кеннеди и Мондейл начинают регулярно посылать своих эмиссаров на различные заседания функционеров демократической партии. Один частный опрос общественного мнения, проведенный сре-

ди сторонников демократической партии в Калифорнии, показывает, что Кеннеди и Мондейл идут по степени своей популярности «голова к голове» (38 % за Кеннеди и 37 % за Мондейла). Кеннеди пользовался в соответствии с этим опросом большей популярностью среди черных, испаноговорящих, либералов, а Мондейл — среди консервативных демократов. Социолог, делавший опрос, пришел к заключению, что Кеннеди наиболее популярен среди традиционных демократов и что «ни один демократ не имеет такой базы, которая есть у Кеннеди». Другой опрос, проведенный среди профессиональных политиков, показал, что здесь уже Мондейл опережает по степени поддержки сенатора от Массачусетса [III—86; с. 40].

Помимо Кеннеди и Мондейла потенциальными кандидатами от демократической партии на выборах 1984 года летом 1981 года также считались сенатор от штата Огайо, бывший астронавт Джон Гленн, сенатор от штата Калифорния А. Крэнстон шестидесяти лет. За ними следовала группа более молодых политических деятелей с «президентскими амбициями»: сенатор от штата Колорадо Гэри Харт сорока трех лет, губернатор штата Западная Вирджиния Джей Рокфеллер сорока четырех лет, губернатор штата Кентукки Джон Браун сорока семи лет, сенатор от штата Нью-Джерси (бывший профессиональный баскетболист) Бил Брэдли тридцати восьми лет, губернатор штата Калифорния Джерри Браун сорока трех лет, сенатор от штата Делавэр Джо Байден тридцати восьми лет, губернатор Северной Каролины Джим Хайт сорока четырех лет.

Каждый из этих деятелей к этому времени уже успел сделать серьезные заявки на борьбу в кампании 1984 года. Например, Джей Рокфеллер, представитель династии Рокфеллеров, в кампании по перевыборам на пост губернатора в Западной Вирджинии затратил намного больше средств, чем, собственно, требовала эта кампания. Пропагандистские усилия его аппарата были в значительной мере направлены не столько на Западную Вирджинию, сколько на близлежащие штаты и на Вашингтон. В начале 1981 года он предпринял целое лекционное турне по стране, в ходе которого выступил в Денвере, Майами, Атланте и Луисвилле. Гэри Харт, бывший в 1972 году руководителем президентской кампании либерала Макговерна, приложил большие усилия для завоевания доверия у центристской части и у консервативного крыла демократической партии.

Летом и осенью 1981 года Э. Кеннеди и его аппарат внимательно наблюдали за развитием социально-экономической и политической обстановки в стране. Оппозиция администрации начала заметно усиливаться. По стране проводятся массовые митинги и демонстрации, кульминацией которых явилась организованная профсоюзами демонстрация в Вашингтоне, в которой приняло участие около полумиллиона человек, протестовавших против сокращения ассигнований на социальные нужды и антирабочих акций правительства.

Под воздействием этих выступлений по-иному начинают вести себя и многие члены конгресса, особенно те, кому предстояло переизбираться в 1982 году.

К концу 1981 года становится очевидным, что та коалиция в конгрессе, которая способствовала триумфальному прохождению бюджетных предложений администрации в начале этого же года, распадается. Эта коалиция состояла из республиканцев, консервативных демократов-южан и даже ряда демократов-центристов. В момент распада этой коалиции монолитными перестали быть даже республиканцы: в палате представителей выделилась значительная группа умеренных и либеральных конгрессменов-республиканцев из северо-восточных и среднезападных штатов, где многие избиратели из беднейших слоев сильно зависят от средств, выделяемых в рамках правительственных социальных программ. Эта группа конгрессменов открыто заявила, что она не может поддержать дальнейшее сокращение федеральных расходов на социальные нужды, поскольку это грозит ее членам поражением на предстоящих выборах в конгресс.

Что касается военных расходов, то и здесь осенью 1981 года Рейган начал встречать все более активное сопротивление в конгрессе, главным образом в палате представителей. Многие законодатели настаивали на том, чтобы в условиях ухудшения экономического положения в стране сокращались не только социальные программы, но и запрашиваемые военные ассигнования. Учитывая рост этих настроений, администрация пошла на чисто символическое сокращение запрашиваемых на военные нужды средств — на 2 млрд. долларов из 226 млрд. военного бюджета. Это не удовлетворило критиков раздутого военного бюджета, но администрации удалось провести через конгресс практически все, что ею намечалось. Большинство законодателей не решилось твердо выступить за ограничение военных расходов по политическим причинам, опасаясь в условиях сохраняю-

щихся на довольно высоком уровне милитаристских и шовинистических настроений быть обвиненными в «антипатриотических» действиях.

Взвинчивая военные расходы, добиваясь увеличения их доли в валовом национальном продукте США, в федеральном бюджете, администрация Рейгана пыталась доказать не только внешнеполитическую и военно-стратегическую необходимость этого, но и пользу для американской экономики в целом, стремясь вернуть к жизни те представления, которые были распространены среди американских предпринимателей еще до 60-х годов. Представители администрации усиленно рекламируют в деловых кругах мысль о том, что-де рост ассигнований на исследования и разработки в военных целях посредством передачи их результатов в невоенные сферы производства скажется благоприятно на развитии гражданской авиации, электронно-вычислительной техники, средств связи и т. д.

Одновременно, ориентируясь на профсоюзы и местных политических деятелей, представители администрации пытаются доказать, что рост военных расходов необходим с точки зрения сокращения безработицы.

Рост военных расходов, запланированный администрацией Рейгана, все активнее подвергается критике со стороны массовых общественных организаций, включая профсоюзы, — за то, что он происходит за счет ограничения и сокращения социальных расходов, за то, что это ведет к еще большему разрыву в доходах между верхними и нижними слоями общества, усиливает социальную поляризацию в стране.

Активную борьбу по проблеме «национальных приоритетов» развернули такие организации, как Коалиция за новую внешнюю и военную политику, Национальный центр за сокращение военных расходов, Межуниверситетский комитет за прекращение финансирования войны и милитаризма, Администраторы корпораций за новые «национальные приоритеты» и др. Со многими из них работники аппарата Кеннеди установили стабильные контакты.

Исследования, проводимые по заказу различных профсоюзов, убедительно говорят о том, что рост военных расходов не увеличивает занятость, а сокращает ее. В частности, было подсчитано, что каждый миллиард долларов, затраченный в военном секторе, означает потерю в 9 тыс. рабочих мест по сравнению с 1 млрд. долларов, истраченных в частном секторе в невоенной сфере,

и утрату 35 тыс. рабочих мест по сравнению с использованием таких же средств в общественном секторе на уровне штатов или местных властей. Исследование, проведенное Пенсильванским университетом конкретно для района Филадельфии, показывает, что сокращение военных расходов на 100 млн. долларов и передача такой же суммы для ведения общественных работ местным властям и развития локальной предпринимательской деятельности означали бы увеличение занятости в данной зоне более чем на 10 тыс. человек [III—29; с. 26].

В условиях, когда безработица в США превратилась в острейшую социальную проблему, подобные аргументы оказывали все большее воздействие на умы американских трудящихся. Усиливалось отрицательное отношение к наращиванию военных расходов и со стороны различных представителей господствующего класса США.

Кеннеди и многие его коллеги в конгрессе обнаружили, что в распределении средств на закупки военной техники, на исследования и разработки в военных целях проявляется четкая тенденция: они направляются в первую очередь в те штаты и районы страны, предприниматели и политические деятели которых образуют коалицию, приведшую к власти данную администрацию, — в районы Западного побережья США (в первую очередь Южной Калифорнии), Техаса, «глубокого Юга».

От резкого увеличения военных расходов выигрывали в первую очередь монополисты указанных районов, где и без того с 60-х годов складывалась более благоприятная экономическая конъюнктура, чем в других районах страны. Особый энтузиазм у многих калифорнийских промышленников и финансистов вызвало решение администрации Рейгана о закупке 100 тяжелых бомбардировщиков Б-1 у компании «Роквелл» (с этой компанией тесно связаны сотни других промышленных компаний и банков Калифорнии), заводы которой расположены преимущественно в южной части штата. Стоимость этих поставок составит около 10 млрд. долларов [III—163].

Некоторые расчеты показали, что реализация пятилетней военной программы Рейгана будет означать невиданную по своим масштабам за всю американскую историю перскачку налоговых поступлений в федеральную казну из штатов Северо-Востока на Юг и Западное побережье США. Таким образом в пользу последних будет перераспределено к 1987 году до 268 млрд. долларов [III—8; с.3].

Этот факт становится все более широко известным в деловых и политических кругах тех райнов страны, которые по планам Рейгана были призваны служить донорами для усиления экономического потенциала своих внутренних соперников. В силу того что эти планы негативно сказываются на экономическом положении корпораций Северо-Востока и Среднего Запада, они начинают все активнее выступать с критикой столь значительного и в определенной мере обременительного и для них наращивания военных расходов.

Критика в адрес чрезмерных военных ассигнований начала раздаваться и со стороны тех предпринимателей, которые были озабочены проблемами американской экономики в целом. Ряд исследований, проведенных по прямому указанию отдельных крупнейших промышленников и финансистов, с которыми у клана Кеннеди установились давние социальные и деловые связи (преимущественно из тех же северо-восточных штатов), не оставляли сомнений в том, что более высокая доля военных расходов США является прямой причиной того, что их конкурентные позиции по отношению к Японии и ряду западноевропейских стран, имеющих более низкий уровень военных расходов, оказались в последние 10—15 лет серьезно ослабленными. К такому выводу пришел, в частности, Б. К. Джексон из авторитетной на Уолл-стрите банковской фирмы «Браун бразерс, Гарриман энд К^о» [III—65].

Более высокий уровень военных расходов США повлиял, например, на то, что в течение только 70-х годов доля Соединенных Штатов в мировой торговле промышленными товарами упала с 21 до 17% несмотря на проведенную девальвацию доллара, сделавшую американский экспорт более дешевым, а импорт более дорогим. В добавление к этому подчеркивается, что американские компании за последние 20 лет потеряли весьма значительную долю рынка автомобилей, стали, сельскохозяйственных машин, бытовой электроники внутри самих США, уступив натиску японских, западногерманских, французских, шведских и прочих западноевропейских фирм.

За счет скачка в военных ассигнованиях, несмотря на многомиллиардные сокращения ассигнований на социальные цели в федеральном бюджете, резко увеличился бюджетный дефицит и государственный долг США, превзойдя в абсолютном и относительном выражении все, что имело место в прошлом. На 1983 финансовый

год дефицит федерального бюджета превзошел 100 млрд. долларов [III—108]. К 1985 финансовому году дефицит федерального бюджета вырастет примерно до 181 млрд. долларов — в первую очередь за счет постоянного наращивания администрацией Рейгана и поддерживающими ее силами в конгрессе военного бюджета [III — 67].

Рост дефицита федерального бюджета требует дополнительного выпуска на многомиллиардные суммы государственных ценных бумаг, которые распространяются на частном рынке капиталов. Тем самым уменьшается объем частных средств, которые могли бы быть инвестированы в промышленность, в обновление основного капитала, в создание новых производственных мощностей.

К тому же, как подчеркивалось в редакционной статье «Вашингтон пост», увеличение займов правительством для покрытия дефицита означает и рост банковской процентной ставки, что делает кредит менее доступным для потенциальных инвесторов [III — 164].

Отражая все более широко распространяемые настроения бизнесменов и политических деятелей Северо-Востока, «Нью-Йорк таймс» в редакционной статье писала: «Неспособный одновременно стимулировать экономическое и военное восстановление, президент в настоящее время отдает предпочтение быстрейшему наращиванию военной мощи, несмотря на то что возникающий вследствие этого бюджетный дефицит угрожает экономическому восстановлению. Возможно, он считает сейчас, что пушки — более неотложная задача, чем производительность. Может быть, он разочаровался в своей способности направлять экономику и стремится достичь хотя бы одной из двух обещанных целей. Смещение очевидно, и ошибка имеет огромные последствия» [III — 107].

В этой статье также отмечалось, что Рейган при слабом состоянии экономики не сможет реализовать и поставленных им военных целей, не сможет выдержать той гонки вооружений, которую администрация пытается навязать Советскому Союзу. «Не сможет Америка... и сохранить свой союз посредством применения силы. Что сегодня потрясает Запад — так это такие вещи, как энергетические шоки, экономический спад и высокий уровень учетных ставок. Экономическое здоровье на этом фронте весит гораздо больше, чем ракеты» [III—107].

Действиям администрации Рейгана по наращиванию военного бюджета в ущерб потребностям общего экономического развития США противопоставлялась все более

острая проблема приходящей в упадок инфраструктуры, особенно в штатах Северо-Востока страны. Проблема инфраструктуры усугублялась сокращением помощи федеральных властей штатам и городам на ремонт дорог, мостов, на предотвращение загрязнения окружающей среды.

В журнале «Ньюсуик» отмечалось: «Американская инфраструктура — гигантская и жизненно важная система шоссе, дорог, мостов, канализации, железных дорог и общественного транспорта — идет к развалу. Упадок наиболее остро ощущается в более старых промышленных городах, однако забытые шоссе и перенапряженные системы водоснабжения угрожают задушить и бурно растущие города солнечного пояса, и даже в пыльных сельских районах ямы на дорогах калечат автомашины и треплют нервы автомобилистам». Стоимость необходимых вложений в инфраструктуру, чтобы она сохранилась на современном уровне, определяется в три триллиона долларов [III—112].

Как подчеркнул главный экономист питтсбургского «Меллон бэнк» Н. Робертсон, дополнительные деньги на военные нужды с гораздо большей пользой для страны могли бы быть истрачены непосредственно федеральным правительством для восстановления и развития инфраструктуры. Если не вкладывать сегодня же крупных средств в инфраструктуру, то ее состояние в США очень скоро станет таким же, как и в Англии — одной из наиболее отсталых в этом отношении крупных стран Западной Европы [III—106].

Критические американские исследования также говорят о том, что в последние 15—20 лет передача научно-технических достижений из военной в гражданскую промышленность США заметно замедлилась. «На протяжении двух последних десятилетий в промышленности США зафиксирована слабая трансформация достижений военной техники в высококонкурентоспособные товары гражданского назначения. Например, в то время как выделенные на исследования в военных целях средства обеспечили развитие полупроводниковых интегральных схем, не кто иной, как японцы, успешно использовали новую технику для снижения издержек при производстве телевизоров и радиоприемников. И хотя аэрокосмическая промышленность почти полностью является детищем американского «ноу-хау», европейский конгломерат «Эйрбас индастри» проложил недавно широкую дорогу на рынок гражданских самолетов. В то же время «Лок-

хид» и, видимо, «Макдоннелл-Дуглас» прекращают производство гражданских самолетов. Вскоре «Боинг» может остаться единственной американской фирмой, способной бросить вызов «Эйрбас индастри» [III — 29; с. 22], — отмечалось в исследовании Совета по экономическим приоритетам.

В одном из исследований нью-йоркского Совета по экономическим приоритетам, опубликованном в мае 1982 года (авторами его были Р. Деграсс и У. Рейджен), также отмечалось, что военная техника становится все менее пригодной для коммерческого применения, где экономичность и надежность важнее новизны и технических показателей. Так, например, военные потребности толкают развитие микроэлементов для компьютеров в США в сторону увеличения скоростей ценой увеличения стоимости; в то же время японские фирмы создают более дешевые и очень надежные микроэлементы большой емкости. На рынке, где США занимали некогда господствующее положение, 70 % запоминающих устройств последнего поколения, продаваемых в США, изготавливается в Японии.

Исключительно велики инфляционные последствия скачка в военных расходах. Рост цен при закупках военной техники в начале 80-х годов уже составил до 20 % в год. При реализации новых программ он может дойти до 35 % в год. Резко увеличилась стоимость многих видов сырья, широко используемых в военных отраслях: стоимость таких металлов, как титан, магний, марганец, хром, медь, может в результате наращивания военного производства возрасти до 650 % (!) [III — 31; с. 14].

Все эти аспекты нового витка усиления милитаризации американской экономики принимали во внимание в своей политической деятельности Э. Кеннеди и его единомышленники в сенате, в руководстве демократической партии США. Под влиянием таких настроений в соответствующих группировках деловых кругов начали более критически выступать по отношению к «избыточному милитаризму» администрации Рейгана такие политические деятели, как У. Мондейл и Г. Харт.

Оценивая общее внутривластное положение администрации Рейгана, в 1982 году большинство обозревателей обращало внимание на состояние американской экономики. В основном оно явно отличалось от того, что обещала администрация. Вместо обещанного подъема промышленного производства и деловой активности в целом — углубляющийся спад и как следствие этого —

безработица, уменьшение капитальных вложений и т. п. Лишь с темпами инфляции у администрации Рейгана дела обстояли лучше, чем у ее предшественницы. Однако пропаганде Белого дома удавалось пока убедить значительную часть американцев, что главные позитивные результаты «рейганомики» еще впереди. Здесь, видимо, сказывалось то, что хотя многие предприниматели, средние городские слои и были недовольны экономическим положением страны, но не видели альтернативы курсу администрации Рейгана в условиях дискредитации либеральных социально-экономических концепций, доминировавших в США в предшествующие десятилетия.

У тех же предпринимателей, которые были охвачены обоснованными опасениями возможных катастрофических последствий «рейганомики», недовольство экономической политикой администрации в значительной мере компенсировалось их удовлетворенностью жесткими и бескомпромиссными действиями Рейгана по подавлению забастовочного движения, по ужесточению антирабочей политики, в чем он действовал явно злее Картера.

Предприниматели, особенно нувориши «большого бизнеса», были признательны Рейгану за то, что его администрация чаще и откровеннее, чем любая другая администрация после Гардинга, подчеркивает ценность идеалов «свободного предпринимательства», индивидуализма. Администрация как бы воссоздавала дорузвельтовскую атмосферу, в которой можно немногим наслаждаться в открытую своим богатством, не оглядываясь на десятки миллионов обездоленных безработных, престарелых, живущих в нищете.

Лично Рейган и члены его администрации, видимо, подвергались бы гораздо более сильным нападкам со стороны своих политических противников в рамках правящей элиты, если бы не общеклассовые интересы по укреплению института президентской власти, ослабленного уотергейтским скандалом и малоэффективными президентствами Дж. Форда и Дж. Картера. Этим можно объяснить, как представляется, то, что целое созвездие историй о взяточничестве и тесных связях с организованной преступностью видных членов администрации не было использовано в 1981—1982 годах ни Э. Кеннеди, ни другими лидерами демократов для нанесения чувствительных ударов по администрации, как это принято в политической жизни США.

Важным показателем общеполитического положения

администрации были прошедшие в ноябре 1982 года так называемые промежуточные выборы, на которых переизбирались весь состав палаты представителей, треть сенаторов и губернаторов штатов, а также легислатуры штатов. Республиканцы потеряли в палате представителей 27 мест. Это еще более упрочило в ней позиции демократов. Республиканцам удалось сохранить большинство в сенате. Большой успех сопутствовал демократам на выборах губернаторов и в легислатуры штатов. После выборов в руках демократов 35 из 50 постов губернаторов, 34 легислатуры. Оказалось, что потерпели поражение на выборах в конгресс почти все кандидаты от республиканцев, агитировать за которых приезжал в их округа сам президент.

Оценивая в целом ситуацию в США в 1982 году, можно было заключить, что сопротивление курсу Рейгана в области внешней и военной политики усиливалось как на массовом уровне, так и в рамках самой правящей элиты. В отношении наиболее экстремистских его проявлений начала формироваться среди видных политических деятелей определенная оппозиция, главным образом из числа представителей «восточного истеблишмента», заинтересованного в ослаблении позиций данной администрации и сугубо по внутривнутриполитическим причинам.

Процессы, которые способствовали приходу к власти администрации Рейгана, формированию и началу проведения его политики, носили сравнительно долгосрочный характер: они вызревали по крайней мере в течение всей второй половины 70-х годов, и изменения в сочетании факторов, воздействующих на эту политику, — это процесс, который должен был, видимо, занять также несколько лет.

Это обстоятельство полностью учитывали Э. Кеннеди и его «команда», продолжая даже в условиях роста оппозиционных настроений в отношении администрации выступать с критикой в ее адрес со всякого рода оговорками. Не просто усилить критику в адрес военной и внешней политики администрации Рейгана, но сформулировать один из вариантов альтернативы этой политике помогло развернувшееся в США движение за замораживание ядерного оружия. Большой силы это движение достигло в штате Массачусетс, от которого Кеннеди предстояло переизбираться в сенат в ноябре 1982 года.

Это широкое общественное движение направило свои усилия фактически против всех основных планов рейгановской администрации по наращиванию ядерных арсе-

налов США. В борьбе с этим движением администрация сделала ставку в первую очередь на его дискредитацию, используя при этом самые грубые приемы шельмования. Администрация поторопилась обвинить это движение в том, что оно-де инспирировано «агентами Кремля», а всех, кто его поддерживает, — пособниками врага. Учитывая возникшую нервозную обстановку вокруг движения за замораживание ядерных арсеналов, помощники Эдварда не рекомендовали ему торопиться, с тем чтобы как-то идентифицировать себя с этим движением. Кеннеди съездил в Массачусетс, повстречался с лидерами этого движения в своем штате и принял вопреки рекомендациям своих помощников решение об активной поддержке этого движения. Он увидел в нем реальную политическую силу и дополнительную возможность для популяризации своего имени через каналы организаций, участвующих в этом движении.

Уже весной 1982 года в поддержку замораживания ядерного оружия выступили 195 городских советов в различных районах страны. В восьми штатах развернулась широчайшая подготовка к референдуму по этому вопросу. Огромное внимание в США привлекла книга журналиста Джонатана Шелла под названием «Судьба Земли», в которой убедительно показывалось, что в случае ядерной войны все живое на планете подвергнется уничтожению. Как писал американский журналист Брюс Ван-Вурст, «что-то фундаментальное изменилось в американском восприятии ядерной угрозы». Специалист по общественному мнению П. Кэдделл сделал вывод о том, что это движение «является наиболее важным со времен движения за охрану окружающей среды в конце 60-х годов» [III—46; с.82—83].

Ориентируясь на эти настроения, Э. Кеннеди совместно с либеральным сенатором-республиканцем М. Хэтфилдом предлагает сенату резолюцию о замораживании. Эта резолюция блокируется противниками данных сенаторов, однако ее проект широко обсуждается средствами массовой информации, что приносит Эдварду определенные политические дивиденды. При этом позиция Кеннеди морально и политически подкрепляется тем, что в палате представителей, где большинство в руках у демократов, комитет по иностранным делам принимает аналогичную резолюцию.

Кеннеди и Хэтфилд в срочном порядке выпускают книгу о замораживании ядерного оружия, которая широко рекламируется их сторонниками. Главные их тезисы

состоят в том, что у СССР и США имеется достаточно средств для взаимного уничтожения и что не может быть никаких «ограниченных» ядерных войн.

Э. Кеннеди и М. Хэтфилд, в частности, писали, что в современных условиях, когда только Советский Союз и Соединенные Штаты обладают около 47 тыс. ядерных боеприпасов, никакие аналогии, которыми любят оперировать представители администрации, между разрушениями второй мировой войны, даже с учетом двух американских атомных бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, и разрушениями потенциальной третьей мировой войны недопустимы [III—74; с. 67].

24 марта 1982 года Э. Кеннеди выступил с речью, выслушанной с большим вниманием, на конференции руководителей ряда организаций американских деловых кругов. Он подчеркнул, что пришел на эту конференцию, чтобы обсудить перспективы американской экономики, однако хочет в то же время начать с некоторых вопросов внешней политики.

Критический заход в адрес внешней политики Рейгана был у Кеннеди довольно своеобразен. Эдвард сказал, что он хочет выразить категорическое несогласие с «фантастической идеей» администрации Рейгана, которая хочет придать кризису в Сальвадоре и Центральной Америке глобальный характер, «возможно, даже путем вовлечения Советского Союза в решение дальнейшей судьбы» западного полушария. Такой курс США был бы, по мнению Кеннеди, принципиальной ошибкой; он позволил бы «Советскому Союзу играть важную роль в Центральной Америке» [III—16].

Вторым внешнеполитическим вопросом, на котором в этой речи решил остановиться Кеннеди, был вопрос о предотвращении ядерной войны. Он сказал: «Мы должны отвергнуть опасную теорию, гласящую, что в ядерной войне можно одержать победу и что поэтому мы можем себе позволить вести такую войну. Я верю в сильную национальную оборону, но отвергаю безрассудную политику, которая может привести к международной катастрофе» [III—16].

Касаясь экономических вопросов, Кеннеди заявил, что пора освободить экономику от теории «рейганистов», ориентирующейся на предложение, что вместо этого необходима какая-то «ответственная двухпартийная альтернатива», для того чтобы спасти страну от социально-экономического кризиса.

Учитывая характер предпринимательской аудитории,

в которой в начале 1982 года оставались популярными идеи о сокращении налогов, дерегулировании различных отраслей экономики и ограничении расходов федерального правительства, Кеннеди постарался изобразить себя сторонником этих мероприятий. Он сказал, что он много раз за последние месяцы и за последние годы обещал свою поддержку справедливой политике снижения налогов, сокращения бюджета и реформы мер по регламентированию. Он также подчеркнул, что поддерживает конкуренцию, заявив: «Я горжусь тем, что два самых значительных решения об отмене таких мер за последние 10 лет — это законы, принятые по моей инициативе: об отмене ненужного контроля правительства над авиатранспортными компаниями и грузовыми автомобильными перевозками, а также о предоставлении свободы действий системе свободного предпринимательства. Я отвергаю нынешнюю политику, в основе которой лежит опора на непрекращающийся спад в качестве средства обуздания инфляции и которая сейчас привела к рекордному уровню безработицы и рекордным дефицитам в бюджете. Невероятно, величайшим экономическим парадоксом нашего времени является то, что президент, который пришел к власти с торжественным обещанием обеспечить занятость и сбалансировать федеральный бюджет, войдет в историю как президент, при котором безработица достигла самого высокого уровня со времени «великой депрессии», а дефициты — рекордного уровня за всю нашу историю. Я полагаю, что практически все члены конгресса понимают, что мы переживаем бюджетный кризис» [III—16].

Далее Кеннеди предложил ряд мер по оздоровлению американской экономики в качестве альтернативы рейгановской политике. Он, в частности, заявил, что необходимо уменьшить военный бюджет.

Касаясь вопросов внешнеэкономической политики США, Кеннеди в качестве своего кредо изложил следующее: «Мы должны настаивать не только на свободной торговле, но и на торговле честной. Если мы открываем свои богатые рынки для наших зарубежных друзей, то мы должны требовать в ответ, чтобы они устранили несправедливые барьеры, закрывающие доступ нашим товарам на их рынки. Америка не должна становиться посредственностью в международной экономике».

Далее, как и в ряде других своих выступлений, он непосредственно связал сокращение федеральных ассигнований на социальные и культурные нужды с еще боль-

шим потенциальным ослаблением американских позиций перед лицом все более грозных японских и западноевропейских конкурентов: «Сокращение таких федеральных программ, как программы в области образования и профессиональной подготовки, которые представляют собой жизненно необходимые вклады в «людовую капитал», — это недальновидная политика. Мы не можем конкурировать с Европой и Японией, если следующее поколение американцев будет недостаточно образованным и не будет иметь достаточно высокого уровня профессиональной подготовки» [III—16].

Выступая подобным образом, Э. Кеннеди в значительной мере солидаризировался с сенатором Г. Хартом и единомышленниками последнего, которые шаг за шагом усиливали свои позиции в демократической партии, пытаясь сформулировать альтернативу ее традиционной политике в этой области, символом которой стал У. Мондейл, занимавший пост вице-президента в администрации Дж. Картера.

* * *

В середине 80-х годов, пройдя более чем двадцатилетний путь деятельности в сенате в демократической партии, Э. Кеннеди вступил в период политической зрелости. Несмотря на все превратности своей карьеры, он закрепился в качестве одного из ведущих деятелей демократической партии США, став лидером ее либерального крыла.

В отличие от многих других буржуазных политиков Э. Кеннеди, следуя традициям своих братьев Джона и Роберта, действует по целому ряду направлений изоощреннее и дальновиднее. Это особенно проявляется в его подходе к международно-политическим проблемам, в том числе к вопросам советско-американских отношений. Являясь активным классовым противником социализма, Э. Кеннеди одновременно представляет тех реально мыслящих деятелей Америки, которые, по крайней мере в настоящее время, не видят иного пути ведения дел с Советским Союзом и другими государствами социалистического содружества, кроме как в рамках мирного сосуществования, предусматривающего в первую очередь сохранение мира, ограничение вооружений и разоружение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несколько десятилетий активной политической и государственной деятельности братьев Джона, Роберта и Эдварда Кеннеди приходятся на период значительных изменений в мировой политике, в положении США в системе международных отношений, в американской внутриполитической жизни. В эти годы значительно выросло могущество Советского Союза и социалистического содружества, возникло множество суверенных государств, освободившихся от колониального ига и полуколониальной зависимости. Соединенные Штаты утратили свое положение абсолютного гегемона в капиталистическом мире перед лицом относительного усиления позиций двух других главных центров империализма — Западной Европы и Японии. Приспособление к новым реальностям международных отношений у правящих кругов США происходило неравномерно, зигзагами, которые приводили и к всплескам гонки вооружений, и к возникновению опаснейших международных кризисов. По вине наиболее реакционных и авантюристических группировок американских правящих кругов в эти годы мир неоднократно подводился к грани опаснейшей военной конфронтации. Зачастую непоследовательность в вопросах войны и мира проявляли и умеренные деятели, в том числе президент Джон Кеннеди.

В то же время этот крупный буржуазный государственный деятель неоднократно занимал в ряде кризисных ситуаций реалистические позиции, позволявшие избежать термоядерной катастрофы и найти взаимоприемлемое компромиссное решение в пользу укрепления международной безопасности.

Джону и Роберту Кеннеди не довелось дожить до периода заметной разрядки в советско-американских отношениях. Однако они сделали немало для того, чтобы с американской стороны сложились необходимые субъективные предпосылки, позволившие объективным обстоятельствам трансформироваться в политику разрядки. Несмотря на то что этот период был относительно

недолог в советско-американских отношениях, он остался важной вехой в их истории, о чем, в частности, постоянно напоминают Эдвард Кеннеди и его единомышленники в правящих кругах США.

Соотношение сил в конце 70-х — начале 80-х годов в США изменилось таким образом, что политическую инициативу захватили правоконсервативные и крайне правые группировки правящих кругов. Эти группировки в условиях дальнейшего ослабления позиций США в системе международных отношений делают ставку не на гибкое приспособление к изменяющимся условиям, а на усиление военных приготовлений. Резкое наращивание военной мощи в современных условиях призвано, по их замыслам, по крайней мере скомпенсировать ослабление позиций американского империализма в экономической, научно-технической и идеологической сферах. Обостряя военно-политическую конфронтацию с социалистическим содружеством, эти круги одновременно добиваются свертывания экономических связей Восток — Запад, разжигают «психологическую войну», подменяя ею борьбу идеологическую.

Вызванное действиями империалистических авантюристов усиление военной опасности, осознание катастрофичности для всего живого на Земле ядерной войны вызвали в 80-е годы новый мощный подъем антиядерного и антивоенного движения в США и других развитых капиталистических странах. Это движение весьма разнородно по своему социальному и политическому составу, ему подчас не хватает организованности и целеустремленности, оно уже имело и будет иметь как подъемы, так и спады. Но при всем этом оно превратилось в весьма важный фактор политической жизни Запада, да и международных отношений в целом. Это не могут не осознавать буржуазные политические деятели типа Эдварда Кеннеди, на подход которых к проблемам войны и мира, ограничения вооружений и разоружения влияет не только стремление к самосохранению, но и размах антиядерного движения, в которое оказались вовлечены и представители буржуазных слоев. «Ныне происходит небывалая политизация населения в капиталистических странах, налицо растущее вторжение масс во внешнюю политику»¹, — отмечал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев.

¹ Пономарев Б. Н. Твердым ленинским курсом. — Правда, 1984, 23 февраля.

Действовать с оглядкой на этот курс приходилось и политическим деятелям Запада, которых никак нельзя отнести к умеренным. Будучи не в состоянии не учитывать роли массового антиядерного движения, они, во-первых, предпринимали самые энергичные усилия по его расколу и шельмованию, во-вторых, занимались камуфляжем и словесной эквилибристикой, призванной создать «дымовую завесу», под прикрытием которой продолжалась бы гонка вооружений.

События первой половины 80-х годов показывают, как трудно переломить деструктивную тенденцию во внешнеполитическом курсе США, которая привела к резкому обострению международной обстановки, к новому раскручиванию гонки вооружений.

«Опасность империалистической политики непрерывного нагнетания напряженности стала очевидной. Чем большую угрозу создает она человеческой цивилизации, тем активнее становятся силы самосохранения человечества. Растет возмущение в Западной Европе действиями тех, кто приносит ее безопасность в жертву имперским амбициям Вашингтона. Миллионы участников антиракетного движения говорят об этом выразительным языком.

Руководящие деятели стран Запада, влиятельные политические партии также далеко не все одобряют авантюризм администрации США. Он беспокоит и значительную часть общественности самой Америки. Там все яснее понимают, что форсированная милитаризация и обострение международной обстановки не дали и не дадут США военного превосходства и политических успехов. Они лишь ведут к нарастанию повсюду в мире критики воинственного курса Вашингтона.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, МАТЕРИАЛЫ И ЛИТЕРАТУРА

I

1. *Маркс К.* Гражданская война в Северной Америке. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 15.
2. *Маркс К.* Обращение к Национальному рабочему союзу Соединенных Штатов. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4.
4. *Энгельс Ф.* Президентские выборы в Америке. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22.
5. *Энгельс Ф.* Роль насилия в истории. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21.
6. *Ленин В. И.* Тетради по империализму. — Полн. собр. соч., т. 28.
7. *Ленин В. И.* Итоги и значение президентских выборов в Америке. — Полн. собр. соч., т. 22.
8. *Ленин В. И.* VIII съезд РКП(б) 18–23 марта 1919 г. Доклад о партийной программе 19 марта. — Полн. собр. соч., т. 38.
9. *Ленин В. И.* Государство и революция. — Полн. собр. соч., т. 33.
10. *Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. — Полн. собр. соч., т. 27.
11. *Ленин В. И.* Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический. — Полн. собр. соч., т. 30.
12. *Ленин В. И.* Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта. — Полн. собр. соч., т. 45.
13. *Горбачев М. С.* Живое творчество народа. М., 1985.
14. *Андропов Ю. В.* Ленинизм — неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. Избранные речи и статьи. М., 1984.
15. *Андропов Ю. В.* Избранные речи и статьи, 2-е изд. М., 1983.
16. *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речь и статьи. М., 1983.
17. *Черненко К. У.* Сверяясь с Лениным, действуя по-ленински. Доклад на торжественном заседании в Москве, посвященном 111-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина 22 апреля 1981 года. М., 1981.
18. Визит Леонида Ильича Брежнева в Республику Куба. М., 1974.
19. *Громыко А. А.* Отстоять мир на Земле. Выступление на XXXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН 1 октября 1982 г. М., 1982.
20. *Устинов Д. Ф.* Служим Родине, делу коммунизма. М., 1982.
21. *Пономарев Б. Н.* Избранное. Речь и статьи. М., 1977.
22. *Зимянин М. В.* Ленинизм — революционное знамя нашей эпохи. М., 1977.
23. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971.
24. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
25. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.

26. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. М., 1983.
27. Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 13 февраля 1984 года. М., 1984.
28. Меморандум Правительства СССР от 15 марта 1962 г.— Правда, 1962, 17 марта.
29. Заявление правительств — участников Варшавского Договора. — Известия, 1961, 14 августа.

И

1. Американское общественное мнение и политика. М., 1978.
2. *Арбатов Г. А.* Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М., 1970.
3. *Арбатов А. Г.* Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. М., 1980.
4. *Бугров Е. В.* США: нефтяные концерны и государство. М., 1978.
5. *Власихин В. А.* Служба обвинения в США: закон и политика. М., 1981.
6. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1962 год. М., 1963.
7. Внешняя политика СССР. М., 1968.
8. *Воронцов Г. А., Уткин А. И.* Атлантические союзники: новые тенденции в соперничестве. М., 1983.
9. *Геевский И. А.* Мафия, ЦРУ, Уотергейт. М., 1983.
10. *Геевский И. А.* Политика правящих кругов США в негритянском вопросе. 1945—1968 гг. Автореферат диссертации докт. ист. наук. М., 1977.
11. *Геевский И. А.* США: негритянская проблема. М., 1973.
12. *Громыко А. А.* Внешняя экспансия капитала. История и современность. М., 1982.
13. *Громыко Анатолий.* 1036 дней президента Кеннеди. М., 1968.
14. Движущие силы внешней политики США. М., 1965.
15. *Долгополова Н. А.* «Национальные приоритеты» США. Дебаты и политика. М., 1982.
16. *Емельянов Ю. В.* Политика США в отношении Кубы в 1959—1976 гг. Автореферат диссертации канд. ист. наук. М., 1978.
17. *Журкин В. В.* США и международно-политические кризисы. М., 1975.
18. *Зорин Валентин.* Доллары и политика Вашингтона. М., 1964.
19. *Зорин Валентин.* Мистеры и миллиарды. М., 1972.
20. *Иванов Р. Ф.* Дуайт Эйзенхауэр. М., 1983.
21. *Иванов Ю. А.* Роль конгресса в формировании внешней политики США в 70-х годах XX столетия. Автореферат канд. диссертации. М., 1978.
22. *Иванян Э. А.* Белый дом: президенты и политика. М., 1979.
23. История внешней политики СССР. Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева, т. 2. М., 1976.
24. История дипломатии, том V, книга первая. М., 1974.
25. *Кременюк В. А.* Политика США в развивающихся странах. Проблемы конфликтных ситуаций. 1945—1976. М., 1977.
26. *Лан В. И.* США в военные и послевоенные годы. М., 1978.
27. *Лебедев Н. И.* СССР в мировой политике. М., 1982.
28. Международная жизнь, 1962, № 7.

29. *Мельников Ю. М.* От Потсдама к Гуаму. Очерки американской дипломатии. М., 1974.
30. *Мишин А. А.* Государственное право США. М., 1976.
31. *Молчанов Н. Н.* Генерал де Голль. М., 1972.
32. *Печатнов В. О.* Демократическая партия США: избиратели и политика. М., 1980.
33. *Плеханов С. М.* Праворадикальная традиция и современное праворадикальное политическое сознание. — В кн.: Современное политическое сознание США (отв. ред. Ю. А. Замошкин, Э. Я. Баталов). М., 1980.
34. *Подлесный П. Т.* СССР и США: 50 лет дипломатических отношений. М., 1983.
35. *Попов А. А.* США: государство и профсоюзы. М., 1974.
36. Правда, 1961, 10 сентября.
37. Правда, 1962, 29 октября.
38. Правда, 1963, 6 августа.
39. Проблемы и противоречия американской экономики. М., 1978.
40. Разрядка международной напряженности и идеологическая борьба (отв. ред. Гантман В. И.). М., 1981.
41. *Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф.* Новейшая история США. М., 1980.
42. Союз меча и доллара. Сборник материалов о военно-промышленном комплексе США. Пер. с англ. М., 1973.
43. США: проблемы внутренней политики. М., 1971.
44. США: экономика, политика, идеология, 1973, № 1.
45. *Субоцкий Ю.* Мелкие предприятия в промышленности США. — Мировая экономика и международные отношения, 1980, № 1.
46. *Тейлор М.* Ненадежная стратегия. Пер. с англ. М., 1961.
47. *Тененбаум В. О.* Государство: система категории. Саратов, 1971.
48. *Трофименко Г. А.* Американская литература по вопросам военно-политической стратегии США. — В кн.: Американская историография внешней политики США. 1945—1970. М., 1972.
49. *Трофименко Г. А.* США: политика, война, идеология. М., 1976.
50. *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. М., 1982.
- 50^a *Федосеев П. Н.* Марксизм в XX веке. Маркс, Энгельс, Ленин и современность. М., 1977.
51. *Фурсенко А. А.* Критическое десятилетие Америки. Л., 1974.
52. *Шамберг В. М.* США: проблемы и противоречия государственно-монополистического регулирования экономического роста. М., 1974.
53. *Шейдина И. Л.* США: «фабрики мысли» на службе стратегии. М., 1973.
54. *Шейдина И. Л.* Невоенные факторы силы во внешней политике США. М., 1984.
55. *Шемятенков В.* Консерваторы и либералы: две стратегии спасения капитализма. — Коммунист, 1982, № 13.
56. *Яковлев А. Н.* Идеиная нищета апологетов «холодной войны». М., 1961.
57. *Яковлев А. Н.* Идеология американской «империи». М., 1967.
58. *Яковлев Н. Н.* Преступившие грань. М., 1970.

III

1. *Aaron H. J.* Politics and Professors. The Great Society in Perspective. Washington, 1978.
2. *Abel E.* The Missile Crisis. Philadelphia, 1966.
3. *Abshire D. M.* Foreign Policy Makers; President V. Congress. The Washington Papers 66, 1979.
4. Address on «American Security» by Senator E. M. Kennedy. Chicago Council on Foreign Relations, December 10, 1979 (mimeod).
5. Address Before the American Society of Newspaper Editors, April 20, 1961.— Public Papers. Kennedy, 1961.
6. Alliance for Progress: Official Documents, O.A.S. Document OAE (Ser. H) XIII.I (English) Washington. Pan American Union, 1961.
7. *Allison G. T.* Essence of Decision. Explaining the Cuban Missile Crisis. Boston, 1971.
8. *Anderson J.* The Pentagon Tax: Where It Comes From: Where It Goes. Lansing, Mich., Employment Research Associates, Summer 1981.
9. *Anderson P.* The President's Men. New York, 1968.
10. Aviation Week and Space Technology, July 24, 1961.
11. Background Information Relating to South-East Asia and Vietnam (6th Edition) Committee on Foreign Relations, U. S. Senate. Washington, G. P. O., June 1970.
12. *Barber J.* The Presidential Character. Predicting Performance in the White House. Englewood Cliffs. New York, 1972.
13. *Barnet R.* The Roots of War. New York, 1972.
14. *Bass J. De Vries W.* The Transformation of Southern Politics. Social Change and Political Consequence Since 1945. New York, 1976.
15. Boston Globe, 11.XII. 1978.
16. Boston Globe, 25.III.1981.
17. *Broder D.* Changing of the Guard. Power and Leadership in America. New York, 1981.
18. *Burch Ph.* Elites in American History. The New Deal to the Carter Administration. New York, 1980.
19. *Burnes J. M.* Edward Kennedy and the Camelot Legacy. New York, 1976.
20. *Cummins D. D.* Consensus and Turmoil: The 1950's and 1960's. Benxiger, Beverly Hills, 1972.
21. *Chagall D.* The New King-Makers. An Inside Look at the Powerful Men Behind America's Political Campaigns. New York, 1981.
22. Changing National Priorities. Hearings before the Subcommittee of Government of the Economic Committee, U.S. Congress. Part II. Washington, 1970.
23. *Chester L., Hodson G., Page B.* An American Melodrama. The Presidential Campaign of 1968. New York, 1969.
24. Congressional Quarterly Almanac, vol. XV, 1959, p. 105; vol. XVI, 1960.
25. Congressional Quarterly Almanac, vol. XXIV, 1972.
26. Congressional Record, vol. 110, part 14, 78th Congress, 2nd Session 1964.
27. Congressional Record, May 6, 1965.
28. Congressional Record, June 29, 1973.
29. The Cost and Consequences of Reagan's Military Buildup. New York, CEP, 1982.
30. *Dean J.* Blind Ambition. The White House Years. New York, 1976.

31. Defense Science Board. Washington, 1981.
32. *Demaris O.* The Director. New York, 1975.
33. Department of State Bulletin, April 17, 1961.
34. Department of State Bulletin, May 8, 1961.
35. Department of State Bulletin, July 1961.
36. Department of State Bulletin, August 28, 1961.
37. Department of State Bulletin, December 25, 1961.
38. Department of State Bulletin. October 1, 1962.
39. Documents of on American Foreign Relations, 1962. Ed. by R, Stebbins. New York, 1963.
40. *Donovan J.* The Cold-Warriors. A. Policy-Making Elite. Lexington, Mass, 1974.
41. Dun's Review, December, 1978.
42. Economist, 10.XI.1979.
43. The Emerging Nations. Their Growth and United States Policy. Ed. by Millikan M. and Blackmer D. Boston, 1961.
44. Establishing an Interagency Committee on Economic Impact of Defense and Desarmament, December 6, 1963.—J. F. Kennedy Library, W. Heller Papers, Heller and L. B. Johnson. 1963—1969.
45. Forbes, March 1, 1956.
46. Foreign Policy, Fall 1982.
47. Fortune, December, 1957.
48. Fortune, May 7, 1979.
49. *Fulbright J. W.* Prospects for the West. Cambridge, 1963.
50. *Gallucci R. L.* Neither Peace or Honor: The Politics of American Military Policy in Viet-Nam. Washington, 1975.
51. *Gelb L. H.* (with Betts R. K.). The Irony of Vietnam: The System Worked. Washington, 1979.
52. *Goldwater B.* The Conscience of a Majority. Englewood Cliffs. New York, 1970.
53. *Halberstan D.* The Best and the Brightest. Greenwich, Connecticut, 1973.
54. *Haldeman H. R.* (Wr. Di Mona J.) The Ends of Power. London, 1978.
55. *Harris L.* The Anguish of Change. New York, 1973.
56. *Heard A.* The Cost of Democracy. 1960.
57. Hearings, Senate Judiciary Subcommittee on Separation of Powers, April 10, 1973.
58. Walter Heller to the President, March 24, 1961. Subject: Disarmament Economics.—J. F. Kennedy Library, W. Heller Papers, Kennedy — Johnson Files, Heller and J. F. Kennedy.
59. *Hilsman R.* To Move a Nation. New York, 1967.
60. *Hoffman P.* Lions in the Street. New York, 1972.
61. *Hurt H.* The Hunt Dynasty from Early Oil Days Through the Silver Crash. New York, 1981.
62. *Ickes H.* Inside Struggle. New York, 1954.
63. Impact of War in South-East Asia on the U. S. Economy. Hearings before the Committee on Foreign Relations U. S. Senate, Part I. Washington, 1970.
64. Impeachment of Richard Nixon, President of the United States. The Final Report of the Committee Judiciary, House of Representatives. New York, 1975.
65. International Economic Report of the President.
66. International Affairs, October, 1965.
67. International Herald Tribune, 24—25.III.1984.
68. *Jackson B. C.* Military Expenditures, Growth and Inflation in the Seven Leading Industrial Countries. New York, 1981.

69. *Johnson H.* The Bay of Pigs. New York, 1964.
70. *Johnson L. B.* The Vantage Point. New York, 1971.
71. Joint Communique of President Kennedy and Charles de Gaullie. Paris, June 2, 1961.—Department of States Bulletin, June 26, 1961.
72. *Kail F. M.* What Washington Said: Administration Rhetoric and the Vietnam War. New York, 1973.
73. *Kalb M., Kalb B.* Kissinger. Boston, 1974.
74. *Kennedy E., Hatfield M.* Freeze: How You Can Help Prevent Nuclear War. New York, 1982.
75. *Kennedy Edward M.* Principles of Democratic Party. Common Hopes for the Future.—Vital Speeches of the Day. September 15, 1980, p. 714—717.
76. The Kennedy Circle. Ed. by Tanzek L. Washington, 1961.
77. *Kennedy J. F.* Profiles in Courage (Memorial Edition). New York, 1964.
78. John F. Kennedy. Statement before the Committee on Foreign Relations of the US Senate, February 22, 1951.
79. *Kennedy J. F.* The Strategy for Peace. New York, 1961.
80. *Kennedy J. F.* To Turn the Tide. New York, 1962.
81. *Kennedy R.* Thirteen Days: A Memoir of the Cuban Missile Crisis. New York, 1971.
82. *Kissinger H. A.* The Necessity for Choice: Prospects of American Foreign Policy. New York, 1961.
83. *Kissinger H. A.* Nuclear Weapons and Foreign Policy. New York, 1967.
84. *Kissinger H. A.* The White House Years. Boston, 1979.
85. *Kondracke M.* The Marathon Commences.—New Republic, July 18, 1981.
86. *Koskoff D. E.* Joseph P. Kennedy: A Life and Times. New York, 1974.
87. Life, April 26, 1968.
88. *Lippman T.* Senator Ted Kennedy. The Career Behind the Image. Norton, New York, 1975.
89. Los Angeles Times, 17.VII.1960.
90. Los Angeles Times, 2.IV.1981.
91. *Mackenzie G. C.* The Politics of Presidential Appointments. New York, 1981.
92. *Magdoff H.* The Age of Imperialism. The Economic of US Foreign Policy. New York, 1969.
93. Memoirs of Richard Nixon. New York, 1978.
94. *Meyers J.* (Ed.). John Fitzgerald Kennedy: As We Remember Him. New York, 1965.
95. Moody's Bank and Finance Manual. New York, 1977.
96. *Moskowitz A., Katz M., Levering R.* Everybody's Bussiness. An Almanac. New York, 1980.
97. The Nation, February 17, 1979.
98. National Journal, January 27, 1979.
99. National Journal, November 26, 1980.
100. *Nixon R. M.* Cuba, Castro and John F. Kennedy.—Reader's Digest, November, 1964.
101. The New York Review of Books, April 15, 1982.
102. New York Times, 28.XI.1961.
103. New York Times, 18.VII.1962.
104. New York Times, 29.XI.1979.
105. New York Times, 31.I.1982.
106. New York Times, 7.II.1982.
107. New York Times, 15.VII.1982.

108. Newsweek, 17.VII.1968.
109. Newsweek, 28.V.1979.
110. Newsweek, 6.VIII.1979.
111. Newsweek, 2.VIII.1982.
112. The Next Phase in Foreign Policy. Washington, 1973.
113. *O'Donnel K., Powers D.* Johnny, We Hardly Knew You. Boston, 1972.
114. *Opatowsky S.* The Kennedy Government. New York, 1961.
115. *Parenti M.* Democracy for the Few. New York, 1974.
116. *Parment H. S.* The Struggles of John F. Kennedy. New York, 1980.
117. Pentagon Papers: The Defense Department of United States Decision – Making on Viet-nam. Ed. by Senator Gravel, vol. 2. Boston.
118. *Pious R.* The American Presidency. New York, 1979.
119. The Presidential Campaign 1976, vol. 1, Jimmy Carter. Washington, G. P. O., 1978.
120. Prospects for America. The Rockefeller Panel Reports. New York, 1961.
121. Public Law 93–148, 93d Congress, H. J. Res. 542, November 7, 1973.
122. Report of the Secretary of Defense Caspar W. Weinberger to the Congress on FY 1983 Budget.
123. Report of the Select Committee on Assassinations, U.S. House of Representatives, 95th Congress, 2nd Session. Washington, 1979.
124. Resolution of the United Nations Security Council, Adopted February 21, 1961 (UN Document S/4741).
125. Resolution of the Security Council, Adopted June 9, 1961 (UN Document S/4835).
126. *Rosenbaum R.* Elegy for Mumbo.—Esquire, September, 1977.
127. *Sale K.* Power Shift. The Rise of the Southern Rim and its Challenge to the Eastern Establishment. New York, 1975.
128. *Salinger P.* With Kennedy. New York, 1966.
129. The SALT II Treaty. Hearings before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, 96th Congress, 1st Session, Parts 1–5. Washington, 1979.
130. *Schlesinger A. M.* Robert Kennedy and His Times. New York, 1978.
131. *Schlesinger A. M.* Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. New York, 1967.
132. Security Agreements and Commitments Abroad. Report to the Subcommittee on Security Agreements and Commitments Abroad of the Senate Committee on Foreign Relations. Washington, 1970.
133. Senator Edward M. Kennedy Address to the Chicago Council on Foreign Relations, October 23, 1978.
134. Senator Edward M. Kennedy. Speech at the University of California, April 15, 1975.
135. *Shoup L., Minter W.* Imperial Brain Trust. The Council on Foreign Relations and the United States Foreign Policy. New York, 1977.
136. *Sidey H.* John F. Kennedy. Portrait of a President. New York, Harper, 1964.
137. *Silk L., Silk M.* The American Establishment. New York, 1980.
138. *Sorensen T.* Kennedy. New York, 1965.
139. *Sorensen T. C.* Watchmen in the Night. President Accountability after Watergate. Cambridge, Mass., 1975.
140. Special Analysis, Budget of the United States Government, F. Y., 1980. Washington, G. P. O., 1979.

141. Statistical Abstract of the United States 1979.
142. *Stebbins R.* The United States in World Affairs 1961. New York, 1962.
143. *Stossinger J. G.* The Might of Nations.
144. Strategy for the 60's. Summary and Analysis of Studies Prepared by 13 Foreign Policy Research Centres for the United Senate. Es. by Corf. J. H., Pozen W. New York, 1960.
145. *Taylor M. D.* Swords and Plowshares. New York, 1972.
146. Time, 29.V.1964.
147. Time, 14.V. 1973.
148. Time, July 30, 1979.
149. Time, March 2, 1981.
150. U. N. Documents S/5187, October 23, 1962.
151. U. N. Documents S/5190, October 24, 1962.
152. U. N. Documents S/PV.1024, October 24, 1962.
153. U. S. Census of Population, 1950, vol. II, Characteristics of the Population. Part I, Table 123.
154. U. S. News and World Report, August 4, 1969.
155. U. S. News and World Report, September 18, 1978.
156. U. S. News and World Report, June 3, 1980.
157. The U. S. Treaties in Force. Washington, 1972.
158. *Valenti J.* A Very Human President. New York, 1975.
159. Wall Street Journal, June 15, 1960.
160. Washington Post, 11.II.1975.
161. Washington Post, 11.III.1981.
162. Washington Post, 6.X.1981.
163. Washington Post, 9.II.1982.
164. Washington Star, 7.XII.1979.
165. *Watters P.* Down to Now. New York, 1971.
166. *Whalen R. J.* Catch the Falling Flag. Boston, 1972.
167. *Whalen R. J.* The Founding Father: The Story of Joseph P. Kennedy. New York, 1964.
168. *White T.* The Making of the President 1960. New York, 1961.
169. *White T.* Preach of Eaith. The Fall of Richard Nixon. New York, 1975.
170. *Wills G.* The Kennedy Imprisonment: A Mediation on Power. Atlanta, 1982.
171. *Yarmolinsky A.* The Kennedy Talent Hunt.— The Reporter, vol. 24, 1961.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Семья Кеннеди	5
Раздел I. Джон Ф. Кеннеди — тридцать пятый президент США	
Глава I. Начало политической деятельности	11
Глава II. Сенатор от Новой Англии	26
Глава III. Предвыборная кампания 1960 года	36
Глава IV. США к началу 60-х годов: настроения, перспективы и движущие силы	70
Глава V. Концепция «новых рубежей»	102
Глава VI. Формирование администрации и ее облик	113
Глава VII. Авантюра в заливе Свиней	133
Глава VIII. Военно-политические установки администрации Кеннеди и проблемы разоружения	152
Глава IX. Международные контакты на высшем уровне: Париж и Вена	165
Глава X. Берлинский кризис августа 1961 года и его последствия	179
Глава XI. Карибский кризис	188
Глава XII. Вьетнамская политика Кеннеди	222
Глава XIII. Администрация Кеннеди и развивающиеся страны	235
Глава XIV. Внутриполитические проблемы	254
Глава XV. В поисках выхода из тупика конфронтации	262
Глава XVI. Убийство в Далласе	274
Раздел II. Роберт Кеннеди — человек, который не стал президентом	
Глава XVII. Генеральный атторней	281
Глава XVIII. Конфликт между президентом Джонсоном и Робертом Кеннеди по проблемам латиноамериканской политики США	289
Глава XIX. Р. Кеннеди в период нового этапа эскалации американской агрессии во Вьетнаме	297
Глава XX. Внутренние социальные проблемы в деятельности сенатора Р. Кеннеди	309

Глава XXI. Развертывающееся антивоенное движение и политические маневры Р. Кеннеди	313
Глава XXII. Решение о вступлении в борьбу за президентский пост	319
Глава XXIII. В борьбе за президентство	324
Раздел III. Эдвард Кеннеди — сенатор и...?	
Глава XXIV. Политический дебют	343
Глава XXV. Э. Кеннеди в политической жизни США конца 60-х — начала 70-х годов	350
Глава XXVI. «Уотергейтский кризис»	368
Глава XXVII. Подготовка к битве за Белый дом	392
Глава XXVIII. Президентские выборы 1980 года	420
Глава XXIX. Политическая жизнь США начала 80-х годов	438
Заключение	468
Использованные документы, материалы и литература	471

Анатолий Андреевич Громько
 Андрей Афанасьевич Кокошин

БРАТЯ КЕННЕДИ

Заведующий редакцией А. Л. Ларионов
 Редактор З. В. Макарова
 Младший редактор А. П. Овсенян
 Оформление художника И. А. Слюсарева
 Художественный редактор А. М. Павлов
 Технические редакторы Н. Ф. Федорова, Т. Г. Сергеева
 Корректоры Ч. А. Скруль, В. С. Матвеева, З. В. Одина

ИБ № 2744

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.07.85. А 04016. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура таймс. Высокая печать. Усл. печатных листов 25,2. Усл. кр.-отг. 25,2. Уч.-изд л. 27,94. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1439. Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Набрано в ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградском производственно-техническом объединении «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Московской типографии № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 113105, Нагатинская ул., д. 1. Зак. 1262.